У(С)17
А 81

В. И. ДУЛОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТУВЫ

XIX – НАЧАЛО XX В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

В. И. ДУЛОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТУВЫ

XIX–НАЧАЛО XX В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1956

Ответственный редактор

доктор исторических наук

С. А. Токарев

ПРЕДИСЛОВИЕ

В октябре 1944 г. в состав Союза Советских Социалистических Республик по единодушному желанию всего тувинского народа вошла Тувинская Народная Республика. Вхождение Тувы в семью советских народов не было случайным, оно было продиктовано всем ходом исторического развития Тувы и явилось величайшим событием в жизни тувинского народа.

Многие столетия тувинские племена подвергались насилию и жестокой эксплуатации со стороны иноземных захватчиков. Уже первые упоминания в китайских летописях о племени «Дубо», в котором исследователи обычно видят предков современных тувинцев, свидетельствуют о его зависимости от чужеземцев [1]. С тех пор на протяжении более тысячелетия тувинские племена переходили из рук в руки, от одного завоевателя к другому, будучи не в силах освободиться от зависимости внешних врагов.

Тяжелым бременем лег на плечи тувинских племен гнет маньчжурских завоевателей, владевших Верхним Енисеем с середины XVIII до начала XX в. Систематические поборы и непосильные налоги, эксплуатация народа продажными тувинскими феодалами, паразитизм лам и шаманов, насилия и издевательства местной администрации — все это ввергало тувинцев в нищету и обрекало их на вырождение и вымирание.

Тувинскому народу грозила гибель, которая постигла некоторые другие народы в результате колониального угнетения. Спасла тувинских трудящихся от вымирания Великая Октябрьская социалистическая революция в

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М.— Л., 1950, стр. 348, 354.

России. Однако прежде чем попасть в сферу непосредственного воздействия великой русской революции, Тува пережила длительный период постепенного сближения с Россией, которое в конечном итоге и предопределило дальнейшую судьбу тувинских племен.

Еще в XVII в. владетели Тувы — алтын-ханы искали русского покровительства. Между правителями Тувы и Россией происходил частый обмен посольствами. После того, как в 80-х годах XVII в. Тува была захвачена Джунгарией, а в середине XVIII в. ее покорили, вопреки русско-китайским договорам 1727 г., маньчжуры, прямые политические сношения России с Тувой были прекращены. Но между жителями пограничных областей Сибири и тувинцами торговые связи не только не прекращались, но с течением времени росли и крепли. Во второй половине XIX в. с усилением развития капитализма в России русский капитал проник в область Верхнего Енисея. Вместе с тем с 1880-х годов стихийно началась русская крестьянская колонизация Тувы, еще более увеличившаяся в 1900-х годах.

Усиление экономических связей России с Тувой несомненно имело прогрессивное значение для Тувы. В то время как русский купец, в полной мере используя порядки, установленные в Туве маньчжурскими завоевателями и пользуясь поддержкой продажной тувинской знати, вместе с китайским торговцем грабил тувинский народ, русский рядовой переселенец-крестьянин (середняк, бедняк, батрак) и рабочий на золотых приисках приносили более рациональные способы хозяйствования и более высокую культуру. Усвоение последних помогло тувинцам сопротивляться усиливавшемуся наступлению китайского и русского торгового капитала.

Самое же главное заключается в том, что с дальнейшим сближением Тувы с Россией в пограничные области проникали революционные идеи. Под непосредственным влиянием первой русской революции 1905—1907 гг. в 1911 г. произошла революция в Китае, в ходе которой китайский народ уничтожил Цинскую династию и установил республику. Китайская революция 1911 г. вызвала активное национально-освободительное движение на окраинах китайской империи. Тувинские трудящиеся, воодушевленные революционным примером китайского

народа, вместе с монгольским народом в 1912 г. ликвидировали господство китайских феодалов. В 1914 г. русское правительство установило протекторат над Тувой. Присоединение Тувы к России в 1914 г. оказало решающее влияние на последующую жизнь тувинского народа.

Октябрьская социалистическая революция, являющаяся величайшим рубежом в истории человечества, спасла тувинский народ от вырождения и покончила с колониальным господством в Туве. Тувинские племена вступили на путь объединения и формирования в единый народ. Национально-освободительная революция 1921 г., совершенная тувинцами при непосредственной помощи русского пролетариата, союзником которого в Туве были русские крестьяне-бедняки и батраки, привела к образованию Тувинской Народной Республики.

Тувинский народ, получая планомерную и систематическую помощь Советского Союза, усваивая опыт советского народа, за короткий исторический срок далеко продвинулся в своем развитии. Рассматривая вопрос о путях перехода отсталых стран к коммунизму, В. И. Ленин писал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [2].

К 1944 г., т. е. за 23 года своего развития после революции, постоянно поддерживая и укрепляя братскую дружбу с СССР, тувинский народ уничтожил патриархально-феодальный строй, в острой классовой борьбе ликвидировал феодальный класс, создал новые социальные отношения и построил новый демократический политический порядок и новую государственность, развил свою культуру на основе марксистско-ленинской идеологии. За эти годы в Туве возникли промышленные предприятия, получило развитие земледелие, выросло скотоводство. С помощью советского народа были созданы школьное дело, литература, печать.

Великая Октябрьская социалистическая революция и всемирно-исторические победы социализма в СССР влили в тувинский народ чудодейственную силу возрождения. Веками лежавшие под спудом способности, энергия народа получили полный простор для своего выявления.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

За годы Великой Отечественной войны еще больше окрепла связь между Тувой и СССР. Тувинский народ принял самое активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, так как хорошо сознавал, что фашизм — общий враг всего прогрессивного человечества.

17 августа 1944 г. тувинский народ обратился к Верховному Совету СССР с просьбой принять Туву в состав Советского Союза. 11 октября 1944 г. это ходатайство было удовлетворено, и Тува вошла в состав СССР на правах автономной области РСФСР.

Перед тувинским народом открылись широкие перспективы материального и духовного развития. В последние десять лет усиленно шло и сейчас завершается социалистическое переустройство сельского хозяйства Тувы, быстро растет ее социалистическая промышленность, расцветает культура тувинского народа. В результате развития промышленности возник и растет рабочий класс, класс, которого Тува раньше не знала и который цементирует весь тувинский народ в единую социалистическую нацию.

Навсегда исчезла захолустная Тува, населенная безвестным народом. Советскую социалистическую Туву хорошо теперь знают в дружной семье народов СССР и стран народной демократии.

Исторический путь тувинского народа весьма поучителен. Выдающиеся успехи тувинского народа выражают торжество национальной политики Коммунистической партии. Они наглядно подтверждают подлинно цивилизующее влияние нашей социалистической родины на отсталые народы всех стран мира.

Тувинский народ — самый молодой представитель семьи советских народов. Советская историческая наука, как мы это увидим в следующей главе, хотя и занималась изучением его прошлого, но далеко не в достаточной мере, так что в историческом отношении он пока остается наименее изученным из народов СССР. Понятно поэтому, что изучение истории Тувы с марксистских позиций является одной из актуальнейших задач советской исторической науки, тем более, что историческое развитие Тувы существенно отличается от исторических путей многих других народов советской страны. Тува являет собой пример пути развития к социализму, минуя капитализм.

Поэтому чрезвычайно актуально исследование истории Тувы последних 30 лет ее существования, как более насыщенной важнейшими историческими событиями, представляющей важное историческое и теоретическое значение. Следует сказать, что в этом отношении сделаны известные шаги: советские историки собрали богатый материал и усиленно изучают этот период тувинской истории.

Однако исследование исторического прошлого тувинского народа должно идти широким фронтом, охватывая весь исторический путь тувинцев от далекого прошлого и до современности. История Тувы последнего тридцатилетия не может быть понята без изучения предшествующего периода. Короче говоря, задача заключается в том, чтобы исследовать историю Тувы в ее хронологической последовательности с древнейших времен и до наших дней.

Автор поставил целью изучить историю Тувы периода XIX — начала XX в. (до 1917 г.), когда складывались предпосылки коренного поворота в ходе истории тувинского народа.

Центральной проблемой изучения истории Тувы этого периода является выяснение характера социально-экономических отношений и их развития. Эта задача весьма сложна из-за недостатка исторических документов и слабой разработки этих вопросов в исторической литературе.

Избирая предметом своего исследования социально-экономическую историю Тувы XIX — начала XX в., автор руководствовался следующими соображениями.

1. Марксизм-ленинизм, установивший на основе глубокого изучения истории человеческого общества наиболее общие законы исторического развития, требует творческого применения их для исследования истории отдельного народа. Раскрытие конкретных закономерностей исторического развития — коренное требование марксистско-ленинской исторической науки.

2. Социально-экономическое развитие народа составляет основу всего его исторического процесса, поэтому исследование материального производства и производственных отношений данного периода имеет первостепенное значение для понимания и всех других сторон его прошлого — политической истории, культуры и т. д.

3. Исследование социально-экономической истории Тувы XIX — начала XX в., важное для понимания прошлого тувинского народа, имеет большое познавательное значение и для уяснения закономерностей и особенностей социального развития вообще кочевых скотоводческих народов.

Задача заключается в том, чтобы изучить развитие экономики Тувы и объяснить характер социальных отношений и их изменения на протяжении XIX — начала XX в. (до 1917 г.), установить формы и характер классовой борьбы и национально-освободительного движения тувинцев в этот период.

В прямой связи с поставленной проблемой и как ее составная часть выдвигается задача выяснить степень влияния русской экономики на социально-экономические процессы, происходившие в Туве, а для этого надлежит восстановить историю русской колонизации Тувы и определить сущность экономических взаимоотношений дореволюционной России с Тувой и значение их для судеб тувинского народа. Предлагая вниманию читателя эту книгу, автор отдает себе ясный отчет в том, что собранные им материалы далеко не являются исчерпывающими, что отдельные вопросы освещены недостаточно полно. В частности, автору не удалось из-за отсутствия необходимых источников глубоко изучить вопрос о феодальном характере землевладения в дореволюционной Туве, о характере и особенностях тувинской общины. Решение ряда других вопросов является предварительным. Окончательное решение станет возможным в ходе дальнейшего их изучения на основе привлечения новых архивных и других исторических источников.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность коллективам сотрудников Института истории АН СССР и Тувинского НИИЯЛИ, проф. С. А. Токареву, члену-корр. АН СССР С. В. Киселеву, проф. Л. П. Потапову, действительному члену АН Латвийской ССР проф. Я. П. Крастынь, проф. М. К. Рожковой, сделавшим ценные замечания по работе, а также многим другим лицам и учреждениям, оказавшим содействие в подготовке этой книги.

Глава первая

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТУВЫ

1. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Буржуазные ученые игнорировали историю тувинского народа, о нем писалось лишь в связи с практическими потребностями или для выяснения истории смежных с Тувой областей.

До революции только русская наука занималась прошлым Тувы, что объяснялось общим интересом русских ученых к Центральной Азии. Истории тувинцев в своих трудах попутно касаются выдающийся русский синолог Бичурин (Иакинф) [1], А. М. Позднеев [2], Д. М. Позднеев [3], Г. Н. Потанин [4]; специально работали над отдель-

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I и II. М.— Л., 1950; т. III (приложения). М.— Л., 1953. (Далее: «Собр. сведений...»); его же. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. (Далее: «Историч. обозрение ойратов...»).

[2] А. М. Позднеев. Монголия и Монголы, т. I и II. СПб., 1896; его же. Очерки быта буддийских монастырей в Монголии. Записки Императорского Русского географического об-ва (далее: ИРГО) по отделению этнографии, 1887, т. XVI. (Далее: «Очерки быта...»); его же. Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихе». СПб., 1883.

[3] Д. М. Позднеев. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.

[4] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III и IV. СПб., 1883; его же. Памятники древности в северо-западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 году. «Древности», Труды Московского археологического об-ва. М., 1885, т. 10, стр. 50—57. (Далее: «Памятники древности...»).

ными проблемами прошлого Тувы В. Л. Попов [5], В. Н. Васильев [6], В. М. Родевич [7] и др.

Многие из указанных авторов занимались такими вопросами истории Тувы, которые имели отношение к внешней политике России в Центральной Азии, в частности, к истории русско-китайских отношений. Так, они немало написали о пограничном вопросе, который получил в свое время весьма злободневный характер. Некоторое внимание уделялось истории русской торговли в Туве, крестьянской колонизации и другим вопросам.

Особое место в дореволюционной литературе о Туве занимают труды и исследования Е. К. Яковлева, Ф. Я. Кона и В. А. Ватина-Быстрянского.

Яковлев [8], не будучи специалистом в области этнографии, сделал полную для своего времени сводку этнографического материала о народах Верхнего Енисея, в том числе и о тувинцах. На основе литературных источников, этнографических коллекций Минусинского музея и рассказов сведущих людей, он описал хозяйство тувинцев, их жилища, одежду, обычаи, религиозные представления, общественное устройство, подати и повинности, отношение к русским. Работа Яковлева пронизана подлинным гуманизмом.

Большой вклад в исследование Тувы сделал известный ученый и революционер Ф. Я. Кон, который во время своего длительного пребывания в сибирской ссылке интенсивно занимался сибиреведением, в частности этнографией народов Восточной Сибири (якутов, тувинцев). Находясь в Минусинске, он принимал самое активное участие в научной жизни, в работе местного музея, сотрудничал по научным вопросам как в местной сибирской, так и центральной прессе.

---

[5] В. Л. Попов. Урянхайский край. Иркутск, 1913.

[6] В. Н. Васильев. Урянхайский пограничный вопрос. «Журнал министерства народного просвещения», 1912. Новая серия, ч. XXXVIII, 4. отд. 4, стр. 55—103.

[7] В. М. Родевич. Очерки Урянхайского края. СПб., 1910. (Далее: «Очерки...»); его же. Урянхайский край и его обитатели. Изв. ИРГО, т. XLVIII, стр. 129—188. (Далее: «Урянхайский край...»).

[8] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. (Далее: «Этнографический обзор...»).

К Туве и к граничившему с ней Усинскому округу он проявил живой интерес. Кона привлекала этнография народов, населявших эти области, их география и история.

Ф. Я. Кону принадлежит первая попытка дать общий краткий исторический очерк изучения Верхнего Енисея. Однако этот очерк не совсем полон [9] и, к сожалению, дан вне связи с общим развитием русской исторической и географической науки.

Ф. Я. Кону принадлежит заслуга исследования большого архивного материала, хранившегося в Усинском пограничном управлении, опираясь на который он подробно восстановил картину заселения р. Усы старообрядцами, раскрыл взаимоотношения старообрядцев и тувинцев, отношение к старообрядцам царской власти, внутренний строй раскольнической общины, созданной Иваном Афанасьевичем Липиным.

В очерке «Усинский край» он довольно подробно остановился на истории русско-тувинских отношений. Правда, все замечания Кона по истории Тувы не приведены в систему и не получили законченного и четкого выражения. Тем не менее ряд его оригинальных соображений, сопоставлений, выводов и установленных им фактов может быть использован для построения тувинской истории.

Важный этап в изучении Тувы составляют специальные этнографические исследования Ф. Я. Кона.

Этнографические исследования Тувы, которые проводились до Кона, были лишь более или менее серьезными разведками в данной области. Это относится и к экспедициям Потанина и Катанова.

Кон посвятил изучению тувинцев два года (1902—1903). Ему удалось обследовать все основные районы Тувы, чего до него не сделал ни один исследователь. К сожалению, Ф. Я. Кон смог напечатать лишь предварительный

---

[9] Ф. Я. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902). Казань, 1902. (Далее: «Исторический очерк...»); его же. Усинский край. Записки Красноярского подотдела Восточносибирского отделения ИРГО (далее ВСОИРГО) по географии, т. II, вып. 1, Красноярск, 1914. На эту книгу есть рецензия В. А. Ватина в «Сибирском архиве» за 1915 год, № 10, стр. 483—488.

отчет [10] о результатах этой экспедиции. Впоследствии, в годы мировой войны, часть полевых записей и дневников, особенно за первый год путешествия, была потеряна, а вышедшая в полном собрании сочинений Ф. Я. Кона «Экспедиция в Сойотию» не могла компенсировать утрату этих ценных материалов [11]. В своих исследованиях Кон развертывает широкую картину жизни тувинского народа и вводит читателя во многие дотоле неизвестные уголки этой жизни. Он более подробно, чем его предшественники, показывает хозяйственные занятия тувинцев (охоту и рыболовство, скотоводство, земледелие, ремесло), административное управление, суд и наказания. В его работе мы находим ценные сведения о жилище, пище и питье, буддизме и шаманизме в Туве, народных развлечениях и народных празднествах, вопросах родовых отношений, семьи и брака, отношения к женщине и др. Описания его строго документированы, факты тщательно проверены, и большинство из них не вызывает никаких сомнений. В своих работах Кон показывает дикую, жестокую эксплуатацию, произвол и насилие китайских и тувинских чиновников над народом.

Ф. Я. Кон тщательно отмечал факты русского влияния на быт и жизнь тувинцев.

Яковлев и Кон первыми взялись за решение проблемы сущности и характера социального строя Тувы. Однако их решение нельзя считать удовлетворительным, так как оба они придавали слишком большое значение в жизни тувинцев конца XIX — начала XX в. патриархально-родовым отношениям.

Е. К. Яковлев первый в литературе коснулся этого предмета в связи с предпринятым им исследованием быта и обычаев тувинцев, в частности явления массовой кражи скота, обычая «уджа» и др. [12]. Сообщение Е. К. Яковлева, а также и другие сведения о родовых отношениях у

---

[10] Ф. Я. Кон. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. Изв. ВСОИРГО, 1903, XXXIV, № 1, стр. 19—68. (Далее: «Предварительный отчет...»).

[11] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. Собрание сочинений, т. III. М., 1934. (Далее: «Экспедиция в Сойотию...»); рецензии: В. Богданова в «Советской этнографии» (1934, 5, стр. 125—127) и Х. Сейфулина в «Революционном Востоке», 1934, 3, стр. 222—223.

[12] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 94 и сл.

тувинцев, проникшие в печать, оказали значительное влияние и на взгляды Ф. Я. Кона. Последнему принадлежит серьезная заслуга в выявлении и объяснении многих реликтов родовой организации тувинцев. Однако увлеченный своей задачей изучить пережитки родовых отношений, Кон рисует такую картину общественных отношений в Туве, которая не оставляет сомнений в том, что он считает тувинское общество еще доклассовым, хотя не отрицает наличия богатых и бедных тувинцев и даже приводит множество фактов, свидетельствующих о резком имущественном различии у тувинцев, разнице положения в быту и во всем жизненном укладе у эксплуататоров и эксплуатируемых.

Таким образом, Яковлев и Кон, сосредоточив свое внимание на изучении родовых отношений, признают вместе с тем факты, которые характеризуют разложение этой системы общественных отношений, обнаруживают ряд типичных форм классовой эксплуатации и т. п. В этом случае они пошли дальше большинства дореволюционных исследователей Тувы, которые, не вдаваясь, впрочем, в глубокое изучение этого вопроса, изображали жизнь тувинцев как примитивно-первобытную, где будто бы полностью сохранялись патриархально-родовые обычаи и порядки.

Теория «родового строя» у тувинцев была господствующей в дореволюционной литературе. Следствием такого представления об общественной организации было признание социального равенства у этого народа. А идеализация родовых отношений у тувинцев объективно была наруку эксплуататорам, которые и без того стремились скрыть классовое расслоение и классовый антагонизм внутри тувинского общества. Единственным ученым, который еще в дореволюционное время высказал противоположный взгляд на социальные отношения у тувинцев, был В. А. Ватин-Быстрянский.

В работах Ватина-Быстрянского [13] содержатся ценные наблюдения для написания истории тувинского народа

[13] В. А. В а т и н. Минусинский край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913. (Далее: «Минусинский край...»); е г о ж е. Новая книга об Усинском крае Ф. Кона. «Сибирский архив», 1915, кн. 10, стр. 483—488; е г о ж е. Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого века. «Сибирский студент», 1915, 7—8, стр. 85—104. (Далее: «Урянхайский вопрос...»).

с марксистской точки зрения. Им впервые был вскрыт классовый характер так называемого урянхайского вопроса. Он первый в исторической литературе раскрыл истинные цели экспансии царизма в Туве и смело — насколько это позволяла подцензурная печать — разоблачал ее. Он показал эксплуатацию русскими купцами тувинцев, правильно отметил, что инициатива создания Усинского пограничного округа принадлежит торговому капиталу.

Ватин-Быстрянский по-новому поставил вопрос и о социальных отношениях у тувинцев. Он в сокращенном виде опубликовал на русском языке работу геолога Чихачева, одного из первых русских путешественников, посетившего в 1842 г. тувинцев, живших по р. Алашу. Приводя сообщение Чихачева об организации управления Тувой, Ватин-Быстрянский замечает, что оно указывает на «существование своего рода феодальных отношений» в Туве [14].

К сожалению, этим указанием дело и ограничилось. К тому же, как мы видим, Ватин-Быстрянский выводил свое заключение о наличии феодальных отношений у тувинцев не из фактов их социальной жизни, а из политической организации управления Тувой.

2. РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ТУВЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Систематическое изучение истории Тувы началось только в советское время. Уже в 20-х годах на русском языке появился ряд книг и статей о прошлом Тувы (Сафьяновы, Леонов и др.), посвященных выяснению и описанию отдельных периодов ее истории. Авторами этих работ введены в научный оборот новые архивные материалы, высказаны некоторые новые соображения и сделаны интересные обобщения.

В 1930 г. было завершено издание фундаментального трехтомного труда Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» [15]. Труд Г. Е. Грумм-Гржи-

[14] В. А. Ватин. Сойоны в начале 40-х годов прошлого столетия. «Сибирский архив», 1916, кн. 1, стр. 1—7.

[15] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. I. СПб., 1914; т. II. Л., 1926; т. III, вып. 1. Л., 1926; т. III, вып. 2. Л., 1930.

майло представляет собой настоящую энциклопедию знаний о Западной Монголии и Туве, он всесторонне освещает их в физико-географическом, экономическом и политическом отношениях. В области естественно-исторических знаний автор сделал важные для науки выводы. Историческая же часть труда Грумм-Гржимайло — наиболее слабая часть его монографии. Она носит поверхностный характер, мало оригинальна и тенденциозна. Да и собственно тувинской историей автор слабо интересуется. Он рассматривает различные вопросы прошлого Тувы изолированно друг от друга, опуская многие кардинальные исторические проблемы. Например, довольно подробно описывая хозяйственные занятия тувинцев (что имело большой практический смысл), он в то же время оставляет без внимания социальные отношения в Туве, классы и классовую борьбу и другие вопросы. Как ученый с идеалистическим мировоззрением, Грумм-Гржимайло не видит никакой связи явлений в тувинском историческом процессе, закономерности в его развитии.

Исторический очерк Грумм-Гржимайло пестрит именами завоевателей, императоров, ханов, джеланов, огурд. Целые страницы посвящены детальному выяснению родословных второстепенных монгольских и ойротских нойонов, но в нем нет подлинного творца истории — народа.

Неправильно трактуется Грумм-Гржимайло один из героических периодов тувинской истории — восстание тувинцев против маньчжурских завоевателей в XVIII в. Он рассматривает его как измену урянхайского князя Ценгун-чжаба «традиционной политике урянхайских князей», всегда, якобы, преданных маньчжурским императорам [16]. Ничего не говорит Грумм-Гржимайло и о борьбе тувинского народа против маньчжурского гнета в 1912 г. Игнорируя факты этой героической борьбы тувинцев, он не понимает и отрицательного значения маньчжурского ига для тувинского народа.

Неправильно изображены Грумм-Гржимайло основные вехи в русско-тувинских отношениях XIX—XX вв. Вся политика царизма по отношению к Туве находит полное и горячее сочувствие и теоретическое оправдание в труде Грумм-Гржимайло.

---

[16] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. II, стр. 708.

Г. Е. Грумм-Гржимайло — и в этом заключается его заслуга — подробно изложил историю развития русской торговли в Туве, но нельзя согласиться с тем, как он трактует ее значение для тувинского народа. Вопреки фактам, он безоговорочно оправдывает всю деятельность русских купцов в Туве.

Грумм-Гржимайло был, собственно, последним ученым, настаивавшим на том, что у тувинцев «удержался еще родовой строй» [17].

Начало 30-х годов было переломным моментом в истории Тувинской Народной Республики, ознаменовавшимся наступлением нового периода в ее развитии.

Пробравшиеся ранее в руководство Тувинской народно-революционной партии феодально-нойонские и карьеристские элементы стремились всячески затормозить развитие Тувинской Народной Республики, оторвать ее от Советского Союза и укрепить буржуазный строй в Туве с сохранением феодальных пережитков. Эти элементы прилагали все усилия к тому, чтобы совместно с разбитыми феодально-теократическими элементами Монголии связаться с империалистическими кругами Японии и ликвидировать в Монгольской и Тувинской народных республиках народную власть и установить там господство эксплуататоров.

Тувинская народно-революционная партия успешно справилась с право-националистической опасностью в своих рядах, сплотила широкие массы тувинского аратства, разгромила правое руководство и решительно принялась за ликвидацию феодально-теократических элементов в стране. Это имело своим результатом дальнейшее укрепление связей тувинского народа с Советским Союзом. По просьбе тувинского правительства советские ученые помогли тувинцам всесторонне изучить свою страну. С 1930 г. советские научные учреждения провели ряд научных экспедиций, цель и организация которых коренным образом отличаются от экспедиций, проводившихся в дореволюционное время.

Советские научные экспедиции имели своей задачей оказание непосредственной научно-практической помощи тувинскому народу в перестройке его хозяйства и куль-

[17] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. II.

туры на новых началах. Они должны были помочь Туве в ее экономическом и культурном развитии по пути к социализму, минуя капитализм. Опираясь на высокие достижения советской науки и безграничную поддержку тувинских аратов, которые высоко ценили эту форму помощи Советского Союза, советские научные экспедиции добились серьезных результатов в деле исследования Тувы. В итоге деятельности этих многочисленных советских экспедиций впервые в истории тувинского народа появилось полное статистическое описание хозяйства и населения Тувы [18], была создана тувинская письменность и т. п. [19]. Крупные многолетние исследования провели сотрудники экспедиции Сельскохозяйственной академии им. Ленина [20], большие работы вели геологи, географы, зоологи и другие специалисты.

Результатом этих экспедиций была и серьезная монография Р. М. Кабо «Очерки истории и экономики Тувы», излагающая историю Тувы до 1917 г. [21]. Готовя свою работу к печати, автор правильно исходил из тех соображений, что без верного представления о прошлом Тувы нельзя «прийти к правильному пониманию конкретных задач революционной борьбы и строительства в современной Туве» [22]. Необходимость глубокого и научного изучения прошлого Тувы диктовалась потребностями жизни, задачами социального и культурного преобразования, которые стояли на пути ликвидации вековой отсталости Тувы и ее

[18] Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года, М., 1933. (Далее: «Перепись 1931 г...»); см. также П. П. Маслов. Конец Урянхая. М., 1933.

[19] А. А. Пальмбах. Введение национальной письменности в Туве. «Революция и письменность», 1932, 4—5, стр. 165—177; его же. К празднику национальной культуры в Туве. «Революционный Восток», 1935, 2, стр. 162—173.

[20] Многочисленные рукописи, представляющие результаты работы этой экспедиции, хранятся в Тувинском НИИЯЛИ. Со времени этой экспедиции работает созданная ее сотрудниками Чаданская опытная сельскохозяйственная станция.

[21] Р. М. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы, ч. 1. Дореволюционная Тува. М.—Л., 1934. (Далее: «Очерки...»). Представляет также интерес его работа «Общественно-экономический строй дореволюционной Тувы» («Революционный Восток», 1931, № 11—12, стр. 47—75). Свои основные положения о социально-экономическом строе Тувы Р. М. Кабо высказал еще в 1931 г. в докладе на пленуме Общества по изучению стран Центральной Азии.

[22] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 4.

быстрого развития по некапиталистическому пути к социализму.

Появление книги Р. М. Кабо не было случайным и в другом отношении. В 1930 г., как уже говорилось, закончилось печатание книги Г. Е. Грумм-Гржимайло. Но экспедиции 30-х годов дали такие обширные и всесторонние научные материалы, что труд Грумм-Гржимайло по своему фактическому содержанию сохранил лишь значение сводки данных прежних исследователей. Историческая же и политическая концепция этого труда служила теоретическим орудием для антинародной, реакционной политики феодально-теократических элементов Тувы. Поэтому марксистско-ленинское исследование основных проблем тувинской истории было актуальной необходимостью. Р. М. Кабо поставил перед собой совершенно верную задачу: опираясь на труды классиков марксизма и привлекая неиспользованные источники, написать подлинную историю тувинских трудящихся. Работа Р. М. Кабо выгодно отличается от всех других работ по истории Тувы и как первый опыт глубокого анализа ее основных вопросов и как первая попытка дать развернутое и систематическое изложение прежде всего социально-экономической истории Тувы в дореволюционный период. Р. М. Кабо шире, чем предшествующие историки, привлек для исследования материалы центральных советских архивов. Он использовал также результаты своей двухкратной поездки в Туву в 1930 и 1931 гг.

Р. М. Кабо интересуют следующие проблемы истории Тувы. Основные черты тувинского феодализма, проникновение торгово-ростовщического капитала в Туву, русский «военно-феодальный» империализм и его колонизаторская деятельность в Туве, оккупация Урянхая русским царизмом, экономические взаимоотношения дореволюционной Тувы с царской Россией (к вопросу о неэквивалентности обмена). Однако социологический подход автора к истории Тувы привел его в ряде случаев к неверному освещению тувинской истории. Работа Р. М. Кабо написана под сильным влиянием так называемой школы Покровского. Р. М. Кабо не удалось преодолеть до конца антинаучную концепцию буржуазных историков Тувы, сводивших всю проблематику ее истории к колонизаторской политике царизма в Туве, к захвату ее Россией, он

не сумел разобраться в сложной исторической обстановке, в которой произошло присоединение Тувы к России в 1914 г., в частности совершенно не учел того важного обстоятельства, что это присоединение произошло накануне революции в России, что сыграло решающую роль в освобождении тувинских трудящихся от ига иностранных захватчиков и в дальнейшем от эксплуатации их собственными феодалами.

Р. М. Кабо, вопреки исторической истине, положительно оценивает маньчжурское иго в Туве. Вслед за М. Н. Покровским, который договорился до признания прогрессивности татарского ига на Руси, Р. М. Кабо считал, что и «в данном случае насилие завоевателей действовало в одинаковом направлении с экономическим развитием» [23].

Резко возражая против отрицания исторического значения присоединения Тувы к России, мы вместе с тем обязаны признать, что Р. М. Кабо сделал плодотворную попытку проанализировать ход социально-экономического развития Тувы. Он установил феодальный характер социальных отношений в Туве.

Прежде всего Р. М. Кабо решительно отказался от трактовки социальных отношений в Туве в духе родовой теории [24]. Вот основной вывод, к которому пришел в результате анализа социальных отношений Тувы Р. М. Кабо: «Строй общественных отношений дореволюционной Тувы характеризовался почти полным разложением родовой организации и господством феодального способа производства. Масса тувинского населения состояла из мелких самостоятельных скотоводческих и охотничьих хозяйств, снабженных основными средствами производства. Обществу непосредственных производителей противостояла маньчжурская династия в качестве верховного, но номинального собственника пастбищ и лесных угодий, и ее вассалы, а именно группа монгольских князей, получивших в порядке пожалования и сохранивших не-

---

[23] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 72. Разрядка наша.— *В. Д.*

[24] Р. М. Кабо считает, что в период своего колониального существования (с конца XVIII в.) Тува вошла «с разложившимся строем родовых отношений, следовательно, без родовой собственности и без родовой общины...»; он говорит о «полном разложении родовой организации» в Туве (Р. М. Кабо. Очерки... стр. 71).

сколько тувинских областей на окраине своих уделов, и группа правителей (нойонов) тувинского происхождения во главе с верховным правителем (амбын-нойон), получившая в наследственное владение остальную часть территории с более значительным кочевым населением, которым они управляли под высшим надзором улясутайского цзянь-цзюня. В состав феодальной верхушки входили также буддийские монастыри (хурэ) в лице тех лам, которые занимали в них высшие и первоклассные должности (хамбу-ламы, цорчжи-ламы и т. д.). В целом все эти феодально-теократические элементы составляли правящий слой, организовавший государственный аппарат порабощения непосредственных производителей и выжимания из них прибавочного (и части необходимого) продукта при помощи внеэкономического принуждения» [25].

Следует сказать, что Р. М. Кабо не дает характеристики конкретных социальных групп тувинского населения, ограничиваясь общими выражениями: «княжеские крепостные», «нойонские крепостные». Каковы формы их эксплуатации, каково их материальное и правовое положение,— на эти вопросы мы не находим четкого ответа в работе Р. М. Кабо.

Итак, предшествующие авторы, писавшие о социальных отношениях в Туве, видели в ней только родовые отношения и не замечали феодальных отношений, или замечали их, но не придавали им серьезного значения, Кабо же, наоборот, видит в социальных отношениях Тувы уже вполне развитые феодальные отношения, но не замечает или не считает нужным придавать серьезное значение родовым пережиткам, хотя и отмечает их существование в системе социально-экономических отношений Тувы в предреволюционную эпоху.

Существенным недостатком работы Р. М. Кабо является то, что, правильно указав на наличие резкого классового расслоения тувинского населения, автор не пытался даже поставить вопрос о формах классовой борьбы в тувинском обществе и по существу свел социальные движения тувинцев к борьбе против иностранных захватчиков. Классовая борьба у него подменена борьбой тувинцев

[25] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 94.

против русских торговцев, которую автор, следуя за М. Н. Покровским, квалифицирует не иначе, как революционную борьбу. Вот соответствующее место из работы Р. М. Кабо: «Особой остроты,— пишет он,— эта вражда к русской торговле достигла в 1877 г., когда самый незначительный повод привел к разграблению русской торговой фактории. Это выступление обошлось дорого тувинскому населению. По постановлению китайских судей многим из них отрубили головы.

В 1878 году революционные действия тувинцев продолжались: они отобрали у русских купцов много скота, приобретенного или путем неправильных расчетов или покупкою заведомо краденого. При этом тувинцы выдавали русским купцам расписки в количестве отобранного у них скота, что свидетельствовало о том, насколько правыми считали они себя в этом деле» [26].

Не останавливаясь сейчас на фактической стороне описываемых явлений, укажем прежде всего на односторонее освещение автором характера выступлений тувинцев в 1878 г. Р. М. Кабо забывает, что указанные им события 1877—1878 гг. были лишь отражением тех столкновений классов, которые происходили в Туве. Они самым непосредственным образом были связаны с движением тувинских аратов против своих собственных феодалов. Это движение развертывалось в центральных и западных районах Тувы, и в свете его «революционные выступления» против русских были эпизодом борьбы более серьезного смысла и значения.

Проблема борьбы тувинских аратов с внешними врагами — очень актуальная проблема, но рассматривать ее вне борьбы классов — значит искажать подлинный смысл освободительного движения.

Итак, работа Р. М. Кабо, несмотря на ее серьезные достоинства, в некоторых отношениях уже устарела. Автору не удалось правильно наметить основные вехи исторического процесса в Туве. Увлекшись разоблачением политики царизма и испытывая влияние «экономического материализма» Покровского, он неверно изобразил картину русско-тувинских экономических взаимоотношений, не выяснил положительного значения русской крестьянской

[26] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 110.

колонизации Тувы, не вскрыл тем самым исторические корни дружбы русского и тувинского народов.

Эти серьезные недостатки и пробелы в деле исследования истории Тувы преодолеваются в последующее время советской исторической наукой.

Оригинальными выводами отличается статья С. К. Тока «Зарождение Тувинской народно-революционной партии» [27], в которой намечаются основные этапы истории Тувы. С. К. Тока обращает внимание на то, что тувинский народ в продолжение многих столетий был угнетенным и подавленным чужеземными захватчиками. Особенно тяжелым было иго монголо-татарских завоевателей и маньчжурских мандаринов.

С. К. Тока подчеркивает героический характер борьбы тувинского народа против иноземных захватчиков и собственых угнетателей (восстание 1902 г. против монгольских феодалов, восстание 60-ти героев и восстание 1912 г.).

Присоединение Тувы к России С. К. Тока считает прогрессивным. Общеисторическое значение этого факта он видит, во-первых, в том, что «оно положило конец постоянным переходам Тувы из одних рук в другие и, во-вторых, сыграло прогрессивную роль в том, что способствовало некоторому хозяйственному и культурному росту Тувы, хотя русские купцы и ростовщики в ограблении трудящихся Тувы мало чем отличались от маньчжурских» [28].

Такая точка зрения решительно отличается от всего того, что прежде писалось о значении присоединения Тувы к России.

Крупной не только научно-исторической, но и общественно-политической заслугой современных историков является то, что они принялись за сбор материалов по истории классовой борьбы в Туве. Сами араты подсказывали им, в каком направлении следует вести эти исторические изыскания, в частности араты обратили внимание историков на выдающееся по масштабам Тувы стихийное вооруженное сопротивление тувинцев в 80-х годах прошлого столетия, известное под названием «алдан-дургун» (60 беглецов).

---

[27] С. Тока. Зарождение Тувинской народно-революционной партии. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1943, № 5, стр. 33—41.

[28] Там же, стр. 37.

Собранные при активном содействии трудящихся Тувы сведения об этом движении дали основание правительству Тувинской Народной Республики в 1941 г. принять решение о наименовании этого движения «алдан-маадыр (60 героев) и провести ряд мероприятий по увековечению памяти его участников [29].

В 1943 г. в тувинском журнале «Под знаменем Ленина — Сталина» была напечатана статья Т. О. Данзын-оола, представляющая собой публикацию материала о движении алдан-маадыр, собранного путем опроса аратов.

Как первый опыт исследования этой весьма существенной проблемы, статья Т. О. Данзын-оола, несмотря на некоторые ошибки методологического и фактического порядка, представляет ценную работу по истории классовой борьбы в Туве.

Резко усилилось исследование истории Тувы после вхождения ее в состав Советского Союза. Изучением прошлого тувинского народа сейчас заняты многие научно-исследовательские учреждения страны — Институт истории, Институт этнографии, Институт истории материальной культуры АН СССР, Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (НИИЯЛИ) и др. За короткий срок получены серьезные результаты в деле изучения прошлого Тувы. Вопросы древней истории Тувы нашли свое отражение в фундаментальном исследовании члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева [30], а также в работе С. Е. Малова [31]. Тувинской истории касается в своих работах по истории алтай-

---

[29] Государственный архив Тувинской автономной области (ГАТАО), ф. Малого Хурала Тувинской Народной Республики, д. Указов Президиума Малого Хурала, л. 115. Указ Президиума Малого Хурала от 11 мая 1941 г., п. 7: «Упразднить оскорбительное название «шестьдесят беглецов», присвоенное гордым и лучшим сынам Тувы, героически боровшимся в 1880 г. против внутренних и иноземных поработителей, за свободную, радостную и счастливую жизнь для трудящихся и впредь именовать их «Шестьюдесятью героями». На месте восстания «Шестидесяти героев» воздвигнуть памятник с надписью: «Место восстания шестидесяти героев — смелых и гордых сынов тувинского народа, павших в 1880 году в борьбе против внутренних и иноземных поработителей, за свободу, за радостную и счастливую жизнь для трудящихся».

[30] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1954.

[31] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

цев и хакасов, а также в специальной статье о Туве проф. Л. П. Потапов [32]. Особенно отрадно отметить рост исторических исследований в самой Тувинской автономной области силами научных сотрудников Тувинского НИИЯЛИ [33].

В свете этих успехов советской исторической науки [34] в области исследования Тувы становятся нетерпимыми те серьезные пробелы, которые еще имеются, а к ним, как показывает только что сделанный историографический экскурс, относится освещение вопросов социально-экономического развития предреволюционной Тувы.

---

[32] Л. П. Потапов. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. «Советская этнография», 1953, № 2, 76—102.

[33] См., например, Х. М. Сейфулин. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Краткий исторический очерк. Кызыл, 1954; Н. А. Сердобов. Народное образование в Туве. Краткий исторический очерк, 1953. Ряд статей по истории Тувы опубликован в «Ученых записках Тувинского НИИЯЛИ», вып. I, 1953; вып. II, 1954; вып. III, 1955.

[34] Помимо указанных работ, следует отметить ценные антропологические исследования о тувинцах В. В. Бунака (V. Bounak. Un pays de l'Asie peu connu; Le Tanna — Touva. Communication preliminaire. «Internationales Archiv für Ethnographie, 1928, Bd. XXIX, Heft I—III), А. И. Ярхо (Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947 и др.), М. Г. Левина и других советских ученых).

Глава вторая

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Состояние источников по истории Тувы весьма затрудняет изучение ее истории.

Мы лишены прежде всего одного особенно важного источника — письменных памятников самого тувинского народа.

Тувинцы относились к числу бесписьменных народов, и только в 1930 г. у них появилась своя письменность. Правда, небольшая прослойка тувинского населения, главным образом знать, чиновники и ламы (далеко не все), пользовалась монгольской письменностью. Официальная документация велась на монгольском языке, наличие специальных низших чиновников (бижээчи-писарь) в местном и центральном аппарате говорит о большом делопроизводстве в хошунных и сумонных канцеляриях.

Однако эти документы на монгольском языке часто терялись при перекочевках, многое погибло в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Следовательно, письменных документов на монгольском языке сохранилось очень мало.

Зато имеется значительный документальный материал на русском языке в центральных и сибирских архивах.

Важным историческим источником являются этнографические исследования и описания путешествий в Туву. Кроме того, для изучения истории Тувы могут быть привлечены произведения народного творчества и художественной литературы, пресса, воспоминания аратов, данные языка.

1. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архивные документы на русском языке по своему удельному весу занимают первое место. Наряду с использованием известных уже исследователям прошлого Тувы центральных архивов: Центрального Государственного Архива Древних Актов — ЦГАДА (ф. Иркутской приказной избы, ф. Мунгальские дела), Центрального Государственного Военно-Исторического архива Москвы — ЦГВИАМ (ф. ВУА, 400, 2000, 100, 1468), Центрального Государственного Исторического архива Ленинграда — ЦГИАЛ (ф. 391), вводятся впервые в научный оборот документы государственных архивов Иркутской области — ГАИО (ф. 24, 25, 293 и др.), Новосибирской области — ГАНО (ф. 47, 57), Красноярского края — ГАКК (ф. 31), рукописные материалы Красноярского краевого музея (ККМ), Тувинского музея и Тувинского НИИЯЛИ. Конечно, весь этот архивный рукописный материал о Туве относится преимущественно к началу XX в., так как до 1914 г. Тува не входила в состав России. Здесь мы ограничимся анализом некоторых материалов, хранящихся в Иркутском и Новосибирском архивах и Красноярском краевом музее. Начнем с дел Иркутского архива.

Характер документов, имеющихся в этих делах, самый разнообразный. Здесь отчеты усинского пограничного начальника о положении дел в Туве (преобладают отчеты Чакирова), агентурные донесения русских соглядатаев в Туве, заявления и докладные записки русских купцов, торговавших в Туве, крестьян-переселенцев, отчеты различных торговых и промышленных экспедиций, до сего времени не опубликованные, хотя иногда предназначавшиеся для этого, копии различных документов о Туве на монгольском и китайском языках, специальные донесения о положении в отдельных хошунах Тувы, их географическое, экономическое и даже историческое описание (например, отчеты чиновника Усинского пограничного округа Мальцева). Содержательность и степень достоверности всех этих материалов весьма неодинакова, тенденциозность многих из них обнаруживается сама собой. Особенной тенденциозностью отличаются отчеты и донесения усинского пограничного начальника, а затем урянхайского пограничного комиссара. Содержательны и ценны очерки

Мальцева о положении отдельных сумонов и хошунов Тувы, записки и доклады русских колонистов и купцов в Туве, донесения военных и дипломатических агентов, иногда довольно объективные для такого рода информации.

Какие стороны жизни тувинцев фиксируют эти материалы? В них имеется очень мало сведений о социальных отношениях в Туве (общий недостаток всей документации русских архивов о Туве), но они в достаточной степени позволяют судить об ее основных политических событиях — борьбе тувинского народа против цинского правительства и русского царизма; в частности, в них содержится довольно большое количество фактов об освободительном движении тувинцев 1911—1912 гг., подробно рисуется борьба между тувинскими феодалами после освобождения Тувы из-под власти Китая, рассказывается в них и об отношении тувинцев к своим властям и т. п. В этих же материалах встречаются и сведения о народных движениях 1876—1878 и 1883—1885 гг.

Значительно бо́льшая группа документов Иркутского государственного архива содержит ценные сведения по истории русско-тувинских отношений и политике царизма в Туве. Среди документов этого рода надо выделить «Всеподданнейшие отчеты по управлению Восточной Сибирью» генерал-губернатора Восточной Сибири, впоследствии иркутского генерал-губернатора, а также отчеты енисейского губернатора, а из них «Всеподданнейший отчет за 1880—1881 годы по управлению Восточной Сибирью». Этот отчет хранится в архиве как в рукописном (со всеми материалами для него), так и в печатном виде под грифом «секретно». Это первый документ, в котором формулируется первоначальная политическая линия царизма по отношению к Туве, тесно связанная с его отношением к Китаю, и выдвигаются практические мероприятия по укреплению России на этом участке русско-китайской границы. Разработанные в этом отчете положения и мероприятия, утвержденные затем царем, легли в основу царской политики в Туве на несколько десятков лет. Некоторые сведения по этому вопросу имеются и в других отчетах (например, в отчете 1910—1911 гг.). Здесь же хранятся черновые проекты ряда инструкций по управлению Усинским округом, а также и Тувой, утвержденные

и неутвержденные впоследствии высшими правительственными инстанциями, а также документы о деятельности местных пограничных учреждений. Наконец, в архиве хранятся материалы по истории русской крестьянской колонизации Верхнего Енисея, об отношениях между колонистами и тувинцами, о русско-тувинской торговле, о промышленной деятельности русских в Туве и т. п.

В Красноярском музее хранятся три объемистые папки с материалами Ермолаева: «Материалы по статистико-экономическому описанию Урянхайского края» [1], «Путевые дневники и личный архив А. П. Ермолаева» (1915—1918) [2], «Тавры и метки у урянхов» [3].

«Материалы по статистико-экономическому описанию Урянхайского края» представляют собой полуобработанные сведения о хозяйстве тувинцев, собранные автором во время его полевых поездок. Среди них рукопись «Обследования бассейна р. Кемчика в 1916 г.» [4] заключает настолько ценные сведения, что ее трудно сравнить с какой-либо другой работой подобного вида. Содержащиеся в ней данные остаются до сего времени неопубликованными, за исключением некоторых сведений, использованных Ермолаевым в самой общей форме в его работе «Урянхайский край» [5].

В рукописи Ермолаева приводятся данные о количестве населения в бассейне Кемчика, о составе и распределении населения по территории, наличии скота, пашни, промыслов, устанавливаются административное устройство, повинности населения с конкретными данными на 1916 г., попутно с этим описывается природа района.

---

[1] Красноярский краевой музей (далее — ККМ). Рукописный фонд $\frac{338\ (09)}{№\ 46}$. (Далее ссылка дается только на номер рукописи).

[2] Там же, $\frac{91\cdot04\ (09)}{№\ 694}$

[3] Там же, $\frac{572\cdot4\ (09)}{№\ 501}$

[4] Это обследование было проведено А. П. Ермолаевым по поручению заведующего устройством русского населения в Урянхае (ГАНО, ф. 47, д. 349, л. 74).

[5] А. П. Ермолаев. Урянхайский край. (Материалы для характеристики Урянхайского края в торговом отношении) Минусинск, 1919. (Далее: «Урянхайский край...»).

Насыщенные фактическими сведениями с самыми общими выводами 248 страниц этой работы Ермолаева — ценный материал для изучения экономических и социальных отношений в Туве не только в 1916 г., но и в предшествующий период. В этой же папке имеются и некоторые статистические данные о русских поселениях, сведения о земельных отношениях между русскими и тувинцами. Однако еще более интересна вторая папка «Путевые дневники и личный архив А. П. Ермолаева». В этой папке содержится богатый материал со статистическими и иными сведениями по Оюн-сумону, который специально изучался автором. Описание представляет собой доклад Ермолаева заведующему устройством русского населения в Урянхайском крае. Описание Оюн-сумона, сделанное, видимо, в полевых условиях, строится по такому плану: территория сумона (подробно, вплоть до указания урочищ и мест кочевания), деление на арбаны с перечислением их, подробное исследование административного управления сумона (с указанием прав и обязанностей чангы, мэрэна, кунду, джелана, бошко), количество юрт и размещение их по речкам и урочищам, перекочевки с подробным указанием зимников, весенников, летников и осенников. Автор касается и имущественных различий у оюннаров. Он подробно описывает занятия оюннаров скотоводством, земледелием и промыслами (с цифровыми показателями). Вслед за очерком об оюннарах дается дневник поездки в Тоджу в августе 1915 г., в котором без всякой системы, в порядке передачи непосредственных впечатлений, занесены самые разнообразные сведения о русском населении, о поселках, заимках, хозяйственных занятиях русских засельщиков, статистические данные о хозяйстве тоджинцев, о сумонах и арбанах, расселении тоджинцев, зимовках, о русской торговле в Тодже, о задолженности тувинцев русским купцам и др.

Для изучения экономической мощности аратских хозяйств ценны полевые записки Ермолаева. Они сделаны на листках из блокнота, в которые внесены имена тувинцев с указанием размера их хозяйства (количество лошадей, рогатого скота, овец, коз и верблюдов), точным указанием мест их кочевки (зимней, весенней, летней и осенней), количества юрт, членов семьи и некоторые другие сведения из жизни этих лиц. Сведения о каждых двух

хозяйствах занесены на один блокнотный лист, записи сделаны карандашом без указания даты, но эти даты можно определить по времени обследования того или иного сумона. Записи велись в таком виде: «Пальдзя — Мадо сумо тарга лошадей — 4, рогатого скота — 6, овец-коз — 50. Просо в Систерлике 1/3 д. Имеет покос 50 коп. Достаточное или среднее» [6]. «Тюктюк ажяк. Мадо сумо. Ирбек. 22 члена семьи (11 юрт). 2 зятя живут и кочуют вместе с ним. Лошадей — 20, рогатого скота — 50, овец — 500 (на выпас не берут). Косит до 500 коп. Сеет просо 1 дес. Чиновник богатый» [7]. «Улухаттых. Лошадей — 12, рогатого скота — 7, овец — 30, з. Чингаты, лет. устье Шанган, весной и осенью на Улятике» [8]. Большинство же записей сделано в таком виде: «Тужикей 2,7, 30 з. Улятик л. пос. Атамановка. Намолотил нынче 10 барба просо и 6 б. яч.» [9], «Мугезелат 50, 35, 150 вер. 10 з. Усь, л. Шангаш (Улухарык), веснует и осень Хаак-кары» [10]. Все остальные записи примерно в таком же духе с выпадением иногда тех или иных из указанных данных или с прибавлением некоторых новых. Всего в таком виде описано Ермолаевым 94 юрты Мадо-сумона и Оюн-сумона.

Для получения указанных сведений автор использовал своеобразный и, пожалуй, наиболее верный (в тогдашних условиях) источник — опрос русских купцов, которые долгие годы вели свои операции среди тувинцев. «Действительно,— пишет Ермолаев,— русские торговцы, особенно мелкие, своих знают, знают их семью, скот, летники и зимники» [11]. Своеобразие русско-тувинской торговли заключалось в том, что она велась в кредит: тувинец получал товар от купца в долг под скот или пушнину, а так как нередко должник уклонялся от выполнения взятых на себя обязательств, то купец, особенно мелкий, для которого каждая копейка имела значение, давал свои товары в кредит только после того, как ему удавалось выяснить точно ресурсы должника, установить его место-

[6] ККМ, № 694, л. 92.
[7] Там же, л. 91.
[8] Там же, л. 103.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, л. 41.

пребывание, время и место кочевок, наличие скота и т. п. Нередко тувинцы, взявшие однажды в долг товары, превращались затем в постоянных должников того или иного русского купца. Не случайно в записях Ермолаева мы находим и такую: «Почукай — Мадо сумо. Лошадей нет, коров 1, овец — 8... кочевка и зимовка зависит от того, с кем живет и кому прислуживает. Кто его пригласит к себе, туда он идет, там зимует. Кредит у Пестунова до 20 руб. отрабатывает натурой» [12].

Такие торговцы за несколько лет сношений с тем или другим тувинцем прекрасно изучали его хозяйство. Правда, в своих записях Ермолаев не указывает положения тех лиц, со слов которых сделаны записи, и в каких отношениях эти лица находятся с тувинцами, о которых они сообщают, он только называет их фамилии (С. С. Сидельников и Тимошин, оба из с. Атамановки). Можно ли признать эти сведения достаточно достоверными? Мы полагаем, что нельзя, несмотря на все вышесказанное, и вот почему. Ермолаев был лицом официальным, и это хорошо должны были знать его информаторы. Конечно, часть их сознательно преувеличивала сведения о состоятельности своих должников, чтобы оправдать свои претензии на получение долга.

Главным недостатком используемого Ермолаевым источника является его неполнота, приводящая к извращению истинной картины социального расслоения тувинского населения. Мелкие торговцы, информировавшие Ермолаева, сообщали ему не о всех тувинцах того или иного сумона, а о тех, с которыми они имели дело, т. е. о более или менее платежеспособных, кредитование которых представляло определенную выгоду. Беднота же, особенно араты без скота, мало привлекали внимание торговцев. Отсюда ошибочное мнение автора о значительной прослойке среднего аратства. Таким образом, мы должны с большой осторожностью подходить к использованию этих в целом очень ценных сведений. Недостаток, отмеченный нами выше, не был замечен самим исследователем, потому что он обходил вопрос о классовой дифференциации тувинского народа. Следует сказать, что этот недостаток не характерен для статистических сведений Ермолаева

[12] ККМ, № 694, л. 102.

о русском населении, так как здесь есть иные, более объективные источники, которые вместе с еще более полными данными по этому же вопросу Новосибирского архива опровергают установившийся взгляд о социальной однородности русских колонистов в Туве. Экономико-статистические сведения Ермолаева о русском населении очень многочисленные и разнообразные. В них автор указывает время возникновения отдельных русских поселков, приводит статистические данные о развитии скотоводства, земледелия, охоты и рыболовства, о развитии промыслов, об использовании сложных сельскохозяйственных орудий.

Как уже указывалось выше, в архиве Красноярского музея хранится также рукопись Ермолаева о таврах и метках у тувинцев [13], представляющая собой совершенно сырой материал, состоящий из зарисовок более чем ста меток и тавр тувинских скотоводов, с указанием сумона или хошуна и небольшим введением (черновиком), в котором автор говорит о способах отличения скота, принадлежащего отдельным скотовладельцам. К сожалению, зарисованные Ермолаевым тавра и метки не имеют указания на принадлежность их определенным скотовладельцам и это снижает значение рукописи для изучения социальной истории Тувы.

В Новосибирском архиве имеются фонды «Заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае» [14] — одно из ценных собраний материалов по истории Тувы предреволюционного периода. Фонды содержат дела с 1909 по 1920 г. Заведующий устройством русского населения в Урянхае возглавлял местную переселенческую организацию, в его компетенцию входили организация заселения русскими крестьянами тувинского края, выявление его колонизационных возможностей и управление русскими поселениями в Туве (на правах крестьянского начальника). О роли заведующего устройством русского населения в Урянхае говорит тот факт, что он в своих действиях совершенно не считался с местной сибирской администрацией, проводя свою собственную линию, определяемую переселенческим управлением в Петербурге.

---

[13] ККМ, № 501, л. 95.

[14] Теперь эти фонды находятся в Кызыле в Государственном архиве Тувинской Автономной области.

Фонды содержат следующие материалы: планы работ переселенческого управления, отчеты заведующего устройством русского населения в Урянхае[15] переселенческому управлению о годовой работе и рапорты о работе иркутскому генерал-губернатору[16], сметы, кассовые отчеты и прочие бумаги, характеризующие непосредственно деятельность переселенческой организации в Туве. Наиболее полно представлена эта деятельность для 1913—1917 гг. Огромно количество дел по поземельному устройству русского населения в Туве[17], о земельных спорах и сделках, об отводе земельных участков[18], образовании хуторов[19]. В этих же фондах содержатся: переписка между заведующим устройством русского населения и комиссаром по делам Урянхайского края, ведомости о русском населении в Урянхайском крае[20], дела с семейными списками и сведениями о состоянии поселковых обществ в Урянхайском крае, дела, касающиеся развития золотой промышленности в Туве[21], об основании г. Белоцарска[22], о промышленности[23], кражах скота и потравах, о развитии в Туве церковного и школьного строительства, о сооружении метеорологических станций, постановке почтово-телеграфного и медицинского дела и другие документы, относящиеся к разнообразным сторонам деятельности переселенческой организации в Туве.

Из всей массы архивных документов новосибирских фондов надо выделить прежде всего те, в которых в какой-то степени содержатся сведения об экономике и социальных отношениях тувинцев. Такого материала в делах немного: мы его находим в отчетах переселенческих чиновников, изучавших по поручению администрации положение тувинцев в тех или иных районах.

Материалы, собранные чиновниками переселенческой организации, сохранились в делах описываемых фондов

---

[15] ГАНО, ф. 47 и 57, д. 76, 104, 172, 175, 294, 312 и др.
[16] ГАНО, ф. 47, д. 133, 229.
[17] Там же, д. 84, 85, 89, 137, 140, 144, 177, 178, 182, 213, 225, 227, 248, 251, 255, 258 и др.
[18] Там же, д. 138, 147, 150, 153, 165, 202, 212, 246, 253 и др.
[19] Там же, д. 248 и др.
[20] Там же, д. 136 и др.
[21] Там же, д. 99 и др.
[22] Там же, д. 102, 163, 169, 180, 219, 315.
[23] Там же, д. 186, 285.

в виде самостоятельных отчетов (например, отчет учителя Венкеля о поездке в Тоджу, топографов В. и Э. Рогалинских), а если самостоятельного отчета в делах нет, то отдельные его части включены в отчеты заведующего устройством русского населения в Урянхае (например, многие места из отчета Ермолаева, подлинника которого в Новосибирском архиве нет, мы встречаем в отчете заведующего устройством русского населения за 1915 г.) [24].

Из всех этих обследовательских отчетов следует отметить прежде всего отчеты Венкеля. Венкель, учитель Нижне-Усинской школы, ездил в Тоджу (в район р. Хамсары и др.) в качестве оспопрививателя, но попутно занимался сбором статистико-экономического и этнографического материала. В отчете, составленном в форме дневника, он описал отношение тувинцев к оспопрививанию, дал сведения о встреченных им аалах, количестве юрт, людей и количестве оленей, местах кочевок, о занятиях охотой и рыболовством и т. п. Особенно ценны сведения Венкеля о кочевках тоджинцев и применяемых ими способах охоты и рыболовства.

Сведения о тувинцах имеются также в отчетах заведующего устройством русского населения и в заявлениях и записках русских старожилов.

Новосибирский архив располагает богатым собранием документов по истории земельных отношений между тувинцами и русскими крестьянами. В деятельности переселенческой организации эти вопросы имели большое значение ввиду страшной запутанности земельных отношений, создавшейся в силу беспорядочности заселения русскими Тувы в прежние времена, отсутствия у большинства русских крестьян какого-либо юридического оформления их сделок о занятии земли с тувинцами и, наконец, наличия крупных земельных споров между русским старожильческим населением и новоселами. О месте земельного вопроса в работе переселенческой организации говорит хотя бы тот факт, что только за весну 1915 г. возникло и было разрешено заведующим устройством русского населения в Туве 259 споров из-за земли между русскими и тувинцами и 161 спор между русскими [25]. Все эти случаи

[24] ГАНО, ф. 47, д. 260.
[25] Там же, д. 294, л. 38.

отражены в делах рассматриваемого фонда. Этому вопросу посвящены буквально десятки дел, содержащих типичные документы, в которых иногда указаны десятки фактов спора из-за земли.

Дело обычно начиналось с заявления какого-либо русского крестьянина, требующего закрепления за собой участка земли, обрабатываемого им несколько лет, и ставшего предметом спора между ним и тувинцами. В заявлении говорилось о том, кто претендует на землю заявителя, обосновывались права заявителя на землю (иногда с указанием на то, каким путем заявитель приобрел спорный участок и даже приложением соответствующего документа) и требование решить возникший спор в его пользу. Получив такое заявление, переселенческая администрация через местные органы крестьянского самоуправления выясняла правильность прав заявителя (путем проверки представленного на монгольском языке письменного договора между заявителем и тувинцами или опросом тех тувинцев, которые в свое время произвели сделку), а затем уже заведующий устройством принимал по делу то или иное решение. Обычно все споры между тувинцами и русскими крестьянами завершались соответствующим приговором или постановлением комиссии в составе представителей тувинских властей, производителя землеустроительных работ (как представителя переселенческой организации). Крестьянин своей подписью свидетельствовал согласие с решением. Все эти документы, в частности приговоры, позволяют, правда не всегда, 1) выяснить формы и характер земельных сделок между русскими переселенцами и тувинцами, которые проливают свет на характер земельных отношений в Туве; 2) вскрыть общий характер отношений между русскими крестьянами и тувинскими аратами; 3) вскрыть политику переселенческого управления в земельном вопросе вообще; 4) показать его отношение к земельным интересам тувинцев, русских старожилов и новоселов; 5) определить земельные наделы русских крестьян в Туве и тем самым выяснить степень расслоения русского крестьянства.

Фонды Новосибирского архива позволяют изучить социальный состав русского населения в Туве. В них содержатся многочисленные документы, из которых заслуживают особого внимания так называемые проименные

поселковые списки, представляющие собой подробные именные списки крестьян и других лиц, живущих в русских поселках, с подробным указанием их имен, отчеств и фамилий, количества пахотной земли (орошаемой и неорошаемой), скота (лошадей, крупного рогатого скота, маралов, овец и коз по возрастным группам), хозяйственных и домовых построек и т. п. К сожалению, эти списки имеются только для 1913—1917 гг. Они составлялись, с одной стороны, старшими выборными в каждом селении, а с другой, как указывает заглавие одного из дел, специальными представителями переселенческой организации («подворные описи»). Сравнивая именные списки со «Статистическими сведениями подворного обследования», нельзя не заметить, что последние более достоверны. Правильность данных того и другого источника частично может быть проверена по другим материалам архива, в том числе по многочисленным заявлениям крестьян, связанным с земельными спорами. Здесь крестьяне приводили более верные данные о своем землепользовании и наличии имущества, чем те, которые они сообщали обследователю или старшему выборному. Впрочем, нередко бывало и так, что крестьянин в своем заявлении, если ему это было выгодно (а когда он претендовал на землю, это бывало ему, очевидно, выгодно), преувеличивал сведения о наличии у него скота и преуменьшал сведения о посеве. Более достоверными источниками в этих случаях являются описи имущества, пашни, покосов, скота, составлявшиеся после смерти хозяина для раздела его имущества между родственниками. Сравнивая их с данными обследователя и старшего выборного, можно судить о степени достоверности сведений того и другого. Эти данные вскрывают наличие резкого социального расслоения русской деревни в Туве, они дают возможность установить наличие кулачества, середняков и бедняков. Труднее определить группу батраков из русских, так как в названных нами источниках очень редко упоминается о них. Для полного представления об этом виде источников отметим еще, что большинство описей содержит указание на занятие крестьянства ремеслом и дает возможность изучить торговые обороты купцов и связь земледельческого труда с ремесленным. Именные списки включают в себя сведения о годах вселения того или другого домохозяина в Туву (иногда они

отмечают его переезды внутри края) и место выселения, а это позволяет нам лучше понять историю заселения Тувы русскими колонистами и выяснить районы, поставлявшие этих колонистов.

Таким образом, Новосибирский архив располагает весьма ценными, как это видно из сделанного обзора, историческими материалами для изучения истории Тувы начала XX в. Эти материалы раскрывают главным образом историю русской колонизации Тувы, царскую политику колонизации и освоения края и дают возможность установить классовый состав русского населения.

Конечно, материалы этого архива не могут быть использованы историком без самого серьезного критического к ним подхода. Надо иметь в виду, что это архив того учреждения, которое являлось проводником царской колонизаторской политики в Туве и реализовало на месте его агрессивную политику в интересах класса помещиков и капиталистов России.

Работа над архивными материалами осложнена тем, что в большинстве местных и во всех центральных архивах материалы по истории Тувы разбросаны по отдельным фондам, часто не имеющим прямого отношения к Туве, частично же они находятся в россыпи. Отрывочность и бессистемность архивных материалов служит серьезной помехой при исследовании прошлого Тувы. Работа над архивными материалами усложняется еще и тем, что документы часто имеют многочисленные копии с разночтениями, требуют предварительной текстологической работы и находятся в разных архивохранилищах. Наличие в архивах материалов, которые представляют собой передачу чужих сведений (например, статистические данные Ермолаева и др.), вынуждает производить дополнительную работу по установлению и критике их источников.

2. ОБЗОР ПУТЕШЕСТВИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Русской науке принадлежит исключительная заслуга в деле изучения Тувы. Начиная с первого десятилетия XVII в., когда русские впервые встретились с тувинцами, а затем и побывали на их земле, они, преодолевая огром-

ные трудности, интенсивно исследовали природу, историю и экономику Тувы.

Эти значительные успехи русских дореволюционных путешественников и ученых были бы невозможны, если бы им не помогали простые тувинские араты, русские крестьяне и другие жители Минусинского уезда, а также пограничные казаки. Они сообщали исследователям и путешественникам интересные сведения о географии Тувы, хозяйственных занятиях и истории ее населения, передавали им важные наблюдения, сделанные тувинцами. Без использования знаний, накопленных самим тувинским народом на протяжении многих столетий, невозможно было бы успешное изучение Тувы.

Собранные русскими людьми в XVII и первой половине XVIII в. отрывочные, но вместе с тем ценные сведения о тувинцах и их земле были частично обнародованы в трудах Миллера, Фишера и Палласа. Однако названные русские ученые XVIII в. касались Тувы лишь попутно и дали о ней лишь самые краткие и общие понятия.

Первое более или менее подробное достоверное описание тувинцев и их страны было дано в русской и мировой литературе во второй половине XVIII в. геодезистом Егором Пестеревым. Пестерев имел возможность наблюдать жизнь тувинцев в течение 9 лет (1772—1781). Опубликованные им в 1793 г. в журнале «Новые ежемесячные сочинения» «Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях как Российских ясашных Татарах, так и китайских мунгалах и сойотах...» [26] имеют большое историко-этнографическое значение. В них автор приводит не только интересные сведения о быте тувинцев и своих сношениях с их начальством, но и весьма ценные данные о социальных отношениях тувинцев.

«Примечания» Пестерева написаны без системы (правда, автор придерживается в какой-то степени хронологического принципа изложения) и носят характер воспоминаний, преследующих цель познакомить читателя с совсем ему неизвестным краем. Автор повествует о причинах назначения его на границу, о встречах с тувинскими чиновниками, подробно излагает свои прения с ними по

[26] Новые ежемесячные сочинения (далее: НЕС), 1793, ч. LXXIX, стр. 59—82; ч. LXXX, стр. 35—73; ч. LXXXI, стр. 31—55; ч. LXXXII, стр. 7—26.

поводу пограничной линии и пограничных знаков. Жизнь, быт и обычаи народов, входящих в состав России (окинских бурят, карагасов, камасинцев, маторов, койбалов, качинцев, сагайцев и др.), а также жизнь тувинских племен Пестерев описывает более скупо.

В 1806 г. известный издатель «Сибирского вестника» Г. Спасский встретил на р. Усе двух тувинцев и получил от них сведения об их земле и языке [27]. В том же году посетил русско-тувинскую границу известный востоковед Клапрот, который в своих работах пользуется свидетельствами Пестерева, Спасского и других русских людей, бывавших в Туве [28].

Более десяти лет имел непосредственные сношения с тувинцами на границе казачий урядник Красиков (20—30-е годы XIX в.). Его наблюдения и впечатления о тувинцах были использованы кн. Костровым в статье для журнала «Москвитянин» [29] и Кузьминым [30].

Первым русским ученым, посетившим тувинцев и опубликовавшим о них свои наблюдения, был известный геолог Александр Чихачев [31]. Во время своей поездки в восточную часть Алтая в 1842 г. он посетил местности по рекам Алашу и Кемчику, где встретился с тувинцами. К сожалению, работы русского путешественника, обратившие на себя внимание ученого мира, не были опубликованы на

---

[27] Народы, кочующие в верху реки Енисея. «Сибирский вестник», 1819, ч. 5, стр. 62—63.

[28] J. Klaproth. Memoires relatifs de l'Asie, concernant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'orient. Paris, 1824; J. Klaproth. Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde. St. Petersburg, 1810; J. Klaproth. Asia Polyglotta. Paris, 1823—1831.

[29] Костров. Заметки о бассейне р. Уса. «Москвитянин», 1852, т. V, № 20, кн. 2. Отд. Внутренние известия, стр. 131—147. (Далее: «Заметки...»).

[30] Записки начальника Минусинского округа А. К. Кузьмина, в которых переданы сведения Красикова о тувинцах, опубликованы под названием «Из подлинных записок А. К. К-на» в журнале «Атеней», 1858, ч. I и II.

[31] О поездках Чихачева в Центральную Азию см. ЦГВИАМ ВУА, № 1164. Дело по высочайшему дозволению, данному г. Чихачеву присоединиться к ученой экспедиции, посылаемой к Аральскому морю, дабы проехать оттуда в Центральную Азию и об оказании ему пособия. 1839—1840. К сожалению, это дело в архиве утрачено. См. также Л. С. Берг. Всесоюзное географическое общество за 100 лет, М.— Л., 1946, стр. 38.

его родном русском языке (они были изданы на французском и немецком языках) [32]. Сведения Чихачева о тувинцах, или, как он их называет, сойонах, касаются условий материальной жизни этого народа, их административного устройства, религиозных представлений, домашнего быта и пр.

Меньше в этом отношении дают материалы современника Чихачева — известного лингвиста М. А. Кастрена, которого привело в Туву желание разыскать прародину финно-самоедских народов и изучить язык жителей [33]. В своих работах М. Кастрен совсем не касается общественной и политической жизни тувинцев, но зато уделяет большое внимание вопросу об их происхождении и их языку [34].

В октябре 1857 г. член-сотрудник ВСОИРГО Пермикин совершил поездку к косогольским тувинцам. Он перешел границу в районе Хангинского пограничного караула и пробыл у косогольских тувинцев очень недолго. Путевой журнал Пермикина был опубликован И. Сельским в 1858 г. [35].

Полезные для истории Тувы сведения доставил Людвиг Шварц — начальник сибирской экспедиции Русского географического общества (1853—1858). Отправившись

---

[32] Tchichatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. Paris, 1845, 1 partie.

[33] В письме к Раббе Кастрен писал из-под Саян: «...Я ношусь по первобытной почве наших предков» (М. Кастрен. Путешествие в Сибирь 1845—1849 гг., «Магазин землеведения и путешествий», 1860, т. VI, ч. II, стр. 372).

[34] Путешествие в Сибирь 1845—1849, «Магазин землеведения и путешествий», т. VI. Собрание старых и новых путешествий, ч. II, 1860, стр. 197—482; Результаты этнографического путешествия по Сибири г. Кастрена, Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества под ред. В. В. Григорьева, 1849, вып. 4, стр. 153—157 и др. M. Castren. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprache nebst Wörterverzeichnissen aus der tatarischen Mundarten des minusinischen Kreises. St. Petersburg, 1857; M. Castren. Etnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen. St. Petersburg, 1857; M. Castren. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St. Petersburg, 1856.

[35] И. Сельский. Озеро Косогол и его нагорная долина, по сведениям, собранным членом-сотрудником ИРГО Пермикиным. Вестник ИРГО, 1858, ч. 24, разд. II, СПб., 1858. Исследования и материалы, стр. 41—76.

из Минусинска 16 июля 1858 г., Шварц проехал по р. Кантегиру к устью Кемчика и до р. Усы, откуда спустился по р. Енисею до с. Означенного.

В том же году Туву посетил прапорщик межевого института, сотрудник научной экспедиции Шварца Крыжин[36]. 5 июня 1858 г. он вышел в сопровождении проводника тофалара с Окинского караула и, пройдя ряд речек, прибыл 14 июня к р. Бий-Хему, где пробыл всего лишь два дня, и через реки Инсук и Хамсару направился на Бирюсинские прииски, куда и пришел 27 июля. Путешествия Крыжина на Бий-Хем обогатили науку новыми географическими сведениями[37]. Несмотря на кратковременность пребывания Крыжина в Туве и на недружелюбное отношение к нему тувинских чиновников, он, помимо географических и астрономических данных, сумел заметить и записать некоторые обычаи тувинцев. В его записке[38] рассказывается о тоджинских родах, занятиях тувинцев, об их торговле с дархатами, карагасами и русскими, об управлении, о влиянии ламства на народ. Особое внимание автор обращает на бедность тувинцев-тоджинцев; останавливается он и на их отношении к русским.

Тремя годами позже Шварца и Крыжина (июнь 1861 г.) тувинцев посетил В. В. Радлов, интересовавшийся главным образом их языком и народным творчеством; в его работах имеются и этнографические материалы[39]. Некоторые сведения о тувинцах сообщает князь Апакидзе — чи-

---

[36] П. П. Семенов. История полувековой деятельности ИРГО, 1845—1895, ч. 1. СПб., 1896, стр. 190—192. «Однако,— пишет П. П. Семенов,— еще в 1858 г. д. чл. общества К. Будогосский совершил поездку на верхние притоки Енисея. Он, в сопровождении шт. кап. Турбина, первый посетил страну горных Урянхов, составил путевой журнал пройденного пути и маршрутную карту этого пространства» (там же, стр. 244). Но, к сожалению, нам не удалось обнаружить никаких материалов о К. Будогосском и его поездке в верховья Енисея.

[37] Л. С. Берг. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.— Л., 1946, стр. 79—80.

[38] См. Л. Шварц. Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции ИРГО. Пер. с нем. Я. Цветкова. СПб., 1864, 90—93. (Далее: «Подробный отчет...»).

[39] В. Радлов. Этнографический обзор тюркских племен южной Сибири и Монголии. Томск, 1887; В. Радлов. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Пер. с нем. проф. Н. Н. Козьмина. Иркутск, 1927. Лучшим является перевод Н. Н. Козьмина; W. Radloff. Proben der Volksliteratur der

новник особых поручений при иркутском генерал-губернаторе [40].

Весьма ценные сведения для историка содержатся в статье минусинского купца Н. Ф. Веселкова. Веселков сыграл заметную роль в развитии торговли русских с тувинцами, он первый завел торговую факторию в верховьях Енисея и отправил торговый караван в Монголию [41]. Статья Веселкова по богатству данных, непосредственности впечатлений занимает особое место в литературе, и к ней часто прибегают исследователи истории Тувы. Однако до сих пор они пользовались не самой статьей Веселкова, а сокращенной передачей ее, сделанной П. А. Кропоткиным.

В конце 1870 г. (2 декабря) Веселков направил в издававшуюся В. Долинским газету «Деятельность» свою статью под громоздким заголовком: «Зарождение нашей торговли с западной стороной Китая со стороны Минусинского округа Енисейской губернии». Но к этому времени газета уже была закрыта, и ее редактор В. Долинский из оставшихся в его распоряжении статей составил сборник и в 1871 г. издал его под названием «О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России. Статьи и заметки, касающиеся этого предмета» [42]. Статья Веселкова вошла в этот сборник.

П. А. Кропоткин, будучи крупным специалистом-географом, в частности знатоком Саяно-Алтайской горной системы, усмотрел в статье Веселкова ценный географический материал и, опасаясь, что она затеряется в мало-

---

türkischen Stämme. Süd — Sibirien 1; W. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines Reisenden Linguisten. Bd. II, Leipzig, 1884, S. 163—190; W. Radloff. Ethnographische Übersicht der nördlichen Türkstämme. Leipzig, 1882; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Bd. 1—3. St. Petersburg, 1894—1895.

[40] [Апакидзе]. Поездка к границам Монголии. Изв. С.-Петербургского отд. ИРГО, 1870, т. 1, № 2—3, стр. 53—55. (Далее: «Поездка...»).

[41] Позже Веселков увлекся золотопромышленностью и ликвидировал свою торговлю (М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911, стр. 170. Далее: «Очерки...»).

[42] О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России. Статьи и заметки, касающиеся этого предмета. Изд. В. Долинского. СПб., 1871, стр. 29—41.

известном издании, сделал сокращенный пересказ ее для «Известий ИРГО», под названием «Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа» [43]. Кропоткин более или менее тщательно выбрал из статьи географические сведения, а некоторые этнографические и другие материалы оставил без внимания. Так, им опущено подробное описание тувинского способа переправы через реки, рассказ Веселкова о его переговорах с ургинскими купцами о торговле с Монголией, описание тувинской юрты, характеристика тоджинского нойона и амбын-нойона, который в тот период правил Тувой, исключены весьма ценные данные о количестве скота у амбын-нойона и у богатых тувинцев того времени, а также интересный этнографический материал о домашнем быте, одежде, обычаях тувинцев, рассказ о встрече «с так называемым урянхайским святым человеком» — Бурхан-жибани. Кропоткин значительно сократил описание поездки Веселкова в Туву в 1863 г., рассказ о способах ловли тувинцами рыбы, описание орудий обработки земли (сохранено только описание уборки урожая).

В 70-х годах Туву посетили также Матусовский, Ровинский [44] и Дуброва. Матусовский в 1870 г. прошел в Туву со стороны Улясутая, 8 сентября пересек Ташту-ола и вышел к истокам р. Шуурмака, на четвертый день достиг главных притоков Бий-Хема и Каа-Хема и на плоту спустился по Енисею до устья р. Уса [45]. Ровинский и Дуброва не оставили никаких известий о своих поездках.

К концу XIX в. изучение верховьев Енисея становилось все более планомерным и углубленным.

В конце XIX и начале XX в. в Туву направлялась одна экспедиция за другой, они обследовали страну с самых различных сторон. Кроме того, сведения о Туве собирали русские купцы (среди них особенно крупным знатоком Тувы был Г. П. Сафьянов), чиновники, попадав-

---

[43] Изв. ИРГО, 1871, т. VII, отд. 2, стр. 113—118.

[44] Этнографическая поездка П. А. Ровинского по северным пределам Монголии от Хангинского караула до выхода Енисея из Саянских гор и далее в Минусинский край. ВСОИРГО, Отчет за 1872 г., стр. 14—15.

[45] З. Матусовский. Топографические заметки о дороге, ведущей из г. Кобдо в г. Улясутай и оттуда на север в Минусинский край. В кн.: Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, СПб., 1881, вып. I, стр. 364—377.

шие туда по командировке правительства для урегулирования споров между русскими и тувинскими купцами и, наконец, специальные экспедиции с точно разработанными программами исследования и необходимыми инструментами.

Этот период более интенсивного изучения Тувы открывается экспедицией Г. Н. Потанина в северо-западную Монголию. Потанин был ученый с широким диапазоном научных интересов, обладавший огромной эрудицией и трудоспособностью. В результате двух поездок (1876—1879) в северо-западную Монголию он собрал большой материал по природным богатствам, географии, этнографии и народному творчеству ее жителей. Все эти материалы были опубликованы им в четырех выпусках [46], из которых первые два посвящены результатам экспедиции 1876 г., а третий и четвертый — экспедиции 1879 г. Во втором выпуске Г. Н. Потанин дает этнографический материал о так называемых алтайских урянхаях, т. е. о тувинцах, кочевавших на Алтае, рассказывает о жизни тувинцев в районе Кобдо, о их быте и религии, приводит некоторые произведения их словесности. В третьем выпуске он приводит исторические сведения о тувинцах и, наконец, в четвертом, описывает племена, административное устройство тувинцев, их семейный и общественный быт. Здесь же дан русский перевод китайских известий о тувинцах (переводчик Васильев). Автор приводит в русском переводе много тувинских сказок и легенд, объясняет происхождение имен Урянхай, Тува и т. д. Материалы, собранные Потаниным, и его сотрудниками Потаниной [47],

---

[46] Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах Г. Н. Потаниным, вып. I. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии северо-западной Монголии. СПб., 1881; вып. II. Материалы топографические с 26-ю таблицами рисунков. СПб., 1881.

Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879—1880 годах Г. Н. Потаниным, вып. III. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии северо-западной Монголии. СПб., 1883; вып. IV. Материалы этнографические с 26-ю таблицами рисунков. СПб., 1883.

[47] Статья А. В. Потаниной «Из странствий по Урянхайской земле»,— весьма ценная работа по Туве. Автор передает свои впечатления о тувинцах, их жизни, быте, одежде, о русских в тувинской земле, главное внимание уделяет описанию религии тувинцев, особенно шаманизму. Интересны указания Потаниной о резком классовом

Орловым [48], Адриановым, представляют большую ценность для историка. Это было первое серьезное изучение тувинцев.

В 80-х годах Туву дважды посетил журналист А. В. Адрианов. В своих работах по Алтаю и Саянам Адрианов [49] описывает виденные им археологические памятники, растительность и меньше говорит об этнографии (интересуясь при этом типом тувинцев, их одеждой, занятиями, способом обработки земли, пищей, похоронными обрядами, способом наказания преступников и т. д.). Очень много места отводит автор вопросам русско-тувинских отношений.

Используя наблюдения, факты и выводы Адрианова о Туве, надо иметь в виду то обстоятельство, что он был диллетантом и его описания часто поверхностны, сведения случайны, не всегда проверены, автор выбирает и сообщает то, что имеет текущий, злободневный интерес.

Почти одновременно с Адриановым Туву посетил и М. В. Певцов, который в своих «Очерках путешествия по

расслоении тувинцев. Она подчеркивает бедность тувинского народа (А. В. Потанина. Из Путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей. СПб., 1895).

[48] П. Орлов. Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 г. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VII. СПб., 1884, стр. 1—63, а также в книге Потанина «Очерки северо-западной Монголии», вып. III, стр. 181—232. Орлов в своем сообщении делает несколько замечаний о хозяйственных занятиях тувинцев, о шаманстве, о торговле русских с тувинцами, описывает встречу с Сальджакским нойоном.

[49] О Туве Адрианов пишет в следующих своих работах: «Путешествие на Алтай и за Саяны», «Сибирская газета», 1881, № 38, 39, 42, 43; «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году, по поручению ИРГО», СПб., 1886. (Далее: «Путешествие 1881 г...»); «Сойоты и русская торговля», «Восточное обозрение», 1882, № 21; «Русская торговля на границе Китая», «Восточное обозрение», 1882, № 14, 16; «Путешествие на Алтай и на Саяны», «Сибирская газета», 1884, № 8, 9, 14, 16, 20, 24; «Раскольничьи общины в Сибири», «Восточное обозрение» 1883, № 37, 38; «Очерк Минусинского края», 1904, отдельный оттиск из «Сибирского торгово-промышленного календаря» за 1904 г.; «К моей поездке в Урянхай», «Сибирь», 1915, № 75; «Урянхайские дела», «Сибирская жизнь», 1915; «Из Урянхайского края в Томск (путевые впечатления)», «Сибирская жизнь», 1916, № 241, 244, 257, 270, 271; «Шага (сойотский новый год)», Томск, 1917; «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 года по поручению ИРГО и его Зап.-Сиб. отдела. Предварительный отчет». Омск, 1888. (Далее: «Путешествие 1883 г...»).

Монголии и северным провинциям внутреннего Китая» [50] делает ряд замечаний о тувинцах, кочующих по р. Кобдо, о торговле минусинских и иркутских купцов в области Верхнего Енисея.

Д. А. Клеменц, известный геолог и этнограф Сибири, во время своих поездок по Центральной Азии побывал и в Туве.

В ряде статей Клеменц [51] касается археологических памятников Тувы, дает некоторые этнографические сведения, уделяя опять-таки большое внимание русско-тувинской торговле и пограничному вопросу.

Весьма плодотворной была шестимесячная поездка в Туву Н. Ф. Катанова в 1889 г. Условия для сбора материала, как пишет сам Катанов, были очень затруднены. Однако «при любезном содействии русских торговых людей, к которым урянхайцы относятся получше, чем к русским ученым, мне удавалось,— пишет Катанов,— не только записывать сказки, песни, рассказы, загадки и шаманские молитвы и проверять их, но легко удавалось узнавать и записывать также сообщаемые рассказчиками сведения об образе жизни урянхайцев и отношениях их к местным властям, которыя при всяком удобном и неудобном случае под разными предлогами обирают их и наказывают, я мог заносить в тетрадь даже имена и возраст собеседников, чего не удавалось никому из прежних исследователей» [52].

---

[50] М. В. Певцов. Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. Омск, 1883.

[51] В Туве А. Д. Клеменц был четыре раза: летом 1885, в 1887, 1890 и 1892 гг. (В. А. Обручев. Обзор путешествий Д. А. Клеменца по внутренней Азии. Изв. ВСОИРГО, т. XV, 1916, стр. 1—34. Иркутск. О Туве см. статьи Д. Клеменца: «К вопросу о пограничных делах». «Сибирская жизнь», 1888, № 32, 34, 36, 38, 40, 42; «Новый путь из Минусинского края на Бирюсинские золотые промыслы». «Изв. ВСОИРГО», 1890, т. XXI, № 1, стр. 70—73; «Письма с русской границы». «Восточный обзор», 1891, № 46; 1892, № 2, 4; «О сойотах», Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, вып. 2, стр. 27; «Письмо Д. А. Клеменца на имя акад. В. В. Радлова. «Сб. трудов Орхонской экспедиции», т. 1. СПб., 1892, стр. 13—23; «Die Soioten», «Globus», 1885, № 8, § 127).

[52] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования Урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. XIV. (Далее: «Опыт исследования...»).

Н. Ф. Катановым во время экспедиции в Туву было сделано 140 записей образцов народной тувинской словесности, а также собран некоторый этнографический материал. Выдающимся результатом экспедиции Катанова был его фундаментальный труд «Опыт исследования урянхайского языка» — первое научное описание тувинского языка. «Опыт исследования», а также записи произведений народного творчества, сделанные Катановым, представляют существенный интерес для историка.

90-е годы ознаменовались рядом научных экспедиций, имевших целью исследовать естественные ресурсы Тувы. В 1892 г. иркутским генерал-губернатором была направлена экспедиция для продолжения работ по описанию и изучению пограничной линии с Китаем, начатых в 1887 г. экспедицией Бобыря и Ячевского. В составе этой экспедиции от местного географического общества вошел В. А. Ошурков, который сделал некоторые наблюдения над экономической жизнью усинских крестьян, а также тувинцев, опубликованные им в статье «Из странствий по земле Урянхов» [53]. В том же 1892 г. независимо от Ошуркова край обследовал ботаник П. Н. Крылов [54]. Через четыре года после Ошуркова и Крылова Туву посетил антрополог Горощенко [55].

Большое значение имела экспедиция этнографа П. Е. Островских и М. И. Райкова, совершенная летом

---

[53] В. А. Ошурков. Из странствий по земле Урянхов. «Сибирский сборник» под редакцией В. А. Ошуркова, приложение к «Восточному обозрению», 1892, вып. 1, Иркутск, 1893, стр. 73—132; см. также изложение доклада В. А. Ошуркова «Поездка в страну Урянхайцев 1891 года» (? — *В. Д.*), сделанного на заседании Географического отделения Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии 11 мая 1893 г. «Землеведение», 1894, т. I, кн. 2, приложения, стр. 14—15.

[54] П. Крылов. Путевые заметки об Урянхайской земле. Записки ИРГО по общей географии, 1903, т. XXXV, 2; Рецензия Н. В. Латкина, Изв. ИРГО, т. XXXVIII, 5, стр. 442—443.

[55] Результаты этой поездки освещены в следующих работах К. Горощенко: «Материалы по антропологии Сибири». «Записки Красноярского подотдела ВСОИРГО по этнографии», т. 1, вып. 2, 1904, Красноярск, 1905; «Сойоты». «Русский антропологический журнал», 1901, № 2, стр. 62—73. В этом же году Туву посетил в качестве представителя Усинского пограничного округа В. Небольсин, напечатавший о ней две статьи: «Из моих скитаний по Урянхайской земле» («Енисей», 1896, № 48, 57, 123) и «Урянхайская земля» («Енисей», 1896, № 71, 73, 80).

1897 г. Островских намеревался в 1897 г. посетить и изучить несколько хошунов тувинцев, но из-за недостатка времени ограничился поездкой только в Тоджинский хошун и собрал здесь значительные материалы. Это было первое более или менее специальное обследование этого отдаленного и действительно весьма интересного в научном отношении района Тувы. Правда, до Островских и Райкова о тоджинцах писали Потанин, Африканов и Катанов, но не на основе личных наблюдений.

Поездка в целом заняла три месяца, в Тодже путешественники пробыли пять недель. Островских и Райков изучали быт тоджинцев, производили антропометрические измерения, записывали произведения народного творчества и т. п. Как заявляет Островских, во время поездки они собрали большую коллекцию предметов быта тоджинцев, записали образцы речи, 20 песен, составили словарик из 900 слов, установили 350 собственных имен, сделали 200 фотографий и т. п. [56].

Полный отчет об этнографических и антропологических результатах поездки Островских не был напечатан вследствие недостатка средств у Географического общества, от имени которого велась экспедиция, однако основные результаты экспедиции П. Е. Островских изложил в статье «Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли» [57], которая затем в измененном и расширенном виде была опубликована под названием «Оленные тувинцы» [58] и частично в статье «Значение Урянхайской земли для Южной Сибири» [59]. В своих отчетах и статьях Островских подробно описывает тоджинское оленеводство, звероловство, обращает внимание на наличие ро-

---

[56] Ученый архив Всесоюзного географического об-ва, разряд 90 (ЖШ), оп. 1, № 29. П. Островских, Поездка в Тоджинский хошун (каждон) Урянхайской земли, 1897, л. 58.

[57] Изв. ИРГО, 1898, т. XXXIV, вып. IV, стр. 424—432. (Далее: «Краткий отчет...»).

[58] «Северная Азия», 1927, № 5—6 (17—18), стр. 79—94.

[59] Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, вып. III, стр. 321—353. Кроме того, им опубликованы следующие статьи: «Усинско-Урянхайский край». «Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1913 год», отд. 2, стр. 22—31; «Этнографические заметки о тюрках Минусинского края». «Живая старина». Отдел этнографии, 1895, вып. 1, стр. 297—348; Ueber die Musikinstrumente der Katschinzen, «Verhandlungen Anthropologischen Gesellschaft». Berlin, 1875, S. 616—618. Есть также у него посредственные по содержанию и слабые в худо-

довых пережитков в общественном строе тувинцев-тоджинцев, на административное управление, описывает их религиозные представления, дает характеристику нравственным качествам тоджинцев, приводит антропологические данные.

Райков опубликовал статью в форме дневника [60], в которой описывает свои впечатления от встреч с тувинцами, их одежду, быт, религиозные верования (довольно подробно празднование «майдыра»), рассказывает о торговле русских с тоджинцами. Непосредственность впечатлений, свежесть фактов делают эти записки Райкова довольно ценным источником.

Небезинтересны записи о тувинцах Черненкова [61].

Начало XX в. явилось периодом усиленного изучения Тувы.

Военно-разведывательные экспедиции Попова, Кремлякова, Михеева, археологические — Минцлова, Теплоухова, естественно-исторические — Ошуркова, Нестерова, Сушкина, Шишкина, Педашенко и Рачковского следовали одна за другой. Край изучался настолько интенсивно, что маршруты экспедиций и путешествий не только перекрещивались, но и совпадали по времени. Вместе с тем появились ученые, которые оставались в Туве на продолжительное время для систематического ее исследования в той или иной специальной области: так, инженер Порватов на протяжении многих лет изучал ископаемые богатства Тувы (медь, уголь, асбест и др.); Родевич три года подряд обследовал верховья Енисея и его притоков, занимаясь наряду с гидрографическими исследованиями и другими вопросами; А. П. Ермолаев, выехав с экспедицией Красноярского подотдела ИРГО, остался работать в мест-

---

жественном отношении очерки о тувинцах «Дитя природы» (из жизни Урянхов) («Сибирский наблюдатель», 1904, 11—12, стр. 51—52) и «Религиозный фанатизм Монголии» (там же, 1905, № 7, стр. 42—45, № 8—9, стр. 1—9).

[60] М. И. Райков. Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году. Изв. ИРГО, 1898, т. XXXIV, вып. 4, стр. 433—462. (Далее: «Отчет о поездке...»).

[61] Краткие сведения о сойотах, в связи с данными, извлеченными из описания и расспросов минусинского мещанина Черненкова о долине реки Бом-Кемчика (левое верховье реки Енисея). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXXX, СПб., 1907, стр. 33—61.

ной переселенческой организации и в течение трех лет вел этнографическое и статистико-экономическое изучение Тувы.

Многие исследователи обнаружили интерес к отдельным вопросам экономики, политики, быта и культуры Тувы: Боголепов изучал развитие торговли в Туве, Сушкин работал в области орнитологии, Анохин собирал и записывал на пластинки тувинские народные песни и т. д. Одни из этих исследователей и путешественников в своей работе в Туве встречали поддержку как со стороны русских правительственных, так и тувинских властей, другие, и таких было большинство, вели свои исследования в трудных материальных условиях, преодолевая всяческие препятствия со стороны представителей местных властей. Одни вели свои работы с полным знанием дела, прекрасно разбираясь в языке и быте тувинцев, умели создавать вокруг себя актив помощников из местного населения, другие оставались чуждыми местным интересам и ограничивались поверхностными наблюдениями. Эти путешествия и исследования велись следующими лицами и в таком порядке: в 1902 г.[62] Туву второй раз посетил Ошурков, на этот раз он путешествовал в ее западные районы; в 1902 и 1903 гг. в Туве были Ф. Я. Кон[63], В. Л. Попов[64], А. М. Остроумов[65], а также Ю. Н. Воронов, который посетил Туву и в следующем году[66]; в 1903 и 1914 гг. Туву посетил Грумм-Гржи-

[62] В. А. Ошурков. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в Западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола. Записки Красноярского подотдела ИРГО по физической географии, т. I, вып. I, СПб., 1906. (Далее: «Отчет...»)

[63] Ф. Я. Кон и Г. П. Сафьянов. Программа экспедиции в Урянхайскую землю. Изв. ВСОИРГО, 1904, т. XXXV, 1, стр. 72—88; см. также Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию. М., 1934.

[64] Краткое изложение доклада Попова В. Л. в заседании Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Проект его экспедиции в северо-западную Монголию. Отчет ИРГО за 1905 г., СПб., 1907, стр. 128—129; Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 году (сообщение о докладе В. Л. Попова на заседании Зап.-Сиб. отд. ИРГО 18 ноября 1903 г.). Отчет ИРГО за 1905 г. СПб., 1907, стр. 132—133.

[65] Краткое сообщение Остроумова о поездке в северо-западную Монголию. Урянхайцы и их страна. «Землеведение», 1904, т. XI, кн. I—II, стр. 287—288.

[66] Письмо Ю. Н. Воронова и ИРГО об экспедиции за Саяны летом 1904 г. Изв. ИРГО, 1905, т. XLI, вып. III, отд. Действия об-ва, стр. 17—18.

майло [67]. В 1907 г. исследованиями ее были заняты геолог Аргентов, географ Нестеров [68], Родевич [69], Михеев [70] и др. В 1908 г. продолжал свою работу Родевич, помимо него занимаются Тувой Булгаков [71] и Васильевы [72]. В 1909 г. Туву исследовали Шишкин [73], Анохин [74] и др. В 1910 г. здесь работала экспедиция Попова и Боголепова [75], в 1912 г. в Туве проездом был Беннигсен [76], в следующем году со специальными археологическими целями Туву по-

---

[67] А. Г. Грумм-Гржимайло. Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло. М., 1947, стр. 57.

[68] П. В. Нестеров. Предварительное сообщение о поездке в Минусинский край, Усинский пограничный округ и Урянхайскую землю. Труды Петербургского Об-ва естествоиспытателей. Протоколы заседания, т. XXXVIII, вып. 1, 1907—1908, стр. 283—290. Маршрут Нестерова в Саяны с зоологической и ботанической целями указан в кн.: Бородин. Коллекторы и коллекционеры по флоре Сибири. Труды Ботанического музея, 1908, вып. IV, стр. 201—203.

[69] Очерки Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). Составил инженер путей сообщения Вс. Родевич. СПб., 1910.

[70] Михеев, Генерального штаба капитан. Отчет о поездке в северо-западную Монголию и Урянхайскую землю. СПб., 1910.

[71] А. И. Булгаков. Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах. Очерки путешествия на моторной бензиновой лодке. Изв. ИРГО, 1908, т. XLIV, вып. VI, стр. 389—437 (Далее: «Верховья Енисея...»); его же. Некоторые данные об Усинском пограничном округе и об Урянхайской земле. «Вопрос колонизации», 1908, 3, стр. 288—297.

[72] В. Н. Васильев совершил в 1908 г. по поручению музея антропологии и этнографии при Академии наук поездку с этнографической целью в Центральную Азию. Он обследовал тофаларов, тувинцев и сопредельных с ними монголов. Однако о тувинцах автор не опубликовал отдельной работы, о них говорится в его статье «Краткий очерк быта карагасов» («Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2, стр. 46—76).

[73] Б. К. Шишкин. Верховья р. Енисея и его обитатели (Урянхайская земля). «Вестник Азии», 1910, 3, стр. 260; его же. Материалы к флоре Урянхайской земли Изв. Имп. Томского ун-та, т. LXXXV, 1909, стр. 1—24; его же. Очерки Урянхайского края. Изв. Имп. Томского ун-та, кн. LX. Томск, 1914. (Далее: «Очерки...»).

[74] И. И. Мягков. Искусство Танну-Тувы. Материалы по изучению Сибири, т. III. Томск, 1931, стр. 283—315.

[75] М. Боголепов. Очерки сибирской культуры (на границе с Сойотией). «Сибирская жизнь», 1912, № 58; М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию 1910 года. Труды Томского об-ва изучения Сибири, т. 1, Томск, 1911. (Далее: «Очерки...»).

[76] А. А. Беннигсен. Русское дело в Урянхайском крае. Изв. Имп. об-ва востоковедения, 1913, стр. 21—59.

сетил Теплоухов[77]. В 1914 г. по Туве путешествовали Минцлов[78] и Минцлова[79], в 1915 г.— А. П. Ермолаев[80].

Не все из перечисленных выше лиц, имевших возможность непосредственно наблюдать тувинскую жизнь, оставили после себя какие-либо специальные сообщения об общественной жизни тувинцев. Многие из них, путешествуя по Туве, совершенно не интересовались ее населением, и все же историк обязан их знать, так как такой индифферентный к местной жизни путешественник или исследователь иногда точно фиксировал такие явления в жизни тувинцев, которые пропускал иной специалист-этнограф.

В этом отношении для историка представляют интерес «Очерки» Шишкина, записки Булгакова, Нестерова, Михеева.

Отдельные труды и статьи перечисленных выше лиц не одинаковы как по своему содержанию, так и по форме изложения: одни глубже проникают в сущность сообщаемых сведений, умеют выделить главное, другие дают поверхностное описание виденного, их взгляд скользит по внешним, бьющим в глаза явлениям местной жизни (например, Минцлова); одни строго проверяют замеченный факт, прежде чем дать его в печать, указывают источники, пытаются вникнуть в смысл этого факта, другие основываются на слухах, сообщениях случайных лиц, выдавая их за собственные наблюдения, не вдумываются в сообщаемые ими факты.

Из всех путешественников и исследователей Тувы начала XX в. особо должен быть отмечен Ф. Я. Кон, наиболее глубоко и достоверно описавший экономику и быт тувинцев.

---

[77] С. А. Теплоухов. Сообщение о поездке в Урянхайский край с антропологической, археологической и этнографической целью летом 1913 года. *Двадцатилетие кафедры географии и этнографии при* Казанском университете. «Землеведение», 1913, т. 20, кн. 4, стр. 146—147.

[78] С. Р. Минцлов. Секретное поручение. (Путешествие в Урянхай) Рига, б. г.

[79] К. Д. Минцлова. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Пг., б. г.

[80] А. Ермолаев. *Краткий отчет об исследованиях* в Урянхайском крае в 1915—1918 гг. «Сибирские записки», 1919, № 5, стр. 34—39.

Для истории Тувы имеют значение в первую очередь работы В. Л. Попова, В. М. Родевича и А. П. Ермолаева, в которых отображено современное путешественникам положение тувинского народа.

Попов посетил Туву дважды, в 1903 [81] и 1910 гг. В своих работах [82], касаясь преимущественно так называемого Урянхайского пограничного вопроса, автор сообщает интересные сведения о русском населении в Туве, его взаимоотношениях с тувинцами, о деятельности местных тувинских властей и т. п.

На личном изучении Тувы основаны работы В. М. Родевича. Он относится к той группе русских чиновников (Попов, Беннигсен, Чакиров и др.), которая энергично пропагандировала необходимость захвата Тувы Россией. Историку надо иметь в виду, что все проблемы тувинской жизни рассматриваются этой группой путешественников и исследователей именно под этим углом зрения. Этнографические сведения, имеющиеся в работах Родевича, не дают чего-либо нового в сравнении с замечательными исследованиями в этой области Ф. Кона. Работы Родевича ценны тем, что в них излагается политическая история Тувы за 1906—1909 гг., подробно говорится о предпринимательской деятельности русских купцов и промышленников в Туве, о развитии золотопромышленности, о хозяйственной деятельности русских крестьян-переселенцев.

О работах Ермолаева мы упоминали в предыдущей главе.

Говоря о путешественниках и исследователях Тувы XX в., надо отметить и поездки иностранцев в Туву. В 1910 г. здесь находилась английская экспедиция Каррутерса, Миллера и Прайса. Каррутерс опубликовал двухтомную работу с описанием исследованных им стран Центральной Азии [83]. Она довольно поверхностна, выводы ав-

---

[81] ЦГВИАМ, ВУА, д. 77901. О снаряжении в северо-западную Монголию экспедиции под начальством старшего адъютанта Попова, 1903. До поездки в Туву Попов участвовал в полевых поездках в неисследованные части приграничного Алтая в 1901 г. и в Восточные Саяны в 1902 г.

[82] В. Попов. Через Саяны и Монголию, ч. 1. Омск, 1905; его же. Второе путешествие в Монголию 1910 г. Иркутск, 1913.

[83] D. Carruters. Unknown Mongolia. A record of travel and exploration in North-West Mongolia and Dzungaria. London, 1914. Перевод этой книги Каррутерса на русский язык сделал Турчанинов

тора часто примитивны, многие факты искажены. Крайне мало найдет в ней для себя исследователь социальных отношений у тувинцев. Каррутерс попросту не интересовался этим вопросом.

Интересный материал об общественной жизни тувинцев содержится в популярном очерке Ольсена Ерьяна [84], посетившего верховья Енисея в 1914 г. в составе норвежской экспедиции.

3. ДРУГИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Ценным источником для познания прошлого Тувы, своеобразной народной историографией являются разнообразные формы тувинского народного творчества.

Н. Ф. Катанов писал, что тувинцы сохранили мало преданий о своем прошлом [85]. Между тем это не совсем так. Дело объясняется тем, что Катанову во время его кратковременной поездки по Туве просто не удалось записать ни одного исторического сказания. Тувинские же легенды о прошлом записаны рядом ученых, например Потаниным [86], Коном [87], Сафьяновым [88]. Не мало воспоминаний о прошлом имеется в тувинских богатырских былинах. Есть легенды о реальных исторических личностях, например об Амурсане (Потанин, Кон). Интересны легенды «Темир сал», «Хоярхан» и «Сказка о великой ночи», записанные И. Г. Сафьяновым. В тувинском народном творчестве отразилась борьба аратских масс против феодалов

(Д. Каррутерс. Неведомая Монголия. СПб., 1914). Перевод неудачен, содержит крупные ошибки.

[84] См. Труды Сибирского ветеринарного института, вып. X, Омск, 1929, стр. 375—380.

[85] Н. Ф. Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Сб. в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 265.

[86] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. II, 1881, стр. 146—181; вып. IV,1883, стр. 167 и сл.

[87] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию...

[88] П. Г. Сафьянов. Поэзия сойот. «Минусинский листок», 1915, № 26; его же. Весенние мотивы. «Минусинский листок», 1915, № 108; его же. Прошлое и настоящее Сойотии. Минусинск, 1915; см. также П. Калиничева. Фольклор Тувинского народа. ПЗЛС. 1943, 1—2, стр. 65—73; Н. Талызин. Две Урянхайские сказки. Изв. ВСОИРГО, 1894, т. XXV, № 1, стр. 97—102 («Три дочери хана», «Белый конь», и др.)

и чиновников. Красочные и высокопоэтические сказания раскрывают отношение народа к своему прошлому и его героям. Однако пользоваться народным творчеством следует весьма осторожно, так как нередко за народное творчество выдаются произведения, вышедшие из кругов нойонов и отражающие феодальную идеологию (например, многочисленные рассказы о так называемой Чингисхановой дороге, ряд сказаний о Чингисхане и т. д.).

Очень часто для исторического исследования в качестве исторического источника привлекается художественная литература. Молодая тувинская литература не может пока похвастаться количеством произведений, отражающих жизнь прошлого, но одно, и самое значительное ее произведение имеет для историка характер первоисточника. Мы имеем в виду повесть Салчака Тока «Слово арата», в которой убедительно рассказывается о жизни аратства в старой, дореволюционной Туве. Эта повесть вызывает у историка живейший интерес.

Многие старики-араты хранят в своей памяти яркие факты из прошлого, воспоминания о важных исторических событиях, участниками или современниками которых они были. При недостатке иных источников рассказы аратов о прошлом приобретают нередко первостепенное значение как ценный историко-этнографический источник.

Записи таких рассказов стали производиться впервые Тувинским НИИЯЛИ и областным музеем. Они производились: 1) в виде записи рассказов аратов по определенной тематике или об отдельном важном историческом событии, факте; 2) в виде рассказа арата о его личной жизни, через которую раскрываются общие условия существования тувинского народа; 3) иногда в виде ответов аратов на определенные вопросы в процессе беседы. Несмотря на свою субъективность и другие недостатки, присущие этого рода источникам, записи эти дают возможность многое понять и объяснить в прошлом тувинского народа. Заметим еще, что этот метод изучения прошлого дает ощутительные результаты только при его широком применении.

В тувинских научных учреждениях хранятся десятки записей рассказов и бесед со стариками-аратами. Их можно отнести к трем группам: 1) записи воспоминаний аратов о восстании алдан-маадыр; 2) записи воспоминаний

участников событий 1912 г.; 3) записи бесед с аратами об их жизни и по отдельным вопросам социально-экономической жизни Тувы перед революцией.

Записи производились, как правило, сотрудниками научных учреждений, знающими историю Тувы, но, к сожалению, не всегда обладающими должной подготовкой для такой работы. Наибольшее количество записей сделали Ц. Танов, О. Данзын-оол, Лопсан и др. Записи производились на тувинском языке. Самые ранние из них относятся к 1941 г., но таких не особенно много; основную часть записей рассказов аратов составляют воспоминания о восстании 60 богатырей. Записи сделаны со слов стариков в возрасте 65—85 лет, т. е. людей, которым в момент «восстания» было от 5 до 25 лет. Всего таких записей свыше 20 [89]. В рассказах заключено описание хода выступления, очень скупо определяется его программа, отношение к нему населения, описаны подавление восстания, жестокость наказания, отзвуки восстания в народе. Многие из рассказчиков называют имена участников движения алдан-маадыр, которые неизвестны по документам. Таким путем удалось установить 37 имен участников движения. В некоторых рассказах преувеличивается значение и размах самого восстания, приукрашиваются события и т. д. Между различными рассказами имеются противоречия, которые не всегда удается устранить из-за отсутствия более достоверных известий. Рассказчики сообщают народные песни о героях алдан-маадыр.

Естественные недостатки записей о восстании 60 богатырей все же не лишают записи значения для познания прошлого Тувы, так как они позволяют понять внутренний смысл этого народного движения, разобраться в его причинах, ходе и последствиях. Алдан-маадыр — единственное в XIX в. крупное выражение стихийной борьбы наро-

---

[89] Материал для них дали следующие лица: Андар Челбен (прозвище Супуутук) — 84 лет, Монгуш Маннай — 50 лет, Ооржак Чотпа — 81 года, Ооржак Саспыкпан — 84 лет, Кужугет Тондук (Кок чангын) — 79 лет, Сая Севек — 75 лет, Сарыглар Амзырай — 78 лет, женщина Ыймаан (имя произведено от русского мужского имени Иван) — 77 лет, Салчак Соян Чаш-оол — 83 лет, Хомушку Суруи — 63 лет, Адаштаи — 67 лет и др. Среди рассказчиков есть близкие родственники участников движения (Монгуш Маннай, Адаштай).

да против феодалов — представлено небольшим количеством документов, поэтому записи экспедиции Тувинского музея 1942 г.— весьма ценный материал для восстановления подлинной картины алдан-маадыр, для выяснения характера классовой борьбы в Туве в XIX в.

Недостаток исторических свидетельств по истории социальных отношений в Туве вынуждает нас прибегать и к такой форме получения необходимых сведений, как беседы со стариками-аратами об их прошлой жизни, что помогает выяснить наименее изученные, а вместе с тем — наиболее актуальные вопросы.

В этих беседах всегда выяснялись определенные стороны жизни арата. Для беседы избирались араты, имеющие большой жизненный опыт, сохранившие память, отличающиеся наблюдательностью и т. д. Они подробно рассказывали о своей личной жизни, об условиях, в которых они жили в прошлом, вспоминали о жизни отца, о его и своем хозяйстве, работе на бая, о повинностях, албане, чиновниках, о богачах и их имуществе. Иногда вся беседа посвящалась выяснению одного вопроса, например, о крупном тувинском богаче Ачикае и организации им своего хозяйства, о повинностях медээ и т. п. Все это необходимый и ценный материал для изучения особенностей социально-экономического строя, форм феодальной эксплуатации и т. д. Сведения, сообщаемые в такого рода беседах, легко проверяются опросом других лиц, знающих рассказчика, а также факты, о которых он рассказывает. В беседах принимали участие различные по своему положению лица: бывшие батраки, бедняки и середняки, лица, отбывавшие повинности медээ и соодала, бывшие арбанные тарги, тара тарги и др. Это позволяло в беседах правильно установить немало социальных явлений и институтов старой Тувы.

Известное значение для истории Тувы имеет русская пресса. Статьи и заметки о Туве стали появляться в русских газетах с 60-х годов прошлого столетия. О Туве писали «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Восточное обозрение», «Сибирский край», «Сибирская жизнь», «Сибирь», «Минусинский край», «Минусинский листок», «Молодая Сибирь», «Золото и платина», «Енисейская мысль», «Правительственный вестник», «Наше хозяйство», «Енисей», «Отклики Сибири», «Сибирский наблюдатель», «Новое время», «Горные и золотопромышленные известия»,

«Красноярские отголоски», «Красноярец», «Сибирская мысль», «Сибирское слово» и др. В поздний период мы встречаем известия и крупные статьи о Туве в журналах «Вестник Азии», «Дальневосточное обозрение», «Вопросы колонизации», «Окраины России», «Журнал Министерства народного просвещения», «Архив ветеринарных наук», «Сельское хозяйство и лесоводство» и в таких изданиях, как «Статистический обзор Енисейской губернии», «Статистический обзор Иркутской губернии», во всевозможных справочниках («Сибирский торгово-промышленный календарь» и др.). Все эти газеты и журналы самых различных направлений и взглядов интересовались Урянхаем долгое время главным образом с точки зрения развития через него торговли с Китаем.

Заканчивая обзор источников по истории Тувы, следует указать еще на один источник — статистико-экономические материалы по исследованию Тувы после революции. Как уже говорилось, в 30-х годах советскими научными учреждениями был проведен ряд экспедиций по всестороннему изучению экономики, быта и социальных отношений тувинского населения, сохранявших тогда еще в значительной степени самобытные формы, что и делает их ценными для целей нашей работы. Укажем здесь материалы подворного обследования 1930 г.[90], материалы сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г.[91], впервые давшие более или менее отчетливую картину состояния хозяйства Тувы.

[90] Тувинский НИИЯЛИ, рукоп. фонд. Материалы подворного обследования тувинских хозяйств 1930 года, под ред. Х. М. Сейфулина.

[91] Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года, М., 1933.

Глава третья

ХОЗЯЙСТВО ТУВИНЦЕВ

Тува в хозяйственном отношении разделялась на два района: восточный и западный.

Огромный по территории восточный район — Тоджа был слабо заселен, в нем насчитывалось всего лишь около двух с половиной тысяч населения, которое было занято оленеводством, охотой и только отчасти скотоводством [1]. Ремесла в этой области были почти совершенно не развиты, земледелия не существовало. По заявлению тех, кто посещал этот район, население его отличалось от остального тувинского населения этническими признаками, некоторыми обычаями и т. п.

Западный и центральный район Тувы были заселены гуще, здесь кочевала значительная масса тувинского населения, концентрировавшегося больше всего на среднем течении Хемчика и по его притокам Барлыку, Чадаане, Чаа-Холю и др. Основным занятием этого населения было скотоводство; второстепенное значение имели земледелие, охота и ремесло. В этом районе Тувы была сосредоточена наибольшая доля средств производства тувинских племен. Уровень производства и социальных отношений был здесь выше, чем в Тодже.

1. СКОТОВОДСТВО

Район Верхнего Енисея был известен с древних времен как область кочевого скотоводства [2]. И у тувинцев веду-

[1] Из четырех тоджинских сумонов скотоводством занимался только один сумон — Кол-сумон (основной), остальные занимались исключительно оленеводством. Есть основания полагать, что население Кол-сумона переселилось в Тоджу из центральных районов Тувы.

[2] Археологи относят начало разведения скота в этой области к Афанасьевской эпохе, т. е. к III или началу II тысячелетия до н. э.

щей отраслью хозяйства было также скотоводство. Об этом свидетельствуют исторические документы. Еще Василий Тюменец, посетивший этот район в 1616 г., сообщал, что в Мацкой земле он получил на питание «мясо боран, да молоко коровье и кобылье, да кумыз из молока же кобылья» [3]. Это же подтверждается Пестеревым (70-е годы XVIII в.), писавшим о населении приграничной полосы: «Живущие по реке Бом Кемчугу и по речкам Алашу, Баян Журеку, Улетского рода сойоты в скоте имеют великое изобилие, как я довольно от них, тож и от бывших прежде сего в тех местах русских слыхал» [4].

Тувинцы, как и другие народы Алтае-Саянского нагорья и Центральной Азии, разводили овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей, оленей, имели они в небольшом количестве верблюдов и сарлыков (яков) [5].

Развитие скотоводства в Туве в значительной мере определялось благоприятными природными условиями.

Качество тувинского скота на протяжении всего изучаемого периода оставалось сравнительно низким. Правда, некоторые виды его, например рогатый скот, как это утверждают специалисты, были лучшего качества, чем в соседних областях. Овца, бытовавшая в Туве, являлась отродьем монгольского типа, это мясо-сальная овца с грубой шерстью и небольшой молочностью. Она доставляла тувинцу молоко и мясо, шерсть для одежды и войлоков и т. п., а в степи и топливо. Продуктивность тувинских коз и овец была незначительной; коза за удойный период давала 110—115 л молока, т. е. примерно столько же, сколько монгольская коза; естественно, еще меньше давала овца. Овца доилась только весной и летом (с марта — апреля по июль; осенью не доили, потому что в октябре случка).

(С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 47).

[3] Ф. И. Покровский. Путешествия в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (мнимое путешествие атамана Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 году). Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. Ак. наук, т. XVIII, кн. 4. СПб., 1914, стр. 273.

[4] НЕС, 1793, ч. LXXX, стр. 70—71.

[5] В глубокой древности у народов Верховного Енисея преобладали в стаде овцы и козы. Так, например, в Карасукских стоянках археологи чаще всего находят кости овец, о том же говорит и широкое распространение изображений овцы (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 142).

Ее доили один раз в день и в редких случаях два раза, она давала за один раз до 0,5 л молока, а за весь период дойки 60—65 л [6]. Помимо молока, овца давала шерсть. Но шерсть в более отдаленные времена многие араты не стригли или стригли мало, только во второй половине XIX в. некоторые из них стали переходить к более постоянной стрижке овец (два раза в год) особыми, кустарного изготовления ножницами (хачи) [7]. Всего с овцы состригали от 0,5 до 1,25 кг шерсти [8]. Шерсть, как правило, не мыли, исключая ту, которая шла на изготовление белых кошм для юрт богачей. Обычно обработка шерсти ограничивалась тем, что палками выбивали из нее особенно крупные комки грязи, сама шерсть при этом разбивалась плохо. Овечья шерсть шла на производство кошм, постельных принадлежностей, ночного покрывала (энчек), носков (ук), ковров, потников для седелок (ченак — для лошадей, ком — для быков). Козью шерсть [9] использовали только самые бедные араты, не имевшие овец. Во время линьки коз они собирали их шерсть и, смешивая ее с шерстью других животных, приготовляли нитки (удазын) и арканы (*аргамчы*).

Овчина была не очень высокого качества. Из козьих шкур делали переметные сумы, охотничьи сапоги (хап-

---

[6] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд, Расторгуев А. В. «Тувинский рогатый скот», 1935, стр. 29.

[7] Впрочем, Д. Мурзаев писал: «Многие сойоты до сих пор не научились стричь овец и довольствуются сбором шерсти, падающей с животного в период линяния» («Краткий очерк скотоводства и ветеринарно-санитарного состояния Урянхайской земли». «Архив ветеринарных наук» за июнь 1905 г. Отдельный оттиск. СПб., 1905, стр. 12). А. М. Позднеев пишет, что чахары также не стригли сами своих овец, а сдавали шерсть китайцам прямо на овце (А. М. Позднеев. Замечания на дневник по Монголии, 1847 г., архиманд. Палладия. Записки ИРГО по общей географии, т. XXII, № 1, СПб., 1892, стр. 153).

Овец стригли дважды в год, второй раз (осенью) состригали шерсть только с боков, а вдоль спины и на холке ее оставляли на зиму. Осенняя шерсть называлась агар; для того, чтобы получить войлок, надо было смешать агар с дук — шерстью весенней стрижки.

[8] Насколько мал был этот настриг, показывает то, что в 1945—1946 гг. в Тувинской Автономной области эта местная тувинская овца, метизированная с каракулевой, давала шерсти до 2,5 кг, а ее живой вес доходил до 55—60 кг.

[9] Коз стригли один раз в год, шерсть (дук) теребили, выделяя пух (чоок), который шел на подкладку и т. д., а из длинной шерсти вили веревки.

ыдак), куртки (шээжимек), кожаные штаны (шодак) для борцов и др.

Мясо овцы составляло основную мясную пищу тувинцев; убойный вес овцы колебался (в зависимости от возраста) от 10 до 24 кг.

Наличие большого количества овец в хозяйстве оказывало очень сильное влияние на уклад жизни тувинца. Ермолаев по этому поводу писал: «Расположение зимников дает косвенное указание на то, что главная масса хозяйств нуждается зимою в пастбищах для овец и потому идет в горы, сравнительно немногие находят возможным зимовать в долинах рек на большетравии, нужном для рогатого скота, коневоды держат свои табуны отдельно под пастухом в степях».

Лошадь в Туве в старое время являлась показателем богатства бая. Тувинская лошадь отличалась многими положительными качествами. Некоторые знатоки тувинской лошади, благодаря ее выносливости, нетребовательности к уходу и корму, способности свободно проходить горные ущелья, ставили ее в ряд с лучшими породами лошадей востока. Тувинская лошадь являлась, прежде всего, средством транспорта [10], но использовалась и в качестве молочного и мясного животного. Кобылиц доили с припуском жеребенка 5—7 раз в день в течение полутора-двух месяцев (июль — август). Доились они обычно до 15 лет [11]. Лошади летом паслись отдельно, а зимой — совместно с остальным скотом. Вследствие того, что лошадь играла особую роль в накоплении богатства и была олицетворением богатства и силы феодала, на нее обращалось больше внимания, чем на другой скот. Это единственный вид скота, который в какой-то мере улучшали путем отбора лучших экземпляров.

Происхождение тувинского рогатого скота точно не определено, известно только, что по своим остеологическим данным к тувинскому скоту близок якутский рогатый скот, что и дало основание некоторым исследователям объединить тувинскую породу скота, хотя и с некоторыми оговор-

---

[10] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд. Расторгуев А. В. «Лошадь кочевого населения юго-западной части Тувинской Народной Республики», стр. 9.

[11] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 77.

ками, в один тип с якутской породой — в так называемую группу «калмыкоидов» [12].

Рогатый скот использовали одновременно как скот молочный, мясной и рабочий. Тувинская корова доилась обычно 8 месяцев [13] и в течение года давала 400—450 л молока. Волов, так же как и лошадей, использовали для перекочевки и обработки пашни.

Таковы качества основных видов тувинского скота. Что же касается верблюдов и сарлыков (яков), то их в Туве было немного [14]. Число верблюдов здесь (главным образом в южных районах) определялось сотнями голов. Они были вывезены, видимо, из Монголии. Как правило, это животное встречалось только в стаде богатых тувинцев-скотоводов [15]. Сарлык, которого тувинцы называли иногда «монгуш инек» (т. е. монгольская корова), также исчислялся сотнями голов. Это хорошо приспособленное к суровым горным условиям животное, долгоживущее (свыше 30 лет), дающее молоко, мясо шерсть и пригодное под вьюк, встречалось только в южных горных районах, потому и не было характерным для тувинского стада.

В восточных районах Тувы — Тоджe решающую роль в жизни населения играл олень. Олень с давних времен был приручен и использовался тоджинцами. Русские документы XVII в. свидетельствовали, что главным занятием жителей Саян было оленеводство [16]. Это же подтверждает и Пестеров [17]. Лошадей тоджинцы имели очень мало. Так,

---

[12] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд, Сенягин Я. «Происхождение тувинского крупного рогатого скота», 1934, стр. 19, 23, 32.

[13] Тув. НИИЯЛИ, Расторгуев А. В. «Крупный рогатый скот», стр. 137.

[14] Сарлыков разводили преимущественно в районе оз. Терехоль, в 1915 г. их насчитывалось здесь свыше 200 голов.

[15] Так же как и в Монголии, в Чахаре владелец верблюдов считался богатым человеком (А. М. Позднеев. Замечания на дневник по Монголии, 1847 г., архиманд. Палладия. Записки ИРГО по общей географии, т. XXII, № 1, стр. 151).

[16] Вот что мы читаем в донесении В. Тюменца (1616): «А ис Табынские земли шли оне на Саянскую землю, а в ней князек Кара-Сакул с товарыщи; живут себе межь гор и лесов по речкам; горы каменны, а леса черные, болшие, а сколько их всех, того им сметить было нелзе, потому что живут в розни; а слухом оне про них слышели, что их с 5000 человек. А ездят на оленях и на конях, а ясак дают Алтыну Царю» (Ф. И. Покровский. Указ. соч., стр. 272).

[17] НЕС, 1793, ч. LXXX, 55.

например, по неточным данным заведующего устройством русского населения в Урянхае, у тоджинцев в 1915 г. было около 15—20 тыс. оленей и около 700 лошадей — «другого скота у них обычно нет» [18]. Это и понятно: климатические условия Тоджи благоприятны для разведения оленя. Высокогорная область с большими запасами лишайников и мхов, видимо, была в древнее время одним из районов обитания дикого оленя, который и сейчас изредка встречается здесь. Саянский олень крупнее своего северного собрата и лучше приручен [19]. У него крепкий позвоночник, и седлают его как лошадь, прямо на спину (седло конского типа); северный же олень имеет более слабый хребет, его седлают на лопатки мягким и легким седлом. Олень не требует большого ухода, он круглый год сам находит корм. Между тем олень является единственным животным, которое в условиях тоджинской горной тайги может служить средством передвижения, так как лошадью там пользоваться нельзя из-за мягкости грунта и отсутствия необходимого для нее корма. На олене тоджинец кочевал, охотился и поддерживал связь с внешним миром. Олень является и молочным животным, его молоко отличается

[18] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 31. «Разведение рогатого скота тормозится, лошади еще могут биться на подножном корму и при 12-ти вершковом снеге, но коровам это уже не под силу» (там же, л. 33). О соотношении между количеством оленей и лошадей у тоджинцев мы можем судить по данным Венкеля, который в 13 аалах Ак- и Кара-сумо, им обследованных, насчитал 4300 оленей и 216 лошадей (ГАНО, ф. 47, д. 260 лл. 13—16).

[19] Грумм-Гржимайло, сопоставляя данные Каррутерса (точнее Миллера — спутника Каррутерса) с данными о среднем росте домашнего и европейского оленя (1,08 м), предлагает с осторожностью относиться к заключению Каррутерса о крупном росте тоджинского оленя. Между тем заключение это близко к истине. Для подтверждения этого приведу результаты обмера саянских оленей у тоджинцев, проведенного обследовательской бригадой учителей в 1931 г.: «Бык 1 год — высота 116—109 см, длина — 97—95 см, объем (груди) — 132—124 см. Матка 1 года, высота — 105—110 см, длина 92 см, объем 150 см. Бык 3 года — высота — 122 см, длина — 107 см; объем 150 см. Бык 4 года — высота — 123 см, длина 115 см, объем — 150 см. Бык 6 лет — высота — 127 см., длина — 115 см., объем — 150 см. Матка 10 лет — высота — 130 см., длина — 108 см, объем — 150 см. Матка 1 год — высота — 106 см., длина — 90 см.» (Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд. Материалы подворного обследования тувинских хозяйств 1932 г. Кызыл, 1932, л. 64. (Далее: «Материалы...»). Эти данные, выбранные как средние из обследования 1459 оленей, убедительно говорят о крупном типе тоджинского оленя.

густотой. В день самка оленя давала до 0,4 л молока. Важенка телится обычно в апреле — мае, теленок сосет ее в течение 4 и даже 5 месяцев, доят же для себя оленей тоджинцы в течение четырех месяцев, в это время оленье молоко составляет почти основную их пищу. Дойка важенки мало отличается от дойки коровы, ее доят с припуском теленка, ему дают сосать матку 3 раза в день из двух сосков, в то время как два другие закрывают рукой и выдаивают.

Русские документы XVII в. отмечали, что саянцы потребляют оленье мясо в пищу [20]. По данным бригады учителей, обследовавших Тоджу в 1931 г., тувинцы поедали в год 21,5% оленей [21]. Таким образом, олень имел универсальное значение в жизни тоджинца, он обеспечивал ему пищу и транспорт.

Уступая в некоторых отношениях так называемому культурному скоту, тувинский скот имел и свои положительные стороны: сравнительную нетребовательность к кормовому режиму и уходу, выносливость. Это в какой-то мере компенсировало его низкую продуктивность.

Снега в западной Туве выпадает сравнительно мало и скот круглый год находился на подножном корму. До прихода русских тувинцы не знали сенокошения и делали лишь незначительные заготовки травы для подкормки самых слабых животных (преимущественно молодняка) в тяжелую весеннюю пору. Осташкин, например, пишет: «Сено для скота сойоты вовсе не запасают и смеются над русскими, что они кормят свой скот мертвой травой, т. е. сеном» [22]. Способ заготовки травы у тувинцев описан Сафьяновым следующим образом: не зная кос и серпов, тувинцы резали траву своими длинными ножами, после чего скручивали ее в канаты длиной до трех сажен, толщиной до трех вершков, развешивали такие толстые канаты гирляндами по деревьям и высушивали, зимой же, по мере надобности, канаты раскручивали, и получалось

---

[20] Так, например, В. Тюменец доносил, что во время его поездки к Алтын-хану в 1616 г. ему в Саянской земле князек Кара-Сакул дал в дорогу «мяса оленья, доволно чем и до Матцкие земли дойти, и на завтрее же от себя их отпустили» (Ф. И. Покровский. Указ. соч., стр. 273).

[21] Тув. НИИЯЛИ, Материалы..., лл. 61, 62.

[22] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1451.

прекрасное душистое сено. Так же заготовляли сено и алтайцы. Понятно, что при таком примитивном способе заготовки нельзя было иметь большие запасы сена.

Содержание скота на подножном корму отрицательно сказывалось на животных, так как они должны были тратить очень много сил на добывание корма, часто подвергались всевозможным болезням, мору и т. п.

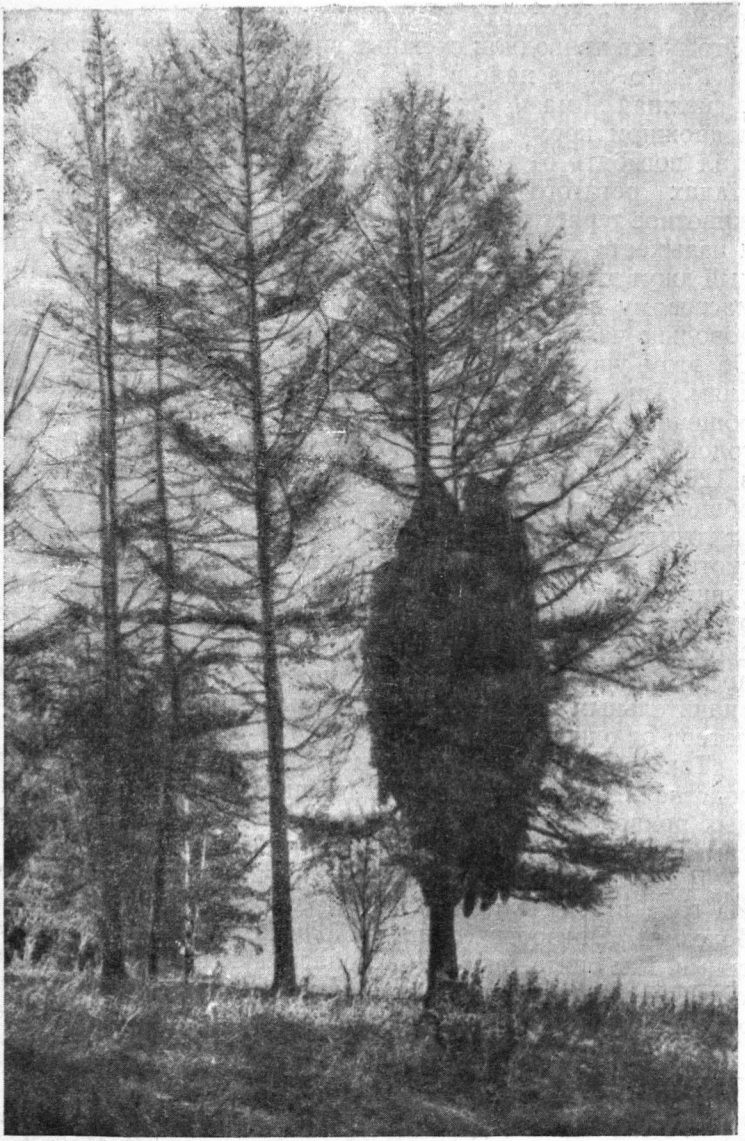
Тувинцы в прошлом не имели специальных теплых помещений для животных. Летом весь скот находился в открытых загонах, зимой же козы и овцы содержались в природных укрытиях, чаще всего в узких горных долинах, в пещерах и других местах, защищенных от ветра. В некоторых случаях, правда, практиковалось и устройство примитивных помещений для скота: это были грубо сколоченные из бревен наземные постройки, с потолком и полом, но уборки в них не производили, там быстро скапливалась грязь, появлялась сырость и от этого большое количество животных гибло. Отсутствие теплых помещений приводило главным образом к большим потерям молодняка. Достаточно было небольшого заморозка даже в летнее время, чтобы ягнята замерзали десятками. Не всегда спасал их и перевод в юрты.

Бичом тувинского скотоводства являлась бескормица [23]. Она обычно наступала в начале весны, в самое страшное для тувинца-скотовода время. Трава, которая хорошо сохранялась под снегом, при первых оттепелях ложилась и быстро загнивала, снег же, превращавшийся во время оттепели в кашицу, затем смерзался в ледяную корку, которую животному трудно было разбить копытами. Кроме того, весной во время частых снежных бурь зимние пастбища заносило толстым слоем снега, который после оттепелей покрывался плотным настом и скот оставался без

---

[23] Джут, или массовая гибель скота от бескормицы, на территории Центральной Азии известны с древнейших времен. Так, китайские летописи сообщают, что еще в 104 г. до н. э. «зимою в земле хуннов выпал глубокий снег; почему от стужи и холода много скота пало». В 89 г. до н. э. «случилось, что сряду несколько месяцев шел снег, и это произвело падеж скота, заразительные болезни между людей и хлеб на полях не созревал». То же было в 72 г. и т. д. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание..., т. I, стр. 71, 76, 82.

Пестерев рассказывает, что в 1775 г. у тувинцев был большой джут, НЕС, 1793, ч. LXXX, стр. 69.

Способ хранения сена

корма. В результате возникал массовый падеж скота. К тому же приводили снежные зимы и сильные холода.

Много скота пало в 1885 г. В этом году была суровая и снежная зима и «скот всегда перебивавшийся зиму на подножном корму, так как сойоты сена не заготовляют, стал погибать от голода и морозов». «Голод вызывает в стадах рогатого скота особенную болезнь — сначала животное теряет шерсть, делается голым, затем паршивеет и издыхает» — сообщалось в «Сибирской газете». Страшный джут этого года привел к сильному упадку торговли и массовому голоду среди тувинцев [24]. Джуты бывали довольно часто, нанося большой урон скотоводству Тувы. Об этом уроне мы можем судить по позднейшим сведениям. Так, во время джута 1933—1934 гг., по одним сообщениям, пало 118 тыс. голов [25], а по другим — 128 395 голов [26]. Если взять среднюю между этими данными цифру в 120—125 тыс. голов, это составит примерно 15—17% к общему количеству скота. Таким образом, в 1933—1934 гг. от джута пала одна шестая или одна седьмая всего скота, и это, несмотря на наличие сенокошения у самих тувинцев, завоз сена из Советского Союза и запасы его у русских жителей в Туве, которые оказывали помощь тувинскому населению во время голодовки скота. Отсюда понятно, что в далеком прошлом падеж скота был еще более значительным и требовались годы, чтобы восстановить потери от одного джута.

Таким образом, усвоенная тувинцами система скотоводства без сенокошения и каких-либо укрытий для животных приводила к периодическому падежу скота, а тем самым к крайней неустойчивости всей экономики.

Джут не был единственной причиной падежа скота. Из года в год скотоводство страдало от всякого рода болезней. Эпизоотические заболевания были хроническими. Мы опять-таки не располагаем точными и систематическими данными об этом, но имеем возможность судить об общем характере эпизоотических заболеваний скота и

---

[24] «Сибирская газета», 1885, № 15.

[25] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд, Санин В. М. «Животноводство ТНР», стр. 6.

[26] *Михайловский.* На борьбу с джутом. «Новая Тува», 1937, № 3, стр. 56.

падеже его от болезней. Бывший ветеринар Усинского пограничного округа Д. В. Мурзаев, имевший возможность серьезно изучить этот вопрос и в Туве, писал: «Не проходит года, чтобы скот не падал жертвой какой-либо эпизоотии, причем последние появляются или разом во многих местах или в каком-либо одном суме, хошуне»[27]. Для подтверждения своего вывода он привел фактические данные из дел Усинского пограничного управления для целого десятилетия с 1889 по 1899 г. Получается следующая картина: 1889 г. Чума рогатого скота, занесенная из Монголии, распространилась в системе р. Тесь и по южному склону Танну-олы. 1890 г. Чума в районе Оюн-хошуна. 1891 г. Чума в сумоне Соен по р. Теси. Сибирская язва в Оюн-хошуне. 1892 г. Чума в Оюн-хошуне. 1893 г. Чума на Кемчике, на р. Уюке. 1894 г. Чума по всей Туве. 1895 г. Чума в местности Гагуль. Бескормица от засухи. 1896 г. Чума прекратилась, но в этом и следующем году свирепствовала оспа овец. 1898 г. Бескормица. Глубокий снег. 1899 г. Благополучен.

Таким образом, из десяти лет только один год был без заболеваний скота, а в остальные девять свирепствовали чума и оспа. Сначала чума появилась в районах за Танну-ола, затем распространилась на другие районы, и наконец, в 1894 г. прокатилась по всей Туве. Наиболее частыми болезнями скота являлись: среди лошадей — сибирская язва (аарыг), сап (ямы), ящур (чараалаар аарыг), чесотка (кодур); среди рогатого скота — те же и некоторые другие: среди овец — чесотка (кодур), приводящая к большой потере шерсти, и оспа (быжар-думаа), обе они являлись стационарными заразными болезнями. Ежегодными были вспышки эпизоотии ящура. За неимением каких-либо достоверных данных о количестве скота, павшего от болезней в прошлом, мы можем составить о них представление по данным, относящимся к более позднему времени. Потери скота в 1935 г. распределялись так: по болезни — 45,7%, по бескормице — 15,5%, от хищников — 25,7%, прочим причинам — 13,1%. Значит, даже в 1935 г., когда была проделана уже большая работа по организации ветеринар-

---

[27] Д. В. Мурзаев. Краткий очерк скотоводства и ветеринарно-санитарного состояния Урянхайской земли. Отдельный оттиск из журн. «Архив ветеринарной науки», июнь 1905, СПб., стр. 14.

ной помощи, почти половина погибшего скота пала от болезней. Несомненно, что раньше потери скота от болезней были значительно больше. Хронические болезни тувинского скота заставляли русскую администрацию принимать все меры к тому, чтобы не допускать заноса эпизоотий в русские пределы, для чего в Усинске была установлена ветеринарная застава. Вывоз скота из Тувы в пределы Сибири нередко запрещался. В самой Туве никакой серьезной борьбы с болезнями скота не велось, лишь русские начали принимать некоторые меры против эпизоотии. Сначала помощь тувинцам в борьбе с болезнями скота оказывали усинские ветеринары, а позже, с 1913 г., специально командировавшиеся в Туву ветеринарные экспедиции и отдельные ветеринары; с присоединением же к России в Туве были созданы ветеринарные пункты.

В прямой связи с системой тувинского скотоводческого хозяйства находились и другие недостатки тувинского скотоводства. Одним из них являлось отсутствие подбора производителей в стаде, только богатые тувинцы могли иметь в предреволюционное время производителей. Отсутствие последних, неупитанность самок приводили к массовой яловости в тувинском стаде. Совместная пастьба молодняка со всем остальным скотом вела к раннему спариванию, что очень вредно отзывалось как на взрослом скоте, так и на приплоде. Нередко (и это особенно касается бедняцких хозяйств) скот рано употреблялся в работу, что ускоряло его изнашивание.

2. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ТУВИНСКОМ СКОТОВОДСТВЕ

Остановимся, наконец, на вопросе о количестве тувинского скота в изучаемый период. Путешественники XIX в., говоря об этом, употребляли выражения: «изобилие скота», «превеликое множество», «много», «мало» и т. д. Единственную попытку более точно определить количество овец в Туве мы находим в корреспонденции из Усинска, помещенной в «Сибирской газете». В ней сообщается, что в двух кемчикских хошунах насчитывается около 2 млн. голов [28]. Эта цифра никак не могла соответствовать дейст-

[28] «Сибирская газета», 1884, № 42.

вительности. Не заслуживает доверия и сообщение Осташкина (1883). По полученным им от нойона сведениям в одном только Даа-хошуне имелось 48 тыс. голов крупного рогатого скота [29].

Для начала XX в. мы имеем данные по всем видам скота у Беннигсена, Ермолаева и Турчанинова. Данные Беннингсена относятся к 1912 г., а Ермолаева и Турчанинова — к 1915 г. (табл. 1).

Таблица 1

Вид скота	Беннигсен[30] 1912 г.	Ермолаев[31] 1915 г.	Турчанинов[32] 1915 г.
Крупный рогатый скот	170 000	85 000	313 184
Лошади	85 000	100 000	614 329
Овцы и козы	555 000	500 000	1 344 286
Верблюды	700	500	—
Олени	2 750	20 000	78 048

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении этих данных, — это полное несоответствие их друг другу, поэтому мы и не можем пользоваться ими для сравнения и определения изменения количества скота на протяжении трех лет (1912—1915), что при наличии верных показателей было бы весьма соблазнительно. Обращает на себя внимание большое расхождение данных Турчанинова с данными Ермолаева, относящимися к одному и тому же году. Известно, что А. П. Ермолаев лично обследовал тувинские хозяйства, в то время как Турчанинов пользовался его же и некоторыми дополнительными материалами, полученными способом подсчета. Во-вторых, у Турчанинова явно преувеличены сведения о количестве скота: он считает, что

[29] ГАИО, ф. 24, оп. 11 св. 2638, д. 111, л. 36.
[30] А. П. Беннигсен. Русское дело в Урянхае. Изв. Имп. об-ва востоковедения, 1913, стр. 48.
[31] А. П. Ермолаев. Урянхайский край, стр. 8.
[32] См. в книге: Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 66.

в Туве было в 1915 г. всего 2 349 847 голов скота. Для сравнения укажем, что в 1937 г. общее количество скота в Туве примерно определялось в 1700—1800 тыс. голов. Нелепо полагать, что до революции в Туве скота было больше, чем в 1937 г., когда тувинское хозяйство, освобожденное от систематических поборов китайских помещиков и купцов и от власти иностранного капитала вообще, от обязанности платить ежегодный албан в пользу монгольских феодалов, достигло значительных успехов в увеличении поголовья скота. Фантастические данные Турчанинова явно рассчитаны на привлечение внимания к богатствам Тувы и, конечно, очень далеки от действительности. В-третьих, по данным Турчанинова, количество лошадей превосходит вдвое количество голов крупного рогатого скота (по Ермолаеву — 17,6%), что совершенно не соответствует реальному соотношению этих видов скота в тувинском хозяйстве, как это подтверждается и данными налоговых бланков за десятилетие (1927—1937), и переписью 1931 г., и заявлениями многих русских путешественников и исследователей, посетивших Туву в начале текущего столетия. В-четвертых, Турчанинов насчитывает в Туве свыше 78 тыс. голов оленей, а это опровергается многочисленными и более достоверными сообщениями источников, проверенных путем сопоставления. Так, Ермолаев определяет количество оленей в 20 тыс. голов, Беннигсен — в 2700 голов, Венкель, посетивший Тоджу в 1916 г., насчитал в 97 юртах тоджинцев по р. Хамсара 4300 оленей, его обследованием были охвачены жители Ак- и Кара-сумо, т. е. не все население Тоджи, а только пятая его часть. Если в соответствии с этими подсчетами попытаться указать общее количество оленей у тоджинцев, то оно будет исчисляться в 20 с лишним тысяч голов. Это сближается с данными отчета заведующего устройством русского населения в Туве за 1915 г., где приводится цифра оленей в 15—20 тыс. голов [33].

Учитывая все эти соображения, мы должны совершенно отказаться от данных Турчанинова, как явно преувеличенных.

Из всех указанных статистических сведений мы можем взять за основу для подсчета данные Беннигсена и частью

---

[33] ГАНО, ф. 47, д. 260, лл. 13—16, 31.

данные Ермолаева. Правильность данных Беннигсена мы можем проверить по одному виду скота — по лошадям: сведения о их количестве дают и другие авторы, в частности Боголепов и Соболев, которые насчитывали в 1910 г. 50—60 тыс. лошадей [34], и Родевич, насчитывавший 50 тыс. лошадей [35]. Нам кажется правильным с некоторым преуменьшением указанное количество голов крупного рогатого скота, данные же Беннигсена и Ермолаева по количеству овец и коз почти совпадают; по оленям уже выше установлены более или менее правильные цифры.

Следовательно, если мы внесем соответствующие исправления в данные Беннигсена и Ермолаева, то можем определить общее количество скота в Туве перед революцией в 900—1100 тыс. голов. Сравнивая теперь эту цифру с данными 1937 г., нельзя не отметить, что скота у тувинцев в 1912—1915 гг. было значительно меньше, чем после революции. Это еще раз показывает слабое развитие тувинского скотоводства перед революцией и благотворное влияние ее на подъем хозяйства Тувы.

* * *

Недостаток в мясной пище, а вместе с тем потребность в ней способствовали выработке у народов Центральной Азии привычки к потреблению павших животных. Еще доезжие грамоты русских послов к Алтын-хану содержат жалобы на князей местных саянских народов, которые давали им для питания павших овец и коз. «А поднимаючись к стану,— читаем мы в отписке Василия Старкова от 7 сентября 1638 г.,— приставы к нам принесли корму на дорогу овцу мертвую да козла мертвова же пропащей и мы у них тово пропавшего корма не взяли...»[36].

О потреблении тувинцами падали пишет Африканов: «Бедные сойоты пользуются павшим скотом и лошадьми, причем не разбирают, от чего пропала скотина...» [37]. Указание на потребление павших животных бедными слоями населения встречается и у других очевидцев. Арат Консу-

---

[34] М. И. Боголепов и М. Н. Соболев. Очерки..., стр. 133.
[35] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 12.
[36] ЦГАДА, ф. «Мунгальские дела», д. 5, л. 23.
[37] А. И. Африканов. Урянхайская земля и ее обитатели. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 5, стр. 56.

лак Чашоол вспоминает, что перед революцией крупнейший богач Тувы Ачикай кормил своих работников «мясом животных, погибших от болезней и волков» [38].

Факты поедания падали отмечены даже в начале 1930-х годов. Так, Расторгуев сообщает, что «31 августа (1934 г.) в результате легкого утренника, после прошедшего накануне дождя, у двух лишь юрт пало 8 голов трехмесячных ягнят... Тувинцами, конечно, мясо этих животных было съедено» [39].

У оленеводов-тоджинцев точно так же труп оленя, если он «не шибко хворал», съедают [40].

Употребленние в пищу павших домашних животных объясняется бедностью тувинцев и слабым развитием их производства.

3. ПЕРЕКОЧЕВКИ ТУВИНЦЕВ

Господство системы пастбищно-скотоводческого хозяйства при наличии огромной слабо заселенной территории приводило к тому, что основная масса тувинского населения вела кочевую жизнь. Все в хозяйстве и быту тувинца было приспособлено, так же как и у других жителей Центральной Азии, к систематической смене места жительства. Дальность и частота перекочевок были связаны с рядом природных и социально-экономических условий. Как правило, перекочевки совершались по выработанной многими годами практического опыта системе. Весной, когда раньше всего освобождаются от снега и покрываются растительностью южные склоны гор, тувинцы со своим скотом спускались с гор в эти места, и скот пасся на чазаге (весенней стоянке) в течение 2—3 месяцев. К июню трава на чазагах выгорает и тувинец перекочевывал на летние пастбища (чайлаг) в долины крупных рек или в лиственные леса в горах — места, которые обычно зимой засыпаются глубоким снегом и не пригодны под зимние пастбища. В течение июля — августа в степях выпадают обильные дожди, и трава вновь зеленеет и делает-

---

[38] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд сектора истории, папка 1, л. 1.
[39] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд, Расторгуев А. В. «Тувинский рогатый скот», стр. 33.
[40] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд, «Бюджеты тувинских хозяйств», стр. 60.

Зимовка тувинцев

ся сочной. Осенние пастбища (кузаг) выбирались тувинцами с таким расчетом, чтобы лучше нагулять скот перед зимой. Обычно места для осенних кочевок выбирались там, где не было зимовки; чаще всего осенние и весенние кочевья совпадали у тех скотоводов, которые вместе с тем занимались и земледелием; они кочевали поблизости от посевов и зимних пастбищ. С первыми же снегопадами тувинцы спешили со скотом уйти к зимним пастбищам (кыштаг), которые располагались на горах и в седловинах гор. Такой выбор определялся тем, что, во-первых, здесь трава сразу же замерзает, ввиду отсутствия оттепелей, которые чаще бывают в долинах, и на всю зиму как бы консервируется и сохраняет свои кормовые качества; во-вторых, на вершинах гор ветер сдувает лишний снег с пастбищ, делая корм более доступным для животных.

Не всегда тувинец мог из года в год соблюдать установившийся порядок кочевания. Иногда он должен был менять место пастбища по всякого рода привходящим обстоятельствам. Яковлев пишет, что частые перекочевки наблюдаются у «бродячих родов сойот», которые перекочевывают раз пять — десять в году, «в зависимости от истощения

пищевых средств для скота»[41]. К изменению порядка перекочевок побуждали и другие причины: зараженность пастбища ядовитыми растениями, засуха или избыток влаги, наличие глубоких снегов, отсутствие хорошей защиты для скота, недостаток водопоев или топлива, большая скученность скота, степные пожары, появление волков. Волки были настоящим бичом, особенно для оленьего стада. Так, Шишкин пишет: «Много оленей гибнет от волков и от последних сойоту нет спасения. По рассказам Урянхайцев, волки кочуют вместе с оленеводами: перекочевал владелец оленей в другую местность, туда же переселились и волки»[42]. Их вынуждали переходить загрязненность места стоянки аала или отдельной юрты, необходимость соединения с другим аалом для совместного выпаса скота, появление эпидемий и эпизоотий, смерть члена семьи и т. д. Вообще же тувинец старался меньше кочевать, потому что это утомляло и истощало скот. Он старался держать животных на том пастбище, где им было сытнее. Так, например, группа исследователей обратила внимание на то, что летом большая масса аратов «стояли на степи Барлыкской, где почти не было воды. Скот поили за 3—4 километра и на такое же и даже большее расстояние подвозили питьевую воду. Дрова возили за 10—12 км. Выяснилось, что степь была обильно полита дождями в конце мая и в июне и июле месяцах была покрыта прекрасным травостоем»[43]. Таким образом, при всех иных факторах, благоприятствующих и неблагоприятствующих пастьбе, решающим было качество пастбища, все остальные условия были второстепенными; только когда было совершенно невозможно использовать в полной мере хороший травостой или возникала угроза гибели животных, тувинцы перекочевывали. Но, помимо упомянутых условий, тувинцы побуждались к перекочевкам и нойонами — распорядителями пастбищ, а ламами, шаманами, настоятелями монастырей иногда по религиозным соображениям. Конечно кочевать свободно арат не

---

[41] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 40.

[42] Б. К. Шишкин. Очерк Урянхайского края, стр. 100 (далее: «Очерк...»).

[43] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. «Животноводство и земледелие Тувинской Республики», стр. 84.

Тоджинцы

мог: в условиях господства полупатриархальных, полуфеодальных отношений в Туве нойон — фактический владелец земли — выделял аратам худшие пастбища.

Расстояние между кочевками было различное. Тоджинцы кочевали на дальние расстояния; по данным переписи 1931 г. в среднем тоджинский зимник отстоял от летника на 60 км, а отдельные хозяйства кочевали и на 100 км. У степных тувинцев расстояние между кочевками было значительно меньше, чем у тоджинцев или, скажем, у казахов, где кочевки совершались на сотни километров. Так, по материалам той же переписи 1931 г. большинство хозяйств степных тувинцев кочевало на 12—25 км. Такая разница в расстояниях между кочевками скотоводов и оленеводов объясняется наличием или отсутствием пастбищных угодий и густотой населения.

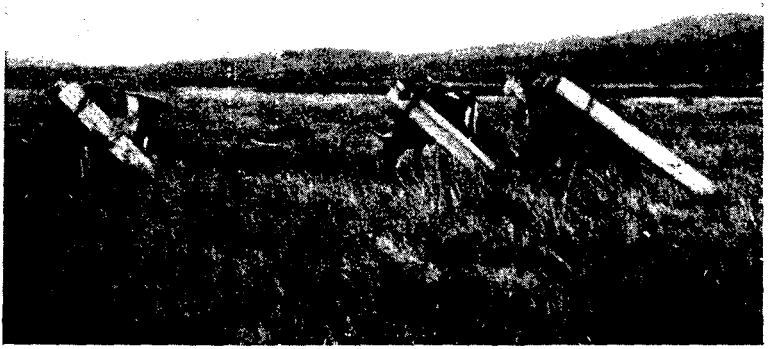
Тоджа огромная, но слабо населенная область, позволяет кочевать на дальние расстояния. «В Ойнар сумо,— говорит Ермолаев,— 60% земель пустует всегда, 25% — временно и 15% заняты населением и его скотом в данное

время»[44] (речь идет о лете 1915 г.). Понятно, что в этом сумоне (а таких сумонов в Туве было немало) кочевки могут быть дальние: есть возможность выбора пастбища с учетом всех необходимых для хорошего нагула скота условий. В то же время в долине сравнительно небольшой р. Чадаан сосредоточено почти все население двух кемчикских хошунов — свыше 500 юрт[45]. «На Чадане,— пишет Ермолаев,— по сравнению с другими местами Кемчикского бассейна чувствуется земельная теснота, почему здесь и нарушена та элементарная простота в схеме кочеваний, которая наблюдается где-нибудь на Барлыке, Аке и т. д., где пространства не стесняют людей»[46]. В другом месте он говорит, что в силу земельной тесноты «население Чадаанской долины в громадном большинстве обитает в ней круглый год, уходя, и то не все, на зимовку в окрестные горы, расстояния между пунктами кочевания обыкновенно незначительны»[47]. Это замечание Ермолаева вполне подтверждается и другими материалами[48].

Важным фактором, определявшим расстояние перекочевки, было социальное положение кочевника. М. К. Расцветаев, наблюдая перекочевки в Якутии в 1930 г., пришел к выводу, что там богатые скотоводы меньше кочуют и скорее оседают, чем остальная часть населения. Этот факт вполне объясняется не только наличием сенокошения в Якутии[49], но, прежде всего, большим влиянием на эти группы якутского населения более развитых в хозяйственном отношении русских оседлых хозяйств. В Туве, наоборот, отсутствие сенокошения приводило к тому, что богатый кочевал больше и дальше, чем бедный. Если арат зависит от богатого, которого обслуживает, то он должен и

---

[44] ККМ, № 46, л. 43.
[45] Там же, л. 77.
[46] Там же, л. 79.
[47] Там же, л. 81.
[48] Например, автору работы бывшие батраки богатой женщины Шываганчи говорили, что она кочевала четыре раза в год: весной она была ближе к р. Чадаану, в местности Оймак у ключа, летом перекочевывала на 5 км к урочищу Дыттыгтей (горка у лиственницы), осенью переезжала к устью р. Узен (10 км), а зимовала на Морзуктух (5 км от устья р. Узен и 7—8 км от Оймака), иногда она кочевала летом на Кужуралак (20 км от Оймака).
[49] М. К. Расцветаев. Очерки по экономике и общественному быту якутов. Л., 1932, стр. 41.

Перевозка клади

кочевать с ним вместе на дальние расстояния; если же он является самостоятельным, он остается все время на месте, т. е. фактически ведет оседлую жизнь. Ермолаев писал на основании личных наблюдений и обследовательских материалов: «Таким образом, долину Элегеста можно рассматривать главным образом только, как место осеновок и весновок, если одиночные юрты и летуют на пространстве от выхода реки из гор до устья, то это или караульщики полей [50], или беднота бесскотная» [51]. Эта беднота «не только летует, но и зимует здесь у реки». Несколько ниже он записывает: «На некоторых островах Енисея тоже картина больших пастбищ, в случае же когда они заросли лесом, там притаились зимники бедноты» [52]. Ермолаев отмечает и другие факты того же характера: «Во время нашего проезда на устье Чиргакка стояли 11 юрт, все это беднота бесскотная или малоскотная, осень и весну бьются тут же, на зиму тут останутся или уйдут в горы —

[50] Караульщиками полей оставались бедняки.
[51] ККМ, № 46, л. 31.
[52] Там же, л. 33.

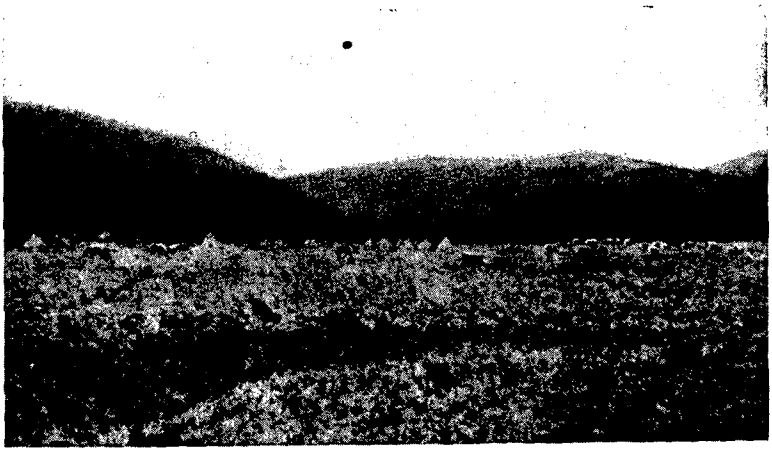

Перекочевка тувинцев

сами сказать не могут»[53]. Яркой иллюстрацией к этому может служить юрта Салчака Тока, которая лето, осень, зиму и весну постоянно стояла на берегу р. Мерген[54]. Следовательно, мы имеем право утверждать, что значительная часть бедноты, не имевшая скота, а часто и работы, вела с давних пор фактически оседлую жизнь, нарушая тем самым установившийся жизненный порядок тувинцев.

Остановимся на способе перекочевки. Большинство зимников тувинцев находилось в горах. Так, у оюннаров эти зимовки располагались на отрогах Танну-ола, в горах Чингаты, Харатаган, Усь, Тая, Кунзун, и только беднота проводила зиму около р. Элегеста среди приречных зарос-

[53] ККМ, № 46, л. 117.
[54] С. Тока. В берестяном чуме, стр. 10.

Кочевье тоджинцев на Аласу

лей, в рощах и на островах рек Енисея, Элегеста, Ирбека и др. Отдельные хозяйства зимовали на горах Байтах, Изыгдаг и др. Весну и лето оюннары проводили главным образом в долине р. Элегест, где их собиралось свыше 300 юрт, по р. Енисею — до 100 юрт, на Ирбеке — менее сотни юрт. Массовая перекочевка тувинцев на весенние пастбища происходила в апреле — мае. После суровой зимы, изнуряющей до последней степени силы тувинца, переход на весенние кочевки казался ему великим счастьем. Вся семья дружно принимала участие в сборах к переезду.

С гор на весенники тянулись вереницей волы, нагруженные юртами, и шли стада скота. Перекочевка совершалась с остановками на отдых. С зимних стоянок на весенние переходили ранней весной (апрель), когда снег еще не везде растаял, и остановки приурочивались к заснеженным местам, где трава еще не пала и не сгнила под влиянием солнечных лучей.

Весенние стоянки избирались около полей, где производили пахоту и посев, и с окончанием этих работ немедленно снимались на летовку. Летовали около речек, в местах, богатых травой, но юрты ставились не на самом берегу, а на расстоянии 300—800 м от него. Осенью тувинцы

Юрты сумо на Маады на р. Тапсе

вновь двигались к весенникам (юрты ставились около тех же пашен, в нескольких десятках метров от весенней стоянки), собирали хлеб, складывали его в ямы и при первом же снеге спешили вернуться на зимники. На зимнике обязательно выбирали место для юрты, загона для рогатого скота (в степной полосе загон иногда делался из снега), навеса, примитивного телятника, овчарни и даже иногда теплушки для ягнящихся овец. Еще перед переходом на осенние пастбища производили ремонт зимников: поправляли крыши, чистили и сушили навоз из стойл, выкашивали траву, заготовляли топливо, чинили изгороди.

Несколько иной порядок кочевания был у оленеводов-тоджинцев. Летом они угоняли своих оленей к верховьям рек, где для них был корм и не было мошкары и комаров. Места для юрт они избирали в небольших горных безлесных котловинах и непременно на берегу горной речки. Кочевки оленевода были более частыми, так как он должен был следовать за находившимися все время в дви-

Тоджинский аал

жении оленями. За лето он иногда перекочевывал до 15 раз, проходя 10—30, а иногда даже 80—100 км. Следовательно, он почти не стоял на месте. Осенью совершалась перекочевка на места охоты. В это время на осенней стоянке оленевод ставил свою юрту вблизи избранного им угодья и уходил от нее на охоту на расстояние двух-трех дней пути.

Населенные пункты у тувинцев называются аалами. Как правило, в одном аале селились близкие родственники. Аалы обычно невелики. Только у тоджинцев встречались более крупные аалы: например, в том же списке Венкеля указывается аал в 16 юрт, Каррутерс нашел в Аласуйской долине аал, состоявший из 27 юрт. В западных и центральных районах страны аалы были малочисленны, преобладали аалы из двух-четырех юрт. Некоторое представление об аале этих районов дает Ермолаев. Так, в басейне Кемчика, по р. Орту-шарабалыку, он насчитывает в семи аалах 21 юрту, по р. Чолдакшарабалыку — в восьми аалах 19 юрт, по р. Мончантыху — в восьми аалах до 50 юрт, по Салых-Хему — в двух

аалах 10 юрт, по Узун-Хему — в трех аалах 10 юрт, под перевалом Чапчал — в двух аалах семь юрт, по Онгулак-Оюку — один аал из трех юрт, по Ваштыг-Хему — один аал из трех юрт, по Азыр-Карасуку — один аал из трех юрт, по Узу и Карасуку — два аала из пяти юрт, по Кудуку — три аала из 11 юрт, по долине Улугшуй — три аала из шести юрт [55]. Таким образом, самым распространенным типом аала является аал в 2—5 юрт, реже встречаются аалы из 6—10 юрт, и крайне редко более чем в 10 юрт. Небольшое количество юрт в аале совершенно определенно свидетельствует о том, что основой хозяйственной жизни тувинца являлась семья, а не род. Наличие крупных аалов в Тодже объяснялось особенностями быта и занятий тоджинцев [56]. У кемчикских тувинцев крупные аалы представляли собой резиденции какого-нибудь феодала или бая, где жили все зависимые от него люди. Здесь количество юрт определялось числом хозяйств, работавших на феодала. Например, аал Кызыл-чангы Аксумона Тоджинского хошуна состоял из 10 юрт [57]. Как рассказали нам старики-тувинцы, у чиновника Тамбы аал состоял из семи юрт, у богача Иймажана было 11 юрт, у феодала Толгара — 11—12 юрт, у Харак-челана — 15 юрт, а у известного нойона Боян-бадорху — даже до 20 юрт и т. д.

---

[55] ККМ, № 46, лл. 135—136.

[56] Примерно такие же аалы мы встречаем у карагасов. У них зимой преобладали аалы в две, три и пять, а летом они достигали 8—10 юрт (Евсенин, Карагасы). Шишкин во время своего путешествия по Туве встретил следующие аалы: улус на Ин-суке в восемь юрт, в устье р. Келескелычи — три юрты, на Уту — улус в три юрты, в устье р. Ильшиги — два улуса по пять юрт (Б. К. Шишкин. Очерк..., стр. 52, 55, 59, 61). Он делает дальше такое заключение: «Юрта ставится обыкновенно на открытом месте, в нескольких десятках сажен от воды. Ставить их близ воды сойоты избегают от боязни загрязнения воды и из чувства уважения к ней. Три-четыре юрты составляют улус. Редко встречаются вместе 6—10 юрт, а еще реже 15—20 юрт» (там же, стр. 97). Булгаков также находит, что тувинский улус состоит из двух-трех юрт (А. И. Булгаков. Верховья Енисея..., стр. 410). Крылов пишет: «Улусы их не больше, из 3—5 юрт, довольно бедные» (П. Крылов. Путевые заметки, стр. 21). «Улусы невелики также ради удобства пастьбы скота и состоят из 2—3, редко из 10 юрт» (В. М. Родевич. Очерки..., стр. 15).

[57] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 13.

4. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледелие было подсобным занятием тувинцев. Радлов, посетивший в 1861 г. западные пределы Тувы, р. Мон, впадающую в оз. Кара-куль, писал, что встреченные им тувинцы «земледелием занимаются мало и они имеют посевы только ячменя» [58]. Шварц и Веселков говорят о наличии посевов на Улуг-Хеме [59]. Потанин встретил довольно крупные запашки на р. Ак-торхалике [60]. Более подробно описывает районы распространения земледелия Адрианов, посетивший Туву в 1883 г. «На правом берегу Хемчика мы полдневали,— пишет Адрианов,— пройдя от Барлыка около 20 верст. Всю дальнейшую дорогу, верст 10, мы сделали по степи, сплошь засеянной просом и ячменем» [61]. Следуя дальше по направлению к слиянию двух Енисеев, автор нашел большие посевы на Шагонаре, «местность по Шагонару была особенно густо заселена и сплошь зеленела хлебами» [62]. Адрианов нашел пашни за горой Хоярхан. «От горы Хоярхан до горы Оттык-таш, что выше реки Барыка. Отсюда отроги Танну-олы подходят всё ближе в Улукему, всё чаще перегораживают его долину и упираются в реку. Мы шли этой холмистой долиной, по местам населенным; здесь были всюду пашни» [63]. В общем очерке о тувинском земледелии автор суммирует свои наблюдения и пишет: «Земледелием занимаются повсеместно в долине Кемчика и Улукема; особенно многочисленные пашни я встретил вверх по Кемчику, выше впадения Барлыка, и вверх по Чакулю и Шагонару, притокам Улукема» [64].

Посетивший Туву в 90-х годах Крылов так же, как и Адрианов, встретил пашни тувинцев в районе Джакуля

---

[58] W. Radloff. Aus Sibirien, S. 174.

[59] Труды Сибирской экспедиции ИРГО, стр. 118; «О средствах к устранению...», стр. 35.

[60] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 119, там же, см. отчет Орлова, стр. 204.

[61] А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. СПб., 1886, стр. 108. (Далее: «Путешествие...»).

[62] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 122; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 127; там же, см. отчет Орлова, стр. 204.

[63] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 123.

[64] Там же, стр. 196.

Чаа-Холя). Поля эти были засеяны просом. Со слов информаторов автор сообщает, что тувинцы сеют ячмень и пшеницу. «В этих... местах,— пишет он,— переехали через арыки отведенные от р. Джакуля; около них было не мало полей, засеянных просом» [65]. Крылов первым зафиксировал земледелие у тувинцев, живущих по Бий-Хему, выше его слияния с Каа-Хемом; он перешел на своем пути «арыки, орошающие небольшие пашни от реки Чербы — *притока Тапсы*» [66]. Ошурков, сопутствовавший Крылову, пишет: «В поездку 1892 года, часть которой я сделал вместе с г. Крыловым, я наблюдал хлебопашество в следующих пунктах, лежащих значительно восточнее моего теперешнего пути: на р. Ус (650—700 м над уровнем моря.— *В. Д.*), близ устья Чакуля (550 м), в долине Артыхема (иначе Парбарыка), у северного подножия Танну-ола (800 м)» [67]. Ошурков же впервые отмечает наличие тувинских пашен на Джирджарике, где их не встречал в свое время Адрианов.

Обстоятельное описание земледельческих районов дал в результате двухлетней поездки (1902—1903) Ф. Кон. В своем предварительном отчете он перечисляет эти районы: «по правому берегу Улу-Кэма хлебопашество практикуется в местности Суглуг-Бом, затем исстари в больших размерах по р. Ирбек, благодаря чему вся местность изрезана мочагами; кроме того по степному ключику Турген между устьями рр. Ирбек и Баянгол. По левому берегу Енисея сеют хлеб по р. Хадын, впадающей в озеро Хадын, по степным ключам Как и Кара-Сук, по рр. Мечегей и Элегест и по всем рекам на южном склоне Танну-ола». «Жители Байгари сумона занимаются земледелием в значительных размерах главным образом по р. Баянгол». «Среди мадинцев земледелие ведется в значительных размерах при устье р. Тапсы, по рр. Сессерлик и Баянгол» [68], по Улуг-Хему вверх по правой стороне до р. Эжима, по левой строне до р. Кендиргена [69]. Булгаков, посетивший

---

[65] П. Крылов. Путевые заметки, стр. 23, 25.

[66] Там же, стр. 49. Река Тапса — приток Бий-Хема, впадающая в него с правой стороны в 20 км от слияния двух Верхних Енисеев.

[67] В. А. Ошурков. Отчет..., стр. 40.

[68] Ф. Я. Кон. Предварительный отчет, стр. 19—20.

[69] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 20—21.

Туву в 1907 г., видел пашни тувинцев в районе р. Бегреды [70], а Шишкин около Тапсы и Терактиг-Хема и по Чаа-Холю, Ермолаев 1915 г. определил количество пашни у тувинцев по рекам Хадыну, Меччиголю, Элегесту, Кара-Суку, Ирбеку, Чадаану, Кундургену, Чиргакку, Аянгату и др. Все эти показания дают нам возможность определить основные районы землепашества: это районы главного распространения скотоводства страны — притоки Кемчика (Барлык, Кара-Сук, Чадаан, Чаа-Холь и др.), Улуг-Хема (Элегест, Эжим, Шагонар, Баян-гол и др.), южные и северные склоны Танну-ола.

Самым восточным пунктом тувинского земледелия была долина р. Чербы — притока Тапсы. Земледелие дальше на восток распространили русские, они завели пашни на Севи и Толбе [71]. Урожаи здесь были небольшие, часто хлеб не вызревал, поэтому и у русских крестьян земледелие (а оно здесь было богарным) являлось подсобным занятием к охоте и рыболовству. Таким образом, земледелие было распространено повсеместно, исключая восточные районы страны.

Мы можем совершенно определенно утверждать, что большая часть пашен тувинцев поливалась водами тех гидротехнических сооружений [72], которые были созданы в древнейшие времена, а наличие неиспользованных арыков показывает, что тувинское земледелие далеко не достигло тех размеров, какие имело земледелие в древние времена [73].

Все специалисты признавали, что орошение у тувинцев организовано хорошо. Русские земледельцы, которые передали тувинцам много из своего земледельческого опыта, сами учились у тувинцев правилам гидротехники, заимствовали их систему орошения.

---

[70] А. И. Булгаков. Указ. соч., стр. 421—422.

[71] Так, Мозгалевский «в районе урочища Талбы посеял в 1916 году 5 десятин и хлеб вышел и дал хороший сбор» (ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 32).

[72] Устройство новых оросительных канав обходилось дорого: за прорытие 1 км канавы надо было заплатить от 50 до 100 руб., что равнялось стоимости трех-шести лошадей, или 25—50 овец, или 250—500 белок.

[73] См. нашу статью «Земледелие у тувинцев в XIX — начале XX века». Сборник материалов по истории земледелия в СССР, М.— Л., 1952.

Тувинское земледелие имело значение подсобного занятия к скотоводству — основному средству существования аратов. Зависимость скотоводства от земледелия выражалась в том, что тувинец-тараачин (т. е. арат, совмещавший скотоводство с земледелием) должен был весной и осенью перекочевывать со скотом к своим посевам, что, собственно, не меняло существенно сложившихся порядков его кочевания. Большей была зависимость земледелия от скотоводства.

Почти все, кто имел возможность наблюдать тувинские посевы в прошлом, отмечают малый размер участка, обрабатываемого тувинцем под пашню. У немногих тувинцев посевы бывали более или менее значительными [74].

Для иллюстрации размеров посева у отдельных тувинцев приведем данные Ермолаева, основанные на личном наблюдении. Тюктюк Ажяк (на Ирбеке), по его сведениям, сеял 1 десятину (у Ермолаева счет ведется на десятины) — это самый крупный посев, о котором говорится в его полевых записях. Пальдзя сеял $^1/_8$ десятины, Мата и Тумез — по $^1/_4$ десятины, Бальбыр Ажяк в одном месте сеял $^1/_{18}$ десятины, а в другом — $^1/_{16}$, Аллар — $^1/_8$ десятины и т. д. [75]. Размер вспаханного поля у оюн-

---

[74] Несколько слов о мере пашни у тувинцев. В западной части центральных районов Тувы обычной мерой посева являлся шан. Шан, как поземельная мера, распространен в Маньчжурии, где он равнялся 6 китайским му, т. е. $^1/_3$ десятины (му = $^1/_8$ десятины) (А. В. Тужилин. Современный Китай, т. II, СПб., 1910, стр. 231). Шан имел различные размеры: обычно применялись улуг- и бичи-шаны, т. е. большие и малые шаны. Улуг-шан составлял примерно полгектара, а бичи-шаны 0,3—0,25 и даже 0,15 га. Даже в двух соседних районах шан бывал разным: так, на Чадаане он очень часто определялся в 0,5 га, на Барлыке — в 0,25 га. За Танну-ола на Тесь-Хеме была иная мера земли. Там существовал ее счет по улдуну — 0,5 га и парыл — 0 25 га. В некоторых местах земельной мерой был орун — 0,5 или 0,25 га.

[75] ЦКМ, № 46, лл. 91, 92, 94 и др. Это же подтверждается и другими материалами из отчета заведующего устройством русского населения в Урянхае за 1915 г. «Значительная часть сойотского населения (в Турано-уюкском районе.— *В. Д.*) сеет хлеб, просо и ячмень, обрабатывая землю плугами очень плохого качества и иногда мотыгами. В среднем на хозяйство, можно считать, засевается $^1/_4$ десятины» (ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 8). Та же самая картина наблюдалась и на Улуг-Хеме и Кемчике, где «сеют просо, ячмень, почти все, но в небольшом количестве, 1—2 оруна» (там же, л. 16). По сообщениям Чакирова, «два процента Урянхов и то, главным образом, на Кемчике засевают 5—6 десятин хлеба, а в среднем урянх сеет

наров колебался от 10—20 кв. сажен до $^1/_4$ десятины. Форма и размеры поля здесь, так же как и в других районах Тувы, всецело зависели от рельефа местности и возможности его орошения. Ничтожные размеры аратских посевов — показатель зависимости земледелия от скотоводства, так как (помимо чисто технических причин, влиявших непосредственно на размеры запашки и, прежде всего, самой системы поливного земледелия) у арата не было возможности уделить необходимое время расширению посевной площади. Весной тараачин из-за скота не мог долго задерживаться на своем поливном участке, потому что трава быстро выгорает, и это заставляло его спешить с посевом, чтобы скорее гнать скот на летние пастбища. Малый размер тувинского поля был непосредственно связан и с примитивной техникой землепашества, о которой речь будет ниже.

Понятно, что и общая площадь запахиваемой земли в Туве была невелика. Первый учет запашки был проведен только в 1915 г. А. П. Ермолаевым, и у нас нет никаких данных о более раннем времени. Общая картина запашки по Ермолаеву такова: на левом берегу Хадына насчитывалось 20 десятин запашки, на правом берегу Меччигола — 2 десятины, на левом берегу той же реки — 50 десятин, на правом берегу Элегеста, выше дер. Атамановки,— 50 десятин, на левом берегу Элегеста, близ р. Карасука,— 5 десятин, на Ирбеке — 22 десятины. Все эти участки засевали жители сумона Оюннар, где земледелием занималась только половина всего населения. В 1916 г. они засевали всего 165 десятин [76]. По району Кемчика Ермолаев приводит следующие данные о земельных площадях под посевом 1915 г.: на Аянгате посевы занимали до 300 шанов, на Чиргакке — 500 шанов, на Чадаане и Кундурге — 1800 шанов, или 360 десятин, а всего, по его расчетам, на Кемчике было засеяно 12 000 шанов, или 2400 десятин (Ермолаев определяет кемчикский шан в среднем в $^1/_5$ десятины) [77]. В общем по всей Туве, по определению Ермолаева, было засеяно тувинцами около 5 тыс. десятин.

не более $^1/_2$ десятины хлеба» (ГАИО, ф. 25, оп. 13, д. 26, св. 4, л. 158).

[76] ККМ, № 46, л. 51.

[77] ККМ, № 46, лл. 52, 87, 108, 114.

Перейдем теперь к описанию способа и техники землепашества у тувинцев. В силу климатических условий земледелие у тувинцев было не богарное, а поливное, и требовало предварительного проведения ирригационной системы. Однако тувинцы пользовались главным образом сооружениями древних времен, лишь восстанавливая и поддерживая их. Впрочем, прорывались и новые каналы. «Главные оросительные канавы — «буга»,— пишет Кон,— проводятся с речек, протекающих по высоким местам, причем, если канаву приходится провести через крутые лога, то воду проводят желобами. Боковые канавки — арыки — проводятся каждым хозяином на свою пашню. Для проведения буга употребляются лопаты («хуриек») или кайла («кускун-хай» — вороний клюв), приобретенные у русских. Арыки проводятся плугом — «андазын», а затем расчищаются орудием, называемым «хэтнэ», состоявшим из палки с поперечной дощечкой» [78]. Буга проводятся и из небольших горных озер. Так как горные речки, служившие источниками воды для оросительных систем, нередко пересыхали при засушливой весне, тувинцам приходилось на них устраивать искусственные наледи, которые при таянии поддерживали уровень воды в канавах. Работа по искусственному задержанию воды часто требовала больших усилий и отнимала много времени. Для орошения чаще всего выбирались речки с крутым падением, около них устраивался отвод, а иногда, по мере необходимости, и особый резервуар для сохранения воды. Вода текла по канавам на десятки километров; такие длинные канавы встречаются особенно часто в тех районах области, где больше всего занимаются земледелием. Так, в районе Барлыка вдоль восточной холмистой степи буга тянется на 20—25 км, другой буга — Нус-чуя [79] тянется вдоль берега Кемчика на 8 км. Такие же длинные канавы встречаются в Чаа-Хольской степи; по р. Темирсуку используются старые канавы, с каменными акведуками, сделанными в древности. Отводимые от общей канавы арыки или, как их называли русские, мочаги, открывались только на время полива. Выпущенная из арыков вода тонким слоем разливалась по полю, а для более

[78] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 106—107.
[79] В. А. Ошурков. Отчет..., стр. 112.

Орошение полей

равномерного ее распределения поле разбивалось на отдельные полоски. В зависимости от глубины канав, запасы воды в них могли быть различны. Адрианов, например, сообщал, что канава на Барлыке имела ширину до $1^1/_2$ сажен и глубину до 2—3 аршин, а воды в ней было не больше чем на полтора аршина, причем, как говорит он, от устья реки был «выведен на некоторое расстояние барьер, в виде клапана, назначение которого загнать побольше воды в арык» [80]. Размеры канавы, как правило, определялись рельефом местности, глубиной источника и характером почвы [81]. Сооружение подобных канав и акведуков диктовалось необходимостью сохранить воду, потому что бывали случаи, как говорилось выше, когда горные речки пересыхали. Таким образом, создание и поддержание канав в порядке было постоянной заботой земледельца.

---

[80] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 112.

[81] Инженер Селиванов определяет в среднем ширину канавы в 1,5 аршина и глубину — 1 аршин (В. П. Селиванов. Урянхайский край. Бодайбо, 1920, стр. 35).

После орошения начинался посев. Он происходил сравнительно поздно: в конце мая или в начале июня, что объясняется климатическими условиями и низкой техникой производства. Перед началом сева тувинец примерно два дня смачивал засеваемый участок, часто превращая поле буквально в топкую грязь [82], а затем, дав ей чуть-чуть подсохнуть, начинал пахать. Орудием пахоты служил весьма примитивный плуг — «андазын» [83], описание которого довольно часто встречается в литературе о Туве [84]. Грумм-Гржимайло описывает его, как «деревянный естественно согнутым углом, близким к прямому, обрубок, на одном из концов которого, предварительно заостренном, насажен железный долотообразный сошник, шириною в два, длиною в три-четыре вершка, к другому же приделан брусок, служащий рукоятью для управления сохой. В эту последнюю обычно впрягается бык, который тянет ее за веревочные постромки, прикрепляемые к играющему роль оглобли второму из брусьев, вделанному в верхнее колено сохи пониже рукоятки. Ходом быка управляет верховой, за переднюю луку седла которого и перекинуты связанные своими концами постромки. Присоха для отвала земли у сойотской сохи не имеется, так как ею лишь бороздят землю, притом на глубину, едва превышающую три вершка» [85]. На востоке Тувы андазын делали грубо; грядель присаживался очень низко, подошва делалась грубо, лемех был у́же и острее, вследствие чего он давал мелкую борозду, хуже разрыхлял землю. Тувинский «андазын», древнее земледельческое орудие алтае-саянских народов, является вариантом монгольской «андис» [86],

---

[82] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 63. То же наблюдается и у монголов (см. А. И. Казнаков. Предварительный отчет о поездке от озера Хулму-нор до озера Улан-нор по южным склонам Алтая. Изв. ИРГО, 1900, т. XXXV, вып. 1, стр. 46).

[83] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 106.

[84] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 197; Б. К. Шишкин. Очерки..., стр. 99; А. П. Аргунов. Очерки с. х. Минусинск. края и объяснен, каталог с.-х. отдела Минусинского Музея. Казань, 1892, стр. 26; А. П. Ермолаев. ККМ, № 46, 338, л. 58. «Распашку производят сохой простого устройства с маленьким сошником без отвала и регулятора на глубину».

[85] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 82.

[86] А. И. Казнаков. Предварительный отчет о поездке от озера Хулму-нор до озера Улан-нор по южным склонам Алтая. Изв. ИРГО, 1900, т. XXXVI, вып. 1, стр. 46.

или узбекского «омача», или подобного же рода плуга, распространенного в Афганистане.

После вспашки, которая у тувинцев производилась лишь раз в год, пашню в один, в лучшем случае в два следа бороновали. Роль бороны исполняла волокуша из колючего куста караганника. Наряду с кустом караганника в XX в. стали применять так называемую китайскую борону. Она состояла из двух полозков, впереди которых находился брус с зубьями и гнездами. В гнезда вставляли ивовые прутья, зубья были деревянные и железные. Такая борона хорошо разделывала землю. Сеяли тувинцы больше всего просо (тараа) или ячмень, а иногда и пшеницу [87], семена которых разбрасывали руками. Шишкин в своем описании земледелия у тувинцев указывает, что некоторые араты-тараачины сначала поливали землю, затем бросали в нее семена и запахивали их [88]. Еще раз тувинцы поливали землю после появления всходов, а там, говорит Кон, «уже поят хлеб «тара сугарар», по образному выражению сойотов,— по мере надобности» [89]. Откочевывая от пашни на лето, тараачины для охраны посева оставляли иногда сторожей [90]. Когда хлеб начинал колоситься, на пашни, по примеру русских, ставили чучела из палок с навешанным на них тряпьем, чтобы сохранить посев от нашествия множества журавлей, гусей и дроф [91]. А так как пашни тувинцев-тараачин были очень маленькими, то естественно, что нашествия этих птиц были реальной угрозой посеву. Кон говорит и о других вредителях хлеба, с которыми тараачины боролись своими оригинальными, но мало эффективными методами. «От кобылки («шерги»),— пишет он,— спасают хлеб, разводя на меже костры и бросая в них рога кошкаров (каменных баранов), считая, что от стелющегося по пашне дыма кобылка погибает. При узости пашни (20 с. × 5 с.) дым стелется

---

[87] Такие же злаки сеяли и монголы (Я. П. Дуброва. Поездка в Монголию. Изв. ВСОИРГО, 1885, № 1, 2 и 3, стр. 160). и казахи (А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 3. СПб., 1832, стр. 200).

[88] Б. К. Шишкин. Очерки..., стр. 93.

[89] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 107.

[90] В. М. Родевич. Указ. соч., стр. 15.

[91] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 197. Дроф Адрианов спутал, видимо, с другими птицами (см. об этом Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 83).

по всему ее протяжению» [92]. Тувинцы-тараачинцы принимали также некоторые меры и для огораживания пашни, но их изгородь не отличалась прочностью и плохо защищала посевы; позже они стали применять русские изгороди. Хлеба перед цветением иногда пропалывали.

Так обрабатывали пашни и ухаживали за посевом тувинцы в прошлом.

Урожай тувинцы собирали во второй половине августа, когда хлеб поспевал, а опасность заморозков грозила ему гибелью на корню. Несмотря на примитивную обработку земли, на отсутствие удобрений и ухода за посевом, урожай большей частью, если он не погибал от мороза и по другим причинам, был удовлетворительным [93]. Это подтверждается многими показаниями. «Неурожаев,— пишет Адрианов,— сколько я знаю, не бывает, несмотря на плохую землю, каменистую и глинисто-солонцеватую, ни на первобытный способ обработки земли» [94]. Нередко урожай на такой земле были сам-18—20 [95]. Такая урожайность объясняется, вероятнее всего, качествами земли, которую тувинцы часто меняли, а также искусственным орошением посева.

Жатва производилась самым первобытным способом. Колосья с корнем вырывали руками или срезали обыкновенными ножами [96]. С появлением в Туве русских тувинцы начали пользоваться русским серпом. Русский серп («кадыыр»), как это показывает Кон, стал применяться тувинцами с начала XX в. [97]. Однако частично старый

---

[92] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 107.

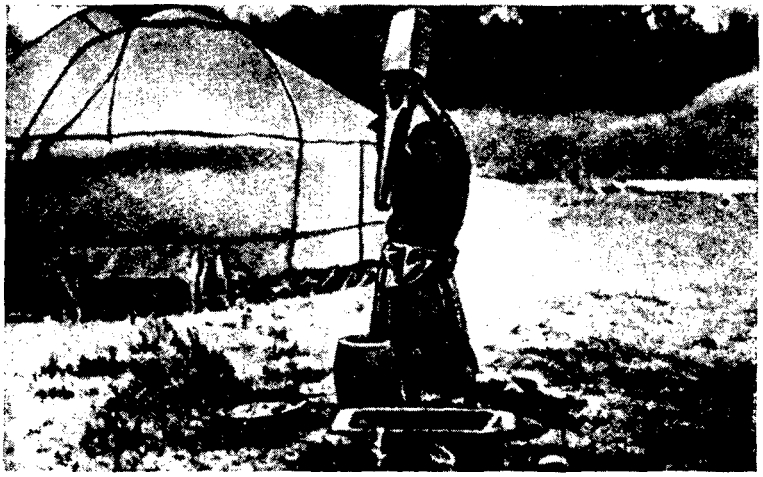
[93] Г. П. Сафьянов. Записка... 1879 г. (См. Н. Ф. Катанов. Указ. соч., стр. 459). Кон указывает, что средний урожай с шана при 30 ф. высева был 7—10 пуд., а хороший — 12—14 пуд. (Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 107; см. также В. П. Селиванов. Урянхайский край, стр. 35; В. М. Родевич. Очерки..., стр. 15).

[94] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 196; Н. Путилов. *Летопись Усинской миссии*. Сиб. архив, 1914, № 2, стр. 46.

[95] Бывали у тувинцев и неурожайные годы. Так, большой неурожай хлеба постиг их в 1912 г. (ГАИО, ф. 25, оп. 11, св. 4, № 26, л. 227).

[96] Г. П. Сафьянов. Записка... 1879 г. (Н. Ф. Катанов. Указ. соч., стр. 1459); Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 36; Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири. Записки Ак. наук, т. XXIII, СПб., 1893, стр. 4; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 93; В. М. Родевич. Указ. соч., стр. 15.

[97] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 107.

Толчение проса

способ жатвы сохранился до середины 1930-х годов, когда современная техника земледелия окончательно вытеснила его так же, как и «андазын», который теперь трудно найти в Туве даже для музея.

Сжатый или вырванный хлеб тувинцы связывали таловыми прутьями в снопы («моожа»). Обмолот хлеба производился на току (шан) неподалеку от поля. Для шана выбиралось ровное, небольших размеров место с твердым грунтом и расчищалось. В центре выбранной площадки ставился кол, вокруг которого раскладывались «моожа» колосом внутрь. К столбу ставили от 2 до 6 быков или лошадей, привязанных друг к другу. Крайнего, который был и ведущим, привязывали непосредственно к колу, на него, в качестве погонщика, садился мальчик. Так как при такой гонке часть колосьев и даже снопов отбрасывается ногами животных за пределы тока, то стоявшие вокруг взрослые подбрасывали их под ноги волов или лошадей специальными вилами («айыыр»). Всю солому («саван») тувинцы обычно оставляли на поле, где она пропадала. Позже, под влиянием русских, ее стали употреблять для подстилки животным. После

того, как зерно отбиралось и ссыпалось у тока в отдельную кучу, некоторые хозяева прямо с землей складывали его в барбы (кожаные меха вместимостью от 2 до 4,5 пудов) и увозили с поля домой [98], другие же провеивали еще лопатами, «причем,— говорит Кон,— некоторые в подбрасывании зерна доходили до виртуозности: все зерна одной грудой подымаются вверх и, только дойдя до определенной высоты, дождем падают вниз» [99]. Хлеб перевозился и часто хранился в барбах и плетеных обмазанных глиной корзинах. Постоянным местом хранения хлеба были специально для этой цели выкопанные ямы, носившие название «уургай» [100]. Для ям выбирали место сухое, на горке или около леса, их делали от 0,5 до 1,5 м глубиной [101], с узким горлом и обмазывали глиной. В каждую яму входило до 50—70 кг зерна. Сверху их прикрывали дощечкой или кошмой и засыпали землей. Для охраны ям во время откочевки тувинцы ставили сторожей (бедняков, не имевших скота и потому не кочевавших), которые получали за это вознаграждение. Хлеб хранился в таких ямах по нескольку лет. Сафьянов, по словам Шишкина, нашел один такой тувинский «амбар», полный проса, прекрасно сохранившегося, хотя оно пролежало в земле около пяти лет.

Несмотря на то, что земледелие играло второстепенную роль в тувинской экономике, в жизни народа оно ясно показывало свое преимущество перед скотоводством. Но занятие земледелием в условиях Тувы требовало особого навыка к такого рода труду и значительно бо́льших усилий, чем занятие скотоводством. Надо было вырыть арык, завести рабочий скот, андазын, семена,— а все это достать в Туве было не так просто, особенно для бедняка; не случайно поэтому, что не только бедняк, желающий заняться земледелием, но и издавна занимавшийся земледелием часто попадал в ка-

---

[98] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 198; Б. К. Шишкин. Очерки..., стр. 99.

[99] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 108.

[100] ГАНО, св. 7, д. 89, л. 4.

[101] Б. К. Шишкин. Очерки..., стр. 99; Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 108; А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 198; А. И. Африканов. Указ. соч., стр 55; В. М. Родевич. Очерки..., стр. 16.

балу к богачу. Трудность занятия земледелием в Туве впервые была замечена Веселковым, который писал: «Да и хлебопашество для них не для каждого было доступно, в особенности для бедных, не имевших своих быков...» [102].

Вот почему земледелием в Туве больше всего занимались середняки, обеспеченные рабочим скотом. Для подтверждения этого сошлемся на материалы тувинской переписи 1931 г., в которых на основании учета всех групп хозяйств и их занятий сделан такой вывод: «Более крепкие хозяйства середняков-скотоводов, имеющие от 15 до 30 голов скота (в переводе на крупный) почти на 100% занимаются земледелием» [103].

Это же обследование установило, что наименее обеспеченная скотом группа сеющих была неизмеримо меньше обеспечена и сельскохозяйственным инвентарем; в богатых хозяйствах машина (молотилки, сеялки, плуги) не только обслуживала своего владельца, но и служила орудием эксплуатации [104]. Ценные материалы, добытые обследованием 1931 г., показывают, что беднейшие группы населения не занимались хлебопашеством из-за отсутствия у них скота; крупные скотовладельцы не занимались им потому, что имевшийся у них избыток скота давал им возможность, во-первых, не заводя собственной запашки, приобретать хлеб для личного потребления, во-вторых, сдавать скот в наем земледельцу, кабалить его и не только получать необходимый для продовольствования хлеб, но и делать из него запасы и даже продавать нуждающимся аратам [105].

---

[102] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 36. У казахов земледелием, по сообщению Левшина, занимались бедняки (А. Левшин. Указ. соч., стр. 199).

[103] Тув. НИИЯЛИ, Материалы..., стр. 19.

[104] Там же, стр. 24.

[105] По этому поводу у Ермолаева мы находим: «...есть богачи, которые руками других засевают до десятины и более» (ККМ, № 46, л. 53); «Урянх бедняк идет к богачу, получает от него семена, быков и соху, пашет, сеет, поливает и собирает урожай. После обмолота богач дает ему за труд, в зависимости от размера запашки и урожая, 5—10 пудов зерна» (там же, л. 53). «...Бедняку дают одного-двух быков, семена, иногда и соху; тот пашет, сеет, весь урожай отдает хозяину, за труд получает некоторую часть урожая...» (там же, л. 101).

5. ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Перейдем теперь к выяснению степени развития охоты и рыболовства и роли их в экономике Тувы.

Выше уже говорилось, что род занятий тувинцев того или иного района в значительной мере определялся природными условиями. У тувинцев охота соединялась с другими занятиями. В западных и частично центральных районах охота давно уже потеряла первостепенное и даже второстепенное значение, зато на востоке Тувы, у тоджинцев, она, наряду с оленеводством, была основным занятием. Так, например, Спасский еще в 1806 г. писал, что тувинцы (он имел в виду, видимо, тоджинцев) «мало имеют скота и держат отчасти оленей. Главное пропитание получают от звериной и рыбной ловли и от дикорастущих трав» [106]. Это утверждение, а также указания других источников дают основание считать, что в прошлом охота играла в хозяйстве тоджинцев бóльшую роль. Несомненно, что охота у тоджинцев, так же как и у западных тувинцев, поддерживалась тем, что албан с них собирался пушниной. Охотой у тоджинцев занимались в изучаемые времена мужчины, об участии в ней женщин мы не имеем никаких сведений [107].

Приучать к охоте начинали с детских лет. Многие путешественники не раз наблюдали, как в лес отправлялись на оленях мальчики 12—15 лет без взрослых, с ружьями и небольшим запасом провизии, в сопровождении собак. Охотничья страсть, смелость тоджинца-охотника поражала всех, кто с ним встречался.

Объектом охоты в Тодже, как и в других районах Тувы, были прежде всего так называемые албанные звери, т. е. звери, шкуры которых шли для уплаты подати ки-

---

[106] Г. Спасский. Народы, кочующие вверху реки Енисея. «Сибирский вестник», 1819, ч. 5, стр. 62—63, примечания.

[107] Как свидетельствует Каррутерс и другие, мужчины на Тодже занимались только охотой, предоставляя женщинам вести домашнее хозяйство и заниматься оленеводством. То же наблюдалось и у других охотничьих народов, например у народа удэ, где мужчины считались лишь способными ловить соболей и вообще заниматься охотой (В. К. Арсеньев. Лесные люди. В дебрях Приморья, 2-е изд., стр. 62, 123), и у орочей (П. В. Доброхотов. Звероловство северного побережья Татарского пролива. Производительные силы Дальнего Востока, вып. IV, Хабаровск, 1927, стр. 268).

Тувинские охотники

тайскому императору: белка, соболь, лисица, волк, россомаха, а также речной бобр, который до сего времени еще водится в Туве, медведь, рысь, горностай, выдра, марал (изюбрь, «сыын»), дикий козел — дзерган, сурок, колонок; последний стал предметом охоты после появления на него спроса со стороны русских, т. е. во второй половине XIX в. Большую часть этих животных убивали ради их шкуры, но частично употреблялось и их мясо; так, например, мясо белки [108]. Соболя («алды» и «албан», в охотничьей терминологии «кыш») промышляли только ради его шкуры, которая шла частично на уплату албана, а частично продавалась дархатам, монголам, китайцам и русским [109].

Во второй половине XIX и в начале XX в. Саяны, в частности Тоджа, поставляли собольи меха на европейские рынки. Промышляя соболя, тоджинцы часто заходили на охотничьи угодья карагасов, и последние постоянно жаловались на то, что тоджинцы выбивали у них соболя. Охотились на соболя чаще всего артелью.

[108] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 90.
[109] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1460.

Особый характер носила охота на марала, которого убивали ради мяса, шкуры, а главное, ради пантов, находивших сбыт на китайском рынке в силу особых качеств, приписываемых им китайской медициной. На медведя («адыг), с которым у тоджинцев был связан ряд суеверных понятий, специально не охотились, хотя случайным выстрелом его могли убить. Мясо медведя зимой употребляли в пищу, сало считалось целебным, кожа шла на ремни или в продажу [110].

Охотничий сезон начинался осенью. По данным Яковлева [111], в сентябре охотились на белку («диин сырбын») и изюбря, в октябре — на соболя, в декабре — на козу, лося и кабаргу. С января до весны, в зависимости от состояния снега и других условий, охотились на всякого зверя. На таких зверей, как волк, лисица, наиболее распространенных в западной и центральной части области, на речного бобра и других зверей охотились в течение круглого года.

Орудия охоты тоджинцев были очень простые. Вплоть до революции они пользовались луком [112] (ча, ая). Луки делались различных размеров из лиственничного дерева, стрелы имели железные наконечники, но не имели оперенья. Тетива делалась из кабаржинового или козлиного ремня.

Огнестрельное оружие применялось тувинцами с конца XVIII в.; Крыжин и Шварц сообщают, что тувинцы умели изготовлять порох. Ружья имели рожки для большей устойчивости при выстреле.

Тоджинцы применяли и другие виды оружия для промысла зверей, но в весьма ограниченных размерах. Так, Сафьянов и Осташкин рассказывают, что тувинцы при охоте на белку употребляли самострел. Им пользовались так: устанавливали его недалеко от тропы, к тропе протягивали веревку от палочки, удерживающей тетиву. Легкое соприкосновение с веревкой сдвигало палочку и стрела поражала зверя [113]. Сафьянов к этому добавляет, что искусство заключается в том, «чтобы зверь был смертель-

[110] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 89.
[111] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 64.
[112] Лук употреблялся до конца XIX в. только на Тодже и Терехоле (Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 94).
[113] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 94.

Состязание в стрельбе из луков

но ранен, например, под лопатку»[144]. Оба они сообщают, что русские винтовки также применялись тувинцами на охоте.

Основная масса пушнины шла в уплату албана или на продажу, а в тувинском хозяйстве ее почти не оставалось. Эту специфическую роль охоты нужно всегда иметь в виду при анализе экономики дореволюционной Тувы. В силу хищнического истребления пушного зверя запасы его все время истощались и если во второй половине XIX в. в Туве ежегодно добывалось по нескольку тысяч соболей, в начале XX в. добыча упала до 400—1000 в год.

У тувинцев, как и у тофаларов и монголов, было предубеждение против рыбы, они ее не считали полноценным продуктом. Сафьянов и Осташкин заявляют, что «хотя реки обильны рыбой, но ее вовсе не запасают, называя ее водяным червяком». Веселков пишет: «Урянхайцы не

[114] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1461.

охотники до рыбы...» [115]. Рыба у них, как у якутов [116] и казахов [117], служила пищей для беднейшей части населения.

Чаще всего рыбу ловили в районе Тоджи, особенно богатом реками и озерами [118]. Еще Веселков описал способы рыбной ловли у тувинцев: «На длинный шестик прикрепляется сделанный из гвоздя крючок и урянхаец, усевшись с этой удочкой на берегу озера, спускает ее на дно, на такой глубине, какая доступна длине шестика и как только заметит, что желаемая рыба подошла, то он в этот же момент ее вытаскивает, зацепив крючком» [119]. Мы сами были свидетелями такого способа рыбной ловли в Туве. Из подобного же рода способов рыбной ловли отметим еще один. Как известно, в Туве больше всего встречаются небольшие горные речки и в них водится некрупная, но вкусная рыба хариус. На одном из небольших притоков Кемчика мы наблюдали такой способ ловли хариуса. Маленькая речка на повороте близ устья разбивалась на две протоки. Два тувинца перегородили одну из проток, вода из нее ушла, и на сухом месте осталось около двух десятков рыб, которые были подобраны рыболовами, а протока вновь разгорожена. Тувинцы-рыболовы заявили, что они часто на этом месте рыбачат таким же способом.

В маленьких горных речках тувинцы рыбу ловили руками, с помощью волосяной петли. В последнем случае использовалось тонкое удилище, к которому привязывалась скрученная из белого конского волоса леска длиной 50—60 см с петлей на конце. Леску водили по воде, пугая рыбу, а затем, когда рыба переставала на нее обращать внимание, осторожно заводили петлю на голову рыбы,

---

[115] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 34; А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 198; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 96; Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 98; Михеев Отчет о поездке в северо-западную Монголию и Урянхайскую землю. СПб., 1910.

[116] С. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, т. 1, 197.

[117] «Рыбою питаются немногие, ее употребляют по большей части бедные, живущие при реках или озерах» (А. Левшин. Указ. соч., ч. 3, 209).

[118] О занятии тоджинцев рыболовством говорит Спасский, а за ним Клапрот.

[119] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 34.

стараясь держать ее так, чтобы течение наносило ее на рыбу. Как только петля заходила за плавники, рыбу резким движением выбрасывали на берег. Подобный способ ловли рыбы был широко распространен в Туве.

Еще более оригинальный способ ловли отмечен у тоджинцев. В одном из отчетов чиновников тувинского переселенческого управления мы читаем: «Так, например, на озере Тоджи-куль, которое переполнено сигами, сойоты ловят их следующим образом. Во время метания икры сиги заходят в вытекающую из этого озера реку Торокем, тогда сойоты загоняют в реку стадо оленей, которые ногами топчут рыбу, а сойоты, стоя ниже на этой реке, руками выбрасывают на берег давленных таким образом сигов» [120].

Тувинцы пользовались также и сетями. Веселков пишет: «В некоторых местах у урянхайцев доводилось видеть добычу рыбы другим способом — это сети, вроде наших русских, но не из ниток, а из конского волоса, которые оказываются прочнее наших» [121]. Очень подробно описан способ ловли с такой сетью Михеевым, наблюдавшим его на озере Тере-нур «Рыбаки выезжают на ловлю вдвоем на двух маленьких плотах из 4-х бревен, называемых «саликами», рыбаки вооружены каждый шестом длиной около трех сажен с утолщением в виде колотушки на одном из концов; сеть, сплетенная из конского волоса, в 25—30 сажен длины и 1 сажень ширины, сложена на одном из саликов; отъехав на необходимое расстояние от берега, рыбак находящийся на пустом салике, берет веревки от одного из концов сети и начинает быстро заводить ее круговым движением, производя непрерывный шум ударом об воду шеста-колотушки: подъехав к первому салику, рыбаки замыкают таким образом круг и вытаскивают сеть на одном из саликов» [122]. Кон наблюдал

---

[120] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 44.

[121] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 34. Яковлев различает два вида сетей, образцы которых хранились в Минусинском Мартьяновском музее: «сюдрюж-бродник», для ловли рыбы — сплетен квадратами из черного и белого волоса, и «тикпе» — небольшая волосяная сеть, которая обычно ставится поперек ключей и небольших речек для ловли хариусов (Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 95).

[122] Михеев. Указ. соч., стр. 85—86.

у тувинцев также и лучение рыбы, которое скорее всего заимствовано ими от русских, а также только им одним указанный способ стрельбы из лука в реку [123].

Зимой рыбу ловили теми же крючками, что и летом, но иными способами; в озере или реке делали проруби и туда опускали крючки. Ни мороз, ни ветер не могли отогнать рыбака-тувинца от проруби, он был способен часами ждать появления рыбы.

Рыболовство не имело серьезного значения в экономике Тувы; рыба служила главным образом пищей для беднейшей части населения. Среди тувинцев не было обмена рыбой, к тому же в западных и центральных районах страны рыболовство было совсем мало развито. Однако в начале XX в. под влиянием русских рыболовство начало усиливаться. С приходом русских в Туву техника рыбной ловли тувинцев обогатилась русскими снарядами и способами рыболовства, а вместе с тем расширился и район рыболовства. В последние годы перед революцией тувинцы стали более усердно заниматься рыболовством на озерах Тоджа-куль, Ий-куль, Тере-куль и на реках Торо-Хем, Сисги-Хем, Хамсаре и ее притоках, а также на Енисее. По русским официальным данным, они добывали ежегодно и продавали русским хариусов, сигов и щук в общем до 1500 пудов.

Таким образом, несмотря на то, что в экономике страны охота являлась жизненно необходимым промыслом и в жизни определенной группы населения (восточные районы) была почти основным занятием, она производилась примитивными орудиями. Пушные богатства тоджинской тайги, как и других таежных районов, использовались не в полной мере, хищнически, и доставались не тувинскому народу, а его завоевателям — цинской династии. Рыболовство было в зачаточном состоянии.

6. СОБИРАТЕЛЬСТВО

В течение XIX в. также частично в начале XX в. у тувинцев сохранялся один из первобытных способов произ-

[123] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 98. Это же подтверждает Яковлев, который, кроме того, из орудий лова называет острогу и шест с крючком (Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 96).

водства — собирательство. Общеизвестно, что многие травы и корни с древних времен использовались человеком в пищу. У тувинцев, как почти у всех народов Саяно-Алтайского нагорья, корни играли очень большую роль в питании. Этому способствовало и то, что район этот как раз является ареалом распространения одного из съедобных корней — корней сараны (Lilium Marthogon), обладающих питательными свойствами как в свежем, так и в сушеном виде, а вместе с тем являющихся лекарственным растением, кандыка (корень растения Erythronium deus canis), корней Polygonum vivirarum, черемши и других растений [124]. У тувинцев май («беш-ай») так и называется месяцем сбора кандыка («беш» — сушеный корень кандыка). Сарана была одним из любимых и широко потребляемых корней как у тувинцев, так и у их соседей и соплеменников карагасов [125], теленгитов, калмыков, телеутов [126], монголов и других народов Центральной Азии. Пестерев первый отмечает сбор сараны тувинцами, говоря, что тувинцы «с половины же августа раскочевываются по горам для промыслу сарани и зверей» [127]. Для выкапывания сараны у тувинцев существовала особая мотыга, называемая озук, известная еще среди курганных предметов Минусинского края, напоминающая по своей форме «андазын», которому она является как бы прообразом. Озуком выкапывали и другие корни. Островских, помимо озука, который он описывает как кривую деревянную мотыгу с крепким железным наконечником, отмечает у тувинцев в качестве орудия для выкапывания корней железные ножи («тубэктэ»), длинные и узкие, кованные нераздельно с ручкой, которая украшалась простой насечкой, а иногда и медной инкрустацией [128]. Такие ножи напоминают Островских также древнюю форму железных и бронзовых ножей, находимых в Минусинском крае.

---

[124] «Флора СССР» под ред. В. Л. Комарова. Изд-во АН СССР, 1935, стр. 292. Радлов говорит, что бедные классы сойотов выкапывают корни и питаются кандыком, корнями лилии, колбы и др. диких растений, которые они запасают в большом количестве на зиму (Aus Sibirien, S. 175).

[125] В. Н. Васильев. Краткий очерк быта карагасов. «Этнографическое обозрение», 1910, т. XXXIV—XXXV, № 1—2, стр. 53.

[126] Материалы для истории Сибири, т. II, М., 1867, стр. 98—101.

[127] НЕС, 1793, ч. LXXXI, стр. 54.

[128] П. Е. Островских. Указ. соч., стр. 85—86.

На сбор сараны, как и других кореньев, выходили всей семьей. Как сообщают очевидцы, тувинцы, заготовляли на зиму по нескольку пудов сараны. Так, по сведениям Островских, тоджинцы заготовляли по 4 пуда сараны в год на человека и употребляли ее в виде каши на коровьем или оленьем молоке. С течением времени, в связи с завозом хлеба, сараны заготовлялось все меньше.

Большое пристрастие тувинцы питали к чаю, который покупали у китайских и русских купцов, бедное же население использовало вместо чая «листья бадана, в большом количестве встречающегося по склонам Саян, и еще чаще — джирчликчай, болотник, Егорово копье и др., а также в тот же чай они часто подмешивали толченую заболонь лиственницы» [129].

Широко применяли в пищу ягоды в сыром виде, а из облепихи путем перегонки делали вино, предварительно сквашивая ее, а потом разбавляя водой. Из ягод черемухи делали муку. Употреблялись в пищу и кедровые орехи.

Все съедобные корни и ягоды в значительной мере заменяли тувинцам хлеб.

7. РЕМЕСЛО. ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

Ремесло у тувинцев было развито больше в западной и центральной части, в Тодже оно почти отсутствовало.

Тувинцам были известны следующие ремесла: кузнечное, литейное, столярное, шорное, катание войлоков, портняжное, сапожное и др.

Ремесло у тувинцев неразрывно связано со скотоводством и домашним хозяйством.

На основании сообщений Красикова, Крыжина и Шварца, можно полагать, что еще в первой половине XIX в. тувинцы умели делать порох и лить пули [130]. Более древним и почетным ремеслом было кузнечное дело. По тувинским обычаям при входе чиновника в кузницу кузнец мог не отвечать на его приветствия, потому что «работа кузнеца старше». Почтительное отношение к кузнецу отражается и в народном творчестве. Почти все, кто ка-

---

[129] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. I, вып. 3, стр. 91; В. П. Селиванов. Урянхайский край, стр. 26.

[130] Шварц. Подробный отчет, стр. 114; «Москвитянин», стр. 138.

Изготовление седла

сался в своих работах вопроса о тувинском ремесле, единодушно говорят о сравнительно высоком качестве изделий тувинских кузнецов [131]. Сафьянов и Осташкин считают, что «седла и другие слесарные вещи приготовляют сами сойоты, так как между ними встречаются много хороших мастеров, кузнецов, слесарей и даже мастеров серебряных дел» [132]. Кон отмечает красоту и тонкость отделки изделий тувинских кузнецов [133]. Яковлев говорит о том, что «кузнечное ремесло стоит на довольно высоком уровне развития».

Господство натурального хозяйства, отсутствие значительных потребностей делали ремесло в Туве неотделимым от скотоводства и недифференцированным. Кузнец одновременно, как это бывает на первых ступенях развития ремесла, объединял в себе и серебряных дел мастера и слесаря. Только при таком сочетании ремесло кузнеца

---

[131] Шварц. Указ. соч., стр. 115.
[132] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1504.
[133] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 109.

носило как бы профессиональный характер, но это совсем не значит, что такой профессионал жил только своим искусством. В условиях Тувы такой профессионал не смог бы прожить своим ремеслом: у него не хватило бы заказов, да к тому же тувинец-ремесленник не был свободным. Ремесленников-кузнецов было не так много; на крупный сумон приходилось, примерно, два-три кузнеца, а общее количество кузнецов в Туве вряд ли достигало сотни человек. Из всех ремесел Тувы кузнечное дело, видимо, и технически было поставлено лучше остальных. Подробное и полное описание кузнечного оборудования дал Кон, однако оно относится к тому времени, когда инструментарий тувинского кузнеца был уже пополнен орудиями, заимствованными от русских. Как показывает перечень инструментов тувинского кузнеца, он мог производить только строго ограниченный круг изделий: удила, замки, («шооча»), всевозможные бляшки и тому подобные мелочи.

Хуже по качеству были серебряные изделия, выходившие из рук этих же кузнецов. В начале XX в. изделия тувинских кузнецов стали вытесняться изделиями капиталистической промышленности России и других стран. Эта конкуренция не могла не отразиться на состоянии тувинского кузнечного дела.

В тесной связи с кузнечным ремеслом стоит и литейное дело. Литейное производство, когда-то широко развитое на территории Тувы, что удостоверяется многочисленными остатками древних рудников, а также изделиями литья, найденными при раскопках и обнаруженными случайно, у тувинцев значительно пало. Оно сохранилось лишь на Кемчике. Кемчикские литейщики для отливки некоторых предметов изготовляли специальную форму: предварительно из дерева делалась нужная модель фигурки, она облеплялась вязкой глиной и бумагой, а затем ее клали в огонь и держали там до тех пор, пока фигурка не сгорала полностью. В образовавшуюся глиняную формочку вливали металл (медь, железо), а после разбивали форму и обрабатывали изделие соответствующими инструментами. Надо заметить, что так делались только шахматные фигуры; что касается пуль для ружья и женских украшений, то здесь использовались вырезанные раз навсегда формы из камня.

Шахматы работы тувинских мастеров

Столярное ремесло у тувинцев, по заключению лиц, обследовавших его в прошлом, было развито слабее, чем кузнечное и литейное.

Характерно, что столярами были ламы, которые фактически монополизировали столярное дело. С этим видом ремесла не связаны ни древние верования, ни традиции, ни особое искусство.

Как самостоятельное ремесло в Туве существовало шорное дело.

Кон отметил его особое развитие в начале текущего столетия в западных районах Тувы. Ассортимент продукции шорника в Туве был значительно у́же, чем у русского шорника: он не делал шлей, гужей, тяжей и других предметов, которые требовались для упряжки лошадей,— тувинский шорник больше всего делал седла, чепраки, ремни и т. п. Кон обратил внимание на высокохудожественную орнаментику чепраков на Кемчике; следует сказать, что и седла также украшались прекрасным орнаментом.

Таковы основные ремесла Тувы, которыми занимались только мужчины.

Женщины шили платья, обувь, выделывали кожи и некоторые другие предметы домашнего обихода. Это как бы составляло их домашнюю обязанность. Наиболее

распространенным видом обуви был «идик», род сапога с загнутым вверх носком.

Кожи выделывали довольно примитивно, и высоким качеством они не отличались.

Большое место в домашнем ремесле тувинца занимало приготовление войлока. Этот процесс был впервые описан в литературе Веселковым, который наблюдал его в конце 1870-х годов. Мы приводим полностью его описание. «При открытой весне у урянхайцев, кроме их промышленности и хозяйственных занятий, соответствующих каждому полу, начинается общая работа — это приготовление овечьей шерсти для кошмы, которую сначала они бьют, а потом катают,— и вот каким способом: мужчины и женщины, собравшись в одно место, усаживаются в кружок, положив в середину шерсть и, вместо употребляемой шерстобитами струны, разбивают прутьями длиною аршина в полтора, имея по одному пруту в обоих руках. Работа эта сопровождается и шутками и веселыми песнями, под звуки которых удары прутьев сыплются в такт, и затем, когда шерсть будет разбита, то начинается другой процесс катания кошем. Это у них делается не руками, как у наших минусинских инородцев, но посредством быка или лошади. Приготовленная шерсть сначала настилается ровно, обыкновенным порядком, на холстину, потом навертывается вместе с нею на вал, на концах которого надеты деревянные кольца, а за них привязываются веревки, заменяющие оглобли, в которые впрягается лошадь или бык, и отправляется по степи, избирая для этого катания самое ровное место, и чем больше водят таким образом вал, тем плотнее укатывается кошма, составляющая для них и юрту и постель» [134].

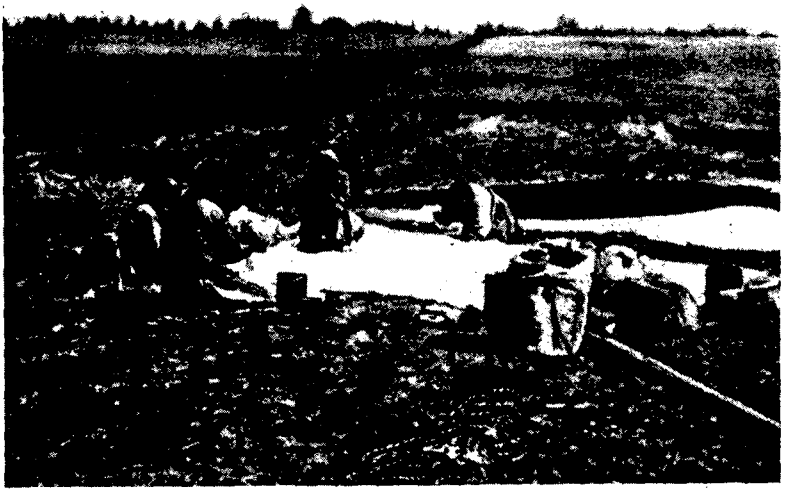
Прием шерстобитья, описанный Веселковым, даже в деталях совпадает с подобным же способом обработки шерсти у селенгинских монголов [135].

С технической стороны процесс шерстобойки у тувинцев был, как уже сказано выше, примитивным, войлок, изготовляемый ими, не отличался хорошим качеством: он был непрочным, рыхлым и грубым.

---

[134] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 37—38.

[135] Я. П. Дуброва. Поездка в Монголию. Изв. ВСОИРГО, 1885, т. XVI, № 1—2 и 3, стр. 81.

Изготовление кошем

8. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Тувинское народное хозяйство изучаемого периода оставалось натуральным замкнутым хозяйством с пастбищно-кочевой системой скотоводства на западе и оленеводством и охотой на востоке. Низкий уровень скотоводства определял и сравнительно низкое качество скота, большие потери в скотоводстве и делал в силу этого экономику Тувы неустойчивой. Тувинское скотоводство, как решающая отрасль хозяйства, определяло состояние производительных сил страны в целом. Будучи хозяйством экстенсивным, оно держало в зависимости от себя земледелие и ремесло. Вся экономика Тувы находилась, как мы видели, в самой непосредственной зависимости от окружающей природы. Хозяйство требовало от тувинца огромного напряжения сил, но вознаграждало его очень скудно. Прямым результатом примитивности тувинского производства была определенная сезонность,

а значит, нерегулярность труда, слабая его дифференциация и низкая производительность.

Господство в Туве кочевого скотоводства в XIX — начале XX в. означало сохранение крайне низкого уровня производства.

Это производство не удовлетворяло самые ограниченные потребности народа, оно порождало систематический голод и нищету населения.

Низкий уровень развития производительных сил Тувы объяснялся внешними и внутренними условиями, не только задерживавшими развитие экономики Тувы, но и разрушавшими эту экономику.

Область Верхнего Енисея на протяжении ряда столетий, примерно со времени завоевания ее монголами в начале XIII в. и до начала XX в., находилась под властью иностранных захватчиков, которые систематически грабили народ, расхищали ее богатства, всемерно подавляли трудовую энергию тувинского народа.

Особенно отрицательно сказывалось на народном хозяйстве Тувы изучаемого периода маньчжурское иго. Маньчжурские завоеватели систематически на протяжении 1757—1911 гг. подтачивали материальные силы Тувы албаном. Албан, вносившийся тувинцами ежегодно в размере 9 тыс. соболей (в его общем выражении), незаметно, но неукоснительно действовал в направлении сокращения производительных сил страны. Маньчжурское правительство, требуя от тувинцев уплаты албана пушниной, искусственно поддерживало существование охотничьего промысла в Туве. То обстоятельство, что китайское правительство [136] выкачивало феодальную ренту в виде пушнины, служило важной причиной отставания в развитии производительных сил, так как рента в продуктах, писал Маркс, «как нельзя более пригодна для того чтобы

---

[136] Такая же политика проводилась и в других районах, например на Дальнем Востоке. «Если бы, например,— читаем мы у одного исследователя,— даже в настоящее время ороч не захотел итти на пушной промысел, то китаец насильно заставил бы его итти. При этом, кроме соболя, китаец не принимает от ороча ничего другого в расчет и тем самым искусственно поддерживает пушной промысел; таким образом, препятствуют инородцу попробовать свою силу в сельскохозяйственных занятиях» (Н. Д. Быков. Орочи и гольды. Труды IV Хабаровского съезда. Доклады, Хабаровск, 1903, стр. 143).

послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, напр., в Азии» [137].

Одной из крупных причин застойного характера и даже упадка производительных сил Тувы является то, что метрополия (Китай), сама не отличаясь развитостью производительных сил, не могла стимулировать развитие тувинского производства. Метрополия систематически выкачивала продукты тувинского производства, ничего не давая для его восстановления и развития.

Маньчжурское правительство проводило по отношению к Туве политику экономической изоляции ее от метрополии и других своих колоний.

Выросшие на низком уровне развития производительных сил патриархально-феодальные отношения тормозили развитие тувинского производства, о чем подробно говорится в следующих главах этой работы.

---

[137] К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 809.

Глава четвертая

ПЕРЕЖИТКИ ОБЩИННО-РОДОВОГО БЫТА

1. СЛОЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ ТУВЫ

На пути исследования социально-экономических отношений в Туве в XIX — начале XX в. мы встречаем ряд трудностей, проистекающих как из сложности самого строя общественных отношений в Туве, так и состояния источников его изучения.

Сложность развития социально-экономических отношений Тувы в XIX — начале XX в. заключается прежде всего в том, что в них смешались фрагменты разных общественно-экономических формаций от общинно-родовых пережитков до капиталистических элементов, создавая в целом своеобразную и запутанную картину общественного строя Тувы.

Как известно, Тува в этот период являлась колонией Китая, и ее колониальное положение непосредственно отражалось на социальных отношениях. Помимо того, экономика и социальные отношения Китая, особенно с начала текущего столетия, стали прямым образом влиять на социальное равитие Тувы. Социальный строй Монголии — ближайшего соседа Тувы — уже не только влиял на последнюю, а представлял собой в некоторой мере формирующее начало для ряда ее сумонов и хошунов, находившихся в подчинении у монгольских князей. Наконец, еще в первой половине прошлого столетия в пограничных районах области возникла русская золотопромышленность, во второй половине XIX в. в Туве появились русские

купцы, а немного позже началась крестьянская колонизация, результатом которой было возникновение русских поселков в Засаянье.

Несомненно, что все эти внешние влияния вторгались в самые глубокие области общественного строя и видоизменяли многие его стороны.

Задача историка состоит в том, чтобы при изучении социального строя Тувы не упускать из виду действие этих факторов, придававших особое своеобразие течению общественных процессов Тувы.

Исторические источники, к сожалению, не позволяют с надлежащей полнотой проследить ход развития общественных отношений в Туве на всех этапах изучаемого периода тувинской истории: они весьма скудны для XIX в. и несколько богаче для начала XX в.

Рассмотрение поставленной проблемы мы начнем с выяснения вопроса о том, какую роль в жизни тувинцев играли явления общинно-родового строя.

2. РОДОВОЙ СОСТАВ ТУВИНЦЕВ

Е. К. Яковлев, исследование которого относится к концу XIX в., первый поставил вопрос о родовых отношениях у тувинцев. «Сойоты,— пишет он,— различают, поскольку пришлось установить, три степени родства: торель, сеок торель и хан торель. Торель — все роды, сумо и хошуны сойот, затем роды других племен, считаемых по преданиям родственными сойотам, таковы: дальнекарагинцы у сагайцев, хашь («гнусавый») — карагасы, теленгиты в верховьях Кемчика и по р. Катуни, алдай-тува (алдай-урянха); сеок торель — родство по роду, по кости, как бы отдаленно оно ни было. Наконец, хан торель — кровное родство — считают исчезающим в 5 колене» [1]. В XIX в. реальное значение имели только связи в пределах хантореля, с которыми нельзя не считаться при анализе общественных отношений в Туве. Разорванные на отдельные части завоевателями-китайцами (верхнеенисейские племена тувинцев), монголами (частично алтай-тувинцы, бейсе-хошун и др.) и русскими (карагасы, тофалары,

[1] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 88.

теленгиты),— тувинцы утратили представление об общности всех тувинских племен.

Сложнее обстоит дело с сеок-торель. Многие факты как будто говорят о том, что уже в XIX в. большинство тувинцев потеряло представление о своих сеоках. Очень показательно в этом отношении сообщение М. И. Райкова, который в 1890-х годах посетил вместе с П. Е. Островских наиболее отсталый район Тувы — Тоджу. «Не многие из саянцев,— писал он,— знают, из какой они кости, а когда спросишь об этом, то скажут название того сумына, в котором они числятся. Деление на сумыны чисто административное, искусственное и притом недавнего происхождения» [2].

Это заявление Райкова подтверждается и другими исследователями.

Ф. Я. Кон тщательно искал следы родовой организации у тувинцев, но, по его собственному признанию, предпринятые им в этом отношении «усилия остались в значительной степени безрезультатными». К началу XX в., по его словам, «административное деление настолько переплеталось с родовым, что одно от другого было весьма трудно отделить» [3]. Только в Тоджинском хошуне при нем еще различали сеоки от административной единицы — арбана. Картина оказалась настолько запутанной, что во времена Кона уже было трудно установить, где следует искать остатки рода — в сумоне или арбане. Исследователи Тувы, не зная, какое из двух этих административных образований сохранило в себе тувинский род, нередко делали грубую ошибку, отождествляя сеок с сумоном, или принимая арбан за тувинский род [4].

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, следует остановиться на тувинском административном делении.

---

[2] М. И. Райков. Отчет о поездке..., стр. 448—449. Нам лично старики в беседах говорили, что у них, как они помнят, не было в обычае спрашивать у встречного: «Из какой ты кости?», а спрашивали — «Какого ты сумона?».

[3] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 143. Собственно, еще раньше Кона лет на 20 то же самое говорил Адрианов (Очерки Минусинского края. Томск, 1904, стр. 201).

[4] Так, в частности, ставит вопрос Е. К. Яковлев, который пишет: «В свою очередь каждое сумо делится на роды, причем почти в каждом из сумо попадаются роды: иргит, соян, кыргыс, казак, ходук, уйгур» (Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 19).

Деление тувинцев на сумоны и хошуны, как об этом можно судить по имеющимся в нашем распоряжении документам, было учреждено маньчжурской администрацией после завоевания Тувы, в соответствии с общим принципом установленного в Туве военно-феодального управления. Маньчжуры не выдумали этот принцип, а по существу использовали тот же порядок, который был создан еще Чингисханом.

Вполне вероятно, что часть тувинских племен и родов еще в чингисхановскую эпоху получила новое административное устройство, в котором смешались древние племена и роды.

Установленные маньчжурами военно-административные единицы хошунов и сумонов были предназначены для набора определенного количества воинов, а именно сумон должен был первоначально иметь 150 человек, способных носить оружие [5]. Естественно, что с течением времени количественный состав сумонов менялся, само количество сумонов тоже изменялось.

Нам известно, что часть тувинских сумонов в период маньчжурского господства подчинялась монголам (Бээзи-хошун, Чооду и др.), монгольские дарги, правители этих сумонов, нередко называли их не сумонами, а отоками («хошун 17 отоков», т. е. Бээзи-хошун). Отоки же чисто монгольская административная единица, появившаяся значительно раньше изучаемого периода. С понятием оток мы встречаемся у калмыков, монголов и бурят [6].

Академик Б. Я. Владимирцов установил, что отоки

[5] Собственно, никаких воинов тувинцы не выделяли. Осташкин писал: «Они (тувинцы.— *В. Д.*) административно делятся на 5 хошунов государственных и 4 хошуна княжеских людей, а хошуны разделяются на сумо, или, иначе сказать, на отряды, эскадроны, так как урянхайские чиновники состоят в военных чинах, а жители как бы в звании рядовых, хотя военной повинности не относят» (ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 35). Само слово «сумон» русскими официальными толмачами переводилось словом «рота» (ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2637, д. 52, лл. 15, 18, 52 и сл.). Так переводит это слово и Н. Ф. Катанов (Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к XXIII тому «Записок Ак. наук», № 8, СПб., 1893, стр. 12).

[6] См. К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880, стр. 57; А. Баранов. Словарь монгольских терминов. Харбин, 1907, стр. 171, 172; Ф. Бруссе. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири. СПб., 1880, стр. 31.

образовались не по родовому, а по территориальному признаку [7].

Тувинский сумон, так же как и монгольский оток, отличительным признаком имел территориальную, а не родовую общность. Характерно и то, что в официальной переписке XIX в., как правило, сумон назывался по имени чангы-правителя, а не по собственному названию.

Вот почему Катанов, Яковлев, Кон, а также и другие исследователи находили в отдельных тувинских сумонах людей из различных родов — сеоков. Катанов 20 мая 1889 г. на Салдаме записал от тувинца Оюннарского сумона названия следующих родов, входящих в состав этого сумона: Оюн, Саат, Тонгак, Пайгара, Кодуглар, Елет, Сарыглар и Телек [8]. Кон не раз встречался с подобного рода явлением. Так, им, например, у тех же оюннаров были записаны следующие кости: Олет, Сат, Тонгак, Байгара, Унгек, Ходуш, Телек и Олп. Сравнивая эту запись с катановской, мы видим, что большинство сеоков у них совпадает, только три кости по названию не совпадают, что еще больше подчеркивает многородовой состав сумона. В сумоне Хомушку Кон нашел следующие кости: Улет, Пюрбет, Хеюк, Сарыг, Таву и Кара [9]. Яковлев, как нам уже известно, нашел некоторые роды (Саян, Уйгур и др.) почти в каждом тувинском сумоне.

Все эти факты убедительно доказывают, что нельзя сумон отождествлять с родом, хотя не исключена и такая возможность, что отдельные сумоны могли образоваться на базе одного или двух родов. Наоборот, один род мог разделиться по двум разным сумонам.

С бо́льшим основанием можно искать следы сеока в арбане. Арбан, или десятидворка, никогда в действительности не был объединением только 10 юрт, чаще всего объединялись несколько десятков юрт [10]. Арбан, в отличие

[7] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 133.

[8] Образцы народной литературы тюркских племен. Под ред. В. В. Радлова, вып. IX, СПб., 1907, стр. 17.

[9] Ф. Я. Кон. Предварительный отчет..., стр. 20.

[10] В сумоне Хомушку было 200 юрт, которые делились на шесть арбанов. Чооду-сумон (260 юрт) состоял из четырех арбанов. Иргит-сумон (120 юрт) — из трех арбанов (ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 59); Сойон-сумон насчитывал 377 юрт в шести арбанах. По Ермолаеву, число юрт в арбане доходило до 100 и более. (ККМ, № 694, л. 11).

от сумона, не имел общей территории и создавался, как можно судить по рассказам аратов, на основании других признаков [11], в том числе и по родовому признаку, но во многих сумонах арбаны самими же тувинцами различались от сеока (например, у тоджинцев). Но во всех сумонах арбаны имели собственное название, в некоторых из них они различались по номерам (например, сумон Хомушку, где было шесть арбанов), что, видимо, тоже указывает на несовпадение их с сеоками.

Из всего вышеизложенного вытекает, что сумоны и арбаны создавались не на базе родоплеменных образований, и в них непосредственно нельзя видеть слепок с родовой организации тувинцев.

Введенное завоевателями феодально-административное деление тувинцев по сумонам и хошунам, однако, не привело к полному уничтожению старой родовой организации тувинцев, она в значительной мере вошла в своем непосредственном виде в новые административные образования. Некоторые сумоны и арбаны полностью включили в себя древние тувинские роды и даже племена. Это относится к таким, например, родам и племенам, как Маады, частично Чооду, Байгара, Ондар, Шат и другие, которые составили в новых административных образованиях либо самостоятельные сумоны, либо большинство в них.

Так, например, Африканов писал, что у тувинцев «хошуны в свою очередь делятся на сумо или роды, которыми управляют родоначальники, облеченные в то же время и административным званием дзанги или дзайсана. Каждое сумо ведет происхождение от известной кости и родоначальника» [12]. Действительно, названия сумонов в большинстве случаев, правда не всегда, совпадают с родовыми названиями, потому что в состав сумона входит только один род, а чаще потому, что один какой-либо род дает большинство жителей сумона, подобно тому, как

---

[11] По сообщению аратов, например, арбан Кобсек в верховьях Кемчика (Бай-Тангинский район) был образован шаманом Кызык и его девятью сыновьями. Теленгитский арбан состоял из теленгитов, Дюрбет-сумон — из дюрбетов. Вне всякого сомнения, Уйгур-арбан из Ондарского сумона был образован по родовому принципу.

[12] А. И. Африканов. Урянхайская земля и ее обитатели. Изв ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 5, стр. 49.

наиболее многолюдный сумон дает название хошуну [13]: Тоджи — Тоджинскому, Оюннар — Оюннарскому, Салчак — Салчакскому.

Вот почему еще во второй половине XIX и в самом начале XX в. Адрианов и Кон испытали большие трудности при попытках выяснить внешнюю картину родового устройства, они констатировали смешение административного и родового деления. Если Ф. Я. Кон, специально в течение двух лет занимаясь выяснением вопроса о родовой организации, признал невозможным установить ее ясную картину, то это значит, что к тому времени не только тувинская молодежь, но и старики-тувинцы основательно забыли свои сеоки, и не только потому, что новые административные деления совпадали со старыми родовыми делениями, но и потому, что завоеватели прикрепили каждого тувинца к сумону [14] и решительно запретили ему переход из одного сумона в другой. Это было не что иное, как феодальное закрепощение. При этом если в состав сумона вошли целые кости (роды), то каждый сородич оказывался прикрепленным не только к сумону, но и к своей собственной общине. Следовательно, иноземным завоевателям феодальным прикреплением тувинцев к сумону и арбану удалось в значительной мере закрепить пережитки родовых порядков.

Что же касается тех родов, которые в процессе административного устройства были разделены по разным сумонам, то они в конце концов и различать себя стали по сумонам, хотя феодальной администрации так и не удалось преодолеть чувства привязанности и экономические связи, которые сохранились между разорванными частями одного и того же рода.

В силу перенесения народом большинства родовых имен в названия феодально-административных единиц мы имеем возможность в некоторой степени восстановить картину родового состава тувинцев. Грумм-Гржимайло в своей книге «Западная Монголия и Урянхайский край»

---

[13] Это исключается для кемчикских хошунов, из них один назывался Байсэ-хошун, по имени монгольского князя, которому был подвластен, а другой — Даа-хошун.

[14] Указание о прикреплении к отоку и аймаку в XVII в. мы встречаем в монголо-ойратских законах (К. Ф. Голстунский. Указ. соч., стр. 58).

перечисляет следующие роды тувинцев: Киргиз, Китя, Казган, Уйгур, Сарыхляр, Сарыг, Теленгыт, Хотун, Ишиты (?) (Орчжак), Манджрак, Иркит, Мады, Чжода, Куль, Каратод (тот), Хоулар (Хуулар), Китыт (Китат) [15], Тонгат (?), Толан-Шара (?), Хереид, Бурут, Саттар, Сат (?), Оин, Сальджак, Адай [16], Монгуш, Тумат, Ельджиген, Джокду, Бюргут (Бургут), Дюрбют [17] (Дёрбёт), Цорас (?), Ölёт [18], Шарьнут, Харнут, Барнут, [19] Чоннут (?), Унгер, Уриляс, Бурят, Адыг [20], Каргас, Хасык, Хердэк (?), Шагай, Хасак, Халюш, Ходуш, Аргамык, Камучин, Хуреклыг, Мундэй, Шерьхиттын, Соен (Соон), Мингыт [21], Пайгара, Тоджи, Хуюк (Хоик), Сая, Комышку, Орчжак (Орчак), Хобалык (Ховалык), Тюлюш, Тонгак, Таву, Карасал, Кожегет, Кемцик [22], Шалык Таргат (Дархат), Орцык, Донкур, Тарбут, Каратöшь, Тангдыс, Мак, Мачкы, Мангсыр, Амуглык, Аюхдзалын, Сиирбя, Нютцугун, Хулдуиг, Какта, Шаришь, Хоролмой, Шарьтирхин,

---

[15] Это тувинское название китайцев, оно возможно попало в список Грумм-Гржимайло совершенно случайно.

[16] Грумм-Гржимайло указывает этот род на р. Ак-суге (Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 15). Характерно, что так называют монголов сородичи тоджинцев — тофалары (Peoples of Asiatic Russia, by Waldemar Jochelson, 1928, p. 25).

[17] Такого рода у тувинцев нет, это название соседей тувинцев в северо-западной Монголии, имелся только арбан этого имени, который, возможно, составился из дюрбетов-переселенцев.

[18] Кость Олет мы встречаем в ряде сумонов. Пестерев в августе 1775 г. нашел «улетского рода сойот» по Алашу, Буян-Журек, в устье Кемчика (НЕС, ч. LXXX, 1793, стр. 71, J. Klaproth. Asia polyglotta, p. 149). Нам кажется, что у Пестерева и Клапрота речь идет не о роде Олет (Улет или Идек), а о родах тувинцев, подчиненных монгольскому олетскому князю. Впрочем, и у ближайших сородичей тувинцев Дархат есть род Олет (Г. Д. Санжеев. Дархаты. Л., 1927, стр. 12).

[19] Вряд ли были такие родовые названия; это скорее всего монгольские прозвища: желтоглазый, черноглазый и бурогласый.

[20] Вероятнее всего часть названия адыг-тулюш; адыг по-тувински медведь.

[21] О мингатах на тувинской земле мы встречаем известия в древних русских актах XVII в. О мингатах, живущих на Кемчике, говорит В. Старков в своем донесении (ЦГАДА, Описи томских воевод и статейный список бытности у монгольского царя Алтана в послах боярского сына Василия Старкова, л. 22; ср. Дополнение к Актам Историческим, т. 8, стр. 42; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, стр. 534 и др.).

[22] Название реки, а не рода.

Олп, Темк, Хорхан, Тёнкён, Чёрд, Уцугут, Бё-ханайкин, Хулурин-ханайкин, Хасут [23].

В таком виде этот список не отражает подлинной картины родового состава тувинцев. Некоторые родовые названия неизвестно откуда взяты автором, иные представляют собой названия места, прозвища и т. п. Так, например, Грумм-Гржимайло говорит о роде Китя, производя это название от имени тувинского сумона Кедээ-Ооржак; в данном случае он считал, что это название произошло от слияния двух родовых имен Кедээ (Кидя, Китя) и Ооржак. Между тем раздвоившийся тувинский род Ооржак получил дополнительные названия просто по географическому признаку: Кедээ-Ооржак и Ишты-Ооржак. По-тувински кедээ (от которого идет искаженное русское — кидя, китя) означает вне, позади, прочь, внешние, периферийные нагорные [24], точно так же, как противоположное ему ишты — значит внутрь, под, ближние, впереди, долинные, а отсюда самое разделение рода на Кедээ-Ооржак и Ишты-Ооржак означало просто дальние (периферийные), внешние, нагорные Ооржаки [25] и ближние, внутренние, живущие в долине Ооржаки. Грумм-Гржимайло, не разобравшись в подлинном значении слова Китя, связал его с названием одного из тех 18 племен, о которых известно, что в 1120 г. они выступили из Центральной Азии на Запад для покорения государства Караханидов. Еще более ошибочный вывод сделал Грумм-Гржимайло от слова «ишты», употребляемого по отношению к другому сумону Ооржак. Слово «ишты», о значении которого выше сказано, Грумм-Гржимайло толкует так: «Ишты», вероятно, остяцкая кость; остяк быть может лишь русская переделка татарского «иштек» [26].

[23] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 22—23. Этот перечень включает и родовые названия тувинцев, живущих в Монголии.

[24] Тувинско-русский словарь, под ред. Пальмбаха, М., 1955, стр. 220.

[25] Поселки тувинцев (аалы), которые стоят ближе к реке, называются «ишты-аалтыр», а стоящие в стороне — «кедээ-аалтыр». Катанов переводит слово «кедээ-ооржак» (он транскрибирует Кӑдӑ орча'к), как «внешние Орчжаки» (Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14).

[26] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 14.

Незнание тувинского языка приводит автора и к другой ошибке. Он, например, упоминает рядом две кости: Сарыг и Сарыглар, Сат и Саттар, в то время как это названия одних и тех же родов, поставленные в первом случае в единственном (Сарыг, Сат), а во втором — во множественном числе.

Мы не будем говорить о других наименованиях, которые иногда представляют собой искаженное название одной и той же кости в различных записях (Каратод и Каратошь, Чжода и Джокду, Хасык и Хасак и др.).

Бесспорно тувинскими племенами и родами являются: Кыргиз, Сарыглар, Иргит, Маады, Чооду, Куль, Хуулар, Толан, Сат, Оюн, Салчак, Монгуш, Тумат, Сойоны, Пайгара, Тоджи, Хойек, Саая, Хомушку, Ооржак, Тулуш, Тонгак, Карасал, Кужугеты, Ондар.

В нашем распоряжении имеются следующие данные о дислокации, численности и происхождении тувинских родов и племен.

Кыргыз — это, конечно, племенное название. В Туве источники устанавливают два рода Кыргыз. Один в составе Салчакского хошуна с местом кочевания на южном склоне Танну-Олы по рекам Сайзыгголу, Эрзину, Нарыну и др.[27] В 1913 г. сумон Кыргыз делился на пять арбанов и насчитывал 1200—1500 человек[28]. Часть населения этого сумона кочевала по Улуг-Хему в соседстве с сумоном Пайгара. Другой сумон Кыргыз, входивший в состав Бейсэ-хошуна, располагался в предгорьях Саян и на Саянах[29]. Катанов встречал кыргыз по Чаа-холю, Шаган-арыгу, Эйлиг-Хему, Чадаане, Бом-Кемчику и Улуг-Хему[30]. Яковлев говорит, что род Кыргыз встречается почти в каждом сумоне[31]. По официальным данным, в 1916 г. сумон Кыргыз Бейсэ-хошуна насчитывал 307 юрт[32].

---

[27] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. II, стр. 8; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 50; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр 1497; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13.

[28] ГАИО, ф. 25, *оп.* 13, св. 7, д. 89, л. 59.

[29] А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 51; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 16.

[30] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 286.

[31] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 19. Эта кость встречается на Алтае и в Хакасии.

[32] ККМ № 46, лл. 31—32.

Сарыглар. В литературе этот род, а скорее всего племенное образование, выступает под названием Сарыг, Сарыглар, Сарыхлар, Сарыклар. О происхождении этого рода у Кона записана легенда [33]. Сарыглары входили в состав Бейсэ-хошуна и расселялись по рекам Аксугу, Барлыку, Эдыгею, Алашу, Чыргаку [34]. В 1916 г., по официальным данным, в сумоне числилась 131 юрта, Ермолаев же насчитал 210 юрт [35].

Теленгиты, как мы думаем,— переселенцы из Алтая. Это показывает колхозник артели им. Сталина (р. Каратыг) Чумал Макаревич, выехавший с Алтая 20 лет и проживающий в Бай-тайге уже свыше 40 лет. Об этом свидетельствуют также архивные документы [36]. Теленгиты проникали на Кемчик по его притокам и притокам Барлыка.

Иргиты. В Туве их было две группы: одна входила в состав хошуна амбын-нойона (Оюннарский хошун) и кочевала по обоим склонам Танну-олы (реки Тарал-чын, Сольжар, Иртыш) [37], а другая принадлежала к Бейсэхошуну и кочевала по р. Мунге-Бурэну [38]. Ермолаев в 1916 г. встречал иргитов чаще всего по рекам Чадану и Барлыку [39]. В том же году, по официальным тувинским данным, в этом сумоне было 137 юрт. Ермолаев же насчитал 171 юрту [40]. В Оюннарском сумоне (три

---

[33] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 145. 70-летний старик Кежеге (Сут-хольский район), запись беседы с которым хранится в Тувинском НИИЯЛИ, различает Сарыглар по двум группам: Сарыглар-ак-оорунун и Эдегей-сарыглар.

[34] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 15; А. И. Афрканов. Указ. соч., стр. 51; Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1498; Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 144.

[35] ККМ, № 49, лл. 31—32.

[36] ГАИО, ф. 24, св. 2638, д. № 111, л. 48.

[37] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. II, стр. 8; Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1497; А. И. Афрканов. Указ. соч., стр. 49; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13; По Потанину эта группа Иргит делилась на Кара-Иргит и Сарыг-Иргит. (Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 11). Иргиты известны и у других тюркских народов (Алтай, Хакасия).

[38] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1497; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14; А. И. Афрканов. Указ. соч., стр. 51.

[39] ККМ, № 49, л. 35.

[40] Там же, лл. 31—32.

арбана) иргит Мальцев насчитал 120 юрт или 600 человек [41].

М а а д ы. Это одно из древнейших племенных наименований на Саянах. Впервые мы узнаем о нем из енисейско-орхонских надписей, обнаруженных в местности Аржан, в двух верстах от левого берега Уюка: «Беш матымыз, Шадымыз алим чёндём дырылдым» [42].

Многие писатели (Миллер, Спасский, Кастрен, Радлов и др.) отождествляют маады с маторами. Между тем русские исторические акты XVII в. хорошо знают матцев и различают их от маторов. Осенью 1609 г. томские воеводы узнали от киргизских князей Номчи и Кочебея, «что алтын хан Мунгальский, ходу до него от киргиз месяц; а его ясашные люди живут Матцы, от киргиз два дня, а от Мат до него живут все его люди» [43]. 8 ноября 1609 г. томские воеводы направили казаков Бобра и Субботина «в новую землю в Маты матцких людей привести... под царскую высокую руку» [44]. Казаки успешно выполнили эту миссию и «матцких людей князька Четея, да Олгана, да Тумея и ево людей привели» в русское подданство, взяв с них 60 соболей ясаку [45]. Что эти матцы не имеют ничего общего с маторами, показывает тот факт, что одновременно с посылкой Бобра, Субботина и Багулки «в Маты», были отправлены к маторским и тубинским людям для приведения их в подданство С. Петров, В. Казаков и переводчик Алибекий, которые вернулись из поездки десятью днями позже предыдущих. Понятно, что если бы Маты и Маторы были одним родом, то не было бы необходимости посылать к ним две отдельные экспедиции. Обе партии казаков привезли сведения о численности людей тех волостей, куда они направлялись: оказалось, что матцев в два раза больше, чем маторов (количество матцев Бобр и его товарищи приблизительно определили в 600 человек, а Петров и Казаков насчитали маторцев 300, а тубинцев — 100 человек). В 1610 г. все вновь принятые в подданство племена отка-

[41] ГАИО, д. 89, л. 59.

[42] Die alttürkischen Inschriften den Mongolei von W. Radloff. St. Petersburg, 1895, S. 305.

[43] Русская историческая Библиотека, т. II. СПб., 1875, стр. 189.

[44] Г. Ф. М и л л е р. Указ. соч., т. 1, стр. 422.

[45] С. В. Б а х р у ш и н. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск, 1927, стр. 4.

зались платить ясак, и это обстоятельство зафиксировано в двух различных документах. В одном говорится «об измене людей, живущих в Матцкой, Кимской и Алатерской волостях» [46], в другом — «о том, что с волостей десары, маторцы и тубы не собран ясак на 118-й год».

Русские документы и локализируют в различных местах эти племена. Маторы, как известно, обитали в верховьях р. Тубы, а матцы — за Саянами. Путь к матцам описан В. Тюменцем и П. Петровым: «А из Саянские земли шли оне до Матцкые земли восм ден, а места были ровные, меж гор же, а горы были им по сторонам. А реки им были от Саян до Матцкие земли: первая Кимчага,— два днища от Саян, другая река Частые броды, а бежит щелью каменною, от Кимчага реки 2 же днища; а речки всё каменные, не великие, ключевые, вышли из гор. А от Частых брод шли до озера 2 днища, а озеро велико, межь гор каменных вода в нем солона, а как то озеро словет, того не упомнят (не Сутхоль ли? — *В. Д.*). А от озера шли до мат 2 же дни сухим путем, межь гор же, рек не было, только были ручейки не велики» [47]. Мы не можем на основании этого сообщения точно установить местоположение маадов, но они, вне всякого сомнения, жили в это время за Саянами, т. е. на территории современной Тувинской автономной области.

Помимо указанных документов, матцы, или маты, упоминаются в русских документах под 1620 и 1630 гг., при этом о них говорится, что «браты, да маты люди великие...» [48]. Чаще всего они упоминаются рядом с соянами, братами, кучюгетами и др. Весьма характерно, что в одном случае они выступают под именем «маткиргизы» [49]. Миллер говорит по поводу матов: «О матах в последующие годы ничего не упоминается. Они, вероятно, были частью другого народа и, следовательно, носили другое название. Маторцы же живут и сейчас на реке Тубе или, как татары ее называют, Упса» [50].

В самое последнее время высказано соображение о

[46] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 430.

[47] Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. Известия отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. наук, т. XVIII, кн. 4. СПб., 1914, стр. 273.

[48] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. II, стр. 251, 262 и др.

[49] Там же, стр. 564.

[50] Там же, т. I, стр. 323.

том, что под Матцкой землей следует понимать земли, населенные мингатами [51].

В XVIII в. о маадах писал Пестерев, который лично встретился с ними во время объезда пограничной линии. По сообщению Пестерева, маады (матларский род) кочевали вблизи русской границы, в соседстве с байгаринцами, как можно думать (это подсказывается картой Пестерева), в районе Улуг-Хема и по притокам Бий-Хема [52].

Яковлев говорит, что маады считают своими сородичами каргинцев (один из родов сагайцев) и передает даже легенду о переселении каргинцев в Минусинский край [53].

Исследователи и путешественники XIX — начала XX в. указывали местожительство маадов в районе верховьев р. Усы, по рекам Уту, Одже и Уюку (ср. енисейско-орхонскую надпись на Аржане) [54]. Яковлев подробно перечисляет места кочевок Маады по Пиг-Хему (Бий-Хем) от ручья Баянгол, впадающего в Улуг-Хем верстах в пяти от слияния Пиг-Хема и Ха-Хема, по рекам Сессерлику, Бегреде, Мегону, Уюку, Одже, Уту, Себе и до устья р. Тапсы [55]. Маадов и чоодов по р. Тапсе, по данным русских документов, в начале XX в. было около 1000 человек [56].

Чооду. Чжода, Чота, Чеда, Джокду, Джеды, Джеты, по нашему мнению,— искаженное название тувинского племени Чооду, которое Кастрен и Аристов относят к самоедским по происхождению. В конце XIX в. кость, или племя, Чооду расселялось в основном в четырех местах. Первая группа, известная в русской литературе под названием «Джеды», «Чоты», «Чоды», входила в состав Оюннарского хошуна и кочевала по рекам Харалыгу, Шивэлыгу, в верховьях Халай-голу, по ее притокам Эрисхену, Утуму и около оз. Кара-нор (это в районе южного склона Танну), а также на северном склоне хребта Танну по рекам Шурмаку, Мочжалыку, впадающим в р. Брень — при-

[51] Н. П. Шастина. Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии. Автореферат, Л., 1950, стр. 11.

[52] НЕС, 1793, ч. XXIX, стр. 73. J. Klaproth. Asia polyglotta, p. 149.

[53] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 19.

[54] А. И. Африканов Указ. соч., стр. 51; Н. Ф. Катанов Письма..., стр. 16; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III. вып. 1, стр. 17.

[55] А. И. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 21.

[56] ГАИО, д. 89, л. 53.

ток Каа-Хема [57]. По Мальцеву, здесь их было 260 юрт или 1300 человек [58].

Вторая группа, родственная первой, известная под названием «Джода», «Чжода», «Тонгак-Чжода», принадлежала к монгольскому хошуну Да-вана, кочевала по р. Тапсе, притоку Бий-Хема.

Две остальные группы жили в Тодже. Еще в 1858 г. Крыжин записал следующие роды у тоджинских тувинцев: Ак-Додот и Хара-Додот, Ак-Джет и Хара-Джет [59]. Ак-Чеда, Ак-Джет, Чжода, Ак-Чоды жили по обоим берегам р. Хамсары и ее правым притокам и по р. И-Хему [60]. У Островских записано три рода в сумоне Ак-Чооду: Тарган (tarhan) Соэн и Кыштак [61]. По другим сведениям, они жили на плоскогорье между Бий-Хемом и Каа-Хемом; например, по Катанову, Ах-Чеда жили в верховьях р. Хаа-Хема и Тенгиса [62].

Кара-Чоды, Кара-Джеты, Кара-Чеды кочевали в верховьях Каа-Хема по Башкему, Серлиху и Харалу, по р. Азасу, впадающему в оз. Тоджи-куль, в верховьях Бий-Хема, по обоим берегам Каа-Хема [63]. Скобеев насчитывает их 200 юрт; Африканов сообщает, что они кочуют по р. Систи-Хему и частично вверх по Бий-Хему.

Хол. В литературе указывается два сумона: Хель-сумон и Куль-сумон. Кастрен и Аристов считает этот Хуль, или Хель, родом самоедского происхождения [64].

Хёль- или Куль-сумон находился в Салчакском хошуне в районе оз. Тери-холь, верхнего течения Каа-Хема и его

[57] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. II, стр. 8; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 49; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1497; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13, 16.

[58] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 59.

[59] Труды Сибирской экспедиции ИРГО, стр. 91.

[60] А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 50; ККМ, 694, л. 71; М. Скобеев. Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности. «Северная Азия», 1925, кн. 5—6, стр. 11. По его сведениям, их было до 300 юрт.

[61] П. Е. Островских. Краткий отчет..., стр. 426.

[62] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13.

[63] Там же, стр. 13—14; М. Скобеев (указ. соч., стр. 11) насчитал их до 200 юрт. А. И. Африканов (указ. соч., стр. 50) сообщает, что они кочуют по р. Систи-Хему и частично вверх по Пий-Хему, Кон называет этот сумон Кара или Баран (Экспедиция в Сойотию..., стр. 144).

[64] M. A. Kastren. Reiseberichte..., S. 359—360.

притоков. Потанин говорит, что монголы называют этот сумон Нур-сумоном, т. е. озерным [65], что хорошо подтверждается районом его кочевания (хöл, куль-озеро). В состав сумона входили кости Балыкчи (рыбаки), Хердек (или Хердыгит), Иргыт и Хускун, а также (по Потанину) Мынгыт, Монгош, Сойон [66].

Второй сумон Кол, или Куль, находился в Тодже и образовался позже других сумонов Тоджи. По Островских, в сумоне было 1000 человек населения.

В одной из тувинских рукописей мы находим следующее объяснение происхождения сумона Кол: «Тожнурский: 1. Куюк, 2. Ак-Чооду, 3. Кара-Чооду и 4. Тодут. Впоследствии один из тоджинских сумонов исчез, но выделился Кол-сумон, образованный из жителей ставки нойона» [67]: «Кол» — значит основной. Следовательно, здесь мы имеем дело не с родовыми названиями, а наименованием сумона. Ермолаев, который называет его Кол-сумо, а в скобках ставит Тоджи-сумо, локализует его по рекам Себи, Карагашу, Тузу, Сисги-Хему, Джебашу, И-Хему, Торо-Хему (и озеру этого же названия), Ак-Хему и Ин-сугу [68].

По Кону, в состав Кол-сумона входят сеоки: Ак-Тоду, Кара-Тоду, Соен, Кыргыз, Хамачи, Маты, Тархат, Шакар. Весьма характерно, что названия арбанов этого сумона, за некоторым исключением, различаются от названия сеоков. Островских записал следующие названия этих арбанов: Кол, Соен, Шагда (Чагда), Кара-Тод, Хаазат, Хэмдэ [69]. Кон повторяет те же названия, только вместо Хаазат называет арбан Джебаш [70].

Хуулар. Грумм-Гржимайло считает, что у тувинцев было два рода Хуулар, между тем их было три подрода [71] Все они различаются по месту кочевания. Чадан-Хуулар жили по р. Чадану, в местности Шеми и ближайшей округе. В 1916 г., по официальным данным, их было 183 юрты,

---

[65] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 11.

[66] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 17.

[67] Тув. НИИЯЛИ, Сведения..., л. 9.

[68] ККМ, № 694, л. 71.

[69] Г. Е. Островских. Краткий отчет.., стр. 426.

[70] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 144.

[71] В. Дулов. Ценный историко-географический материал о Туве. Известия ВГО, 1947, вып. 6, стр. 685.

по обследованию же Ермолаева — 200 юрт [72]. Черчарик-Хуулар жили по Черчарику. В 1916 г., по официальным данным, их было 103 юрты, а по обследованию Ермолаева — 78 юрт [73]. Суг-бажи-Хуулар жили в районе Аянгатты, Чургаккы, урочища Суг-бажи, отдельных представителей этой группы Хуулар Ермолаев встречал на Аке, Алаше, Ишхине, Барлыке и в других местах [74]. В 1916 г., по официальным данным, Суг-бажи-Хуулар было 99 юрт, Ермолаев нашел 95 юрт [75].

Толан (Толан-шара). Толан, или Долан,— небольшой сумон в составе Бейсэ-хошуна, насчитывал, по официальным данным, всего 61 юрту [76].

Сат. Легенду о происхождении этого рода смотри у Яковлева [77]. Саттар расселялся по Чадану и устью Кемчика [78]. По ведомственным сведениям, в Саттар-сумоне было 275 юрт, Ермолаев насчитывал 222 юрты [79].

Оюннары. Оюннары расселялись по рекам Улуг-Хему, Булуку, Элегесту, Ирбеку [80], за хребтом Танну-ола, на озерах Кодан и Чжагатай-хул. Ермолаев сообщает, что в составе Оюн-сумона было шесть арбанов: Сат, Олет, Унгар, Тонгак, Котыглар, Оюн [81]. По Кону, в состав сумона входили: Оюн, Сат, Тонгак, Байгара, Улет, Унгер, Телег, Ходуш [82].

Салчак. Это племенное название. В Туве его носили сумон и хошун. Сумон Салчак включал в себя следую-

---

[72] ККМ, № 46, лл. 31—32, 35.

[73] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[74] Там же, л. 35.

[75] ККМ, № 46, лл. 31—32; ЦГВИАМ, ф. 1468, оп. V, № 430, лл. 66, 125; А. П. Ермолаев. Урянхайский край. Минусинск, 1919, стр. 7; А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки, стр. 19.

[76] ЦГВИАМ, ф. 1468, оп. V, № 430, л. 66; ККМ, № 46, лл. 31—32.

[77] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 68.

[78] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1498; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 51; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 16; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 15.

[79] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[80] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1452; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 49; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 12; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. II, стр. 119; Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 144; ККМ, № 46, л. 71.

[81] ККМ, № 46, л. 71.

[82] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 144.

щие кости: Олет, Иргит, Соен, Хуюк, Кезек-Сальджак, Какта [83]. Грумм-Гржимайло принимает слово «кезек» за название местности, но это скорее всего означает часть (сальджаков), так как в буквальном переводе «кезек» — кусочек, часть, группа (в отношении людей). Основная масса салчаков была расположена в нижнем течении Каа-Хема, Брень и Улуг-Хема [84]. На Кемчике и его притоках встречался род Салчак-соен, тувинские власти насчитывали в нем 235 юрт, а Ермолаев — 276 [85].

Монгуш. Монгуш наиболее многолюдный сумон у тувинцев. Исследователи и путешественники отмечали два подрода монгушей: Монгуш, или Ак-Монгуш, и Кара-Монгуш. Ак-монгуши кочевали по рекам Семи-сугу и Ак-сугу [86]. Кара-монгуши кочевали по Чаа-Холю, Алашу, верховьям Кемчика [87]. По официальным данным, в 1916 г. в Ак-Монгуш-сумоне числилось 815 юрт, а в Кара-Монгуш — 187 юрт. Ермолаев же во время своего обследования нашел в первом — 694, а во втором — 244 юрты [88]. Ярхо записал три подрода монгушей: Ак-Монташ, Кара-Монташ и Улуг-Монташ [89]. Осташкин в своем отчете генерал-губернатору Восточной Сибири от 2 ноября 1883 г. называет Монгуш и Тулюш племенами, а Комушку (Хомушку) — родом [90].

Тумат. Катанов указывает, что их кочевья перемежевываются с кочевьями рода Тонкак по рекам Чагын-арыгу, Тостоеку, Кули-Хему, Эйлиг-Хему, Ишхину и Чиргаккы [91]. Африканов нашел представителей этого рода около Белтыского караула по р. Кельдерге, по ту сторону Танну-олы. В Тумат-сумоне была всего 71 юрта [92].

---

[83] Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 12.

[84] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1452, 1497; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 50; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. II, стр. 11; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13.

[85] ККМ, № 46, 31—32.

[86] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 51.

[87] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14.

[88] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[89] А. И. Ярхо. Указ. соч., стр. 19.

[90] ГАИО, ф. 24, св. 2638, д. 111, л. 37—38.

[91] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 31.

[92] ККМ, № 46, лл. 31—32.

Сойоны. Соены, или Саяны,— древнее племенное название Центральной Азии. Нам кажется вполне обоснованным сближение этого названия с названием одного племени, упоминаемого китайскими летописями — «сеянто».

Сойоны называют себя Туба-кижи, как записал в 1861 г. В. В. Радлов [93]. Потанин встретил род Соян на Нарын-голе [94]. В Туве мы знаем три рода или подрода Соен (Грумм-Гржимайло насчитывает даже четыре, но он напрасно причисляет к этому роду кость Саая): 1. Саян (Соен, или Соян), входивший в состав Оюннарского хошуна и расселявшийся по левому берегу р. Теса, около оз. Кучей и Алтын-Куля, по рекам Нарыну и Можалыку [95]. По Мальцеву, в сумоне было 377 юрт с населением в 1403 человека [96]. 2. Хертек-Соен из хошуна Бейсэ — в верховьях Кемчика [97]. По официальным данным, в сумоне было 270 юрт, по обследованию Ермолаева — 323 юрты [98]. 3. Салчак-Соен из того же хошуна жил в соседстве со вторым. И сейчас в Бай-Тагинском районе большинство населения состоит из салчаков и хертеков и в меньшей степени из хуулар и монгушей. По ведомственным данным, в сумоне было 235 юрт, по материалам Ермолаева — 276 юрт [99]. Катанов не различает два последних сумона и локализует их на р. Копецху и в верховьях Кемчика [100]. Потанин записал поговорку об этом роде: «Сойон кіжіде ук јок Карбо талда кок јок» «У сойонских людей роду нет, у сухого тала золы нет». Он уже указывает на родство сойон с иргитами (два брата, по преданиям) [101].

---

[93] W. Radloff. Reise..., Bd. I, S. 293.

[94] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. II, стр. 13.

[95] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1497; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 49—50; М. Скобеев. Указ. соч., стр. 11; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13.

[96] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 53.

[97] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1498; А. В. Адрианов. Очерки Минусинского края, стр. 50; А. П. Ермолаев. Урянхайский край, стр. 7.

[98] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[99] Там же.

[100] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13.

[101] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. II, стр. 20.

Пайгара. Кастрен считает, что этот род близок к остяцкому роду Байгодо[102]. В литературе также высказывалось мнение о близости этого названия с китайским «баегу». Впервые о тувинском роде Пайгара говорит Пестерев, который встретил его представителей на р. Онад, в 1773 г.[103] Потанин нашел пайгара на правом берегу Каа-Хема[104] и ниже слияния Каа-Хема с Бий-Хемом[105]. Здесь же встретился с ними, как можно полагать, и Пестерев. Местами кочевания Пайгара были реки Бегреда и Сессерлиг — притоки Бий-Хема и Баян-гола и Байгара — правый приток Улуг-Хема[106]. Яковлев помещает это, по его словам, «ничтожное сумо Пайгара Сальджакского хошуна», на правом берегу Улуг-Хема[107].

Тоджи. Думается, что тувинских тоджинцев можно связать с Точи (Точигасы) русских документов XVII в. Точигасы, по этим материалам, вместе с тубинцами, маторцами и мунгалами в 1634 г. нападали на Красноярский острог[108]. В 1636 г. они упоминаются в окружении тубинцев киргиз, маторцев, мунгалов, саян[109], в 1651 г. их находят по р. Катуни[110], а в 1679 г. они нападают на Кузнецкий острог[111]. О тоджинцах писал Пестерев; он нашел их по рекам Тодату, Хамсаре, Систе-Хему[112]. Они занимали верхнее течение Бий-хема[113].

Хойск. Хойск записан Крыжиным в 1858 г.[114], но, почему-то упущенный Африкановым и другими исследо-

---

[102] M. Castren. Reiseberichte..., S. 330.

[103] НЕС, 1793, LXXIX, стр. 73.

[104] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 11.

[105] Там же, вып. II, стр. 5.

[106] А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 50; Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1451, 1493; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13.

[107] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 21.

[108] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. II, стр. 415; Доп. к АИ, вып. 8, стр. 42—43.

[109] Там же, стр. 440.

[110] Там же, стр. 534—535.

[111] Доп. к АИ, вып. 8, стр. 42—43.

[112] НЕС, 1793, LXXX, стр. 55.

[113] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1452; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 50; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14.

[114] Труды Сибирской экспедиции ИРГО, стр. 91.

вателями, точно локализован Ермолаевым по рекам О-хему, Улуг-О, Пичи-О, а также в верховьях Тапсы [115]. Еще Островских писал, что род этот вымирает от голода и оспы. Он их насчитал еще 200 человек [116]. В 1915 г. весь сумон вымер, а принадлежавшие ему олени одичали [117].

Саая. Саая входили в состав Даа-хошуна и кочевали по р. Кундулену и левому берегу рек Кемчика, Аянгатта, Барлыка, Шара-балыка. По ведомственным данным тувинских властей, в сумоне было 122 юрты, а Ермолаев насчитал 127 юрт [118].

Хомушку. Комушку, или Хомушку, входившие в состав Бейсэ-хошуна, кочевали по рекам Барлыку, Хундулену, Эдигею и в верховьях Кемчика, небольшое их количество встречалось на Алаше, Чадаане и Аянгатте [119]. Грумм-Гржимайло указывает в сумоне следующие кости: Олет, Тюрбет, Кеюк, Сарыг, Кара и Таву. По официальным данным, в сумоне было 209 юрт, по материалам Ермолаева — 268 [120].

Ооржак. У Потанина — Арджак [121]. Русские источники XIX в. называют два отдела или подрода Ооржак: Ишти, или Ишты-Орчжек (Оржек, Оржак, Ооржак) и Кидя (Африканов дает этому подроду Ооржак название Козган-орчжак; Яковлев называет его Каде-орчжак). Ишты-ооржак жили, по Осташкину и Африканову, по р. Алашу. Ермолаев пишет, что они обитали на всем пространстве Кемчика не ниже Ака и Чадаана и не выше

[115] ККМ, № 46, л. 71.

[116] П. Е. Островских. Краткий отчет..., стр. 427.

[117] С. К. Тока. XXV годовщина национально-освободительной революции в Туве. Кызыл, 1946, стр. 11. Причиной вымирания была эпидемия оспы. «Осталась в живых,— пишет С. К. Тока,— только одна семья, которая успела убежать из зараженной местности. Прирученные населением олени снова одичали. Следы стойбищ, юрт — берестяных чумов этого сумона являются теперь свидетельством кошмарных условий, в которых жил раньше тувинский народ». О вымирании тоджинцев от эпидемии в прошлом см. у Пестерева (НЕС, 1793, ч. LXXX, стр. 55).

[118] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[119] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1497; А. Н. Африканов. Указ. соч., стр. 51; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14.

[120] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[121] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 11.

Барлука. Имеется два скопления их на Аке и Хундулене [122]. Кедээ-ооржак, по Африканову и Осташкину, живут по р. Манжуреку. Катанов не различает оба рода и сообщает, что они жили по рекам Ак-сугу, Джиргаку, Аянгате, Баянколе, Чадаану и в устье Кемчика [123]. Ермолаев утверждает, что они чаще встречаются на Аке и обоих Ишхинах и в низовьях Кемчика [124]. По официальным данным, в составе Ишты-Ооржак — 343, а в Кедээ-Ооржак — 108 юрт; по материалам Ермолаева, в первом — 402, а во втором — 153 юрты [125]. А. И. Ярхо [126] в 1926 г. записал уже не два, а четыре подрода Ооржак: Улуг-Ооржак, Ишты-Ооржак, Кедээ-Ооржак и Кичи-Ооржак, при этом он неправильно называет Ооржак — Ооржеком, а Кичи есть, видимо, Пичи, что значит — малый, маленький.

Ховалыг, или Хобалык (Кобалык, под каковым названием этот сумон больше всего встречается в литературе) состоял из двух сумонов: Улуг-Ховалыг и Пичи-Ховалыг [127]. Один из них расположен по Чаа-Холю и Чадаану, а другой — по Ак-сугу до устья Кемчика [128]. Ярхо записал эти сумоны так: Улук-Хобалык, Хобалык [129]. Ермолаев более подробно локализовал сумон Улуг-Ховалыг от устья Алаша до Н. Ишхина и далее вниз по Кемчику с его мелкими притоками, а Пичи-Ховалыг — по Чадаану и ближайшим к его устью местам по левой стороне Кемчика [130]. Сами тувинцы считали, что в Улуг-Ховалыге 188, а в Пичи — 95 юрт. Ермолаев же насчитал в первом — 88, а во втором — 80 юрт [131].

Тулюш. Тулюшей также было два подрода: Адыг-Тулюш и Улуг-Тулюш. Другие исследователи различают просто Тулюш и Адыг-Тулюш (медвежий Тулюш). Потанин пишет, что в долине Ак-тохорлика кочует неболь-

---

[122] ККМ, № 46, л. 31.
[123] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14.
[124] ККМ, № 46, л. 35.
[125] ККМ, № 46, лл. 31—32.
[126] А. И. Ярхо. Указ. соч., стр. 19.
[127] А. П. Ермолаев. Урянхайский край, стр. 7.
[128] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 14; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 51.
[129] А. И. Ярхо. Указ. соч., стр. 19.
[130] ККМ, № 46, л. 34.
[131] Там же, лл. 31—32.

шой хошун Тулюш [132]. Адыг-Тулюш кочевал по Темирсугу, Ичжиму и правому берегу Улуг-Хема, а Улуг-Тулюш — по Чаа-Холю и частично Чадаану. Считали, что в Улуг-Тулюш — 531 юрта, а в Адыг-Тулюш — 180 юрт [133].

Тонгак. О происхождении сумона Тонгак старики рассказывали, что в далекие времена, когда тувинцам приходилось вести войны с монголами, был у них (у тувинцев) предводитель по имени Гак, или Как. Этот Гак, или Как, долгое время успешно боролся против монголов, но, наконец, был взят в плен. Монголы его казнили, а труп заморозили и в таком виде прислали усмиренным тувинцам в назидание, и с тех пор этот род стали называть Тонгак или Тонкак (мерзлый Гак). Этот рассказ относится к народным этимологическим легендам. Катанов не подразделяет Тонгак на подроды. Он указывает, что они жили по рекам Чагын-арыгу, Тос-Тояку, Кули-Хему, Эйлиг-Хему, Ишхину, Джиргаку; Африканов называет р. Кандагайту как основное местопребывание Тонгаков [134]. Ярхо [135] насчитывает два подрода Тонгаков, Ермолаев же называет три: Четы (Чатты), или Ана-Тонгак, Кара-Тонгак и Сарыг-Тонгак. Кара-тонгак (или Чадан-тонгак) жили на Чадаане. Они встречались также на Ишхине, Алаше и Ак-Сарых-Тонгак на Барлыке (27 юрт), Аке (10 юрт) и Чыргаккы (9—10 юрт). Чатты жили на Кемчике, центр их расселения был в районе Шагонара [136]. Четы, или Чатты, Чжоды, можно сблизить с Чооду, а Сарых — с Сарыгларами. Не есть ли это смешение рода Тонгак с Чооду и Сарыгларами? По материалам тувинских хошунных канцелярий, у Кара-Тонгак — 103 юрты, Сарыг-Тонгак — 61, Чатты — 324 юрты. По Ермолаеву, у Кара-Тонгак — 112 юрт, Сарыг-Тонгак — 55 и Чатты — 7 юрт (сведения неполные) [137].

---

[132] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1452, 1497; Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 15; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 50.

[133] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[134] Н. Ф. Катанов. «Опыт исследования...», стр. 1498; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 16; А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 51.

[135] А. И. Ярхо. Указ. соч., стр. 19.

[136] ККМ, № 46, л. 35.

[137] Там же, лл. 31—32.

К а р а с а л. Карасалы жили по Чадаану [138]. По официальным данным, у них было 82 юрты, а Ермолаев насчитал 95 юрт [139].

К у ж у г е т ы. Кужугеты встречаются в русских исторических актах XVII в. под названием кучюгеты, кученгуты. Они упоминаются в окружении братов, матов и саян в 1620-е и последующие годы [140]. Их местопребывание указывается на р. Алаш и оз. Кара-куль [141]. По официальным источникам, их было 150 юрт, а Ермолаев насчитал 186 юрт [142].

О н д а р. В этом сумоне Кон нашел кости: Кара-Ондар, Унгер, Кыргыз, Шагай. Ондары расселялись главным образом по Б. и М. Ишкему, а также встречались на Чадаане, Манжуреке, Тере-суге, Сем-суге [143]. У ондаров, по официальным тувинским данным, было 297 юрт, по материалам Ермолаева — 370 юрт [144].

О других более мелких родах мы не располагаем достоверными сведениями.

3. ОСТАТОЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ РОДОВОГО СТРОЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ

И. Г. Сафьянов, в течение нескольких десятков лет наблюдавший жизнь тувинцев, в своем докладе «Урянхай. Его прошлое, настоящее и будущее», написанном в 1921 г., говорит: «Это вековое рабство (имеется в виду рабство у иностранных захватчиков.— *В. Д.*) оставило, конечно, глубокие следы на психологии маленького народа, почти уничтожило его общественность, но все же

[138] А. И. А ф р и к а н о в. Указ. соч., стр. 51; Н. Ф. К а т а н о в. «Опыт исследования...», стр. 1498; Н. Ф. К а т а н о в. Письма..., стр. 15.

[139] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[140] Г. Ф. М и л л е р. Указ. соч., т. II, стр. 257—258 и др.

[141] Н. Ф. К а т а н о в. «Опыт исследования...», стр. 1498; А. И. А ф р и к а н о в. Указ. соч., стр. 51; Н. Ф. К а т а н о в. Письма..., стр. 15.

[142] ККМ, № 46, лл. 31—32.

[143] Н. Ф. К а т а н о в. «Опыт исследования...», стр. 1452, 1498. Н. Ф. К а т а н о в. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Записки ИРГО, СПб., 1909, т. XXXVI, стр. 285; А. И. А фриканов. Указ. соч., стр. 51; Г. Е. Г р у м м - Г р ж и м а й л о. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 15.

[144] Ярхо называет этот род Одар (указ. соч., стр. 19); ККМ, № 46, лл. 31—32.

остатки прежней первобытной коммуны еще и сейчас рельефно выступают на бледном фоне его несложной жизни» [145]. Трудно сказать, что вкладывает в понятие «остатки прежней первобытной коммуны» И. Г. Сафьянов. Никакого конкретного описания их он не приводит, но самый факт долгого и внимательного изучения им быта и жизни тувинцев в обстановке постоянного общения с ними заставляет нас серьезно отнестись к этому на первый взгляд совершенно общему заявлению.

Где же видел И. Г. Сафьянов остатки коммунистического рода? Ответ на этот вопрос дают Кон и Райков: Кон во время своей поездки по отдаленным восточным районам Тоджи и Тере-Холя встретился с фактом коллективного распределения продуктов охоты. Подобные же примеры общего права на добычу охотника наблюдал в 1897 г. Райков: «Вечером приехал с охоты брат нашей хозяйки,— пишет он,— и привез мясо диких коз. Тотчас же пришли со всех юрт и поделили все это мясо между всеми членами общества. Оказалось, что все мужчины этого улуса составляют как бы одну охотничью артель, и мясо животного, убитого одним из членов артели, делится между всеми остальными. Только кожа животного поступает в полную собственность того, кто убил зверя» [146].

Следовательно, мы можем констатировать наличие в Тодже сохранившейся до начала XX в. охотничьей артели с коллективным распределением добычи, чего не наблюдалось в центральных и западных частях Тувы.

Охотничья артель в Тодже складывалась на почве родственных связей. Об этом свидетельствует тот же ав-

---

[145] Тув. НИИЯЛИ, рукопись «История Тувинской Народной Республики (материалы)», стр. 2.

[146] М. И. Райков. Указ. соч., стр. 446. Подобное явление подтверждают Островских, спутник Райкова по экспедиции («Советская Азия», 1927, № 5—6, стр. 85), Михеев (Отчет о поездке..., стр. 43) и С. К. Тока (У большого порога. Повесть. «Сибирские огни», 1950, № 12, стр. 10—11). У енисейских эвенков такое распределение облекалось в обычай нимата, которое Н. П. Никульшин описывает как явление «первобытно-общинного распределения охотничьей добычи, состоящего в том, что охотник, добывший зверя, отдает его другому лицу, а тот, взяв себе шкуру, делит мясо между всеми присутствующими мужчинами главами семей» (Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 35).

тор: «Кроме того,— пишет он,— оказалось, что все семьи этого улуса находились в родственных отношениях между собой» [147].

Островских добавляет, что в то время как мужчины — члены артели уходят на охоту, престарелые женщины и члены артели занимаются в долине сбором луковиц [148].

С этим фактом следует связать и наличие в Тодже артельных охотничьих угодий. Каждая охотничья артель получала в свое распоряжение участок тайги для охоты, который определялся обычно хошунным начальством. После того как зверь «упромышлялся», т. е. истреблялся на участке, артель получала другое охотничье угодье. Можно полагать, что право артели на участок тайги было основано на родовых традициях.

Охотничья артель, основанная на родственных связях, в XIX в. уже находилась в процессе разложения. Развивавшиеся торговые связи Тоджи с внешним миром приводили к новым и новым исключениям из правил коллективной охоты тоджинцев. Что это именно так, показывают многие факты. Яковлев очень подробно описывает условия коллективной охоты, которые проистекали из наличия у тувинцев охотничьей артели. Он пишет: «Если артель сойотов ходит на промысел, то всё делится пополам, кроме ценных рогов изюбря, которые представляют всегда собственность убившего. Так, Талызину, окружному Усинскому начальнику, приходилось разбирать дело артели русских охотников и артельщиков же сойотов, состоящее в том, что сойот, убив марала с кровяными рогами, взял рога себе. У охотников, не составляющих артель, мясо составляет общую собственность: если пули двух охотников попали в зверя (чар тохтазыр), добыча делится пополам. Ташта одар — одновременный выстрел — влечет или равный раздел, или добыча делается собственностью нанесшего смертельный удар. При загонах (уралап оннар — у мады, сигартып оннар — у кемчикских) на лося, козулю, сайгаков и пр. мясо делится между всеми: загонщикам — шкуры, рога — стрелявшему» [149]. Следовательно, из раздела исключаются не

---

[147] М. И. Райков. Указ. соч., стр. 446; П. Е. Островских. Оленные тувинцы. «Северная Азия», 1927, № 5—6, стр. 82—83.

[148] П. Е. Островских. Указ. соч., стр. 85.

[149] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 66.

только шкура убитого животного, но и рога. Но самое характерное в рассказанной Яковлевым истории о поведении тувинца в русской охотничьей компании то, что «исключения» прочно вошли в привычки тувинцев, что и в компании с русскими охотниками этот «член первобытной коммуны» оказался более рьяным собственником, нежели его русские сотоварищи по охоте [150].

Приведем еще один пример. Передавая свои дорожные впечатления о Туве, Кон говорит о встрече с двумя охотниками с оз. Тере-Холь — одного из самых отсталых районов дореволюционной Тувы. Здесь, казалось бы, и должны были сохраниться в своей неприкосновенной чистоте самые древние пережитки общинно-родового строя, но на самом деле, оказывается, и здесь они заметно выветрились. Встреченные Коном два охотника-тувинца, охотившиеся за маралами, не составляли никакой артели, каждый из них охотился для себя. «Оказалось,— не без разочарования пишет Кон,— что, хотя они и странствуют вместе, но каждый промышляет для себя, и добытое каждым в отдельности не подлежит разделу. Другое дело, если бы последовал одновременный выстрел в зверя — «таштап-одар», тогда добыча делится поровну» [151]. Но в последнем случае и без родовых пережитков у всех охотников добыча делится поровну, для объяснения этого факта нет нужды прибегать к пережиткам родового начала.

---

[150] Исключение из раздела рогов, шкуры зверя, т. е. предметов торговли, наблюдалось и у тофаларов, где на товарную часть продукции охоты не распространялось право артели (М. А. Сергеев. Тофалары сегодня. «Советская этнография», 1940, № IV). То же М. К. Расцветаев наблюдал у тунгусов Мямяльского рода в Якутии, где из нимата исключалась пушнина (М. К. Расцветаев. Тунгусы Мямяльского рода. Социально-экономический очерк. Л., 1933, стр. 31). Об ограниченности действия нимата в сфере пушного промысла у тунгусов пишет и А. Ф. Анисимов (А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, стр. 78). М. К. Расцветаев предполагает, что исключение из нимата пушнины связано с поздним появлением у тунгусов пушного промысла, возникшего, возможно, с приходом русских. У тувинцев это исключение из распределения пушнины между сородичами возникло, конечно, под влиянием албана, собираемого китайцами пушниной, а также в связи с развитием обмена и торговли. Последнее обстоятельство подтверждается и исключением из раздела между участниками охоты рогов марала — товарного вида продукции.

[151] Ф. А. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 266.

4. ААЛЬНАЯ ОБЩИНА

Если не везде и в Тодже и Тере-холе сохранялась охотничья артель с коллективным распределением продуктов, во всей остальной Туве родовой общины не было и в помине. Она давно уже была разрушена ходом исторического развития. Все путешественники и исследователи, посетившие Туву в XIX в., фиксировали наличие частной собственности на юрту, скот, продукты скотоводства и личные вещи. А то, что многие из них считали родовой общиной, было на самом деле территориальной общиной, в которой смешались представители разных родов. Этот процесс смешения выходцев из разных тувинских родов особенно отчетливо выявился перед самой революцией, после ликвидации маньчжурского ига. Для подтверждения этого приведем сведения А. П. Ермолаева, который в результате обследования населения р. Кемчика и Тоджи в 1916 г. пришел к выводу, что у тувинцев уже произошло смешение родов и племен.

«На Тодже,— пишет Ермолаев,— между сумонами границы неустойчивы и люди одного сумона часто живут в районе обитания другого: так, например, по Торокему...» [152].

Еще больше смешение было в центральных и западных районах; например, долина верхнего Ишхема заселена ондарцами, которые являются как бы аборигенами этой долины. Раньше здесь не могли жить люди другого сумона. Однако в 1916 г. здесь было 77 юрт ондарцев, 13 юрт ооржаков (из Кэдээ-Ооржак), 11 юрт ишты-ооржаков, пять юрт ховалыгов, три юрты монгушей, одна юрта четты-тонгаков [153]. По р. Ак летом того же года было расположено 19 юрт ак-монгушей, 52 юрты улугховалыгов, столько же юрт ишты-ооржаков, 156 юрт кэдээ-ооржаков (они вместе с ишты-ооржаками и ховалыгами составляли основное население этой долины в прошлом), 15 юрт ондаров, по две юрты тонгаков и сарыгларов, по одной юрте карасалов и кара-монгушей [154]. В одном аале по р. Коже Ермолаев нашел расположен-

---

[152] ККМ, № 694, л. 71.
[153] ККМ, № 46, л. 223.
[154] Там же, л. 211.

ными вместе юрту сарыгларов, юрту пичи-ховалыгов, две юрты ондаров, пять юрт кэдээ-ооржаков и три юрты, неизвестно к какому роду или сумону относящиеся [155].

Количество подобных примеров можно было бы увеличить, но в этом нет необходимости.

Эти факты говорят о том, что многие общины (под которыми следует подразумевать аал, арбан и даже в отдельных случаях сумон) были построены не на кровнородственных связях, хотя вне всякого сомнения большинство таких общин состояло еще из близких родственников [156]. Но суть дела не в этом, а в том, что в тувинской общине уже не было общей собственности на скот, что сохранилось лишь общее право пользования пастбищем и другими земельными угодьями, назначаемыми общине нойоном. И это, конечно, дает право на сопоставление такой общины с сельской общиной [157], которую Маркс характеризует как переходную ступень от общинно-родового строя к классовому обществу.

5. «УДЖА»

Остановимся еще на одном явлении, которое самым непосредственным образом связано с бытованием не только в Тодже, но в прошлом во всей Туве охотничьей артели с коллективным распределением добычи. Речь идет об обычае «уджа».

Обычай «уджа» впервые был отмечен в литературе Е. К. Яковлевым; «Упомяну также,— писал он,— о невыясненном еще для меня и совершенно неотмеченном исследователями обычае, пережившем бывшее коммунистическое устройство. Находка, убитая добыча (кроме пушнины), добыча воровского промысла составляет принадлежность лица или лиц, затративших известную долю труда. Но, если случайный встречный, или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет «южа», то

---

[155] ККМ, № 46, л. 218.

[156] В Туве, как у многих монгольских племен, кочевая община носила монгольское название «хотон».

[157] Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 78—79.

добыча поступает или целиком, или значительной частью в пользование этого случайного встречного»[158]. Яковлев, а за ним и другие исследователи правильно указывали на распространение обычаев «уджа» главным образом среди охотников.

Ф. Я. Кон доисследовал вопрос об «уджа» и нашел материальные основы его существования. Согласившись с Яковлевым в том, что современное его экспедиции применение «уджа» относится к случайной удачной находке, он вместе с тем подчеркнул, что «этот уже начинающий исчезать «уджа» применяется ко всему тому, где главную роль играет не труд, а случай, удача». И только «у тоджинцев-оленеводов он еще в 1902 году не только был нерушим, но и применялся совершенно своеобразно в применении к участию в работе. «Уджа», обращенное к охотнику, скрадывавшему или подкарауливавшему зверя, значило: «поделись со мной правом на участие в охоте». Отказа в этом быть не могло. Но что в высшей степени характерно: охотник, к которому обратились с предложением «уджа», обязан и сам продолжать охоту, хотя бы ее при участии другого считал для себя невыгодной. Нарушение этого обычая наказуется»[159].

Объяснение самому факту «уджа» Кон, как и следовало ожидать, нашел в тех остаточных явлениях материальной жизни рода, которые он обнаружил в глухих углах тувинской земли.

«Только под конец экспедиции,— пишет он,— когда я добрался до тоджинцев-оленеводов, на вершинах гор, покрытых вечным снегом, мне удалось выяснить происхождение этого обычая. Там сохранились остатки первобытной коммуны. Ввиду того, что неудача на охоте могла обречь охотника и его семью на голодную смерть, а прежде лук и стрелы, после же дрянные кремневые ружья не давали гарантии удачи, в коммуне было твердо установлено: 1. все добытое на охоте кем бы то ни было

---

[158] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 66—67; Б. К. Шишкин. Очерк Урянхайского края, стр. 99. Полную аналогию этому обычаю мы находим у тунгусов. «Если охотник,— пишет А. Ф. Анисимов,— например, убивает белку и в этот момент к нему подходит другой охотник, то первый обязан отдать подошедшему убитую белку» (А. Ф. Анисимов. Указ. соч., стр. 78).

[159] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 97.

передается в коммуну и ею же распределяется между членами коммуны с учетом числа душ в каждой семье; 2. никто не имеет права уклоняться от участия в охоте, так как это участие обеспечивает успех; 3. во время охоты удачно охотившийся обязан встречному в тайге охотнику выделить из своей добычи столько, сколько необходимо для того, чтобы он мог продолжать промысел» [160].

Кон совершенно правильно объяснял происхождение обычая «уджа», который вытекал из самой сущности первобытно-родового устройства и являлся, таким образом, пережитком такого обычного правопорядка.

Любопытно, что на западе Тувы обычай «уджа» сохранился в скотокрадстве или, как чаще это называют путешественники, в «воровстве». «В последнем случае,— говорит Грумм-Гржимайло [161], указывающий на это явление после Яковлева,— встретивший вора и на основании обычая «уджа» получивший часть краденого, подлежит при обнаружении преступления большему наказанию, чем вор, материально же отвечает перед потерпевшим наравне с вором; но если он явится доносителем на вора, сознавшись одновременно в том, что «уджарил» при встрече с ним, то освобождается не только от наказания, но и от необходимости возврата потерпевшему своей части похищенного» [162]. В том и другом случае такими мерами наносился удар по остатку древнего обычая. Администрация Тувы вообще прилагала все усилия к тому, чтобы уничтожить этот обычай, потому что он, так же как и связанный с ним обычай «туткаш» [163], играл в условиях складывавшихся феодальных отношений роль орудия, с помощью которого беднота боролась против захвата феодалами общинного скота, против эксплуататоров вообще.

Обычай «уджа», «нимат», был также зарегистрирован и объяснен С. А. Токаревым и Л. П. Потаповым в 1930-х годах на Алтае под названием «учалап турым»,

---

[160] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 97—98.

[161] Грумм-Гржимайло утверждает, что обычай «уджа» применялся в рыболовстве. Вряд ли это так, потому что рыболовство никогда не играло серьезной роли в занятиях тувинцев.

[162] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, стр. 64.

[163] Угон скота.

или «учам бер», аналогичный тунгусскому обычаю [164]. Этот обычай, а равно русские «чур пополам», «чур найдено — не делено» представляют собой прошедший длительную эволюцию пережиток общинно-родового строя.

Кабо считает «уджа» безобидным обычаем. Слов нет, сам по себе этот обычай не имел большого экономического эффекта, но сила его заключалась в том, что он был связан с другими реликтами родового строя и в совокупности с ними представлял, особенно для Тоджи, весьма характерную картину.

В ближайшей связи с сохранением до конца XIX в. в районе Тоджи охотничьей артели, основанной на родственных отношениях, находится и еще один чрезвычайно интересный момент, указанный Потаниным и Адриановым, но подробно описанный тем же Коном.

Суть дела заключается в том, что тувинец, задолжавший торговцу, отрицает свой долг на словах, заявляя, что он ничего не должен и ничего не обещал, а сам в то же время тайно, незаметно для других сует пушнину купцу. Этот на первый взгляд весьма странный обычай — на словах горячо отрицать свой личный долг, а на деле платить его пушниной Кон совершенно правильно объясняет наличием остаточных явлений общинно-родового строя: «Это опять таки пережиток того времени,— пишет он,— когда вся добыча охотника составляла не его собственность, а собственность всей коммуны. Отдавая продукт своей охоты на сторону, он воровал его у коммуны и проделывал это тайком. Вот почему он все отрицает, подчеркивая, что он не вор, а продает украденное у коммуны тайком» [165].

Это объяснение в основном верно. Но при этом нужно учитывать и другие факторы, которые содействовали известной живучести этого обычая. К ним относится в первую очередь продажа пушнины тайно не только от артели, но и от властей, которые были заинтересованы в том, чтобы вся пушнина, добываемая тувинцами, попадала в их руки.

Другая причина, заставлявшая тувинца действительно тайно продавать пушнину,— это феодальная зависимость

[164] М. К. Расцветаев. Указ. соч., стр. 33—37; А. Ф. Анисимов. Указ. соч., стр. 76—82; А. П. Никульшин. Указ. соч., стр. 35—41.

[165] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 98.

охотника-тувинца от бая. Зависимый охотник, часто рискуя быть жестоко наказанным, тайком продавал добытого зверя так же, как и тот арат, который арендовал у богатого ружье, провиант, лошадь или оленей и должен был сдавать ему часть добытой пушнины.

Разложение охотничьей родовой общины у тоджинцев началось значительно раньше XIX в. Охотничьи угодья давно уже были захвачены правителем и чиновниками Тоджинского хошуна.

Распределение оленьего стада было неравномерным; выделявшиеся в ходе социального расслоения богатые люди сосредоточивали в своих руках наибольшее стадо оленей [166]. Олень был источником эксплуатации охотников-тувинцев. Нойоны и баи раздавали, как это свидетельствует Ольсен, оленей под пушнину. Об использовании бедных родственников у тоджинцев в качестве слуг писал Пестерев, который наблюдал эти явления еще в XVIII в. Наконец, в Тодже, так же как и у северных алтайцев, широко развертывалась деятельность ростовщиков-скупщиков. Еще в конце XIX в. здесь появились русские торговцы, которые очень быстро опутали тоджинцев долговыми сетями. Кроме того, из среды местного населения выделялись ростовщики, которые не меньше русских купцов обманывали охотников.

Все эти факторы, несомненно, приводили к социальной дифференциации и образованию классов на востоке области. Однако здесь, действительно, материальные средства были беднее, степень расслоения меньшей, чем в центральных и западных районах Тувы, социальные процессы происходили менее активно и пережитки патриархально-родовых отношений сохранились больше. Кону ведь не случайно удалось в самых глухих углах восточной Тувы найти остатки первобытной общины.

Итак, на основании свидетельства Сафьянова, Яковлева, Райкова, Островских и Кона мы можем установить наличие в Тодже в начале XX в. охотничьей артели и ряда

[166] Г. П. Сафьянов пишет о тоджинском угердаа, который в 80-х годах XIX в. имел до 200 голов домашнего скота и табун оленей до 300 голов. Кроме угердаа, было еще два-три чиновника, имевших значительное количество скота, остальное же население, заключает Сафьянов, жило бедно, скота имело мало или совсем не имело (Г. Сафьянов. Эпизод из странствий по Монголии. «Восточное обозрение», 1883, № 7).

прямых пережитков родового строя, которые в совокупности свидетельствуют о значительной степени социальной отсталости Тоджи от остальных районов Тувы, где многие из этих пережитков уже исчезли или доживали свой век.

Отрезанные от мира труднопроходимыми горами, болотами, реками, тоджинцы расселялись небольшими аалами, которые отстояли друг от друга на сотни километров и должны были заниматься охотой и рыболовством.

В условиях огромных природных трудностей, полной зависимости от стихий, при односторонности хозяйственных занятий, которые поддерживались фискальной политикой завоевателей, при низкой технике производства, человек мог существовать только пользуясь коллективным трудом. Спасение тоджинцев было в охотничьей артели,— вне артели, вне коллектива им грозила голодная смерть. Из артели мог выйти только богатый, который имел в своих руках основные средства производства, в данном случае большое количество оленей; бедный и среднезажиточный охотник не мог и мечтать об уходе из артели.

Крайне малочисленное население Тоджи видело в старинных учреждениях основу своего спасения. Поэтому оно держалось за них крепче, чем население других районов Тувы.

6. РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ВЗАИМОПОМОЩИ

Посмотрим теперь, сохранились ли какие-нибудь экономические связи внутри рода в остальной Туве.

Следует сказать, что бóльшая часть тувинцев фактически не знала уже в конце XIX в. никаких видов родовой собственности. Ни описания путешественников, ни свидетельства исторических актов, ни воспоминания аратов — ничто не указывает на существование в это время общеродовой собственности. Основные средства производства давным-давно уже перестали быть собственностью рода.

Только в легендах и песнях мы находим указание на то, что когда-то и скот, и пастбища, и лесные угодья были общими, люди вместе кочевали и т. п. В 1903 г. И. Г. Сафьянов в легенде «Темир сал» записал: «Привольно жилось нашему народу, но отступили от дедовских обычаев моло-

дые ребята (не верили они старикам и их запретам). Молоко, эту основную пищу нашего народа, они стали перегонять на дьявольское зелье — арагу и пить его без меры. Их стрелы и копья убивали птиц не ради пищи, а только ради удовольствия. Они забывали заветы отцов и начали делить общественные табуны, занялись торговлей с соседней Монголией, и появились среди нашего народа баи (богачи) и араты (бедняки). Узнали такие слова как хулечек (работник), чилгычи (табунщик)» [167].

Несмотря на то, что общеродовой собственности на скот в Туве не было, все же вплоть до революции в сознании арата земля представлялась тувинцу как общеплеменная, общеродовая собственность. Катанов 30 мая 1889 г. записал у тувинца Шатагчи из сумона Кыргыз песню, в которой говорилось: «Кижи чери, кажа-тур, кижи полган омак тур» [168] («Земля принадлежит человеку, который по ней ездит, а человек принадлежит племени, из которого происходит»). Подобное представление существовало и у хакасов [169].

Тот факт, что основные средства производства были изъяты из родовой собственности, имеет чрезвычайно важное значение для понимания ведущих закономерностей социального развития Тувы. Но он отнюдь не означает, что к этому периоду совершенно исчезли экономические связи внутри рода.

Показателем таких связей можно считать довольно тесные хозяйственные взаимоотношения между частями отдельных родов, оторванных друг от друга феодальным административным устройством. Так, например, по сооб-

[167] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. И. Сафьянова. «Тува в прошлом. Художественное творчество тувинского народа», стр. 13.

[168] Образцы народной литературы тюркских племен..., ч. IX, стр. 23.

[169] Д. Е. Лаппо. Общественное управление минусинских инородцев, отд. оттиск из 25 кн. «Изв. Имп. Томского ун-та», Томск, 1905, стр. 25. Это подтверждает в своем отчете русским властям правитель Оюннарского хошуна Агван Шарып. «Границы существуют только междухошунные, для более мелких единиц, каким является сумо и арбан, никаких граничных линий не установлено, земля является как бы в пользовании всего народа данного хошуна (ГАНО, ф. 57, д. 48, л. 25). В этих же пределах хошуна «право пользования землей,— продолжает Агван Шарып,— переходит на правах наследования к старшему сыну, жене или тем, кого укажет завещатель при жизни» (там же, л. 26), т. е. реально уже существовала частная собственность на пастбища.

щению аратов, существовали тесные связи у рода Чооду, часть которого жила на р. Тапсе, а основная группа этого рода — на юге области, в районе верховьев р. Эрзин. Эта связь выражалась хотя бы в том, что северные чооду снабжали южных хлебом, а сами вывозили от них верблюдов и различные продукты скотоводства. Связь эта носила постоянный характер. Такая же связь существовала и между разными частями рода Кыргыз.

Тулюши, жившие в Шагонаре, снабжали хлебом своих сородичей, которые жили в Овюре на Торгалыке. Подобный обмен поддерживался между чаатинскими тонгаками и тонгаками, жившими на Чалаты (Овюр). Монгуши по Чадыну снабжали хлебом монгушей, живших за Танну-ола (на Салчжуре). В обмен на хлеб сородичи получали соль, а также мясо, особенно мясо тарбагана. То же самое наблюдалось в отношениях между сородичами, жившими на Аянгатте и в Монгун-тайге.

Эти внутриродовые связи не ограничивались обменом, они касались и непосредственно производства. Так, например, многие тувинцы с Чадана и Тапсы посылали свой скот на зимний выпас сородичам, кочевавшим у Танну-олы, где условия для пастьбы скота были лучше.

Характерным пережитком родовых отношений является отмеченный Яковлевым обычай взаимопомощи, который он описывает так: «Сойот не может быть голоден, если рядом другой сыт; в период голодовок богачам приходится голодать так же, как и беднякам, так как, если один заколол барана, то идут есть его все. Богач, который не поможет бедняку в сильной нужде, в случае жалобы бедняка, будет принужден к штрафу, как за нанесение этим убытка государству; бедняк, самовольно захвативший в таком случае скот богача для утоления голода, считается правым даже в случае поимки с поличным» [170].

Кроме Яковлева, никто больше не описал обязательной помощи богатого бедняку, но почти все писавшие о Туве и тувинцах подчеркивали их гостеприимство, а русские колонисты в один голос утверждали, что такого гостеприимства они не встречали нигде, кроме Тувы. Русская пересе-

[170] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 77. Это явление одного порядка с призрением бедных богатыми у казахов (В. Д. Тронов, Обычаи и обычное право у киргизов. Записки ИРГО по отд. этнографии, 1891, т. XVII, вып. II, стр. 86).

ленческая администрация в Туве даже считала это гостеприимство разорительным для самих тувинцев. «Отличительной чертой сойот,— пишет заведующий устройством русского населения в Туве Шкунов,— является крайняя, пожалуй, детская беспечность в устройстве своей жизни и гостеприимство» [171].

Что же касается помощи богатого бедняку, то Яковлев явно преувеличил распространение этого явления у тувинцев: еще в XVIII в. Пестерев писал, что «богачи им (беднякам) не помощники» [172]. Тем не менее обычай помощи богатого бедняку существовал. Например, подобный случай зафиксирован Черненковым, который говорит о том, что во время голода 1897 г. Чула мэрэн (р. Кундулей) роздал безвозмездно более половины своего скота голодающему населению [173].

Чем объясняется подобное явление? Сам же Яковлев указывал на то, что администрация предписывала богатым оказывать такую помощь, потому что оставление человека без помощи означало нарушение, как он выражался, государственных интересов [174]. Видимо, это было одной из причин, вынуждавших бая «заботиться» о том, чтобы его бедный сородич не умер с голоду. Действовала и другая причина, на которую опять-таки указывал сам Яковлев: угроза бедняка отогнать скот у богатого, т. е. своего рода классовая месть бедняка богатому. Обязательная помощь богатого бедному могла объясняться и тем, что смерть голодного была убытком, прежде всего, для самого богатого, потому что бедный — это его слуга, его работник, не подать своевременно помощи такому человеку — значит потерять рабочую силу. Поэтому, если тувинские феодалы и придерживались этого старинного обычая, то они исходили из соображений не бескорыстной родовой взаимопомощи: они сохраняли ту рабочую силу, которая являлась источником эксплуатации и тем самым их экономического преуспеяния. Однако сохранение обычая взаимопомощи и госте-

---

[171] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 37.

[172] НЕС, 1793, ч. LXXX, стр. 57.

[173] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXXX, СПб., 1907, стр. 54.

[174] Подобные распоряжения издавались в Джунгарии. Ср. повеления и приказы Галдан-унг-Тайджи (К. Ф. Голстунский. Указ. соч., стр. 58).

приимства нужно было феодалу и для того, чтобы прикрыть ими эксплуатацию своих сородичей, показать себя как благодетеля, радеющего о своих бедных родственниках. Родовой обычай вспоминался баем тогда, когда он ему был выгоден из хозяйственных соображений, или под угрозой наказания от администрации, или, что было еще страшнее для него,— под страхом классовой мести.

В понимании же народа такая помощь бедняку со стороны богатого рассматривалась как родовая взаимопомощь, как обязательная помощь имущего неимущему. Подобное явление наблюдал Энгельс в Ирландии во второй половине XIX в. «За несколько дней,— пишет Энгельс,— проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, как глубоко еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, для последнего все еще нечто вроде вождя клана, на котором лежит заведывание землей в интересах всех; крестьянин уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий более состоятельный человек обязан помогать менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному от более богатого сородича или вождя клана» [175].

Следовательно, и в Туве араты рассматривали материальную помощь со стороны богатого, как свое законное право на помощь сородича, а претендовали на нее, как на нечто обязательное, протестуя против нарушения этого их исторического права. Протест выражался в угоне скота у нарушителя древнего обычая. В своей среде они сами соблюдали этот обычай свято. Вот почему всякий арат считал своей обязанностью угостить всех сородичей, соплеменников и гостей, когда он садился за стол, когда он убивал овцу или привозил с охоты убитого зверя. Тем самым он показывал, что эта собственность принадлежит не ему одному, а что все как бы имеют на нее право.

В этом явлении отражается пережиток родового строя, который общество уже переросло. Известно, что измене-

[175] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 138, прим.

ния в сознании людей заметно отстают от развития производственных отношений.

Формы взаимопомощи были самыми разнообразными. Тувинец, потерявший скот при джуте или другом стихийном бедствии, мог всецело рассчитывать на помощь родственников, которые выделяли ему по одной-две скотины, в зависимости от наличия у них скота. Оказание этой помощи облекалось в соответствующий обычай — аалдар (гостить). Суть обычая заключалась в том, что пострадавший сородич, оставшийся без скота, шел к своим родственникам, живущим в его аале, и они снабжали его, кто сколько мог, аракой. Собрав таким путем несколько кугеров [176] вина, он выезжал с ним в ближайший родственный аал, заезжал в гости к самому богатому родственнику, куда немедленно стекались, узнав о приезде гостя, и все остальные родственники. Гость дарил хозяину самый большой кугер араки и за столом, в присутствии других, рассказывал о своем несчастье, ничем не намекая на ожидаемую помощь; вместе с тем он делился и другими новостями об общих родственниках или знакомых.

В тот же день гость рассылал всем своим родным, живущим в этом аале, кугеры и кугерчики с аракой, в соответствии с размерами ожидаемой от них помощи.

В течение нескольких дней тувинец жил в гостях, потчуясь то в одной, то в другой юрте, переходя от одного родственника к другому. Во всех своих сношениях с ними он, однако, попрежнему не делал никаких намеков о помощи. Когда уже все родственники были обойдены, арака выпита, гость накануне дня отъезда сообщал о своем возвращении домой. В эту последнюю ночь пребывания в гостях, как рассказывают араты, родственники окончательно решали вопрос о том, какую скотину и сколько они дадут пострадавшему. Рано утром скот сгоняли в один загон и передавали сородичу, который гнал его домой. Теперь на его обязанности лежало вырастить скот, так как второе обращение нерачительного хозяина за помощью оставалось безответным.

Такой же характер родственной помощи носил и другой обычай, бытовавший в Туве под названием «башкыр-

[176] Кожаные мешочки и фляги разных размеров для перевозки жидкостей.

гыыр», что значит в переводе на русский язык «стрижка головы». Первая стрижка волос происходила, когда дети достигали трех лет и сопровождалась особым ритуалом. Стригли мальчика не его родители, а родственники, которых специально объезжали родители ребенка. Каждый родственник (начиная с деда мальчика) состригал по одному пучку волос и каждый вместе со стрижкой должен был подарить мальчику что-нибудь из скота. Без такого подарка ни один из них не мог снять ни одного волоса с головы ребенка. Весь собранный во время стрижки скот отец ребенка должен был сохранить до его совершеннолетия и женитьбы, когда он поступал уже в его полную собственность.

К этому же виду родовой помощи относится и обычай «дугдээр», (составление приданого для девочки), «шайбузар» (ломать чай) при сватовстве и т. п.

Широко была распространена у тувинцев взаимопомощь при уборке хлеба и сенокошении, носившая общее название «момбуш». Булгаков, посетивший Туву в 1908 г., заметил, что «взаимная помощь — характерная черта отношений сойотов друг к другу, в особенности в отношении продуктов потребления» [177].

7. ДУҚ САЛЧЫР

Все эти, как и другие виды взаимопомощи, широко использовались тувинскими феодалами и баями для эксплуатации сородичей. Русский купец Веселков первый обратил внимание на это обстоятельство. С начала весны, писал он, у урянхайцев помимо других занятий начинается общая работа — это приготовление овечьей шерсти для кошем, которую они сначала бьют, а потом — катают. «Такого рода работа делается у них взаимною помощью; окончив ее у одного соседа, переходят к другому. Обычай в этом случае имеет совершенное сходство с нашими сибирскими крестьянами, делающими помочи для взаимной уборки хлеба. Но такого рода занятие — катание кошем — падает на долю только бедных урянхайцев, а не зажиточ-

[177] А. И. Булгаков. Верховье Енисея в Урянхае и Саянских горах. Изв. ИРГО, 1908, т. XLIV, вып. VI, стр. 432.

ных, которые ровно ничем не заняты, и в особенности при наступлении лета» [178]. Свидетельство Веселкова подтверждается и другими материалами. Русская «помочь», что очень тонко заметил Веселков, напоминает нам тувинскую «момбуш», или, наоборот, тувинская русскую; и та и другая в условиях классового общества носила уже эксплуататорский характер. Несбходимо отметить, что подобного же рода она была и в Монголии [179].

Помощь носила название «дук салчыр» [180], или «дук хакгыр». Эксплуататорский характер этой взаимопомощи в XIX в. не вызывает никакого сомнения: бедняку незачем было собирать людей, чтобы бить шерсть, по той простой причине, что у него ее не было. Прибегали к дук салчыр только чиновники и баи, которые имели шерсть и нуждались в рабочей силе. Сородичи на дук салчыр выполняли большую работу, единственной оплатой за которую было дешевое угощение: «дой» (пир). У тувинцев, так же как и у монголов, взаимопомощь при битье и катании шерсти сопровождалась празднествами.

8. РОДОВЫЕ ТАМГИ

Прямым пережитком родового быта в Туве являлось сохранение старых тамг (родовых танм). Тувинцы отмечали двумя способами принадлежность скота — путем выжигания особых знаков, главным образом на лошадях, и разреза ушей у овец, коз, частично рогатого скота. Тамги выжигались при помощи железного клейма в 3—2½, реже в 4 вершка на левой задней ляжке (бывали и на правой, а также на лопатках). Характерен записанный Ермолаевым рассказ о том, что род Ондар когда-то не имел своей тамги, скота было много и ондарцы не замечали, что у них воровали целыми стадами, но когда скота стало меньше, они стали его клеймить. Как рассказывали араты, тамги были не родовыми, а сумонными; не всякий арат мог завести свои тамги. Все тамги утверждались властями, и никто не имел права присвоить себе тамгу без разрешения

[178] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 37—38.
[179] Я. П. Дуброва. Указ. соч., стр. 81.
[180] Дук салчыр — взаимопомощь при выделке шерсти.

властей. Присвоение тамги строго преследовалось. В каждом сумоне была не одна, а несколько тамг, что, видимо, объясняется тем, что сумоны состояли из нескольких родов. Например, сумон Маады имел семь различных тамг, сумон Бичи Ховалыг — две, Киргыз Тонгак — три, Чооды на Тапсе — пять тамг и т. п. Тувинские тамги в большом количестве зарисованы А. П. Ермолаевым [181], но, к сожалению, отметив принадлежность тамг тому или иному сумону, он не указывал их названия, происхождения, района бытования и т. п. Из зарисовок Ермолаева, а также из непосредственного знакомства с клеймением скота у современных тувинцев [182], из бесед со стариками можно установить, что большинство тувинских сумонных тамг относится к группе «кас» или «хас» (гусь). Это родовая тамга, которая довольно часто встречается у народов Алтае-Саянского района [183], в самых различных вариантах распространена во многих сумонах (Ховлыг, Тонгак, Маады, Чооду и др.).

Помимо «кас», который функционировал в двух вариантах: «мангуш кас» (закрытый кас) и «ажык кас» (открытый кас), у тувинцев часто встречается тамга «серээ» — вилка (Киргыз, Тонгак, Маады, Тулюш и др.), «курбулчин», «эхе-маа», «шындавал», «напчи» (Ондар, Тонгак, Маады и др.). По заявлению стариков, большинство тувинских тамг было перенято у монголов.

Свой подлинный первоначальный смысл тамги уже потеряли, потому что скот давно перешел из родовой собственности в собственность частную. С обострением классовых противоречий, с увеличением угона скота у богатых людей своими же бедными родственниками, которые имели возможность преспокойно хранить его у себя, так как у них с баем было одинаковое клеймо, баи стали добиваться от властей разрешения на свое собственное клеймо. Они вводили добавочный знак к сумонному знаку,

---

[181] ККМ, № 501, лл. 13 и сл. При разборе этих тамг, как и при изучении некоторых других вопросов, я пользовался консультацией специалиста по тувинскому скотоводству т. Кызыл-оола, которому приношу глубокую благодарность.

[182] После революции тувинцы стали клеймить скот русским способом.

[183] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 17—18.

или ставили сумонную тамгу на особом месте, или перевертывали ее и т. д. То же было и у алтайцев.

9. КРУГОВАЯ ПОРУКА

Кон указывает еще на один весьма существенный пережиток родового быта тувинцев — на материальную ответственность рода за долги сородичей и за воровство сородича.

«Родичи,— пишет он,— уже также не отвечали ни перед сойотами, ни перед китайцами и русскими за долги члена рода, хотя на них продолжала лежать нравственная обязанность поддержать его материально и помочь расплатиться с долгами. Большую фактически, но не юридически, ответственность несет «сумо» и «сююк» за кражу, совершенную членом рода или кости. Дело потерпевшего найти след. Найденный след, ведущий к месту жительства рода или кости, сдается главе «сумо» или «сююка», который старается разыскать след, ведущий из этого места дальше. Если это ему удается сделать, он этим снимает ответственность со всего управляемого им поселка, в противном случае, не отвечая в уголовном порядке за кражу, жители участка отвечали материально, т. е. с них взыскивалась стоимость покраденного. Лет за десять до моей экспедиции род или кость, в лице своего главы, отвечали в уголовном порядке, и были случаи, что такой глава, когда русские «сдавали» ему след, немедленно соглашался на возмещение стоимости украденного, лишь бы добиться немедленного прекращения дела» [184].

Вполне естественно, что если семья уже давно стала основной экономической ячейкой, род не мог брать на себя уплату за нее долгов, которые были сделаны не в интересах рода, а в интересах семьи.

Кон говорит, что за десять лет до его поездки в Туву сородичи в уголовном порядке отвечали за долги своего

---

[184] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 146—147. Это подтверждается Булгаковым (Указ. соч., стр. 432). Следует учитывать, что подобный порядок зафиксирован монголо-ойратскими законами (К. Ф. Голстунский. Указ. соч., стр. 48).

сородича. Но это явление позднейшего времени, не имеющее ничего общего с родовыми отношениями и выросшее на основе порядков, созданных завоевателями Тувы. Известно, что китайские чиновники редко появлялись в Туве, но когда обстоятельства, чаще всего связанные с разбором дел, возникавших между тувинцами и иностранными, в частности русскими, купцами заставляли их приезжать в Туву, то это было настоящим стихийным бедствием для тувинцев. За один такой наезд разорялись целые арбаны и сумоны, так что тувинцы всячески избегали давать повод к приезду в Туву китайских чиновников. Фактически всегда получалось так, что за воровство одного жителя сумона материально страдал от наездов китайских чиновников весь сумон. Поэтому во избежание подобного рода нашествий сумон или арбан, как административная единица, а не родичи или род, брал на себя обязательство оплатить долг своего соседа.

Таким образом, не традиция, не родовая взаимопомощь сохраняли круговую поруку, а боязнь новых поборов со стороны китайских чиновников. Эту боязнь, как о том пишет сам Кон, и использовали русские купцы, чтобы принудить сумон к быстрой и полной уплате долга.

В отношении ответственности сумона за кражу можно сказать, что здесь также не было прямых пережитков родового строя, так как глава сумона или сеока был не главой рода, а назначенным чиновником, отвечавшим за свои действия перед маньчжурским правительством. Он выполнял волю государства, а не рода. Достаточно вспомнить те суровые меры, которые применяла китайская администрация для искоренения воровства, чтобы понять, что материальная ответственность за кражу возлагалась на сумон, как на административную единицу, а не на род, ответственность несли не сородичи, а «жители участка», как совершенно правильно пишет сам же Кон.

Круговая порука в этих условиях носила чисто феодальный характер, она была так же, как и в России, явлением крепостнического типа [185].

---

[185] См. В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 16, 126.

10. РОДОВЫЕ ПЕРЕЖИТКИ В БЫТУ И ИДЕОЛОГИИ ТУВИНЦЕВ

Так как мы не ставим своей задачей подробно исследовать родовые пережитки в быту и тем более определить их особенности в Туве, а хотим только отметить их как необходимый элемент для понимания родовых пережитков в области общественных отношений, то мы будем считать исчерпанной свою задачу, если укажем лишь на некоторые из них.

Яковлевым, Коном, Райковым, Островских и другими зафиксирован ряд элементов родового быта у тувинцев, которые в конце XIX и начале XX в. имели довольно широкое распространение.

В старину тувинский брак, видимо, был строго экзогамным. Яковлев считает, что он был таковым и в конце XIX в. Кон по этому поводу писал: «Относительно заключавшихся браков нужно отметить, что брак в пределах клана допускался лишь при условии, что родство со стороны отца не ближе восьмого колена. Исключения бывали, но сойоты к такого рода бракам относились с крайним осуждением» [186]. Стало быть, как правило, вступавшие в брак должны были происходить из разных родов. Уход девушки из рода отца в род мужа сопровождался даже особым обрядом — «леном». Жених во время свадьбы должен был взять в рот кусок баранины, за другой конец которого ухватывалась невеста, и резким движением головы оторвать часть его,— это означало, отрыв невесты от отцовского рода. В дальнейшем этот обычай исчез. А. И. Ярхо, посетивший Туву в 1926 г., пишет: «Экзогамии, наблюдающейся у других тюркских племен Алтае-Саянского нагорья, у тувинцев мы не отметили» [187].

Как известно, у тувинцев существовал калым, который вносился женихом родителям невесты. Этот калым в Тодже, по сообщению Райкова, составлял 300—500 белок. Нередко жених вносил его не сразу, а в течение 5—10 лет. «Жених,— пишет Райков,— как только начнет платить калым, переходит жить в юрту своего будущего тестя

---

[186] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 133; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 90.

[187] А. И. Ярхо. Указ. соч., стр. 19.

и живет со своею невестою как муж и жена. Не уплатив еще калыма, имеет от нее несколько детей. Только уплатив сполна условленную сумму калыма, имеет право увести невесту в свою юрту»[188]. Островских отмечает у тех же тоджинцев явления гостеприимного гетеризма: «Жаль, что моя жена не молода, а то предложил бы ее гостю»[189]. Впрочем, кроме Островских никто не отмечает подобных фактов.

Несомненным пережитком родового быта, также бросавшимся в глаза, была свобода половой жизни женщины до ее замужества. Европейские путешественники много писали об этой, по их мнению, распущенности тувинской женщины. Между тем дело определялось обычаем, нормой нравственного поведения родового строя. «Во многих сойотских поселках,— писал Кон, — даже у ойнаров, самых культурных сойотов, мне приходилось видеть юрты, в которых жили взрослые девушки, каждая в отдельной юрте. Это делалось для того, чтобы девушка могла свободно располагать собою и без стеснения принимать своего возлюбленного, несмотря на то, что ни девушка, ни парень не собираются скрепить этой связи брачными узами»[190]. Подобное явление подтверждают почти все исследователи, писавшие о Туве. Кон приводит факты, когда будущий жених, зная хорошо парня, который живет с его невестой, не питает к нему никакой неприязни, даже не испытывает чувства ревности. Среди тувинцев, как утверждают путешественники, был распространен взгляд, по которому девушка, не имевшая сожительства до замужества, не годится в жены; также пренебрежительно относились к старым девам. Девушка, не имевшая до 20 лет связей с мужчиной, уже исключалась из числа невест как негодная для деторождения. При выборе невесты предпочтение отдавалось женщине, уже рожавшей детей.

Существование свободной половой любви у тувинцев отнюдь не означает распущенности девушки; женщины, отдававшиеся за деньги, подвергались осуждению

---

[188] М. И. Райков. Указ. соч., стр. 447—448.

[189] П. Е. Островских. Оленные тувинцы. «Северная Азия», 1927, № 5—6, стр. 87. Намек на наличие гостеприимного гетеризма мы находим в статье В. Небольсина «Урянхайская земля» («Енисей», 1896, № 72).

[190] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 128.

и презрению в равной мере как со стороны мужчин, так и со стороны женщин.

Свободная половая любовь у тувинцев была пережитком родового быта, собственно того института, который носит название «группового брака». «...У некоторых (народов.— *В. Д.*) — у фракийцев, кельтов и др., в древности, у многих коренных обитателей Индии, у малайских народов, у тихоокеанских островитян и у многих американских индейцев еще в настоящее время — девушки пользуются до своего замужества величайшей половой свободой. Так в частности обстоит дело почти всюду в Южной Америке, что может засвидетельствовать каждый, кто проникал вглубь этого материка... То, что здесь цивилизованному человеку представляется странным, согласно материнскому праву и при групповом браке является попросту правилом» [191].

Пережитки родового строя в идеологии меньше выяснены. Шаманизм не является чисто родовой религией, но он в условиях Тувы изучаемого периода, несомненно, освящал пережитки родового строя.

Исторические сведения, в частности сообщения Потанина, Потаниной, Адрианова и других, показывают, что еще в 80—90-х годах XIX в. шаманизм играл большую роль в жизни тувинцев, но уже тогда он должен был отстаивать свои позиции в упорной борьбе с ламаизмом — религией, навязанной тувинцам монголами. Ламаизм долгое время не пользовался популярностью в народе. Только к началу XX в. благодаря поддержке баев и властей он мог, если еще и не полностью, то во всяком случае в какой-то мере торжествовать победу над шаманизмом. Кон, посетивший Туву в начале 1900-х годов, писал: «На западе среди кемчикских сойотов и на востоке среди тоджинцев шаманизм был еще в полной силе, по Енисею среди ойнаров уже было очень заметно влияние буддизма» [192]. Эта победа доставалась ламаизму большой ценой, в частности ценой приспособления своих обрядов к обрядам шаманистов, что и привело к смешению этих двух религиозных систем. Тот же Кон пишет, что «верования ойнарских сойотов представляли смесь ламаизма с

[191] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 51.

[192] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 53.

шаманизмом» [193], которая заключалась в том, что ламаизм, сохраняя свое содержание, вынужден был усвоить, по мнению Кона, некоторые обрядовые формы шаманизма.

Шаманизм, отстаивая свое положение против ламаизма, который поддерживался господствующими феодальными классами и администрацией хошунов и сумонов, принадлежавших монгольским князьям, вместе с собственным правом на существование вынужден был защищать и родовые начала и права.

Яковлев и Кон в своих исследованиях указывают на существование у тувинцев в прошлом родовых общественных молений «сумо-тагыр», которые они считают праздником и молением рода, и «сеок-тагыр», где раньше главную роль играли шаманы, впоследствии вытесненные ламами [194]. Скудость сведений не позволяет нам сказать ничего определенного о роли родового культа в жизни тувинцев.

На этом мы и закончим обзор родовых пережитков в быту. Мы их, конечно, далеко не исчерпали даже по литературным источникам, например, ничего не сказали о наличии у тувинцев классификаторской системы родства, характерной и для других алтае-саянских народов, явлений авункулата, межродовой вражды и т. п. Дело в том, что, кроме работ Кона и Яковлева, мы не имеем серьезных трудов по тувинскому быту, и он еще ждет своих исследователей.

11. РЕАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ ОБЩИННО-РОДОВОГО СТРОЯ В ТУВЕ

Подведем теперь итоги обзору пережитков родового быта в Туве в XIX — начале XX в.

1. К началу XX в. тувинцы в значительной степени

---

[193] Там же, стр. 60. Катанов заметил в 1889 г., что тувинцы «к буддийскому богослужению относятся непочтительно, во время службы громко разговаривают, курят табак и смеются» (Н. Ф. Катанов. Среди тюркских племен. Изв. ИРГО, 1893, т. XIX, стр. 52).

[194] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 59; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 100—111. Впрочем, В. Небольсин, наблюдавший в 90-х годах жизнь тувинцев в течение двух продолжительных поездок, пришел к выводу, что «особых религиозных обрядов, особенно общественных, у сойотов нет» («Енисей», 1896, № 80).

забывали о своих родах; деление по родам заменилось делением по сумонам и арбанам.

2. Административное устройство, введенное в Туве маньчжурами, строилось не по родовому, а по территориальному принципу.

3. Основной ячейкой экономической жизни тувинцев была малая семья, состоявшая из отца, матери и детей. Женатые сыновья обычно выделялись в самостоятельную семью. Однако в более отдаленных районах Тувы, а в более раннее время и во всей Туве встречались и большие семьи, где женатые сыновья не выделялись.

4. Пережитки родового строя весьма отчетливо сохранились в быте тувинцев, они выражались в форме пережитков группового брака, классификаторской системы родства и т. д.

5. Наиболее прочные экономические связи родового типа сохранились в Тодже и на Тере-холе. Они были представлены здесь охотничьей артелью, основанной на кровно-родственной связи, пережитки которой в обычае «уджа» встречались также и в остальных районах Тувы.

6. В основных районах Тувы фактически отсутствовали родовые пастбища, родовая собственность на орудия производства, родовые кочевья, но сохранились довольно тесные экономические связи внутри рода в виде внутриродового обмена продуктами производства между частями разорванных административным устройством родов, а также различных видов взаимопомощи (дук салчыр, момбуш, аалдыр и т. п.), гостеприимства, круговой поруки, родовых тамг.

В общей сложности эти пережитки родового быта составляют заметную область социальных отношений в Туве.

Обычно, когда говорят о реальном значении этих пережитков в общественной жизни, то нередко исходят из факта использования этих пережитков местными феодалами для эксплуатации сородичей. Так, например, Р. М. Кабо не отрицает наличия родовых пережитков в Туве, но он, во-первых, не показывает эти пережитки, а во-вторых, и это самое главное, он видит в них только пустую и ничего не значащую форму.

«Ряд пережитков родовых отношений,— пишет он,— продолжал существовать, превратившись в опору для

феодальных эксплуататоров и в орудие внеэкономического принуждения. В этой своей роли родовые пережитки ничего не изменяют в самом содержании феодальных отношений, но прикрывают их традициями и обрядностью» [195].

Но это одна сторона дела, к тому же показание Кабо не совсем точно. Все дело в том и заключается, что широкое использование феодалами пережитков родовых отношений накладывает отпечаток и на содержание этих феодальных отношений, придает им особое своеобразие, определяет самую ступень развития феодализма.

Другая же сторона дела (о чем Р. М. Кабо не считает нужным говорить) заключается в том, что для широких аратских масс пережитки родового строя не просто обрядность, *форма, а реальный факт, реальное сознание* аратами родовых связей. Если бы реально, пусть в самом сжатом объеме, не существовали между аратами общинно-родовые отношения в качестве, конечно, пережитков, невозможно было бы приспособить эти пережитки к феодальным формам эксплуатации.

Однако было бы еще большей ошибкой переоценивать родовые пережитки и их удельный вес в экономике и социальных отношениях Тувы.

Конечно, в те времена, когда Райков (посетивший Туву в 1897 г.), Яковлев (выпустивший свою книгу в 1900 г.), Кон (обследовавший Туву в 1902—1903 гг.) писали о пережитках родового строя, этих пережитков было больше, чем в последние годы перед революцией, а в первой половине прошлого столетия их было еще больше. Поэтому, естественно, мы должны подходить к изучению этих пережитков исторически. Например, усиленная русская колонизация Тувы в начале XX в. способствовала быстрому отмиранию родовых пережитков. Отмеченные нами авторы, в работах которых придается большое значение пережиткам родовых *отношений, часто подходили* к изучению их внеисторически: их интересовали родовые реликты сами по себе, а не место и роль их в социально-экономической жизни тувинцев; они мало интересовались степенью распространения пережитков первобытно-общинного строя и их связью с другими явлениями социальной

[195] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 71.

жизни тувинцев. Увидев в том или ином обычае отражение остаточных явлений родового быта, они немедленно спешили его зафиксировать, редко интересуясь тем, насколько широко был распространен этот обычай древних времен. Между тем факты, ими же сообщаемые, опровергают мнение о господстве родовых отношений в Туве. Кон, например, рассказывает о народном собрании «чыыш» и приходит в восторг от того, что чиновник, который только что присудил рядового арата к жестокому наказанию, когда доходит очередь до него самого, спокойно выслушивает приговор и покорно плетется к месту экзекуции, как должное принимает палочные удары, а затем преспокойно усаживается среди судей и продолжает судить других [196]. Эта ярко нарисованная картина равенства бедного и богатого перед законом не вызывает критического отношения у автора.

«Чыыш» — народное собрание — действительно продолжало жить в начале XX в. как один из реликтов родового быта. Правда, характер и функции его стали уже совсем иными, чем раньше. К началу XX в. «чыыш», перестал быть в подлинном смысле этого слова народным собранием, он превратился в собрание чиновников, которые обсуждали судебные дела (исключая крупные уголовные, а также политические преступления, разбираемые в Улясутае) не на основе обычного права, хотя оно иногда также применялось, а на основе китайского писанного закона. Помимо судебных дел, «чыыш» разбирал вопросы раскладки повинностей, албана, выборов низших органов власти и т. п. Истинная роль аратов в этом собрании показана Коном, который рассказывает, как избирались должностные лица.

«Для их избрания,— пишет Кон,— должен был созываться «чеш» — собрание. Фактически уже во время моей экспедиции их назначение производилось несколькими влиятельными в «сумо» и зажиточными чиновниками, а масса только впоследствии узнавала об этом мнимом избрании» [197]. Это означает, что народное собра-

---

[196] В. Небольсин подтверждает этот факт: «...авторитет «поротых чиновников» от порки их ничуть не уменьшается» («Енисей», 1896, № 73).

[197] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 156—157.

ние уже потеряло свое значение как собрание народных представителей; оно фактически давно превратилось в орудие эксплуататорской верхушки, использовавшей его в своих классовых целях.

Что же касается того, что чиновники и влиятельные люди в сумоне позволяли себя сечь на «чыыше», то как в этом, так и в других случаях баи и чиновники (особенно если учесть, что их в Туве было крайне мало) старались поддерживать те институты родового права, которые были необходимы для них, чтобы скрыть классовый характер их господства. На самом деле сохранение формы народного собрания, равенства судебного разбирательства и наказания для всех создавали у политически мало развитого и забитого населения иллюзию о равенстве всех, о мнимой общности интересов трудящихся и эксплуататоров. То же народное собрание, приспособленное к целям эксплуататоров, как нельзя лучше отвечало интересам чиновников, а также байских элементов. К тому же не следует забывать, что даже в таком урезанном виде это народное собрание крайне редко созывалось.

Все это говорит о том, что хотя многие пережитки родового быта явно потеряли свой смысл и выступали в качестве пустой формы, сохранение их было жизненно необходимо для господствующего класса, так как в народных массах еще жила вера в реальное значение этих учреждений.

Мы располагаем рядом фактов, показывающих, что феодалы были вынуждены соблюдать многие пережитки старины именно потому, что массы еще придавали им реальное значение и отстаивали их. Даже высшие тувинские и китайские власти вынуждены были считаться с народными представлениями о родовых правах. Для подтверждения этого достаточно сослаться на один характерный факт. В 1876 г. в роду монгушей умер их родовой правитель, глава хошуна — угердаа; у него остался маленький сын, который по обычаю и должен был занять место правителя хошуна при регентстве одного из своих старших близких родственников. Но положением воспользовался богач Базыр из рода Хомушку и добился от властей должности угердаа в хошуне. Узнав об этом нарушении «своих прав», монгуши повели борьбу против нового угердаа и добились замены Базыра своим соро-

дичем Дугаром. Факт этот, несомненно, указывает на силу и значение родового начала в тувинской жизни.

Наличие ряда пережитков родового строя в тувинском обществе XIX — начала XX в. характеризует его как общество, где классовые отношения находились на ранней ступени развития. Это было общество полупатриархальных, полуфеодальных отношений.

Глава пятая

ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУВЕ

1. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ ТУВИНЦЕВ

Процесс образования классов в Туве начался значительно раньше изучаемого нами отрезка времени. К началу XIX в. он зашел настолько далеко, что о тувинском обществе этого периода можно говорить как о классовом обществе.

Мы берем самое раннее свидетельство Пестерева, которое относится к концу третьей четверти XVIII в., и находим у него ценное указание на наличие резкого классового расслоения и классовой эксплуатации не только у степных тувинцев, где это было бы менее удивительно, но и у тоджинцев.

«Ежели умирающий с голоду приведет своего сына или дочь, которые могут работать, к богатым, то богатый ежели умилосердится, или лучше сказать, имеет надобность в людях, возьмет к себе бедных детей в вечные слуги, а отцу и матери их и куска мяса не даст; почему те бедные должны с голоду умереть, или друг друга съесть» [1].

Таким мы застаем тувинское общество в самом начале изучаемого нами периода тувинской истории. Здесь

[1] НЕС, ч. LXXX, стр. 57. Автор сообщает конкретный факт, подтверждающий это положение. Тувинец Сехырдай отдал двух своих сыновей к богачам, а сам с женою сначала съели от голода дочь, а затем Сехырдай съел жену, а сам умер с голоду. У тувинцев в описываемое время пали все олени и тот, кто не способен был охотиться, вынужден был голодать.

уже нет господства родовых отношений. Они настолько разложились, что наблюдатель отмечает их отсутствие даже в Тодже, где дольше всего и больше всего сохранились пережитки родового строя в виде такого института, как охотничья артель с коллективным распределением продуктов охоты. Еще более резко выявляются классовые различия в центральных и западных областях Тувы.

Крыжин, посетивший в 1858 г. тот же восточный район Тувы, писал: «Между этим скотоводным народом есть несколько очень богатых людей, владеющих более чем 1000 штуками скота; но огромное большинство народа бедно» [2]. Еще более резкое имущественное разделение тувинцев подчеркнула А. В. Потанина: «Урянхайцы бедны и, что еще хуже, они неравномерно бедны; между ними замечается резкая имущественная разница: есть богачи и в то же время многие буквально ничего не имеют, живут в бревенчатых шалашах — алянчиках, покрытых древесной корой, и питаются лишь тем, что добудут на охоте или в лесу: кореньями, орехами, лиственичной корой. Многие проживают всю жизнь, не обзаведясь семьей. Нам случалось заглядывать в алянчики таких звероловов. Часто трудно решить,— жилой он или оставленный: иногда вся домашняя утварь состоит из сшитых из бересты корытец, употребляемых при еде, да железного котелка, который владельцем иногда носится с собой, чтобы служить ему во время охоты. Князья же урянхайские живут богато; их окружает многочисленная челядь, и в их сундуках скопляются дорогие уборы и безделушки из нефрита, сердолика, лапис-лазури и других ценимых ими камней в несколько сот рублей. Их любимое времяпрепровождение — игра в шахматы, причем проигрывают иногда целые табуны лошадей» [3].

Мурзаев в своем очерке о состоянии скотоводства и ветеринарного дела в Туве также обращает внимание на резкое имущественное расслоение в Туве: «Размеры скотоводства чрезвычайно разнообразны и для целых хошунов и для отдельных хозяйств: есть хозяева, имеющие до

---

[2] Труды Сибирской экспедиции ИРГО, СПб., 1864, стр. 91.

[3] А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895, стр. 70.

200 голов скота (но это горсть людей), но есть и не имеющие никакого скота»[4].

Мы не имеем необходимых данных для Тоджи и Терехоля, но косвенные указания о подобном же явлении и в этом районе дают сведения по аалам, составленные на основании материалов, собранных Венкелем по р. Хамсаре[5] (табл. 2).

Таблица 2

Место зимника аала	Количество			
	юрт	людей	оленей	лошадей
Устье Кутыргалыха	14	50	300	20
Нижнее течение Чжебыша	9	45	300	25
Устье Чжебыша	5	20	150	4
Устье Кизи-Хема	6	25	250	30
» » »	10	40	300	30
» » »	10	42	1200	50
Истоки Хамсары	6	25	300	10
Устье Паш-Хема	3	13	150	10
» » »	3	12	150	5
» » »	16	65	700	17
» » »	7	35	200	10
» » »	4	15	150	—
» » »	4	15	100	5

Достаточно сравнить два аала, зимующих в устье Кизи-Хема, численностью по 10 юрт, почти с одинаковым количеством населения (42 и 40), но с количеством оленей у одного в 1200 голов, а у другого в 300 (т. е. в первом случае оленей ровно в четыре раза больше), чтобы понять имущественную разницу между аалами этого хошуна.

Более конкретные данные для Тоджи мы находим у Ольсена. Он встречал тоджинцев, имеющих 100 оленей

[4] Д. В. Мурзаев. Указ. соч., стр. 11.
[5] ГАНО, ф. 47, д. 260, лл. 13—16.

(это самые крупные владельцы оленеводы), большинство же имело не свыше десятка голов [6].

Все эти свидетельства, во-первых, показывают наличие резкого имущественного различия у тувинцев на протяжении всего изучаемого периода тувинской истории. С 70-х годов XVIII в., когда Туву посетил Пестерев, и до 1916 г. (времени обследования Ермолаева), тувинское общество выступает перед нами, как общество классовое; но это значит, во-вторых, что в Туве господствовала частная собственность на скот, продукты скотоводства, жилье, предметы личного обихода, что частная собственность была господствующей формой собственности.

При этом мы видим, что наибольшая часть скота — одного из основных средств производства тувинцев — была сконцентрирована в руках небольшой группы владельцев, которые использовали его для эксплуатации трудящихся аратов. О наличии крупной собственности, помимо указанных авторов, свидетельствует ряд других наблюдателей, которые посетили Туву. Сошлемся, например, на сообщение Веселкова, который пишет: «Преимущество же в разведении скота и лошадей принадлежит нойону, у которого, по приблизительному исчислению, до 4000 лошадей, 1500 штук крупного рогатого скота и довольно большое количество овец. Но есть также урянхайцы, у которых также имеется до 1000 лошадей и 300 голов рогатого скота, кроме овец» [7].

Помимо этого, в Туве, особенно на ее окраинах, многие араты совершенно не имели скота. Весьма характерно в этом отношении авторитетное свидетельство Потаниной, которая обратила внимание на необычайную бедность скотом большой части тувинского населения. Ее поразила именно резкая разница в имущественном положении у тувинцев: у одних — отсутствие почти всякого имущества, а у других — наличие крупной собственности в виде скота. Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Апакидзе заметил то же самое явление в северной части Тувы: «но между ними (монголами.— *В. Д.*) и русскими,— сообщает он,— живет еще племя

---

[6] Ольсен Ерьян. Оленеводство у *сойотов*. Труды Сибирского ветеринарного ин-та, вып. X, Омск, 1929, стр. 379.

[7] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 35.

урянхов, бедное и загнанное, которое не в состоянии даже обзавестись скотом и питается частию охотой и кореньями сараны, кандыком и даже березовой губкой, которой настой они употребляют вместо чая» [8].

То же подтверждает Орлов: «Бедность сего народа поражала нас. Люди эти преимущественно живут охотой на сурков, мясо которых едят, а шкуры продают от 5 до 15 коп. за штуку» [9].

Для того чтобы понять социальный характер крупной собственности в Туве, нужно вспомнить, что Тува на протяжении нескольких столетий была колонией — сначала Монголии, затем Джунгарии, а потом Китая. Разложение родовых отношений и образование классов у тувинцев происходило в рамках этих государств. В XVI—XVII вв. Тува фактически принадлежала монгольскому удельному княжеству Алтын-ханов; мы еще, к сожалению, не имеем работы [10], в которой была бы сделана попытка обобщить тот, правда, не особенно большой материал, который имеется в наших архивах, для выяснения вопроса о характере социально-экономических процессов, протекавших во владениях Алтын-ханов, но можно думать, что эти процессы не отличались принципиально от тех, которые имели место на основной территории Монголии. После падения Алтын-ханов Тува была захвачена Джунгарией. Надо учитывать, какие изменения могли произойти в связи с переходом Тувы под власть Джунгарии.

Исторические свидетельства и исследования характеризуют Монголию и Джунгарию как страны, где господствовала феодальная собственность, а значит, и феодальные отношения. Как говорит Б. Я. Владимирцов, в Монголии еще с XIII в. пастбища, охотничьи угодья для облав принадлежали феодалам, которые указывали, где кому кочевать, они имели право объявлять те или иные территории

---

[8] Изв. Сиб. отд. ИРГО, 1870, т. 1, № 2—3, стр. 55.

[9] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VII, 1884, стр. 5.

[10] Только в недавнее время появилась статья Н. П. Шастиной «Алтын-ханы западной Монголии в XVII веке» («Советское востоковедение», 1949, № VI, стр. 388—395), где дан очерк внешней истории Алтын-ханов, но автор совершенно не касается вопросов социально-экономической жизни в ханстве.

запретными, изымать их из обращения [11]. Примерно такое же положение было и в Джунгарии. Иакинф Бичурин пишет: «У кочевых народов под поколением разумеется владетельный княжеский дом и княжеский удел, которым дом сей владеет под зависимостью от хана, как верхового главы народа. Родом называется боковая линия родственников владетельного князя и часть удела, отведенная для содержания оной. Сим образом монгольский народ делится на поколения, поколения на роды. Хан, имея собственный удел, не касается доходов поколенных князей; владетельный князь, имея собственный участок в своем удельном владении, не касается доходов с поместий родичей. В военное время хан, князья и родичи обязаны содержать свои участки воинов на собственном иждивении» [12]. Это свидетельство Бичурина не оставляет сомнения в том, что в Джунгарии существовала феодальная собственность на землю, пастбища и охотничьи угодия.

Архивные документы XVII в. показывают нам, что в Туве существовали собственные князья и правители. Русские послы, попадавшие в Туву, имели дело с местными князьями, которые находились в подчинении у Алтын-ханов. Так, в отписках боярского сына Василия Старкова указывается на владетеля Турала, который кочует со всем своим улусом [13]. В 1611 г. из Красноярска к тувинцам был направлен для переговоров по поводу бежавших к еркесойотам русских ясачных людей сотник Федор Кольцов и вот что он сообщил послу: «Мы, Федор с товарищи и за камень к ерке соетцким князцам ездили и великого государя указ сказывали и о всем вышеописанном говорили, а по договору ерке-сойотцкий князец Гунбек написал против договору своим монгольским письмом лист и, тот лист привез он, Федор в Красноярск и подал в приказной избе столнику и воеводе Григорию Ивановичу Полуехтову. Да он же Гунбек говорил мне, Федору с товарищами, что которые де ясачные люди ясаулы Вышкак, да Кельба с

[11] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй Монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 112.

[12] Иакинф. Историческое обозрение..., прим. к стр. 2.

[13] ЦГАДА. Описи томских воевод и статейный список бытности у монгольского царя Алтына в послах боярского сына Василия Старкова, л. 23.

улусными людьми бежали, и тех людей он, Гунбек со своей земли не отпустит, а ясак де с них великому государю берите сдеся по вся годы для того, что те люди из давних лет были за ним» [14].

Этот отрывок рисует нам крупного тувинского правителя, который считает себя давним владельцем улусных людей, бежавших из Красноярского воеводства.

После разгрома государства Алтын-ханов и подчинения западной части Тувы Джунгарии владетель Тувы платил подати джунгарам, причем, как сообщает Бичурин, «Урянхайцы, бывшие подданные Алтын-хана, оставлены кочевать на прежних их землях от Алтая по хребту Танну на восток до вершины Енисея. Князья сих поколений подчинены общим законам для Монголии, изложенным Уложением Китайской палаты внешних сношений, и состоят под ведением главнокомандующих тех округов, в которых лежат их кочевья» [15].

2. К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ТУВЕ

В самое последнее время в советской исторической науке вокруг вопроса о земельной собственности в условиях кочевого скотоводческого хозяйства возникла большая дискуссия [16].

В настоящее время, когда фактический материал еще изучен недостаточно, убедительное теоретическое решение этого вопроса дается, по нашему мнению, теми, кто утверждает, что общие закономерности социально-экономического развития свойственны и оседлым и кочевым народам [17] и что поэтому у кочевых народов, так же как у оседлых, основой феодализма была земельная собственность, ибо «у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец, например,— это одновременно и собственность на луга, по которым они пере-

---

[14] ЦГАДА, ф. Мунгальские дела, д. 1/б, л. 1.

[15] Иакинф. Историческое обозрение..., стр. 137—138.

[16] См. «Вопросы истории», 1954, № 4; 1955, № 1 и др.

[17] Л. П. Потапов. Патриархально-феодальные отношения. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 73—89.

[18] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 165.

двигаются» [18]. Следует только признать, что собственность на землю у большинства кочевых народов, в том числе и у тувинцев, не получила точного юридического оформления, закрепления особым законом, а самый аграрный вопрос не имел такой остроты, как у земледельческих народов. Это объясняется, как мы увидим позже, патриархальностью феодальных отношений у тувинцев, самим характером кочевого скотоводческого хозяйства. Скот в условиях кочевого хозяйства был таким же главным орудием, а значит и условием производства, как земля, хотя он, как говорит Маркс, был сам «продуктом земли». Земля, после завоевания Тувы маньчжурами формально принадлежала китайскому императору как завоевателю и повелителю Тувы, фактически же пастбища, земля, охотничьи угодья находились в распоряжении местных феодалов, нойонов и чезенов.

Крупный владелец скота, который очень часто являлся и чиновником, имел право распоряжаться земельными угодьями, водами и лесами той территории, правителем которой он был, и занимал самые лучшие земли для своего скота. Так, например, правитель Даа-хошуна Хайдып владел самыми лучшими пастбищами по Аянгате, мать Хайдыпа, Долгар, пользовалась лучшими пастбищами у Бижикты-хая, Аянгате, на Каткылах. Пастбища на Каткылах потом перешли ее сыновьям Мартан-мэрэну, Сангы-чангы и Джибуку. На лучших зимних пастбищах на Изыгдаг (в 15 км от оз. Чедыр — центральная Тува) кочевал только крупный феодал Хелин-чангы вместе со своими пятью-шестью юртами пастухов. Обычно и другие феодалы закрепляли за собой самые лучшие пастбища.

Водоемы и леса, в частности охотничьи угодья, нойоны также закрепляли за собой. Так, например, рыбные озера Азас и Ушпехул фактически принадлежали нойону. Весной, с вскрытием рек и озер, нойон первый должен был пройти с сетями, а пока он этого не сделал, никто не имел права рыбачить. Тайга Таргандаг (свободная гора) тоже принадлежала нойону, и никто не имел права там убивать зверя или рубить дрова, кроме нойона и его людей.

Для выяснения вопроса о том, кому принадлежало фактическое право распоряжаться землей, мы можем использовать материалы русских архивов, где сохранились документы о земельных сделках между тувинцами,

с одной стороны, и русскими торговцами и крестьянами-колонистами — с другой. В Новосибирском государственном архиве имеется ряд документов, составленных на монгольском языке— запись земель, уступленных тувинцами русским, а также заявлений русских крестьян о договорах между ними и тувинцами о занятии земель. Например, крестьяне Н. Мальцев, А. Малышев, П. Чунарев, П. Кокорин, К. Грудинин, И. Иконников, Ф. Шепелин купили 150 десятин земли «у дарги Салчак сумо Чалана» [19]. С. Х. Спирин «крестьянин с. Атамановки купил 5 десятин пашни за урочищем Урялик у Чангы Ачикая за 50 руб.» [20]. Усинский крестьянин Е. Н. Медведев, переселившийся в Туву в 1907 г., уплатил чиновникам или «раздарил», по его собственному заявлению, за пользование землей 1500 руб. [21].

Заведующий устройством русского населения в Туве Шкунов в своем отчете за 1915 г. писал по поводу земельных сделок русских с тувинцами: «Русские селились в Урянхае все и всегда по частным соглашениям, редко с чиновниками, чаще с зажиточными сойотами, получая право рыбной ловли, пастьбы скота, покоса или распашки» [22]. Зажиточные сойоты — это тувинцы-феодалы из нойонов, чезенов или кулаки (кара-баи). Другой русский чиновник, донося в переселенческое управление об условиях землепользования в Туве, указывал на то же самое: «Условия землепользования слагаются из необходимости в соглашении с отдельными сойотами, преимущественно занимающими властное положение в административно-родовой организации» [23].

Однако в делах Новосибирского архива есть ряд указаний на то, что земельные сделки производились русскими и с рядовыми тувинцами. Например, крестьянин с. Федоровского Р. И. Акулов «купил у урянха Салчак сумо Чертоола шесть десятин земли» [24]. Такие случаи были довольно частыми. В архивах мы находим несколько так называемых уступительных записей подобного характера.

---

[19] ГАНО, ф. 47, д. 398, л. 106.
[20] Там же.
[21] Там же, д. 138, л. 7; д. 3, л. 31.
[22] Там же, д. 294, л. 37.
[23] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 1393, л. 51.
[24] ГАНО, ф. 47, д. 121, л. 20.

В данном случае мы имеем дело с частной инициативой рядовых тувинцев, в большинстве случаев богатых, которые, пользуясь земельным простором Тувы и считая землю своей, продавали ее русским. Но подобного рода сделки были незаконны. Вот почему в указанной выше записке русского чиновника мы читаем: «Бывали случаи, что одна и та же местность или часть ее уступается нескольким лицам разными сойотами. Этой неопределенностью пользуются борющиеся группы русского населения, чтобы перебивать друг у друга участки. С другой стороны, отдельные сойоты уступают участки земли, принадлежащие не им, а племени, которое не заявляет на эти участки претензий только благодаря земельному простору. Поэтому возможны случаи, когда сумо или даже хошун может предъявить требование о возвращении участка» [25]. Значит, земля в конечном итоге могла быть изъята сумоном или хошуном, т. е. фактически сумонными и хошунными властями. Поэтому русские купцы и колонисты предпочитали приобретать землю у тувинского начальства.

Итак, архивные документы показывают, что главными распорядителями земель, с которыми имел дело русский колонист, были тувинские чиновники и богатые люди, они были высшей инстанцией, признававшейся русскими единственно законной.

Некоторая стесненность в земле была на Кемчике, особенно в районе Чадаана, Барлыка и некоторых других густо заселенных мест. В этом районе смешалось население двух самых многолюдных хошунов: Бээзи-хошуна, принадлежавшего монгольским князьям, и Даа-хошуна. Здесь стесненность в пастбище приводила к недоразумениям и столкновениям между крупными скотоводами.

Бывали осложнения в земельном вопросе и между тувинцами-землепашцами. Осложнения эти возникали в связи с переложной системой земледелия, практиковавшейся в Туве. Распахивал тувинец участок земли, сеял там год-два, а затем бросал его и занимал новые участки. Постепенно его первоначальное поле зарастало и переставало отличаться от неразработанной земли, однако он попрежнему считал его своим и в случае, если кто-либо пытался им воспользоваться, решительно протестовал

[25] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, д. 1393, л. 52.

против этого [26]. Такие земельные споры между тувинцами, занимавшимися наряду со скотоводством и земледелием, служили предметом разбора специально избираемых тараа-дарги, т. е. земельных старост. Конечной же инстанцией в урегулировании земельных споров был начальник сумона, как правило бай, который пользовался этим обстоятельством для того, чтобы заставлять аратов пахать землю на себя.

Так имеющиеся в распоряжении историка материалы рисуют земельные отношения в Туве.

Следовательно, нойоны и баи были не только крупными собственниками скота, но и распорядителями пастбищ, вод и лесов, т. е. фактически монопольными владельцами лучших пастбищ, ирригационной системы, охотничьих и рыболовных мест.

Эти, а также многие другие факты говорят о том, что уже в период владычества над Тувой монголов и джунгаров основная часть ее была в значительной мере подвергнута феодализации, что к концу XVIII в. этот процесс зашел настолько далеко, что можно констатировать полную победу феодального начала над общинно-родовым строем в основных районах Тувы.

На основании приведенных фактов мы можем установить в Туве собственность трех видов:

1. Крупная феодальная собственность нойона на скот и его право распоряжаться пастбищами — этим основным условием скотоводства, без чего невозможно было содержать и увеличивать стадо.

2. Мелкая собственность на скот непосредственного производителя, который пользовался пастбищами по распоряжению и указанию нойона.

3. Остатки общинно-родовой (артельной) собственности на продукты охоты и звероловства, охотничьи угодья, встречавшиеся в Тодже и Тере-холе.

К господствующей эксплуататорской группе относились монгольские князья, которые непосредственно не жили в Туве, но владели частью тувинского населения, затем тувинские нойоны и чезены, а также верхушка тувинского ламства.

В Туве не сложилось строго определенного и общепринятого в народном употреблении термина, обозначающего

[26] ККМ, № 694, л. 244.

группы эксплуататоров-феодалов. Чаще всего тувинцы называли своих правителей и повелителей их китайскими или монгольскими чинами (нойон, чангы, чезен, кунду, мейрэн и т. п.), или общим словом «тужуметкижи»— чиновный человек. В качестве собирательного имени для всех богатых и имущих людей употреблялось слово «бай». Но бай — значит богатый человек, так что его могли употреблять для определения богатого человека вообще, независимо от того, был ли он феодалом, купцом или кулаком. Однако, прислушиваясь к народной речи, мы не можем не заметить, что слово «бай», бай-кижи больше всего служило тувинцу для определения именно феодальной прослойки, потому что кулака чаще всего называли кара-баем, кудурак-баем — последнее представляет собой перевод русского слова «кулак» с прибавлением к нему термина «бай».

3. МОНГОЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Монгольским князьям принадлежал в Туве ряд хошунов и сумонов [27], полученных ими в XVIII в. от маньчжурского императора. Монгольские князья владели так называемым Бээзи [28]-хошуном, он принадлежал монгольскому (халхаскому) Саин-нойоновскому аймаку. В состав этого хошуна входили следующие тувинские сумоны: Хара-Тонгак, Сарыг-Тонгак, Чааты-Тонгак, Чадаана-Хуулар, Чергак-Хуулар, Суг-бажи-Хуулар, Улуг-Тулюш, Адыг-Тулюш, Салчак-Соен, Хертек-Соен, Сарыглар,

---

[27] Тува, как и Монголия, в административном отношении делилась на хошуны. В Туве было шесть хошунов: Салчакский, Тоджинский, Оюннарский, Бээзи-хошун, Даа-хошун и Хасутский. Первые три хошуна были объединены под властью амбын-нойона. Бээзи-хошун составлял собственность монгольских князей. Хасутский хошун еще в XVIII в. оторвался от Тувы и между ним и остальными тувинскими хошунами на протяжении всего изучаемого периода мы не обнаружили политических связей. Кемчикский Даа-хошун до начала XX в. подчинялся амбын-нойону, а затем стал самостоятельным. Каждый хошун в свою очередь делился на сумоны, а сумоны — на арбаны, в отдельных случаях арбаны объединялись в баги. Кроме того, в Туве имелось несколько сумонов, не входивших ни в один из перечисленных выше хошунов: Маады, Чооду, Сартул, Шалык. Эти самостоятельные сумоны составляли собственность монгольских князей и подчинялись непосредственно им.

[28] В дореволюционной литературе писалось «Бейсэ».

Карасал, Кужугет, Кыргыс (по другим сведениям — Соен), Долоннаар, Тумат, Сая. Бээзи-хошун, или, как его еще называли, хошун «17 отоков», занимал территорию чересполосно с Даа-хошуном по рекам Кемчику, Чаа-Холю, Улуг-Хему, Темир-сугу, Кендирген-голу, по обоим склонам Саян к востоку от Енисея.

Кроме Бээзи-хошуна, монгольским князьям подчинялись сумоны Маады и Чооду (Узун-чооду), они кочевали по Бий-Хему и его притокам Тапсе и Уюку и считались крепостными князей Цзасакту-хановского аймака. Шалык-сумон, кочевавший по р. Самогалтаю, состоял в крепостных Цзасакту-хановского аймака, монгольским князьям принадлежал также сумон Сортал (или Сартул), располагавшийся по р. Шурмаку (вверх по р. Брень, впадающей в Каа-Хем).

Подвластные монгольским князьям тувинцы составляли довольно значительную часть тувинского населения. Это можно видеть на основании официальных тувинских данных о составе населения Тувы в 1913 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Название хошуна или сумона	Количества	
	юрт	человек
1. Бээзи-хошун	3438	10153
2. Даа-хошун	1564	8273
3. Оюннарский хошун . .	около 1500	около 7000
4. Салчакский хошун . . .	нет сведений	5000
5. Тоджинский хошун . . .	„ „	4000
6. Маады и Чооду	„ „	около 1000
7. Шалык	100	„ 500
8. Сартул	30	„ 200
Итого	—	около 36126

Эти данные составлены на основании официальных представлений тувинской администрации в Улясутае. Русские пограничные власти считали их преуменьшен-

ными от 25 до 100% по отдельным хошунам и сумонам [29]. Эти данные меньше действительных только по хошунам Кемчика [30], по другим же хошунам они даже больше действительной цифры; так, в частности, по Тоджинскому хошуну они весьма преувеличены, потому что, как мы уже говорили выше, там по более тщательному учету на месте было насчитано не больше 2400 человек [31]. Но нам здесь важно установить только количество тувинцев, принадлежавших монгольским князьям. По этим официальным данным, в Бээзи-хошуне (10 153), Маадо и Чооду (около 1000), Шалыку (500) и Сартулу (200) в общей сложности жило около 12 тыс. человек, т. е. одна треть всех тувинцев находилась в крепостной зависимости от монгольских князей.

Сами монгольские князья не жили в Туве, а посылали сюда ежегодно своих представителей — дарги («староста», «начальник»), которые должны были управлять тувинцами, собирать с них оброки в пользу своих князей и контролировать деятельность управителей сумонов из тувинцев.

Согласно Уложению Палаты Внешних сношений, монгольские князья имели право брать подати со своих крепостных в строго определенных размерах. Статья 196 указанного китайского законодательства для монголов гласит: «Все разностепенные монгольские князья и тайцзии, у коих существуют свои наследственные поместья, должны ежегодно брать подати не более, как по нижеследующему расписанию, и именно: с каждой семьи, имеющей более пяти голов рогатого скота, брать одного барана, с 20 овец также одного; а с имеющих 40 овец — двух, а более сего не брать, хотя бы кто имел и гораздо большее количество сих животных...» [32].

Как видно из этой статьи, податное обложение главной своей тяжестью ложилось на малоимущих. Это отчасти и объясняет нам, почему тувинские хошуны и сумоны, со-

---

[29] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 43.

[30] По подсчету русской переселенческой организации в 1916 г. оказалось в Даа-хошуне 16 656 человек, в Бээзи-хошуне 19 тыс. человек (ГАНО, № 294, л. 20), в Салчакском 1900 человек (там же, л. 20).

[31] По данным переписи 1931 г.— 2115 ч. (Маслов. Конец Урянхаю, стр. 90).

[32] Уложение..., т. 1, стр. 132.

стоявшие крепостными монгольских князей, были самыми бедными в Туве. Поборы монгольских князей, а особенно поборы посылаемых ими в Туву дарги, были большими. По архивным материалам мы можем довольно точно определить тот оброк, который фактически собирали монгольские князья в Туве.

Так, уже по известному нам заявлению цзайсанов Бээзи-хошуна, тувинцы этого хошуна должны были платить ежегодно своему князю пушниной около 300 рысей, несколько сот лисиц и волков, а кроме того, через каждые три года высылать 400 голов крупного и 800 голов мелкого рогатого скота [33]. Это только официальная подать в пользу самого князя, сюда не входят поборы на содержание аппарата сборщиков податей, на управление, на так называемые «белек» — подарки монгольским дарги, приезжавшим для управления тувинцами. Всего по хошуну числилась 401 юрта, несущая повинность. В 1913 г. Бээзи-хошун уплатил князю в виде подати 306 рысей и 11 500 белок [34]. По этим же сведениям, Сартул-сумон должен был ежегодно платить князьям по 500 белок, а через каждые три года доставлять от 10 до 25 быков-трехлеток, а Шалык-сумон — по 50 лисиц ежегодно и раз в три года — по 50 быков [35]. Поборы с Маады и Чооду нам в точности не известны, но они, конечно, не были меньше, чем с других сумонов и хошунов. Помимо оброка натурой, тувинцы-крепостные монгольских князей должны были посылать определенное количество лиц для отбывания своеобразной барщины в хозяйстве своих феодалов.

Наличие в Туве монгольских феодалов приводило к сложному переплетению социального и национального угнетения тувинцев.

4. ТУВИНСКИЕ НОЙОНЫ

Р. М. Кабо характеризует тувинских феодалов, как мелких вассалов китайского императора, и даже противопоставляет их монгольским феодалам, которые, по его мнению, были родовитыми князьями, аристократами в полном смысле этого слова. Тувинские феодалы, эти

[33] Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. Р-26, д. 5, л. 4.

[34] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 3, д. 17, л. 28.

[35] Там же.

мелкие вассалы, по словам Р. М. Кабо,— были более преданы Цинской династии, нежели монгольские князья.

«Представителями феодальной собственности в Туве и носителями права внеэкономического принуждения,— писал Р. М. Кабо,— были представители наиболее крупных родов, как например рода киргиз в Оюннарском хошуне, к каковому роду принадлежали амбын-нойоны [36]. Но, наряду с представителями родовой знати, мы находим среди нойонов выходцев из общественных низов, простолюдинов. Один из наиболее ярких и энергичных нойонов Хемчикского хошуна, Хайдуп, был незаконнорожденный сын простой аратки. Своим новым социальным положением, своим возвышением эти люди были обязаны маньчжурской династии, и это обстоятельство делало их более пригодным орудием для проведения политики центральной власти, чем были крупные монгольские феодалы — потомки Чингисхана» [37].

Нам кажется, что это положение наряду с истинами содержит и неточности. Неправильно считать, что среди тувинских феодалов была значительная группа лиц, которые обязаны были своим повышением только маньчжурской династии и своим личным заслугам перед иностранными захватчиками.

Несколько слов по поводу возвышения Хайдыпа. В исторической литературе широко распространено мнение, что Хайдып — выходец из простых аратов, что он обязан своими служебными успехами исключительно своим способностям и связям с маньчжурской администрацией. Помимо литературных источников, об этом говорят и некоторые архивные документы. Так, например, в одном из донесений начальника Усинского пограничного округа Чакирова иркутскому генерал-губернатору мы читаем: «В 1901 году простой баир пастух силою своего природного ума и при помощи денег, добытых им воровским способом, сумел втереться в доверие к китайским властям в Улясутае» [38]. Видимо, сведения Чакирова, по-

[36] Здесь у Кабо фактическая ошибка: амбын-нойоны происходили не из рода Кыргыз, а из рода Оюн (ср. Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 13; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 12); А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 49.

[37] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 73.

[38] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 13, д. 292, л. 247—248.

Нойон Хайдып со свитой

павшие впоследствии во многие документы, и были источником для создания легенды о простом незнатном происхождении Хайдыпа. А между тем имеются и другие материалы, которые говорят о нойонском происхождении Хайдыпа. Так, араты-старики в беседах с нами настаивали на знатном происхождении Хайдыпа. Сюр-оол, Дукульдек Сарыглар, Ондургу Хертек и другие утверждали, что Хайдып был родовым правителем Кемчикцев, а старик Чертогол Отпал Ооржак, отец которого был чальчой (слугой) матери Хайдыпа — Долгар, говорит, что отец Хайдыпа Чанжир-чангы умер крупным чиновником в 1887 г. (т. е. задолго до возвышения сына). О высоком родословии Хайдыпа рассказчик сам слышал неоднократно от родственников Долгар, у которой он работал с 1909 г. в качестве хулечика [39].

---

[39] Из беседы автора с колхозником артели «Красный пахарь» Чертоголом Отпалом Ооржаком в июле 1949 г.

Эти сведения подтверждаются в заявлении родного брата Хайдыпа — тувинского хамбо-ламы на имя заведующего пограничными делами Усинского округа Церерина от 28 сентября 1913 г. Это заявление с прошением о принятии тувинского народа в русское подданство хамбо-лама направил от своего имени «как возведенного в сан хамбо-ламы Тибетским гегеном Гундун Чжамцяном в г. Амдо, главного духовного наставника всего урянхайского населения, проживающего по системе реки Кемчик, Гебши Хамбо гелун Чжамбо-ламы — родного брата бывшего главного дарги (правителя) Хайдупа, являющегося прямым потомком родовых правителей Танну Урянхов, живших по р. Кемчику» [40].

Нельзя не доверять Чжамбо-ламе, так как он-то хорошо знал, что русские пограничные власти не считают его брата Хайдыпа наследником родовых прав его рода на Даа-хошун, а между тем сам он, как то подтверждается многими архивными документами, был искренним и сознательным сторонником присоединения Тувы к России, в то время как его брат Хайдып лишился чина, и даже, по слухам, вынужден был отравиться из-за происков против него русских властей, с которыми он затеял борьбу. Зная все эти факты, мы не решились бы утверждать, что Хайдып просто выскочка, занявший место угердаа Кемчикского хошуна только благодаря ловкости и деньгам. Вероятнее всего, Хайдып был действительно потомком одного из родовых правителей тувинцев.

Однако, если бы мы и откинули прочь все приведенные выше факты и согласились с мнением о незнатном происхождении Хайдыпа, этот пример и тогда не мог бы служить доказательством того, что тувинские феодалы обязаны своим правом внеэкономического принуждения только возвышению их маньчжурской династией.

В действительности подавляющее большинство тувинских нойонов происходило из старой родовой аристократии. В первые же годы установления маньчжурского режима в Туве завоеватели вручили власть над Тувой тем, кто по сути дела сыграл немалую роль в захвате Тувы маньчжурами,— монгольским князьям. Так продолжа-

---

[40] ГАТО, ф. Р-26, д. 15, л. 48.

лось несколько лет, затем маньчжуры заменили временных монгольских правителей тувинскими чезенами. Вот что по этому поводу мы читаем в послании эмиссара Чжалханцы хутухты тувинскому амбыну Комбу-доржи: «В 24 году [41] того же правления Урянхайское население было разделено на 4 хошуна: 1 — по реке Тес во главе с цзайсаном Дажи, 2 — по реке Кем (Енисею) во главе с цзайсаном Бату, 3 — по Точжи с цзайсаном Эринцыном и 4 — в районе оз. Хубсугуль-нур, во главе последнего, за ненахождением среди урянхов подходящего для правителя человека, был поставлен Итегель, сын хотогойтского дарги Ашида. Правителям хошунов было присвоено наименование ухери-да» [42].

Преемственность в передаче прав тувинских правителей от первых цзайсанов до последних правителей мы довольно легко можем установить по именам. Это легче всего проследить на своеобразной династии главных тувинских правителей — амбын-нойонов. В приведенном выше документе названо имя цзайсана Дажи. Этот Дажи и является родоначальником амбын-нойонов. Родословную самого Дажи можно установить на основании рассказов аратов, а также из отчета Ользея-Очира. По этим материалам мы узнаем, что отцом Дажи был известный нам предводитель тувинцев в борьбе против маньчжур в начале XVIII в. Хурулмай. На основании монгольских летописей, в частности «Эрденйин эрихе», известно, что Хурулмай был одним из главных предводителей тувинцев и на протяжении почти 12 лет вел упорную борьбу против монгольского цзасака Бубэя, выступавшего в качестве предводителя военных сил Китая. В этой борьбе Хурулмай несколько раз попадал в плен, но бежал и продолжал неутомимо бороться против китайских и монгольских угнетателей-феодалов. Его дальнейшая судьба нам неизвестна. Монгольские летописи называли Хурулмая самым влиятельным «урянхайским князем» [43], в другом случае они именовали его «урянхайским цзайсаном» [44].

---

[41] 1759 г.

[42] ГАТО, Р-26, д. 53, л. 10.

[43] А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрденйин эрихе», СПб., 1883, стр. 279.

[44] Там же, стр. 321.

Следовательно, основателем тувинского рода амбын-нойонов являлся цзайсан Хурулмай [45].

Сын Хурулмая Дажи не сразу стал правителем Тувы, некоторое время он исполнял обязанности помощника монгольского правителя и только после того, как прославился в подавлении восстания против маньчжур, китайские власти присвоили ему военное звание мейрэна-чангы и назначили общим правителем четырех тувинских хошунов [46]. После смерти Дажи (1788) амбын-нойоном стал его сын Данзын, правивший Тувой в течение четырех лет, а затем — брат Данзына Седембал, который из-за болезни в 1814 г. передал пост амбына своему сыну Бадыжапу. Место последнего унаследовал его брат Ламажап, он правил Тувой 38 лет. После нескольких лет правления третьего сына Седембала — Шиндазына, или Сендажи, тувинским амбын-нойоном стал его сын — один из самых деятельных правителей Тувы — Ользей-Очир; в его лице на пост амбын-нойона вступило уже четвертое поколение рода Дажи. В 1899 г., после смерти Ользей-Очира, амбыном стал его единственный сын Комбу-доржи, во времена правления которого было установлено русское покровительство над Тувой.

В подтверждение того, что тувинские правители были потомками родоначальников, можно было бы привести и другие доказательства. Например, в Туве до революции сохранялся обычай выбора нойонов. Правда, теперь они

---

[45] Нельзя ли связать имя этого тувинского цзайсана Хурулмая с рассказами дархатских стариков и шаманов, записанных Г. Д. Санжеевым о том, «что их предок жил в эпоху борьбы рода Хоролмей с какими-то чужими родами»? «В исторической литературе,— пишет по этому поводу проф. Санжеев,— относительно упомянутой борьбы указаний не имеем, повидимому эта «борьба», если таковая имела место в истории, была местного значения и поэтому осталась вне страниц исторических анналов» (Г. Д. Санжеев. Дархаты. Этнографический отчет по поездке в Монголию в 1927 г. Л., 1930, стр. 7). Речь идет о происхождении дархат, т. е. о выделении их из среды других тувинцев. Такое выделение, помимо указаний на род Хурулмая, согласуется также и с теми сроками выхода тувинцев-дархат из земли тувинской, которые называют те же старики-дархаты. Нам кажется, что сам факт превращения этой группы тувинцев в монгольских дархат связан был с тем, что в период борьбы Хурулмая с монголами Бубэя они держали сторону монголов.

[46] Тув. НИИЯЛИ, папка 5, лл. 68, 69; Тувинский областной музей, рукоп. «Сведения об амбын-нойонах Тувы».

избирались не народом, а своими приближенными, но принцип сохранился прежний, т. е. избирался представитель того рода, который в течение долгого времени правил тем или другим хошуном или сумоном. Китайские власти могли утвердить или не утвердить избранного начальника. Как правило, в Улясутае, где тувинские чиновники получали назначение, утверждали избранных, хотя бывали случаи, что их кандидатуры отклонялись, но это по сути дела, не меняет самого характера избрания. Катанов так характеризует порядок передачи власти от одного правителя к другому: «В случае нежелания продолжать службу, ухерида передает обязанность своему сыну, брату или ближайшему родственнику и доносит об этом амбыньнойону, начальнику всех танну — Урянхайцев» [47].

Это вполне соответствует тому, что писал впоследствии Ф. Кон: «Власть амбынь-нойона наследственна в его семье так же, как власть Огурдов (ухэрёде), джянги и кунду. В случае прекращения рода, за смертью, или если прямой наследник не достоин шишки (знака достоинства.— *В. Д.*), шишка передается в другую семью, родственную первой. Иногда при передаче шишки участвует народ. Собирается «чешь» — сход, на котором все юртохозяева выражают свою волю. Таким образом избран, например, теперешний Тоджинский огурда» [48].

Следовательно, на протяжении более чем 160 лет маньчжурского колониального владычества в Туве страной (за исключением тех ее хошунов, которые составляли собственность монгольских ханов) правил один род — род Хурулмая — одного из видных тувинских цзайсанов конца XVII — начала XVIII в.

Подобное явление мы наблюдаем и среди правителей тувинских хошунов. Кемгольский хошун: первый угердаа Эренцин (1769—1796), его сын Шойданчап (1796—1822), брат Шойданчапа Седип и т. д. [49] Хубсогольский хошун: Итегель, брат его Тамиранчап, сын его Чулдун-Норбу и т. д. [50]. Первый угердаа Тоджи, или Да-нойон, Эренцин умер бездетным, правителем хошуна стал чангы Кол-су-

---

[47] Н. Ф. Катанов. Письма..., стр. 11—12.

[48] Ф. Я. Кон. Усинский край, стр. 89—90.

[49] Тувинский областной музей. Сведения о первых тувинских нойонах, л. 12.

[50] Там же.

мона Делгер, после его смерти — Лундупчан, за малолетством которого правил тоджинский сумонный чанги, после смерти Лундупчапа некоторое время правил хошуном Тэрэбэл, происхождение которого нам неизвестно, а затем сын Лундупчапа Седип и т. д. [51]

Все это позволяет нам сделать вывод, что, как правило, наиболее крупными тувинскими чиновниками, а фактически феодалами, были потомственные цзайсаны, представители старой родовой знати. Наши материалы говорят о том, что маньчжуры первое время после завоевания Тувы, зная о роли, которую играла в сопротивлении им часть тувинских родоначальников, видимо, не доверяли и остальным тувинским цзайсанам. Только по прошествии некоторого времени, когда цзайсаны показали свою готовность служить маньчжурской династии, маньчжуры привлекли к управлению тувинскими хошунами старых цзайсанов, присвоив им военные звания и должности в новом административном устройстве Тувы. Под этой новой одеждой китайского чиновника стали жить старые родоначальники. В первое время народ не придавал большого значения этим новым чинам, видя в их носителях прежних цзайсанов, родовых начальников. Но постепенно благодаря настойчивому подчеркиванию самими цзайсанами своего нового чина и звания, народ стал забывать их старые наименования.

Об институте тувинских цзайсанов написано мало; между тем, как мы видим из исторических материалов, этот институт существовал в Туве точно так же, как во всех окружающих ее областях и странах. Это, вне всякого сомнения, институт родовых начальников. Уважительное отношение к цзайсанам со стороны аратов явно свидетельствует о том, что это бывшие родовые старейшины, родовые начальники.

Еще до маньчжурского завоевания эта родовая знать стала постепенно превращаться в феодальных владельцев, и часть ее фактически до этого выступала уже в качестве носителей феодального начала, используя в целях эксплуатации старые родовые традиции.

Именно на этой широкой основе института родовых

[51] Тувинский областной музей. Сведения о первых тувинских нойонах, л. 11.

начальников выросло господствующее феодальное сословие Тувы, которое было прочной социальной опорой маньчжурских захватчиков.

Следовательно, по своему положению тувинские цзайсаны могут быть разбиты на три группы: 1. Цзайсаны хошунов монгольских князей сохранили полностью свое административное положение, а значит, и все остальные права и преимущества и старые названия. 2. Цзайсаны собственно тувинских хошунов после завоевания Тувы маньчжурами получили китайские чины и выступали в последующее время как амбын-нойоны, нойоны, чанги и т. п. 3. Группа цзайсанов, которая по каким-либо причинам потеряла прежнее положение, не получила чинов, формально не обладала властью, а по существу пользовалась рядом преимуществ в силу традиционного отношения к ней основной массы населения.

Цзайсаны хошунов, подведомственных монгольским князьям, сохраняя положение правителей рода, должны были делить с монгольскими князьями выжимаемый из тувинских аратов прибавочный труд, так как тувинцы монгольских хошунов обязаны были платить оброк и отбывать частично барщину монгольским князьям.

Понятно, эти цзайсаны были в менее выгодном положении, чем их собратья в остальной части Тувы. Во внутреннем управлении своими родами эти цзайсаны были также стесняемы монгольскими дарга, которые нередко вмешивались во внутреннюю жизнь тувинцев. В этом отношении несравненно более выгодным представляется положение той части тувинских чезенов, которая занимала высшие должности в хошунах, находившихся под властью амбын-нойона. Цзайсаны с маньчжурским мундиром присоединяли к правам родоначальника право на управление тувинцами от имени захватчиков. Они пользовались почти бесконтрольной и почти безграничной властью во внутренних делах хошунов и родов, были вполне полновластными господами своих родов. Этим объясняется, почему они были экономически более мощными, чем цзайсаны первой группы. В этом, повидимому, причина того, что самый процесс феодализации данной группы цзайсанов происходил быстрее и интенсивнее. Что касается третьей группы, то она была, видимо, самой малочисленной.

Следовательно, в процессе феодализации Тувы часть цзайсанов постепенно превращалась в нойонов, а другая часть постепенно беднела, уравниваясь в своем положении со своими сородичами, и иногда пользовалась только внешним почетом и уважением. Характерной особенностью тувинских феодалов, как уже говорилось, было то, что они своим положением богатых и знатных людей были в известной степени обязаны завоевателям Тувы — маньчжурам. Маньчжурская династия поддерживала и укрепляла свою социальную опору в Туве.

Крыжин в 1858 г. первый обратил внимание на то, что в Туве богатые люди были чиновниками: «Принадлежащие к фамилии Данаина [52],— писал он,— и сам Данаин обыкновенно суть самые богатые люди...» [53]. Райков говорит об этом более определенно: «а богатыми могут быть у них только начальствующие лица» [54].

Факты эти свидетельствуют о том, что власть служила важным источником возвышения и обогащения тувинских феодалов. Это объясняет и ту удивительную жадность до чинов, титулов и власти, которую нередко отмечают как особую черту тувинских феодалов. С властью тувинские феодалы получали и право распоряжаться землями, которые юридически принадлежали китайскому императору по праву завоевания.

Наряду с традиционностью власти тувинских правителей, как потомков правителей родовых должности и чины, даваемые им маньчжурами, еще более укрепляли их положение и делали их полновластными повелителями тувинцев. Все путешественники, которые посещали Туву в XIX — начале XX в. и изучали установившиеся в ней порядки, подчеркивают безграничную власть местных тувинских феодалов, представлявшую собой соединение традиционных патриархальных прав родовых вождей и неограниченных полномочий, которыми наделяли их захватчики, мало вмешивавшиеся во внутреннее управление Тувы.

Ермолаев, длительное время постепенно наблю-

---

[52] Данаин — Да-нойон (большой, великий нойон) — употреблялось в Туве для обозначения правителя хошуна, получившего свой чин от маньчжур.

[53] Труды Сибирской экспедиции..., стр. 91.

[54] М. И. Райков. Указ. соч., стр. 447.

давший проявление власти тувинских нойонов, пишет о ней: «власть правителя как теперь, так и в недавнем прошлом, вообще очень велика, почти неограничена. Он, как администратор, законодатель и судья, при желании и настойчивости может сделать все что захочет, единственно от чего и сам отказывается, это от суда и наказания по особо тяжким преступлениям против жизни и имущества» [55].

Для определения материального состояния тувинских нойонов мы располагаем статистическими сведениями только для второй половины XIX и начала XX в., причем сведениями, скажем прямо, малонадежными. Эти общие цифры, составленные «на глазок» путешественниками, исследователями или сообщенные аратами. Никаких точных статистических данных по этому вопросу и не могло быть. Официальная статистика в этом отношении не отличается доброкачественностью. Она часто настолько искажает подлинную картину, что не может итти в сравнение с более правдивыми сообщениями бывших пастухов тувинских феодалов.

Веселков дает нам некоторые данные о хозяйстве самого крупного тувинского скотовладельца во второй половине XIX в.— амбын-нойона Ользей-Очира. Говоря о том, что именно ему принадлежит преимущество в разведении скота, он сообщает, что Ользей-Очир имел до 4 тыс. лошадей, 1500 голов крупного рогатого скота и большое количество овец. Вторым крупным богачом после него был оюннарский чангы, как это можно судить по сведениям, сообщаемым о нем Осташкиным, который насчитал у него до тысячи голов крупного рогатого скота, до 4 тыс. лошадей, до 4 тыс. овец и 200 верблюдов [56]. Это были самые крупные собственники Тувы, каких мы знаем на протяжении всего XIX в. Амбын-нойон Комбу-даржи, сын Ользей-Очира, в самом начале XX в. имел 2 тыс. голов рогатого скота, 700 лошадей и 50 верблюдов [57].

Остальные крупные скотовладельцы Тувы — баи и

[55] ККМ, № 46, лл. 19—20.

[56] Н. Ф. Катанов, Опыт исследования..., стр. 1451. Впрочем, Потанин (Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 127) дает несколько иные сведения о количестве верблюдов и лошадей у оюннарского чангы, первых он считает у него 100 голов, а вторых — 3 тыс.

[57] В. Попов. Через Саяны и Монголию, ч. I. Омск, 1905, стр. 128.

нойоны — имели меньше скота. Тамба из монгушей имел до 800 голов лошадей, несколько сот голов рогатого скота и овец. Иймажап из Куулар — до 800 голов лошадей, до 200 голов крупного рогатого скота и более 700 овец. Хурак челан — 800 голов лошадей, около 400 голов крупного рогатого скота и 1600 овец. Еузутту — 300 голов лошадей, более 100 голов крупного рогатого скота и свыше 700 овец [58]. Чамбал-чангы — около 300 лошадей, 70—80 голов крупного рогатого скота и 500—600 овец. Акчелан, живший на Чадане,— около 900 лошадей, около 100 коров и быков, свыше 800 овец и коз. Нурзат — 300 лошадей, 100 голов крупного рогатого скота и до 100 овец. Долгар, мать Хайдыпа,— 800 лошадей, 300 коров и быков, около 1000 овец. Тужунбелек (устье Эдегея) — 700 лошадей, около 150 голов крупного рогатого скота и 900 овец и коз. Чамцзырын — 100 лошадей и коров, до 200 овец. Буян-баторху, по сведениям Монгуш Калзана, имел около 800 лошадей, более 100 коров, свыше 1000 овец и коз, 10 верблюдов, и 30 сарлыков. У брата угердаа Базыра — Шарапа было 400 голов лошадей, 60 коров и быков и 600 голов овец и коз [59] и т. д. Помимо скота, почти каждый бай располагал и другими богатствами, хлеб он получал от аратов, заставляя их сеять на себя (эти посевы носили название ноян-тарааза, т. е. пашня нойона — барская запашка). У него был штат своих охотников, которые добывали пушнину, даже свои ремесленники и т. п.

Хозяйство нойона, бая, делилось на две части: собственная, меньшая часть этого хозяйства всегда находилась при самом бае, а наибольшая часть его оставалась в хозяйстве зависимого непосредственного производителя:

[58] По другим сведениям, у него было около 1000 лошадей, 400—500 коров и быков, 2500 мелкого рогатого скота.

Все эти данные нами установлены на основе опроса различных лиц, работавших пастухами у названных скотовладельцев (члена артели «Красный пахарь» Аянгатского сумона Чертогол Отпал Ооржака, членов колхоза «30 лет Октября» Кызыльского района Кук Карак Хомушку и Аракчай Монгуштая, члена колхоза «Победа» (сумон Хонделей) Сююрн Салчак-Саяна, единоличника (р-н Хунделен) Тогдагаш Хургулек Ооржака, Самбу Чажыпа Кужугета, членов артели «Чадан» Тунчужмая Сабыла, Ховалыга и многих др.).

[59] Для сопоставления напомним, что во всей Кызыльской управе (хакасы) самым большим хозяйством было хозяйство Ульчегачева (Янгуловский улус): 450 голов крупного рогатого скота, 800 лошадей, 140 овец (А. А. Ярилов. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев, 1899, стр. 310).

часть скота на выпасе у аратов, пашня у тараачинов и т. п. Нойон редко, но строго контролировал эту часть своего хозяйства.

Это подтверждает Ермолаев: «богатые хозяйства его (скот.— *В. Д.*) сдают пастухам, а сами с небольшим количеством нужных лошадей и быков и всеми овечками уходят в горы, где теплее»[60].

Часть скота нойона обслуживалась специальным штатом чальчи и эштенчилеров.

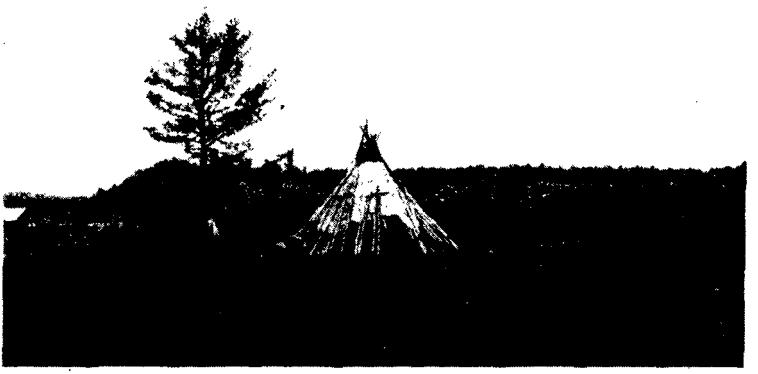
Юрта богача, как правило, всегда белая, а юрты зависимых от него людей — черные (кара-еглер), иногда это даже не юрты, а шалаши (чыдыр). С ростом богатства феодала и его политического веса количество юрт у него увеличивалось. У вдовы чангы Долгар было 11 юрт зависимых людей, обслуживающих непосредственно ее хозяйство, одни из них пасли лошадей, другие — коров и быков, третьи — овец и т. д. Долгар имела свою собственную лавку для продажи товаров. Лавка располагалась в одной из ее юрт, продавал товар ее близкий родственник. Товар она покупала у китайских купцов, а продавала его аратам по очень высоким ценам, например один кирпич чая за одного торбака. В числе лиц, которые непосредственно обслуживали ее хозяйство, в последние годы перед революцией был старик Аскак, в обязанности которого входило зимой чистить снег у юрт, и у скота, колоть дрова, варить арагу, делать обувь и исполнять другие мелкие поручения хозяйки юрты. Аскак жил у порога хозяйской юрты, а своей юрты не имел и до старости не женился. В юрте хозяйки жила также Эрекпел, внучка Долгар, она готовила пищу, прибирала в юрте. Несмотря на то, что она была близкой родственницей хозяйки, положение ее ничем не отличалось от положения Аскака. Остальные люди Долгар, обслуживавшие ее хозяйство, Саин-оол, Карабаштыг и другие жили в своих черных юртах. Собственных пашен Долгар не имела, а получала хлеб от аратов, которым выдавала семена и скот для земледелия, а также распределяла оросительные канавы и земли для пахоты. Эти араты должны были ежегодно отдавать Долгар определенное количество хлеба, например арат Чертогол Отпал Ооржак вносил Долгар в год по 2—3 барбы хлеба, примерно такое

[60] ККМ, д. № 46, л. 40.

же количество хлеба отдавали ей Арганол, Сайган, Отпал, Адыркарак, Чолдакол и другие араты. Запасы хлеба хранились у Долгар годами. Весной, в самое тяжелое для аратов время, она продавала его им по высоким ценам. Хлеб, как и скот, служил источником закабаления нойоном аратов. Таким образом, в хозяйстве Долгар часть скота обслуживалась зависимыми людьми, жившими непосредственно при бае, а другая часть его выдавалась на выпас аратам. Пашню пахали, сеяли и убирали хлеб араты, занимавшиеся земледелием, фактически также зависимые от Долгар.

По рассказам аратов, у чиновника Иймажапа было 11 кара-еглер. Пять юрт кара-еглер были обязаны доить коров, на каждую из них приходилось от 10 до 50 коров; три юрты было табунщиков лошадей и три юрты пасли овец. Хозяйство чангы Бояна, который имел свыше 100 голов лошадей и несколько тысяч голов другого скота, обслуживало восемь юрт. У Анагады-тузалакчи работало 20 семейств бедняков, причем многие из них (Чууднай, Адан, Багай-оол, Кожагар, Поолукпай и др.) были настолько бедны, что имели не юрты, а шалаши. Крупный скотовладелец Еузутту вел торговлю с китайцами, приносившую ему большие выгоды. Его хозяйством заведовал хаа (см. о нем ниже). Хаа ежегодно выделял из хозяйства Еузутту табуны лошадей по 30 голов и стада коров по 20 голов и раздавал их на выпас аратам. Хаа непосредственно распоряжался работой пастухов Еузутту. Скот на выпас в хозяйстве Еузутту сдавался аратам на год. По истечении срока хаа отбирал у них скот, оставляя иногда арату одну-две коровы или лошадь. В личном хозяйстве Еузутту работало 15 хозяйств, они пасли скот, толкли тараа и исполняли другие домашние работы.

Тувинские баи занимались скотоводством, но не пренебрегали и другими видами хозяйства. Так, не заводя за редкими исключениями своей пашни, они получали хлеб от аратов, которых заставляли работать на себя; они снабжали этих аратов семенами, рабочим скотом, разрешали им пользоваться арыками. Араты засевали для бая определенное количество земли, которая, как уже говорилось, называлась «ноян тарааза» (барская или нойонская запашка), или обязаны были сдавать положенное количество хлеба, независимо от того, сколько сеяли его сами.

Юрта тоджинца

Предметы пушного промысла доставлялись баю его собственными охотниками, а также теми малообеспеченными аратами-охотниками, которых он снабжал оружием, лошадью, провиантом, а они должны были за это отдавать феодалу львиную долю своей добычи.

Наконец, нойон располагал и своими ремесленниками.

При такой постановке хозяйство бая, не в пример хозяйству непосредственного производителя, было более разнообразным, оно было построено таким образом, что обнимало почти все отрасли тогдашней тувинской экономики и доставляло почти все необходимое для непосредственного потребления феодала и его челяди. Хозяйство бая было натуральное, потребительское, так как оно могло обходиться и обходилось без рынка.

Однако баи не чуждались торговли. Долгое время торговля оставалась даже своеобразной монополией небольшой кучки тувинских баев-чиновников, которым ее фактически предоставили маньчжурские завоеватели. Под страхом самых жестоких наказаний ни китайские купцы не смели приезжать с товарами в Туву, ни тувинцы ездить в Монголию для закупки товаров. Правда, тувинцы могли закупать товары в Улясутае, приезжая туда для сдачи албана; точно так же китайские чиновники во время

своих поездок в Туву могли продавать товары тувинцам. Этим правом тувинские нойоны и китайские чиновники пользовались довольно широко. Африканов пишет, что во второй половине XIX в. в Туве, помимо русских купцов, большую торговлю, которая, впрочем, скорее напоминала грабеж, вели китайские чиновники, приезжавшие в командировки для разрешения спорных вопросов, возникавших между русскими и тувинцами, а также для проверки пограничных знаков. «Кроме этого,— продолжает Африканов,— торговлю ведет сам Ульзаай-Вачир [61]. Он запасается товарами в Улясутае во время сдачи албана и рассылает своих чиновников производить торговлю...» [62].

Свидетельство Африканова существенно для понимания источников обогащения тувинских нойонов и чиновников.

Организация хозяйства нойона была весьма несложной. Она вполне соответствовала общему примитивно скотоводческому направлению хозяйства, не требующему для управления им особых организаторских талантов всецело опиравшемуся на труд зависимых людей.

Техника производства у нойонов была та же, что и у аратов. Хозяйство нойона приносило больше дохода потому, что было более крупным, чем хозяйство непосредственного производителя, и имело возможность эксплуатации непосредственных производителей.

Важным источником обогащения нойонов являлись натуральные поборы с населения, эксплуатация населения на барщинных работах в форме медээчи, кочага, соодала, хеделя и т. д. Прибыльным делом были сборы при судопроизводстве, носившие систематический характер. По сообщению аратов, один из чиновников перед допросом брал половину кирпича чая или одного барана, а за вызов обвиняемого на суд требовал иногда корову или даже лошадь. При воровстве скота в пользу судьи отбиралась лошадь, на которой скотокрад угонял скот. Поэтому в приговорах обязательно указывали масть этой лошади. Араты рассказывали, что чагырчи Унден с одного арата, которого он судил, получил девять кирпичей чая и одного

---

[61] Амбын-нойон.

[62] А. И. Африканов. Русская торговля в Урянхайском крае. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 5, стр. 21.

коня. Обычно же, говорят они, каждый «чыыш» (суд) давал Ундену до пяти голов крупного рогатого скота.

Минцлов упоминает ряд огромных судебных штрафов, которые налагали тувинские чиновники в свою пользу: «...за украденную овцу,— пишет он,— взыскивают двадцать овец, причем львиная доля отчисляется в пользу судьи» [63].

Помимо этого, нойон и чезен обогащались за счет различных злоупотреблений при сборе албана и ундюрюка. Приносила им доход также сдача в аренду русским и китайским купцам и колонистам сумонных и хошунных земель.

Специфическим источником обогащения тувинского нойона, так же как и цзайсана на Алтае, было скотокрадство. Цзайсаны посылали к соседним племенам монголов (дюрбетов и др.) шайки кайгалов, которые уводили скот в Туву. Потанин пишет, что «по рассказам местных жителей (монголов.— *В. Д.*) все урянхайские чиновники от кунде до вана участвуют в конокрадстве, прикрывая мелких воров и деля с ними добычу. Эта-то особенность урянхайских порядков, вероятно, и вызывала учреждение линии монгольских караулов» [64]. В другом случае он указывает прямо на тех тувинских чиновников, которые были известны, как организаторы скотокрадства. «Дюрбеты (а им больше всего доставалось от воровских операций тувинских баев.— *В. Д.*) обвиняют в пособничестве конокрадству монгольских солдат, живущих на караульной линии и князя урянхайцев, кочующих по Кемчику, так называемого Бадзыр-огурда» [65]. Это подтверждают и другие путешественники. Некоторые тувинские баи грабежом скота наживали себе богатства.

Постоянные жалобы пострадавших от угона скота вынуждали китайское правительство принимать особые меры против скотокрадов. В «Уложении Палаты Внешних сношений» устанавливались строгие меры борьбы против скотокрадства: «Ежели кто воровским образом отгонит у кого из монголов более 30 скотин, то, не разбирая ни главного вора, ни его сообщников, приговорить всех к

---

[63] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 204.

[64] Г. Н. Потанин. *Очерки северо-западной Монголии*, вып. 1, стр. 292—293.

[65] Там же, вып. III, стр. 112.

удавлению и до получения окончательного решения заключить в тюрьму; при окончательном решении, которое обыкновенно бывает осенью, остается только подтвердить сделанный им приговор и тем решить их участь. Тех же из сообщников, которые, хотя не были с прочими вместе при отгоне чужого скота, но вошли с ними в раздел полученной корысти, освободив от позорной смерти, сослать в дальние губернии, как-то Юньнанскую, Гуйчжеускую, Гуандунскую и Гуансисскую с предписанием тамошнему начальству, чтобы употребили их в тяжелую работу на почтовых станциях, которые по нужде расположены в местах, имеющих вредный для здоровья воздух» [66]. Следующая статья предусматривает наказания за мелкие хищения скота: «... если число похищенных овец будет менее четырех, то главных преступников в сем случае наказывать плетью до 100 ударов, а сообщников их, принимавших участие как в похищении, так и в разделе, по 90 ударов, прочим же, которые хотя участвовали в заговоре и разделе, но не были вместе при отгоне овец, сечь плетью по 30 ударов» [67].

Беспощадной расправой со скотокрадами китайскому правительству не удалось полностью искоренить угон скота, но удалось в значительной степени его уменьшить и прекратить массовый угон. Однако одиночные и групповые набеги на дюрбетов и других соседей тувинцев не прекращались до самой революции. Русские и китайские купцы в Туве также практиковали воровство скота. «Старик Блинов,— читаем мы в одном документе русских следственных органов,— лет 25 назад (80-е годы.— *В. Д.*) состоял главарем и руководителем шаек, какие устраивались русскими для набегов на урянхайцев, с целью отобрания у них скота» [68]. Крупный впоследствии предприниматель и купец в Туве Вавилин, подражая в этом отношении тувинским феодалам, видимо, тоже составлял шайки из тувинских кайгалов и похищал скот у тувинских феодалов. При обнаружении же факта он всегда ссылался на тувинцев, говоря: «Мы ничего не знаем, это наши па-

---

[66] Уложение Китайской Палаты Внешних сношений. Перевод с маньчжурского Степана Липовцева, т. II, СПб., 1828, стр. 98.

[67] Уложение Китайской Палаты Внешних сношений, т. II, стр. 98.

[68] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 2, д. 7, л. 2.

стухи-урянхи» [69]. Появившиеся с 1901 г. в Туве китайские торговцы подговаривали группы тувинских кайгалов угонять скот у русских купцов, а затем скупали этот скот и продавали его тем же русским купцам [70]. Все эти факты показывают, что угон скота был распространенным явлением в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, к нему прибегали не только тувинцы, но и русские и китайские скотовладельцы. Жалобами на угон скота тувинцами у русских и других скотовладельцев полны архивные дела, многие писатели называли его бичом Тувы.

Для совершения набегов с целью угона скота тувинские баи содержали специальные шайки скотокрадов, которые кормились у бая и получали часть краденого скота. Группы кайгалов, уходившие на грабеж, снабжались баем лошадьми, арканами и другими принадлежностями, необходимыми для воровского ремесла.

Не чужды были тувинским феодалам и простые вооруженные нападения с целью грабежа товаров и имущества купцов и колонистов из России. В этой связи сошлемся на утверждение Адрианова об организации тоджинским хамбо-ламой в 1876 г. грабежа 220 соболей, 2500 белок и других товаров. Во время грабежа были убиты доверенные русского купца Г. П. Сафьянова [71].

Натуральные поборы были двух родов: постоянные и производившиеся от случая к случаю, по мере потребностей и желания нойона-чиновника. К более или менее постоянным поборам можно отнести так называемый «сузен» (кушание), который собирался для прокормления нойона от сумонов. Например, нойон Даа-хошуна ежемесячно собирал на зиму с каждого из 10 сумонов по 10 баранов.

Случайные поборы носили самый разнообразный характер. Это были и единовременные сборы для поднесения подарков при уплате албана, проезде китайского чиновника и прямой грабеж нойонами и чиновниками своих подчиненных.

Литература о Туве содержит много свидетельств крайнего произвола тувинских феодалов по отношению к аратам и их имуществу. По мнению, например, Адриа-

[69] Там же, д. 292, л. 110.
[70] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 19.
[71] А. В. Адрианов. Очерки Минусинского края, стр. 214.

нова, тот факт, что «местные чиновники обирают народ, не нуждается в особом подтверждении» [72].

5. ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ДУХОВЕНСТВА

В Туве, кроме светских феодалов, были и церковные, составлявшие вместе с первыми правящую и эксплуататорскую феодально-теократическую верхушку Тувы.

До ламаизма религией тувинцев был шаманизм, суть которого заключалась в поклонении многочисленным злым и добрым духам, якобы повелевающим людьми. Хамы (тувинское название шаманов) пользовались культурной отсталостью тувинцев и обирали их. На первых порах эксплуататоры использовали шаманизм в своих классовых интересах. Однако по мере развития феодализма шаманизм с его примитивными представлениями и примитивными средствами воздействия на верующих все меньше удовлетворял господствующий класс.

Ламаизм — эта особая тибетская разновидность буддизма, был в этом смысле более пригоден. Важным догматом ламаизма является представление о том, что смысл человеческого существования заключается в безропотном перенесении невзгод и лишений в этой жизни, в надежде на воздаяние («спасение») в будущем. Это учение ламаистов о смирении и непротивлении злу отвечало стремлениям эксплуататоров держать массы в своем подчинении и повиновении. Соответствовала этой цели и созданная ламаизмом сложная система церковной иерархии, с огромным количеством лам, призванных быть наставниками каждого верующего, жаждущего «спасения», и пышная обрядность богослужения. Возникнув и оформившись в Тибете как идеология тибетских феодалов, ламаизм в XVI и XVII вв. распространился в Монголии. В XVII в. Алтын-ханы — правители Тувы приняли ламаизм, но тогда он не овладел умами народа. Утверждение ламаизма как официальной религии тувинцев совершилось после завоевания Тувы маньчжурской династией. Маньчжурские захватчики и тувинские нойоны всеми силами содействовали победе ламаизма над шаманизмом в стране. Они приглашали тибетских и монгольских лам

[72] А. В. Адрианов. Очерки Минусинского края, стр. 226.

для проповеди ламаизма, помогали строительству ламских монастырей (хурэ), отводили им лучшие земли и пастбища, прикрепляли к ним крепостных, давали ламам различные привилегии. Для укрепления ламаизма его высшие представители широко приспосабливали ламаистские обряды к шаманским, но, несмотря на это, им все же не удалось полностью вытеснить шаманизм. Шаманизм отступил, но не был уничтожен. Шаманы вместе с ламами продолжали служить маньчжурским захватчикам и тувинским нойонам.

Решающее значение в распространении ламаизма в Туве имели ламаистские монастыри. Первые монастыри, Кыргызский и Оюннарский, были построены в 1772 г., третий, самый крупный в Туве, Самогалтайский,— в 1773 г., Пайгара хурэ — в 1809 г., Чаахольский — в 1811 г., Тоджинский — в 1815 г., Шарабулгунский — в 1824 г., а все остальные во второй половине XIX в. и начале XX в. [73] Всего до революции в Туве было 22 хурэ, насчитывавших примерно 4 тыс. лам.

Тувинское ламство точно так же, как и ламство Монголии, являлось антинародной, паразитической, реакционной силой, верным оплотом феодализма; оно содействовало обману и одурачиванию широких народных масс в интересах нойонов и чиновников. Но по своему социальному происхождению ламство не было однородным, оно рекрутировалось из всех социальных слоев. Ламы из аратов по своему положению сохраняли некоторую близость к той социальной среде, из которой они вышли, и в самой ламаистской церковной иерархии они в большинстве случаев оставались на самых низших ее ступенях. В руководящие круги ламаистской церкви проникали, как правило, только выходцы из байских кругов. Это заметил еще в 1858 г. Крыжин, писавший: «Рядом с данаином, по своему значению, стоят жрецы-ламы, имеющие большое влияние на народ, поэтому главный жрец, хамбо-лама, всегда есть брат, сын или один из ближайших родственников Данаина» [74].

Во времена поездки Крыжина хамбо-ламой Тоджинского хошуна был Шубен-келин, старший брат правителя

[73] Тув. НИИЯЛИ, Доклад о 1-м буддийском съезде 20 марта 1928 г., стр. 39—61.

[74] Труды Сибирской экспедиции..., стр. 91.

хошуна, нойона Зайдыпа. Брат Хайдыпа — правителя Даа-хошуна — Чемзы был главой кемчикского духовенства [75] и т. п.

Такое срастание церковной и феодальной верхушки объясняется тем фактом, что распространителями религии и покровителями церкви в Туве являлись нойоны. Каждый из них стремился завести свою собственную кумирню со штатом своих лам [76].

Высшее ламаистское духовенство обладало значительными богатствами. Источником обогащения ламства и монастырей было собственно монастырское хозяйство — чыза. Все тувинские монастыри, устроенные по образцу монгольских, имели свое хозяйство, причем у крупных хошунных монастырей было по нескольку хозяйств. Как правило, монастыри имели в каждом сумоне свое чыза, которое возглавлял нярба — заведующий монастырским хозяйством. Самогалтайский хурэ, например, имел чыза в сумонах Иргит, Чооду, Оюннар и др. Кроме того, у него были чыза Номна, Шонера, Сандуй и другие при храмах этого названия. Количество скота в этих чыза достигало несколько тысяч голов.

Самым богатым монастырем в Туве был Эрзинский хурэ, который специализировался на торговле китайским зеленым чаем. У этого хурэ крупнейшим хозяйством являлось чыза Тыважак, в котором одних только лошадей паслось свыше тысячи голов.

У Верхне-Чадаанского хурэ было четыре чыза, из них в самом крупном содержалось более 300 лошадей, 60 коров и свыше 700 голов мелкого скота. В чыза Верхне-Чадаанского хурэ работало 60 юрт аратов. Хурэ вел большую торговлю, но покупал у китайцев чай, далембу (ткань), табак и перепродавал их аратам по весьма высоким ценам. Скупленные у аратов скот и пушнину монастыри продавали в Монголию. Десятки и сотни аратских хозяйств работали в других монастырях Тувы. Помимо этого, монастыри, как и светские феодалы, в большом количестве сдавали свой скот на выпас аратам на выгодных для себя и кабальных для аратов условиях.

Монастыри все свои постройки производили за счет сборов с населения. Можно было бы привести много фак-

[75] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 13, д. 292, л. 162.

[76] А. В. Адрианов Очерки Минусинского края, стр. 229.

тов, говорящих о том, что такие поборы носили систематический характер. Иногда на нужды хурэ собирались сотни и тысячи голов скота. Надо заметить, что сборы производились не только на нужды собственно тувинских монастырей, но и на строительство и укрепление церквей в Монголии и Тибете.

Львиная доля монастырских доходов и сборов шла в личную собственность высших представителей ламаистской церкви.

Шаманы и ламы являлись не только жрецами, но и монополизировали функции врачей. Врачевание было значительным источником обогащения тувинских отцов церкви.

То, что своим «участием» к больным ламы и шаманы доводили отдельные семьи до полного обнищания, можно иллюстрировать многими фактами. Шишкин, например, сообщает, что в районе оз. Тоджи-нор один тувинец на охоте ранил другого и за лечение раненого ламы взяли разного скота на сумму 90 руб., но не вылечили. Пригласили шамана, он получил ружье и волосяную сетку для ловли рыбы [77]. В записных книжках Ермолаева мы встречаем такую запись: «Тогат хворал от пьянства, его лечили ламы, за первое лечение взяли с него 40 овец и коз, 2—3 скотины, кобылу и коня. Второе лечение стоило до 50 рублей на товары» [78].

Огромную долю такого сравнительно немногочисленного населения, как тувинское, составляли буддийские клирики. Масса лам и шаманов была настоящим бедствием для тувинцев.

Почти все исследователи отмечают огромные поборы лам и шаманов с населения.

«Большинство (лам.— *В. Д.*),— пишет Островских,— живет на счет приношений своей паствы, с которой они берут за разные требы, и ежегодно еще объезжают самые отдаленные уголки и получают подарки шкурками соболей, лисиц и белок» [79]. Вслед за ним Горощенко признает,

[77] Б. К. Шишкин. Очерк..., стр. 106.

[78] ККМ, № 694, стр. 96; см. также ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 1, д. 3, л. 357. В 1907 г. лама Дорхатского хурэ за молебен на горе Улучтар в 55 км от устья Хамсары получил с аратов 200 соболей на сумму 5 тыс. руб.

[79] П. Е. Островских. Оленные тувинцы. «Северная Азия». 1927, № 5—6, стр. 88.

что ламы нередко доводят «до нищеты целую семью, в которой заболел или умер один из членов» [80].

Эти и многие другие факты подтверждают общее замечание Минцлова об обирательстве населения ламством; Минцлов писал: «Бич божий для края — это ламы. Как только они узнают, что имеется в юрте умирающий,— сейчас же они являются целыми стаями для совершения молитв и в продолжение многих дней буквально обжирают и обдирают хозяев: такие молитвы и похороны зачастую даже богатых людей превращают в нищих» [81].

6. ПАРАЗИТИЗМ ФЕОДАЛЬНО-ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ ПРОСЛОЙКИ

Ламы и шаманы, наживавшие свои богатства на народном несчастье, на его темноте и невежестве, были паразитическим элементом, тесно связанным с феодальными кругами. Эта феодальная прослойка по своему богатству и положению, как это отмечали Пестерев, Потанина и другие свидетели и документы, резко выделялась из среды тувинского населения. Привилегированность господствующего класса, его паразитизм проявлялись и в его бытовом и моральном облике. Юрта нойона, феодала резко отличалась от юрты простолюдина. Добротная и обширная, она бросалась в глаза в аале прежде всего своим цветом, так как ее делали из белого войлока. Юрта феодала была наполнена различным добром, хорошо утеплена, пол ее был покрыт большим количеством войлоков. В ней стоял богато отделанный жертвенник — «бурхан-шире», находилось огромное количество (8—10) ящиков — «абтыри», бесчисленное множество всевозможного рода шкатулок — «хардажк», кувшинов с резьбой из серебра и других вещей, привозных или сделанных из дорогого материала лучшими мастерами Тувы. Юрта богача была заполнена иногда совершенно ненужными вещами.

Одежда и наряды бай-кижи, тужумет-кижи и членов их семьи отличалась от одежды и нарядов рядовых аратов

---

[80] К. И. Горощенко. Сойоты. «Русский Антропологический журнал», 1901, № 2, стр. 65—66.

[81] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 208—209.

бо́льшим разнообразием, качеством и богатством отделки. Тувинская знать, как пишет о том Кон, носила платье из довольно высокого качества материи, купленной в Китае. «Тон» — шуба феодала, мало или почти ничем особенным не отличаясь по покрою от «тона» бедняка, была, однако, сделана из доброкачественного материала, она не занашивалась до полного истления, как у бедняка, и надевалась поверх рубашки, а не на голое тело, как у арата. Эта рубашка, сделанная из бязи наподобие распашонки и называвшаяся «коилек», заменяла до некоторой степени белье. Штаны — «чугур» бай-кижи были сделаны не из овчины, а тоже из бязи. В то время как беднота делала свои «идик» — сапоги — из козлятины, богачи делали их из бычьей кожи. Многочисленные разнообразные по цвету материи халаты китайского производства дополняли этот перечень одежды тувинского феодала. Кроме того, бай-кижи и тужумет-кижи, т. е. чиновники, поверх тувинской шубы носили безрукавки — «кантызын», шелковые для лета и меховые для зимы.

Пища бая также резко отличалась по своему количеству и качеству от пищи бедняка. Мясо в меню богача занимало первое место. Ему подавали любимые им блюда: печенку, грудинку, язык и др.; он вдоволь ел хлеб — толченую тараа (просо) [82], «эреме» — излюбленное кушанье тувинцев (последнее употреблялось баями особо: в середине двух кусочков «эреме» вкладывалось вареное в молоке просо).

Характерной особенностью быта богача и его семьи являлось почти полное безделье и постоянный пьяный разгул.

В отличие от рядовых аратов, нойоны и чиновники знали монгольскую письменность. Они старались во всем подражать монгольским князьям и тайджи. Они посылали своих детей в Монголию для обучения монгольскому языку и письменности [83]. Монгольский язык был своего рода салонным языком тувинской знати.

---

[82] Для чангы Орбазына (Монгуш-сумон), как рассказывают араты, ежедневно закалывали три-пять овец и ел он только печенку.

[83] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 35; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 131; А. В. Адрианов. Очерки Минусинского края, стр. 193; М. И. Райков. Указ. соч., стр. 458 и др.

Тувинские баи широко популяризировали в Туве эпос феодального содержания о Чингисхане, заимствованный ими из Монголии, и всячески идеализировали Чингисхана — кумира монгольских феодалов. Культ Чингисхана должен был служить целям эксплуатации тувинцев тувинскими нойонами, монгольскими феодалами, ламаистским духовенством; он был одним из важных элементов идеологии тувинских феодально-теократических слоев.

Для полноты характеристики тувинских баев заметим, что они заставляли своих слуг не только работать на них, обслуживать их прихоти, но увеселять и забавлять их, в песнях и играх прославлять их доброту и заботливость о простых людях [84]. Специальные певцы составляли песни, пословицы, поговорки, прославляющие тувинских нойонов.

Выход нойона, чангы, кунду и других тувинских чиновников на люди сопровождался особыми церемониями. Сами унижаясь и раболепствуя перед китайскими чиновниками и монгольскими князьями, они требовали того же по отношению к себе от тувинских аратов. Перед чиновниками тувинцы должны были снимать шапки и падать на колени. За обедом бай-чиновник забавлялся, бросая куски мяса или сыра бедным людям, стоящим у дверей и ждущим милостыни. Стремление к внешнему почету и желание выделиться из среды простого народа приводило к тому, что баи-чиновники окружали себя огромной свитой. У некоторых нойонов она достигала иногда нескольких десятков человек, а в сентябре 1910 г. тувинский амбынойон Комбу-доржи явился в с. Усинское на свидание с русским пограничным начальником со свитой в 132 человека [85]. Свита феодала-чиновника состояла из чиновников, а также особых телохранителей — хаа. «Ха — нечто вроде придворного чиновника,— пишет Кон,— исполняющего частные поручения «амбынь-нойона» и «огурды» (исковерканное название «ухерида» — начальника «хошуна» племени). «Ха» получает свое звание, если чем либо заслужит расположение своих повелителей. Это в большинстве

---

[84] ГАИО, ф. 25, св. 13, д. 292, л. 2 и др.

[85] ГАИО, ф. 25, св. 13, д. 292, л. 300. Хайдып, по сообщению Чакирова, 5 сентября 1903 г. выехал навстречу ему со свитой в 100 человек (там же, л. 2).

случаев любимые борцы, ретивые пастухи и т. п. Особое положение среди «ха» занимает «аяк-ха», носитель чашки своего начальника и удостоенный чести подавать ему се. Эту чашку он носит в особом кошеле на перевязи, перекинутой через плечо» [86]. Чин хаа, или ха, заимствован монголами и тувинцами из Маньчжурии через посредство Китая, и появление его связано с созданием военного типа администрации. Хаа — это адъютант старшего офицера, генерала, его телохранитель [87].

Характерно, что и жены тувинских нойонов имели своих своеобразных хаа, которые в народе чаще назывались шивишкин — шпионы, доносчицы. У некоторых нойонских кадын (жен) было по пять-шесть таких особо доверенных слуг, на обязанности которых лежало ухаживать за нойоншами, причесывать их, умывать, приносить им еду, которую готовили специальные поварихи-батрачки или рабыни. Помимо того, на их обязанности лежало доносить барыне все подслушанные ими разговоры ее слуг, соседей, знатных лиц о красоте и поведении барыни, что, видимо, и послужило основанием для их весьма нелестного прозвища. По всей вероятности, исполняли они и другие деликатные поручения своей нойонши. Эти женщины для услужения нойонши, а также ее дочерям назначались не из простого народа, а из дочерей и жен богатых людей.

Все путешественники и исследователи Тувы давали самую отрицательную оценку нравственному облику тувинских феодалов. «Они,— пишет о тувинских правителях Адрианов,— систематически обирают и грабят народ, отнимают у него прямо все, что понравится,— хорошего коня, быка или какие-нибудь вещи; эти власти, преданные непробудному пьянству, люди, нравственно падшие, неспособные к какому либо труду, уже не говоря об управлении; нравственно они всегда стоят ниже народа, которым управ-

---

[86] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию.., стр. 125.

[87] Обстоятельное описание о происхождении и содержании всего маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состоявшего. 1774, т. 3, стр. 146, 249 и др. А Позднеев пишет о хаа: «второй разряд средних людей составляет «хя» телохранители, или адъютанты, состоящие при монгольских владетельных хошунных сеймовых старшинах, амбанах и пр.» (Тув. НИИЯЛИ, рукоп. «Очерк политической организации и современный порядок управления этой страной», стр. 42).

ляют, в пьянстве, разврате и обирании им принадлежит первенство» [88].

О том же пишет и Родевич: «Урянхайские чиновники по общему отзыву оказываются людьми невысокого достоинства: они невежественны, корыстолюбивы и зачастую преданы пьянству; о своих подданных заботятся мало» [89].

Другие писатели также отмечают моральную развращенность тувинских баев, их распущенность, продажность, пьянство, хитрость и вероломство. Они противопоставляют этот класс простому народу — трудолюбивому, искреннему и гостеприимному.

Тувинский феодальный класс был обязан своим привилегированным положением в значительной степени цинскому правительству, которое, награждая чинами и подкармливая тувинских феодалов, сделало их послушным орудием угнетения тувинского народа. Продажные тувинские феодалы в своей политической линии то ориентировались на монгольских правителей, то заигрывали с русскими купцами, сохраняя верность цинским феодалам. Они совершенно не беспокоились за судьбы своего отечества, продавали интересы народа, интересы страны, торговали естественными богатствами Тувы, подавляя всякое сопротивление тувинского народа иностранным захватчикам.

7. КРЕПОСТНОЕ АРАТСТВО

Положение основной массы тувинского аратства определялось рядом характерных для него черт. Прежде всего, самостоятельный непосредственный производитель Тувы был феодально зависимым человеком, так как он был прикреплен к сумону, т. е. фактически к общине, к пастбищу. Тувинские власти решительно пресекали переход тувинца из одного сумона в другой. Эта традиция идет со времен Чингисхана, когда «за самовольный переход от одного нойона к другому наказывались смертной казнью» [90]. Прикрепление тувинского непосредственного производителя к сумону было произведено по распоряжению цинских

[89] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 21; ср. Михеев. Отчет о поездке..., стр. 17.
[88] А. В. Анрианов. Очерки Минусинского края, стр. 203.
[90] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 117.

властей [91], которые преследовали цели чисто фискального характера: им нужно было держать все тувинское население как плательщиков албана в строгом повиновении и на строгом учете. Прикрепив тувинского арата к сумону, цинское правительство тем самым закрепило аратов, как работников, за феодалами сумона. Прикрепление к сумону, а не к самому феодалу, не лишает эту меру феодального характера. «Феодализм,— писал В. И. Ленин о китайском крестьянстве, и его слова с полным правом могут быть распространены и на тувинских аратов с учетом хозяйственной (скотоводческой) специфики,— основывался на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было *прикрепление* его к земле в той или иной форме» [92]. Следовательно, источником феодальной эксплуатации арата была монополизация земельной собственности в руках феодалов. Общеизвестно, что формы феодальной зависимости могут быть на различных этапах развития феодализма разными как по своему характеру, так и по степени принуждения. Эти формы имеют широкий диапазон, начиная от оброчной зависимости и кончая полным закрепощением, при этом крепостничество является наиболее жесткой формой феодальной зависимости.

Маркс говорил, что крестьянская несвобода «от крепостничества с барщинным трудом может смягчиться до простого оброчного обязательства» [93].

Для анализа положения феодально-зависимого класса в Туве, как и в целом для представления о формах феодальной зависимости, следует иметь в виду известное положение Ф. Энгельса, высказанное им в «Марке»: «Крепостное право раннего средневековья, заключавшее в себе еще много черт древнего рабства, предоставляло господину права, которые все больше и больше теряли свою ценность; постепенно оно стало ослабевать, и положение крепостных приблизилось к простой зависимости» [94].

[91] В «Уложении Китайской Палаты Внешних сношений» говорится, что «никому не позволять отлучаться от своих кочевьев без позволения высших, хотя бы кто вздумал посетить своих родственников».

[92] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 146.

[93] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803.

[94] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 124.

Однако впоследствии, когда расширились торговые связи, эти формы зависимости вновь изменились, превратившись в самые тяжкие оковы полного закрепощения крестьянина. И в Туве в разные периоды формы и степень феодальной зависимости отдельных групп аратов были разнообразными. Выяснить полную картину социального положения этого самого многочисленного класса Тувы дело в высшей степени сложное.

Тувинское крепостное население к концу XIX и началу XX в. делилось на две основных группы:

1. Группа относительно свободных аратов, владевших собственным небольшим хозяйством.

2. Группа постоянно зависимых аратов, состоявшая из эджимов, хулечиков чальча, огулов, работавших в хозяйстве нойона и, как правило, не имевших своего хозяйства.

Значительная масса непосредственных производителей оставалась систематически не занятой в хозяйстве феодала и сохраняла как бы относительную самостоятельность, занимаясь собственным хозяйством, уплачивая албан, исполняя различные повинности как в пользу своих феодалов, так и администрации. По своему положению она вполне тождественна монгольскому сословию албату.

Самостоятельность этого большинства тувинских непосредственных производителей нужно понимать в весьма условном смысле, так как известно, что ни одна антагонистическая формация не знает настоящей самостоятельности непосредственного производителя.

По своему имущественному положению в начале XX в. албату резко различались. Наши источники указывают на такие сумоны, которые отличались сравнительной обеспеченностью своего населения; например, арбан № 3 сумона Хомушку считался зажиточным. Здесь, по рассказам аратов, из 27 хозяйств совершенно бедных было только пять-шесть, т. е. около 15%. Самым бедным, говорят они, был арат, который владел одной лошадью, двумя коровами и десятком овец. Самым богатым жителем арбана был Адья-хаа. В этом же арбане жил известный ремесленник Саржайоол, имевший три лошади, четыре-пять коров и овец (количество которых наши информаторы не помнят). Он изготовлял и продавал в год одно-два седла и несколько десятков замков. Если он делал седло с украшением, то получал за него от заказчика торбака, а за простое

седло (без украшений) — только половину торбака, за медный замок («шочаа») брал целый чай, за железный половину чая. Араты рассказывают, что с этого арбана в сравнении с другими брали мало албана.

Даже если наши информаторы и не преувеличили степень зажиточности арбана № 3 сумона Хомушку, все же подобные арбаны были редким исключением в Туве. Преобладали такие, где беднота составляла подавляющую часть населения.

Арбан № 2 сумона Хомушку служит тому наглядным примером. В этом арбане из 21 юрты только шесть-семь с большой натяжкой могут быть отнесены к зажиточным; среди них чангы Тушунпелек (на него работало четыре юрты), Ак-чалан (с пятью юртами работников) и др.

Семь-восемь семейств в арбане совсем не имели своего скота и юрт и жили в шалашах. Многие из них ходили по юртам и просили молока и отвара хойтпака, копали коренья. Баи называли этих бедняков презрительно каратенгри-каган, они лето и зиму жили в одном месте, не перекочевывая, как это делали имевшие скот. Их шалаши постоянно стояли в устье р. Эдигея.

Среди этих шалашей наиболее известным был шалаш борца Баиржапа, который «кроме силы, не имел ничего, даже собаки», по выражению наших рассказчиков. Так как он жил все время на одном месте — неподалеку от ям, где хранился хлеб,— ему поручали караулить зимой эти хлебные ямы, за что платили хлебом. На работы чиновники его не посылали, потому что страшились его силы.

В этом же сумоне жил очень жестокий чиновник цзагырыкчи Циген, владевший 10 лошадьми, 30 головами мелкого рогатого скота и шестью коровами.

Основную массу аратов этого арбана составляли малоимущие люди: Омчила, у которого были лошадь, две коровы и девять овец: Чертогол, имевший две лошади, две коровы, и др., Чертогол, помимо скотоводства, занимался и охотой, он из года в год ездил белковать, к чему его принуждала необходимость платить албан. На охоту обычно ездили группой в три-пять человек — одноарбанцев, иногда все жили и питались вместе и делили добычу поровну, а иногда все это делали врозь, что зависело от предварительной договоренности. Занявшись впоследствии земледелием, Чертогол забросил охоту.

С большим трудом поддерживал средний арат свое хозяйство на одном уровне. Каждый год мог принести ему несчастье: или джут, или произвол чиновников, или наезд китайских чиновников — все грозило одним ударом превратить его в нищего. Ак-бай был простой арат, он имел свою юрту, до 100 голов овец и коз, 10 коров, две лошади, управлялся со своим хозяйством с помощью сына и трех дочерей. Он постоянно помогал своим родственникам, в частности зятю Мунзуку, который также имел свою юрту и свой скот, а они в свою очередь помогали ему. По соседству с ними жил кузнец Мунго, имевший 15 лошадей, 40—50 голов мелкого скота, пять коров, и арат Коняжек, у которого было три лошади, пять коров и несколько десятков мелкого скота. В 1913 г. во время джута весь их скот погиб, и они стали бедняками. Но стихийные бедствия не были важнейшей причиной разорения аратов. Историческая литература полна фактов разорения самостоятельного производителя Тувы в силу феодальной и кулацкой эксплуатации, в силу произвола и насилия тувинской администрации. Обездоленный арат вынужден был идти в кабалу к баю: тувинскому или иноземному. Сюрюн Хомушку из арбана Шат, где из 60 хозяйств больше половины были бедняцкими, сам имел хозяйство — лошадь, корову и овец, сеял около 0,5 га хлеба, но прокормиться этим не мог и вынужден был брать у феодала Еузутту быка для пахоты, корову, которая доилась у него 4 месяца, и барбу семенного зерна для посева, и за все это он должен был сдавать феодалу хлеб с 1,5 га пашни. Чажыш Кужугет (местность Чиргакк) имел лошадь, две-три коровы, одного пороза (быка), сеял 2 шана земли на себя, а 3 шана его заставили сеять на чигарчы Педена. Эти факты показывают, что даже сравнительно обеспеченный арат вынужден был, где в силу экономической потребности, где по распоряжению нойона, работать на богатого феодала.

Многие земледельцы-араты не могли прокормиться своим хлебом и чтобы не умереть с голоду, должны были прирабатывать у богатых. «Обычная картина,— читаем мы в отчете заведующего устройством русского населения в Урянхае Шкунова за 1915 г.,— что сойот за бесценок продает урожай, просо, весной же не имеет горсти проса и идет к русскому. Правда, приходится поражаться вынос-

ливостью и нетребовательностью сойот; то, что у русского считалось голодом, для бедного сойота часто обычное питание» [95].

Питание тувинца бедняка действительно поражало своей исключительной скудостью. Все путешественники, посетившие Туву, единодушно подтверждают правильность цитированного нами мнения Шкунова.

Таким образом, значительная часть относительно самостоятельных аратов были бедняки, лишенные всяких средств производства, и прежде всего, скота. «Малы чок кижы пайгуш бола-тур» («человек, у которого нет скота, есть бедняк»),— говорили тувинцы в 1889 г. Н. Ф. Катанову [96]. Бойхуш перебивались большей частью растительной пищей.

Бойхуш, или ядуу, как чаще стали называть бедноту в Туве, в начале XX в., как правило, мало и редко кочевали. Именно о них пишет Ермолаев: «Во время нашего проезда на устье Чиргакка стояли 11 юрт, все это беднота бесскотная или малоскотная, осень и весну бьются тут же, на зиму тут останутся или уйдут в горы — сами сказать не могут» [97]. В другом месте он указывает, что «на некоторых островах Енисея тоже картина больших пастбищ, а в случае же когда они заросли лесом, там приютились зимники бедноты» [98].

В замечательной автобиографической повести С. Тока «Слово арата», первом прозаическом произведении молодой тувинской литературы, ярко показана жизнь бедноты Тувы перед революцией. Читая это произведение, нельзя не удивляться той исключительной выносливости, какой обладал тувинский бедняк, и той крайней нищете, которая сопутствовала ему в продолжение всей его жизни. «Бедно-

---

[95] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 37.

[96] Н. Ф. Катанов. Наречие урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб., 1907, текст № 3. В конце XIX — начале XX в,. как можно судить по записям Н. Ф. Катанова и Е. К. Яковлева, в Туве для определения бедняка существовало слово «бойхуш», которое под «бойкуш» — бедняк — ein armer Teufel, мы находим в «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (т. 4, СПб., 1911, стр. 1423). Позже это слово было вытеснено монгольской «ядуу» (Краткий русско-монгольский словарь А. А. Ринчинэ, под ред. проф. Г. Д. Санжеева, М., 1949, стр. 334).

[97] ККМ, № 46, л. 33.

[98] Там же, л. 31.

та,— пишет С. К. Тока,— вымирала целыми арбанами и сумонами» [99].

Из среды тувинских бойхушей, или ядуу, выделилась та прослойка людей, которая получила название «сулы». «Сула» означает обычно свободный человек, холостой, то же, что и бот-кижи, который не мог обзавестись семьей по бедности. Сула, как правило, становился теленджи, т. е. занимался попрошайничеством, а иногда и воровством.

Несмотря на колониальный и феодальный гнет, из среды тувинского аратства выделялась и небольшая прослойка кулачества, которая, нещадно эксплуатируя своих сородичей, выслуживаясь перед чиновниками и феодалами, постепенно сама превращалась в чиновников, добиваясь чинов путем подкупа китайской администрации. Очень важным источником обогащения тувинского кулачества являлись торговые операции и скотокрадство. Тувинский кулак спешил поскорее приобрести какой-либо чин в маньчжурской администрации, потому что ему без этого грозило разорение от чиновников. А имея средства, получить чин было делом сравнительно легким и не убыточным, так как с получением чина можно было восстанавливать затраты путем поборов с подчиненных аратов.

Таким образом, относительно свободные непосредственные производители не составляли массы однородных по экономическому положению людей; среди непосредственных производителей мы находим бедняков, середняков и зажиточных аратов. Однако в условиях господства феодальных отношений все араты должны были исполнять определенные повинности в пользу китайского феодального государства и тувинских и монгольских феодалов.

«Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства,— указывает Маркс,— рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником афинский καλός κάγαθός [аристократ], этрусский теократ, civis romanus [римский гражданин], норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист» [100].

[99] Салчак Тока. Слово арата, стр. 29.
[100] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 240.

В какой форме происходило присвоение китайскими, монгольскими и тувинскими феодалами добавочного труда тувинского непосредственного производителя?

Одной из таких форм являлся албан в пользу китайских феодалов, соответствующий русскому ясаку. Албан собирался китайскими властями только пушниной, никакие другие продукты народного хозяйства или деньги не принимались в уплату албана. Это чрезвычайно важное обстоятельство самым непосредственным образом влияло на хозяйство тувинского арата. Сбор албана с народов Алтае-Саянского нагорья пушниной китайским правительством наносил серьезный вред производительным силам этой области.

Сумма албана, как уже было сказано, являлась раз навсегда установленной. Пестерев в 1774 г. выяснил, что «кочующие около границы сойоты ясак платят соболями, у которых обрезывают хвосты; рысями, волками, лисицами и белками, сараною и марьиным и других траз кореньями, которые они употребляют в пищу. В государственный ясак отдают по три соболя, а ежели соболей нет, так одна рысь; ежели рыси нет, то шесть волков; а ежели волков нет, то 12 лисиц; белки за ясак по 100: да сверх государеву ясаку отдают Улатайскому начальнику по одному соболю, а ежели соболя нет, то вышеписанных зверей по два за соболя» [101]. «...Ясак платят точно такой же, как и тоджинского рода и прочие сойоты, и отвозят в Улатай: к ним же из Улатая [102] каждый год присылается чиновный человек, который имеет над ними полную команду и присматривает, чтобы не сделали куда побега, как они напредь сего в довольном количестве выбегали в нашу сторону» [103].

Пестерев в своем сообщении допускает неточности, в частности он не совсем правильно передает соотношение между различными видами платимого в албан пушного

[101] НЕС, 1793, ч. LXXX, 54.

[102] Улатай — Улясутай. В своей работе Пестерев указывает местонахождение этого монгольского города в Туве, хотя на своей карте пограничной линии он его не помечает. Ошибка Пестерева затем попала на заграничные карты (Neue Karte des chinesischen Reiches, Cassel, 1851). (ЦГВИА, ВУА, № 89685).

[103] НЕС, 1793, ч. I, XXX, стр. 72.

зверя, что мы ниже уточним. Однако в основном он совершенно верно передает, что каждое тувинское хозяйство должно было платить по три соболя. Цинское правительство, по образному выражению Р. М. Кабо, превратило Туву в свой охотничий заповедник, откуда оно получало для себя меха. Для полной монополизации тувинской пушнины цинское правительство категорически запрещало китайским купцам приезжать в Туву для торговли с тувинцами.

Общая сумма албана была определена в 3 тыс. урэгэ [104], т. е. в 3 тыс. платежных единиц из расчета три соболя с единицы или с заменой их другими ценными мехами. Цинское правительство принимало, помимо соболя, меха других зверей, которые обычно и назывались тувинцами албанными зверями. Особенно высоко котировались на тувинском пушном рынке барс, рысь и выдра (их шкуры считались эквивалентными трем соболям), волк, лисица и россомаха (по полсоболя); 40 шкурок белки шли за среднего качества соболя.

Албан между отдельными районами Тувы был распределен неравномерно. Еще Пестерев указал на то, что тоджинцы платили по три соболя, т. е. по одному урэгэ с каждой юрты, что подтверждает и Яковлев [105]. Остальные сумоны и хошуны платили по количеству платежных единиц, на них возложенных. У нас нет точных данных распределения урэгэ между тувинцами в XIX в., но сохранились данные за 1911 г., которые мы склонны считать за постоянные и для прошлого века. Из этих данных видно, насколько неравномерным было распределение урэгэ между различными хошунами и сумонами. Так, по сумону Оюн число юрт, обязанных вносить албан, исчисляется в 51: это к общему количеству юрт в сумоне (669) составляет всего 7,6%. Примерно такой же процент платящих юрт в сумоне Монгуш (53 урэгэ на 694 юрты).

---

[104] Кабо, ссылаясь на Адрианова, предполагает, что в 80-х годах размер албана исчислялся в 1000 урэгэ; как нам кажется, это предположение ошибочно, так как Сафьянов и Осташкин, бывшие в Туве одновременно с Адриановым и имевшие возможность лучше него узнать об этом, определяют его в 3000 урэгэ (Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1453, что подтверждает и Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 67).

[105] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 68.

Характерно, что такие сумоны, где процент платящих албан в сравнении с общим количеством юрт является низким, относятся к наиболее многолюдным сумонам в хошуне, например Оюн в Оюннарском хошуне, Монгуш в Даа-хошуне и т. п. Малолюдные сумоны этих хошунов платили больший албан, так как процент платежных единиц к количеству юрт был в них значительно выше, чем в вышеназванных сумонах. Например, в Сойон-сумоне Оюннарского хошуна он составлял 11,5, Чооду-сумоне — 13,4 и Иргит-сумоне —15%. Столь же неравномерным было распределение албана между арбанами: на наименее состоятельные сумоны, арбаны и хошуны падала наибольшая тяжесть албана. Повидимому, эти сумоны ранее принадлежали к числу многолюдных, но обеднели и обезлюдели в результате цинского налогового гнета и других причин.

По тем же данным [106], количество плательщиков в Тоджинском и Оюннарском хошунах было почти одинаково (140 и 147), в то время как населения в первом хошуне было в 2 раза меньше, чем во втором, не говоря уже о том, что производственные возможности второго хошуна были значительно выше первого [107].

Особенно тяжелым албан был в монгольских хошунах. Так, маленький сумон Шалук, количество юрт которого не превышало 100, должен был вносить ежегодно за 70 платежных единиц. Здесь албан вместе с поборами составлял настолько большую сумму, что эти сумоны и хошуны были самыми бедными в Туве. «Сойоты говорят,— пишет Ермолаев,— что люди Гунь нойона (тувинский хошун Даа.— *В. Д.*) вообще богаче других хошунов, в данном случае это довольно ярко иллюстрируется: где юрты этого хошуна — там скот и довольство; где люди Бугдадарги Чимбы (монгольского князя.— *В. Д.*) тут и картины иные — рваная черная юрта, плохонький двор, десяток-два яманов, корова и конь; вот и все, если нет чужого скота на выпасе» [108].

---

[106] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 3, д. 17, лл. 27—28.

[107] Этим и объясняется исключительная бедность тоджинцев (Г. Сафьянов. Эпизод из странствий по Монголии. «Восточное обозрение», 1883, № 7, стр. 9; В. М. Родевич. Урянхайский край..., стр. 132).

[108] ККМ, № 46, л. 212.

В отличие от тех хошунов, которые вносили албан в казначейство Китая, хошуны, считавшиеся подданными монгольских князей, платили албан пушниной и скотом. Албан здесь, особенно для малонаселенных сумонов и хошунов, был настолько большой, что он поглощал основную часть их состояния. Например, процент платежных паев по отношению к количеству юрт достигал невероятно высокого числа: по Сатул-сумону — 66,6, а по Шалук — 70%. Тувинцы Сатул-сумона в 1911 г. заплатили от 9 руб. 66 коп. до 14 руб. 66 коп. с юрты. Мы не имеем точных сведений о платеже албана сумонами Маады и Чооду, но можно полагать, что он был не меньше, чем у тувинцев Сатул-сумона.

Тувинцы хошуна Бээзи заплатили в 1911 г. своим монгольским князьям 306 рысей, 11 500 белок и 100 быков, Сатул-сумона — 500 белок и несколько быков, а Шалук-сумона — 50 лисиц и 17 быков [109].

В Оюннарском хошуне, по неполным данным 1911 г., размер албана, по нашим исчислениям, в деньгах составлял от 5 руб. 67 коп. до 13 руб. 20 коп. золотом на одну юрту. В Даа-хошуне он исчислялся на юрту в денежном выражении (по средним ценам на пушнину того же периода времени) от 3 руб. 40 коп. до 8 руб. 44 коп.[110]

Все эти данные не отличаются полнотой и не могут дать правильного представления об истинных расходах тувинца по платежу албана. В действительности они были выше, так как тувинец очень часто приобретал пушнину, необходимую для уплаты албана, не по рыночным ценам, а на кабальных условиях ростовщичества от русского или китайского купца [111]. Вообще взимание цинским прави-

---

[109] Они могли заменить пушнину не только скотом, но и серебром, товарами и т. п. (ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 3, д. 17, л. 28).

[110] В Хакассии все денежные сборы определялись суммой от 5 до 7 руб.

[111] В 1896 г. тувинцы купили у русских купцов 726 рысей, 240 соболей, 20 бобров, 179 выдр, 16 947 белок (П. Е. Островских. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, вып. 3, стр. 333). Для более раннего периода большой спрос на пушнину у русских купцов отмечает Африканов. За рысь, которая на сибирском рынке стоила 6—8 руб., тувинцы давали шесть-семь овец и более, за 10 белок — овцу, за соболя — две-три овцы, за лисицу — три овцы (А. И. Африканов. Указ. соч., стр. 18).

тельством албана только пушниной, как уже говорилось, было весьма тяжелым для тувинских аратов. До второй половины XIX в. это обстоятельство меньше сказывалось на хозяйстве тувинца, но во второй половине столетия в Туву проник российский торговый капитал, а в начале XX в.— китайский торговый капитал; это привело к быстрому росту цен на пушнину. За короткий срок они увеличились в несколько раз. Например, в 70-х годах соболь в Туве стоил 6 руб., а белка — 10 коп.[112], а в 1913—1914 гг. цена на соболя поднялась до 50—53 руб., а на белку — до 40—42 коп. [113], т. е. цены на соболя увеличились в 8 раз, а на белку — в 4 раза.

Такое резкое повышение цен на пушнину (особенно резко цены повысились с 1906—1907 гг.) связано с ростом вывоза пушнины из Тувы и с уменьшением пушного зверя из-за его хищнического истребления [114]. Понятно, что увеличение цены на пушнину означало фактически увеличение албана во столько же раз. Реальное увеличение албана было даже выше роста цен на пушнину ввиду того, что в основной массе тувинцы были не охотниками, а скотоводами. Многие из них, чтобы уплатить албан, должны были продать скот и купить пушнину. Между тем цены на скот поднимались медленнее, чем на пушнину (в указанное время, всего лишь в 2—3 раза). Такое несоответствие в повышении цен ускоряло разорение тувинского арата.

---

[112] «Наш век», 1877, № 9.

[113] «Минусинский листок», 1914, № 5; «Сибирский торгово-промышленный ежегодник», 1914—1915, отд. № 3, стр. 262. Это цены на низкого качества пушнину, на лучшие меха соболя цена доходила до 200 руб., на белку — 53 коп.

[114] Об этой убыли пушного зверя по всей Сибири написана большая литература. О сокращении пушного промысла в Туве мы можем судить по данным, приводимым Родевичем, который считает, что в XIX в. тувинцы добывали в год до 5 тыс. соболей, а в начале XX в. они с трудом добывали их до 1000 (В. М. Родевич. Урянхайский край..., стр. 138). В 1908 г. в Туве добывали 2 тыс. соболей, а в 1909 г. всего около 400 (Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 2, стр. 574; об уменьшении добычи пушнины у тофаларов, см. М. А. Сергеев. Тофалары сегодня. «Советская этнография», 1940, № IV, стр. 58. И еще пример: в 1907—1910 гг. годовалый бычок стоил в Туве 7 руб. 50 коп. (В. М. Родевич. Урянхайский край..., стр. 156). Значит, для того, чтобы приобрести светлого соболя, т. е. соболя худшего качества, надо было продать почти семь годовалых бычков.

Следовательно, хотя албан на протяжении полутораста лет в своей натуральной форме сохранялся почти неизменным, но по ценности во второй половине XIX и особенно в начале XX в. он быстро рос в связи с развитием торговли Тувы с Россией и Китаем. Фактический албан, если перевести стоимость пушнины на деньги, со второй половины прошлого столетия к началу нынешнего столетия вырос с 54 до 450 тыс. руб. [115] Если принять во внимание, что общее количество юрт в Туве не превышало 15 тыс., то на юрту он, таким образом, вырос с 3 руб. 60 коп. до 30 руб. Такого неимоверно быстрого роста обложения не знала ни одна национальная окраина России.

Однако в действительности сумма албана, падавшая на непосредственного производителя, была еще значительнее, потому что известное количество тувинцев не платило албана ввиду крайней несостоятельности.

Все писавшие об албанном обложении Тувы указывали на то, что бедные освобождались от уплаты албана, а остальные платили в зависимости от зажиточности [116]. Грумм-Гржимайло склонен видеть в этом систему подоходного налога [117]. Так ли это? Можно ли на самом деле говорить о подоходной системе налогового обложения

---

[115] Расчет производился путем определения по средним рыночным ценам стоимости 9 тыс. соболей.

[116] А. В. Адрианов. Очерки Минусинского края, стр. 201; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1452—1453; И. Сельский. Озеро Косогол и его нагорная долина. Вестник ИРГО, 1858, ч. 24, 58; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 67, D. Karruters. Unknown Mongolia, p. 207. Н. Ф. Катанов 23 марта 1889 г. записал на р. Серлиг от тувинцев: (Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен..., ч. IX, текст 4): «Бедняк не платит податей, богач платит 120 белок, если есть соболь, то дает 3; если есть бобр, то дает одного». «Раскладка податей производится не с души,— пишет Н. Путилов,— а с имущества, чем больше имеет сойот скота, тем больше платит. Бедные иногда платят пять или даже две белки, а иногда и совсем освобождаются от подати...» (Н. Путилов. Урянхи или сойоты, стр. 159). В действительности все араты, имевшие хотя бы самое незначительное имущество, платили албан. Родевич пишет, что «у одного сводят быка, у другого овцу, козу, но с каждого стащут ежегодно максимум без всякого милосердия и самым жестоким образом» (В. М. Родевич. Урянхайский край, стр. 162). Характерно, что в Хакассии богатые люди, занимавшие общественные должности, освобождались от внесения ясама на срок их службы.

[117] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 167.

в условиях Тувы? Чем объяснить исключение из числа плательщиков бедноты? Прежде всего нужно учесть, что от уплаты албана освобождались неимущие по той простой причине, что с них нечего было взять, освобождались также люди, зависимые от феодалов-чиновников. Освобождение этой категории лиц от уплаты албана объясняется тем, что они отдавали весь свой труд феодалу. Освобожденные от уплаты албана относительно свободные араты должны были за это исполнять различные хозяйственные поручения чиновника (некоторые привлекались для сопровождения собранного албана в Улясутай и т. п.).

Раскладка албана происходила на годовом собрании «чыыш», где обычно решали этот вопрос чанги и цзахирокчи (монгольский административный чин) [118]. Последним размер албана указывался китайским правительством, их задача заключалась в том, чтобы обеспечить уплату установленной суммы.

Сбор албана по состоятельности отнюдь не обозначает, что налоговое бремя ложилось только на зажиточных тувинцев. На самом деле, все, кто имел хотя бы самое незначительное количество скота, должны были платить албан в том или ином размере. Васильев, имевший возможность выяснить этот вопрос, пишет, что отдельные араты платили от 10 белок до 10 соболей [119]. По Родевичу, в переводе на деньги это составит от 3 до 500 руб. [120]

Тувинские чиновники при сборе албана бесцеремонно обирали аратов в свою личную пользу. Арат никогда точно не знал, какую сумму албана он заплатит.

9. УНДУРЮГ

Помимо албана, тувинские араты обязаны были нести и другие платежи. Среди них первое место принадлежит ундурюгу. Ундурюг — это поборы в пользу нойонов. Размер его не был установлен, чиновники собирали в ундурюг столько, сколько им было нужно. Поэтому ундурюг был одной из самых разорительных повинностей для

[118] ККМ, № 46, л. 29.

[119] В. Н. Васильев. Урянхайский пограничный вопрос. ЖМНП. Новая серия, ч. XXXVIII, отд. 4. СПб., 1912, стр. 60.

[120] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 20—21.

арата [121]. Ундурюг собирали пушниной, скотом, кожей и другими продуктами скотоводства. О влиянии ундурюга на хозяйство аратов говорит факт, приводимый Коном в его «Экспедиции...» «Некто Ак-хем из Бейзы хошуна платил ежегодно 10 лан «ундрюка», что считал вполне соответственным своему имущественному положению. К несчастью, три его брата, один вслед за другим, обеднели и побор с Ак-хема постепенно увеличивался. 30 лан он еще платил, но когда пришлось платить 40, ему это показалось уже слишком» [122]. Как дальше рассказывает Кон, Ак-хем отказался платить больше 40 ланов, мотивируя свой отказ тем, что ундурюг — добровольная плата населения за труды чиновника и чиновники не имеют права требовать с него больше того, что он платит. Власти решили арестовать Ак-хема, но посланный для ареста чиновник был им избит. Тогда в аал Ак-хема была направлена группа чиновников, которые врасплох напали на него, заковали в кандалы и увезли. В ставке нойона его пытали два месяца, а затем у него отняли все имущество. Его лошадь взял нойон Тарга, часть скота пошла в уплату ундурюга, часть имущества пошла на покрытие штрафа пострадавшему чиновнику. Факт этот показывает, что тувинские чиновники собирали ундурюг с такой же беспощадностью, как и все остальные поборы.

Такими же тяжелыми были поборы монгольских феодалов с принадлежавших им тувинских хошунов. Натуральные поборы монгольскими феодалами производились скотом, топливом и пушниной.

В Даа-хошуне существовал обычай давать нойону с каждого сумона по одному барану на зиму «на еду» — «суузен». Ундурюг и суузен представляли собой чисто феодальную форму присвоения прибавочного труда арата в виде своеобразного оброка, который имел тенденцию постоянно повышаться в своих размерах.

К этим расходам нужно прибавить еще материальную ответственность населения за расходы своего сумонного или хошунного правителя. Многие феодалы-нойоны и чиновники набирали в долг товары у российских купцов, а затем торговцы безжалостно выколачивали этот долг с аратов. На аратов была, например, возложена выплата

[121] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 68.
[122] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 160.

долгов Хайдыпа, который задолжал китайским купцам около 200 тыс. руб. Примерно в это же время тоджинцы должны были выплатить 15 тыс. белок за долги своего угердаа русскому купцу Садовскому.

Все эти ненормированные поборы являлись результатом феодальной зависимости основной массы тувинского населения, они всей тяжестью обрушивались на рядового арата, разоряя и превращая его в нищего. Даже более состоятельные тувинцы иногда разорялись от этих поборов феодалов-чиновников. «Сойот, — пишет Яковлев, — имеющий 200 голов лошадей, 70 голов рогатого скота, 200 овец, заплатил в 1898 году по июнь месяц податей и поборов: 600 белок, 5 рысей, 5 соболей, 5 кобыл, 5 баранов, 5 овец, 4 взрослых быка... По всем вероятиям уплата еще не окончена» [123]. По мнению Попова, поборы и албан составляли одну треть доходов тувинцев [124]. Родевич указывает, что с поселением в Туве китайских купцов разорение тувинцев еще больше усилилось. «Эти поборы,— пишет он,— уже несколько лет превосходят прибыль от стад, и сойоты, особенно богачи, постепенно разоряются. Они когда-то были значительными скотоводами по всей Монголии; теперь, если у кого сто голов скотины, тот уже выдающийся богач» [125]. Это же отмечает и Васильев: «И упадок этот растет из года в год, так что недалеко то время, когда сойоты должны прийти к полному разорению. Главной причиной такого упадка надо считать систему албанного (податного) обложения и поборы чиновников» [126]. Все эти поборы и налоги являлись продуктовой рентой, натуральным оброком.

10. УРТЕЛЬНАЯ ПОВИННОСТЬ

Чрезвычайно разорительной была также и еще одна типично феодальная повинность — уртельная. Она заключалась в том, что араты должны были предоставлять китайским, монгольским и тувинским чиновникам лошадей, продовольствие и юрты во время проезда их по Туве. В разных направлениях Тувы существовало несколько ур-

[123] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 67—68.
[124] В. Л. Попов. Урянхайский край. Иркутск, 1913, стр. 84.
[125] Родевич. Урянхайский край..., стр. 163.
[126] В. Н. Васильев. Краткий очерк быта карагасов, стр. 60.

тельных станций, обслуживаемых специальными людьми из аратов. Арат, назначенный на уртельную станцию, должен был поселиться на ней и определенное время обслуживать ее (срок мог быть и неограниченным). Представление о тяжести этой повинности дает описание работ одной из таких станций.

На линии Чадан — Улясутай было девять уртельных станций [127]. Среди них выделялась уртель при хошунном чезене, так называемая шокаруртель. На уртельной станции было 10—12 аратов, по одному из каждого прикрепленного к станции сумона, во главе их стоял уртельный староста («дамыл»).

В обязанность уртели входила перевозка почты, перевозка, снабжение питанием, жилищем и проводниками («улачами») проезжающих чиновников. Почта была двух видов: обычная и чрезвычайная, или так называемая птичья («куштук бижиг»). Обычная почта, прибывшая на уртель, направлялась с очередным дежурным на следующую станцию и отнимала у аратов только время, но при куштуг бижик обыкновенно загонялись лошади. Еще хуже было при проезде через уртель чиновника, а чиновники ездили постоянно.

Приезжавшему чиновнику нужно было приготовить пищу (баранину, масло и т. п.), которая заблаговременно заготовлялась за счет аратов, прикрепленных к уртели сумонов. Как только чиновник подъезжал к уртели, его встречал уртельный староста, принимал у него лошадей и передавал их дежурному арату, а сам вел чиновника в юрту, открывая перед ним дверь. После еды чиновнику подводили отдохнувшую лошадь (а если она была загнана, то заменяли своей) и давали ему в дорогу (независимо от того, знает или не знает ее чиновник) проводника — улачи. Если чиновник приезжал на уртель поздно вечером и оставался ночевать, то ему приготовляли арагу, всю ночь прислуживали и даже увеселяли его. Иногда в день проезжало по пять-шесть чиновников. Еще больше хлопот было с приемом особого чиновника амбын-нойона — тайны эльчжи, являвшегося как бы личным и чрезвычайным послом Главного управления Тувы. Настоящим

---

[127] Уложение Китайской Палаты Внешних сношений, т. II, стр. 72.

бедствием был наезд на уртель самого амбын-нойона, и уже полной катастрофой — цинских чиновников.

Араты, работавшие на одной станции, рассказывали, что однажды через уртель проезжали цинские чиновники. Сообщение об их приезде было получено за несколько дней. Началась спешная подготовка к встрече начальства. Немедленно было привезено восемь юрт богачей. Все юрты были поставлены на уртели, из них три юрты особо украсили, в знак почета покрыли красными полосами. В середине центральной юрты поставили бревенчатый сруб, пространство между срубом и стенами юрты заложили сеном, поверх которого постлали много войлоков. На войлоках раскинули красивый ковер, и получился диван для сидения. Остальные юрты были украшены проще. Для питания китайских мандаринов из сумонов по особому заданию были привезены собранные у аратов 15 жирных баранов, много арги, сыра, тараа, молоко и т. д. Специальные чиновники из ставки амбын-нойона приезжали несколько раз, проверяли, браковали и заставляли заново все переделывать, в течение нескольких дней араты не спали и от усталости валились с ног. Наконец все было готово.

Наступил день приезда китайского чиновника. За три часа до приезда самого чиновника на уртель приехала первая партия его свиты, так называемые шакпанчи (разведчики), — два монгола и два тувинца, а с ними два улачи; они быстро осмотрели приготовленные юрты и заставили еще кое-что переделать. Через три часа появился сам мандарин (дзурган) и с ним 20 чиновников: шесть китайцев, шесть монголов, а остальные тувинцы. С приездом дзургана началась невероятная суета. Пока он со своей свитой обедал, никто не имел ни минуты покоя, распоряжения и приказы сыпались беспрерывно. После обеда пьяные чиновники осматривали юрты и приготовленных им для поезда лошадей, придирались по пустякам, бранились и били аратов. Конечно, все лошади, которые были даны китайским чиновникам, как правило, уже не возвращались. Чиновники попутно прихватили и другое добро, принадлежавшее аратам уртельной станции.

Чего стоили тувинскому народу наезды цинских чиновников и уртельная повинность, показывает следующий факт. В 1900 г. для обслуживания проезжавшего цинского

чиновника с его свитой у аратов было взято 286 лошадей, 54 верблюда, 51 юрта, три палатки, 300 уздечек, 60 арканов и т. д., причем это только на одной уртельной станции. Большая часть скота и имущества аратам не была возвращена. В другом случае у аратов в качестве дорожной повинности было изъято 20 рысьих шкур, 20 атласных покрывал, 25 лошадей, шесть верблюдов, 25 баранов, палатки и юрты с полным оборудованием, да в качестве личного подарка дзургану поднесено восемь рысьих шкур и 110 кирпичей чая [128].

Попутно остановимся на весьма оригинальном способе ограбления тувинцев, широко практиковавшемся цинской администрацией. Цинские власти часто посылали в Туву своих агентов для «закупки» лошадей. Этим агентам давалась некоторая сумма денег, на которые они должны были закупить лошадей, причем сами назначали цену покупаемой лошади (чаще всего от 10 до 20 ланов, т. е. в высшей степени мизерную цену). Однако нередко бывали случаи, когда такие чиновники бесплатно уводили у тувинцев лошадей. Так, например, в 1911 г. по Салчакскому и Кемчикским хошунам три чиновника «собрали 38 лошадей, ничего за них не заплатили, сами же брали с тувинцев по 7 лан в сутки и съедали по одному барану» [129].

11. КОЧАГА, ИЛИ МЕДЭЭЧИ

Относительно свободные араты исполняли ряд повинностей на тувинских феодалов. Среди них выделяется повинность, известная под названием кочага, или медээчи. Первым указал на социальный смысл этой повинности Г. Н. Потанин, писавший: «Косогольские урянхайцы называют себя Туфа или Туха, они платят подати (алба) в Улясутай, а Уин-огурде обязаны барщиной из трех в год человек, которые и отправляются из хошуна на Самогыл-

---

[128] «Под знаменем Ленина — Сталина», № 6, стр. 68—69. Для поездки цзянь-цзюня со свитой для осмотра северо-западной границы в 1908 г., продолжавшегося целый месяц, потребовалось 19 980 лошадей, 3870 верблюдов, 5760 улачи, 1710 юрт, 270 палаток и 2490 баранов. За несъеденных баранов цинские чиновники получили деньгами («Новый Восток», 1927, № 19, стр. 47).

[129] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 3, д. 17, л. 26.

тай, а через три года сменяются»[130]. Потанин говорит в данном случае только о посылке на барщину косогольскими тувинцами (а они в то время подчинялись еще амбын-нойону), но это относится и к другим сумонам и хошунам Тувы.

Более определенную оценку этой натуральной повинности дал Р. М. Кабо. Он писал: «Одним из видов натуральной повинности являлась повинность под названием «мэдэ». Она состояла в том, что каждый сумо посылал от себя на один год по одной семье с юртой для услуг нойона»[131]. Затем Кабо дословно приводит слова Ермолаева: «Эти люди по очереди состояли в качестве служителей при чазане, пасли скот, принадлежащий нойону и его чиновникам, являлись рассыльными и вестовыми и т. п. Кроме того, в каждой из этих юрт жили еще по одному холостому мужчине — это работник нойона от сумо, называемый «нойон-содама». Последние сменяются ежемесячно. Как «мэдэ», так и «нойон-содама» подчиняются распоряжениям одного старшего из них, «медэ-торга», избираемого из среды «медэ». Институт «медэ» существовал и при хошунных хурэ»[132].

Медээ, как выражение той повинности, о которой пишут Ермолаев и Кабо, была характерна вначале для хошунных монастырей. В 1900-х годах она была усвоена Хайдыпом для обозначения соответствующей повинности в Даа-хошуне. Старинным названием ее для большинства хошунов была кочага[133], а в тех хошунах, которые принадлежали монгольским феодалам, ей соответствовала хедел, или кудель. Что слово «медээ»[134] в начале XX в. не было известно тувинцам, показывает то обстоятель-

---

[130] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии вып. IV, стр. 12.

[131] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 85.

[132] Там же.

[133] Происхождение слова «кочага» нам точно неизвестно. Кон переводит это слово, как «стражник», Яковлев — словом «истопник». Можно было бы высказать предположение, что это слово монгольского происхождения и, может быть, в какой то мере связано со словом «Kesig» — охранная стража (Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 120). Kesig — черед, очередь, очередной караул.

[134] Медээ — слово не тувинское, оно заимствовано тувинскими чиновниками у монголов, где оно значит: весть, известие, сведение, извещение, информация, сообщение, уведомление, донесение (см.

ство, что о нем не знает ни Адрианов, ни Потанин, ни Кон, ни другие исследователи Тувы конца прошлого и начала нынешнего столетия. Ермолаев записал слово «медээ» в 1916 г., когда он производил статистико-экономическое обследование Кемчикского района. О том, что термины «кочага» и «медээ» обозначают одну и ту же повинность, можно судить на основании определения кочага у Кона. Кон об этой повинности пишет: «Для полноты необходимо упомянуть еще и о «качега» — стражнике при амбынь-нойоне, «огурдах» и «чезене», исполнителе всех черных работ. «Качега» при амбынь-нойонском управлении не постоянный. Три вышеперечисленных хошуна поочередно командируют в «чезен» необходимых людей для выполнения этих функций» [135]. Таким образом, по свидетельству Кона, кочага — это исполнитель работ при чезене, т. е. канцелярии.

По сообщению аратов, в круг обязанностей кочага или медээ входило: вызов обвиняемого на суд, исполнение обязанностей палачей. По требованию чиновника кочага привязывал обвиняемого для пыток и даже пытал его. Выше уже говорилось, что в обязанности кочага входило обслуживание чиновника сумона, приезжавшего в чезен по каким-либо делам. Это относилось не только к самим чиновникам, но и их родственникам. Все эти сообщения

А. В. Бурдуков. Монголо-русский словарь. М., 1940, стр. 115; Краткий монголо-русский словарь А. А. Ринчинэ, под ред. проф. Г. Д. Санжеева, М., 1947, стр. 132). Следовательно, в прямом смысле медээ, или медээчи, будет значить вестник, человек, уведомляющий кого-либо, т. е. курьер, рассыльный. О церковном происхождении этого термина говорит тот факт, что у бурят в монастырях был низший чин медээчи, медэчи, обязанностью которого было принимать от верующих и выдавать им жертвенные припасы. Это слово переводится иногда как эконом, заведующий (см. Ф. Буссе. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири. СПб., 1880, стр. 28, 50—51). У самих монголов вестовые для посылки и прислуживания при княжеском ямыне назывались тахары. Тахары высылались сумонами на 1—3 месяца, они получали за время своего дежурства жалованье, но пользовались своей лошадью (Баранов. Словарь монгольских терминов. Харбин, 1907, стр. 232).

После перехода Салчакского хошуна в подданство к Чжанханзе Хутухте население Киргиз-сумона должно было платить «на содержание медечинов (слуг) у Гегена 78 р. и содержало три станции на пути к Гегену» (ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 59).

[135] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 157.

отрицают использование кочага, или медээчи, в хозяйственной работе нойона и чиновников. Однако такое использование на самом деле имело место, наши рассказчики просто не придавали ему значения, считали его само собой разумеющимся, обычным явлением. По сообщению Алтын-Хуреноола, его отец Хуреноол из сумона Барлык служил кочага у нойона Даа-хошуна пять лет, с 1881 по 1886 г. Он не только был посыльным, но пас скот своего нойона. Как рассказывает Шагдыржап, «кочага носил дрова, топил печи, караулил арестованных, бил палками тех, кого приказывал чиновник, караулил овец; если издыхает овца, то отвечал кочага». Кочага приезжал с семьей, которая тоже работала на нойона. Все питание кочага и его семье доставлялось за счет пославшего его арбана или сумона, эти же продукты шли и на питание чиновников и их родственников, приезжавших из сумона. Эксплуатация тувинскими нойонами кочага, или медээ, подтверждается Минцловым, который писал: «Нахождение при ставке нойона, прислуживание ему, пастьба его скота, дойка и прочие работы на владыку — все это вроде отбывания у них воинской повинности. Отбывается она бесплатно, по очередям и в известные сроки; отслужившие возвращаются затем со своим скарбом и юртами во свояси» [136].

Для более ясного понимания повинности кочага, или медээ, нужно вспомнить, что институт медээ широко практиковался при монастырях, где эту обязанность исполняли араты, также призванные из сумонов. В обязанности медээчи хурэ входило, по рассказам тех лиц, которые исполняли эту повинность, ухаживать за джасским (чезенским) скотом и готовить пищу для лам. Более тяжелой эта повинность была для аратов, выполнявших ее у монгольских феодалов под названием хедел, или кудель.

Все эти сведения дают нам основание установить, что кочага, или медээчи, назначались чангы от каждого сумона по одной юрте сроком на год, хотя фактически некоторые из них работали по несколько лет. При чезене использовались не только сами кочага, или медээчи, но и их семьи. В обязанность кочага, или медээчи, входило прежде всего обслуживание канцелярии чезена, исполне-

[136] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 144.

ние функций полицейских, вызов в чезен необходимых нойону лиц. Они должны были исполнять роль курьеров, производить всякие хозяйственные работы в канцелярии чезена, принимать своих сумонных чиновников, обслуживать их, ухаживать за их лошадьми и т. п. Следовательно, кочага, или медээчи, призывались в первую очередь для исполнения общественной службы, но это была видимость, за которой скрывалась эксплуатация арата нойоном — феодалом. Ибо в действительности нойон, пользуясь своим положением неограниченного правителя, заставлял их работать в своем хозяйстве, как на барщине. Они не входили в число постоянных работников в хозяйстве нойона, но исполняли их обязанности.

Характерна еще одна важная особенность этого института. Все кочага получали из сумона определенное количество пищи. Значит, на аратов ложилась обязанность содержать кочага на протяжении всего периода его работы на феодала. Но так как этой пищей питался не столько кочага, сколько приезжавшие в чезен сумонные чанги и их родственники, то это фактически был дополнительный замаскированный натуральный оброк в пользу того же феодала.

Кроме кочага, или медээчи, при каждом нойоне были еще соодалы [137], которых Ермолаев называл «нойон-содома». По сообщению Монгуш Калзана, Сюрюна и многих других аратов, которым приходилось в свое время исполнять эту повинность, в круг обязанностей соодала входило: открывать и закрывать дверь при входе и выходе чиновников из канцелярии чезена, топить печи, ночью охранять юрты и даже, по выражению Монгуш Калзана, «во время пира развлекать нойона и его гостей», а также выполнять другие работы чисто хозяйственного характера, как толчение тараа, кормление и пастьба скота и т. п. В обязанности соодала, как сообщают некоторые араты, входило также зажигать трубку нойона, наливать ему чай и т. п. Соодалы вызывались из сумонов ежемесячно, они должны были сторожить юрты и исполнять мелкие поручения, но, как нам передавали старики, выполнявшие

[137] Можно было бы сблизить этот термин с монгольским словом «суудал», означающим «сидеть». По смыслу (сидящий, окарауливающий юрту) оно легко противопоставляется медээчи (рассыльному, извещающему).

повинности соодала, они также содержались за счет сумонов и работали в хозяйстве нойона подобно кочага, или медээ.

Число людей, исполнявших эти повинности, было довольно велико. Если учесть, что в Туве насчитывалось 27 сумонов, то ежегодно направлялось для исполнения повинностей кочага, или медээчи, 27 юрт, а для исполнения обязанности соодала — 324 человека. Конечно, не все эти лица сменялись по указанным срокам, были такие кочага и соодала, которые не сменялись на протяжении нескольких лет, но это не меняет сути дела. Важно, что исполнение этих повинностей отнимало у аратов много времени и пагубно отражалось на их хозяйстве. Важно и другое: эти повинности выдавались за исполнение общественной обязанности, в то время как они были формой типичной феодальной эксплуатации. Нечто подобное существовало у алтайских народов под названием «ярчи». По исследованию Л. П. Потапова ярчи представляет собой разновидность отработочной ренты; сущность ее заключается в том, что алтайцы (за исключением богачей) были обязаны поочередно по несколько месяцев каждый пасти скот в хозяйстве своего зайсана, заготовлять топливо, седлать коня и т. п. «Необходимость выполнения этого объяснялась тем, что зайсану нужно помочь, так как он загружен общественными делами» [138].

Сравнивая кочага, или медээчи, и соодала с ярчи, мы обнаруживаем некоторые несущественные различия в сроках исполнения повинности и одну более серьезную особенность тувинского института, которая заключается в мотивировке самой повинности. Алтаец работал в качестве ярчи на феодала, потому что последний, якобы, перегружен общественными делами; тувинский арат, работая как кочага, или медээ, обслуживал управление, созданное завоевателями. Здесь он прикреплялся не к нойону, а к чезену, т. е. к учреждению, которое нойон возглавлял, а нойон уже использовал такого прикрепленного в своем хозяйстве для личных нужд, исполнением государственных обязанностей прикрывая эксплуатацию труда прикрепленного. В этом смысле он больше связан с категорией хамжилга, распространенной в Монголии, где цин-

[138] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 291.

ское правительство специально разрешало прикреплять определенное количество юрт для услужения монгольским князьям. В отличие от хамжилга [139], кочага прикреплялся не на постоянный, а на временный срок, и не к нойону, как уже говорилось, а к чезену.

Обязанность ярчи оправдывалась необходимостью разгрузить зайсана от лишней домашней работы, так как он выполнял общественные поручения. Как совершенно верно говорит Л. П. Потапов, это «являлось своеобразной барщинной повинностью, возникшей в условиях отсталого скотоводческого хозяйства, сохранившего родовой быт, и была приспособлена к этим условиям» [140]. Монгольский хамжилга прямо и непосредственно был прикреплен для выполнения хозяйственных работ у монгольского феодала. У тувинцев же эта повинность, вполне идентичная алтайскому ярчи и монгольскому хамжилга, порождена не столько условиями родового быта или прямым прикреплением к феодалу, сколько прикреплением арата для выполнения обязанностей феодала по управлению Тувой и ее хошунами. В этом случае барщинная эксплуатация прикрывалась уже не родовыми связями и обязанностями, а исполнением обязанностей по отношению к государству — внешнему повелителю Тувы.

12. СААЛ ИЖЕР

Одной из самых распространенных форм эксплуатации у тувинцев являлась сдача скота на выпас за пользование молоком.

Первым констатировал это явление в Туве Г. П. Сафьянов в записке, составленной в 1879 г. «Круглый год,— писал он,— скот пасется на подножном корму, для этого урянхайцы делят скот на мелкие табуны голов по 10 в каждом и отдают его пасти беднякам, которые обязаны охранять табуны от воров и зверей, за что пользуются молоком и ездят на скоте. Такой способ пасения чрезвычайно практичен в том отношении, что дает с одной

[139] В Монголии слово «хамжилга» стало обозначать «крепостной и крепостничество» (Т. А. Бертагаев. К вопросу о внутренних законах развития полисемии. Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка, 1951, т. X, вып. 6, стр. 576).

[140] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 291.

стороны, возможность лучшего ухода за ним, а с другой не заставляет далеко кочевать, так как для незначительного табуна корма найдется в достаточном количестве и поблизости» [141].

Адрианов, побывавший в Туве в 1881 г., подтверждает это сообщение Сафьянова. «Так как рогатого скота здесь много, в особенности у богатых,— пишет он,— то чтобы прокормить его существует обычай раздачи скота по несколько голов небогатым, которые пользуются молоком, но зато обязаны пасти его, отвечая за каждую потерянную скотину». В этом свидетельстве Адрианова имеются чрезвычайно важные сведения о сдаче скота на выпас. Во-первых, сдача скота фиксируется не как нечто эпизодическое, а как о б ы ч а й, т. е. явление, уже давно сложившееся. Во-вторых, Адрианов обратил внимание на то, что скот сдается на выпас не бедняком бедняку, а богатым небогатому,— замечание весьма важное для исследования этого явления в плане социальных отношений. В-третьих, скот сдается не пастухам и не бесскотным аратам, а небогатым, т. е., видимо, таким аратам, которые имеют некоторое количество своего скота. Достойно внимания и заявление о том, что пасущие скот пользуются одним молоком, но в то же время обязаны отвечать за каждую потерянную голову скота.

То, что выдача скота на выпас была устойчивой формой экономических отношений в Туве, подтверждает и Ермолаев. «Среди сойот развито обыкновение пользоваться скотом за уход, т. е. бедный получает от богатого лошадь, две-три коровы или овец, пасет и ухаживает за ними, за что пользуется молоком и рабочей силой, приплод остается за собственником» [142].

Все эти свидетельства согласуются с массой других сообщений и рассказами аратов. Последние во многом уточняют факты раздачи скота на выпас.

Условия сдачи аратам лошадей для езды, волов для пахоты, коров для получения молока, овец для стрижки и ухода за ними были мало разнообразными. К тем фактам, о которых говорилось выше, мы можем прибавить еще некоторые. Феодал Еузутту иногда сдавал корову на вы-

[141] Н. Ф. К а т а н о в. Опыт исследования..., стр. 1503—1504.
[142] ККМ, № 46, 49.

пас за пуд масла или за 20 беличьих шкурок. Он ежегодно сдавал аратам-беднякам для выпаса 20 молодых коров или 30 лошадей двухлеток, а за это давал им для пользования одну рабочую лошадь и одну дойную корову. Когда коровы телились, он забирал их обратно, оставляя пастуху одну-две дойные коровы. А взятых коров вновь отдавал на пользование. Он же сдавал аратам-земледельцам волов. Если вол во время работы погибал, то арат должен был уплатить половину стоимости его, если же пропадала корова (на пользовании), то арат отвечал за нее полностью.

Были и такие случаи, когда арат брал на выпас корову и должен был за это дать пуд масла или посеять полшана земли. Токпал Хуулар сообщает, что он брал на выпас 10 коров, из них только одну доил на себя, а молоко от остальных шло на выкормку телят. Феодал зорко следил за выполнением этого условия.

Сдача скота на выпас в качестве весьма распространенной формы эксплуатации была зафиксирована сельскохозяйственной и демографической переписью 1931 г.: «Операция сдачи и взятия скота на доение, носящая название «саап ишкем»,— читаем мы в предисловии к материалам переписи,— весьма распространенная форма оплаты труда, при которой объект эксплуатации получает продукты питания в виде временного пользования молочным скотом» [143].

Еще в 1931 г. 33,2% всех бедняцких хозяйств были вынуждены брать скот на выпас у более зажиточных тувинцев [144]. Нам надлежит, прежде всего, выяснить, почему феодал давал скот на выпас. Обычно при решении этого вопроса указывают на то, что раздача скота имела известный технический, так сказать, производственный смысл. На это указывает Сафьянов. И действительно, раздача скота небольшими группами давала возможность лучше обеспечить его необходимыми кормами, так как небольшое стадо требует меньшего радиуса тебеневки. Скот меньше передвигается и лучше нагуливается. Есть и еще одно очень важное техническое преимущество при

---

[143] Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г., стр. 12.

[144] Там же, стр. 34.

наличии в хозяйстве разных видов скота: в летних условиях не всегда возможно держать скот в одном месте, потому что коровы требуют одних трав, овцы — других, а лошади — третьих. Поэтому самый характер производства, низкий уровень его техники необходимо предполагал сдачу скота на выпас. Если у арата было мало своего скота, он его просто отдавал на выпас более богатому родственнику или соседу, чтобы освободить себе время для охоты или других занятий. Очень часто араты как бы кооперировались для пастьбы скота: один из них собирал у соседей всех коров, зато своих овец отдавал другому, который шел с ними на овечье пастбище. Такая кооперация между непосредственными производителями была обычным явлением, как мы уже говорили, вытекавшим из самого характера производства и низкого уровня его техники.

То обстоятельство, что араты часто прибегали к передаче скота друг другу на выпас, до известной степени прикрывало эксплуататорский характер выдачи скота на выпас богатым скотовладельцем. Такая форма эксплуатации была богатому выгодна по ряду соображений. Во-первых, крупное скотоводческое хозяйство с его большими стадами не могло обеспечить нормального питания всего скота, потому что надо было делать большие перекочевки, которые изнуряли скот и не давали ему возможности накопить и закрепить нагул. Кроме того, при пастьбе большой массы скота в одном месте часть скота, идущая позади, всегда оставалась вообще без корма, так как его съедали животные, идущие впереди. Поэтому для лучшего содержания скота феодалу целесообразнее было дробить крупные стада на мелкие группы. Крупное хозяйство могло бы найти выход путем найма большого количества пастухов, но это дорого обошлось бы тувинскому феодалу. Пастуха — пусть он даже и из родственников — надо кормить и одевать, а это требует дополнительных затрат. Поэтому проще сдать скот, тем более, что это не только не связано ни с какими затратами, но даже дает определенную выгоду: выпас оплачивается молоком, которое было не просто дешевым, но в условиях натурального хозяйства совершенно обесцененным продуктом, так как из-за отсутствия рынка оно не находило сбыта. Использовать для себя молоко от всего скота феодал не мог, поэтому отдача части лишнего скота на выпас не только не при-

носила ему убытка, но была необходима, ибо систематическое выдаивание коров аратами спасало скот от всякого рода болезней и способствовало повышению его удойности. Кроме того, крупный скотовладелец в условиях натурального хозяйства мог не тратиться на содержание штата доярок и пастухов. «Саап ишкен», или, как принято говорить в современной тувинской литературе, «саал ижер», имел еще одно очень важное преимущество для бая: скот лучше сохранялся от всякого рода стихийных бедствий, ибо арат был обязан полностью сохранить и скот и приплод от него.

Понятно, что саап ишкен возможен был при экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда техника производства феодала ничем не отличалась от техники производства рядового арата. Только при низкой технике производства, при натуральности хозяйства возможен был такой способ эксплуатации.

Спрашивается, почему арат брал скот на выпас? Прежде всего потому, что видел в этом обычай старого времени, обычай взаимопомощи. Во-вторых, его часто принуждали брать скот баи-чиновники независимо от того, желал он этого или нет. В-третьих, к саап ишкен арат прибегал и вследствие недостатка в его хозяйстве скота.

Условия саап ишкен были в высшей степени невыгодными для арата. За свой тяжелый труд по уходу за скотом феодала арат получал часто только молоко [145] и не всегда от всех коров (это относится и к шерсти с овец), а только от определенного количества их, чаще всего от одной, а от остальных должен был выдать феодалу масло и сыр.

Специфичность этой формы эксплуатации в социально-экономических и бытовых условиях Тувы подчеркивается тем обстоятельством, что саап ишкен широко применялся в Туве русскими купцами и предпринимателями, что подтверждается почти всеми, кто писал о Туве.

Ошурков, например, еще в 90-х годах писал об усинских кулаках, которые широко применяли саап ишкен: «Стада эти (стада, принадлежавшие усинским богатым

[145] У хакасов сдача скота на выпас также была развита, но на более выгодных условиях для берущего скот на прокорм. Здесь еще в середине XIX в. выпасающий скот, помимо молока, получал денежную оплату (А. А. Ярилов. Указ. соч., стр. 149 и сл.).

крестьянам.— *В. Д.*) часто пасутся у тех же сойотов или теми же сойотскими пастухами, иногда за небольшую плату, иногда просто за право пользования молочными продуктами» [146]. Однако не только усинские крестьяне-кулаки, но и богатые русские колонисты, поселившиеся в самой Туве, сдавали почти весь свой скот на выпас тувинцам. Попов, посетивший Туву несколько раз, писал: «Обедневшие урянхи служат у русских пастухами при крупных стадах и, кроме того, большинство урянхов берут русский скот себе с условием пасти его весь год, и за это получают от русских право пользования молоком дойных коров и небольшую плату» [147].

«В Усинской волости и на Уюке сойоты находятся в совершенной экономической зависимости от русских,— читаем мы в специальной записке, адресованной русскому переселенческому управлению.— Это или просто рабочие, или своеобразный вид пастухов, набирающих скот от русских богатых заимочников за право пользования молочными продуктами» [148].

Крупнейшие русские предприниматели в Туве сдавали сотни голов скота в саап ишкен не только тувинской бедноте, но даже вынуждали брать его крупных самостоятельных скотоводов. Например, у Ермолаева в его записной книжке мы находим такую запись: «Иргак-Ажяк (Мадо сумо) имеет 40 лошадей, 25 голов рогатого скота и 400 овец. У Вавилина берет на пастьбу до 50 скотин» [149].

Вавилин, Сафьянов и другие долгое время сдавали почти весь свой скот аратам на выпас. «Такие случаи,— читаем мы в одной статье,— как пастьба скота, уход за ним, а также обработка и утилизация продуктов животноводства за пользование от 1000 коров в течение года молоком и в Вавилинском помещичьем гнезде считались не исключением, а обычным явлением» [150].

Боголепов и Соболев писали, что «в прежние годы в Сойотии русские отдавали партии скота сойотам для пастьбы и выращивания за право пользования молоком и употребление скота на работы. За павших животных сойо-

---

[146] В. А. Ошурков. Отчет..., стр. 86.
[147] Труды совещания 1906 года в Иркутске, л. 68.
[148] ЦГИАЛ, «Переселенческое управление», № 55, л. 44.
[149] ККМ, № 46, л. 89.
[150] «Современная Тува», 1929, № 1, стр. 20.

ты несли материальную ответственность. Эта система обеспечивала русским хороший уход и отсутствие потерь от падежа» [151].

Порядок сдачи скота русскими тувинским аратам был такой же, как и у тувинских феодалов. «Большие табуны и стада,— пишет Минцлов,— пасти трудно и потому их делят на десятки, сойоты их пасут и берегут, а взамен пользуются молоком» [152].

Но некоторым отличием сдачи скота на выпас русскими предпринимателями было то, что они, помимо всего, еще приплачивали аратам и лучше снабжали их одеждой, чем тувинские феодалы.

К этой же системе эксплуатации широко прибегали и китайцы, сдававшие скот тувинцам в большом количестве.

Ладыгин наблюдал этот процесс у тувинцев, живших в Монголии в Кобдоском районе. «Китайцы,— пишет он,— скупающие всюду в округе различный скот (главным образом баранов и лошадей), отправляют его в течение года в кочевья урянхаев и там раздают его монголам во временное пользование на следующих условиях: половина приплода и шкуры павших животных принадлежат китайцам (хозяевам стада), шерсть же, молоко и половина приплода урянхайцу, обязанному пасти и оберегать их стадо. Однако никогда не случается, чтобы приплод весь целиком оставался в живых; обыкновенно же бывает, что почти половина его падает, и тогда урянхайцу, за выключением полного числа половины приплода китайцу-хозяину, остается лишь несколько голов... С рогатым скотом и лошадьми условия уже меняются. Китайцы за пастьбу и охрану в течение года 100 голов рогатого скота или лошадей платят урянхайцу по одной лошади или корове, причем ему предоставляется право безвозмездно пользоваться молоком этих животных. За пропажу скота урянхаец обязывается уплатить его стоимость деньгами, скотом или трудом. Если животное падает от болезни, в доказательство этого урянхаец обязан представить китайцу-хозяину шкуру, которую тот и оставляет у себя... Пробовали,— заканчивает свое сообщение Ладыгин,— говорят некоторые урянхайцы, отказаться от предлагаемых во вре-

---

[151] М. И. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 160.
[152] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 67.

менное пользование на указанных условиях баранов, тогда китайцы принудили их сдаться или совершенно отказываясь продавать протестанту самое для него необходимое, или взимали с него неимоверно высокие цены за ничтожные вещи» [153].

Обратим внимание, прежде всего, на то, что китайские купцы сравнительно с тувинскими баями давали скот на выпас на более выгодных условиях. Наше внимание привлекает в этом показании и то, что китайские купцы оказывали на тувинцев и серьезное экономическое давление.

Социальная сущность «саап ишкен», довольно отчетлива и не требует особого исследования. Эта форма эксплуатации замечена у многих скотоводческих народов, стоявших на том же уровне социального развития, что и тувинцы. У якутов она известна под названием «хасас», у алтайцев — «полыш», у казахов — «саун», у киргизов — «саан», у хакасов — «сапис», у монголов — «саали», у бурят — «цаали» и т. д. Обычай этот у других народов существовал целыми столетиями. Например, С. А. Токарев на основании архивных документов установил, что у якутов явление хасаса было распространено в XVII столетии [154].

Следовательно, мы имеем дело не с каким-то только одному народу присущим и эпизодическим явлением, а с определенным типом отношений, которые появились в одинаковых условиях и на одинаковом уровне развития производства. Историки давно уже обратили внимание на этот тип социальных отношений и дали ему соответствующую оценку [155].

---

[153] Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, вып. VI, стр. 635.

[154] С. А. Токарев. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 185.

[155] На эксплуататорский характер сдачи скота богатыми скотовладельцами малоимущим скотоводам на выпас указала впервые сибирская администрация. Так, в отчете генерал-губернатора Восточной Сибири за 1864 г. мы читаем: «Богачи, владея огромными стадами, состоящими иногда из нескольких тысяч голов, во время продолжительной зимы, раздавая скот на прокорм бедным, доставляют таким образом сим последним средства к скудному содержанию. Но эта кажущаяся благотворительность, приносящая большую выгоду богачам, которых скот не мог бы иначе сохраниться, имеет следствием лишь то, что ставит бедняков в полную зависимость от своих благодетелей, не доставляя им верного обеспечения» (ГАИО, ф. 24, св. 1375, д. 41, л. 43).

Л. П. Потапов, исследовавший формы социальных отношений у алтайцев, в своей работе «Очерки по истории алтайцев», дает четкую и сжатую характеристику этому явлению: «В наделении богатыми владельцами бедноты скотом ясно выступает феодальная форма эксплуатации малоимущих крестьян-скотоводов. Это, несомненно, отработочная рента, своеобразная барщина, замаскированная патриархально-родовыми формами помощи» [156]. Действительно, на Алтае резче и яснее вскрывается не только феодальный характер «полыша», но и связь его с формами родовой взаимопомощи, видимо, утраченными в условиях якутского общества.

На аналогию изучаемой формы эксплуатации у кочевых скотоводческих народов с барщиной земледельческого феодализма указывает и С. А. Токарев: «По своей экономической природе «хасас», вполне аналогичный киргизскому «саан», казахскому «саун», алтайскому «полыш»,— является формой чисто феодальной эксплуатации, разновидностью отработочной ренты. В самом деле, ведь не случайно, что у всех народов с преобладанием скотоводческого хозяйства, сохранивших докапиталистические формы отношений, господствующим типом эксплуатации была именно раздача скота на выпас. Это есть вполне закономерная в условиях скотоводческого хозяйства параллель земледельческой барщины или ее позднейшего пережитка — испольно-отработочной аренде. Мы имеем здесь дело с самостоятельным производителем, обслуживающим своим трудом и при помощи своего инвентаря хозяйский скот, совершенно так же, как в странах классического феодализма крестьян-барщинник отрабатывает своим трудом и своим инвентарем господскую землю» [157].

Различие здесь заключается в том, что феодальная барщина в условиях скотоводческого хозяйства отбывается не в самом хозяйстве феодала, как это делается у феодала-землевладельца, а в хозяйстве непосредственного производителя. Не меняя принципиально сути дела, это обстоятельство имеет очень важные последствия: оно возлагает

---

[156] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 285.
[157] С. А. Токарев. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., стр. 181—182.

на арата, берущего скот в саап ишкен, бо́льшую ответственность, чем на крестьянина-земледельца, работающего у барина в поле. В последнем случае крестьянин отвечает только за свой труд, а феодалу, который держит его на барщине, нужно содержать соответствующий штат людей для принуждения крестьянина к работе и контроля за ней. В условиях скотоводства феодал избавлен от необходимости иметь постоянный штат людей для того, чтобы подгонять арата, так как арат несет за потерю скота материальную ответственность, он отвечает за свою работу своим непосредственным хозяйством. Следовательно, он не только отдает свое время работе на нойона, но и принужден трудиться возможно лучше, рискуя в случае потерь собственным скотом.

Важной особенностью явления саап ишкен в сравнении с барщиной является и экономическая заинтересованность некоторой части аратов в саап ишкен. Такая экономическая заинтересованность совершенно отсутствует при барщине у феодала-землевладельца.

Все эти различия объясняются тем, что саап ишкен вырос из взаимопомощи. Вне связи с последней нельзя понять специфики саап ишкен, но это не меняет существа дела: саап ишкен является своеобразной отработочной рентой, особым видом барщины, вполне соответствующей уровню развития производительных сил Тувы и характеру тех социальных отношений, которые на его основе складывались.

Что же касается того, в каких связях находится саап ишкен или хасас и подобные им формы с родовыми традициями, то нам кажется, что источником внеэкономического принуждения саап ишкен может быть не только родовая традиция, но и иные средства нажима на арата.

Выше уже говорилось, что китайские купцы принуждали кобдоских тувинцев брать скот на выпас под угрозой известных экономических санкций. Русские купцы заставляли тувинцев пасти скот, у них же приобретенный, пользуясь той кабальной зависимостью, которая создавалась на основании долга и ростовщичества. Наконец, тувинский феодал для принуждения арата пасти свой скот пользовался не только его экономической нуждой и родовыми традициями, но и своей властью.

Очень тесно связана с саап ишкен другая форма эксплуатации, известная под названием «холезээр мал бээр». Холезээр мал бээр отличается от саап ишкен, где скот отдавали для выпаса с правом арата пользоваться его молоком, тем, что он давался для использования на работе за продукты, реже за деньги.

Особо остановимся на фактах, которые относятся к земледелию. В Туве феодалы, купцы и кулаки очень часто давали крестьянам вола, зерно под посевы. Аракчай Монгуштай рассказывает, что Еузутту сдавал одну корову или вола за посев 2 шанов земли. Чооду Кыльчан говорит, что он же нанимал у богатых лошадь для охоты за 60 белок или одну выдру.

Подобное явление особенно широко встречалось на юге Тувы. Боголепов и Соболев пишут: «На юге от Енисея сойоты пока не позволяют русским заниматься обработкой земли. Они говорят русским: дайте нам семена, мы посеем, а жатву разделим. Здесь земледельческие работы выполняются сойотами; создается нечто вроде испольщины. Около Чжакуля сойоты, выполняющие по поручению русских сельскохозяйственные работы, получают после снятия урожая по 3 рубля с мешка зерна» [158].

Испольщина в этом районе, видимо, существовала с давних времен. Потанин сообщает, что когда ему пришлось переезжать монголо-тувинскую границу в 1881 г., то обязанность проводника у него взял на себя писарь одного из монгольских караулов. «Ему надо же было,— пишет Потанин,— съездить на северную сторону Танну-олы по своим хозяйственным расчетам; он должен был собрать с урянхайцев-хлебопашцев долги хлебом. Подобного рода торговлей — задаванием товаров под хлеб — занимаются кажется все здешние караульные солдаты. Наш бичечи (т. е. писарь) выражался даже, что он ехал посмотреть на «свою пашню» [159].

Испольщина практиковалась и в других районах Тувы. К подобного рода явлениям относится сдача лошади,

---

[158] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 153—154.

[159] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 116.

ружья и других орудий производства за обусловленное количество пушнины или других продуктов. Яковлев пишет: «Промышленнику он (богач) дает лошадь, корову и винтовку и берет тогда всю добычу сезона, исключая мясо. За лошадь и винтовку во время периода охоты за рогами изюбря он отбирает добычу. Едут молодые ребята осенью белковать, за лошадь на одну поездку он берет соболя или 40 белок» [160].

О широком распространении такого рода сделок между подрядчиками и охотниками говорит и Кон: «Бывает, что сойоты охотятся на соболя по подряду. Хозяин дает ружье, собаку, коня и припасы и получает половину всех добытых артелью соболей. Та же пропорция сохраняется, если подряжен один охотник. Если подрядчик дает охотнику только коня, то за сезон получает одного соболя, равного по цене 40 белкам» [161]. В другом случае «охотник получает от нанимателя ружье, коня, все нужное для охоты и пищу, взамен чего отдает половину добытых рогов. Сойоты-бедняки, не живущие в одном улусе с богачом, но пользующиеся от него коровой, конем, ружьем и т. п., расплачиваются продуктами охоты, отдавая половину добычи. Если такой бедняк («аннатхан ангджи») пользуется бóльшим, например, двумя коровами, двумя лошадьми и т. п., то по обычаю он обязан всю добычу отдать богачу, который выделяет ему из нее часть по собственному усмотрению» [162].

В Тодже крупные оленеводы в большом количестве раздавали оленей под пушнину беднякам.

«В устье реки Шамоси,— пишет Ольсен Ерьян,— жил один сойот, который сдавал на таких условиях оленей всем бедным по реке Систикеме» [163].

В Тодже это явление выросло на почве родовой взаимопомощи.

Холезээр мал бээр — несомненно, широко распространенная форма феодальной эксплуатации, относящаяся к отработочной ренте. Этот тип отношений вырос на той же основе, что и саап ишкен. Ведь отработки так же свой-

[160] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 69.
[161] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 91.
[162] Там же, стр. 92.
[163] Труды Сибирского ветеринарного ин-та, вып. X, Омск, 1929, стр. 379.

ственны феодализму, как и капитализму. В. И. Ленин писал, что «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»)» [164]. И в Туве эти отработки до конца прошлого столетия имели феодальный характер.

14. ЭШТЕНЧИЛЕРЫ

До сего времени речь шла об основной массе рядовых тувинцев, которые отбывали феодальные повинности, но жили в своей общине и вели свое самостоятельное хозяйство. В Туве была и другая группа аратов, находившаяся в постоянной зависимости от бая и работавшая непосредственно в его хозяйстве. Русские путешественники и исследователи, посещавшие Туву в XIX — начале XX в., довольно отчетливо определяли ее положение. «Около одной богатой юрты,— пишет Адрианов,— обыкновенно вблизи стоят жилища бедняков, находящихся в услужении у богачей...» [165].

Кон подтверждает это известие: «При въезде в аал,— пишет он,— бросается в глаза одна юрта большая и как бы прочнее остальных. Это юрта богача, по имени которого улус получил название. Возле такой юрты ютятся три-четыре, редко больше, юрт бедняков, пользующихся лошадьми и рогатым скотом богача по мере нужды и являющихся по мере потребности в них пастухами табунов бай кижи» (богача) или его «эджим» — товарищами-слугами» [166]. Юрта богача, о которой пишет Кон, носила название ак-ег (белая юрта) — по белому цвету войлока. Остальные юрты в аале были темного цвета, потому и назывались кара-еглер (черные юрты). Эти люди, постоянно зависевшие от бая, носили название: эштенчи, хулечек, чалчы, огул.

Более точным и историческим определением всех категорий постоянно зависимых людей феодала является выражение «эштенчилеры» (или «эш болган улус»). Это наименование людей, работающих у феодала, независимо от того, имели они свои юрты или нет, мы слышали от наших собеседников стариков-тувинцев.

---

[164] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 170.
[165] Л. В. Адрианов. Очерки Минусинского края, стр. 194.
[166] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 165.

В связи с этим термином следует вспомнить уже цитированное выше место из работы Кона, где он различает среди живущих у юрты богача тех, кто были пастухами бая, бравшими скот у него на выпас, и тех, кто являлся его личными слугами — эджим. Слово «эджим» [167] переводится Коном на его надписях к фотографиям как «работник-друг» [168]. Эджимами называли эштенчилеров баи, нойоны. Термин «эштенчилер» происходит от тувинского слова эш — товарищ в узком смысле и в более широком его употреблении — товарищ, спутник, друг, а значит, эштенчилеры — это постоянные спутники, товарищи нойона, бая по кочевью.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что элемент «эш» входит в состав слова, которое определяло зависимых от феодала людей в древнетюркском обществе Верхнего Енисея в VI—VIII вв. Мы имеем в виду термин «gadas», который состоял из «gad» — сторона, бок и «as» — товарищ [169].

Следовательно, термин эштенчилер уходит своими корнями в глубокую старину и неразрывно связан с терминологией родового строя. Этот термин, помимо того, имеет и прямое отношение к патриархальному рабству; в своем непосредственном виде он служил прикрытием тяжелой феодальной (крепостной) зависимости арата от бая. Бай, выступая в роли благодетеля, товарища, спутника трудящегося арата, на самом деле его эксплуатировал [170].

Что же собой представляли эштенчилеры, каково было их имущественное и правовое положение, в каких фор-

---

[167] По Катанову — мой товарищ, мой спутник, мой друг. (Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1116).

[168] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 38.

[169] А. Бернштам. Социально-экономический строй Орхоно-Енисейских тюрок VI — VIII веков. Восточно-тюркский каганат. М.— Л., 1946, стр. 119.

[170] Тувинские эштенчилеры в известном смысле идентичны монгольским хамжилга. Характерно, что семантика этого монгольского термина близка тувинскому эштенчи. В первоначальном своем значении слово «хамжилга» означает присоединиться к кому-нибудь, составить с кем-нибудь компанию, содружество и т. д. «Например,— пишет проф. Т. А. Бертагаев,— выражение «харчуйги хамжаба» в буквальном переводе звучит «в пути присоединился и стал спутником, товарищем в дороге» (Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка, 1951, т. X, вып. 6, стр. 576).

мах происходила их эксплуатация феодалами? На все эти вопросы мы можем дать ответ, познакомившись с положением эштенчилеров на основании фактических данных.

Сюр-оол Дукульдек был эштенчи чангы Тамбы. Он пас около 500 овец Тамбы и ничего за это не получал, кроме рваного полушубка. Питался он у Тамбы. «Утром,— рассказывает Сюр-оол Дукульдек — вскипятят воду, прибавят немного молока, сыплют туда ячменную шелуху и этим кормят, второй раз в сутки ел только вечером остатки супа, а весь день был голодный. Молока и шерсти не давали». Помимо пастьбы скота, Дукульдек, по требованию бая, принимал участие в «загоне» диких зверей, которых стрелял Тамба. Тамба очень часто избивал Сюр-оола Дукульдека и так, что следы побоев до сего времени остаются у него на теле. (Рассказчик показал автору этих строк свою правую ногу, на которой видны глубокие шрамы от палочных ударов.)

По рассказу Кук Карак Хомушку, у Адья-хаа был хулечек Содба, который имел пять коров и две лошади. Содба был племянником Адьи. Он доставлял хаа дрова, пас скот и делал другие работы. Он работал на Адью, говорит рассказчик, потому что был его родственником.

Сюрюн Хомушку жил в арбане Шат, где было 60 юрт. Из них очень многие были бедными. Сам Сюрюн имел лошадь, 15 коров, 50 овец и коз, сеял 1,5 га хлеба, а кроме того, сеял 1,5 га для чиновника Еузутту и получал от него за это быка для работы, дойную корову на лето и барбу зерна — семян для посева. Чыжык Кужугет имел лошадь, две-три коровы, одного пороза, сеял 2 шана себе, а 3 шана по требованию чиновников на бая Ундена. Ежегодно он платил албан в размере 20 белок, а ундурюк платил кожей и веревками.

В записной книжке Ермолаева мы находим запись: «Аксак Тондубай один человек без юрты, без хозяйства, без бабы, живет возле богатого, перебивается» [171].

По сообщению С. Т. Танова, в Улуг-Хемском районе был арат Чадып, который имел одну корову и 10 овец. Он пахал землю на вдову нойона Шываганчи и сдавал ей

---

[171] ЦКМ, № 694, л. 40.

каждую осень от 10 до 20 барб хлеба, а за это получал от нее лошадь, быка и корову, посевы его располагались в 50—60 км от юрты хозяйки.

У Ермолаева записано о тувинце Почукае: «кочевья и зимовья (его.— *В. Д.*) зависят от того, с кем живет и кому прислуживает, кто его приглашает к себе, туда он и идет, там зимует. Кредитуется у Пестунова до 20 рублей, отрабатывает натурой» [172]. У Почукая лошадей не было, он имел корову и восемь овец. Отпал был эштенчи у вдовы чангы Долгар (матери Хайдыпа), он имел две коровы, две лошади, овец у него не было, от госпожи получал только молоко и ничего другого. Видимо, Отпал брал у Долгар скот на выпас, за что и получал молоко, а питался у себя дома. У той же Долгар был эштенчи Аскок и девушка Эрекпел (см. о них выше, стр. 193). Другие эштенчи Долгар имели свои юрты и свой скот: Саин-оол имел корову, Карабаштыг даже две коровы, лошадь и 10 овец; они получали у Долгар скот на выпас, от которого пользовались молоком; одежду должны были приобретать сами.

Эштенчилеры выполняли разные работы: пасли скот, толкли просо, запасали дрова и др. За пропажу скота бая их жестоко избивали. Летом эштенчилеры питались хойтпаком, а зимой супом. Баи давали им свою старую изношенную одежду.

Старик хулечек Халанчжа был постоянным работником Калга-челана, он имел всего лишь 7 яманов. Халанчжа каждый день носил дрова, чистил навоз, ходил на охоту с самострелом, а жена его готовила пищу для бая, она была занята с раннего утра и до позднего вечера. Характерно, что так как сам хозяин Калга-челан умер, а хозяйством правила его жена Шываганчи, то она давала свою старую одежду жене Халанчжа, а сам Халанчжа не получал одежды, так как не было хозяина, а значит и не было старой одежды. Эштенчи Токпогол был из того же рода, что и его госпожа Тарга Шываганчи. Любопытно отметить, что со смертью Шываганчи Токпогол перешел вместе с ружьем к сыну Шываганчи Боян-оолу. Эштенчи Чудегол пас лошадей и жил в юрте бая. За работу получал еду и старую одежду. У Шываганчи питались все ее

[172] Там же, л. 94.

пять батраков (хулечек). «А питались так,— рассказывает Танов,— утром пьем чай с молоком, очищенное просо или жареную муку с маслом ест дарга Шываганчи, а нам не дает. В обед тоже чай с молоком и немного проса. Вечером обязательно варят мясо — целую чашку с водой — суп. Мясо съедала Шываганчи, а суп поедали ее слуги». Характерна дальнейшая судьба Токпогола. После смерти в 1913 г. Боян-оола Токпогол, который до того служил его матери, а еще раньше — отцу, стал свободным, причем ружье осталось при нем, а корову и лошадь он должен был отдать жене Боян-оола. Таким образом, на протяжении многих лет Токпогол пользовался коровой и лошадью своего хозяина — феодала. Из хулечеков Хунакая — Чалбак, Тавгынчик, Чедерек, Кучей скота не имели, при этом Кучей был дальним родственником Хунакая.

Таких дальних и даже близких родственников феодала среди эштенчилеров встречалось очень много.

Все эти факты показывают, что среди эштенчилеров были люди разного имущественного и правового положения. Характерно, что араты иногда по-разному определяют эти различные категории эштенчилеров. Нам надлежит разобраться в них. Редко, но употребляется аратами слово «чалчы». Слово «чалчы» больше употреблялось нашими собеседниками в отношении тех лиц при бае, которые являлись его личными слугами, исполнявшими всякого рода домашние работы. Весьма любопытно, что они нередко не были родственниками своего хозяина. Иногда в сообщениях аратов проскальзывала мысль о том, что чалчыр — это наемные люди, но при повторном опросе они обычно отвечали, что это слуга, именно дворовый слуга, нойона и чиновника.

Между тем слово «чалчы» известно у других тюркских народов в другом, более определенном значении. Радлов в своем «Опыте словаря тюркских наречий» слово «чалчы», ссылаясь на значение этого слова в шорском и сагайском наречиях, переводит как наемный рабочий — ein Lohnarbeiter [173]. Напомним, что у Катанова, который составил первый словарь тувинского языка в 1890-х годах, мы не находим этого слова.

[173] Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, СПб., 1905, 1890.

Другой термин, который чаще всего встречается в наших записях, как обозначение лиц, работающих на бая,— кулечек, или хулечéк.

Хулечек — это крепостной или человек столь зависимый от феодала, что он близко стоит к крепостному. Слово «хулечек» происходит от монгольского «хуленджи» — нанятый, нанимать, нанимающийся. Действительно, в современном тувинском языке оно означает нанятый; видимо, и в прошлом оно имело такое же значение. Кулаки своих работников называли хулечек. Таким образом, следует считать, что хулечек — этот позднейший термин — смешивался аратами с более древним обозначением: эштенчи, чалча и подменил их, потому что по существу хулечек более походил на зависимого человека, чем на вольнонаемного. Что это был зависимый работник, показывает то обстоятельство, что хулечек мог уйти от бая лишь с его разрешения («не в сердитое время», как выразился в беседе один арат), а по собственному желанию — только со смертью бая. Бросается в глаза и то, что многие хулечеки были или из одного сумона со своим баем или даже его близкими родственниками.

Широкое использование родственников в качестве клиентелы, помимо того, что оно родовыми и родственными связями прикрывало эксплуататорский характер института эштенчилеров, давало баям большие экономические выгоды. Оплата труда или содержание бедного родственника значительно дешевле, чем чужого человека, обязывает эксплуататора к меньшему. Затем, эксплуатация бедного родственника упрощает отношения между хозяином и работником, потому что не требует особого надзора, так как предполагается, что бедный родственник заинтересован в работе на своего богатого родственника.

Эксплуатация труда бедных родственников в значительной мере носила характер внеэкономического принуждения. Бедняк работал на богатого родственника более усердно, чем на чужого, считая себя чем-то вроде члена его семьи. Прямым следствием этого являлось стремление богатых к усыновлению, к установлению патроната над бедными людьми. Тувинские баи-кижи, независимо от того, феодалы это или кулаки, довольно часто прибегали к системе патроната. Усыновление в тувинских семьях было вообще распространенным явлением. Оно выросло из

условий родового быта и широко практиковалось не только у тувинцев, но и у якутов [174], хакасов [175] и других народов.

На этой широкой базе родового обычая усыновление [176] развивалось и как метод феодальной эксплуатации, и как форма рабства.

В изучаемый отрезок времени мы не имеем никаких прямых следов рабства в Туве, хотя, как известно, оно существовало в соседних с Тувой областях, например на Алтае [177]. Вероятно, оно имело место и в Туве.

Тувинский институт рабства прямо и непосредственно связан с системой патроната. Институт рабства в этом виде зафиксирован Е. К. Яковлевым: «Усыновление у сойот,— пишет он,— сопряжено с рядом формальностей и представляет из себя акт своеобразной купли-продажи, напоминающий римскую mancipatio. Например, если в семье систематически мрут дети, отец продает сына чужой семье, чтобы хотя этим сохранить его от смерти. Если покупающий и продающий члены одного сумо, то они зовутся сватами. Проданный может быть снова возвращен в свою семью по миновании опасности, причем покупная сумма возвращается, конечно, назад. Переходу усыновляемых из одного сумо в другое препятствует и начальство; девочки переходят свободнее, для взрослого переход в чужой род считается позорным» [178].

Явление, описанное Яковлевым, относится к последней трети XIX в. Оно дает нам возможность понять, почему многие эштенчилеры тувинского бая не могли от него уйти.

В Овюрском районе жил цзахирикчи Чаюв Ананай, он был небогат: имел 10 голов лошадей, пять-шесть коров и

---

[174] М. К. Расцветаев. Указ. соч., стр. 54.

[175] А. А. Ярилов. Указ. соч., стр. 92.

[176] Надо отметить, что и русские купцы и кулаки, поселившиеся в Туве, довольно часто практиковали усыновление тувинцев, превращаемых ими в батраков.

[177] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, изд. 2, 1953, стр. 277 и сл.

[178] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 93. О том, что рабство было хорошо знакомо тувинцам прежде, говорит большое количество слов, производимых от слова «кул» — раб, зафиксированных в свое время Н. Ф. Катановым (Н. Ф. Катанов. Опыт исследования..., стр. 1150 и др.).

около 100 овец; раньше он служил пограничным начальником. У него в чалчах жили мальчик Баир-оол и мужчина, имя которого рассказчики не помнят. «Оба они не могли уйти от него,— говорят рассказчики. Баир-оол пас и доил овец, а жена хозяина била его все время палками и ругала. Но он никуда не уходил. Взрослый чалчы собирал дерево для топлива, добывал соль, привозил хлеб из Кемчикского района. Баир-оол — сирота, родственников у него нет, и большой чалчы тоже не имел родных». Оба они, Баир-оол и большой чалчы были из одного с баем рода Тонгак, а поэтому до революции они не имели права уйти, «обращались с ними, как со скотом». Следовательно, в данном случае мы имеем дело с явлением весьма интересным: оба чалчы не имели родственников; очевидно, оба были «воспитаны» баем, и поэтому обязаны были работать на него; они были на положении рабов, но это по заявлению информаторов, не настоящие рабы (кул).

«Настоящие рабы были, но их давно уже не стало»,— отвечают они на прямой вопрос, поставленный в связи с положением сирот в хозяйстве богача. Сирота не мог уйти от феодала, он был обязан работать на него в силу того, что он был воспитан, выращен, как близкий родственник бая, и был на положении раба. Здесь основой внеэкономического принуждения служило родство и факт воспитания сироты его родственниками. Яковлев, цитату из работы которого мы выше приводили, рассказывает фактически о продаже бедными родителями своих детей в рабство.

Купля и продажа детей не исчерпывает источников порабощения. Весьма распространенным явлением была передача бедными родителями своих детей в рабство без всякой платы, лишь бы спасти детей от голодной смерти. Для подтверждения этого сошлемся на Пестерева, сообщение которого нами уже приведено выше. Пестерев говорит, что умирающий от голода родитель отдает своего сына или дочь богатому в вечное рабство [179]. Видимо, это же имеет в виду и Крыжин, когда он пишет: «Неимущий нанимается работником к богатому и находится тогда у него в рабском подчинении» [180]. Хотя Крыжин говорит о взрослых, но суть дела от этого не ме-

[179] НЕС, 1793, ч. LXXX, стр. 57.
[180] Труды Сибирской экспедиции..., стр. 91.

няется; попадающий в зависимость от богатого арат становится фактически его рабом. Вероятно, в более ранний период источником рабства были пленные, захваченные во время набегов и войн, но это уже выходит из рамок исследуемого периода тувинской истории. Известно, что алтайские баи, пользуясь голодом, покупали рабов у тувинцев [181]; естественно предполагать, что и у тувинцев вечными слугами становились не только дети бедных сородичей, но и дети чужих родов и племен.

Усыновленный («азыранды-кижи») — огул [182] входил в семью богача почти на правах равного члена семьи, он питался остатками пищи со стола приемного отца, одевался в его шубу, но ничего не получал, кроме этого. Араты рассказывают, что приемный отец должен был его женить, но надолго затягивал женитьбу и очень часто азыранды-кижи оставался на всю жизнь бот-кижи (холостяком, бобылем). Азыранды-кижи большей частью исполнял домашние работы: отгребал снег, заготовлял дрова, чистил загон от навоза, варил араку и исполнял другие поручения хозяина. После смерти хозяина азыранды-кижи оставался слугой его вдовы, но после ее смерти он иногда освобождался и становился, видимо, сула-кижи, т. е. свободным. Следовательно, рабство у тувинцев носило патриархальный характер, и в Туве (так же, как и домашнее рабство на востоке,— по Энгельсу) «оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом. (Рабыни гарема.)» [183].

С течением времени баи стали наделять азыранды-кижи скотом в виде вознаграждения за пастьбу скота, и они превращались в клиентов бая, в эштенчилеров. Этот процесс своеобразного смягчения положения домашнего раба проходил в Туве во второй половине XIX в. Именно из этой категории азыранды-кижи состояла большей ча-

---

[181] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 93.

[182] Е. К. Яковлев различает эти два термина: огул — пасынок, а азыранды — приемыш; наши собеседники уже не различали этих слов. (Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 96). Разбор термина «огул» (раб рода) с его семантической стороны дан А. Бернштамом (Социально-экономический строй Орхоно-Енисейских тюрок, стр. 116).

[183] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 451.

стью личная прислуга тувинского нойона и бая. Она была чаще всего неимущей и жила в юрте бая до тех пор, пока не приобретала своей собственности.

Рассмотрев вопрос о составных частях эштенчилеров, мы можем установить три источника их происхождения:

1. Основная масса эштенчилеров рекрутировалась из родственников и сородичей бая, но обедневших и нуждавшихся в материальной поддержке. При этом материальная поддержка облекалась в форму родовой взаимопомощи, передачи скота на доение сородичам и родственникам (саап ишкен). Однако эштенчилерами бая сородичи и родственники становились не только в силу материальной необходимости, но и потому, что они являлись его сородичами и родственниками; в этом случае они обычно говорили: «Он был мой родовой начальник», «я не мог от него уйти потому, что привык ему работать, так как он мой родоначальник или просто родственник». Этому способствовало то, что бай часто был не только родовым начальником, но и главой сумона или хошуна, т. е. феодально-административной единицы управления.

2. Часть эштенчилеров становилась таковыми по прямому приказанию начальства, независимо от родственных отношений к чиновнику. Например, лучшие пастухи, безотносительно к тому, имели они или не имели надобности брать на выпас чужой скот, принуждались работать на чиновника. И они не могли уклоняться от исполнения приказания чиновника, так как последний всегда мог найти способ расправиться с аратом, отказавшимся от выполнения работ. Говоря о своей работе у бая, такой арат указывал, что его «как хорошего пастуха заставили работать чиновники». То же относится к ремесленникам и охотникам, которые принуждались кочевать и жить подле бая и работать на него по приказанию того же чиновника.

3. Усыновленные дети бедняков из сородичей или чужеродцев, а также купленные у тех же лиц дети.

Сложившись из различных групп, эштенчилеры в процессе развития феодальных отношений в Туве постепенно превращались в одинаковый по своему правовому положению социальный слой, наиболее зависимый от баев.

Многие тувинские эштенчилеры были сородичами бая,— факт, чрезвычайно рельефно подчеркивающий органическую связь феодальных отношений с пережитками

родового быта,— и только часть их были выходцами из чужих родов, давно утратившими связь со своими родами.

Эштенчилеры исполняли самые различные обязанности в хозяйстве феодала. Одна часть их (в большинстве своем из азыранды-кижи или огулов) составляла, как бы мы ее назвали, дворню феодала. Она была занята в домашнем хозяйстве нойона: мужчины присматривали за стадом, заготовляли дрова и т. п., женщины доили скот, выхаживали ягнят, телят, приготовляли еду и т. д. Другая, большая часть эштенчилеров была занята пастьбой скота феодала, получая его в саап ишкен, или занимались охотой, ремеслом, получая орудия производства у хозяина в «холэзээр мал бээр».

По своему имущественному положению эштенчилеры делились на две группы: имевшие скот и юрты и не имевшие их. Естественно, что не имевшие скота чаще всего не имели и юрты, и наоборот, имевшие скот имели и свои юрты. Понятно, что не имевшие своих юрт были в большей зависимости от феодала, чем имевшие их.

Уход эштенчи от бая по обычаю был допустим, иногда это и происходило. Однако большинство аратов-эштенчилеров не уходило, и не только потому, что уход зависел от воли самого феодала, но и потому, что без материальной поддержки бая такой арат не мог существовать, хотя эта материальная «поддержка» была источником самой безудержной эксплуатации. Это явление типично для феодальных производственных отношений.

«Основное содержание производственных отношений при этом было таково,— пишет В. И. Ленин: — помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщике... «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой,* служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина» [184].

[184] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 469.

Юрта степного тувинца

Получая от бая скот на выпас или в пользование, эштенчилер должен был работать на него. Подобное же положение мы имеем и с безъюртными аратами. Таких аратов было в Туве много; бай презрительно называл их «кара-тенгри-каган» (отброшенные в черное небо), т. е. живущие под открытым небом. Такой «кара-тенгри-каган» вынужден был проситься в юрту к баю, где он получал место у порога юрты. Находясь под одним войлоком со своим господином, арат должен был и питаться у патрона. Положение его было крайне тяжелое. Нещадно эксплуатируя арата, бай его кормил очень плохо. Основным питанием хулечека был суп, из которого мясо было выбрано хозяевами, т. е. собственно жиденький бульон, выдававшийся за суп. Хулечека кормили этим супом два раза в день, утром и вечером. Он почти никогда не видел того мяса, которое выхаживал в течение круглого года; если он это мясо и получал, то от павшего животного. Таким мясом кормил своих слуг, например, известный тувинский богач Ачикай. Летом хулечек питался хойтпаком. Вечно голодный, он был к тому же оборван, его никогда не мытое тело прикрывали отребья старой хозяйской

«Аскыр» — тувинские колодки

шубы. В таком жалком одеянии в весеннюю пору арат теплом своего тела должен был еще отогревать слабого беспомощного ягненка, которого матка выбрасывала прямо на пастбище в поле. Целые ночи напролет, дрожа от холода, бродил он по пастбищу, подбирая новорожденных ягнят и телят.

Тяжелый изнурительный труд эштенчи сопровождался побоями и другими наказаниями со стороны феодала. Били за все: за натертую спину лошади, за пропажу ягненка, за передачу хозяйской лошади в пользование родственнику.

Вот случай, о котором вспоминал в 1924 г. 84-летний арат Чолбак: «Я сам видел, как Болчинмай кангы, еще до появления алдан-дургунов (см. о них ниже, стр. 287—306.— *В. Д.*), в пьяном виде избивал своего пастуха Хогенгепа, бил по щекам шагаем и по телу прутьями. Когда тот терял сознание, его обливали водой, и когда он приходил в себя, его снова били; так это продолжалось целый день. Еще он каленым железом утюжил его по спине, клал на нее горячие угли и жег лучинками. Я это видел и сам по приказу чиновника помогал ему в этом. Причиной

этому послужило то, что Хогенгеп самовольно из скота, который пас, дал одному арату быка на котором тот хотел съездить за солью и по возвращении появился нарывчик на спине быка» (по записи Данзын-оола).

До сего времени старикам Тувы памятны дикие сцены избиения и издевательства баев и чиновников. Палка была одним из «стимулирующих» средств повышения производительности труда. «Крепостническая организация общественного труда,— говорит В. И. Ленин,— держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков» [185].

15. ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ТУВИНЦЕВ

Нельзя ставить знак равенства между Тувой времен Пестерева и Дажи и Тувой периода Комбо-даржи и Ачикая. За сто с лишним лет, разделяющих эти два периода, экономика и социальные отношения Тувы претерпели изменения. К сожалению, скудность исторических источников не позволяют нам с надлежащей полнотой раскрыть картину социального развития Тувы; многие ценные детали, важные вехи на пути развития тувинских социальных отношений этого периода не поддаются точному учету.

Уже Пестерев в конце XVIII в. ясно видит в Туве резкие классовые противоречия и закабаление тувинскими феодалами рядовых аратов. Повидимому, на протяжении первой половины XIX в. принципиальных изменений в области социальных отношений не произошло. Только с появлением в Туве с середины XIX в. российского торгового капитала, а с началом XX в. и китайского начинают проникать в область социальных отношений Тувы буржуазные тенденции.

Процессы социального развития Тувы протекали неравномерно на ее огромных пространствах. К концу XIX в. в центральной и западной частях области господствующими являлись феодальные отношения, правда отягощенные пережитками патриархально-родового быта, в восточной же ее части эти пережитки еще больше преобладали. В север-

[185] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 387.

ной части области намечались капиталистические тенденции под влиянием русской экономики и начала русской колонизации.

Господствующими в социальном строе Тувы продолжали оставаться феодальные отношения, именно они определяли социальную структуру тувинского общества.

Тувинские феодалы были основными собственниками средств производства: в их руках сосредоточивалась наибольшая часть тувинского скота, они владели лучшими пастбищами области.

Тувинский феодализм никогда не знал денежной ренты,— факт, лишний раз подчеркивающий низкий уровень производства и низшую стадию феодализма в Туве. Единственной формой выкачивания прибавочного труда из арата являлась натуральная рента в форме продуктовой ренты и отработочной ренты.

Продуктовая рента извлекалась, с одной стороны, китайским феодальным государством, колонией которого была Тува,— в виде албана, а с другой стороны,— монгольскими князьями, тувинскими нойонами, цинскими чиновниками,— в виде всевозможных поборов скотом, пушниной, продуктами скотоводства (ундурюг, суузен и т. п.) на правах владельческих и административных.

Отработочная рента взималась у арата тувинскими феодалами и монгольскими князьями, как собственниками пастбища, скота и других орудий производства (саап ишкен, холээээр мал бээр, кочага, медээ, соодала и др.).

Существенной особенностью тувинских феодальных отношений было то, что они представляли собой раннюю стадию в развитии этой общественной формации. Показателем этого служила та густая сеть пережитков патриархально-родовых отношений, которая опутывала и маскировала эти феодальные отношения. При этом пережитки патриархально-родового строя не просто осложняли и маскировали феодальные отношения в Туве, они срослись с ними, как их органическая часть, без которой тувинский феодализм перестал бы быть тувинским феодализмом.

Такая неразрывная связь общинно-родовых отношений с феодальными отношениями находит себе оправдание в примитивности способа производства в Туве. Этот способ производства характеризовался преобладанием в экономи-

ке области скотоводства. Все остальные отрасли производства носили второстепенный характер и непосредственно зависели от скотоводства. В частности, тувинское земледелие фактически находилось в зачаточном состоянии; оно всецело лимитировалось скотоводством. Ремесла и промыслы были развиты слабо.

Охота и собирательство оставались главными отраслями хозяйства ряда районов Тувы, и это еще больше подчеркивает отсталость и примитивность тувинской экономики, узость экономического фундамента, на который опиралось воспроизводство материальной жизни тувинского общества.

Естественно, что на таком уровне производства родовой быт и его пережитки составляли самую великолепную и самую широкую основу для эксплуатации.

При первом же взгляде на социальные отношения тувинцев XIX — начала XX в. бросается в глаза эта неразрывная связь феодальных форм эксплуатации с пережитками патриархально-родовых отношений.

Выше уже говорилось, что основными видами феодальной эксплуатации аратов в Туве являлись саап ишкен и холэзээр мал бээр, представляющие собой разновидности отработочной ренты. Эти формы феодальной эксплуатации выросли на почве узурпации феодалом функций родовой взаимопомощи [186–187]. Также фактически были захвачены феодалом и другие виды родовой взаимопомощи и функции рода: момбуш, дук сальчир, родовой знак — тамга и т. п.

Пользуясь правом внеэкономического принуждения, полученным ими на правах вассалов Дайцинской династии, тувинские феодалы вместе с тем широко прибегали к родовой традиции (внутриродовые связи, система патроната и др.), игравшей существенную роль в системе средств внеэкономического принуждения.

В области земельных отношений тоже имело место приспособление родовых отношений к феодальным. Земля в Туве формально считалась родоплеменной собственностью, но фактически ею распоряжались тувинские нойоны, которые стояли во главе общественно-административного

[186–187] С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. В сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», ГАИМК, 1934, вып. 103. стр. 189.

управления. Опираясь на свои административные права, они фактически выступали в качестве монополистов земли.

Органическая связь пережитков патриархально-родовых отношений с феодальными отношениями и придавала им особый характер и выделяла эту форму общественных отношений в особую раннюю стадию развития феодализма, которую называют полупатриархально-полуфеодальными отношениями или патриархально-феодальным игом.

После всего сказанного о социальных отношениях в Туве нетрудно понять, что эти отношения носили здесь патриархально-феодальный характер. Характеризовать тувинский социальный процесс XIX — начала XX вв. как строй развитого феодализма, значило бы преувеличить развитие феодальных отношений в Туве.

Переплетение патриархально-родового быта с патриархально-феодальными отношениями — вот что представляли собой социальные отношения Тувы в XIX в. В начале XX в. проникновение капиталистических тенденций в социальные отношения Тувы усилилось. Эти тенденции, разлагая патриархально-феодальный строй Тувы, еще больше обостряли противоречия в стране, ухудшали положение ее народа.

Пережитки общинно-родовых отношений, осложняющие феодальные отношения, переплетение форм родовой помощи с феодальной эксплуатацией очень тяжело отражались на материальном и правовом положении широких народных масс. Недаром все путешественники, посещавшие Туву в изучаемый период, единодушно свидетельствуют о крайней бедности тувинского народа.

Почему в Туве пережитки общинно-родовых отношений не только накладывали отпечаток патриархальности на феодальные отношения, но и органически входили в эти феодальные отношения?

Конечно, причины этого лежали прежде всего в уровне развития производительных сил области. Экстенсивное скотоводство, основанное на низкой технике производства, на пассивном приспособлении к природным условиям, т. е. фактически основанное на том же фундаменте, что и собирательство, зачаточные формы земледелия, охота и неразвитое ремесло — служили главной причиной, которая породила такого рода социальные отношения. Но этим дело не исчерпывается.

Китайский феодализм точно так же, как и русский царизм, если еще не в большей мере, культивировал на своих национальных окраинах патриархально-феодальный гнет, самые отсталые патриархальные формы социальных отношений.

Эта политика китайского феодализма по отношению к тувинцам была намечена в первые же годы после завоевания Тувы маньчжурами. В этой связи нужно вспомнить известные слова покорителя и завоевателя Западной Монголии и Тувы цзянь-цзюня Чэн-гун Чжаба, который в донесении китайскому императору писал: «Вновь покоренные урянхайцы похожи на зверей в горах и на рыб в реках; только можно оставить их на их произвол, а не сбуздать законами.— Вообще всякий, кто получит жизнь и желает жить, если дать волю его природе, то не надо будет хлопотать о предосторожностях и тем самым сберегутся военные расходы» [188].

В этой формуле отражается сознательная политика китайских феодалов по отношению к национальным окраинам Китайской империи, политика консервации и культивирования в них самых отсталых, самых примитивных форм общественных отношений. Китайские феодалы совершенно изолировали Туву от самой метрополии и других ее колоний. Маньчжуры запретили тувинцам переходить Танну-олу, они расставили здесь свои гарнизоны и строго наказывали тех, кто пытался перейти границу. Изолированный в верхнеенисейской котловине, за каменными хребтами Танну-ола и Саян, тувинский народ должен был прозябать в своем патриархальном состоянии. Маньчжуры сами редко появлялись в Туве, не держали в ней своих гарнизонов, правили страной через местных феодалов, но они высасывали все соки из тувинского народа с помощью албана и поборов.

Албан, собираемый из года в год неизменно пушниной, систематически подтачивал слабые производительные силы страны. Маньчжурские захватчики Тувы вплоть до 1912 г., требуя непомерное количество пушнины, выкачивали не только прибавочный труд тувинских аратов, но и большую часть необходимого.

---

[188] Шен-У-Цзи (см. Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 329).

То обстоятельство, что маньчжурское правительство выкачивало из тувинцев феодальную ренту в виде пушнины, служило важной причиной отставания и деградации производительных сил тувинского общества.

Русский царизм поощрял, а цинский допускал разбойничью деятельность русского торгового капитала в Туве, а затем (с 1900 г.) китайский феодализм допустил и всячески поощрял еще более хищническую и прямо разрушающую деятельность китайских купцов в Туве.

Русский и китайский паразитический торговый капитал кровно был заинтересован в сохранении феодально-патриархальных форм общественных отношений. Только на базе патриархальной отсталости Тувы были возможны те колоссальные прибыли, которые извлекали из торговли с Тувой российские и китайские купцы.

Наконец, последнее по счету, но не последнее по важности, что очень хорошо показано Л. П. Потаповым на примере истории алтайских народов, и что в полной мере подтверждается тувинской действительностью,— это кровная заинтересованность тувинских чезенов, нойонов и всего чиновничьего аппарата тувинской администрации в сохранении патриархально-родовых отношений.

Родовые пережитки, несомненно, прикрывали феодальную эксплуатацию аратов феодально-ламской и даже байской верхушкой Тувы. При малочисленности феодального класса в Туве, при его раздробленности родовые пережитки служили эксплуататорам довольно прочным щитом от гнева трудящихся масс. Следовательно, не только объективно складывавшееся развитие социальных отношений сохраняло родовые пережитки. Классовые интересы тувинских феодалов — врагов и предателей тувинского народа, верных агентов иноземных захватчиков — побуждали их закреплять родовые пережитки как ширму, которая скрывала эксплуататорский характер их деятельности. Обстоятельство это не мало способствовало тому, что классовая борьба в условиях Тувы, так же как и на Алтае, в некоторой степени приглушалась своеобразием феодального строя этих областей, что отнюдь не значит, что феодалам удалось ее совершенно придавить.

В следующей главе мы попытаемся выяснить, как протекала классовая борьба и в какие формы она вылилась в Туве.

Все изложенное нами показывает, что эта консервация социальных отношений в Туве соответствовала уровню развития производительных сил области и классовым интересам иностранных и туземных феодалов, а также и купцов. Именно в классовых интересах китайских и тувинских феодалов лежит главная причина многовековой отсталости тувинских социальных отношений, дальнейшая консервация которых грозила катастрофой для тувинского народа.

Глава шестая

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ТУВЕ В XIX в.

Классовая борьба является движущей силой исторического процесса в классовом обществе, его основным содержанием. Она проявляется во всех сторонах жизни классового общества, пронизывает все отношения между людьми, и нет ни одной более или менее заметной сферы общественной жизни, которая не была бы участком классовой борьбы, где не сталкивались бы узкие эгоистические интересы эксплуататоров с интересами трудящихся. Определенному способу производства, определенной общественной формации соответствуют и определенные формы классовой борьбы.

В условиях господства скотоводства в хозяйстве Тувы борьба за скот, наряду с борьбой за землю, за пастбища, имела огромное значение в классовых столкновениях между угнетенными и угнетателями.

Однако ограничить классовую борьбу только борьбой вокруг земли и скота нельзя. При внеэкономическом принуждении, при наличии власти в руках феодалов, борьба шла и против закрепощения аратов, против насилия тувинских чиновников. Уже говорилось о том, что одним из важных источников могущества и богатства тувинских феодалов являлась их преданность завоевателю Тувы — маньчжурской династии. Поэтому в тесной связи с классовой борьбой находилась борьба тувинских аратов за освобождение Тувы из-под колониального угнетения Китаем.

Борьба аратов с их многочисленными врагами выражалась в различных формах: в захвате для скота пастбищ

нойона, угоне скота у богачей, бегстве из сумона, в неуплате албана, уклонении от выполнения уртельной и других повинностей, в убийстве наиболее ненавистных баев, чиновников, в поджоге юрт-канцелярий. Социальный протест принимал иногда характер более или менее массовой борьбы аратов против феодалов, доходившей до попыток вооруженного сопротивления отдельных групп аратов военным силам своих правителей.

Тувинские араты часто угоняли скот у своего бая. По обычному праву считалось, что «бедняк, самовольно захвативший в таком случае скот богача для утоления голода, считается правым даже в случае поимки с поличными» [1]. Здесь речь идет о фактах угона скота у богачей в голодные времена. Действительно, похищение скота учащалось в период голода, во времена массового падежа от заразных болезней, джута. Яковлев в своей книге сообщает: «мне пишут с р. Уса от 21 июля 1899 года: «краж лошадей на Усу — из ряда вон: сойоты просто ошалели, да и как не ошалеть: чума, голодовка скота, голод у самих, подати $^1/_{10}$ скота, налогов $^1/_5$, да еще долги монголам, китайцам, русским и еще кто знает кому» [2].

Араты захватывали скот у феодалов в одиночку и группами (аалами). Редко, но практиковались и массовые угоны скота. Очень широко использовали это средство борьбы против крупных скотовладельцев кайгалы [3], ставшие дургунами [4]. Подобрав себе группу аратов, они днем угоняли у богатого скотовладельца часть скота. Часть похищенного раздавалась аратам, часть они уводили в степь и питались им.

Баи и чиновники для лучшего сохранения своего скота добивались от властей утверждения своих личных тамг на скот, которые можно было бы отличить от родовых тамг. Это позволяло скотовладельцам быстро находить похищенный скот в пределах собственного сумона. Тувинская администрация, опираясь на китайские законы, вела беспощадную борьбу против скотокрадства внутри Тувы,

---

[1] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 77.

[2] Там же, стр. 78.

[3] Кайгал — в буквальном переводе «удалой». Так называли людей, которые угоняли скот, что считалось по обычному праву — удалью, подвигом.

[4] Дургун (буквально «беглец») — арат, скрывавшийся от властей.

организуя в то же время скотокрадство за пределами страны. Особенно массовым явлением был угон скота у российских и китайских торговцев [5] во время восстаний 1876—1878 гг. и 1883—1885 гг. Еще более массовый характер принял угон скота аратами у крупных китайских скотовладельцев в период изгнания китайских торговцев из Тувы в 1912 г. Во всех этих случаях угон скота являлся своеобразным видом протеста аратов против грабежа и насилия иностранных ростовщиков и купцов, т. е. против эксплуататоров нетувинского происхождения.

1. ДУРГУНЫ

Все араты были прикреплены к сумонам и арбанам, но многие из них, спасаясь от гнета и насилия чиновников и баев, перебегали из своего сумона в другой сумон или арбан или даже за границу. Бывали случаи ухода от своих хозяев эштенчилеров, хулечеков и других зависимых от феодала людей. Это средство борьбы тувинских аратов против феодалов напоминает нам ту форму антифеодального протеста, которая была характерна для монгольского феодального общества в ранний период его истории, когда уход, откочевка от князя были самым обычным доступным способом сопротивления аратских масс феодальной эксплуатации [6]. Откочевавшие от феодала или ушедшие из сумона путем подкупа администрации или другими способами приписывались к другому сумону или арбану. Часть откочевавших переходила в районе Саян или Алтая русскую границу, где беглецы находили гостеприимство у своих сородичей карагасов, хакасов или теленгитов [7].

Другие, убегая от своих хозяев, поселялись в степях, горах или тайге и вели полуразбойничью жизнь. Такие

---

[5] См. ГАИО, ф. 24, св. 2638, д. 121 (по описи); ф. 25, оп. 13, св. 8, д. 106; ф. 25, оп. 10, св. 19, д. 536 и др.

[6] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 173.

[7] Фактов такого перехода русской границы можно привести много. Н. Ф. Катанов, например, сообщает, что осенью 1889 г. в с. Солонцы (на левом берегу р. Уды) пришли три семьи тувинцев, которые на родине лишились всех своих оленей. (Поездка к карагасам в 1890 г. Н. Ф. Катанова. Зап. ИРГО по отд. этнографии, т. XVII, вып. 2. СПб., 1891, стр. 196). Некоторые из тувинцев, выехавшие из-за Саян в Сибирь, по свидетельству Катанова, довольно быстро перенимали русский костюм и обычаи (там же, стр. 190).

одиночки, называвшиеся дургунами (беглецами), становились иногда смертельными врагами нойонов. В редких случаях дургуны объединялись в группы и совершали набеги на баев и чиновников.

В народе хорошо памятны имена аратов-дургунов Сарыг-Самдана и Еренхоо, которые ушли в горы и оттуда совершали набеги на караваны торговцев и юрты богачей, отнимали у них товары и скот и раздавали его, как рассказывают араты, беднякам. В течение нескольких лет Сарыг-Самдан и Еренхоо были неуловимы. Так как они действовали в период правления в Даа-хошуне Базыя, то можно предполагать, что их дургунство относится к 1860—1870 гг. (Базыя умер в 1876 г.).

Сведения о деятельности этих дургунов довольно скудны. В районе их действия есть гора, которая носит название Теве-Адар (стрельба по верблюдам). Она так называется будто бы потому, что здесь, у горы, Сарыг-Самдан и его товарищи остановили караван верблюдов, ловко перебив пулей поводья, вдетые в ноздри верблюда-вожака.

Документы, как и воспоминания аратов, дают основания думать, что Сарыг-Самдан и Еренхоо не были одинокими, что к ним присоединялись отдельные араты, а аратское население в целом оказывало им содействие.

В памяти аратов сохранилось имя дургуна Ширинена из Салчакского хошуна. По их рассказам, Ширинен, или Ширнен, был сыном арата Топчука, жил он в местности Кок-Тея, в районе Хем-Бельдира (современного Кызыла). Ширинен пас овец и коз салчакского хошунного правителя, но однажды, видимо от голода, заколол без разрешения овцу. Боясь ответственности, он захватил у ары-оюннарского Ашак-Талака (а по другим сведениям у Белекчангы) лошадь и бежал из своего хошуна в район Шагонара. Здесь он встретился с дургуном Сарыг-оолом и они вместе в течение двух лет отказывались подчиняться властям. Прячась в горах, он, по рассказам аратов (Семис-Кадая 82 лет, Сарыг-оола 78 лет, Бижика 77 лет и др.) [8], совершал набеги на нойонов, баев и чиновников, отгоняли у них скот и раздавали его беднякам. Преследуемый

---

[8] Тув. НИИЯЛИ, ф. рукописей сектора истории. Материалы о восстании алдан-маадыр, стр. 56, 61. (Далее: Тув. НИИЯЛИ, Материалы об алдан-маадыр.)

отрядом цириков (солдат), направленных против него властями, Ширинен бежал на р. Кемчик и здесь был убит в перестрелке.

В районе рек Хенделена и Ак — притоков Кемчика — долгое время действовал дургун Мунгадай, который скрылся из своего сумона в пещеры и обосновался в них. Эти пещеры впоследствии получили название Мунгадаевских. Отсюда он нападал на феодалов-чиновников. Подвиги Мунгадая вызывали страх и смятение среди баев и чиновников. Чтобы с ним расправиться, чиновники подослали к Мунгадаю мнимого сородича, который во время бритья Мунгадая бритвой перерезал ему горло.

О похождениях арата дургуна Кара-Чоода говорит предание о горе, в которой скрывался дургун от чиновников. Таких аратов-дургунов было немало. Нельзя думать, что все они были народными героями. Большинство их вело просто разбойничью жизнь. Однако отдельные дургуны выступали в качестве народных мстителей, борцов за народные интересы. Пользуясь своим положением свободных людей, они наказывали наиболее свирепых и вредных для народа сумонных и хошунных чиновников, феодалов, отнимали у них скот и раздавали его бедному населению.

В этом случае само население очень часто поддерживало смельчаков-дургунов, снабжало их съестными припасами, осведомляло о мерах, принимаемых против них властями, укрывало их от карателей и даже освобождало из заключения, когда они в него попадали.

Вот что писал Адрианов о тувинце по имени Боданчик, проживавшем на Чаа-холе: «он не признаёт властей, которых множество раз оскорблял в глаза, его ловили эти власти и забивали в колодки, но партия приверженцев Боданчика освобождала его своей силой и властью, так что с тех пор уже не только местные чиновники, а и приезжающие сюда временно по поручению Цзян-Цзюня (Улясутайского генерал-губернатора.— *В. Д.*) не осмеливаются наказать наглеца. Боданчик не ворует скот, но постоянно его грабит, т. е. является к русскому купцу со свитой, пьяный, днём, и, выбрав лучшего быка, отлучает его и гонит домой»[9].

[9] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 225.

Факт, сообщенный Адриановым, весьма примечателен. Боданчик, как мы видим, опирался на поддержку значительной группы лиц и с ним не могли справиться не только местные чиновники, но даже чиновники китайского губернатора. Достойно внимания и то, что Боданчик не просто вместе со своими приверженцами воровал скот, а угонял его, т. е. экспроприировал совершенно открыто. Адрианов сообщает, что Боданчик угонял скот только у русских купцов. Адрианова интересовало именно это обстоятельство, так как в своем отчете о путешествии в Туве в 1881 г. он особое внимание уделял вопросу об условиях русско-тувинской торговли. Не может быть сомнения в том, что Боданчик так же поступал и с тувинскими феодалами-скотовладельцами. Достаточно вспомнить похождения Сарыг-Самдана и Еренхоо и других дургунов, чтобы законно предположить, что и действия Боданчика были направлены, вопреки свидетельству Адрианова, отнюдь не против одних русских торговцев.

В деятельности дургунов Боданчика, Мунгадая, Сарыг-Самдана и других много общего с социальным протестом якутов, выразившемся в движении, связанном с именем Василия Манчары [10]. Так же, как Василий Манчары, Боданчик, Мунгадай, Ширинен и другие араты-дургуны активно действовали против своих угнетателей в одиночку, но опирались при этом на поддержку многих сообщников из среды трудящихся аратов. Подобно ему они совершали налеты на богатых тувинских скотовладельцев, уводили их скот и передавали его бедноте, соединяя простой разбой со стихийным протестом против своих классовых врагов. К сожалению, историк Тувы находится в менее выгодном положении перед историком Якутии в том отношении, что он не имеет того богатого архивного материала, который при общей его тенденциозности все же дает возможность историку Якутии почерпнуть необходимые сведения для уяснения социального значения выступления Манчары.

Однако дургуны в Туве иногда объединялись в более или менее значительные группы. Такие шайки дургунов совершали уже крупные операции против скотовладельцев. Тот же Адрианов рассказывает: «Верст 50 ниже

---

[10] О. Ионова. Василий Манчары. Якутск, 1946.

Чакуля на Шагонаре, куда вышла из Монголии экспедиция Г. Н. Потанина, живут поголовно разбойники, которые уже открыто нападают вооруженные для того, чтобы совершить грабеж. Незадолго до моего приезда (значит, в 1881 г.— *В. Д.*) они в числе 14 человек напали на русских приказчиков и пастухов, гнавших гурт скота, и начали их бить стягами...» [11].

О появлении таких групп в горах мы знаем и у других народов тогдашней китайской империи, в частности у дунган. В одном из указов императорского правительства от 5 июня 1876 г. мы читаем: «Земли в районе Бэйшаня пустынны, население мало. Бежавшие солдаты, бандиты, покорённые массы, бродячее население живут в горах, часто связываются с внешними (посторонними) бандитами и, пользуясь случаем, занимаются грабежами» [12]. В этом районе, как пишет историк Китая, «население находилось в тяжелом положении, голодающее крестьянство создавало отряды так называемых туфэев — бродяг, вынужденных на почве голода заниматься грабежами» [13].

Между китайскими или точнее дунганскими туфэями и тувинскими дургунами имеется много общего. Уход аратов в дургуны усиливался во времена голода, тяжелого произвола и насилия нойонов и иностранных захватчиков, т. е. он порождался тяжелой, нестерпимой жизью трудящегося Тувы.

Убежавшие из своего сумона, от своего нойона тувинские араты годами скитались в горах, степях и лесах, преследуемые властями; они, как правило, погибали или в схватке с карателями или от руки палача в Улясутае. Тувинским феодалам сравнительно легко было справиться с такими одиночками или их небольшими группами.

Дургунство выражало собой зачаточные, самые незрелые формы классовой борьбы, при которой участники ее не отдавали себе ясного отчета в целях и направлении этой борьбы. Но эта стихийная борьба отдельных смельчаков не проходила бесследно. Массы выражали этим одиночкам-борцам сочувствие и всем, чем можно, поддер-

---

[11] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 225.

[12] Л. И. Думан. Новая история Китая. Курс лекций на историческом факультете Ленинградского ун-та. Л., 1938, ч. V, стр. 37.

[13] Там же.

живали их. Их имена сохранялись в народной памяти, о них народ складывал песни, предания и сказания.

Одним из обычных способов сопротивления трудящихся масс эксплуататорам была неуплата налогов, уклонение от исполнения повинностей в пользу феодалов, от уплаты албана, от уртельной гоньбы, от выполнения обязанностей медээ, соодал. Особенно часто убегали араты из Монголии, куда их вызывали на барщину.

Неповиновение властям было также довольно обычным явлением; для характеристики этого приведем следующее распоряжение о поимке арата Таса, данное из главного Управления тувинского амбын-нойона: «Бижээчи Тодугу. Чангы Середира сообщает, что житель его сумона арат Тас неоднократно вызывался по лично его касающемуся делу к чангы и не являлся. Вообще Тас по его поведению представляет собою человека, не признающего и не подчиняющегося местной своей власти. С прибытием дарги к вам с данным распоряжением мобилизуйте в помощь живущего поблизости с вами Кара-Урга Шойза, дарга Кенсейпней [14] и поезжайте к Тас. Внезапно схватив его, под крепкой охраной направьте к нам в ставку» [15].

Столкновения аратов с феодалами принимали и формы попыток расправы с угнетателями. Ондарский чангы Сенге, жестокий притеснитель и самодур, по рассказам аратов, жестоко избивал своих подданных, в том числе и арата-охотника Чыртак-оола. Долго терпел эти побои Чыртак-оол, но однажды, встретившись с Сенге на охоте по р. Ак и пользуясь тем, что тот имел малочисленную свиту, напал на него со своими товарищами по артели. Он приблизился к ничего не подозревавшему чанге, стащил его с лошади и хотел зарезать. Испуганный Сенге стал униженно умолять охотника пощадить его и сохранить ему жизнь, и тот его пощадил. Как показывают те же источники, Сенги после этого случая не трогал Чыртак-оола и остерегался встречаться с ним в уединенных местах [16].

Сенге в данном случае купил себе жизнь сравнительно легко, но умер он все же не естественной смертью. Доведенные до крайности его произволом араты в конце

[14] В подлиннике неразборчиво.

[15] Тув. НИИЯЛИ, Сектор истории, рукоп. папка № 5, л. 82.

[16] Тув. НИИЯЛИ, Материалы об алдан-маадыр, стр. 54, 67—68. Воспоминания Ондар Имбу, Ооржак Ооржака и др.

концов покончили с ним. Однажды Сенге приехал на свадьбу. Прогуляв весь день, он лег спать в нарочно приготовленной для него юрте и больше не проснулся. Утром его нашли мертвым с ножом в боку [17].

Случалось, что араты сжигали юрты своих чиновников. Например, тоджинские тувинцы дважды сжигали юрту ненавистного им хошунного правителя Чамзырына.

Сопротивление тувинских аратов своим феодалам выражалось и в других формах. Например, араты-охотники не отдавали полностью пушнину, тайно от бая продавали рога марала.

2. ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И РОСТА ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ТУВИНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

История Тувы XIX в. знает и массовые вооруженные выступления аратов против своих внутренних и внешних врагов. О восстании 1822 г. глухо упоминают некоторые тувинские источники, указывают они и на другие выступления, но, к сожалению, мы не имеем никаких сведений о ходе и характере этих выступлений. Может быть, это были восстания тувинцев против китайских и монгольских захватчиков, а может быть, они носили чисто внутренний характер и были направлены против своих собственных властей. В условиях Тувы борьба против внешних врагов тесно переплеталась с борьбой против своих собственных нойонов и чиновников, которые являлись социальной опорой чужеземных властителей.

Особого напряжения борьба тувинских трудящихся против своих внутренних и внешних врагов достигла во второй половине XIX в., точнее в 70—80-х годах, когда она вылилась в попытку вооруженного сопротивления тувинских аратов своим нойонам и чиновникам. Эти народные выступления в Туве находятся в связи с великой крестьянской войной и громадным размахом национально-освободительного движения, охватившими в середине XIX в. весь Китай, отдаленной северной окраиной которого была Тува.

---

[17] Там же, стр. 14.

В середине XIX в. народы Азии, подвластные цинской династии, стихийно примкнули к освободительной борьбе. Самым крупным восстанием этого периода было восстание дунган и других народов, охватившее ряд провинций собственно Китая (Шэньси, Ганьсу) и главным образом Джунгарии и Кашгарии, где оно было поддержано уйгурами и носило характер борьбы за освобождение из-под власти китайских феодалов.

Ближайшим к Туве районом, где действовали дунганы, был Улясутайский район. Восставшие заняли Улясутай [18], являвшийся центром генерал-губернаторства, включавшего в свой состав Туву. Они весьма активно действовали на территории Монголии. О размахе движения, в которое были втянуты и монголы, можно судить по сообщению иркутского генерал-губернатора Корсакова в Петербург: «Китайские инсургенты,— телеграфировал он,— татары вторглись в Халку, идут к Урге в числе четырех тысяч. Общий панический страх» [19]. Русский консул в Монголии Шишмарев доносил, что «нападения свои они преимущественно производят на кумирни, ламские монастыри и стойбища князей и богатых монголов» [20].

Это донесение не оставляет сомнений в том, что движение носило антифеодальный и национально-освободительный характер. Понятно, что, захватив частично и монголов [21], оно не могло не возбуждать и тувинцев.

Обострение классовой борьбы и усиление национально-освободительного движения в Туве в 70—80-х годах XIX в. было связано с ухудшением положения широких масс аратов.

В третьей четверти XIX в. в Туве определились результаты проникновения в страну российского ростовщического капитала. Резко усилившийся спрос на тувинскую пушнину, повышение цен на другое тувинское сырье, беспримерный грабеж ростовщиками-купцами тувинских

---

[18] Улясутай был взят 1 ноября 1870 г. (ЦГВИАМ, ф. 400, св. 542, д. 22, л. 124).

[19] ЦГВИАМ, ф. 400, св. 542, д. 22, л. 1.

[20] Там же, л. 42.

[21] Там же, лл. 52—62. (Записка о современных событиях в Монголии полковника Липинского); см. также М. Венюков. Мусульманские восстания в пограничных России частях Китая за последние годы. Изв. ИРГО, 1873, т. XI, № 1, стр. 32—33.

аратов в обстановке начавшейся конкуренции между российскими и китайскими купцами и тувинскими феодалами,— все это ускоряло разорение аратов, подготовленное тяжелыми поборами китайского правительства, чиновников, тувинских и монгольских князей, нойонов и баев.

Проникновение торгово-ростовщического капитала в Туву обострило все внутренние противоречия в стране, усугубило гнет маньчжурских феодалов и сделало положение арата нестерпимым.

Одним из последствий появления в Туве российского торгово-ростовщического капитала было усиление непосредственного вмешательства китайских властей во внутреннюю жизнь Тувы. Это вмешательство диктовалось интересами цинской казны, которая теперь выступала в качестве конкурента российских купцов на пушном рынке Тувы.

Внимание цинской администрации к Туве привлекалось также постоянными жалобами дюрбетских ханов на угон скота тувинцами и жалобами русских пограничных властей. Последние обращались к цинской администрации для решения всех возникших недоразумений между российскими купцами и тувинцами на почве торговли в долг (см. об этом ниже).

В конце 70-х — в начале 80-х годов между русскими и цинскими чиновниками на территории Тувы произошел ряд съездов для урегулирования спорных вопросов. Приезжавшие на эти съезды цинские чиновники самым немилосердным образом обирали тувинских аратов. Они не только использовали свои командировки для деятельной торговли с тувинцами, но, пользуясь своими правами, насильно отбирали у них лошадей, скот, пушнину, доводя до разорения целые сумоны.

Так, например, по сообщению русского чиновника Перетолчина, выезжавшего в Туву для переговоров с уполномоченным китайских властей, приезд только двух цинских чиновников Фу Хоу и Сун Лу в 1879 г. для разбора одного из конфликтов между российскими купцами и тувинцами сделал сотни тувинцев нищими [22]. Генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин специально командировал в Туву в 1883 г. Осташкина с поручением выяснить

[22] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 115, л. 44.

возможности ликвидации долговой торговли, чтобы не давать повода цинским чиновникам въезжать в Туву.

Для иллюстрации произвола и насилия цинских чиновников приведем только один типичный пример, извлеченный из судебного дела, хранящегося в Кызыльском архиве. В делах этого архива имеется переписка тайджи тарги Уртун-Назына с амбын-нойоном в 1879 г. Переписка содержит материалы указанного судебного дела с допросами аратов, восстанавливающих картину насилий мелкого пограничного чиновника — хаа Енки. Хаа Енки, как свидетельствуют эти документы, заставлял тувинских аратов, которые в качестве солдат охраняли границу, исполнять для себя всякие хозяйственные работы: заготовку дров и т. п. Он требовал, чтобы араты-цирики доставляли для его продовольствия свой самый лучший скот, а если доставленный скот ему не нравился, он жестоко наказывал аратов. Так, например, арат Кунгуштай передал хаа Енки последние свои три овцы, которые показались тому тощими. Тогда Енки с помощью своих слуг привязал Кунгуштая за руки и бил его палками до потери сознания, у него был поврежден правый глаз. После избиения Кунгуштай месяц пролежал в тяжелом состоянии, а лечение у лам и шаманов совершенно его разорило. Хаа Енки изнасиловал 14-летнюю дочь арата Чамцырына, а на отца ее надел колодки и жестоко его пытал.

Хаа Енки (этот маленький по чину, но всесильный по положению в Туве чиновник) остался безнаказанным за свои насилия и произвол, так же как и многие другие цинские чиновники.

Задавленный поборами в пользу цинского правительства и китайских феодалов, на каждом шагу унижаемый ими, тувинский арат питал ненависть к чиновникам цинской династии. О тяжести ига цинской династии сложено много песен тувинским народом. В одной из этих песен поется:

Под грузным вьюком на хребте Савына
Выбились из сил кони, волы,
Как появились чанчин-чурганы[23],
Два хошуна изнурились в неволе.
Под тяжелым грузом на хребте Мугурту
Выбились из сил кони, волы.

[23] Цинские чиновники.

Как появился иноземный чурган,
Два хошуна измучились в неволе,
Служа чурганам,
Я измучился, изнурился.
Служа иноземным пришельцам,
Я выбился из сил.

Начало второй половины XIX в., как уже говорилось, было периодом проникновения в Туву российского торгового капитала.

Российские купцы вели себя в Туве не лучше цинских чиновников и торговцев, они безжалостно обирали тувинских аратов. Широко кредитуя тувинца, они получали с него за проценты баснословные прибыли, уводя из Тувы сотни и тысячи голов скота, вывозя сотни тысяч шкурок пушнины. События 70—80-х годов во всей полноте показали реакционную сущность торгового капитала, разрушавшего производительные силы тувинского народа. Своей кратковременной, но энергичной деятельностью в Туве российские купцы вызвали против себя острое недовольство тувинского населения.

«По всем доходящим сюда сведениям,— доносил 24 ноября 1879 г. русский консул в Урге Успенский генерал-губернатору Восточной Сибири Шалашникову,— русские торговцы ведут себя во многих случаях недостойно русского имени, позволяя обман и насилие, самоуправство, и из-за желания быстрой наживы также быстро вооружают против себя целое население» [24]. Это заявление Успенского было проверено на месте, т. е. в Туве, чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Перетолчиным, который в своем докладе писал: «В заключение имею честь заметить, что заявление г. Успенского о неблаговидных поступках русских (купцов.— *В. Д.*) в урянхайской земле справедливо» [25].

Грабежи русских купцов были одной из важных причин народного движения в Туве в 70—80-х годах XIX в. Однако гнев трудящихся Тувы был направлен в первую очередь против своих внутренних врагов-нойонов, которые являлись верными оруженосцами цинской династии, слу-

[24] ГАИО, ф. 24, св. 2637, д. 52 (по описи), т. 2, л. 43.
[25] Там же, л. 104.

жили ее прочной социальной опорой в Туве и выступали защитниками и покровителями российских купцов. Без такой поддержки тувинских нойонов и чиновников российский капитал не сумел бы проникнуть в Туву и закрепиться в ней. Из среды местных феодалов нужно выделить группу монгольских князей — носителей социального и чужеземного гнета. Они выкачивали огромные средства из Тувы, заставляли тувинцев выезжать в Монголию для выполнения барщинных работ и служили постоянным источником народного недовольства и народных выступлений в Туве.

Выше уже говорилось о том, что в большинстве тувинских хошунов в руках феодальной знати была сосредоточена вся полнота власти. Соединение в лице нойона владельческого права феодала с административными полномочиями, полученными от внешних захватчиков Тувы, делало власть тувинского чиновника деспотичной и просто нетерпимой для народа. Произвол и насилия тувинских феодальных правителей не знали никаких границ. Тувинские феодалы фактически правили так, как им вздумается. Они не только заставляли аратов работать на себя, они их грабили и обирали.

С таежных вершин пришел туман —
Задули ветры, полили дожди.
От амбын-нойона приехал гонец —
Он скачет вокруг и хлещет бичом.
С вершин Овюра пришел туман —
Подули ветры, полили дожди.
С того уртеля приехал гонец —
Он взял наш скот и гонит к себе.

Так говорится в одной народной песне.

Тувинский арат был вне закона. Феодал мог делать с ним все, что хотел. Только право приговаривать к смертной казни принадлежало цинской администрации в Туве. Ужас охватывал арата при встрече с тувинским феодалом или его слугами.

В третьей четверти XIX в. особенно отличались своими зверствами два чиновника: Базыра, назначенный правителем Даа-хошуна, и ондарский чангы Сенге. Базыра был назначен хошунным правителем вопреки родовой тради-

ции, по которой право на эту должность имели родовые правители рода Монгуш, в то время как Базыра был из рода Хомушку. В своем роде и во всем хошуне он славился свирепостью, лихоимством и произволом. По воспоминаниям аратов сумон не знал другого такого нойона. О нем говорили не иначе как «дошкун даа» («жестокий нойон»). Не меньше была ненависть и к чиновнику Сенге. От них люди бежали, отказывались им подчиняться.

О. С. Танов записал от старика Шевер-оола следующие слова песни: «Не будем слушаться угердаа Базыра, не будем ходить на степи Барлыка; не будем слушаться Сенге чангы, не будем ходить на Чечектиг» (местность, где находилась ставка Сенге).

Сенге — садист, насильник, конокрад, пьяница — возбуждал к себе ненависть подвластных людей. В сумоне Ондар, даргой которого он являлся, трудно было сыскать арата, не избитого лично сумонным правителем. Даже сейчас, спустя больше полувека после смерти Сенге, наши собеседники, старики-араты, очевидцы его зверств, не могли спокойно рассказывать о похождениях Сенге.

От увесистых кулаков Сенге и Базыра не удавалось увернуться и мелким чиновникам. Базыра, например, жестоко избил и лишил звания чиновника Дажима, впоследствии одного из руководителей восстания 1883—1885 гг. Характерна такая деталь: «Юрта Сенге чангы стояла у дороги в местности Арыг Узу на реке Ашкин. Араты, боясь его зверств, сворачивали и объезжали опасное место» [26].

В 70-х годах скот в большом количестве погибал от джута и массовых эпизоотий. Большие падежи скота разоряли тувинского арата, в то время как албан, ундюрюг, поборы, обирательство аратов иноземными купцами не уменьшались, а, наоборот, все время увеличивались. Сокращение поголовья скота привело к голоду. Еще в 1877 г. газета «Сибирь» писала, что тувинцы «быстро беднеют, торговля наша не развивается, а падает» [27]. К началу 80-х годов положение аратов ухудшилось. В 1885 г. «Сибирская газета» сообщала: «положение тувинцев крайне бедственное — голод заставляет их тесниться на русских про-

---

[26] О. Данзын-оол. Указ. соч., стр. 72.
[27] «Сибирь», 1877, № 18.

мыслах и питаться там чем попало. Падеж скота усилился» [28].

Доведенные до крайнего отчаяния тувинские араты стихийно стали на путь сопротивления своим угнетателям. Они так же, как и русские крестьяне, «поднялись несознательно, просто потому, что им стало невтерпеж, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления» [29].

3. ВЫСТУПЛЕНИЕ 1876—1878 гг.

В движении тувинцев 70—80-х годов XIX в. резко выделяются выступления 1876—1878 гг. и восстание алдан-маадыр (60 богатырей) 1883—1885 гг.

Вне указанных хронологических рамок остается восстание на р. Барлык. Сведения об этом восстании сообщали в своих воспоминаниях араты. Время выступления барлыкцев точно неизвестно. Но так как араты рассказывали, что оно произошло незадолго до восстания алдан-маадыр, и так как в наших архивных материалах нет никаких указаний на восстание в Барлыке в период 1876—1878 гг., то можно думать, что это восстание произошло в начале 70-х годов. Скудные показания аратов говорят о том, что центром сопротивления аратов на р. Барлыке была местность Чолдак-Шарабалык, где сосредоточилось несколько десятков аратов, отказавшихся повиноваться своему начальству. Один из аратов рассказывает: «Их было 30 мужчин и женщин. Мой отец пешком пошел присоединиться к ним. Они были подавлены. Мой отец тоже был пойман. Моему отцу дали 100 ударов, как недавно примкнувшему. У двух руководителей барлыкцев отморозили по одной ноге и по одной руке» [30].

63-летний Суруя видел одного из этих руководителей, Сая-Шопулдая, у которого была отморожена рука и нога [31].

Восстание на р. Барлыке произвело сильное впечатление на тувинских аратов [32].

---

[28] «Сибирская газета», 1885, № 15.
[29] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 386.
[30] Тув. НИИЯЛИ, Материалы об алдан-маадыр.
[31] Там же.
[32] О. Данзын-оол. Указ. соч., стр. 70.

Для изучения народных выступлений 1876—1878 гг. мы имеем возможность привлечь материалы Иркутского архива. Непосредственными свидетелями этих событий были минусинский исправник, находившийся в 1876 г. в Туве, и Г. П. Сафьянов, имевший возможность наблюдать их или пользоваться сведениями о них из первых рук. Об этих событиях пишет также Адрианов.

Поводом для выступления тувинцев в 1876 г. на р. Кемчике послужило назначение на пост правителя Даа-хошуна сумонного чангы Хомушку Базыра. Такое назначение шло вразрез с установившейся традицией управления этим хошуном родовыми правителями самого многочисленного в хошуне рода Монгуш. Все русские источники считают нарушение родового обычая главной причиной «внутренних неурядиц» у тувинцев.

В отчете Осташкина мы читаем: «В то же время произошло довольно важное событие между самими урянхами на Джакуле. Умер ухерида Да-хошуна по имени Базыя из племени Монгуш, у которого остался наследник сын 2-х лет, по малолетству не имеющий права вступить в звание ухериды без опекуна, коим мог быть ближайший родственник покойного родной брат Колбадай Гилун (вероятно, гелун — ламаистский духовный чин.— *В. Д.*), но улясутайский Цзян-цзюнь, вопреки обычаям урянхов, избрал в ухериды человека совершенно из другого племени... по имени Бацзара, чем крайне возмущены родственники покойного Базыя, отказавшиеся от повиновения ухериде Бацзару, называя его не иначе, как Бацзар Чжанга (т. е. подчеркивая прежний титул Базыра: Чжанга — правитель сумона, а не хошуна.— *В. Д.*)» [33].

Примерно так же рисует начало событий 1876—1878 гг. и Адрианов [34].

Осташкин и Адрианов совершенно верно указывают на нарушение родовых прав монгушей в назначении главы Даа-хошуна, как на исходный момент «своеволия» тувинцев. История Тувы знает ряд фактов, когда борьба за родовые права принимала весьма острые формы, и это находит свое объяснение в социально-экономических условиях Тувы, где в значительной степени сохранился патриархально-родовой быт. Однако особенностью социального

[33] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 39.
[34] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 202.

строя Тувы являлось то, что патриархально-родовой быт самым тесным образом сплетался с феодальными отношениями. В таких условиях борьба за родовые права очень часто служила формой борьбы против феодального порядка. На самом деле вновь назначенный угердаа Даахошуна Базыр был личностью весьма хорошо известной тувинским аратам не просто как представитель феодальной прослойки рода Хомушку, но именно как жестокий правитель (дошкун-даа). Лихоимство, грабежи и насилия Базыра были важной, если не решающей причиной недовольства им со стороны монгушей. Ведь не случайно Базыр в народной песенке сравнивается с феодалом Сенге — ондарским родовым правителем, который вызывал самую жгучую ненависть со стороны своих сородичей-ондарцев. Таким образом, выступление монгушей, к которым присоединялись и другие жители Даа-хошуна, было направлено против Базыра не только как представителя другого рода, незаконно занявшего место правителя хошуна, но и как жестокого феодала. Борьба за попранные родовые начала здесь тесно переплеталась с борьбой против феодального угнетения. Что это было именно так, подтверждается тем обстоятельством, что в истории Тувы не всегда замена родовых правителей вызывала отпор тувинцев. Например, назначение хошунным правителем Хайдыпа, который, видимо, не имел прямых прав на правление хошуном, хотя и вызывало недовольство населения, но совсем не привело к выступлению против него. Следовательно, монгуши и присоединившиеся к ним другие роды выступали не только против нарушения родового права, но и против жестокого феодального угнетения со стороны Базыра.

К монгушам вскоре присоединились тулюши. Осташкин в своем отчете пишет по этому поводу: «к монгушам пристали соседи их тюлюши, которые с давних пор славятся грабежами и непокорностью. Племя тюлющ принадлежит к ведомству Бейсэ, всегда недовольное своими монгольскими начальниками «Дарги», которые высылаются к ним каждогодно за сборами с них повинностей для князя и сами обирают их в свою пользу» [35]. В этом свидетельстве Осташкина обращает на себя

[35] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 37. Разрядка наша.— *В. Д.*

внимание указание на постоянную непокорность тулюшей, их систематические выступления против монгольского начальства. Причиной присоединения тулюшей к восставшим монгушам был гнет монгольских князей. Этот гнет был нестерпимым, и не только тулюши, но и другие роды, входившие в состав зависимых людей монгольских князей, часто поднимались против своих феодалов.

Восстав против своего непосредственного начальства, монгуши и тулюши решительно выступили против внешних захватчиков — цинских чиновников. Собственно само неповиновение властям началось прежде всего с нападения монгушей на цинских дзурганов. «Своевольство высказалось,— пишет Осташкин,— осенью 1876 года нападением на возвращавшихся китайских джурганов, осматривавших пограничные знаки и отобранием у них части скота, причем в драке отшибли одному чиновнику ухо. Не знаю, чем это дело кончилось, но на следующий год урянхи не стали давать подарков джурганам в проезд их, как было прежде, что, видимо, придало им больше уверенности в возможности делать своеволие даже со своими чиновниками» [36]. Таким образом, восставшие тувинцы выступали прежде всего против цинских чиновников. Чтобы понять все значение этого факта, надо учесть, что китайские феодалы не держали в Туве своих гарнизонов, не имели они в это время здесь и своих купцов, единственными представителями цинского правительства в Туве были наезжавшие сюда периодически для проверки пограничных знаков (пайцз) чиновники улясутайского генерал-губернатора — дзурганы.

Изгнав дзурганов и отказав им в дальнейшем в подарках, восставшие перестали платить албан, ундурюк и отбывать другие повинности в пользу китайского государства и своего хошунного правителя. В 1877 г. они совершили нападение на проезжавшего по их земле в Улясутай с албаном угердаа Базыра. Многие чиновники, сопровождавшие Базыра, были избиты [37].

---

[36] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 38.

[37] Там же, л. 38. Адрианов уточняет картину этого нападения монгушей на Базыра: «Нынешний огурда с собранным албаном (податью) ехал в сопровождении своих чиновников через Чакул (Чаа-холь.— *В. Д.*). Здесь на него напали сойоты, отобрали весь албан и лошадей, а его самого с чиновниками избили». (А. В. Адри-

Бессильный Базыр ничем не мог наказать взбунтовавшихся монгушей. А в них расправа над хошунным начальством еще больше укрепила уверенность в своих силах. «После такой расправы с Бацзаром,— сообщал Осташкин,— монгуши совершенно отказались от подчиненности начальству, стали более и более делать непослушание и даже управление Ульзей Вачира потеряло прежнюю свою неограниченную власть, ибо чиновников, посылаемых из управления Танну [38] для восстановления порядка или за сбором каких-либо повинностей, нередко провожали с Чжакуля с позором, а некоторых даже били, как Кучу-мейрена, Солома-чжалана и других» [39].

Это свидетельствует о том, что восставшие монгуши, с которыми одновременно выступали тулюши, не только отказывались повиноваться своим непосредственным начальником, но и изгнали дзургановив и даже избили чиновников самого правителя Тувы амбын-нойона. Это был бунт против всего начальства, против нойонов Тувы и иностранных захватчиков.

Следующим шагом восставших было нападение на российских купцов и угон у них скота. Массовые нападения на русских купцов начались в 1878 г.

Борьба восставших против российских купцов логически вытекала из всего хода движения.

В мае 1878 г. тувинцы напали на купца Сватикова и взяли у него восемь лошадей. Через некоторое время они совершили налет на торговое заведение Бякова.

Об этом налете Осташкин пишет так: «Не прошло 10 дней (после нападения на Сватикова.— *В. Д.*) как монгуши в числе более 150 человек, вооруженные и все пьяные, явились на заведение Ивана Дмитриева Бякова, имея во главе зачинщиков Сомиса Клина, Большеира цзайсана, Шойдор Клина, Арсалона Бичачи и Колбадая Клина» [40]. Они потребовали у Бякова скот, будто бы неправильно взятый последним у тувинцев. Угердаа Базыр, узнав о том, что к заведению Бякова подошла толпа

а н о в. Путешествие..., стр. 224). Избиение Базыра не подтверждается Осташкиным.

[38] Танну (буквально «печать»)— так называлась канцелярия главного правителя Тувы — амбын-нойона.

[39] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 38.

[40] Там же, л. 39.

восставших, отправил для защиты Бякова своих чиновников. Два дня 14 русских сидели в осаде. Тувинцы все же скот взяли, а бессильные чиновники Базыра выдали Бякову, Сафьянову, Саитову, которые пострадали от налета тувинцев, удостоверение о том, что у них действительно скот ограблен.

В своем докладе генерал-губернатору Восточной Сибири Осташкин определяет общее количество крупного рогатого скота, отобранного в 1878 г. тувинцами у российских купцов, в 1200 голов [41].

Р. М. Кабо и другие авторы работ о Туве все события 1876—1878 гг. сводили к угону скота тувинцами у русских купцов. Р. М. Кабо даже подчеркивает, что тувинцы, считая якобы законным этот угон, выдавали об этом справки русским торговцам. Мы уже показали, в какой обстановке тувинские чиновники выдавали удостоверение российским купцам. Они охотно делали это, зная, что российские торговцы через свое правительство потребуют от цинских властей вмешательства во внутренние дела Тувы и тогда цинская администрация примет более серьезные меры для подавления восстания.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы дают полное основание рассматривать выступления тувинцев против русских в 1878 г. как один из важных эпизодов той стихийной классовой борьбы, которая развернулась в 1876—1878 гг. в Туве. Открытые выступления против русских торговцев были не только одним из моментов этой борьбы, они были обусловлены успешной борьбой тувинских аратов против своих собственных феодалов и чиновников и цинской администрации.

Минусинский окружной исправник, прибывший в Туву для расследования фактов угона скота у русских осенью 1879 г., после ознакомления с обстановкой на месте доносил: «Во время личного пребывания моего на границе я убедился, что, вследствие домашней неурядицы, сойоты действительно мало слушаются свое местное начальство, в особенности Монгушского рода, где родовой начальник не пользовался, как говорят, никаким доверием и уважением от своих подчиненных» [42]. В другом документе также

---

[41] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 36.
[42] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2637, д. 52, л. 127.

подчеркивается, что причиной выступления тувинцев против российских купцов послужили «неурядицы со своим родовым начальством, которому в последнее время сойоты не стали повиноваться» [43]. Г. П. Сафьянов, бывший в 1878 г. в Туве, свидетельствует: «В 1878 году урянхи Кемчинского хошуна признавали своего ухериду Базыря самозванцем, по дороге, когда он поехал в Улясутай с «албаном» разграбили, некоторых своих чиновников побили и после этого немедля сделали нападение на русских торговцев, проживающих по Кемчику и Чжа-кулю, разграбивши у них... все, что было. Китайские правители их строго наказали, а русским уплатили убытки» [44]. Наконец, министр внутренних дел России Дурново, оценивая ход событий в Туве, заключил: «Пока однако наши торговцы были в хороших отношениях с урянхайскими властями, до тех пор урянхи вели себя сдержанно по отношению к русским, когда же в 1876 году наступила у урянхов внутренняя неурядица и урянхайские власти потеряли авторитет, тогда урянхи, пользуясь безначалием, стали открыто враждовать против русских, что и выразилось особенно резко в упомянутых происшествиях 1876 и 1878 годов» [45].

Следовательно, выступления тувинцев против российских купцов в 1878 г. были одним из моментов борьбы тувинских трудящихся против своих эксплуататоров. Без успешного сопротивления своим внутренним врагам тувинские араты не могли бы так смело и решительно выступить в 1878 г. против российских купцов.

Русские власти, получив заявление Сватикова, Бякова, Сафьянова и других российских торговцев в Туве, немедленно послали своих чиновников для выяснения вопроса на месте и потребовали от цинского правительства урегулирования конфликта. К сожалению, мы не имеем подробных сведений о том, какие меры были приняты для подавления восстания, кроме общих указаний источников о жестокой расправе с восставшими. Во всяком случае еще летом 1878 г. русские купцы получили удовлетворение за свои потери. Однако достойно внимания то, что цинская администрация должна была выполнить одно из основных

[43] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 112.
[44] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 26, л. 179.
[45] Там же, л. 8.

требований восставших монгушей — сменить хошунного правителя Базыра и назначить вместо него монгуша Дугара, которого застал на месте хошунного правителя Н. Ф. Катанов в 1889 г.[46]. Это обстоятельство сыграло, видимо, известную роль в умиротворении тувинцев-монгушей. Этим и завершаются волнения в Туве в 1876—1878 гг.

На протяжении двух лет восставшие тувинцы вели борьбу против своих внутренних и внешних врагов. Инициаторами и наиболее активными участниками восстания были монгуши, к которым примкнули тулюши.

Основными причинами выступления 1876—1878 гг. являлись гнет тувинских баев и чиновников и жестокий колониальный режим. Однако вместе с тем одной из непосредственных причин выступления монгушей было нарушение родовых прав их сумона. Этот факт придавал особый характер всему движению монгушей, которое в известной мере возглавлялось местной родовой знатью. Движение было направлено против цинских чиновников, монгольских князей, российских торговцев. Оно было направлено против правителей, но не своих родовых, а чужеземных.

Пережитки родового начала, послужившие одним из основных поводов и моментов движения, мешали аратам осознать свои классовые интересы. Народное недовольство аратов феодально-колониальным угнетением искусно направлялось родовым начальством в русло борьбы за родовые права. Поэтому движение не охватило широко другие районы Тувы. Родовые пережитки прочно держали массу в плену, мешали сплочению тувинцев и являлись одной из основных причин поражения восставших. Вместе с тем события 1876—1878 гг. показали, что маленький тувинский народ, разобщенный по племенам и родам, имел против себя много врагов: цинских феодалов и мандаринов, монгольских и тувинских нойонов, российских торговцев, за спиной которых стоял русский царизм.

---

[46] Н. Ф. Катанов. Образцы..., стр. 155. От Базыра же Катанов записал тувинские загадки. «Загадки 1320—1331,— пишет Катанов,— сообщил Дзелан Пазыр (Базыр), родом из племени Хомушку, живущий теперь по р. Барлыку, а прежде управляющий Кемчикским Та-хошуном» (там же, стр. 187).

Тувинцы потерпели поражение и должны были рассчитываться за свое поражение контрибуцией в пользу цинских властей и российских торговцев. Выигрывали в результате только собственные монгушские родовые правители, которые умело использовали приверженность масс родовым обычаям в своих классовых интересах. Обстоятельство это лишний раз подчеркивает, какое значение имело для тувинских нойонов сохранение обычаев и порядков старины.

4. НАЧАЛО ВЫСТУПЛЕНИЯ АЛДАН-МААДЫР [47]

В 1880-х годах дургунство стало более или менее массовым явлением. От тяжелой голодной жизни, от произвола и насилий феодалов десятки аратов уходили из хошунов и сумонов в степи, леса и горы. Усилился переход тувинцами русской государственной границы.

Араты, ушедшие в горы и степи самой Тувы, объединялись в группы и совершали налеты на стада нойонов, баев, на караваны тувинских и иностранных торговцев.

В это же время усилились набеги тувинцев на монгольские земли с целью угона скота. Главными организаторами таких набегов были тувинские баи. Потанин передает, что в конце 70-х годов дюрбеты обвиняли в организации таких набегов известного уже нам правителя Даа-хошуна Базыра. Кроме Базыра, такие налеты совершали чангы

---

[47] По поводу датировки восстания алдан-маадыр см. статью В. И. Дулова «Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в Туве» (Ученые записки Тув. НИИЯЛИ, Кызыл, 1953, вып. 1, стр. 34—37). Уже после опубликования этой статьи, автором в Государственном архиве Иркутской области обнаружен «Доклад о взыскании с урянхайцев в пользу русских ограбленного и покраденного скота», составленный старшим чиновником особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири Осташкиным (10 ноября 1885 г.), который лично посетил Туву в 1883 и 1885 гг. (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, лл. 68—79). Доклад Осташкина содержит ценный материал о восстании алдан-маадыр. Он подтверждает сообщение аратов о социальном смысле выступления дургунов. Осташкин помечает начало восстания сентябрем 1883 г., а разгром восставших — ноябрем 1884 г. (Указ. дело, л. 71). Как устанавливается другими документами, казнь восставших в Улясутае была совершена в марте 1885 г. (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 310, д. 385, л.165). Стало быть, архивные документы подтверждают даты, установленные в этой статье автором с помощью косвенных источников.

Сенге, хунду Садык и другие баи и чиновники Тувы. Они создавали из голодных и раздетых аратов шайки кайгалов, снабжали их всем необходимым для скотокрадства и направляли в дюрбетские земли, а затем принимали участие в дележе скота. Подобные воровские экспедиции на соседние земли предпринимались тувинскими чиновниками вопреки строгим указаниям цинской администрации, которая беспощадно преследовала скотокрадство. Однако в случае поимки кайгалов с поличным нойоны и чиновники безжалостно отдавали под суд своих подручных, а сами оставались в стороне. Конокрады-профессионалы, состоявшие на подобного рода службе у чиновников, вполне примирились с этим обстоятельством и спокойно принимали наказание, не выдавая своих хозяев. Иначе относились к этому араты, которые принимали участие в скотокрадстве за границей по необходимости. Они считали, что вместе с ними должны отвечать и их хозяева и покровители в случае, если они попадутся в руки властей. На этой почве возникали серьезные конфликты между этими своеобразными работодателями и работниками, перераставшие рамки личных отношений, превращаясь в события крупной общественной важности.

В начале 1880-х годов тувинские феодалы (Ондарский сумонный правитель Сенге и др.) направили в Монголию несколько групп для увода скота в Туву. Так как подобные набеги делались все более частыми, то монгольские князья стали настаивать перед правительством на принятии решительных мер против кражи скота тувинцами. Цинская администрация в свою очередь потребовала от тувинских чиновников прекращения набегов и строгого расследования всех дел, связанных со скотокрадством в Западной Монголии. Однако когда тувинские чиновники попытались предать суду конокрадов, кайгалы отказались явиться в суд и ушли в степи. Такой оборот дела объясняется ростом массового недовольства тувинских аратов своими чиновниками.

Все араты — авторы воспоминаний о восстании — утверждают, что вызов на суд группы кайгалов положил начало неповиновению тувинцев своим властям. Адаштай рассказывает, что выступление алдан-маадыр произошло потому, что над кайгалами Самбажиком, Дажима-чангы и другими был назначен суд. На суд в местечке Улаг-

алаак съехались чиновники двух хошунов (Даа и Бээзи). «Из нашего района,— говорит Адаштай,— были назначены угердаа Палдыр (?) и олетский дарга, и из нижнего хошуна Соржу-мээрин, монгушский младший чангы. Суд был назначен по делу увода 100 лошадей из Дюрбетии. Сто лошадей были действительно уведены по поручению Чаа-ламы, ондарского чангы Сенге, писаря Пальчий, брата Чаа-ламы Каротты-чалана. Они дали аратам своих лошадей, продовольствие, арканы и путы. Эти араты и пригнали лошадей. Среди них (т. е. скотокрадов.— *В. Д.*) был мой дядя» [48]. Другой рассказчик, Ондар Морта Даргана, подтверждает показания Адаштая: «Вначале они из Дюрбетии пригнали табун лошадей, из этого табуна чангы взял себе несколько лошадей» [49]. Некоторые рассказчики передают и подробности налета кайгалов на дюрбетские стада. Например, Чолбак сообщает: «Сначала они пригнали табун в 100 голов от дюрбетского Уван-хана и его дочь, которая ездила за табуном. Она была убита по дороге. Ее убил Узун-кадарчи, тогда как его товарищи не хотели убивать. Ондарский чангы Сенге взял одного черного коня из числа ворованных и передал его в Дюрбетию в качестве доказательства» [50].

Приведенные выписки из воспоминаний [51] показывают, что дело началось с простого разбоя группы аратов, которые, ища выхода из тяжелого материального положения, созданного джутом и голодом, нанялись к нойонам для скотокрадства в Дюрбетии. Группа аратов во главе с Дажима совершила набег на стада дюрбетского хана и увела у него 100 лошадей, которые были разделены между участниками налета и его организаторами. Отказавшиеся явиться на суд и ушедшие в степь Оргу-Шоль [52] люди Дажима и Самбажика поселились на горе Кара-Даг. К группе Дажима и Самбажика скоро присоединилась другая группа, состоявшая из четырех человек. Эту группу возглавлял Кожагар-Комбулдай. Кожагар-Комбулдай был, по сообщению его сына и других аратов,

---

[48] «Шын», 1941, № 19.

[49] Тув. НИИЯЛИ, Материалы об алдан-маадыр, стр. 64.

[50] Там же, стр. 13.

[51] Тув. НИИЯЛИ, Материалы об алдан-маадыр. Воспоминания Ооржака-Сегбы, Кужугета Дондука, Монгуша Манай-оола и др.

[52] Оргинская степь.

постоянным наемным скотокрадом у чиновника Садыя хунду. Незадолго до описываемых событий он был со своими товарищами пойман в Дюрбетии, но с помощью девушки-дюрбетки бежал из тюрьмы и вернулся домой с уведенной лошадью. В последний раз он вывел из Дюрбетии 40 лошадей, но Садыю ни одной не дал, хотя Садыя приезжал к нему и выпрашивал несколько лошадей. Отказ Кожагар-Комбулдая озлобил Садыя, и он стал его преследовать. С Кожагар-Комбулдаем к первой группе кайгалов примкнуло четыре человека. Так образовалась группа в 16 человек, которая стала пополняться новыми людьми. К осени 1883 г. вокруг Дажима-чангы, Самбажика и Кожагар-Комбулдая объединилось несколько десятков человек. Основной костяк образовала группа в 60 или, по другим сведениям, 61 человек, по числу которых и все движение, в которое позже включились новые десятки людей, стало называться «алдан-дургун» (60 беглецов). Араты говорят, что это название они получили потому, что не справившийся с ними хошунный правитель обратился за помощью к амбын-нойону и в письменном заявлении о восстании перечислил имена 60 человек дургунов.

5. БОРЬБА АЛДАН-МААДЫР ПРОТИВ ФЕОДАЛОВ

Так как мы не имеем других источников для изучения поведения алдан-дургунов кроме расказчиков-аратов, то нам придется пользоваться только этим источником, сколь он ни мало надежен для исторического исследования.

Араты рассказывают, что после отказа алдан-маадыр явиться на суд, они ушли в Оргу-шоль и образовали на горе Кара-Даг свой вооруженный лагерь. Участники восстания были вооружены кремневыми ружьями, порох они как это было принято у тувинцев, изготовляли сами. Они постоянно практиковались в стрельбе. Лагерь находился под охраной часовых, расставленных на высотах для предупреждения подхода вооруженных сил тувинских правителей.

Хошунное начальство, узнав об уходе аратов в горы, направило к ним своих чиновников с целью уговорить их вернуться в свои аалы и примириться с властями. Восставшие ответили на это решительным отказом. По словам Адаштая, они заявили: «Чем быть под вашей властью,

мы сделаем Кара-Даг ханом, а Оргу-шоль троном. Вы нас направили на воровство и вы же ворованное нами разделили между собой. И начали у монгушских и оюннарских баев ловить скот и продовольствоваться им» [53].

Правители двух кемчикских хошунов после неудачной попытки мирным путем разрешить возникший конфликт обратились за помощью к амбын-нойону. От амбын-нойона для переговоров с дургунами были посланы чиновники Аксак-шинин-челан, Койаа и Молдурук. Однако их миссия кончилась полным провалом. Восставшие не доверяли чиновникам и продолжали оставаться на Кара-Даге, где провели зиму 1883/84 г.

Деятельность восставших свелась главным образом к тому, что они время от времени совершали налеты на отдельных нойонов-чиновников и угоняли у них скот. Правда, они пытались схватить наиболее злостных баев-чиновников, а в особенности всеми ненавидимого чангы Ондарского сумона Сенге, но это им не удалось. По сообщению Кужугета-Дондука, восставшие поехали арестовывать чангы Сенге, но так как он имел 50 цириков, не осмелились его взять и ограничились тем, что угнали 17 его быков и зарезали их на мясо. Захват скота усилился весной и летом 1884 г. Заражаясь их примером, араты, непосредственно не примкнувшие к ним, совершали подобные налеты на тувинских и русских скотовладельцев.

Описывая деятельность дургунов, араты, помнящие это время, единодушно указывают на то, что дургуны угоняли скот у богатых людей. Ооржак-Хурулга сообщает, что весной и летом 1884 г. алдан-маадыр разделились на группы и действовали в устье Шеми, на Чырганы, Карателе и Шолук-хову. «Они,— говорит он,— все отбирали у баев и раздавали беднякам. Потому к ним примыкало много народу. Эти дургуны не могли терпеть гнет того времени и за свою свободу и право восстали против баев и чиновников». Чолбен запомнил, что «в начале они совершали кражи и они до прихода войск с юга не подчинялись чиновникам, на их вызов не ездили. Они ездили на конях баев, забивали скот. Они находились на Кара-Даге и Оргу-шоль и говорили: «Кара-Даг сделаем наблюдательным пунктом, а Оргу-шоль сделаем постелью». Ооржак

[53] «Шын», 1941, № 19.

Чотпа говорит, что «беглецы отбирали у баев имущество и скот». Это подтверждает и Саспыкаа. Ооржак Василий говорит, что они у баев, чиновников и лам отбирали лошадей, быков, овец, коз, хлеб и одежду, а беднякам ничего плохого не делали, наоборот — отдавали им свои излишки. Иногда они приезжали в аалы и призывали: «Что вы сидите, товарищи, надо нестись верхом», т. е. уходить в степи.

Эти показания аратов подтверждаются русскими архивными документами. Весной 1884 г. российские купцы, опасаясь повторения событий 1878 г., телеграфировали в Иркутск о серьезном характере событий в Туве, о массовом невыполнении тувинскими властями протокола 1883 г., подписанного ими с Осташкиным, выезжавшим в Туву для разрешения всех споров между тувинцами и русскими. «Своеволие урянхов небывалое,— подчеркивают в своей телеграмме русские торговцы,— урянхайцы по Кемчику составляют шайки бродяг, причиняя всевозможные обиды русским и урянхам» [54].

Напуганные движением, русские купцы сообщали в телеграмме, что тувинские бродяги совершают «даже убийства». Генерал-губернатор, прочитав в телеграмме слово «убийства», немедленно запросил русскую пограничную администрацию о том, что за убийства совершают тувинцы. Минусинский исправник ответил, что «убийство» на местном языке означает «тяжкие побои» [55].

Телеграмма российских торговцев в Туве — весьма ценный документ для изучения движения алдан-маадыр. Она ценна, во-первых, тем, что совершенно точно датирует время выступления алдан-маадыр. Во-вторых, она указывает на действия «шаек бродяг». Между тем при всех других враждебных актах тувинцев против российских торговцев подобные явления не отмечались. В-третьих, она сообщает, что эти «шайки» нападают не только на русских, но и на тувинцев, и это совершенно ясно указывает на классовый характер движения алдан-дургун. Массовые волнения лета 1884 г. помешали тувинским чиновникам вернуть своевременно русским купцам скот, что они должны были сделать по договору 24 августа 1883 г. Тувинские чиновники выдавали русским купцам расписки

[54] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 2637, д. 52, л. 107.
[55] Там же, л. 112.

о том, что «вследствие своеволия и непослушания урянхайцев, они не могут собрать скот» [56]. В июле 1885 г. угердаа Дугар и монгольский дарга Цзорукта, объясняя Осташкину причины невыполнения договора в 1884 г., говорили: «Действительно русских обижали худые люди, которые грабили и других пограничных жителей, даже своих урянхайцев, не повиновались местным чиновникам, но люди эти казнены и теперь они надеются, что русские торговцы не будут обижаемы» [57]. Документы эти свидетельствуют о социальном и политическом характере выступления алдан-маадыр.

Итак, после отказа дургунов явиться на суд и ухода их в степи и горы, они стали вести борьбу против своих баев и чиновников, в первую очередь против тех из них, которые являлись их непосредственными правителями. Они в широких размерах захватывали скот, принадлежащий крупным скотовладельцам тувинского, монгольского и русского происхождения [58], пытались захватить чангы Сенге. Ясно, что движение приняло характер классовой борьбы против эксплуататоров.

Ведя стихийную борьбу против тувинских и монгольских нойонов и князей, алдан-маадыр плохо себе представляли ее перспективу, не осознавали ее значения и не ставили перед собою ясных целей. Наши источники очень мало говорят о программе, о ближайших и отдаленных целях этого движения. Из рассказов старика Чолбака узнаем следующее: «Дургунцы говорили: этой власти подчиняться не будем, а создадим самостоятельную власть сами». Сарыглар Амзырай слышал от других, что дургуны говорили: «Мы подчиним себе Даа и Дарга нойона Даа и Бээзи хошунов».

Иногда склонялись они и к мысли помириться с властями. Один из аратов рассказывает, что восставшие

---

[56] ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, л. 82. Осташкин в докладе от 10 ноября 1885 г. сообщает: «Местные чиновники не имели сил остановить их своеволие и русским торговцам, заявлявшим жалобы на насильственное взятие товаров, говорили: «отпустите товар, заплатим хошуном, а мы не в силах с ними справиться» (там же, л. 72).

[57] ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, л. 70. Разрядка наша. — *В. Д.*

[58] ГАИО, ф. 24, оп. 13, св. 2638, д. 121. Об угоне скота урянхайцев.

будто бы написали китайскому генерал-губернатору в Улясутае и амбын-нойону письмо о своем неподчинении местным правителям и просили сменить их. Это письмо было написано Агаржаа, другом Дажима.

Чувствуя, что им не справиться с феодалами-чиновниками, они подумывали об уходе из Тувы в соседние страны. Это довольно хорошо передается в сочиненной ими песенке:

...За то, что мы не сдались врагу,
Нам дали имя «дургунов».
Оседлав неустающего коня,
Войдемте в страну Тумат.
За то, что мы сохранили свободу,
Нас прозвали беглецами и ворами.
Оседлав нехудеющего коня,
Войдемте в страну Алтай.

Все это говорит об отсутствии всяких представлений алдан-маадыр о цели самого выступления. В минуту успехов они мечтали установить свою власть над двумя хошунами. Характерно желание освободить только эти два хошуна, показывающее отсутствие у алдан-маадыр сознания единства всех тувинских племен. Но что это будет за власть, чем будет она отличаться от прежней власти,— на эти вопросы сами дургуны едва ли сумели бы ответить. По крайней мере мы не находим такого ответа в источниках.

6. СОСТАВ АЛДАН-МААДЫР

В лагере алдан-дургун на горе Кара-Даг постоянно находилось не больше 60—70 человек.

Проживая в лагере, алдан-маадыр поддерживали связь со своими аалами, продолжая работать в своем хозяйстве. Отдельные дургуны уходили в родной аал на недели и даже на месяцы. Со всем населением у них сохранились постоянные связи. Дургуны часто выезжали из своего лагеря на народные праздники, в свою очередь наезжали к ним и араты.

За исключением Дажима-чангы все дургуны были простыми аратами, главным образом из наиболее бедной

прослойки. В хозяйстве Кожагар-Комбулдая, по сведениям аратов, имелось несколько коз и две-три лошади. Урдучай, кроме 10 овец, не имел ни одной скотины. Керелчин имел лишь одного барана и 37 овец. Подавляющее большинство дургунов вынуждено было работать на нойонов, а в тяжелые годы наниматься к богачам для скотокрадства.

Состав алдан-маадыр, за исключением указанных 60 человек, не был постоянным. Все наши источники свидетельствуют, что участников движения на самом деле было больше 60 человек. Одни говорят, что их было 80 человек, другие — 100 и даже 200 человек, а Чооду Дозур, принимавший участие в подавлении восстания, насчитывал до 300 восставших. Вне всякого сомнения, дургунов было значительно больше 60 [59]. Разноречивые данные аратов свидетельствуют о том, что состав аратов, принимавших участие в выступлении «60 беглецов», все время менялся, одни приходили, а другие уходили. До сего времени известны имена только 37 человек, записанные со слов аратов, список же составленный хошунным начальством затерялся. Эти 37 человек следующие: Дажимачангы, Самбажик, Белерген, Чашоол, Кожагар-Комбулдай, Мойнакай, Урдучай, Ожук-Какан, Садыйаажик, Течукей, Ээр-Хаай, Кара-Тажыпай, Узун-Белек, Седенчап, Одачап, Шокар-Таваажач, Агаржаа, Шожапай, Лопсан, Сивелдей, Узун-Туртуг Тагвачап, Ыжаакай, Отукай-лама, Ойдупай, Узун-Араажы, Тенгюр-Самдан, Араажы, Дортапай, Омаашпай, Эрелчин, Мандыпай, Каткыжы, Аалчынмай, Денгурек, Мелдерхале, Херелчин, Дазанмай.

К дургунам примыкали люди разных сумонов Даахошуна и Бээзи-хошуна, но главным образом это были люди из родов Монгуш, Ондар, Ховалыг, Ооржак, Сарыглар, Хартек, Кучугет и др. Такой разнородовой состав для алдан-маадыр является положительным моментом, потому что, как мы помним, выступление 1876—1878 гг. охватило в основном два рода: Монгуш и Тулюш, боровшихся одновременно, но не совместно.

Наши источники единодушно указывают на руководящую роль в движении двух наиболее активных организаторов — арата-бедняка Самбажика и Дажиму.

[59] Осташкин в своем «Докладе» называет цифру в 100 человек (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, л. 71).

7 МОБИЛИЗАЦИЯ ОПОЛЧЕНИЯ ДЛЯ ПОДАВЛЕНИЯ АЛДАН-МААДЫР

По многочисленным свидетельствам аратов, современников восстания, можно заключить, что алдан-дургуны не проявляли большой активности в борьбе против своих врагов. В течение года они скрывались в горах, отказываясь подчиняться властям, и временами совершали набеги на отдельных баев-чиновников, угоняя у них скот; они лишь тревожили своих врагов, а не истребляли их. Располагая сравнительно крупными силами и достаточным вооружением, дургуны не осудили и не казнили ни одного бая-чиновника. Создается впечатление, что, достигнув свободы, они считали, что им больше ничего и не нужно. Так продолжалось с осени 1883 до осени 1884 г. Само собой разумеется, сам факт пользования на протяжении такого длительного времени свободой привлекал симпатии аратов к дургунам, и хотя дургуны не прилагали усилий к тому, чтобы шире привлечь к движению аратские массы, тем не менее популярность их в народе росла. Пример их становился заразительным и представлял очевидную опасность для господствующего класса в Туве.

Между тем чиновники хошунов в районе восстания не имели достаточных сил, чтобы справиться с алдан-маадыр. Они растерялись после неудачи первых же попыток уговорить восставших и в послании к амбын-нойону признались в своем бессилии. Симпатии большинства аратов к алдан-маадыр не давали возможности правителям хошунов создать достаточно сильное внутреннее ополчение для разгрома алдан-маадыр и ликвидации движения. Поэтому в своих письмах к амбын-нойону они униженно просили помощи для подавления восстания. Очевидно, до лета 1884 г. амбын-нойон не придавал серьезного значения развернувшимся в районе Сут-холя событиям; может быть, он рассчитывал на мирный исход их путем непосредственных переговоров с восставшими через специально командированного для этой цели своего брата Дажи. Однако попытки Дажи уговорить восставших подчиниться властям оказались безрезультатными. В дело вмешались новые силы. Не получивши удовлетворения от тувинских властей, дюрбетский хан обратился

к цинскому правительству с жалобой на постоянные грабежи скота тувинцами. Одновременно к цинским властям обратились и власти России, о чем свидетельствует составленное ранней осенью 1884 г. специальное дело об угоне скота тувинцами у русских купцов в Туве, хранящееся в Государственном архиве Иркутской области.

Положением в Туве должны были заинтересоваться цинские власти, а ответственность за него, несмотря на то, что часть хошунов и сумонов подчинялась монгольским князьям, была возложена на амбын-нойона Ользей-Очира. По его распоряжению были мобилизованы люди из каждого арбана восточных хошунов, в том числе и тоджинцы.

Амбын-нойон стал действовать весьма быстро. Как говорит Чооду Дозур, принимавший участие в карательной экспедиции, мобилизованные араты шли из всех сумонов восточных хошунов Тувы безостановочно днем и ночью, нигде не задерживаясь. Все они прибывали в Самогалтай, где к некоторым из них со словами ободрения и приветствия обращался сам амбын-нойон.

Общее количество танмынских [60] цириков, как часто их называют в своих воспоминаниях араты, достигало 200—300 человек; «Сибирская газета» определяла их в 200 человек.

Во главе карательного отряда был поставлен Торлук — чиновник Башкы-танма (главной печати — так называлось центральное управление Тувой при амбын-нойоне). Амбын-нойон, как можно судить по деятельности карательного отряда на Кемчике, дал указание расправиться с восставшими и их родственниками самым беспощадным образом. Жизнь их была поставлена вне закона, а имущество отдано на «поток и разграбление» цирикам.

8. ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КАРАТЕЛЬНЫМ ВОЙСКАМ

Шел уже ноябрь 1884 г. Сообщение о мобилизации противником сил для подавления восставших поставило перед дургунами вопрос о необходимости перейти к реши-

[60] Солдат, принадлежавших амбын-нойону.

тельным действиям против врагов. Они вышли из своего лагеря и двинулись на место ставки монгольского дарги — правителя Бээзи-хошуна. Без особого труда им удалось задержать монгольского даргу Узорукты [61].

Они продержали его восемь дней в Оргу-шоль, а потом направились к ставке угердаа Дугара, которая находилась в устье Эдеген. Между тем монгольский дарга тайно сносился с Дугаром. Он письмом предупредил его о намерении алдан-маадыр арестовать его в ставке. Дугар, получив письмо Цзорукту, немедленно усилил свои вооруженные отряды и устроил засаду против алдан-маадыр.

Документы не дают полного представления о последующих событиях и о самой вооруженной борьбе алдан-маадыр с карательными войсками. Араты-очевидцы запечатлели отдельные эпизоды этой борьбы, но в своих рассказах противоречат друг другу. Поэтому восстановить последовательно ход сопротивления восставших цирикам амбын-нойона пока невозможно.

Если бы восставшие были более бдительны, предвидели коварство врага, они могли бы узнать о подготавливаемой Дугаром засаде. Но они оказались неопытными и легковерными.

Отсутствие бдительности и погубило алдан-маадыр в самом начале их столкновения с танмынскими войсками. Когда они подходили в аалу Дугара, цирики последнего выскочили из засады. Численность группы танмынских цириков точно неизвестна: одни говорят, что их было 40 человек, другие — 50, третьи — 100 человек. Удар из засады танмынских цириков расстроил ряды восставших, и они начали отступать. Растерянность, видимо, была настолько большая, что один из восставших, Оттукай-лама, предложил сдаться врагу. По словам Сарыглара, он сказал: «Неужели Оргу-шоль будем делать олбуком (постелью), неужели Кара-Даг сделаем ханом. Давайте сдадимся Дажи [62] меэрену» [63]. Это предложение о сдаче, однако, не было принято дургунами. Спасаясь

---

[61] Факт ареста дарги Узорукты подтверждает Осташкин (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, л. 71).

[62] Дажы-Торлук — брат Ользей-Очира, командовавший отрядами амбын-нойона.

[63] Тув. НИИЯЛИ, Материалы об алдан-маадыр, стр. 20.

от выстрелов врагов, они бросились от аала Дугара к р. Кемчику, но, не имея плана действия, одни из них направились на гору Бош-Даг, другие, у которых лошади были быстрые, ускакали на дальние горы, а группа Оттукай-ламы [64] и ряд других групп бросились вниз по Кемчику. «Человек десять из дургунов,— рассказывают араты,— переехали через Кемчик и подались на Бош-Даг, пониже Чер-Чарыка, трех дургунов пристрелили на реке» [65].

По другим сведениям, во время перестрелки у аала Дугара было убито пять восставших, а один из них утонул в реке. Небольшая часть восставших, бежавшая на Бош-Даг, укрылась на горе и была осаждена танмынскими цириками. Бой длился всю ночь. Но стреляли главным образом танмынские цирики, восставшие отвечали редко. Ночью они из кожаных попон и седел наделали чучела и поставили их на горе. Не разобравшись в чем дело, танмынские цирики продолжали вести огонь по чучелам. Тем временем восставшие спустились по крутому противоположному склону Бош-Дага и двинулись к устью Алаша.

В этот день войска амбын-нойона и кемчикских властей переправились через Кемчик и растянулись по всему району от Ак-ооруга до устья Алаша. Бои велись с отдельными группами восставших, причем самые горячие столкновения происходили в устье Алаша и Кемчика. В этом районе значительная часть повстанцев была окружена танмынскими цириками и зашедшими им в тыл цириками кемчикских хошунных правителей. Бой шел в горах и перестрелка велась издали, поэтому потери были незначительными.

По общим подсчетам в сражении у устья Одегея и устья Алаша восставшие потеряли до 15 человек [66]. У Бош-Дага был ранен только один цирик.

Значительная часть алдан-маадыр была захвачена в плен, а некоторые ушли в горы и скрывались в тайге. Началась кровавая расправа над пленниками.

---

[64] Оттукай-лама и его группа с Кемчика в течение года скитались в тайге, а затем были пойманы.

[65] Тув. НИИЯЛИ, Материалы об алдан-маадыр, стр. 2.

[66] Осташкин утверждает, что 18 человек (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 415, л. 71).

9. РАСПРАВА С УЧАСТНИКАМИ ДВИЖЕНИЯ АЛДАН-МААДЫР

Захваченных пленных цирики свозили в устье Чиргакы, где было поставлено 10 юрт, в которых тувинские чиновники производили допросы. Говорят, что из юрт пленных привезли треножники, делали из них кандалы и заковывали в них арестованных. На некоторых пленных надевали деревянные колодки и бросали их в холодных юртах, в самый разгар зимы. Одного раздели донага и бросили в снег, через несколько часов он замерз. Большую группу пленных отправили на суд в Улясутай. Руки их не вдевали в рукава шуб, шапки наглухо привязывали и в таком виде сажали на лошадь; ноги пленных связывали подпругами, а лошадей пускали без поводьев.

В Улясутае пленных подвергали жестоким пыткам. Дажима-чангу девять дней беспрерывно били. Ему так же, как и другим восставшим, загоняли под ногти иголки и выворачивали руки. Как рассказывают араты, участников движения алдан-маадыр судил непосредственно сам китайский генерал-губернатор (цзянь-цзюнь). Источники сообщают разные данные о количестве увезенных в Улясутай, называют цифру в 13, 20 и 40 человек. По русским данным, в Улясутае было казнено 43 восставших [67].

Казнь восставших происходила в марте 1885 г. в присутствии большого скопления народа.

Головы казненных сложили в особые тальниковые корзины, и, погрузив их на верблюдов, по шесть голов на каждого, вывезли в Туву. При этом тувинские араты должны были по особой раскладке уплатить стоимость перевозки голов казненных [68]. Эти головы привезли в Туву весной 1885 г. и, привязали их к жердям, на которых были прикреплены дощечки с надписями [69].

---

[67] Один русский документ называет цифру — 31 (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 210, д. 385, л. 165). У Осташкина — 43 человека (там же, св. 203, д. 416, л. 71).

[68] Плата была очень большая, так что из-за нее тувинцы не могли расплатиться с российскими торговцами весной 1885 г. (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, л. 72).

[69] Надписи гласили: «Представленные в Улясутай разбойники-урянхайцы присуждены на основании уголовного закона к казни через отрубление голов и за грабеж и оскорбление людей, головы которых вывешиваются на шестах для страха и видимости всенародной» (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, лл. 71—72).

Если московские бояре для устрашения крепостных крестьян после подавления восстания Степана Разина спускали по Волге плоты с повешенными повстанцами, то китайские и тувинские феодалы, применяясь к местным условиям, расставляли головы казненных на перевалах и перекрестках дорог. Они висели целые месяцы под палящими лучами солнца, чернея от дождя и ветра. Варварство феодалов устрашало слабых, у сильных же вызывало новый прилив ненависти к кучке изменников и предателей — палачей тувинского народа. Не случайно Адаштай пишет: «Спустя много времени я эти головы видел... Араты были злы на нойонов...» [70].

В то время как происходил суд и расправа над восставшими в Улясутае, в Туве отряды карателей творили расправу над теми восставшими, которые не были захвачены в боях на Бош-Даге и в устье Алаша. После разгрома часть восставших бежала в окрестные горы и леса.

Некоторые из них погибли от сильных морозов и голода, другие вернулись в свои аалы и скрывались у родственников, двое покончили жизнь самоубийством. Несколько групп повстанцев продолжали сопротивляться феодалам, их вылавливали и судили до лета 1885 г. В Улясутае были казнены чангы Дажима, Дажитай, Узун-белек, Доржакай, Урдучай, Курде, Садыйаажик и др. Но среди захваченных в плен и казненных в Улясутае не было активных участников выступления алдан-маадыр Самбажик, Кожагар-Комбулдая и др.

Уйдя с поля боя, Самбажик и Кожагар-Комбулдай пытались спастись. Самбажик с двумя товарищами спрятался в аале своего тестя Тоомая, но после долгих поисков был схвачен цириками Сенге и по распоряжению Сенге расстрелян. По свидетельству аратов, Самбажик во время расстрела вел себя очень твердо, пощады не просил и резко высказал свою ненависть к Сенге. Кожагар-Комбулдай со своими товарищами, преследуемый по пятам чиновником Садыя, спешил к русской границе, думая перейти в пределы России. Они уже были близки к цели, когда их схватили и выдали властям. Кожагар-Комбулдая тоже расстреляли.

---

[70] «Шын», 1941, № 19.

Тувинские чиновники поймали и подвергли страшным пыткам и истязаниям еще несколько десятков человек. Кроме того, несколько человек было осуждено и наказано Главным управлением Тувы. Все имущество, скот восставших или заподозренных в соучастии с ними захватывались карателями, «виновных» подвергали пыткам и наказаниям. Адаштай говорит, что «чиновникам и цирикам был дан строгий указ «истреблять 60 беглецов» до основания, до ствола, до черешка — «сывын». Это относилось и к родственникам восставших. «Так говорили,— продолжает Адаштай,— что всю домашность (аал-орыннай) «60 беглецов» до тла грабить, а у мальчиков выколоть глаза, а у девочек берцовую кость сломать».

В этой связи он вспомнил старую пословицу: «Если с беком будешь тягаться, то туловища не будет, а если с ханом будешь тягаться, то мозга не будет» [71].

Семьи восставших в страхе разбегались при приближении амбын-нойонских войск, оставляя скот и имущество карателям.

В результате таких насилий феодалов пострадали сотни людей, целые аалы были уничтожены или рассеяны.

Ничего подобного история Тувы прежде не знала. Кровавая расправа с восставшими — это не проявление строгости правосудия, а жестокая месть классового врага. Ненависть к аратам, как к своим врагам, заставляла тувинских феодалов беспощадно уничтожать восставших, которые своим примером не могли не возбуждать народные массы к сопротивлению феодальному гнету.

Омывшись кровью своих соплеменников, правитель Тувы Ользей-Очир в одном из своих докладов цинским властям доносил: «В пределах Танну-Урянхая появились вооруженные опасные воры, они ежедневно грабят, убивают людей. Когда хотели их арестовать, они оказали вооруженное сопротивление чиновникам и войскам. Торлук выступил против этих опасных воров и выловил их. Поэтому, по нашему ходатайству, чалан-чангы Торлук был награжден вами, чанчин-саит, павлиньими перьями» [72].

---

[71] «Шын», 1941, № 19.

[72] О. Данзын-оол. Указ. соч., стр. 75.

10. ЗНАЧЕНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ АЛДАН-МААДЫР И ПРИЧИНЫ ЕГО ПОРАЖЕНИЯ

Русская периодическая пресса, в частности «Сибирская газета», рассматривала выступление тувинцев как простой разбой, направленный против русских купцов в Туве и против дюрбетского хана; она видела весь смысл выступления в скотокрадстве. И хотя она была вынуждена указать на произвол и грабеж тувинских феодалов, но не придавала этому серьезного значения [73]. Сами тувинские власти, как это можно видеть из цитированного доклада, расценивали алдан-маадыр как опасных воров, стараясь оскорбительной кличкой «дургун» унизить аратов, затушевать социальный смысл их борьбы против своих угнетателей.

Историк-марксист должен подойти к оценке таких фактов народной жизни тувинцев, как выступление алдан-маадыр, с других позиций. Он обязан раскрыть подлинное значение и смысл подобного рода выступления. Нельзя третировать движение, в котором принимают участие сотни людей, как воровское, как чистый разбой. В истории классовой борьбы, особенно на ее первых этапах, борьба трудящихся против своих эксплуататоров осложняется всякими привходящими обстоятельствами, которые подчас скрывают ее подлинный смысл. Осознание трудящимися своих классовых интересов происходит в ходе длительной стихийной, неорганизованной борьбы.

Так как классовые отношения в тувинском обществе затемнялись множеством пережитков патриархально-родовых отношений, то, естественно, что и классовая борьба принимала здесь своеобразные формы. Стихийное движение масс против своих эксплуататоров не могло быть таким отчетливым, чистым, типичным, как обычно бывает при развитых классовых отношениях. Поэтому было бы крупной ошибкой идеализировать, приукрашать сознательные моменты в той стихийной борьбе, которую вели против своих угнетателей тувинские трудящиеся.

Восстание алдан-маадыр, как и события 1876—1878 гг., не было случайным явлением в тувинской жизни: оно выросло в результате обострения классовых противоречий в

[73] «Сибирская газета», 1885, № 15.

тувинском обществе. Восставшие начали с угона скота; особенностью этого угона явилось то, что он был организован не самими аратами, а феодальными чиновниками. Операция привела к обострению отношений между чиновниками и аратами-кайгалами и последние в знак протеста стали уходить в степи.

Основным ядром алдан-маадыр была группа кайгалов в 16 человек, вокруг которой уже на первых порах объединилось до 60 человек; фактически же к ним примыкали на отдельных этапах борьбы новые десятки людей, а общее количество участников доходило до нескольких сот человек. Понятно, что для разбросанного на огромном пространстве и малочисленного населения Тувы (тогда было около 50 тыс. человек) вооруженная борьба 200 человек — это крупное событие.

Более года алдан-маадыр пользовались полной свободой. Этот факт сам по себе имеет большое значение. Борьба алдан-маадыр носила антифеодальный характер, это была борьба за скот, пастбища и свободу.

Конечно, выступление алдан-маадыр по своему размаху не может сравниться с великими крестьянскими войнами в России, Китае и других странах. Но по своему содержанию оно вполне может быть отнесено к числу крестьянских движений.

Выступление алдан-маадыр было одним из первых и еще весьма незрелых выражений стихийного возмущения аратов Тувы против феодального гнета, против произвола и насилия тувинских чиновников. Движение было ограничено участием небольшой активной группы аратов, но оно пользовалось симпатиями большой части аратства, которое не могло не восхищаться и не гордиться подвигами алдан-маадыр, не только завоевавших себе на время фактическую свободу, но и пытавшихся с оружием в руках отстоять ее от своих врагов. Еще Н. Ф. Катанов записал в Туве народные песни, имеющие прямое отношение к выступлению алдан-маадыр: «Расскажи о текущем извилинами Ели-Кеме, имя которого дошло до чиновников Эдзена (китайского императора). Расскажи об имеющей овраги Оргинской степи, имя которой дошло до чиновников нойона (Ульдзай Бачира)» [74].

---

[74] Образцы..., стр. 48.

В этой песне слышится гордость народа за подвиг алдан-маадыр, о силе которых узнали амбын-нойон и даже сам китайский император.

Небывалая в истории Тувы жестокость, с какой тувинские чиновники подавляли восставших, больше всего показывает антифеодальный характер выступления алдан-маадыр.

Это движение отличается от событий 1876—1878 гг. тем, что алдан-маадыр сделали, пусть слабую, нерешительную, но попытку сопротивляться вооруженным силам врага, численно превосходящим их силы. То, что алдан-маадыр не проявили необходимой энергии, решительности, не умаляет самого факта их подготовки к вооруженной борьбе.

Движению алдан-маадыр в некоторой степени удалось преодолеть связывавшие и мешавшие формированию классового сознания трудящихся аратов в Туве чувства патриархально-родовой замкнутости. Среди алдан-маадыр мы встречаем людей из разных родов кемчикских хошунов: монгушей, ондаров, сарыгларов, ооржаков и др. Правда, в своих планах они еще не идут дальше объединения тувинцев двух хошунов, тем не менее объединение в одном движении людей разных родов и их сотрудничество в борьбе с врагом является существенным шагом вперед.

Стихийное возмущение тувинских аратов, вылившееся в движение алдан-маадыр, подобно всем крестьянским бунтам феодальной эпохи, было весьма примитивно по своей идеологии. Программа алдан-маадыр в конце концов сводилась к тому, чтобы заменить плохих правителей «хорошими» правителями. Идеология движения носила на себе черты патриархально-родовых представлений.

Слабость алдан-маадыр сказалась в том, что они, несмотря на симпатии к ним народной массы, не понимали необходимости активного вовлечения широких слоев народа в борьбу против феодалов.

Выступление алдан-маадыр было ограничено небольшим, хотя и наиболее густо населенным районом Тувы. Этот локальный характер движения сделал его ограниченным и способствовал разгрому восставших.

* * *

Подведем теперь итоги обзору народных выступлений в Туве в XIX в. Изучение этих народных движений показывает, что ведущей силой в них была борьба классов.

Несмотря на то, что борьба тувинских аратов против феодализма носила еще самый зачаточный характер и была весьма примитивной, она имела важное историческое значение в жизни тувинского народа: она углубила традиции борьбы тувинского народа против своих угнетателей и обогатила его опытом для дальнейшей борьбы за свое национальное и социальное освобождение. Она, несомненно, способствовала историческому прогрессу, так как расшатывала в целом систему патриархально-феодальных отношений.

Эта борьба показала, что возможности победы тувинских трудящихся определяются их связями и дружбой с трудящимися той страны, господствующие классы которой являлись поработителями тувинского народа. В частности, одной из решающих причин поражения народного движения в Туве была изолированность этого движения от движения в других странах и прежде всего от движения тех народов, которые в одинаковой мере с тувинскими аратами подвергались эксплуатации китайского богдыхана и русского царя. Своими выступлениями в 80-х годах тувинские араты одновременно задевали интересы тувинских, монгольских, китайских феодалов и российских торговцев, что заставляло в подавлении народного движения выступать всех врагов тувинского народа совместно. Силы внутренних и внешних врагов тувинского народа в совокупности были неизмеримо значительнее, чем силы восставших аратов. Стало быть, события 70—80-х годов показали, что тувинским аратам для своего освобождения было необходимо иметь могучего союзника, своими силами он не мог справиться с этой задачей.

Глава седьмая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ, ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОМЫСЛОВ КРЕСТЬЯН В ТУВЕ

1. ВНУТРЕННИЙ ОБМЕН И ТОРГОВЛЯ ТУВИНЦЕВ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ

Внутренний обмен в Туве был слабо развит. Он поддерживался той дифференциацией труда, которая выросла на основе географического различия между отдельными районами края. Этот обмен существовал в самом зачаточном виде. Тувинцы не имели ни ярмарок, ни базаров, а своих торговцев у них совсем не было. Впрочем, в позднейшее время роль пунктов обмена стали играть развернувшие свои торговые операции в Туве буддийские монастыри, большая часть которых появилась во второй половине XIX в. Следовательно, внутренний обмен Тувы настолько был слаб, что он не только не привел к образованию внутреннего тувинского рынка, но и не создал к этому предпосылок. ««Рынок»,— говорит В. И. Ленин,— является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда» [1].

Для возникновения внутреннего рынка необходим такой уровень производства, при котором разделение труда привело бы к развитию ремесла, производящего изделия на рынок, окончательно отделившегося от скотоводства и обособившегося в городах. Но Тува не знала такого производства, не знала города и не составляла единого

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 83—84.

экономически целого. Она была раздроблена на отдельные княжества (хошуны), между которыми не существовало экономических связей.

Разделенные большими пространствами тувинские племена и роды должны были вступать в обмен со своими более близкими иноплеменными соседями.

Мы знаем, что торговые связи у кочевых скотоводческих народов возникают сравнительно рано. Еще задолго до изучаемого периода торговля велась между племенами и народами Верхнего Енисея и соседними народами. В подтверждение этого для XVII в. сошлемся хотя бы на свидетельство Петлина, которому в Халхе (Северная Монголия) монголы говорили, что «меняют де с нами ис Саяны на оленьи кожи и на лосины, и на соболя, и на бобры, а нам де дают противо камки и бархаты, и тафты, и зендени черные, да и назад де за ту реку поедут» [2].

Здесь речь идет о торговле народов Северной Монголии и верховьев Енисея с Китаем. Надо полагать, такой обмен жители Саян вели с населением Минусинского края и Алтая, но он не достигал в те времена сколько-нибудь значительного размера.

Торговые связи продолжались и в последующее время. Каждый тувинский хошун поддерживал обмен со своими ближайшими соседями, а через них — и с более отдаленными народами. Тоджинцы, например, через посредство карагасов и окинских тувинцев имели торговую связь с бурятами [3]. Более постоянный обмен, как об этом можно судить по сообщениям Крыжина и Я. Шишмарева [4], относящимся к середине XIX в., вели они с дархатами. Тоджинцы продавали рога маралов и пушнину, а покупали чай, который дархаты вывозили из Монголии, получавшей его в свою очередь от китайских купцов. Дархаты выступали в этом обмене в качестве перепродавцов китайских товаров. Крыжин указывает на их посредническую роль

---

[2] Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина... Изв. отд. русского языка и словесности Имп. Ак. наук, т. XIV, кн. 4, СПб., 1914, стр. 295.

[3] Г. П. Сафьянов. Эпизод из странствия по Монголии. «Восточное обозрение», 1883, № 8, стр. 10.

[4] Я. П. Шишмарев. Сведения о дархатах-урянхайцах Ургинского хутухты. Изв. ВСОИРГО, т. II, № 3, стр. 42; Труды Сибирской экспедиции. ИРГО, стр. 99.

в обмене между тувинцами, жившими в районе оз. Косогол, и восточными тувинцами (тоджинцами), обращая при этом внимание на то, что дархаты продавали китайские товары тоджинцам с тройной прибылью.

Южные тувинцы (*салчаки, оюннары*, верхнекемчикские тувинцы) производили обмен с монголами и дюрбетами. По словам Потанина, они ежегодно продавали в Монголию только одних соболей до 300 штук [5]. На этом участке тувинской границы торговля носила более оживленный характер, чем на востоке. В ней деятельное участие принимали монгольские пограничные караулы, они перепродавали тувинские продукты, в частности хлеб, в Монголию и китайские товары в Туву.

В середине XIX в. бывали случаи проникновения в Туву, видимо контрабандным путем, монгольских купеческих караванов с китайскими товарами. Подобный торговый караван в составе пяти человек на 12 верблюдах встретил Веселков летом 1870 г. на левом берегу Енисея [6]. По сообщению русской газеты «Деятельность», монгольские купцы вели торговлю в долг [7]. Факт примечательный, говорящий о том, что долговая торговля в Туве возникла до появления там русского торгового капитала. Насколько эта торговля была выгодна для монгольских купцов, видно из того, что их не удерживало расстояние в 17 дней пути от Урги до Енисея.

К сожалению, в нашем распоряжении нет точных статистических данных о монголо-тувинской торговле. О ней можно составить лишь косвенное представление по замечанию А. М. Позднеева о том, что Хуху-хотосцы покупали у монголов и тувинцев до 30 000 штук белок по цене 7—8 фын (14—16 коп.), уплачивая им товарами [8].

О значении монголо-тувинской торговли и ее постоянном характере говорит то обстоятельство, что некоторые

---

[5] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 167.

[6] Н. Ф. Веселков. Зарождение нашей торговли с западной стороной Китая со стороны Минусинского округа Енисейской губернии. В сб. «О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России. Статьи и заметки, касающиеся этого предмета». Изд. В. Долинского, СПб., 1871, стр. 31.

[7] «Деятельность», 1871, № 1.

[8] А. М. Позднеев. Монголия и Монголы, т. 1. СПб., 1896, стр. 268.

ремесленники пограничных с Монголией тувинских районов существовали за счет этой торговли. Например, тувинец Чимба, живший на Торгалыке в конце XIX — начале XX в., был овчинником; он выделывал в течение года 80—90 овчин и продавал их дюрбетам за скот, чай и табак [9].

Об участии тувинцев в торговле с жителями Алтая мы находим известия у Принтца и Радлова [10]. В этом районе тувинцы включились в общий торговый обмен, который происходил здесь между русскими, алтайцами, монголами, дюрбетами и даже китайскими купцами (через приказчиков). К 60-м годам на этом участке пограничной полосы, где сходились рубежи русских, тувинских и монгольских земель, торговый обмен принял довольно широкий размах. В начале XIX в. здесь функционировала ярмарка, образовавшаяся у ручья Бураты и известная больше под названием «Чури». Общий оборот этой ярмарки, по сведениям Принтца достигал 20 тыс. руб. [11]. Какую долю занимали в этой торговле тувинцы, сказать трудно. Помимо ярмарки «Чури», В. В. Радлов указывает еще два пункта торговли на тувинской границе — оз. Кара-куль и р. Алаш,— но развитию здесь обмена, по мнению Радлова, мешали две причины: скотокрадство у тувинцев и истощенность быков, которых у них не очень охотно покупали иностранные торговцы [12].

Несмотря на сравнительно обширные размеры торговли в Чуйском районе, она носила натуральный характер. В качестве денег фигурировали плитки кирпичного чая ценностью в 2 руб. [13], что свидетельствует об особой роли китайских товаров в этой обменной торговле, так как чай не производился ни монголами, ни русскими.

Тувинцы предъявляли большой спрос на такие продукты китайского производства, как чай, табак, мануфактурные товары, но получить их из Китая они могли только через посредство своих пограничных соседей. Цинское правительство, исходя из интересов казны, не допускало в

[9] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. сектора истории, папка 3, л. 24.

[10] Принтц. Торговля русских с китайцами по р. Чуе и поездка в г. Хобдо. Изв. ИРГО, 1865, отд. II, стр. 1—16; В. В. Радлов. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность. Записки ИРГО по отд. статистики, 1871, СПб., стр. 339—383.

[11] Принтц. Указ. соч., стр. 4—5.

[12] В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 355.

[13] Там же, стр. 348.

Туву китайских и монгольских купцов. В ст. 84-й Уложения Палаты Внешних сношений говорилось: «Никаким купцам не позволять ездить с товарами к Монголам — Танну-Урянхайским, состоящим в трех эскадронах, равно и во все места к северу от города Улясутая, на которых размещено девять почтовых станций. А если Урянхайские Монголы будут иметь у себя излишния за домашним употреблением вещи, которые бы хотели променять на другие, нужные в общежитии, то удобно могут променивать оныя в городе Улясутае, когда приезжают в оный с мягкою рухлядью для внесения в казну» [14].

Это значило, что покупать китайские товары могли только тувинские нойоны, так как аратам переходить монгольскую границу было строго запрещено.

Цинское правительство в тех же целях защиты своих интересов запретило торговлю в кредит с тувинскими чиновниками. Ст. 85-я того же «Уложения» гласила: «Строжайше запретить Китайским купцам, торгующим в городе Улясутае, дабы, под каким бы то предлогом ни было, не давали в долг товаров своих или серебра Танну-Урянхайским Монголам, приезжающим в Улясутай; но должны они торговать на наличные вещи и деньги. Если же кто, в противность сего отпустит в долг товары или серебро сказанным Монголам, и под сим предлогом поедет в их кочевья; ловить таковых и наказывать жестоким образом» [15].

Эта статья должна была не только пресечь попытки монгольских и китайских купцов нарушить предыдущую статью под предлогом сбора долгов, но и предотвратить возможность расширения торговли в Туве через тувинских чиновников, которые легко могли превратиться в агентов китайских торговых фирм.

Категорически запрещая китайским и монгольским купцам торговать в Туве и кредитовать тувинцев, цинское правительство имело целью оградить от эксплуатации торговым капиталом охотничий заповедник, каким была для него Тува, поставлявшая в казну «мягкую рухлядь». С другой стороны, оно отдавало торговлю тувинцев в руки тувинских нойонов и чиновников, дав им тем самым важ-

---

[14] Уложение Китайской Палаты Внешних сношений, т. II, стр. 72.
[15] Там же.

ный источник обогащения. И фактически до появления русских купцов монополия продажи китайских и всяких иных товаров в самой Туве принадлежала тувинским чиновникам, выезжавшим в Улясутай и закупавшим там товары, а также китайским чиновникам, приезжающим по служебным делам в Туву.

Подобная политика цинского правительства в отношении торговли в Туве имела своими результатами, во-первых, развитие пограничной торговли, которая была весьма выгодна таким соседям тувинцев, как дархатские, монгольские торговцы, и крайне невыгодна тувинскому народу, лишенному экономических связей с метрополией и переплачивавшему за комиссию купцам соседних областей; во-вторых, монополизацию торговли в руках тувинских нойонов, чиновников и монастырей, вследствие чего в Туве не сложилось особой группы купцов и торговцев, так как чиновники ревниво относились к своим правам на торговлю и не допускали конкуренции (даже после революции, уже в 1926 г. в Тувинской Народной Республике среди торгующих было 53 китайских, 25 корейских, 25 русских и только один тувинский купец) [16]; в-третьих, проникновение в Туву русского торгового капитала, на который китайские законы не распространялись, а договоры царского правительства с китайским в 60-х годах, о которых речь впереди, поощряли русскую торговлю в Туве.

2. РУССКО-ТУВИНСКИЙ ОБМЕН

Обмен между пограничным населением России и тувинцами возник значительно раньше XIX в. Отрывочные сведения об этом обмене мы находим для XVII и XVIII вв., но в этот период он был, очевидно, весьма небольшим, о чем можно судить хотя бы по тому, что Пестерев о нем даже не упоминает.

В XIX в., как о том свидетельствуют документы, на всем протяжении русско-тувинской границы между жителями Тувы и населением пограничной русской полосы велась торговля. В ней принимали участие как русские, так и коренные жители Южной Сибири: хакасы, алтайцы,

[16] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. «Материалы о Великих Хуралах в ТНР. 4-й съезд Великого Хурала», стр. 4.

карагасы. Торговые сношения тувинцев с карагасами наблюдал Н. Ф. Катанов, который писал: «Урянхайцы совершенно свободно разъезжают среди карагасов и, объясняясь с ними свободно, берут у них порох, свинец и хлеб; с другой стороны, карагасы разъезжают с торговой целью по Урянхайской земле и привозят оттуда себе кожи, чай и иногда жен»[17]. Конечно, такое свободное общение между тувинцами и карагасами возникло не в XIX в., а значительно раньше. Между единоплеменниками тувинцами и карагасами существовали постоянные связи и происходил обмен. Карагасы в данном случае выступали продавцами свинца, пороха, кремней, топоров, ножей, табака и других предметов русской промышленности, местных кустарных предприятий, русских крестьянских хозяйств, а тувинцы поставляли им кожи, оленей, лошадей и яманьи (козлиные) шкуры, а также чай, который они в свою очередь выменивали у дархатов. В своих поездках в Туву некоторые карагасы, как говорит тот же Катанов, не ограничивались пределами Тоджи и доезжали даже до Кемчика. Тувинцы тоже не довольствовались непосредственными сношениями с карагасами и ездили дальше, до Нижнеудинска [18].

Подобные же тесные связи существовали между тувинцами и коренным населением Минусинского края и Алтая.

Русское население также давно включилось в торговые связи с тувинцами. Первыми начали обмен с тувинцами, несомненно, крестьяне Минусинского края, но затем, после проведения пограничной линии в 1727 г., главными участниками ее стали пограничные казаки, которые по службе встречались с тувинцами на пограничных знаках. Выезжая на проверку пограничных знаков, каждый казак прихватывал с собой одну-две вьючные лошади с грузом разного мелкого товара для обмена у тувинцев на мерлушки, овчины, шубы и прочие предметы. К концу XVIII — началу XIX в. русско-тувинский обмен заметно вырос. Этому, в частности, способствовало отсутствие добычи соли в пограничном с Тувой Минусинском крае. На-

[17] Н. Ф. Катанов. Поездка к карагасам в 1890 году. Записки ИРГО по отд. этнографии, т. XVII, вып. II, СПб., 1891, стр. 133.
[18] Там же, стр. 190, 196.

селение последнего вынуждено было покупать соль у тувинцев. Ее закупали казаки на пограничных караулах, а также крестьяне, выезжавшие в июне и сентябре на рыбную ловлю на р. Ус. В районе этой реки и поддерживалась русско-тувинская торговля [19]. Однако покупкой соли дело не ограничивалось. Русские пограничные казаки говорили Красикову: «Урянхи раньше были зажиточны и выносили к нам для промена не только хорошие сорта аронзы и другие шелковые китайские материи, но даже и слитки серебра, которые они называют ямбами. Теперь торговля с ними наших казаков, выходящих к пограничным знакам, стала весьма ограничена, чтобы не сказать совершенно ничтожна. Они выносят дабу, плохую китайку, соль и китайский табак; все это променивают казакам на выделанные кожи, ножи, топоры, таганы и другие железные поделки» [20]. Это сообщение, не замеченное до сего времени исследователями истории русско-тувинской торговли, имеет определенную ценность. Оно показывает, что в самом конце XVIII — и в начале XIX в. между пограничными русскими жителями и тувинцами велась оживленная торговля как предметами собственно тувинского производства (соль), так и китайскими товарами. Здесь уже тувинцы выступали как перепродавцы чужих изделий. Красиков сообщает, что отдельные русские казаки, например казачий урядник Макаров, довольно бегло говорили по-тувински [21], из чего можно заключить, что к началу XIX в. торговля на границе принимала систематический характер и общение русских казаков с тувинцами к этому времени стало весьма тесным.

Красиков рассказывает и о способах получения тувинцами китайского товара. «Питаясь звероловством и рыболовством,— пишет он,— некоторые из них держат однако же небольшое количество скота, на который и выменивают у китайцев товары, сбываемые нашим казакам» [22]. Общую сумму русско-тувинского торгового оборота для 20—30-х годов XIX в. начальник Минусинского округа Кузьмин

---

[19] Кн. Костров. Заметки о бассейне р. Ус. «Москвитянин», 1852, т. V, № 20, кн. 2. Отд. внутренних известий, стр. 134.

[20] Там же, стр. 137.

[21] Кн. Костров. Указ. соч., стр. 137; Из подлинных записок А. К. К. «Атеней», 1858, ч. II, стр. 398.

[22] Кн. Костров. Указ. соч., стр. 138.

определил в 25 тыс. руб.[23], но цифра эта не достоверна, так как никакого учета торговли тогда не велось. Торговля русских казаков сосредоточивалась в пограничных пунктах: на Иджиме у Шабин-Дабага (притоке р. Уса, впадающем в Енисей), у Бом-Кемчика, т. е. в устье Кемчика и у Хоин-Дабага. Описание торговли на Иджиме дает Шварц, посетивший этот район в 1858 г.: «В три с половиной часа мы пришли в меновые палаты, выстроенные казаками на правом берегу Оята[24], они состоят из четырех плохих ларей, отделенных один от другого тонкою бревенчатою стеной и покрытых бревнами, все строение имеет около 25 футов длины, 5 футов высоты и столь же ширины. Но в сентябре и октябре местность около этих хижин очень оживляется, потому что в долине Уса и Иджима сойотское население очень многочисленно, и в это время сходятся сюда почти все»[25].

Осенью в районе Шабин-Дабага для торговли с русскими собирались до 500 тувинцев. Торговля здесь, по данным Шварца, в конце 50-х годов доходила до 800 руб. серебром в год, «но вообще,— пишет он,— полагают, что торговля находится в упадке и причину этого приписывают казакам, привозящим с собою для мены худой товар»[26]. Последнее свидетельство Шварца об упадке торговли в Туве подтверждается рассказом Красикова об ограниченности и ничтожности торговли казаков в 30-х годах XIX в. по сравнению с более ранним периодом. Красиков объясняет это обеднением тувинцев («урянхи раньше были зажиточными...»). Если оба эти свидетельства верны, то отсюда следует, что во второй четверти XIX в. русско-тувинская торговля находилась временно в упадке. Вероятно, и то и другое обстоятельство играло известную роль в упадке и вообще сравнительно слабом развитии русско-тувинской торговли, но главная причина заключалась не в этом. Успешному ходу русско-тувинской торговли мешали цинское правительство и тувинские баи-феодалы и чиновники.

Русская администрация неоднократно отмечала факты отрицательного отношения к русско-тувинской торговле

---

[23] Из подлинных записок А. К. К. «Атеней», 1858, ч. II, стр. 400.
[24] Оята — приток Иджима.
[25] Труды Сибирской экспедиции. ИРГО, стр. 109.
[26] Там же, стр. 128.

тувинских чиновников, занимавшихся «продажей урянхам по весьма высокой цене китайских товаров, состоящих из чая, табаку, шелковых материй, ножей, трубок, конфет и т. п.». «Видя в русских конкурентов по торговле,— говорится в «Докладе о русско-урянхайских пограничных делах» канцелярии иркутского генерал-губернатора,— тем более опасных, что товары, привозившиеся ими, гораздо более отвечали скромным потребностям урянхов, чем китайские, не удовлетворявшие при том же всем потребностям их быта, урянхайские чиновники, пользуясь тем, что пограничная торговля дозволена была тогда только в двух пунктах, строго приказывали урянхам отнюдь не вступать в сношение с русскими и ни под каким предлогом не дозволять последним проникать в урянхайскую землю» [27].

Эгоистические интересы тувинских чиновников совпадали с интересами цинского правительства, которое фактически запрещало пограничную торговлю тувинцев с русскими. Чиновники цинской династии преследовали подобного рода обмен на русской границе. Так, например, в 1856 г. приехавшие из Улясутая чиновники решительно запретили тувинцам вести торговлю с русскими на границе «и казаки через это должны потерпеть большие убытки»,— жаловалось русское пограничное начальство генерал-губернатору Восточной Сибири [28].

Русская администрация в течение всей первой половины XIX в. относилась почти с полным безучастием к развивающейся торговле на границе Минусинского округа, что объясняется незначительными оборотами этой торговли. Это обстоятельство дало повод пограничным казакам смотреть на право пограничной торговли как на свою особую привилегию, которая затем и была официально закреплена за ними особым распоряжением а апреле 1853 г. [29].

Когда же местная администрация обратилась к вышестоящим властям с предложением официально узаконить и торговлю крестьян с тувинцами, то ей в этом было категорически отказано. Отказ мотивировался тем, что торговля отвлечет крестьян от земледелия и нарушит интересы

[27] ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 210, д. 385, 151.
[28] ГАИО, ф. 24, оп. 13, св. 1644, д. 60, л. 2.
[29] Там же, св. 1308, д. 539, л. 18.

купцов. Высшее начальство беспокоилось о сословных интересах купечества, конкурентами которого могли стать крестьяне. Впрочем, несмотря на официальный запрет, торговля крестьян с тувинцами продолжалась. К 60-м годам эта торговля достигла 6 тыс. руб. в год. Князь Апакидзе так описывает торговлю с тувинцами этого периода: «С нашей стороны вывозятся: меха беличьи, выдровые, табак, плис, сукна и металлические изделия. Взамен этого от урянхов получается: кожи, мерлушки и, главное, рогатый скот. Кроме того, нами приобретается самосадочная соль по цене от 15—17 коп. за пуд, так что она на сплаве в жилые места Минусинского округа обходится не дороже 40—50 коп.» [30].

Из этого сообщения видно, что в 60-х годах в русско-тувинской торговле большое место занимала продажа русскими пушнины (белки, выдры), которая шла в албан. Тувинцы, большинство которых занималось не охотой, а скотоводством и земледелием, должны были продавать свой скот за белку и другого албанного зверя. С русской стороны в Туву шли мануфактурные товары, а также металлические изделия. Веселков прибавляет к этому, что русские торговцы приобретали в Урянхае шкуры диких коз, сурков, горностаев, лисиц и др. [31].

3. ПОЯВЛЕНИЕ В ТУВЕ РУССКОГО ТОРГОВОГО КАПИТАЛА

Пекинский дополнительный договор, подписанный Игнатьевым с китайским правительством в 1860 г., открыл новый этап в развитии русско-тувинской торговли. Согласно ст. 4-й Пекинского договора, на всей пограничной линии Китая и России устанавливалась свободная и беспошлинная меновая торговля, а пограничные власти были обязаны всячески содействовать и покровительствовать этой торговле. Русским купцам разрешалось (по ст. 5-й) «ездить в Китай во всякое время, свободно заниматься торговлей, посещать рынки, лавки, дома местных купцов», «продавать и покупать разные товары оптом и в розницу на деньги, или посредством мены, давать и брать в долг по взаимному доверию. Срок пребывания купцов в местах,

[30] [Апакидзе]. Поездка к границам Монголии кн. Апакидзе. Изв. Сиб. отд. ИРГО, 1870, т. 1, № 2—3, стр. 55.

[31] Н. Ф. Веселков. Указ. соч., стр. 29.

где производится торговля, не определяется, а зависит от их усмотрения» [32]. Правила для сухопутной торговли с Китаем, заключенные 20 февраля 1862 г. в Пекине, распространяли (ст. 2-я) право беспошлинной торговли русских купцов на всю Монголию [33].

Введение беспошлинной торговли подрывало монополию в торговле тувинских чиновников и китайских мандаринов — чиновников улясутайского генерал-губернатора. Поэтому в первые годы после подписания Пекинского договора тувинские чиновники всеми доступными им средствами мешали русским купцам укрепиться в Туве. «Для сойотских же чиновников,— пишет Адрианов,— это нежелательно было просто потому, что каждый из них был купец, каждый запасался небольшим количеством товаров и, продавая их своим подчиненным, брал произвольно высокие цены» [34].

Пекинский договор открыл широкий доступ в Туву более крупным русским купцам, которые до этого времени не принимали участия в торговле с ней. Д. Клеменц правильно вскрывает причину появления минусинских купцов в Туве, когда пишет, что торговля в Минусинском округе с инородцами перестала давать такие баснословные барыши, к которым привыкли местные торговцы [35].

В поисках новых легких источников наживы русские купцы, обогащенные опытом торговли с хакасами, ринулись в Туву, где они очень быстро освоились и укрепились. В 1863 г. Веселков первым пошел с караванами в Туву, о чем он пишет: «В 1863 году, в марте месяце, я первый решился снарядить и снарядил небольшой караван для торговли с Урянхайцами, снабдив его разными товарами на сумму около 4000 рублей. Операция эта, несмотря на неудобный подбор товаров, все таки принесла для меня небольшую пользу» [36].

В 1869 г. Веселков повторил поездку. Вслед за ним в последующие годы в Туву направились Сафьянов, Бяков

---

[32] Сборник договоров России с Китаем, 1869—1881 гг. Изд. МИД. СПб., 1889, стр. 164.

[33] Там же, стр. 192.

[34] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 352.

[35] «Сибирская газета», 1838, № 32. Веселков первым из русских купцов начал торговлю с тувинцами еще в первой половине XIX в. на р. Иджиме (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 210, д. 382, л. 11).

[36] О средствах к устранению..., стр. 29.

и другие купцы, но они шли уже не с караванами, а обосновались в Туве на продолжительное время, построили здесь свои фактории и вели крупные торговые операции. Постепенно в крупных торговцев превращались крестьяне-кулаки из усинских старообрядцев — Вавилин, Медведев и другие, также систематически торговавшие с тувинцами.

В 80-х годах русская торговля стала развиваться сравнительно быстро. Осташкин, посетивший Туву в 1883 г., представил генерал-губернатору Восточной Сибири следующий список русских купцов, торговавших в Туве, с указанием суммы ввезенных товаров (в рублях) [37]:

1. Сафьянов Г. П. . . . 13 270
2. Сафьянов А. П. . . 11 370
3. Шарыпов С. 7 496
4. Ведерников И. 4 000
5. Шишигин В. А. . . . 1 500
6. Бяков В. А. 7 972,5
7. Сафьянов А. П. . . 11 790
8. Медведев М. 5 914
9. Веселков Е. 5 600
10. Бяков Л. М. 5 430
11. Бяков М. И. 5 683
12. Скобеев Х. М. 2 080
13. Скобеев С. Ф. 5 780

Самые крупные из этих торговцев — Сафьяновы и Бяковы — имели свои фактории в Туве, другие вели торговлю временно, разъезжая по стране. Надо заметить, что в списке Осташкина нет некоторых торговцев, например Сватикова и Вавилина, а они вели торговлю в Туве.

Торговлю с тувинцами продолжали вести и отдельные крестьяне пограничных районов, в особенности усинские старообрядцы. Выезжая в Туву на рыбные промыслы, они увозили с собой порох, табак, плис, бязь и другие товары

---

[37] ГАИО, ф. 24, оп. 13, св. 2637, д. 52, лл. 65—66. Осташкин записал фактории Сафьянова в четырех местах: на р. Джиржарике, в устье Чаа-холя, на р. Булук и на р. Бий-Хеме. У Бякова им учтены также четыре фактории: при устье рек Чжиргака, Чадаана и Иш-Хема. У Веселкова было два заведения в местности «Салдан» по Улуг-Хему, у Скобеева фактории находились на р. Систи-Хеме (ГАИО, ф. 24, оп. 13, св. 2638, д. 111, л. 51). Некоторые из этих факторий возникли в 70-х годах (там же, л. 48).

для обмена на соль, скот, козлиные шкуры. Из козлиных шкур, вымененных у тувинцев, крестьяне-торговцы шили дохи и продавали их на несколько тысяч рублей [38]. Торговали с тувинцами и другие крестьяне, приезжавшие к ним с Алтая по рекам Чую и Алашу.

Нам незачем входить в подробности русско-тувинской торговли второй половины XIX в., так как об этом уже много раз было писано, особенно хорошо это сделал Р. М. Кабо [39]. Сейчас же важно показать, что к 80-м годам XIX в. торговля с русскими стала преобладающей во внешней торговле Тувы и была таковой до появления в Туве китайских купцов в начале XX в. К 80-м годам русско-тувинская торговля достигла довольно больших оборотов, определявшихся, по официальным русским данным, суммой в 200 тыс. руб. [40]. Адрианов, имевший возможность непосредственно на месте изучить эту торговлю, дал в своей работе перечень ввозившихся и вывозившихся русскими товаров. Из предметов, вывозимых русскими, на первом месте стояла мануфактура: бязь, которая шла у тувинцев на обшивку мужских и женских шуб, головные платки, опояски и т. д. Русские купцы продавали в год бязи около 60 тыс. аршин, миткаля — до 35 тыс. аршин, плиса низших сортов — немногим больше 20 тыс. аршин, ситца — 5 тыс. аршин, цветного киргизина — 6700 аршин, в меньших количествах гарусные материи, сукна, шелка, низшие сорта парчи, бархата. За мануфактурными товарами шли кушаки и ковры. Много продавалось мелких галантерейных изделий: иголки, нитки, пуговицы, бусы, складные ножи, ножницы, игрушки, бритвы, зеркала, гребенки и т. п. Всего их реализовывалось на 2 тыс. руб. Большое место среди русских товаров, вывозимых в Туву, занимали металлические изделия: медные или латунные самовары, тазы, чашки, чайники, котлы и красная литая медь. Еще больший сбыт находили топоры, кухонные ножи, кайлы, лопаты, таганы, чаши, печи железные, резаное и полосовое железо и пр. Прибыльной статьей русского вывоза был табак. Попрежнему тувинцы закупали у русских пушнину, главным образом рысь, соболя (плохие сорта для сдачи в албан), выдру, бобра. Из перечис-

[38] ГАИО, ф. 24, оп. 13, св. 2638, д. 119, л. 24.
[39] См. Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 96—126.
[40] ГАИО, ф. 24, оп. 13, св. 2638, д. 44, л. 42.

ленных предметов одни — как предметы галантереи, железные изделия, частично низкие сорта мануфактуры, табак, может быть и пушнина — потреблялись всеми слоями тувинского населения, а другие, например шелка, лучшие сорта плиса, тюменские ковры, расходившиеся сравнительно в большом количестве (до 100 штук) — шли на удовлетворение запросов только тувинской знати. Многие вещи, как рассказывает Адрианов, покупались тувинской знатью без большой надобности и использовались не по назначению, например самовар служил не для кипячения воды, а для разлива из него чая, предварительно сваренного в котле.

За товары, которые тувинцы покупали у русских, они расплачивались скотом. Русские купцы скупали рогатый скот, овец, лошадей, иногда верблюдов, овчины, козлины, лучшие сорта соболя, бобра, лисицу, куницу, выдру, колонка. Последнего тувинцы стали добывать в связи со спросом на него русских купцов.

Африканов в специальной статье о русско-тувинской торговле приводит следующие данные о ее росте в 80-х годах (табл. 4).

Таблица 4

Год	Ввезено русских товаров (руб.)	Осталось товара непроданным (в руб.)	Вывезено товаров из Тувы (в руб.)
1878	57 974,75	17 664,20	40 310,55
1879	77 527,25	44 744,87	32 782,38
1880	75 113,02	25 782,56	49 310,46
1881	84 746,84	43 544,09	41 202,75
1882	106 931,27	Сведений нет	—
1883	81 885,50	» »	—
1884	100 973	44 405,60	56 567,40
1885	113 827	21 900	91 927
1886	79 267,50	20 200	59 067,50
1887	88 831,18	6 205,52	82 625,66
1888	110 312,91	26 310,93	93 001,98

Африканов считает, что данные до 1886 г. не заслуживают особого доверия, так как тогда еще не существовало

Усинского пограничного управления и сведения собирались минусинскими властями случайно и небрежно; но мы думаем, что и сведения Усинского пограничного управления, которые признаются автором истинными, вряд ли являются такими, потому что они собирались от купцов, не склонных раскрывать свои коммерческие тайны. И все же эти материалы дают общее представление о росте русско-тувинской торговли за первые десятилетия ее существования [41].

4. НАТУРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РУССКО-ТУВИНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Известно, что в русско-тувинской торговле играли роль и деньги: у тувинцев было китайское серебро, от русских к ним попадали гамбургское серебро и даже русские кредитные билеты [42]. Но металл и денежные знаки выступали лишь в качестве простого товара и главным образом копились тувинской знатью. Единицей обмена в большинстве районов страны была беличья шкурка, в западных скотоводческих районах — торбак (годовалый бычок), а также чай.

Выделение белки в качестве основной счетной единицы является показателем примитивности торговых операций тувинцев, так же как и соответствующий расчет русских товаров, например, не аршинами, а количеством нужного материала; например, у тувинцев во второй половине XIX в. существовала мера для тканей — «шуба». Тувинец просил у торговца «шубу» ситца или «шубу» сукна. Это значило, что ему нужно столько материи, сколько необходимо на покрытие шубы.

Торговая практика выработала определенные цены на товары в соответствии с обращением белки, как денеж-

---

[41] О быстром росте русско-тувинской торговли говорят и другие факты. В 1886 г. в Туве было 16 российских купцов, из них шесть имели там постоянные торговые фактории. В 1888 г. в Туве торговал 21 человек, а количество постоянных торговых заведений увеличилось до 13 (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 210, д. 385, л. 165).

[42] По официальным данным Усинского пограничного управления, до 1896 г. в Туву было вывезено на 2720 руб. русских кредитных билетов, а в 1897 г. русский купец Вавилин ссудил тувинского амбын-нойона кредитными билетами на 5 тыс. руб. (П. Е. Островских. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, вып. III, стр. 351).

ной единицы. Так, по данным П. Е. Островских, в 90-х годах установилась следующая расценка наиболее ходовых товаров на белку:

Овца	10 белок [43]
Козлина	4—5 „
Оленья шкура	10 „
Соболь	40—60 белок
Медвежья шкура	40—150 „
Белая лисица	20 „
Красная лисица	30 „
Черная лисица	100—400 „
Бобр	120—160 „
Бык	10 овец
Овца	3 мерлушки и т. д. [44]

А вот цены на мануфактуру в 80-х годах. Например, «шуба» бязи, т. е. 10—12 салбаков [45], стоила в Туве 20—25 белок, 10 салбаков плиса — 20 белок, 10 салбаков пунцового ситца — от 20 до 30 белок, 10 салбаков кармазина цветного — от 20 до 30 белок, 10 салбаков сукна — от 80 до 100 белок, небольшой кушак — 2—3 белки, тюменский ковер — 30—60 белок, моток шелка — 6—7 белок, кожа — 50—70 белок.

Сначала, как говорит Адрианов, цена товара переводилась на белку, а затем, если покупатель расплачивался скотом, его стоимость тоже определялась на белку.

С таким способом расчета должна была считаться и русская администрация. Во всех официальных отношениях между русскими и тувинскими властями по определению задолженности денежной мерой служила овца. Так, например, после убийства приказчиков Сафьянова в 1876 г. убытки Сафьянова были исчислены в овцах [46], после

---

[43] По Небольсину. «Енисей», 1896, № 72.

[44] П. Е. Островских. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири, стр. 329; см. также Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 119—120.

[45] Салбак — мера ткани; она равняется квадратной четверти аршина.

[46] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 115 (по описи), л. 61.

переговоров между Осташкиным и китайско-тувинскими властями в 1883 г. долги тувинцев русским купцам также были исчислены в овцах (29 793 овцы) [47].

Русские купцы использовали такую систему обмена в целях повышения своих прибылей. То, что белка была единственной денежной единицей, позволяло купцам округлять цену, подгонять стоимость вещи под стоимость белки. А так как большинство покупателей в Туве — это покупатели мелких предметов, легко судить, как обогащались купцы на мелочной продаже товаров. Нельзя не учитывать и другого выгодного значения белки как денежной единицы. Белка представляла очень прибыльный предмет торговли. Как простой товар она могла на рынке изменяться в цене и главным образом в сторону повышения стоимости, в качестве же денег она имела неизменную гарантийную стоимость. Это относится и к другим единицам счета. Эта система позволяла купцам продавать безделушки за громадные деньги, например «за моток черного шелка (утазын) можно выменять овцу, и она в промене на чай меняется на целый кирпич чая. Мерлушку, например, можно выменять за несколько иголок, а в промене на аршинный товар она обойдется в 20 или 30 копеек» [48]. Какие прибыли при этом извлекали купцы, показывают факты, сообщаемые в одной сибирской газете: «Фунт свинца с доставкой стоит торговцу 14—15 копеек, а он берет за него минимум 3 белки, а максимум — 6, а цена белки там в самый худой в смысле сбыта год — 15 коп., но доходит до 25 коп. Затем фунт пороху, стоящий 95—105 коп., продается за 15—20 белок» [49].

Таким образом, неразвитость общественного производства, натуральность хозяйства и вытекающая отсюда примитивная форма обмена приводили к тому, что это средство платежа становилось дополнительным источником прибылей торговцев. А следовательно, тувинское народное хозяйство теряло очень много от несовершенства самой торговли, от ее примитивности.

Чем дольше белка и овца сохраняли за собой роль денег, тем дольше у купцов оставалась возможность из-

---

[47] ГАИО, ф. 24, св. 2637, д. 52, лл. 133, 158.

[48] Д. К. Клеменц. К вопросу о пограничных делах. «Сибирская газета», 8.V. 1888.

[49] В. Небольсин. Урянхайская земля. «Енисей», 1896, № 73.

влекать из них, как денежной формы, дополнительную прибыль к тому, что они представляли собой как простой товар. Эта дополнительная прибыль с течением времени увеличивалась, так как с сокращением пушного промысла вообще стоимость белки, как простого товара, возрастала. Помимо белки и овцы, в Туве имел хождение в качестве денег и кирпич зеленого чая — «баш». Он пришел в Туву из Монголии, где заменял деньги в торговле между китайцами и монголами. Получив распространение в Туве, он еще больше усложнил и запутал торговый счет и расширил для торговцев возможность извлечения выгод из самой системы расчета.

Широко использовали торговцы для обогащения прямой обман. Тувинец не знал подлинной стоимости тех товаров, которые навязывали ему купцы. А последние пользовались этим и назначали произвольную цену на свой товар; например, в середине XIX в., как сообщает Небольсин, за иголку или два-три кремня брали барана [50]. Китайские чиновники продавали трубку, стоившую полтора рубля, за быка в 30 руб. [51]

П. Е. Островских приводит факты, показывающие, как торговцы брали с тоджинца за пачку иголок в 25 штук ценой в 5 коп. две белки стоимостью в 20—30 коп., за восьмушку табака в 4 коп.— одну-две белки [52]. Ружье ценою в 3—5 руб. сбывалось за соболя стоимостью 15—20 руб. За топор или несколько фунтов табаку выменивали быка [53]. Африканов писал, что «из других товаров — пачка иголок в 25 штук, стоящая 5 коп., меняется как мерлушка или козлина (30—40 коп.), за ту же цену сбывается табак в папушах (10—20 коп.), шелк небольшими мотками в 2—3 золотника, тысяча спичек и т. д.» [54].

Этот немилосердный обсчет тувинца при торговле продолжался вплоть до революции 1917 г. Минцлов, посетивший Туву в 1914 г., свидетельствует о высоких барышах, получаемых мелкими торговцами при сбыте

[50] «Енисей», 1896, № 73.

[51] А. Адрианов. Сойоты и русская торговля. «Восточное обозрение», 1882, № 21.

[52] П. Е. Островских. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири, стр. 332.

[53] «Сибирская газета», 1886, № 13.

[54] А. И. Африканов. Русская торговля в Урянхайской земле. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 5, стр. 19.

своих товаров тувинцам. «В России,— пишет он,— коробка в 250 пистонов стоит от двадцати до сорока копеек. В Урянхае купцы продают их сойотам поштучно и за десять штук берут по белке, т. е. по 30—40 коп.» [55]. Следовательно, на одной такой операции с пистонами купец наживал 2000—2500%.

Такой высокий процент прибыли не был правилом, но средняя прибыль русских купцов составляла 100—200%. «100 процентов прибыли,— читаем мы в одном официальном документе,— считается здесь нормой» [56]. Иностранная торговля в Туве во второй половине XIX в. вполне иллюстрирует известные положения Маркса об истинном характере торговых операций и всей торговли в таких странах, как Тува. «Пока торговый капитал,— пишет Маркс,— играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран..., указанные способы производства приводят к тому, что купеческий капитал присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта...» [57].

Маркс, развивая эту мысль, указывает на то, что на первых порах торговли со странами, которые в нее еще только втягиваются, купец стоит над теми, кто производит и кто покупает товар, купец присваивает себе разницу между ценами производителя и покупателя. Это грабительская торговля.

Об оригинальном способе обогащения русских торговцев бесхитростно рассказывает в своих воспоминаниях известный руководитель партизан в годы иностранной интервенции и гражданской войны тов. С. К. Кочетов: «Проезжая мимо юрт, купец-разбойник или его поверенный, заметив стадо скота, непременно сделает остановку невдалеке от юрты, но в самую юрту ночевать не пойдет, а ночью из переметных сум берет горсть овсянки и направляется к юрте намеченной им жертвы. Разбрасывая свой

---

[55] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 212.

[56] Гос. архив Новосибирской области, ф. 47, д. 172, л. 19; «Новый Восток», 1928, № 23—24, стр. 158.

[57] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 342—343.

товар по одной, по две штуки около юрты, он утром поднимает крик, заявляя тарге (старосте аала), что его ночью ограбили»[58]. И тувинец, ставший жертвой купеческой проделки, обязан выплатить торговцу требуемую им сумму «за украденное».

5. ДОЛГОВАЯ ТОРГОВЛЯ

Одной из важных причин разорения тувинцев являлся своеобразный институт долговой кредитной торговли, перенесенный сюда китайцами из Монголии, где китайский торговый капитал при помощи кредита закабалял целые хошуны. Такая же система широко практиковалась местными тувинскими чиновниками, китайскими мандаринами и российскими торговцами в Туве. Непрерывные столкновения между купцами и тувинцами заставили генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина специально поручить Осташкину, командированному в Туву в 1883 г. для разрешения всех споров между русскими и тувинцами, выяснить на месте вопрос о возможности прекращения долговой торговли в Туве или ее ограничения. Изучив вопрос, Осташкин пришел к выводу о невозможности ликвидировать долговую торговлю. Неизбежность системы кредита в условиях Тувы Осташкин обосновал естественными причинами: торговцу, продавшему свои товары зимой, нельзя было в это время брать скот из-за неудобств с его прокормом; дальний прогон привел бы к истощению скота. В зимнее время скот тощий, и обмен на него невыгоден как для русского купца, так и для тувинца, ибо цена на него ниже возможной[59].

Это объяснение Осташкина было резонным, и Анучин не решился не только ликвидировать, но даже регламентировать кредит. На самом деле, естественные условия, в которых происходила русско-тувинская торговля, были таковы, что они заставляли тувинца прибегать к кредиту, потому что он мог расплачиваться своим товаром только в определенный сезон. Если дело касалось скота, то его выгоднее было продавать летом, после нагула, когда цена на него повышалась. Если скотовод продавал продукты

[58] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд.; С. К. Кочетов. Гражданская война в Туве, стр. 1.
[59] ГАИО, ф. 24, св. 2638, д. 111, лл. 36—49.

скотоводства — шкуры и шерсть,— то шерсть он мог настричь только летом, скот же забивался осенью, следовательно, если иметь в виду не бая, у которого были возможности сохранять шерсть и шкуры, а основную массу тувинцев, то им можно было продавать свой товар только в эти сроки. Если тувинец не мог рассчитаться с торговцами в срок потому, что у него пал зимой скот, он вынужден был, несмотря на невыгодность, искать кредита.

Еще сильнее был связан природными условиями при сбыте своей продукции тувинец-охотник, который мог добыть наиболее ценные меха только в октябре — ноябре месяцах. К тому же его зависимость от торговцев была еще большей, чем скотовода, так как он мог промышлять только в том случае, если имел огнестрельное оружие, запас пороха и свинца, а это предоставлял ему торговец. Таким образом, самый характер производства тувинца делал торговлю сезонной. Но тувинское производство, продукты которого являлись предметом обмена, в силу той же непосредственной зависимости от природы являлось неустойчивым. Поэтому тувинец проявлял постоянную готовность принять кредит, а торговец пользовался затруднительным положением тувинца в своих интересах. К тому же он, как и тувинец, мог продать свой товар только в определенный сезон: из Минусинского края в Туву можно было попасть лишь в зимнее время, так как летом через горные хребты, при отсутствии дорог, товар провезти было нельзя. «Транспорты товаров русских купцов в Урянхай,— читаем мы в одном документе,— совершались лишь в течение $2^1/_2$—3 месяцев в году, обычно по очень плохому льду р. Енисея».

С установлением санного пути огромные караваны русских купцов тянулись по Енисею за Саяны. Русский купец приезжал с товарами только в марте — апреле. Позднее прибытие русских товаров в Туву было связано с поздним прибытием товаров из Европейской России на Ирбитскую ярмарку, где главным образом они закупались. Ввиду того, что задерживаться в Туве купец долго не мог, он спешил продать свои товары, точнее отдать их в долг. Долги купец собирал в декабре пушниной у охотников и вывозил ее для продажи на Ирбитскую ярмарку. Здесь он закупал товары и возвращался с ними в Туву. Таким образом, несовпадение по времени привоза товаров в Туву и по-

ступления пушнины и скота было естественной основой долговой торговли. Купец, приезжавший в Туву или живший там постоянно, давал товар тувинцу под его будущую продукцию: охотнику он давал осенью перед промысловым сезоном в долг свинец, дробь, порох и продовольствие под пушнину, степняку-скотоводу он давал требуемые ему товары под скот. Все долги тщательно записывались купцом и в срок взыскивались. Если тувинец не мог своевременно уплатить долг, то его переносили на новый срок с начислением новых процентов. Такие записи велись как мелкими торговцами, так и приказчиками крупных купцов. Еще Путилов отметил такого купца-ростовщика из усинских крестьян-староверов, Ф. Горбунова, который широко кредитовал тувинцев. «Особенно беспощадным обиранием сойотов,— писал он в одной из своих статей,— отличается один крестьянин Ф. Г — в, который из своих исков составил большую книгу, названную в насмешку самими сектантами «сечною книгою», потому что в нее беспрестанно записывались новые долги» [60]. И так делал не один Горбунов, а очень многие усинские крестьяне-кулаки, нажившие свои богатства сначала на мелочной торговле, а затем переходившие и к более крупной. Тот же Путилов писал, что «некоторые богатые сектанты (так он называл старообрядцев, поселившихся на р. Усе.— *В. Д.*) ведут меновую торговлю с сойотами. К сойотам идут: сукно, бязь, миткаль, маральи рога, выдра, рысь, железные и медные изделия, а от них получают скот, кожи, овчины и соль». Из этой группы богатых старообрядцев на Усе впоследствии вырос ряд крупнейших коммерсантов и богачей в Туве: Вавилин, накопивший колоссальные богатства на кредитной торговле с тувинцами, Медведев и др. Яковлев очень хорошо показал эту механику закабаления тувинца купцом. «Торговец дает в долг,— пишет он,— всегда под определенное количество торбаков, которые должны быть выплачены в назначенное время. За взятый на 10—12 рублей товар за сойотом скапливается долг в размере 10—12 торбаков.

---

[60] Н. Путилов. Усинский край. «Енисейские епархиальные ведомости», 1885, № 5, стр. 76. Это, очевидно, тот самый Ф. Горбунов, который после смерти основателя усинской религиозной общины Ив. Аф. Липина, создал среди усинских старообрядцев так называемое федоровское направление (см. Ф. Я. Кон. Усинский край, стр. 36).

Такого количества обыкновенно к сроку у должника не оказывается. Тогда он расплачивается чем может, взрослым быком, считая его за 8 торбаков, пушниной, частью торбаками. Если несколько торбаков остаются к сроку неуплаченными, они превращаются в следующем году во вдвое большее количество торбаков, или в такое же количество уже двухлетних коров. Вновь набранный долг еще больше повышает величину долга. За товар дрянного качества, стоящий в Минусинске 3—5 рублей, а в Засаянском крае — 10 рублей, торговец получал быка ценою в 30 рублей и 2 двухлетка ценою в 25 рублей. В таком неоплатном долгу состояли почти все тувинцы, с каждым годом запутываясь все более и более и теряя счет огромному количеству числящихся за ними «торбаков» [61]. Постепенно должник попадал в такую зависимость от торговца, что фактически уже не мог выбраться из кабалы. Купцы становились распорядителями не только скота того или иного тувинца, но и буквально его самого. Охотник-тувинец фактически превращался в вечного должника торговца. Он терял представление о своем долге, забывал сумму его и знал только одно, что он должен сдавать всю свою добычу торговцу. Ф. Кон по этому поводу пишет, что проценты «могли возрастать до бесконечности. Если в уплату следует корова, то к следующему году она уже возвращается с приплодом. Если долг затягивается на несколько лет, то с должника взыскивается не только весь могущий появиться приплод одной коровы, но и приплод ее потомства. Повышение процента измеряется ростом и размножением скота» [62].

Все те, кто писал о русской торговле во второй половине XIX в., почти единодушно свидетельствуют о диком грабеже весьма наивного в торговых делах тувинца сибирскими скупщиками, жадными до наживы. Генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин на основании сообщений чиновника особых поручений Осташкина писал во «всеподданнейшем отчете» за 1880 и 1881 гг.: «А купцы положительно могут быть обвинены в стремлении эксплуатировать своих неразвитых соседей. Раздав им в долг плохого качества товары по весьма высокой цене,

---

[61] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор..., стр. 72.
[62] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 219.

они взыскивают потом долги без всякого снисхождения, стремясь не установить правильных торговых отношений, а возможно скорее нажиться» [63]. Несколько осторожнее высказывается по этому вопросу Клеменц, который, подчеркивая грабительский характер торговли русских купцов в Туве, указывает, что торговля между пограничными жителями — русскими крестьянами и тувинцами — была справедливой, так как обе стороны равноценно обменивали свои товары, не прибегая к обману и обсчету друг друга. Клеменц пишет: «Громадные барыши, дешевизна крупного скота, окончательное незнание цен русских товаров урянхами, дали знать русским торговцам о новой арене торговых спекулянтов» [64]. Были купцы, которые вели торговлю без особой алчности и грабежа, но эти исключения не меняют общей картины первоначального накопления, которое во всех странах проходило по одним и тем же законам. Кабальная система кредита, несомненно, обостряла отношения между должниками и кредиторами и приводила к борьбе. Должник старался уклониться от уплаты долга, перепродать пушнину или скот другому торговцу за наличный товар, скрыться от кредитора, кредитор же, пользуясь попустительством местных властей, жестоко преследовал должника, насильственно взыскивал долг. Взыскивание долгов превращалось часто в форменный грабеж, и не только самого должника, но и его сородичей и даже чужих людей, только потому, что они — тувинцы.

Народное тувинское творчество отразило в песнях («ыр») особое значение русской торговли для жизни тувинца.

Как канфовый плис (т. е. бархат) и черный плис продаются только у казаков-русских, так и дурные девицы и прекрасные девицы живут только на Карабае и Чакуле [65].

---

[63] ГАИО, ф. 24, св. 2053, д. 44, л. 43. К этому Анучин прибавляет: «К тому же торгующие в Урянхайской земле наши фирмы действуют не совокупно, а врозь, подрывая друг к другу доверие и выставляя населению корыстные действия своих товарищей». См. также Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 126—127.

[64] Д. Клеменц. К вопросу о пограничных делах. «Сибирская газета», 1888, № 32.

[65] Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым, ч. IX, СПб., 1907, стр. 19, 21.

Если не будет народа орус (русских), то откуда придет дорогая (собств. нелинючая) красная материя? Если не будет казаков (русских), то откуда придет канфовый плис? [66].

В народной песне нашел свое отражение и страх тувинца перед купцом-кредитором:

Я боюсь, чтобы приехавший из Идегета (России) Леонтий (Л. И. Бяков) не отнял у меня моей коровы! Я боюсь, чтобы приехавший из Корая (Минусинска) Леонтий не отнял силою моей овцы [67].

Материалы архива Иркутской области дают много фактов прямого грабежа купцами — подданными Российской империи — своих должников-тувинцев. Приведем несколько из них: «Цзайсан Мунке показал, что русские Норла, Абдул и др. отняли у него без всякой причины пятнадцать коров» [68]. «Тайжазол показал, что в третьем году они отобрали у него двух трехгодовалых коров, одну трехгодовалую лошадь и 8 мешков хлеба» [69]. «Чжибиник показал, что русский Максим [70] отобрал у него без всякой причины 8 коров» [71]. «Ардагат показал, что в третьем году русский купец Александр (Ликсандр) отнял у него без всякой причины одну беговую лошадь, стоящую 80 лан. Русский Батчилай отобрал одно хорошее ружье, стоящее 30 лан» [72]. «Мейрэн по имени Батук-доржи показал, что в 12 году правления Тун-Чжи он пришел в дом Кундуя [73] той же роты по имени Пэпэн; русский Бодурва, придя туда же, выстрелил из ружья, и в то время, когда мы его спрашивали, есть ли у него билет или нет и по какой причине он выстрелил, пришли русские Лифантай [74], Батчилай и др. в числе десяти человек, схватили меня Батук-доржи и связали, а из дома моего украли седло с украшениями, стоящее 80 лан, одну вызолочен-

---

[66] Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым, ч. IX, СПб., 1907, стр. 20—22.
[67] Там же, стр. 75, 87.
[68] ГАИО, ф. 24, св. 2637, д. 52, л. 15.
[69] Там же.
[70] Максим — известный русский купец на Кемчике М. И. Бяков.
[71] ГАИО, ф. 24, св. 2637, д. 52, л. 18.
[72] Там же, л. 16.
[73] Чиновник со степенью кунду.
[74] Леонтий Бяков.

ную чашу, стоящую сорок лан, одну молодую лошадь, одного жеребца, шесть кобылиц, одного трехлетнего жеребенка, трех однолетних жеребят, трех больших быков, двух некладенных быков и трех коров с телятами». Всего Осташкину было передано тувинскими властями 184 такие жалобы с общим требованием возместить потери тувинцев от грабежа русских купцов. Тувинские власти требовали возвращения 258 лошадей, 59 кобыл, семи жеребцов, 41 жеребенка, 154 быков, 170 коров, 14 телят, 397 овец, 15 баранов [75].

Можно думать, что тувинским властям не удалось полностью установить все факты произвола русских купцов, если вспомнить, что многие тувинские чиновники уже тогда находились в зависимости у русских купцов.

Такие матерые представители разбойничьего торгового капитала, как Максим и Леонтий Бяковы, держали в своих руках видных тувинских чиновников, которые находились у них в долгу, ими спаивались, одаривались и т. п.

Помимо самовольного захвата скота у тувинцев, русские купцы через русских чиновников предъявляли тувинцам такие счета, что они вызывали сомнения даже у русских властей. Вот характерный документ.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин поставил перед командируемым им в Туву чиновником особых поручений Осташкиным задачу выяснить, откуда русские купцы насчитали свои убытки от тувинских выступлений 1878 г., ибо «по какому расчету определяли торговцы свои убытки — неизвестно, по некоторым данным следует заключить, что цифра убытков крайне преувеличена» [76].

Можно привести ряд других фактов, которые показывают, что купцы не брезгали ничем для своего обогащения и широко пользовались продажностью тувинских чиновников. Так, Небольсин сообщает, что «один из русских торговцев, мнящий себя человеком передовым, интеллигентным, взял, например, с сойот за украденного коня, стоящего самое большее 50—60 рублей, 2000 белок, воспользовавшись своим знакомством с властями,

---

[75] ГАИО, ф. 24, св. 2637, д. 52, л. 33.
[76] ГАИО, ф. 24, св. 2637, д. 52, л. 3. Разрядка наша.— *В. Д.*

решающими дела между русскими и урянхами»[77]. Все эти и многие другие факты говорят о грабительском и ростовщическом характере иностранной торговли в Туве.

Ростовщичество иностранного капитала выступало в форме кредита под скот и пушнину. Р. М. Кабо, прекрасно осветивший этот вопрос как с фактической, так и с теоретической стороны, пишет: «Долговая торговля, помимо того, что она отдавала скотовода живьем в руки ростовщика, имела для торговца еще ряд других преимуществ. Во-первых, она давала возможность выращивать молодой рогатый скот до 3—4-х летнего возраста на обильных тувинских пастбищах под даровым присмотром должников, которые отвечали за целость скотины. Во-вторых, продать в долг можно и больше и выгоднее потому, что, покупая в долг, кочевник не сообразуется ни со своей наличностью, ни с ценой товара, о котором он имел, особенно на первых порах, самое смутное представление. Торговец старается всучить ему возможно больше товаров, в том числе много ненужной дряни и завали»[78]. Эти соображения совершенно правильны, но они нуждаются в некоторых дополнениях. Оставляя закупленный скот в стаде должника, торговец фактически превращал арата в своего пастуха, по сути дела крепостного. Здесь мы не можем не видеть распространенной формы феодальной эксплуатации, известной у тувинцев под названием «саап ишкен». Африканов даже считал, что прибыль купец получал именно от сдачи закупленного молодняка на выпас. «Вся выгода от торговли скотом,— писал он, — заключается в его рощении. Торговцы, покупая молодой скот, в особенности торбаков (по 2-му году), оставляют его на кормежку при заведениях и такой скот, подрастая, через 3—4 года увеличивается в цене в 5 и 6 раз. При дешевом, почти подножном корме, стоимость содержания этого скота сравнительно незначительна»[79].

Использование торговцем-ростовщиком местных форм феодальной эксплуатации для получения барыша подтверждает правильность положения Маркса о том, что

---

[77] В. Небольсин. Урянхайская земля. «Енисей», 1896, № 73.
[78] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 108.
[79] А. И. Африканов. Русская торговля в Урянхайской земле. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 5, стр. 20.

торговый капитал не изменяет способа производства, а значит и характера социальных отношений, а приспосабливается к ним, использует их до конца, разоряя и окончательно дезорганизуя производительные силы.

Ростовщические операции, долговая торговля в этом *играли первостепенную роль.*

6. РУССКО-ТУВИНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В 1890-х ГОДАХ

В конце XIX в. вывоз тувинского скота в Россию, а также в другие страны значительно возрос.

Русские торговцы *выгоняли тувинский скот не только* в ближайшие пункты — Минусинск, Красноярск, но даже в Иркутск.

Многочисленные торговые эксперты подчеркивали высокие качества скота и выгодность его перегона. «Урянхайский рогатый скот,— читаем мы в одном из документов,— отличается своим крупным ростом (бык дает до 25 пудов чистого мяса). Лошади отличаются быстротой бега и выносливостью, овцы — качеством своей шерсти и вкусным, и нежным мясом, зависящим от хорошего подножного корма, которым изобилуют урянхайские горы» [80]. Русские архивные документы отмечают высокую прибыль, получаемую русскими от продажи тувинского скота на сибирских рынках [81]. Также высоко оценивалась и кожа, которая была тяжелее и больше сибирских кож. Но еще больший сбыт в России находила пушнина, вывоз которой все время увеличивался.

В 1896 г. *общий оборот русско-тувинской торговли* достиг, по данным Усинского пограничного управления, суммы в 386 500 руб., ввоз в Туву — 181 500 руб., а вывоз из Тувы — 205 тыс. руб. [82] В 1888 г. общая сумма торгового оборота составляла 203 314 руб.

Таким образом, как можно видеть из этих данных, торговля Тувы с Россией за одно десятилетие почти удвоилась. Такой быстрый рост торгового оборота указывает на дальнейший рост русско-тувинских экономических связей.

---

[80] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 7.
[81] Там же, л. 8.
[82] «Новый Восток», 1923, № 23—24, стр. 158.

Таблица 5 дает представление о вывозе тувинского сырья в Россию за последнее десятилетие XIX в.

Таблица 5

Год	Крупный рогатый скот	Лошади	Верблюды	Овцы	Ягнята	Пушнина	Кожи и шкуры
1889	4565	99	1	1753	19	9 305	17 064
1890	4691	85	—	1443	15	—	16 496
1891	4675	145	3	1422	5	10 850	22 953
1892	3941	127	—	1087	19	29 955	11 195
1893	2987	523	—	2735	—	40 445	9 385
1894	1790	115	—	965	30	4 695	9 775
1895	2478	40	—	160	15	1 045	22 469
1896	4315	177	—	1418	30	14 521	19 273
1897	4047	109	2	2859	86	22 756	12 801
1898	2095	123	—	343	—	58 980	36 150[83]

Эти данные, приводимые Мурзаевым из материалов Усинского пограничного управления, являются весьма приблизительными и далеко неполными. Для понимания истинного значения этих цифр надо учитывать, во-первых, что не все количество закупленного в Туве скота попадало в статистические материалы Усинского пограничного управления, во-вторых, сведения эти составлялись на основании неточных данных ветеринарного надзора и опроса купцов.

Адрианов считал, что в 80-х годах ежегодно вывозилось 3500 голов рогатого скота, 1000 овец, 1000 сырых кож, 2 тыс. мерлушек. 10 тыс. яманьих овчин и козлин, 25 тыс. беличьих шкурок и 250 соболей. Сравнивая эти данные с данными Мурзаева, мы можем сделать следующие выводы.

1. Вывоз рогатого скота к 90-м годам повышался с 3500 до 4500 голов в отдельные годы, но в среднем сохранялся на прежнем уровне (по 3500 голов в год).

[83] Д. Мурзаев. Краткий очерк скотоводства и ветеринарно-санитарного состояния урянхайской земли. «Архив ветеринарных наук», 1905, июнь, отдельный оттиск, стр. 23.

2. Весьма выросло потребление Россией кож и шкур скота. В 80-х годах вывозилось в среднем 13 тыс. штук, а в 90-х годах — 18 тыс., т. е. почти на 40% больше. При этом, как показывают данные Мурзаева, вывоз кож и шкур из года в год увеличивался, достигнув к концу столетия 36 тыс. штук, превысив ежегодный вывоз 80-х годов в 3 раза и средний вывоз 90-х годов — в 2 раза.

3. Вывоз овец увеличился на 50%, т. е. в полтора раза.

Следовательно, сравнение данных 80-х годов XIX в. позволяет констатировать рост вывоза скота из Тувы.

Чтобы установить, сколько животных тувинские хозяйства поставляли на рынок, необходимо сложить количество кож и шкур с количеством живого скота. Тогда получится, что в 1898 г. только через усинскую границу было продано русским купцам 38 тыс. голов скота. К этому надо прибавить вывоз скота в Россию через алтайский участок и вывоз в Китай. Следовательно, тувинцы ежегодно выдавали не менее 60 и не более 90 тыс. голов скота. Если же принять общее количество скота в тувинском стаде в 500—600 тыс. голов, то выходит, что тувинцы ежегодно продавали 10—15% всего своего скота. Если мы возьмем данные только по крупному рогатому скоту, которого, как мы видели, в среднем вывозилось в год 3500 голов, и к этому прибавим ее столько же кож рогатого скота, да еще учтем вывоз скота по другим участкам русской границы, то тогда получится, что ежегодно продавалось около 10—20 тыс. голов рогатого скота. Если условно принять общее количество рогатого скота в Туве за 100 тыс. голов (для конца XIX в.), то вывоз составлял 10—20%.

В самом конце XIX в. в Туве наряду с русским торговым капиталом появился и китайский капитал. Последний не мог непосредственно действовать в Туве, так как ему это было строго запрещено китайскими властями, но он проникал в Туву через цинских чиновников, которые, появляясь в стране в качестве представителей цинской администрации, попутно вели здесь торговые операции. Китайские товары проникали в Туву еще через два канала: тувинскую феодально-чиновничью группу и ламаистские монастыри. Тувинские нойоны, попадая в Улясутай, вывозили оттуда китайские товары и по высоким ценам реализовывали их на тувинском рынке. Прибыли

этих чиновников были большими, потому что они при реализации товаров пользовались своей политической властью.

Методы торговли русских купцов и агентов китайского капитала — тувинских и китайских чиновников — мало чем различались.

Торговый капитал в Туве, так же как и в других странах, играл двойственную роль. В то время как в области производства он консервировал старые формы и способы хозяйствования, в сфере обращения деятельность русского торгового капитала имела прогрессивное значение, положила конец тому прозябанию, той замкнутости тувинской экономики, которая была создана режимом колониального господства китайского феодализма. Русский торговый капитал решительно уничтожил местную ограниченность тувинской экономики и втянул Туву в экономическую связь с Россией. Ведь на тувинском рынке им реализовались товары русской промышленности (мануфактура) и изделия местного (сибирского) ремесленного и промышленного производства, на русском же рынке реализовались продукты тувинского производства, что в конечном итоге не могло не подготовить условий для роста тувинского производства. Русские промышленные товары (мануфактура) преимущественно покупались тувинскими аратами, а не баями. Не случайно Ф. Кон писал, что «в то время как Россия одевает по преимуществу бедноту, Китай доставляет материал для одежды богачей и чиновников»[84]. Положительное значение имела торговля крестьян и казаков с тувинскими аратами, она благотворно сказывалась на экономике той и другой стороны, однако общий удельный вес ее в русско-тувинской торговле был небольшой.

7. РУССКАЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Русские экономические связи с Тувой не ограничивались торговлей, развивавшейся во второй половине прошлого столетия. Еще в первой половине XIX в. на русско-тувинской границе и в самой Туве возникла золотопромышленность.

---

[84] Ф. Я. Кон. Предварительный отчет..., стр. 27.

Первые русские прииски на границе появились в конце 1830-х годов, т. е. в то же время, как стала развиваться золотопромышленность вообще в Сибири.

В 1838—1839 гг. на Большом и Малом Алгияке (верхние притоки Систихема) были основаны для прииска — Спасский и Никитинский. Скоро рядом с ними возникли другие прииски.

Для проезда к месту приисков золотопромышленники проложили специальную тропу, известную под названием Амыльской. Она шла от с. Кужебара на Амыл. В 70-х годах началась разработка и другого района — близ русской границы, на реках Серлих и Сексир. В 1883 г. на Серлихе действовало девять приисков, большинство которых принадлежало Гусеву и Денисову, а немного позже — компании «Чиркова и Гусева», доставивших, по заключению Осташкина, «их владельцам весьма значительные выгоды и установленный в доход казне денежный сбор» [85].

О доходности приисков мы можем судить по тому, что за 4 года со времени своего основания (т. е. с 1879 по 1883 г.) они дали 31 пуд 10 ф. 84 золотника 48 долей [86].

В общей сложности Систихемская и Серлихская золотоносные системы к 1881 г. дали, по официальным данным, 446 пуд. 21 ф. шлихового золота на сумму 9,5 млн. руб. [87].

Рабочими на приисках были русские люди, вывезенные специально для работы в Туву. Они рекрутировались из самых различных кругов сибирского населения. Общее количество рабочих на приисках в 1883 г. составляло 485 человек [88], из них большая часть работала на двух основных приисках компании «Гусева и Денисова» — Святодуховском, где было 138 рабочих, и Петропавловском, на котором работало 192 человека. Положение рабочих на приисках было очень тяжелым. Рабочий день нередко достигал 15—16 часов в сутки [89]. Уроки задавались большие; так, например, рабочий должен был в течение дня

---

[85] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 115, л. 42.
[86] Там же, д. 111, л. 57.
[87] Там же, д. 44, л. 42.
[88] Там же, л. 9.
[89] ГАИО, ф. 712, св. 86, д. 687, л. 4.

перебросать около 2 тонн земли [90]. За невыполнение урока, за нарушение порядков рабочих жестоко наказывали розгами. Заработная плата была исключительно низкой. Рабочий приисков в Туве зарабатывал в несколько раз меньше, чем, например, рабочий ленских приисков. Свыше половины заработка рабочие получали вещами и товарами. На приисках широко практиковалась система штрафов. «Для рабочих построены казармы,— читаем мы в официальном отчете горного начальства,— вмещающие от 20 до 30 человек и имеющие размер от 14 до 20 кв. аршин и до 4 аршин высоты. Все постройки имеют вид временных построек; делались они на скорую руку, причем не заботились об удобствах для тех, кто будет в них, почему стены выведены из тонких бревен, пазы коих заткнуты мхом, но не особенно тщательно, так что местами он выпадает. Помещение отапливается железною печкою, устроенною посреди казармы. Вентиляции нет никакой, если не считать притока свежего воздуха через плохую конопатку стен и побитые стекла в рамах» [91].

От тяжелых, нередко непосильных работ, и совершенно неудовлетворительных жилищных условий, рабочие часто болели. Так, например, в 1883 г. из 330 рабочих приисков Гусева, по официальным данным, 28 человек [92] ежедневно находились в больнице. Минцлов посетил эти прииски в начале XX в. и нарисовал мрачную картину жизни шахтеров тувинских приисков. «Подымали их звонком колокола, еще затемно, в 3 часа ночи; заканчивали работу при свете зажженной бересты. На каждый день задавали уроки; двое человек с одной хозяйской лошадью должны были выбросить из земли и вывезти зимою полтора, а летом два куба земли, т. е. иными словами до 200 пудов земли. Кто не успевал кончить — того пороли. Кроме порки виновных привязывали на ночь к деревьям» [93].

За такую каторжную работу рабочим платили от 10 до 18 руб. в месяц на хозяйском содержании, которое было крайне скудным.

Минцлов, описывая питание и условия жизни рабочих, делает вывод: «полное бесправие и рабство — вот харак-

[90] ГАИО, ф. 712, св. 86, д. 687, л. 3.
[91] Там же, л. 11.
[92] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 53.
[93] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 192.

терная особенность наших южно-сибирских приисков. История их — сплошное черное пятно на имени человека» [94].

На приисках, кроме русских, работали и тувинцы. «Для земляных работ,— пишет Осташкин,— промысловое управление не нанимало их, как людей с этой работой не свычных» [95], но оно их использовало для подрядных работ по заготовке сена, берестовой свечи, рубке и подвозке дров и производству других подсобных работ на приисках. Тувинцы, как о том говорится в официальных русских документах, охотно нанимались на прииски в качестве пастухов и сторожей. Им платили за работу весьма мизерную сумму — от 20 до 40 коп. в день. В 1886 г. 43 таких рабочих-тувинца заработали на приисках 860 руб. [96]. В условиях беспощадной феодальной эксплуатации и национального гнета в Туве, где голод был постоянным спутником жизни трудящегося, работа на приисках была для многих из них спасением от голодной смерти. Этим и объясняется, что около русских приисков постоянно ютилось большое количество тувинцев. Владельцы приисков, пользуясь этим, притесняли тувинцев-рабочих еще более безжалостно, чем русских рабочих.

В процессе совместной жизни и работы русских и тувинцев на приисках между ними возникала трудовая дружба, которая сближала их друг с другом и способствовала росту сознания и культуры тувинцев.

В то время как тувинская беднота работала на приисках, араты — владельцы скота — снабжали прииски молоком и мясом. Прииски создавали рынок для сбыта продукции скотоводческих хозяйств аратов и тем самым стимулировали его дальнейший рост.

К 90-м годам Систихемский район стал истощаться. К этому времени десятки приисков, сплошь покрывавших верховья Сисги-Хема, со всеми его притоками, уже были закрыты. В 1892 г. были заброшены крупные прииски на р. Блялике: Петропавловский, Дмитриевский, Михайловский и Сибирский. До революции 1917 г. продолжали

---

[94] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 193.

[95] ГАИО, ф. 24, оп. 11, св. 2638, д. 111, л. 55.

[96] ГАИО, ф. 712, оп. 1, св. 86, д. 678, л. 11. В 1885 г. на одном из приисков Гусева их работало до 15 человек (ГАИО, ф. 24, св. 203, д. 416, л. 77).

действовать только рудники Савельева в верховьях реки Алгияка [97].

По мере того, как истощались старые прииски, русские предприниматели искали новые месторождения золота. В начале 90-х годов известный золотопромышленник Гусев сделал заявку на разработку золота в верховьях р. Уса и даже начал работы, но решительное вмешательство тувинских властей привело к их прекращению [98]. В 1896 г. на территории Тувы работало 11 приисков с 500 рабочими [99].

Появление и развитие русской золотопромышленности имело большое историческое значение для края. Оно способствовало развитию производительных сил Тувы, давало работу некоторым группам тувинцев. Наемный труд тувинцев, появившийся впервые в золотопромышленности, способствовал внесению в тувинские социальные отношения новых элементов, свойственных капиталистическим отношениям.

8. ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ КРЕСТЬЯН В ТУВЕ

Содействовал экономическому развитию Тувы и другой вид предпринимательства русских в Туве. Еще в середине XIX в. началась промысловая деятельность русских крестьян в верховьях Енисея. Крестьяне из сел южной части Минусинского края, больше всего из Шушенской волости, объединялись в небольшие артели рыбаков или охотников и отправлялись за пограничную линию на промысел. Долгое время промыслы комбинировались с обменом разного рода товаров на продукцию тувинского хозяйства. Крестьяне брали с собой несколько метров мануфактуры, что-либо из металлических изделий, табак и выменивали у тувинцев на них кожу, овчины, скот, соль, чай, приобретаемый в свою очередь тувинцами у китайцев.

Шварц, проезжавший в 1858 г. р. Усу, первый встретил в 5 км ниже впадения этой реки в Енисей партию крестьян-промышленников,— состоявшую из восьми человек, на

[97] ГАНО, ф. 47, д. 260, лл. 41—42.
[98] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 40.
[99] П. Е. Островских. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири, стр. 337.

двух лодках с товарами, уже две недели находившуюся в пути [100].

Такие партии русских крестьян ежегодно выезжали в верховья Енисея и сплавляли оттуда вниз по реке рыбу, соль и меха [101]. В первый период они осваивали главным образом притоки Верхнего Енисея (Бий-Хема) и самого Енисея (Улуг-Хема). О количестве добываемой артелями в 70-х годах рыбы можно судить на основании заметки И. П., который писал: «Из китайских владений перекочевывают для охоты приграничные урянхайцы, но взамен зверопромышленности урянхайцев в наших пределах, русские, особенно жители усинских деревень, вылавливают много рыбы, более 1000 пудов в системе верховий Енисея» [102].

В 1882 г. Веселков арендовал у тувинского амбын-нойона оз. Джаакты-Куль. На озере было добыто за сезон около 1000 пуд. рыбы — главным образом щук и язей. В этом же году шесть крестьянских артелей из Шушенской волости и две артели из усинских крестьян, поднявшись вверх по Енисею, сплавили в Минусинск до 2 тыс. пуд. рыбы [103]. До 1880 г. рыба засаливалась в выдолбленные колоды, а позже — в бочках. По сведениям Адрианова, в 80-х годах вывозилось от 1000 до 2000 пуд. рыбы ежегодно [104].

К концу 90-х годов количество русских артелей, промышлявших в Туве, увеличилось. Они вывозили тысячи пудов рыбы и большое количество пушнины [105].

---

[100] Труды Сибирской экспедиции..., стр. 119; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. III, стр. 377.

[101] «Сибирская газета», 1886, № 13.

[102] И. П. Путевые заметки с верховьев Енисея. Изв. СОИРГО, 1877, т. VIII, № 5—6, стр. 171.

[103] А. В. Адрианов. Путешествие..., стр. 355.

[104] Там же, стр. 354.

[105] В 1892 г. в Туве рыбачило 103 русских крестьянина. В 1897 г., по данным Усинского пограничного управления, там было добыто русскими артелями: Скобеева — 10 человек, на р. Хаморе — 300 пуд.; Скобеева Ив.— 36 человек, на р. Хорысе — 200 пуд. По р. Бий-Хему ловили рыбу семь артелей, они добывали в общей сложности 1200 пуд. рыбы. Пределами системы рек Верхнего Енисея не ограничивалась промысловая деятельность русских рыбаков. Они проникали в глубь Тувы и ставили свои неводы и сети на Улуг-Хеме и Каа-Хеме. На Улуг-Хеме 10 артелей добыло 800 пуд. рыбы. Такое же количество рыбы было взято 8 рыбацкими артелями по Каа-Хему. Всего, по официальным данным, русскими артелями было добыто и вывезено в Ми-

Постоянные поездки русских крестьян в Туву, общение их с тувинцами влияли на развитие русско-тувинских экономических связей и на проникновение новых способов производства, новых навыков труда и русской культуры в среду тувинцев. Тувинцы стали усваивать у русских крестьян более совершенные приемы лова и обработки рыбы. В отличие от русских торговцев, жестоких эксплуататоров тувинских аратов, русские крестьяне-промышленники устанавливали с тувинцами прочные экономические связи, приносившие пользу не только русским крестьянам, но и тувинцам.

Если к этому прибавить и поездки тувинцев в русские области для промысла зверя и обмена своих продуктов на русские изделия, то можно констатировать очень важный для той и другой стороны процесс сближения между русскими и тувинскими трудящимися. Поездки русских крестьян в Туву на промыслы и выезды тувинцев в русские пограничные селения, продолжавшиеся в течение многих десятилетий, создавали прочный фундамент трудовой дружбы между народами России и Тувы. Эти связи противостояли разрушительной деятельности купечества в Туве.

9. ЦАРСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТУВЕ

Развитие русского капитализма, усилившееся в особенности после крестьянской реформы 1861 г., требовало все новых и новых рынков сбыта. Тот факт, что реформа сохранила в значительной мере пережитки феодально-крепостнической эпохи — нищенские наделы, крайнюю бедность крестьян, обобранных до нитки помещиками при освобождении, делали внутренний рынок страны малоемким, далеко не поглощавшим выбрасываемую в обращение продукцию капиталистического производства. Слабость внутреннего спроса заставляла растущую капиталистическую промышленность искать новых рынков вне пределов страны. Противоречия между сковывавшими развитие производительных сил остатками феодально-крепостнических отно-

---

нусинский край до 4 тыс. пуд. рыбы (П. Е. Островских. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири, стр. 342—350).

щений и растущими капиталистическими отношениями могли быть частично и временно разрешены за счет расширения сферы деятельности русского капитала. Однако своими собственными усилиями русскому капитализму пробиться на внешние рынки было не легко. Царское правительство, которое стремилось сохранить крепостнический режим внутри страны, оградить интересы русских помещиков, чью классовую волю оно в первую очередь выполняло, в целях содействия расширению промышленности помогало всеми средствами промышленному капитализму в поисках новых рынков сбыта, тем более, что эта цель соответствовала и захватническим стремлениям самого русского царизма. Интересы царизма, а значит и помещиков, а также и русской буржуазии тесно сплетались в вопросах колониальной политики: они все были заинтересованы в захвате новых областей и стран, которые могли стать объектом колониальной эксплуатации царизма и рынком сбыта для русской промышленной продукции.

Преследуя цели колониальной экспансии и всячески поддерживая русскую капиталистическую промышленность в ее движении вширь, царское правительство с 60-х годов начало проявлять усиленный интерес к странам Центральной Азии, в том числе и к так называемому «Урянхайскому краю». Особый интерес царского правительства к торговле в Центральной Азии в 60-х годах был связан с тем, что в этот период в русских торговых делах с Азией наступил застой в связи с народными движениями в Китае, которые сделали русскую торговлю в этих областях почти невозможной.

7 июля 1869 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел направил для сведения генерал-губернатора Восточной Сибири отношение Управления Министерства поверенному в делах в Пекине, где ставился вопрос об изыскании новых торговых путей в Азии, так как дунганское восстание нанесло серьезный удар русско-китайской торговле и пробудило интерес к возможностям развития торговли с Западной Монголией. «Изыскивая другие пути и способы для оживления нашей западно-сибирской торговли,— читаем мы в этом документе,— министерство остановило свое внимание на обширном поле для торговой предприимчивости, которое представляет западная Монголия и куда до сих пор едва проникают русские

купцы» [106]. Для изучения условий торговли в этом районе в города Улясутай и Кобдо был направлен кульджинский консул Павлинов, а вместе с тем местные краевые органы власти начинали придавать большое значение развитию торговли с Монголией через Минусинск.

На запрос генерал-губернатора Восточной Сибири о перспективах торговли в Туве енисейскому губернатору Левицкому был получен ответ, что «нельзя ожидать большого развития этой торговли оттого, что — как отзывались торговцы — препятствуют стеснительные действия китайских чиновников, неудобство путей сообщения...» [107].

Те факты, о которых мы уже говорили, опровергают эти соображения Левицкого. Несмотря на плохие пути сообщения и препятствия со стороны китайских чиновников, торговля с Тувой развивалась, и чем дальше, тем все больше привлекала внимание местных органов царской власти.

Наряду с торговлей они не меньше заботились и о развитии золотой промышленности в Туве. До поры до времени русские золотопромышленники скрывали от администрации свои прииски на территории Тувы, но, наконец, о них стало известно. И это обстоятельство заставило местные органы серьезнее заняться вопросом уточнения пограничной линии.

Остро стал вопрос об отношении России с Тувой в связи с ухудшением отношений между Россией и Китаем в 1880-х годах. Во всеподданнейшем отчете по управлению Восточной Сибирью за 1880/81 г. генерал-губернатор писал: «Неподвижность Китая, долгое время жившего внутренней жизнью, приучила нас к мысли о невозможности каких-либо столкновений с этим соседом, послужила поводом к установлению на китайской границе таких патриархальных отношений, которые немыслимы ни в каком другом месте» [108].

Эта «патриархальность отношений», установившаяся между Китаем и Россией, дошла до того, что на огромном пространстве пограничная линия не была точно определе-

---

[106] ГАИО, ф. 24, св. 1892, д. 61 (по описи), л. 2. О перспективах развития торговли с Китаем через верхний Енисей писали многие газеты того периода («Биржевые ведомости», 8. IX 1869; «Деятельность», 1870, № 113, 123; 1871, № 1, и др.).

[107] ГАИО, ф. 24, св. 1892, д. 61 (по описи), лл. 22—23.

[108] ГАИО, ф. 24, св. 2053, д. $^{512}/_{44}$, л. 31.

на. Первое разграничение было проведено еще в начале XVIII в. и оформлено Буринским и Кяхтинским договорами 1727 г. Тогда же, согласно подписанным русским послом Саввой Рагузинским документам, были установлены пограничные знаки, которые, однако, вскоре были затеряны и в течение нескольких десятков лет не возобновлялись, а старые названия гор, рек и урочищ, упоминаемые в трактатах, не удержались в памяти людей и изменились так, что по ним было очень трудно восстановить подлинные названия пограничных пунктов.

Важно отметить, что при разграничении на алтае-саянском участке не было совершенно принято во внимание, что западные районы Тувы фактически составляли часть территории Джунгарии. Тува, которая считалась при подписании вышеуказанных договоров территорией, подведомственной Китаю, в действительности была завоевана Китаем только в 1757 г. Захват Тувы Китаем был прямым нарушением Буринского и Кяхтинского договоров, по которым все реки, текущие на север, отходили к России, а реки, текущие на юг,— к Китаю.

Китайское правительство, видимо учитывая это обстоятельство, не решалось выставить свои пограничные караулы по соседству с русскими пограничными караулами. Факт этот действительно является единственным в международной практике. На протяжении полутора столетий русские и китайские пограничные караулы не смыкались на этом участке границы, а отстояли друг от друга на расстоянии 200 км. Китайские или монгольские караулы располагались на Танну-ола, а русские — по Саянам, т. е. фактически Тува оставалась нейтральной страной, ничейной территорией. Все это, а также и то, что в XVII в. владельцы верховьев Енисея — Алтын-ханы шертовали (присягали) на верность русскому царю, делало территорию Тувы спорной.

В нашу задачу не входит рассмотрение и изучение вопроса по существу исторических прав Китая или России на Туву, но его следует учитывать при изучении проблемы, являющейся предметом данной работы.

Итак, спорность и неопределенность пограничной линии на урянхайском участке весьма осложняли в целом обстановку и поведение царского правительства по отношению к Туве в связи с обострением отношений между

Россией и Китаем в середине XIX в. Инициативу по выяснению пограничной линии проявили органы горного надзора, столкнувшиеся с фактом выдачи золотопромышленникам разрешения на разработку золотоносных площадей в верховьях Енисея. В 1882—1883 гг. розыском пограничных знаков занимался инженер И. С. Боголюбский. Хотя он, по его собственному заявлению, и обнаружил долго разыскиваемый пограничный знак № 22 в верховьях р. Оджири, но поставил тем самым под сомнение знак № 22 в устье р. Коярты [109]. Однако его сообщение не было признано убедительным, и экспедиции, которые на протяжении 80—90-х годов посылались правительственными учреждениями, попутно с другими задачами должны были разыскать утраченные пограничные знаки.

Но дело не ждало. Интересы развивающейся торговли и золотопромышленности в Туве требовали разрешения ряда злободневных вопросов, тем более, что круг торговцев и промышленников, заинтересованных в этом, все время расширялся и настойчиво требовал вмешательства властей в развитие русской торговли и промышленности в Туве.

В 1878 г., как уже было сказано, в Туве был открыт новый золотоносный район, и слух о его богатстве вызвал большой приток заявлений в органы горного надзора от купцов и золотопромышленников с просьбой разрешить разработку золота. Получив это разрешение, золотопромышленники очень скоро столкнулись с особым положением их предприятий в крае и засыпали центральные учреждения жалобами на отсутствие на вновь открытых приисках гражданской власти, военной охраны и т. п. Все это опять побуждало органы власти обратить внимание на пограничный вопрос.

В 1880 г. вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин при въезде в пределы края получил от минусинских купцов и золотопромышленников заявление, в котором они, описывая состояние торговли и золотопромышленности в верховьях Енисея, требовали решить вопрос о том, следует ли считать реки Ут, Уюк, Темир-Усу свободными на общих основаниях для разработки золотых россыпей, и просили учредить в южной ча-

[109] ГАИО, ф. 293, св. 8, д. 91, л. 10.

сти Минусинского округа должность пограничного комиссара, установить полицейский надзор и прислать караульные отряды для охраны пограничной линии. О кровной заинтересованности золотопромышленников и торговцев в положительном решении поставленных ими вопросов говорит то, что они предлагали правительству для содержания этих учреждений часть (2%) своих доходов от золотодобычи.

Основываясь на этом заявлении, Анучин в своем отчете за 1880/81 г. поставил перед правительством возбужденные местными купцами вопросы.

В этом отчете он обратил внимание правительства на наличие серьезных русских интересов в Туве в виде нескольких десятков золотых приисков и торговли, достигающей 200 тыс. руб. оборота. Особое внимание Анучин придал вопросу о положении золотопромышленности, которая фактически (что якобы не было известно местным органам власти) оказалась на иностранной территории. Намеченная Анучиным политика по отношению к Туве была одобрена царским правительством и самим царем. Она предусматривала полное и всяческое содействие русскому торговому капиталу в его деятельности в Туве, защиту и поддержку интересов русских торговцев, что фактически проводилось и раньше.

Менее удовлетворительно был решен вопрос о золотопромышленности в Туве. Царское правительство боялось привлекать внимание китайского правительства к открытию русскими золота в Туве. Поэтому оно постановило при производстве отводов золотопромышленникам золотых приисков на спорной тувинской территории предварять промышленников, «что как отводы, так и разрешение приисков в означенной местности, как пограничной с Китаем, могут быть по политическим обстоятельствам приостанавливаемы и даже вовсе прекращаемы, без всякого вознаграждения промышленников» [110]. Для этого у золотопромышленников, которые получали разрешение на разработку золотых приисков в Туве, брали расписку в том, что в случае пограничных осложнений или категорического требования Китая прекратить разработку они не будут предъявлять правительству каких-либо

[110] ГАИО, ф. 24, св. 2053, д. $^{512}/_{44}$, л. 75.

претензий по поводу утраты своей собственности. Таким образом, вместо того, чтобы категорически запретить русским золотопромышленникам заниматься разработкой золота на чужой или во всяком случае спорной территории, царское правительство поощряло это занятие, представляя, однако, все это на собственный страх и риск золотопромышленникам, обещая только некоторую поддержку этим «отважным русским предпринимателям», как называл их в своем отчете Анучин.

10. СОЗДАНИЕ УСИНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОКРУГА

Минусинские купцы и золотопромышленники, как уже указывалось, требовали создания должности пограничного комиссара для оказания содействия развитию русской торговли в Туве и урегулирования всех недоразумений, возникающих между ними и тувинцами. Это предложение купцов было поддержано сибирской буржуазной прессой.

Русская торговля в Туве встречала сопротивление со стороны тувинских и китайских чиновников, а грабеж русскими купцами тувинских аратов вызывал неоднократные выступления аратов против них.

В 1867 г. был ограблен купец Веселков. Для разбора обстоятельств этого грабежа и возмещения убытков Веселкову в Улясутай был командирован ургинский консул, а в Туву — чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири кн. Апакидзе [111]. Шишмареву удалось договориться с улясутайским цзянь-цзюнем о том, что вопрос об ограблении Веселкова будет решен на совместном съезде русских, китайских и тувинских чиновников. Этим самым было положено начало русско-китайским съездам совместно с тувинскими чиновниками.

Помимо этого, Шишмарев сумел добиться от улясутайских китайских властей разрешения русским торговцам строить товарные склады в пределах Тувы [112]. Съезд русских и тувинских чиновников в присутствии китайских чиновников был назначен на 13 октября, но не состоялся. Он был проведен позже, и Веселков получил полное, и

[111] ГАИО, ф. 24, св. 1468, д. 149, л. 40.
[112] Там же, д. 52, л. 4.

даже с лихвой, вознаграждение. Взаимоотношения русских торговцев с тувинцами ухудшились в конце 70-х годов. В 1876 г. были убиты приказчики Сафьянова, а весной 1878 г. «во время волнения между сойотами из-за причин чисто их местного характера, сойоты воспользовались беспорядками и разграбили торговые заведения наших купцов» [113].

Для разрешения всех спорных вопросов на 1879 г. был назначен съезд русских, китайских и тувинских чиновников, но он не дал каких-либо результатов, потому что командированный на съезд цинский чиновник Фу Хоу, недовольный тем, что русские не дали ему взятки, уехал со съезда. Новый съезд состоялся только в 1883 г., когда в Туву был направлен Осташкин, который на месте должен был выяснить ряд вопросов для принятия более серьезных мер к улучшению постановки русской торговли в Туве. 24 августа 1883 г. после долгого препирательства с тувинскими чиновниками, стремившимися всячески сорвать переговоры, он добился подписания протокола, по которому тувинцы должны были уплатить 29 793 барана за убытки, якобы понесенные русскими купцами [114].

Здесь указаны только наиболее крупные недоразумения, вызывавшие длительные командировки чиновников генерал-губернатора Восточной Сибири в Туву. В действительности инциденты происходили очень часто и самым непосредственным образом отражались на торговых делах русских купцов в Туве.

В своем докладе Анучину Осташкин подтвердил необходимость организации пограничного управления.

В 1882 г. Анучин поставил вопрос перед центральными властями о создании Усинского пограничного управления, а не должности пограничного комиссара, как требовали минусинские купцы.

«Учреждение подобного комиссариатства,— писал он,— в верховьях Енисея не желательно. С одной стороны, назначение комиссара может подать повод китайскому правительству назначить в соответствии ему и своего пограничного комиссара к явному для нас ущербу, потому что привлечет внимание на этот край китайского правительства и послужит к присылке в урянхайскую землю

[113] ГАИО, ф. 24, оп. 9, св. 2053, д. $^{512}/_{44}$, л. 43.
[114] Там же, св. 2637, д. 52, л. 78.

китайских чиновников, содержание коих тяжким бременем ляжет на сопредельных нам сойотов» [115].

Предлагая создать пограничное управление, он мотивировал это необходимостью «установить правительственный надзор как за разрабатываемыми там золотыми приисками, так и за кочевым населением сойотов, а равно оказать материальную и нравственную поддержку нашим промышленникам, ведущим значительный торг в Китае, где, вследствие отдаленности наших властей, наши торговцы встречают нередко большие затруднения и терпят даже несправедливости» [116]. Средства для содержания аппарата пограничного управления Анучин считал возможным найти. Он предлагал сократить некоторые штатные единицы (одна в канцелярии генерал-губернатора и одна в Минусинском окружном управлении) и использовать отчисления золотопромышленников специально на содержание полицейского управления и казачьей команды.

Министр внутренних дел Дурново поддержал ходатайство генерал-губернатора Восточной Сибири о создании пограничного управления, так как, по его мнению, «наезд китайских чиновников отражается невыгодно на русской торговле» [117], и передал его на рассмотрение царю.

30 декабря 1885 г. Александр III удовлетворил ходатайство о создании пограничного округа. Первым усинским пограничным начальником был назначен Африканов. В конце 1886 г. была утверждена временная инструкция для пограничного начальника, по которой он соединял в себе права и функции окружного и горного исправника, крестьянского начальника (для населения, жившего по р. Усу) и торгового комиссара и получал право сношения с тувинскими властями по всем вопросам, касающимся русской торговли в Туве.

Сибирская пресса, выражавшая интересы сибирской буржуазии, горячо приветствовала решение правительства об образовании Усинского пограничного округа, как «весьма важный законодательный акт». «Сибирская газета» в специальной обширной передовой от 30 марта 1886 г. оценивала его как запоздалое свидетельство внимания правительства к «урянхайскому пограничному вопросу», ви-

[115] ГАИО, ф. 24, оп. 9, св. 2053, д. $^{512}/_{44}$, л. 8.
[116] Там же, л. 166.
[117] Там же, л. 15.

дела в нем залог успешного развития торговли, золотопромышленности, колонизации края, который в конечном итоге приведет к тому, что «рано или поздно вся система Кемчика и Енисея, вплоть до хребта Танну, войдет в состав русского государства» [118].

Следовательно, образование Усинского пограничного управления преследовало цели защиты прежде всего интересов торговцев и золотопромышленников. Даже в начале 90-х годов некоторые либерально-буржуазные круги Енисейской губернии решительно осуждали эту меру царского правительства, считая, что создание специального управления для такого округа, как Усинский, совершенно не оправдывается интересами населения [119]. Но в том и заключалось дело, что царское правительство пеклось не о народных интересах, а об интересах помещиков и капиталистов, стремясь реализовать свои планы захвата и эксплуатации Тувы за счет интересов народных масс России и Тувы.

---

[118] «Сибирская газета», 1886, № 13.

[119] Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892, стр. 373.

Глава восьмая

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ТУВЫ

1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Земледельческая колонизация Тувы русским крестьянством являлась важным фактором в истории области. Значение ее заключается в том, что она содействовала развитию производительных сил тувинского народа. Русский торговый капитал, как мы видели, играл реакционную роль в производстве, он разрушал производительные силы Тувы и консервировал сложившиеся в ней социальные отношения. Золотопромышленность сравнительно слабо сказывалась на развитии тувинской экономики.

Другое дело крестьянская земледельческая колонизация, которая с самого начала своего возникновения имела большое положительное значение в хозяйственном развитии края и коренным образом отличалась от торговой и промышленной колонизации предыдущих периодов. Существенным образом отличалось и влияние земледельческой колонизации на ход развития социальных отношений в Туве.

Переселение русских крестьян в Туву началось в 1880-х годах и продолжалось вплоть до образования Тувинской Народной Республики. За сорок лет в Туву переселилось свыше тысячи крестьянских семей. Колонизация шла непрерывно, лишь по временам ослабевая.

Историю русской земледельческой колонизации Тувы можно разбить на несколько периодов: первый период — 1880—1906 гг.; второй период — 1907—1911 гг.; тре-

тий период — 1912—1916 гг.; четвертый период — 1917—1921 гг.

В начальный период колонизации крестьяне-переселенцы в значительной части переходили русскую границу для того, чтобы создать в ближайших к русской границе районах Тувы крепкое хозяйство, широко совмещая земледельческий труд с торговыми операциями среди тувинского населения. В этот период в Туву переселялся предприимчивый сибирский крестьянин-старообрядец. Он движется в Туву, привлекаемый ее плодородной почвой, возможностями промыслов и торговли с тувинцами. Главным побудительным мотивом к переселению было стремление старообрядцев скрыться от преследований царской администрации.

Местные органы власти то поощряли колонизацию, то сдерживали ее, не понимая еще смысла и значения этого движения крестьян за рубеж в плане внешней политики царизма. Количественный результат первого этапа был незначительный. В итоге его образовались первые русские деревни в северной части тувинской области — Туран и Уюк.

Во второй период крестьянская колонизация усилилась, переселение крестьян шло не только стихийно, но и в известной мере регулировалось и направлялось русскими местными властями с целью укрепить русские позиции в Туве, создать там материальные основы для оправдания колониальной политики царизма. В колонизации Тувы в этот период принимало участие большое количество крестьян не только из Усинской, но и из других волостей Минусинского уезда, частично Алтая, Томской губернии и других сибирских районов. К этому времени относится проникновение крестьян в Улуг-Хемский район, появление первых засельщиков на Каа-Хеме и образование там первых поселков (Атамановка, Знаменка, Никольская и др.).

Третий период явился наиболее интенсивным по заселению Тувы русскими колонистами. В это время решающую роль в организации крестьянского переселения играли созданные специально для этих целей органы переселенческого управления в Туве. Царское правительство через свои переселенческие организации стремилось заселить Туву крепким кулацким элементом, создать там себе прочную классовую опору. Впрочем, переселенческой

организации не всегда удавалось направить эту колонизацию в нужное ей русло, она не справлялась со стихийным ходом переселения. Этот период ознаменовался расширением старых русских поселков в Туве и образованием новых. Особенно густо заселялся район Малого Енисея. Переселенцы проникали и в другие районы Тувы. Само движение крестьян в Туву мотивировалось не только политическими соображениями, как это было раньше, но и глубокими социальными причинами; переселялись главным образом сибиряки; как раз в эти годы положение широких крестьянских масс Сибири ухудшилось в связи с усилением капиталистического развития в крае и переселением крестьян из Европейской России.

К концу этого периода количество переселенцев уменьшилось в связи с начавшейся мировой войной, но процесс переселения не прекратился.

Усиление крестьянской колонизации с 1912 по 1916 г. привело к массовому захвату земель тувинских аратов и обострению отношений между колонистами и тувинцами. Вместе с тем обострилась классовая борьба среди переселенцев. Она шла между всеми крестьянами-переселенцами, с одной стороны, и старожилами-кулаками и купцами, которые в свое время захватили огромные пространства и не желали поселять на них новоселов,— с другой. Обострилась борьба внутри крестьянства — между беднотой и кулацкими элементами.

Последний, четвертый период русской земледельческой колонизации Тувы, выходящий за хронологические рамки настоящей работы, был также интенсивным. Переселение в этот период совершалось стихийно, оно стимулировалось и социальными, и политическими причинами, в частности условиями гражданской войны и интервенции в Сибири. Это переселенческое движение времен гражданской войны еще больше обострило отношения между различными слоями русского крестьянства в Туве и привело к открытой вооруженной борьбе между крестьянской беднотой и батрачеством, с одной стороны, и кулачеством — с другой. Русская беднота и батрачество в Туве под руководством коммунистических организаций вели в союзе с тувинской беднотой борьбу против белогвардейских и нойоно-байских элементов Тувы и против иностранных интервентов.

В таблице 6 показано переселение русских крестьян в Туву по периодам колонизации согласно имеющимся статистическим материалам.

Таблица 6

Период вселения	Количество семейств	% к общему количеству вселившихся до 1916 г.	В среднем ежегодно (хозяйств)
Первый (1880—1906 гг.) . . .	184	21,2	7—8
Второй (1907—1911 гг.) . . .	332	38,3	66—67
Третий (1912—1916 гг.) . . .	352	40,5	70—71
Всего	868	100,0	24—25

Эти данные показывают, что до первой русской революции в Туву в среднем ежегодно вселялось по семь-восемь хозяйств и за весь более чем четвертьвековый период переселилось 184 хозяйства, или 21,2% общего количества переселенцев. Следующий период, падающий на послереволюционные годы, дает резкое возрастание количества переселенцев — в среднем ежегодно до 67 хозяйств и составляет 38,3% всех русских хозяйств в Туве. Следующие два года (1912—1913) являлись временем создания и активной деятельности переселенческого управления в Туве и деятельности первого переселенческого чиновника в Туве Габаева. Итогом этой деятельности было резкое повышение количества переселенцев в Туву — примерно в 2 раза (до 130 хозяйств в год) [1], и всего в два года крестьянское население в Туве выросло в полтора раза. Начавшаяся война и необходимость изменения переселенческой политики, вызванная обострением отношений между русскими и тувинцами, а также земельным неустройством русского населения и борьбой между старожилами и новоселами, заставили переселенческое управление отказаться до времени от широкой колонизации Тувы, в результате

[1] За 1912—1913 гг. вселилось 259 хозяйств, или 29,8% всего количества переселившихся в Туву.

чего количество переселенцев резко сократилось (в 4 раза). Затем оно резко усилилось в следующий период (1917—1921 гг.).

2. НАЧАЛО РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТУВЫ

Переселение русских крестьян в Туву началось из Усинского пограничного округа.

Первыми же засельщиками Усинского округа были жители Минусинского края, которые познакомились с богатой пушным зверем и рыбой Усинской долиной во время своих промысловых поездок, сопровождавшихся одновременно и торговыми операциями с тувинцами. Так, по сведениям Ф. Я. Кона, одним из пионеров колонизации Усинской долины был крестьянин Макар Казанцев, первый переселившийся на р. Ус и оставивший по себе память в названии одного из притоков этой реки (р. Макаровка). Но это были одиночки, и не они играли решающую роль в освоении Усинской котловины, а гонимые царскими властями старообрядцы.

Появление религиозной общины во главе с Иваном Афанасьевичем Липиным на р. Усе относится к 50-м годам XIX в. Остановившись в долине реки, липинские странники приняли ее за искомую ими обетованную землю «Беловодье».

Старообрядческие поселения на р. Усе в виде двух деревень — Верхне-Усинской и Нижне-Усинской — стали очень скоро перевалочным пунктом через Саяны в Туву. Через них шел главный поток русских товаров и колонистов в Засаянский край.

Сообщение русских людей с тувинцами поддерживалось четырьмя путями, хорошо известными местным жителям.

Первый путь шел из дер. Арбатской (б. Арбатский форпост), расположенной на р. Абакан по р. Чехане на хребет Шабин-Дабага, к пограничному знаку № 24, затем по р. Кантегир, вдоль р. Тослы на так называемый Сойотский хребет и в тувинские степи. Это один из самых древних путей, ведших за русскую границу. По нему, видимо, в начале XVII в. прошли первые русские послы в Монголию и Китай, им очень часто пользовались и в последующее время. Арбатская тропа в Туву была очень

трудна для поездки, как и все другие дороги за Саяны. От дер. Арбатской до границы 40 км приходилось ехать на лошади верхом, да и эта тропа была доступна лишь с мая или июня по октябрь месяц.

Второй путь, или вторая тропа, соединявшая Минусинский край с Тувой, шла от дер. Григорьевки вверх по р. Кебежу до хребта Коламак, перевалив который она пересекала верховья Б. и М. Оя, поднималась на Ойский хребет, пересекала р. Кызыр-сук, затем хребты Кызыр-сукский и Тепсюльский, опускалась вниз по речке Тепсию до Усинского хребта и, перевалив последний, выходила в долину р. Уса и по речке Мирской приводила к дер. Верхн. Усинской. Из этой деревни уже шел таежный путь правым берегом р. Иджима на Туран, Уюк и дальше в пределы Тувы. Путь этот был еще более трудным, чем Арбатский, и им пользовались также с июня по октябрь. Длина этого пути составляла свыше 200 км.

Третий путь был вариантом второго. Он был более удобным для поездки, чем оба предыдущие. Он совпадал со вторым от дер. Григорьевки до верховьев р. Б. Ой, но отсюда поворачивал вверх по Б. Ою, переваливая Араданский хребет, и выходил на остров Узун-арга. Этой дорогой ездили в свое время русские пограничные казаки для осмотра пограничных знаков 20, 21, 22 и пространства между ними. Путь этот был удобнее всех предыдущих, так как он шел в обход горных перевалов и бурных горных речек Кантегира и Кызыр-сука и сообщение по нему совершалось в течение всего года, несмотря на трудности, которые при этом встречались.

Четвертый путь вел на золотые прииски Амыльской системы, он шел к Черному озеру в горном узле Эргик-Таргак-Тайга, из которого вытекает р. Амыл; по этой же дороге выходили к верховьям рек Ута и Систи-Хема. Однако, в отличие от остальных путей, эта дорога вела только в некоторые районы Тувы и ею, как правило, пользовались редко из-за дальности и трудности пути.

Наконец, в зимнее время для сообщения с Тувой использовали Енисей, а летом по Енисею сплавляли в Туву различные продукты. Несмотря на то, что Енисей очень быстрая и порожистая река, русские люди очень скоро научились водить по ней плоты, проявляя при этом сноровку и бесстрашие.

Изучение тогдашних путей сообщения с Тувой показывает, что долина Уса с возникшими там русскими поселками являлась наиболее удобным районом для связей с тувинской землей. Через селения старообрядцев на Ус пролегал главный путь в Туву, пока не была проложена Усинская колесная дорога. Обычным путем на Туву была дорога из Минусинска через Казанцево, Шушенское, Жеблатинское, Ермаковское, Сайбинское, Григорьевское и Нижнее и Верхнее Усинское поселения. Для проезда из Минусинска в усинские поселения затрачивалась примерно неделя: первая кочевка происходила на так называемой Луговой поляне, вторая — на М. Ое, третья — на р. Кызыр-Суке, четвертая — на р. Тепселе, пятая — на Мирской речке [2].

В первое время сношений русских с Тувой через хребты и саянскую тайгу проводниками русских были тувинцы, проживавшие в районе Уса [3], но очень скоро таежные тропы были изучены самими русскими, а позже русские крестьяне и промышленники нашли более удобные дороги для проезда в Туву.

Поселившиеся в Усинской долине старообрядцы занялись земледелием, а также торговлей с тувинцами. Приехав почти без средств, первые два года голодая, они очень скоро поправили свое положение и быстро сравнялись с самыми зажиточными крестьянами Минусинского округа. Наиболее богатые из них для расширения своего хозяйства широко использовали труд тувинцев. «Усинские крестьяне,— читаем мы в одном из документов Красноярского Государственного краевого архива,— как и вообще все жители Минусинского округа, отличаются зажиточностью. Сойоты же очень бедны и существуют лишь за счет заработков от русских крестьян» [4].

Усинские старообрядцы явились пионерами русского поселения в Туве. Они часто ходили туда на охотничьи и рыбные промыслы, присматривая хорошие места для обзаведения там хозяйством, и незаметно от русских властей скрывались в безграничных просторах Тувы. Такие старо-

---

[2] Гос. архив Красноярского края (в дальнейшем: ГАКК), ф. 31, оп. 1, д. 43, лл. 104—106.

[3] ГАКК, ф. 31, оп. 1, д. 43, л. 74.

[4] Там же.

обрядцы, как Василий Вавилин и его родственники Медведевы, занимались в Туве скупкой козлиных шкур и по Енисею вывозили их в Томск уже в виде козлиных дох, наживая деньги и постепенно превращаясь в купцов и крупных предпринимателей, другая часть старообрядцев искала в Туве места для занятия сельским хозяйством.

Интерес русских старообрядцев к Туве особенно усилился после того, как в район Уса стали переселяться русские крестьяне православного вероисповедания, и после появления здесь небезизвестной миссии Путилова, когда с обострением отношений между старообрядцами и православными часть усинских старообрядцев вынуждена была выселиться на р. Быструю в Минусинский округ, а другая перебралась в Туву [5].

Первая попытка устроить на тувинской земле постоянный крестьянский поселок и заняться хлебопашеством была проделана теми же старообрядцами. Мы уже говорили, что в 1862 г. на р. Уюк без разрешения русских и тувинских властей проникали несколько семейств уймонских старообрядцев [6], но тувинские чиновники потребовали от них выселения, а русские местные власти, опасаясь осложнений на границе, поспешили отозвать уймонских старообрядцев из Тувы, и попытка заселения не удалась.

Период прочного оседания русских колонистов-земледельцев в Туве фактически начался с 1885 г., с образования русского поселка в Туве под названием Туран. Начало переселению русских крестьян положило разрешение на занятие в этом районе земледелием, полученное Г. П. Сафьяновым от генерал-губернатора Восточной Сибири Игнатьева, а также от местных тувинских властей. Пользуясь этим, в соседстве с ним на Туране появились в том же 1885 г. крестьяне Фунтиковы, Мартынов, затем Бяковы, Петуховы, Сарапуловы и другие и стали землепашествовать.

К первым засельщикам стали присоединяться другие крестьяне и под видом сотоварищей первых распахивать новые земли. Ф. Я. Кон отмечает, что пионеры поселка

---

[5] А. И. Африканов. Русская торговля в Урянхайской земле, стр. 15.

[6] Р. Уймон — один из истоков р. Катуни на Алтае — с давних времен (XVIII в.) была заселена старообрядцами.

Туран сами были заинтересованы в увеличении количества земледельцев, чтобы прочнее и увереннее чувствовать себя на чужой земле. Туран стал расти. Примерно в это же самое время в соседстве с Тураном возникло и другое русское поселение — Уюк. Почти вплоть до конца XIX в. русские переселенцы шли в эти поселки. В 1896 г., по официальным русским данным, в Туране уже было 169 жителей, а если к ним причислить население заимки Бякова, расположенной в 2 верстах от Турана, то — 177 человек. В это же время в Уюке насчитывалось 44 человека [7]. Русские крестьяне умело использовали особенности ведения земледелия в Туве, переняв кое-что у местных жителей, в частности воспользовавшись старинными арыками для создания системы искусственного орошения. Вместе с тем они принесли в Туву свои веками накопленные навыки земледельческого труда и значительно более высокую технику, чем та, которая была у коренного населения. Следует при этом подчеркнуть, что русские крестьяне запахивали и засевали земли, которыми почти не пользовалось само местное население, в основном занимавшееся скотоводством и охотой. Уже в 1895 г. русские крестьяне-переселенцы в районе Турана и Уюка имели 138 десятин пашни и 237 десятин покоса, на котором накашивалось около 10 тыс. копен сена [8]. Русские возводили здесь хозяйственные постройки. В их стадах насчитывалось 330 лошадей, 475 голов крупного рогатого скота и 510 овец. Русские создали здесь совершенно новую и весьма доходную отрасль хозяйства — мараловодство, в их маральниках содержалось 24 марала.

В 1899 г. (весной) появились первые русские поселенцы на р. Себе (пять семейств). Они немедленно приготовили здесь для земледелия $12^1/_2$ десятин пашни. В это же время возникли поселки переселенцев-хакасов на реках Чаа-Холе, Шагонаре и Кемчике. Енисейский губернатор, сообщая об этих поселениях иркутскому генерал-губернатору, подчеркивал, что все переселенцы-хакасы — бедняки. Собственно и в русские поселки в Туве (Туран, Уюк, Себи) в конце 90-х годов шли бедные крестьяне. Так, например, крестьянин Тесинской волости Минусинского уез-

[7] ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 105, д. 376, лл. 14—22.
[8] Там же, лл. 29—32.

да Семен Жуков выехал в Туву, «наслышавшись, что как в усинских селениях, так и на Туране имеются свободные от казны земли и леса, которыми можно пользоваться свободно и беспошлинно, и в месте причисления его (т. е. в Минусинском уезде.— *В. Д.*) в этом отношении жить стало трудно, в особенности бедному человеку, а именно трудно стало приобретать лес как для строения, так и для топлива» [9]. Крестьянин Ломакин перебрался в 1896 г. из с. Усинского на р. Себи потому, что, «живя 17 лет в усинских селениях, он занимался несколько лет хлебопашеством, но результаты от этого труда получались самые плохие и хлеб постоянно приходилось покупать, других же посторонних заработков никаких не было...» [10]. Как правило, такие бедняки, попадая в русские поселения в Туве, сразу же становились батраками зажиточных и богатых крестьян. В русских селениях существовало резкое имущественное различие. В с. Туране, например, с одной стороны, были такие крупные богачи как Потылицин, имевший 15 десятин пашни, 12 лошадей и 30 голов крупного рогатого скота; Муслин Абейкулин, владевший стадом в 20 лошадей, 120 головами крупного рогатого скота и 50 овцами; хакас М. Казачкин, имевший 40 десятин покоса, 90 лошадей, 72 головы крупного рогатого скота и 162 овцы. А с другой стороны, здесь жили такие бедняки, как Елькин, владевший одной лошадью и не имевший посева, или Огнев, засевавший 2 десятины и не имевший скота.

Кулаки нещадно эксплуатировали русскую крестьянскую бедноту, они же широко пользовались трудом тувинцев. Десятки тувинцев-батраков работали на них в качестве пастухов, пахарей, жнецов и т. д.

3. ОТНОШЕНИЕ РУССКИХ ВЛАСТЕЙ К КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В XIX В.

Крестьянская колонизация Тувы началась совершенно стихийно, без участия русского правительства и его местных органов власти. Пионерами земледельческой колонизации были старообрядцы, преследуемые правительством.

---

[9] ГАНО, ф. 25, оп. 9, св. 105, д. 376, л. 32.
[10] Там же.

Местные и центральные органы власти не отдавали себе отчета в значении крестьянской колонизации, политика их в отношении к переселенцам не отличалась ясностью и последовательностью, хотя отношение их к русской торговле и золотопромышленности в Туве было вполне определенным. Усинский пограничный начальник, на которого после образования пограничного округа была возложена ответственность за сношения с Тувой, то разрешал такое переселение, то останавливал его и, наконец, совсем запутавшись, отделывался от желающих переселиться ответами, смысл которых значил: «Не запрещаю, но и не разрешаю».

Усинский пограничный начальник при прямом обращении к нему крестьян-переселенцев обычно рекомендовал им договариваться по этому вопросу прямо с тувинским начальством. Так, например, советовал туранским крестьянам посетивший в 1890 г. поселок Усинский пограничный начальник Талызин. Это обстоятельство свидетельствует об уверенности усинского пограничного начальства в том, что русские крестьяне могли устроиться в Туве и без специального разрешения русских властей.

Однако чем можно объяснить неопределенность поведения местных органов царской власти?

Р. М. Кабо, отвечая на этот вопрос, правильно связывает его с общей политикой царизма по отношению к Туве. Он считает, что «такой образ действия был продиктован прежде всего нежеланием русского правительства возбуждать внимание Китая к фактическому явочным порядком совершаемому проникновению русских колонистов в Туву» [11], т. е. царское правительство, по мнению Р. М. Кабо, содействовало колонизации, но во избежание конфликта с Китаем, старалось держаться до поры до времени в стороне. Осторожность царского правительства в вопросах русской колонизации Тувы, по мнению Р. М. Кабо, объяснялась не его миролюбием, а тем, что царизм проводил активную внешнеполитическую деятельность в этот период не на Востоке, а на Западе (русско-турецкие войны, балканская проблема), а также и в Средней Азии.

Правильное само по себе указание на невнимание царского правительства к Центральной Азии и Дальнему

[11] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 137.

Востоку в этот период, как один из моментов, определяющих его общую политику по отношению к Туве, не может, однако, объяснить нам политики царизма по конкретному вопросу о колонизации русскими крестьянами Тувы.

Р. М. Кабо пишет: «Лучше всего смысл этой политики лавирования расшифровали сами крестьяне, которые, укрывая каждого нового поселенца, прибывшего за рубеж без разрешения пограничного начальника, свое укрывательство объясняли тем, что «чем больше и прочнее в этих поселках осядет русское население, тем труднее станет переселение их оттуда» [12]. Но это несомненно натяжка. Русским переселенцам совсем не нужно было расшифровывать политику царизма, чтобы догадаться, что чем больше их будет в Туве, тем легче им будет отстоять свое право на жительство в ней.

Нерешительность царских властей и неопределенность их отношения к крестьянской колонизации объясняется тем, что колонизация началась стихийно, элементы, колонизовавшие Туву, находились фактически в оппозиции к царизму.

Первый симптом перехода царского правительства к более определенной линии поддержки стихийной колонизации Тувы относится к 1900 г., когда иркутскому генерал-губернатору было дано указание не чинить никаких препятствий к развитию русской колонизации Тувы. Это решение царских властей объясняется тем, что в связи с общим изменением направления внешней политики так называемый «урянхайский вопрос», т. е. вопрос о Туве, встал перед царским правительством как одна из внешнеполитических проблем, хотя ее место и роль в дальневосточных делах царизма еще полностью не выявились.

4. БОРЬБА ИМПЕРИАЛИСТОВ ЗА РАЗДЕЛ КИТАЯ И ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К СВОИМ КОЛОНИЯМ

Общее изменение политики русского правительства на Дальнем Востоке было связано с тем, что Китай —

---

[12] Р. М. Кабо Очерки..., стр. 139

величайшее по своим размерам государство Дальнего Востока — в конце XIX в. стал объектом империалистических вожделений Англии, Германии, Японии, России, США и других государств. Крупнейшие державы мира начали проводить раздел Китая. В этом разделе Китая первенствующую роль играла Англия, которая уже в середине XIX в. фактически занимала в Китае господствующее положение [13]. В 90-х годах империалистическая Япония, где в это время как раз зарождалась идея гегемонии в Восточной Азии [14], первая предприняла активные шаги к захвату китайских земель. Одновременно в борьбу за Дальний Восток решительно включились США, ознаменовав начало ее захватом Гавайских островов и Филиппин, требуя «открытых дверей» в Китай для всех государств [15]. Фактический раздел Китая неизбежно должен был привлечь и внимание России к Дальнему Востоку, во-первых, потому, что активная империалистическая деятельность здесь крупнейших государств мира представляла прямую угрозу русским дальневосточным владениям (Приморье, Амурская область), а во-вторых, потому, что русский царизм, жаждавший захватить Северную Корею и Маньчжурию, не мог остаться в стороне от дележа Китая. Движимый интересами русской буржуазии и помещиков, царизм вмешался в борьбу за раздел Китая.

К концу 90-х годов фактически завершился раздел значительной части Китая на сферы влияния между капиталистическими странами.

После поражения национально-освободительного восстания китайского народа в 1901 г. иностранный капитал широким потоком устремился в Китай, что всегда является важным фактором закрепления влияния иностранных держав над страной, ставшей объектом вывоза капитала.

Иностранный империализм не удовлетворялся территорией собственно Китая, он пытался овладеть и колониальными окраинами Китая, в частности монгольскими

---

[13] В. А. Масленников. Китай. М., 1946, стр. 40—41; ср. также А. А. Губер. Международные отношения на Дальнем Востоке. Ученые записки Тихоокеанского ин-та, 1947, т. 1, стр. 3—50.

[14] А. А. Губер. Указ. соч., стр. 12.

[15] А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. Госполитиздат, 1952, 396 стр.

кочевьями. Так, например, японский капитал наряду с получением ряда концессий в Китае, в частности на золотые рудники в области Тао-Нянь-Фу [16], развернул торговлю в Чахарских кочевьях. Общий оборот японо-монгольской торговли определялся русскими купцами в 20 млн. руб.[17] Японцы в большом количестве закупали в Монголии шерсть [18].

Слабое китайское правительство, постепенно уступая свои позиции Англии, США, Японии и Германии, отдавая им внутри страны одну концессию за другой, старалось вместе с тем упрочить свое положение на окраинах, в частности в Монголии и Туве. Эта перемена политики по отношению к колониям была отмечена решительным вмешательством китайских властей во внутренние дела этих окраин. По проекту, утвержденному императором 21 декабря 1906 г., в составе Лифаньбу (министерство колоний) был создан специальный департамент колонизации [19], являвшийся по существу переселенческим управлением, так как на него возлагалось заведование делами по колонизации Монголии. Цинское правительство наметило и стало энергично проводить [20] в жизнь большую программу заселения Монголии из Внутреннего Китая [21]. Для колонизации у монголов отнимались лучшие земли и пастбища.

Программу расширения колонизации Монголии можно было провести в жизнь только при послушном поведении монгольских князей. Поэтому в целях успешной реализации своих планов цинское правительство начало решительно снимать менее податливых монгольских князей с их постов и заменять их другими, а вместе с тем ограничивало власть оставшихся на месте монгольских князей [22].

---

[16] ЦГВИАМ, ф. 2000, оп. 2, д. 83, л. 118.

[17] Там же, л. 114.

[18] Там же, л. 118.

[19] И. С. Брунн ерт и В. В. Гагельстром. Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910, стр. 137.

[20] Специально вопрос о колонизации Монголии и других окраин Китая рассматривался на 1-й сессии китайской совещательной палаты с 3 по 11 января 1911 г. («Kreuz-Zeitung», 14.I 1911; «Речь», 28.I. 1911).

[21] Русскому правительству стало известно в 1911 г., что китайское правительство добилось от монгольских князей отчуждения 4 млн. десятин земли для колонистов (ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 7).

[22] ЦГВИАМ, ф. 2000, св. 381, д. 73, л. 102.

В 1904 г. кобдоский амбын получил распоряжение от улясутайского цзянь-цзюня выехать на Алтай и образовать там новый самостоятельный пограничный округ. Амбын отправился на Алтай и установил резиденцию нового округа в районе монастыря Шара-Сумэ. В конце 1905 г. он представил доклад о политике на Алтае и для укрепления границы на этом участке предложил ряд мер, которые были утверждены в ноябре 1906 г. Пекином [23]. В 1911 г. численность солдат китайского гарнизона в Шара-Сумэ достигла 800 человек [24].

С 1901 г. цинское правительство разрешило въезд в Туву китайским купцам, политика же колонизации на этот край пока не распространялась. Усилился наезд в Туву китайских чиновников, принимались меры к более надежному подчинению местных тувинских нойонов. Именно в это время правитель Даа-хошуна Хайдып, выказавший на первых порах большую преданность китайским властям, воспользовавшись сложившейся обстановкой, получил в управление Бээзи-хошун и стал стремиться к дальнейшему расширению своей территории за счет других тувинских хошунов, подчинявшихся амбын-нойону, руссофильство которого не могло не быть известно улясутайскому генерал-губернатору.

Помимо того, китайская администрация прилагала усилия к тому, чтобы вытеснить русских торговцев из Тувы. На этой почве разыгрался русско-тувинский конфликт 1908 г.

«В октябре месяце,— пишет по этому поводу начальник Усинского пограничного округа Чакиров,— Ухерида Хайдып по вызову Цзян цзюня ездил в Улясутай и, возвратясь оттуда 6 или 7 ноября, вскоре же дал своим чиновникам письменное распоряжение, чтобы все русские торговцы выехали с Кемчика, вывезли все свои товары и имущество, а заведения продали урянхам...»[25]. Одновременно с этим Хайдып выставил на границе свои сторожевые посты для прекращения доступа русских в пределы кемчикских хошунов. Эти меры привели к контрдействиям русских, которые направили на границу отряд во главе с

[23] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 11, д. 150.

[24] Дорофеев. Отчет о поездке в северо-западную Монголию. Омск, 1912, стр. 33.

[25] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 3, д. 14, л. 3.

офицером Поповым, разогнавшим немногочисленные тувинские сторожевые пикеты. Цинское правительство, боясь осложнений, решило пожертвовать Хайдыпом. Он был отстранен от должности и вскоре умер, а дальнейшие попытки изгнать таким путем русских из Засаянья прекратились.

5. ОТНОШЕНИЕ ЦАРИЗМА К ТУВЕ И КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТУВЫ В НАЧАЛЕ XX в.

Следовательно, в результате усиления экспансии иностранного империализма в Китай обострились пограничные отношения между Россией и Китаем.

Русский царизм стал заботиться об укреплении своих границ. Еще в 90-х годах штаб Иркутского военного округа и главный штаб приступили к изучению тувинского пограничного района, в первую очередь стремясь окончательно установить пограничную линию. Русско-японская война 1904—1905 гг. заставила правительство вновь заняться Усинским пограничным округом. Поражение царизма в войне означало серьезную угрозу для его позиций на Дальнем Востоке и требовало от него всемерного укрепления своего положения в этой части света. Немалое значение в этой связи уделялось. Урянхайскому краю, в том числе и Усинскому району, который был отрезан от Минусинского округа трудно проходимыми горами. Одновременно с постановкой вопроса о строительстве Усинского колесного пути в 1903 г. военное министерство возбудило перед министерством иностранных дел вопрос об учреждении должности усинского пограничного комиссара «хотя бы на время войны» [26].

Министерство иностранных дел, получив письмо военного министерства, обратилось в свою очередь к русскому посланнику в Пекине, который категорически высказался против подобного мероприятия. Свое возражение он мотивировал тем, что китайские власти «теперь очень заносчивы и несговорчивы и на наши меры отвечают мерами противодействия» [27]. Министр иностранных дел Ламздорф, исходя из соображений, высказанных в письме русского

[26] ЦГВИАМ, ф. 400, св. 115, д. 8, л. 2.
[27] Там же, д. 13, л. 5.

посланника в Пекине, в своем ответе военному министру считал «более целесообразным отложить на некоторое время приведение в исполнение этого предложения» [28], т. е. учреждения должности пограничного комиссара в с. Усинском. Он рекомендовал вообще воздержаться от какой-либо активной деятельности на русско-китайской границе, дабы предотвратить ответные меры китайцев. Вместе с тем он указал на то, что экономические интересы русского населения в Туве еще не настолько значительны, чтобы идти на риск обострения отношений между Россией и Китаем. В свете этих фактов вопрос о колонизации Тувы стал приобретать определенное политическое значение.

Крестьянская колонизация в это время шла еще сравнительно медленно. Причиной этого явились, во-первых, русско-японская война, затем годы революции и, наконец, сдерживающая линия поведения русской пограничной администрации, которая, несмотря на предписание петербургского начальства в 1900 г., все же не решилась энергично населять Туву, так как указания министерства иностранных дел заставляли осторожно относиться к этому делу.

Иркутский генерал-губернатор в своем отчете за 1910—1911 гг. писал: «Русская же администрация, как местная, так и высшая, с самого начала заселения Урянхайского края и до последнего времени не держалась в этом вопросе каких-либо определенных взглядов и то запрещала переселение русским в Урянхайский край, то разрешала и даже поощряла» [29].

Это заявление иркутского генерал-губернатора можно принять только с оговоркой. Действительно, неуверенность у пограничной администрации в отношении к переселению русских людей в Туву можно наблюдать до 1906 г. Однако с этого года, особенно после назначения начальником Усинского пограничного округа старого и опытного колониального администратора Чакирова, переселение в Туву приняло более широкий размах и было уже не столь стихийным, так как сознательно направлялось и поощрялось местными властями.

---

[28] ЦГВИАМ, ф. 400, св. 115, д. 13, л. 7.
[29] ГАИО, ф. 25, оп. 30, св. 12, д. 297, л. 2.

Прежде чем перейти к изложению хода колонизации Тувы после 1906 г., остановимся на итогах крестьянского переселения к началу 1900-х годов. Основным районом заселения русскими крестьянами Тувы являлся ее северный район — Турано-Уюкский.

В 1903 г. в с. Туран было 55 дворов, а в с. Уюк — 29 дворов. Основным занятием русских крестьян Турано-Уюкского района было земледелие и скотоводство, частично охота и промыслы. Зажиточная и кулацкая часть деревни занималась, кроме того, торговыми операциями с тувинцами и усиленно разводила маралов.

По сведениям Попова, которые подтверждаются и другими материалами, одни только туранские крестьяне в 1903 г. засеяли 100 десятин пшеницей, 130 десятин рожью и 130 десятин овсом. Если прибавить к этому посевы Уюка и его хуторов, а также посевы крестьян других районов русского поселения, то общий засев русских крестьян будет приближаться к тысяче десятин. Впрочем, как можно думать, посевы эти были еще не настолько крупными, чтобы удовлетворить потребности русского населения, а также усилившуюся под влиянием русских потребность в хлебе у тувинского населения. В это время некоторые купцы, чтобы обеспечить хлебом своих служащих, а также удовлетворить спрос тувинцев на хлеб, должны были завозить его из Минусинского округа.

Помимо указанных сел, по рекам Уюку и Турану раскинулись хутора крупных русских купцов и предпринимателей-кулаков, которые поселились здесь раньше, откупив у тувинских чиновников огромные участки земли, и развернули крупное скотоводческое хозяйство. Только по одному Уюку было десять таких хуторов.

Представление о хозяйствах этих хуторов дает описание одного из них, сделанное Поповым на совещании по поводу путей сообщения в Сибири в 1906 г.: «При устье реки Уюка,— говорил в этом сообщении Попов,— в 10 верстах от Енисея красуется обширный деревянный дом, окруженный новыми крепкими деревянными службами, кругом дома виднеются распаханные и хорошо возделанные поля, со скирдами хлеба, на далекое пространство раскинулись громадные стоги сена. Здесь живет купец, имеющий до 2000 лошадей, 1000 рогатого скота и несколько сот овец. Он живет здесь с семьей, окружен

урянхами, которые являются у него верными слугами и хранителями его стада» [30].

В Турано-Уюкской степи в 1903 г. паслось до 5 тыс. лошадей, 4 тыс. голов рогатого скота и до тысячи овец и баранов, принадлежащих русским колонистам. Большая часть их была собственностью купцов и предпринимателей — владельцев хуторов.

Вторым более или менее обжитым районом, где появились русские поселки, был Тоджинский район. Здесь возникли русские поселки Себи и Карагаш, а также хутора скупщиков и купцов. В Себи было 23 дома. Впрочем, переселенцы долго не засиживались в Себи. «Деревня Себи,— пишет Попов,— похожа на какую-то вечно движущуюся толпу, то волною прибывающую, то убывающую, а между тем она существует около 10 лет» [31].

Население Себи и Карагаша ввиду неблагоприятных климатических условий, требующих приложения значительных усилий для ухода за посевами, занималось земледелием меньше, чем скотоводством, рыбными промыслами и охотой, а также мараловодством. В 1903 г. в районе Тоджи, с согласия тувинских чиновников, 15 русских артелей занимались рыболовством и добыли до 3 тыс. пуд. красной рыбы. Однако крестьянская колонизация в Тодже не имела больших перспектив из-за непригодности этого района для земледелия, и основная масса оседавших переселенцев, исключая тех, кто оставался здесь ради промысловой деятельности, занималась торговлей, скупая пушнину у тоджинцев и закабаляя их кредитами. В этом районе развернулась торговая и промышленная деятельность крупного торговца — дворянина Мозголевского, о котором Попов пишет: «Еще через 27 верст, выше по Енисею, при устье реки Хамсыры,— снова прекрасный хутор купца Мозголевского, который помогает крестьянам-переселенцам расширять запашки, заводить скот, имеет порядочные свои стада: голов 300 рогатого скота и несколько сот мелкого, ведет торговлю на пушнину, участвует в разработке рудного золота, в верховьях р. Систихема устраивает рыбную ловлю и отправляет рыбу в Мину-

[30] Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения, т. II, Иркутск, 1908, стр. 355.
[31] Там же, стр. 356.

синск, по Енисею, сплавляя вместе с тем туда же и строевой лес» [32].

Как видно из этого описания Попова, Мозголевский развил самую предприимчивую деятельность в Тодже, что же касается его помощи переселенцам, то, конечно, эта помощь прикрывала эксплуатацию купцом новоселов. Мозголевский нуждался в рабочей силе и приобретал ее в лице переселенцев, особенно на первых порах их вселения в Тоджу.

Подобно Мозголевскому, развернули свое хозяйство в Туве и другие владельцы факторий — братья Скобеевы, имевшие свои хутора на р. Себи. У них было несколько сотен голов рогатого скота и десятки лошадей, они занимались скупкой пушнины; в 1903 г. они вывезли ее на 20 тыс. руб.

За исключением указанных районов, в остальной части Тувы в это время еще мало было русских переселенцев. Хотя там встречались русские поселения, но это были главным образом фактории и заведения русских купцов. Так, в 1903 г. на Кемчике было 24 фактории, в устье Чаа-Холя — 14 заведений, по р. Шагонару — четыре фактории и в устье рек Элегест и Каа-Хема — по одному торговому заведению.

6. ВТОРОЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТУВЫ

Заметный перелом в ходе колонизации русскими крестьянами Тувы начался после первой русской революции. Усиленный интерес крестьян Сибири к Туве был вызван экономическим развитием Сибири в 90-х и 900-х годах. Сибирская железная дорога стимулировала развитие капиталистических отношений, внесла большие изменения в народное хозяйство края. Наиболее существенными результатами строительства дороги было появление в Сибири своего пролетариата, возникновение новых рабочих поселков, рост городов, расширение рыночных связей, увеличившееся переселение крестьян из России в Сибирь. Строительство железной дороги самым серьезным образом отразилось и на положении сибирской

[32] Труды совещания 1906 г..., стр. 356—357.

деревни. Прежде всего рельсовый путь стал вытеснять исстари существовавший гужевой извоз, а это в свою очередь привело к упадку крестьянских промыслов, тесно с ним связанных (дужное, санное и т. д.), а также отразилось и на земледелии (например, вызвало сокращение посева овса и других культур). Помимо того, положение сибирского крестьянина было ухудшено и войнами. Поход в Китай 1900 г. и русско-японская война 1904—1905 гг. самым непосредственным образом отразились на сибирской деревне и ускорили ее разорение.

Под влиянием этих причин некоторые крестьяне стали покидать насиженные места и уходить в Засаянский край. Однако решающей причиной увеличившегося вселения сибирских крестьян в Туву был массовый наплыв крестьян из Европейской части России в Сибирь после первой русской революции.

Широкая организация Столыпиным переселения крестьян в Сибирь составляла один из важнейших моментов аграрной политики возглавлявшегося им контрреволюционного правительства и было поддержано всеми контрреволюционными силами в стране. «Как известно,— писал В. И. Ленин,— на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, ...значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос» [33].

Результатом этой политики столыпинского правительства был громадный рост переселения крестьян в Сибирь в 1906—1910 гг. По статистическим данным, «с 1861 г. по 1885 г. переселилось около 300 000, то есть 12 тыс. в год; с 1886 г. по 1905 г. переселилось около 1 520 000, то есть около 76 тыс. в год; с 1906 по 1910 г. переселилось около 2 516 075, то есть около 500 тыс. в год» [34]. Такой огромный рост переселения в Сибирь не мог не отразиться на положении широких крестьянских масс Сибири.

В Восточной Сибири наиболее излюбленным местом вселения переселенцев был Минусинский округ. Сюда тянулись сотни и тысячи крестьян из России.

---

[33] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 74.
[34] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 46.

Наплыв переселенцев в Минусинский округ потребовал и здесь проведения землеустройства, дабы за счет земель старожильческого населения устроить новоселов. Землеустройство было проведено. «Минусинский старожил,— пишет В. И. Ленин,— получил по 4 десятины и «познал священные права собственности». Из пользования его изъяты десятки тысяч десятин лучшей земли» [35].

Естественно, что это не могло не привести к усилению переселения минусинских крестьян в Засаянский край. Почти половина крестьян Тувы — это выходцы из Минусинского края, и лишь единичные переселенцы — выходцы из Европейской России.

Следовательно, те же самые причины, которые гнали русского мужика из Европейской России в Сибирь, погнали теперь сибирского крестьянина в Туву, подальше от тех аграрных затруднений, которые несла с собой столыпинская аграрная политика.

Во время русско-японской войны и первой русской революции в Туву ежегодно переселялось в среднем по 10 хозяйств. В период же с 1906 по 1912 г. в Туву в среднем ежегодно переселялось 56—57 хозяйств, т. е. переселение увеличилось почти в 5,5—6 раз.

Общее количество русского населения в Туве достигло к 1910 г., по сведениям Попова, 2100 человек, оно было разбросано в 116 поселениях с 325 дворами [36]. Из указанных Поповым 116 поселений надо выбросить десятки торговых факторий, заведений и хуторов, которые не могут быть, строго говоря, отнесены к крестьянским поселениям. Русское крестьянство в своей основной массе селилось деревнями. Обычный путь возникновения деревни был таков. Переселенец выбирал участок земли, вступая в переговоры с местными тувинскими чиновниками или вообще богатыми людьми, добивался от них за соответствующее вознаграждение права на покосы или землепашество, а затем на постройку и обживал место. Затем к нему переселялись новоселы, которые сначала жили как товарищи первого. Постепенно они возводили постройки, добивались права на посев, пастбища и т. п. и становились постоянными жителями села.

[35] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 49.

[36] В. Л. Попов. Второе путешествие в Монголию. Иркутск, 1910, стр. 12.

Переселенцы двигались обычным путем первых засельщиков края: из Минусинска на Ус, с Уса — в Туран и Уюк, а уже отсюда, придерживаясь водных магистралей, расходились по Туве. Так был постепенно заселен русскими крестьянами Улуг-Хем и Каа-Хем.

Русский крестьянин-переселенец был предоставлен самому себе, он ехал в Туву за собственный счет, не получая никакой поддержки от государства, на него не распространялись льготы, предоставленные властями для переселенцев в Сибирь. Часто он не получал даже разрешения на выезд за границу — заграничного билета. «Приходят эти переселенцы,— пишет Беннигсен,— почти нищими — ведь об них не заботится никакая землеустроительная комиссия. Средства у них небольшие, дорога дальняя, местных языков они не знают, по дороге их часто обкрадывают, угоняют у них лошадей, случается даже, что их открыто грабят.

Мы встречали одного такого переселенца — две телеги, на которых был нагружен убогий домашний скарб и из которых выглядывали двое маленьких детей, бледных и худых. Две тощие лошаденки, у которых спины, густо смазанные дегтем, представляли сплошные раны, с трудом тащили легкие телеги; сзади шла еще молодая, но видимо уставшая женщина с землистым цветом лица, апатично повернувшая в нашу сторону голову. Впереди, тяжело и медленно ступая, с опущенной вниз головой, шел жалкий, худой и одетый в лохмотья мужичонка. Он ответил нам несколько слов довольно бодро еще, но в глазах видно было, насколько он устал и измучен дальней дорогой, что он почти сам уже не верит в то, что когда-нибудь доберется до тех мест, о которых ему с восторгом рассказывал какой-нибудь земляк или кум» [37].

Беннигсен, наблюдавший жизнь русского крестьянина в Туве, заявляет, что «много труда приходится переселенцам вкладывать в свое хозяйство раньше, чем оно начинает давать им средства для жизни» [38].

Русская администрация сознательно отказывала сибирскому крестьянину в денежной помощи при переселе-

---

[37] А. П. Беннигсен. Русские дела в Урянхае. Изв. имп. Об-ва востоковедения, 1913, стр. 52.

[38] А. П. Беннигсен. Указ. соч., стр. 54.

нии его в Туву. Этим самым она стремилась заселить Туву крепкими крестьянами, т. е. кулаками. Министр иностранных дел Сазонов в письме на имя Кривошеина от 25 января 1914 г. поддержал мнение иркутского генерал-губернатора «о предпочтительности вести русское заселение Урянхайского края не искусственным привлечением случайных переселенцев, а путем постепенного создания материально-мощных, рассчитывающих на свои силы русских людей». Он признал нецелесообразным выдавать переселенцам в Туву денежные ссуды, «которые могут лишь привлечь в край нежелательные элементы» [39].

В рассматриваемый период русское население старого района Туран-Уюк увеличивалось. Наряду с этим русские крестьяне заселяли районы Улуг-Хема и Каа-Хема.

По данным Родевича, с. Туран к 1908 г. выросло до 75 дворов с 437 жителями, а Уюк — до 53 дворов с 300 человек, т. е. количество дворов в Туране за 5—6 лет увеличилось почти в полтора раза, а в Уюке — почти удвоилось. Увеличилось количество хуторов по Уюку и Турану. Здесь в основном развились земледелие и скотоводство. По расчетам Родевича, каждый крестьянин Турана засевал в среднем более 17 десятин, а все жители Турана обрабатывали свыше 1000 десятин земли [40]. Кроме того, крестьяне Турана имели значительное стадо скота, для содержания которого они скашивали в среднем от 4 до 5 десятин покоса на каждого домохозяина. Наряду с этим в Туране развивалось мараловодство, приносящее большие доходы [41]. Жители занимались также рыбным и охотничьим промыслом; рыбу продавали на месте и вывозили

---

[39] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 6, д. 61, л. 8.

[40] В официальных материалах указывается другое число дворов и жителей Турана и Уюка. Так, например, Чакиров в «Отчетном обзоре Усинского пограничного округа, включая и Урянхайский край», насчитывает в 1909 г. в Туране 83 двора, а в Уюке — 61 (ГАИО, ф. 25, оп. 16, св. 13, д. 292, л. 195).

[41] О выгодности мараловодства свидетельствуют высокие цены, назначаемые китайскими торговцами на рога маралов. Вес живых рогов марала (самца) от 20 до 30 ф. В 1912—1913 гг. цена свежего рога марала была 5—8 руб. за фунт, высушенные панты марала покупались по 12—18 руб. за фунт, а в Улясутае стоимость их достигала 20—24 руб. за фунт. Таким образом, один марал приносил ежегодно несколько сот рублей прибыли, не требуя за собой большого ухода. (Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1913, стр. 25).

в Минусинск. В Уюке, по мнению Родичева, больше, чем в Туране, были распространены отхожие промыслы.

Турано-Уюкский район отличался наибольшей зажиточностью русского населения. Здесь сосредоточивались самые крупные предпринимательские хозяйства. Свидетельством этого может служить увеличение количества заимок с 10 в 1903 г. до 29 в 1909 г. Здесь располагались заимки известных русских купцов и предпринимателей в Туве — Андрея Сафьянова, Вавилиных, Шепелина, Бякова и более мелких предпринимателей — Ведерникова, Черноусова, Кузнецова, Чиркова, Охотникова и др. Всего, по сведениям Родевича, в этом районе русские имели свыше 200 тыс. голов лошадей и рогатого скота.

В Улуг-Хемском районе русские поселки Джакуль, Шагонар и Булук напоминали торговые пункты. Пашня у русских имелась только в Шагонаре.

Первыми на Каа-Хеме появились русские купцы Вавилины, Шепелины, Ведерниковы, Медведевы и другие, но самым крупным среди них был дворянин Черневич, развивший бурную сельскохозяйственную и промышленную деятельность. Заложенные этими лицами заимки стали основанием для будущих русских поселков Медведевское, Федоровское (Ф. Шепелин) и др. Капитан Михеев во время своей командировки в Туву в 1907 г. не нашел здесь ни одного русского поселка, он только встретил несколько заимок русских купцов и крестьян, в частности по р. Каа-Хем хутор Мокея Казанцева и Потылицына. Первыми засельщиками Малого Енисея были переселенцы с Турана и Уюка, за ними последовали крестьяне Усинского и Минусинского округов. Первым русским крестьянским поселком на Малом Енисее было с. Макеевка, возникшее в 1904 г. на месте, где поселился Мокей Казанцев. Несколько позже вблизи Макеевки было основано с. Знаменка. Родевич указывает на то, что место, занятое Новой деревней, так он называет это село, расположенное между притоками Малого Енисея Торсиком и Мергенью, было весьма удобно для земледелия и скотоводства. Прибывшие сюда в 1908 г. 15 хозяйств устроили оросительные канавы и запахали много земли, в следующем году в селе было уже 24 дома, а в 1910 году — 30 домов. Первый же снятый крестьянами урожай был очень хорошим. Начальник Усинского пограничного окру-

га Чакиров в своем «Обзоре Усинского края», доносил начальству, что «лучших результатов достигали русские крестьяне (27 дворов), поселившиеся в 1907—1908 году на берегу реки Малого Енисея, где хлеб дал блистательный урожай. Вообще долины рек Турана, Малого Енисея, Уюка, Сейбы и Кемчика как по климату, так и по почве, более благоприятны для земледелия, нежели долина р. Уса» [42].

Хорошие урожаи на Малом Енисее и способствовали тому, что сюда устремились основные массы переселенцев, и берега реки стали быстро заселяться.

Дер. Знаменка, основанная Проскуряковым, имела разные названия в народе: Шершневка, Бесштановка, Малоенисеевка, Косошаровка [43], а затем официально присвоенное ей Чакировым название Знаменка [44]. Она скоро стала притчей во языцех: славилась своей беднотой (отсюда ироническое название Бесштановка), постоянными земельными спорами и неурядицами. В 1905 г. в этом же районе, около заимки Ст. Потылицына, возникла дер. Грязнуха; в 1907 г. Ступин основал Бояровку, а Е. Медведев — Медведевку; в следующем году возникла Федоровка, на месте заимки Данилы Потылицына — Даниловка, а в том месте, где с Д. Потылицыным в 1908 г. жили К. Серпов и С. Михайлов [45] — с. Усть-Брень; в 1910—1912 гг. — деревни Хлебникова, Щербакова и Шан (первые поселенцы А. Черноусов и Е. Таракошин).

К этому же периоду относится возникновение другого района русской крестьянской колонизации — Элегестинского. Он образовался на плодородных землях Оюннарского хошуна между реками Элегестом и Меччигеем. Местность эта была районом летнего кочевания оюннаров (кочевало до 300 юрт). Ее пересекали речки Байгак, Торо-хадын и др., берущие свое начало в горах Таннуолы и служившие важным источником питания системы орошения. Первые поселенцы с большим трудом уговорили тувинских чиновников отдать им земли в аренду, но затем прочно осели на ней. В 1909 г. возникли поселки Атамановка (Суг-бажи), В. Никольское (Байгак),

[42] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 13, д. 292, л. 192.
[43] ККМ, № 46, л. 249.
[44] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 13, д. 292, л. 198.
[45] ККМ, № 46, л. 249.

Н. Никольское (Ургайлык-Арголик), Березовка (Торохадын). Через два года образовался поселок Сосновка и в 1912 г. — Элегест, давший название всему району поселений русских крестьян.

Кемчикский район, точно так же как и Тоджинский, не был местом массового переселения [46]. Здесь было сосредоточено больше половины тувинского населения и свободных мест было мало. Правда, некоторые из русских, живших в этом районе, пытались заняться земледелием и имели некоторые успехи. Об одном таком опыте рассказывает в своем отчете о поездке на свидание с кемчикским правителем Хайдыпом Чакиров в 1908 г.: «Д. Боярский привез плуг, некоторые урянхи позаимствовали и получился шикарный хлеб, качеством лучше усинского» [47].

В 1910 г. русские крестьяне засеяли по всей Туве свыше 3 тыс. десятин, т. е. в 3 раза больше, чем в самом начале столетия. Они собирали большое количество хлеба. Так в 1908 г., по сообщению Попова, было собрано 13 042 четверти хлеба и 1250 четвертей картофеля. Попов даже считал, что русское производство хлеба в Туве уже обеспечивало не только потребности русского, но и тувинского населения. «Еще в 1903 году,— пишет он,— хлеба ввозилось к Урянхам на 7000 рублей из России, а уже в 1908 году хлеб не только не ввозился, но были случаи вывоза в Минусинский уезд. Еще в 1903 году только редкие урянхи-кочевники покупали хлеб для своего пропитания, а питались консервированным молоком и кореньями, а ныне уже редкий урянх не питается хлебом. Русское земледелие в урянхайской земле обеспечивает хлебом не только русское население приграничного округа, но и урянхов, рабочих приисков и уже крупные торговцы подумывают об экспорте хлеба в Монголию» [48]. Конечно, Попов преувеличивал значение производства хлеба русскими колонистами в Туве. Следует учитывать, что потребности в хлебе в Туве из года в год не совпадали, состояние внутреннего хлебного рынка в Туве было таково, что оно зависело от многих факторов: урожая, хода приисковых работ,

[46] По данным Чакирова, в 1908 г. здесь было 47 хозяйств, из них русских только девять, а остальные уфимских и казанских татар (ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 13, д. 292, л. 4).

[47] Там же, л. 11.

[48] В. Л. Попов. Второе путешествие в Монголию, стр. 11.

внутреннего транспорта, покупательной способности тувинцев и т. д. Поэтому были такие годы, когда внутренние потребности в хлебе вполне удовлетворялись местным производством; так, очевидно, было в 1908 г. Но были такие годы, когда без ввоза его из Минусинского края нельзя было обходиться.

Однако в 1910 г. русские крестьяне действительно добились крупных успехов в развитии земледелия в Туве.

7. ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К ТУВЕ И УСТАНОВЛЕНИЕ НАД ТУВОЙ РУССКОГО ПРОТЕКТОРАТА

Русский капитализм, двинувшийся в Туву с 60-х годов XIX в. в виде торгово-ростовщического капитала и золотопромышленности, с самого начала своей деятельности, как мы видели, получил поддержку и защиту царизма. Именно ради него царское правительство создало Усинский пограничный округ.

Начавшееся стихийное движение русских крестьян-старообрядцев в Туву было использовано царизмом в интересах тех же торговцев и предпринимателей.

Начало XX в. было периодом обострения империалистических противоречий во всем мире, которые неизбежно вели к мировой войне. Обострение империалистических противоречий самым определенным образом сказывалось и на том небольшом участке внешней политики царизма, каким еще с конца XIX в. стал так называемый «Урянхайский вопрос». По мере усиления там деятельности русского торгового и предпринимательского капитала и роста крестьянской колонизации интерес царизма к Туве увеличивался.

Этот интерес царизма к Туве подогревался усилившейся деятельностью в Монголии и в Туве китайского правительства, за спиной которого стоял иностранный капитал. Впервые вопрос о занятии Тувы Россией поставил перед царем инженер путей сообщения Родевич, обследовавший Туву в 1907—1908 гг. В специальном докладе правительству он писал: «Урянхай есть действительно точка наименьшего сопротивления русско-китайской периферии: и за этой слабой точкой лежит целая богатая провинция... В случае, если Китай начнет оказывать давление на нашу Амурскую окраину, Урянхайский край есть та область,

где ответная русская реакция может иметь наибольший успех с наименьшей затратой сил...» [49].

20 января 1908 г. Николай II, прочитав доклад инженера Родевича, наложил на нем резолюцию: «Прочел с большим удовольствием. Нахожу необходимым продолжение начатого исследования Верхнего Енисея и Урянхайского края. Эта область может сделаться весьма полезной для России в будущем» [50]. Одновременно с этим царь приказал «имеющиеся сведения о заселении Урянхайского края русскими передать на обсуждение Совета Министров».

Совет Министров, обсудив этот вопрос летом 1909 г., принял решение о подготовительных мерах по изучению всей проблемы в целом и, в частности, о посылке в Туву специальной экспедиции для уяснения пограничного вопроса.

Такому ходу дел способствовало улучшение отношений между Россией и Японией. 30 июля 1907 г. между Россией и Японией было подписано соглашение, в некоторой степени смягчавшее русско-японские противоречия на Дальнем Востоке и позволявшее царизму смелее действовать в Центральной Азии [51]. Понятно, что это в свою очередь обостряло отношения между Россией и Китаем. В 1910 г. для изучения пограничного вопроса непосредственно на границе была снаряжена экспедиция под руководством Попова. В составе экспедиции был поручик Августус, который случайно сжег пограничный знак на Чапчале. Кемчикский ухерида в этой связи обратился с докладом к улясутайскому цзянь-цзюню. Последний летом 1910 г. поставил перед томским губернатором вопрос о совместной проверке пограничных знаков. Царский посланник в Пекине, узнав об этом обращении улясутайского генерал-губернатора к томскому губернатору, телеграфировал иркутскому генерал-губернатору, чтобы он уговорился с томским губернатором об отсрочке осмотра пограничных знаков во избежание преждевременного решения пограничного вопроса, так как русское посольство еще раньше предупредило китайское правительство о том, что русское правительство считает Туву спорной территорией.

---

[49] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 151.
[50] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 3, д. 17, л. 1.
[51] «История дипломатии», т. 2, стр. 179.

28 мая 1910 г. Столыпин направил томскому генерал-губернатору телеграмму следующего содержания: «Сообщите иркутскому генерал-губернатору для поставления в известность посланника нашего в Пекине и консула в Улясутае, что, по примеру поверки западной границы нашей и границы Забайкальской области, я нахожу необходимым провести дальнейшую поверку государственной границы Томской губернии при помощи международной комиссии в составе специалистов топографов по предварительном изучении договорного материала. Так как необходимые на это суммы могут быть отпущены лишь в порядке законодательном, то немедленную поверку границы Урянхайской земли придется отложить до лета будущего года. Командировку секретаря статистического комитета отложите» [52].

Эта телеграмма Столыпина представляет большой исторический интерес. Намерение Столыпина произвести проверку урянхайской границы путем создания международной комиссии экспертов было рассчитано на отсрочку решения вопроса о совместном просмотре границы русскими и китайскими пограничными властями.

Дело в том, что летом 1910 г. между Россией и Японией, а также между Россией и Англией шли переговоры о сферах влияния на Дальнем Востоке. Они велись с той целью, чтобы урегулировать отношения между тремя державами, договориться по спорным вопросам и тем самым развязать себе руки в борьбе с Германией, против которой все эти страны выступали в качестве союзников.

Обстановка в Восточной Азии к этому времени кардинальным образом изменилась. Царизм был очень заинтересован в обеспечении себе мира и безопасности на Дальнем Востоке, и в течение 1908—1914 гг. старался уладить все дела без обострения своих отношений с Японией и Китаем. В результате переговоров 1910 г. Англия и Япония признали русские интересы во Внешней Монголии, а тем самым и в Туве.

В ноябре 1911 г. состоялось специальное заседание совета министров по вопросу о Туве. Рассмотрев все варианты возможного решения «урянхайского вопроса», совет министров пришел к выводу, что в условиях развития ки-

[52] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 23, л. 7.

тайской революции было бы неосторожно предпринимать какие-либо решительные шаги по закреплению края за Россией.

Однако вместе с тем совет министров в своем решении оговаривал, что отказ от активной захватнической политики по отношению к Туве в настоящее время отнюдь не означает вообще отказа России от Тувы. Наличие русских поселков, торгово-промышленных предприятий и приисков в Туве, по мнению совета министров, свидетельствовало о преобладающем русском влиянии в Туве. При этом главное значение Тувы для России совет министров видел в обширных ее пространствах, ждущих переселенцев.

«Урянхайский край, — читаем мы в «Особом журнале заседания совета министров»,— представляется для нас чрезвычайно ценным колонизационным районом, обладающим плодородной почвой, тучными пастбищами и богатыми месторождениями различных ископаемых, в особенности золота. Удобное для поселения в нем пространство исчисляется исследователями края приблизительно в 5 000 000 десятин. Предполагая, что туземному населению — урянхам — будет оставлено достаточное количество земли, по приблизительному подсчету до 50 десятин на душу, колонизационная емкость Урянхайского края может быть определена по расчету 400 000 душ поселенцев. Заселение края столь значительным контингентом русских подданных явится весьма важной мерой в стратегическом отношении, ибо, по авторитетному заявлению военного министра, создание в этой части китайской границы оплота из русского населения, без сомнения, послужит к ослаблению опасности, ныне угрожающей Кругобайкальской железной дороге, вследствие близкого расположения последней к пределам Китая. Оценивая наиболее целесообразные способы мирного укрепления за нами Урянхайского края, совет министров на первом плане ставит заселение означенного края русскими переселенцами. Именно этим путем могут быть созданы в рассматриваемом крае такие условия, которые впоследствии, при более благоприятной для нас политической обстановке, дадут нам поводы сделать китайскому правительству заявление о наличности там таких крупных русско-государственных интересов, которые побуждают нас принять долю

участия в устройстве дальнейшей судьбы края. Вообще опыт колониальной политики всех западно-европейских государств, сумевших приобрести обширные владения в заморских странах, убеждает в том, что мирная колонизация и водворение в крае экономических интересов в существенной степени содействуют затем и распространению на данный край политического влияния того государства, которое оказывается связанным с ним многоразличными торговыми и промышленными отношениями. Убедительный пример всего значения такой политики был дан в самое последнее время Германией, которая, под предлогом охраны интересов своих подданных в Марокко, отправила туда минувшим летом канонерку «Пантера», весьма выгодно для себя использовала эти интересы, получив при разрешении мароккского вопроса весьма значительные от Франции территориальные компенсации в других местностях Африканского материка» [53].

Как мы видим, в 1911 г. правительством совершенно недвусмысленно ставился вопрос о захвате Тувы, но окончательное присоединение края откладывалось на «будущее время». Программа, разработанная советом министров, была рассчитана на укрепление русских интересов в крае с целью его последующего захвата.

Естественно, что в свете этого решения переселение русских крестьян в Туву вступало в новый этап — этап правительственного покровительства. Такого значения колонизационного вопроса не изменил и переход царского правительства к более активному захвату Тувы. Для понимания последующего необходимо в нескольких словах остановиться на этом резком повороте политики царизма в отношении к Туве.

3 февраля 1912 г. Николай II утвердил решение совета министров от 8 ноября 1911 г., согласившись со всем изложенным в этом решении обоснованием программы, и саму программу. Однако не успели высохнуть чернила на подписи Николая под решением совета министров, как его мнение по вопросу о Туве решительно изменилось. В конце февраля 1912 г. русский поверенный в делах в Пекине Щекин, ссылаясь на «несомненность наших юридических прав на сказанный край, а с другой стороны —

[53] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 26, лл. 153—154.

наличие подходящей для того политической обстановки», рекомендовал перейти к решительным действиям в отношении Тувы. Донося царю об этом соображении своего посланника в Пекине, министр иностранных дел Сазонов высказался против его мнения, ссылаясь, в частности, на архивные материалы, которые дают основание «признать, что юридических прав на Урянхайский край Россия не имеет и побудительной причиной для занятия нами земель между Саянами и хребтом Танну-Ола могла бы быть лишь необходимость этой меры с точки зрения наших там интересов. Однако мне неизвестно, чтобы в этих местностях произошли такие события, которые требовали бы от нас защиты военной силою находящихся в Урянхайском крае русских подданных и отказа от программы, намеченной Советом Министров и высочайше одобренной вашим императорским величеством третьего сего февраля» [54].

Но Николая не смутили соображения, высказанные его министром иностранных дел, и собственная подпись, поставленная на решении совета министров некоторое время тому назад. Он ухватился за первую же возможность и на докладе Сазонова наложил резолюцию: «Я, напротив, совершенно согласен с мнением поверенного в делах в Пекине. Со времени обсуждения вопроса об Урянхайском крае прошло более 3-х месяцев, в Китае произошли крупные перемены, нам необходимо более активно заняться разрешением этого дела, иначе мы нигде вдоль китайской границы не добьемся пользы для себя. Вспомните историю занятия нашего Приамурского края» [55].

В этой резолюции Николая II нельзя не видеть влияния уже упомянутой записки Родевича. Резолюция царя означала изменение политики правительства по отношению к Туве, которая привела к тому, что местные органы власти стали форсировать решение пограничного вопроса в духе указания Николая II. Осуществлению замыслов царизма в Туве в известной мере способствовало и то, что сами тувинские правители официально обратились с заявлением о принятии тувинских хошунов в рус-

[54] «Красный архив», 1926, т. XVIII, стр. 97
[55] Там же, стр. 96.

ское подданство. Правда, царизм меньше всего старался заручиться подобного рода документами со стороны тувинских хошунных правителей, он игнорировал их заявление и стремился решить вопрос о дальнейших судьбах Тувы за спиной тувинского народа и его правителей, как это и делает всякое империалистическое государство.

В июне 1914 г. царское правительство объявило свой протекторат над Тувой. Естественно, что оно не собиралось ограничиваться протекторатом, а стремилось установить полностью свою власть над Тувой, прибрать тувинские земли и недра в свои руки.

8. СОЗДАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Еще летом 1912 г. министр иностранных дел дал согласие на назначение в Туву чиновника «с фактическим правом комиссара для установления наблюдения за Урянхайским краем, а также предупреждения там анархии и перехода под власть Халхи» [56]. Этому чиновнику было присвоено звание «заведующего пограничными делами Усинского округа».

Таким образом, вопрос о создании здесь комиссариата, мысль о котором была впервые высказана в 1880 г., а затем в 1904 г., теперь, наконец, получил свое разрешение. На должность заведующего пограничными делами Усинского округа был назначен чиновник особых поручений при иркутском генерал-губернаторе Церерин. Старый начальник Усинского пограничного округа Чакиров обязан был подчиняться ему, и его власть ограничивалась теперь пределами собственно Усинского пограничного округа [57]. Новый заведующий пограничными делами Усинского

---

[56] ГАИО, ф. 25, оп. 11, св. 12, д. 156, л. 12.

[57] Вновь утвержденная управлением МВД инструкция усинскому пограничному начальнику от 19 февраля 1913 г. (§ 3) лишала его права вмешиваться в дела Тувы («Русское население в Урянхайском крае не подлежит ведению пограничного начальника и он ни в какие сношения с Урянхайскими правителями не вступает»), на него были возложены функции горного исправника для приисковых управлений и крестьянского начальника для сельского населения (см. «Правительственный вестник», 3.III 1913, № 50); Изв. МИД, 1913, № 4, стр. 113—115).

округа, снабженный особыми инструкциями, предусматривающими осторожную политику в отношении тувинцев, в феврале 1913 г. приступил к исполнению своих обязанностей.

Одновременно с этим развернуло свою работу в Туве переселенческое управление, которое учредило должность и канцелярию заведующего устройством русских поселений в Урянхайском крае. Первым заведующим русской переселенческой организации в Туве был назначен Габаев, прибывший в край в июне 1913 г. [58] Для содержания своего управления и проведения землеустроительных работ, а также других мероприятий в Туве переселенческая организация получила огромные средства, которые делали ее полновластной распорядительницей судеб Тувинского края.

Даже у иркутского генерал-губернатора Князева эти особые права и огромные средства, данные правительством переселенческой организации в Туве, вызывали удивление. В беседе с чиновником особых поручений при Главном управлении землеустройства и земледелия Минцловым он говорил: «Да, теперь все министерства, а наше особенно, стоят в передней у вашего. И власть, и деньги — все у него, оно купается в золоте. Мы не можем добиться грошей, чтобы было на что содержать лишнего урядника, а там, на что ни вздумается, на все дадут в изобилии! Пристав понадобился, пожалуйте! Два урядника — готов! Но где же это видано, чтобы полиция состояла в распоряжении... переселенческого чиновника» [59].

В то время как заведующий пограничными делами исполнял свои дела бесшумно и неторопливо, проживая вне пределов Тувы, заведующий устройством русских поселений в Урянхайском крае больше находился в самой Туве и развивал там энергичную деятельность. Годы заведования русскими поселениями в Туве Габаева были периодом самой усиленной колонизации, какой не знала прежняя история Тувы. За два года ему удалось переселить в Туву около 200 хозяйств, что составляет примерно пятую часть всех вселившихся в Туву до революции. Габаев как бы спешил заполнить край переселенцами.

---

[58] ГАИО, ф. 25, оп. 11, св. 12, д. 156, л. 114.
[59] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 12.

Он даже намеревался создать в Туве русское казачье войско. «Некоторые сельские общества Урянхая,— писал он начальнику переселенческого Управления,— составляя приговоры и направляя их ко мне, ходатайствуют о перечислении их в казачье сословие и об образовании в Урянхае особого отдела казачьего войска или отдельных казачьих сотен, имеющих служить в будущем оплотом Урянхая...

Вполне соглашаясь с приведенными доводами и сознавая всю важность и необходимость иметь на месте организованное войско, всегда готовое выступить на защиту края, с которым оно связано общими интересами, а также принимая во внимание, что преобладающее по численности население составляют инородцы, я нахожу, что ходатайство просителей заслуживает особого внимания» [60].

Габаев распоряжался в Туве как на собственно русской территории. Он объявил тувинцам, что все земли, занятые русскими переселенцами, являются русскими, и тувинцы не имеют права протестовать против вселения и занятия этих земель русскими. В 1914 г. он привез в Туву партию топографов для организации землеустройства. Подобные действия Габаева были настолько противозаконны, что прокурор Красноярской окружной палаты писал прокурору Иркутской судебной палаты: «В заключение не могу не отметить начатого Переселенческим Управлением в начале сего марта энергичного «наступления» на Урянхай, выразившегося в отправке туда партии переселенческих чиновников с инженерами, техниками и прочими специалистами под фактическим предводительством г. Габаева с широкими планами и исключительными полномочиями вплоть до основания в Урянхае русского административного центра заложением города Белоцарска» [61].

Стремясь заселить большим количеством русских крестьян Туву, Габаев решил прежде всего определить общие фонды земли и отмежевать их для будущих переселенцев. Партии топографов, не считаясь с тувинскими властями, в широком масштабе производили нарезку земли для колонистов [62], а агрономы и другие чины переселенческого

[60] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 12, д. 156, л. 120.
[61] Там же.
[62] Как пример такого бесцеремонного захвата земель тувинских аратов приведем сообщение газеты «Минусинский листок» о нарезке

Управления изучали свойства почвы. Весь размах предпринятых Габаевым работ явно говорил о том, что переселенческое Управление думало предпринять в Туву массовое переселение, и не столько из Сибири, сколько из России, где крестьянство страдало от земельной тесноты.

Однако прежде чем направить широкий колонизационный поток русского крестьянства в Туву, сюда в качестве авангарда пускали сибирских крестьян, которые должны были своей выносливостью и опытом в освоении необжитых мест подготовить почву для массового переселения в будущем.

Действия Габаева противоречили решению Совета Министров от 8 ноября 1911 г., который рекомендовал не проводить землеустройства, осторожно относиться к тувинцам и их правам, не вызывать враждебного чувства у тувинского населения. Ясно, что Габаева в его деятельности вдохновляло не решение Совета Министров, а резолюция Николая II на докладе министра иностранных дел Сазонова от 28 февраля 1912 г. Бесцеремонность Габаева дошла до того, что он не стеснялся захватывать земли самого тувинского амбын-нойона. Так, им был заселен целый поселок Владимировка (названный так в честь собственного имени Габаева) на земле самого амбын-нойона. 15 февраля 1914 г. правитель Тувы амбын-нойон Гомбодоржи обратился со следующим заявлением к заведующему Усинским пограничным округом: «Вследствие заявления моих чиновников на русских, проживающих по северную сторону хребта Танну в местности Хагай-Тере и Усун-Урга по р. Тургеню, самовольно строящих во многих местах дома и дворы и производящих отмежевания (ставящих знаки), сообщаю, что издавна в тех местах во всякое время пасется мой собственный скот, а потому прошу запретить русским производить отмежевание»[63].

Характерно, что на захваченных у правителя Тувы землях Габаев водворил не новых переселенцев, которых у него не было, а старых колонистов, живших до того в с. Сосновском. Следовательно, мера, принятая Габаевым

земли в пос. Байхан при устье Байсута по Малому Енисею: «Под поселок топографами была отведена общая площадь в 1200 десятин, занятая большей частью сойотскими пашнями и пастбищами» («Минусинский листок», 1915, № 17).

[63] ГАНО, ф. 47, д. 153, л. 5.

по отношению к кочевьям самого Гомбо-доржи, человека, выделявшегося из среды тувинских нойонов своими русофильскими взглядами и преданностью царизму, которого русское правительство признавало фактическим правителем Тувы и с которым оно вело все сношения по вопросу управления краем, говорила о полном игнорировании переселенческим Управлением земельных прав даже тувинской знати. Что же касается рядовых тувинцев, то у них Габаев отнимал земли самым беззастенчивым образом. Он натравливал на тувинцев кулацкие и уголовные элементы, поощряя их беззаконные действия. Таково, например, преступное поведение Суханова и Сорокина, описанное в коллективном заявлении тувинцев Шигар-оола, Аюши, Хабойлука и Аббучика, поданном ими усинскому мировому судье 1 мая 1914 г.: «Русские Павел Суханов, проживающий в доме Федула Шепелина, Яким (или Ефим) Сорокин (или Чарокин, Серебкин), прибыв на наши пашни в долине р. Ирбека во время посева, заявили дарге Шигароолу, что через 6 дней приедет начальник с войсками и убьет тех урянхов, которые будут пахать земли по р. Ирбеку. Вслед за тем же русские с обнаженными в руках ножами насильно отобрали землю, орошенную урянхом Аббучиком»[64].

Тот факт, что один из организаторов описанных насилий над тувинцами жил в доме кулака Ф. Шепелина, дает основание предполагать участие в этих действиях и самого Шепелина.

Всячески поощряя и поддерживая захват отдельными кулацкими элементами земли у тувинцев, Габаев вместе с тем энергично проводил обмежевание тувинских земель даже в районах, наиболее густо заселенных тувинцами, где сосредоточивалась основная их масса. Протест тувинских властей против этого обмежевания был заявлен правителем кемчикских тувинцев 14 октября 1914 г. комиссару по делам Урянхайского края[65].

В связи с этим заявлением комиссар по делам Урянхайского края был вынужден обратиться к иркутскому генерал-губернатору с жалобой на Габаева, прося остановить зарвавшегося в своих действиях переселенческого чиновника: «Имею честь при сем представить на благоусмотре-

[64] ГАНО, ф. 47, д. 153, л. 6.
[65] Там же.

ние вашего высокопревосходительства полученные мною два сообщения, в подлиннике и в переводе, от Амбыньнойона и Кемчикского нойона Буянбаторху относительно захвата Урянхайских кочевий под русских переселенцев и перевод коллективного заявления урянхов о том же на имя мирового судьи.

Как по этим сообщениям, так и ранее по получении от вашего высокопревосходительства телеграммы от 1-го августа с. г. за № 69, коей мне предписывалось избегать осложнений с урянхами, я неоднократно обращался к губернскому секретарю Габаеву с убедительной просьбой приостановить на время войны топографические съемочные работы в урянхайских кочевьях и не делать захватов урянхайских земель, тем более, что и настоятельной нужды в заготовлении новых переселенческих участков, в виду совершенного отсутствия переселенцев, не ощущалось. Но на все мои просьбы г. Габаев или отмалчивался, или же сообщал мне заведомую неправду, что им никаких земельных захватов не делается. Мои же распоряжения, обращенные к самовольным засельщикам или к поселковым властям о выдворении этих засельщиков, остаются, по внушению г. Габаева, без всякого исполнения» [66].

Как показывают вышеприведенные документы, даже русские официальные власти были смущены бесцеремонностью Габаева в захвате тувинских земель. Между Габаевым и Цереринм была полная несогласованность, которая, как уже говорилось, проистекала из разнобоя в поведении двух органов русской центральной власти: министерства иностранных дел и переселенческого Управления. В то время как министерство иностранных дел, исходя из наиболее насущных задач внешней политики царизма, решительно возражало против активного захвата Тувы и требовало от своего чиновника особой осторожности в этом вопросе, переселенческое Управление совершенно не считалось с политикой министерства иностранных дел и, как показывают указанные факты, усиленно заселяло край.

Прямым результатом захватнической деятельности Габаева было крайнее обострение отношений между тувинцами и русскими; тувинцы отвечали на действия Габаева

[66] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 29, л. 172.

и его агентов усилением скотокрадства у русских [67]. Скотокрадство стало одной из массовых форм борьбы тувинского арата против русского кулачества, опиравшегося в своих действиях против тувинцев на полную поддержку переселенческого Управления. Наряду с этим в Туве обострилась борьба между русскими новоселами и старожилами. Старожилы, особенно богатые, сумели к этому времени захватить самые лучшие земли и в большом количестве. При этом, как правило, они их не распахивали, а обращали под пастбища. Новоселы, прибывшие в край, с завистью смотрели на эти земли. Как рассказывает Минцлов, у крестьян-новоселов только и было разговоров о том, что Сафьяновы, Вавилины, Медведевы и другие старожилы и пионеры русских поселений в Туве держат в своих руках самые плодородные земли. «Немало горьких жалоб,— пишет он,— пришлось мне слышать на такие захваты со стороны крестьян! — Все лучшее позабрали! всюду говорили крестьяне: податься некуда. И сами не пользуются, и другим не дают: чистые собаки на сене» [68]. И в другом месте: «Кроме нас на плоту ехало человек десять крестьян: сейчас же они, конечно, развели на низком песчаном берегу огонь и принялись за чаепитие и ужин. И опять темой для их разговоров служили Вавилины, Медведевы и Сафьяновы; опять со сдержанной злобой, прикрытой иронией, отзывались они об этих «благодетелях», позахвативших все лучшие места, «которых и сами не пашут и нам не дают» [69].

Нередко борьба между новоселами и старожилами, так же, впрочем, как и борьба между колонистами и тувинцами, доходила до рукопашных схваток.

Как относилось к этому явлению переселенческое Управление, кого оно поддерживало в этой борьбе? Любо-

[67] Заведующий устройством русского населения в Урянхае в сентябре 1913 г. сообщал: «За последнее время кражи лошадей стали особенно демонстративными. Урянхи без зазрения совести режут кровную дорогую лошадь у русского, когда если бы побуждающей причиной служил голод, он зарезал бы менее ценную скотину» (ГАНО, ф. 47, № 99, л. 38). Это продолжалось и в 1915 г. Так, например, Григорьев 5 октября 1915 г. писал к иркутскому генерал-губернатору «о серьезнейших обострениях между русскими и Урянхами на почве земельных отношений и прямо таки необузданного конокрадства с течением времени получающих все большее и большее напряжение» (ГАИО, ф. 25, св. 20, д. 540, л. 4).

[68] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 67.

[69] Там же, стр. 184.

пытно, что новоселы чаще находили поддержку со стороны переселенческого чиновника в Туве, в то время как старожилы находили опору в комиссаре по делам Урянхайского края. И это естественно, потому что старожилы давно уже стали фактически верной опорой русского царизма в Туве, они за долгие годы сжились с тувинскими правителями, к тому же многие тувинские правители фактически были неоплатными должниками русских купцов и предпринимателей. Те и другие кровно были заинтересованы в том, чтобы новых переселенцев-бедняков было меньше в Туве.

Старожилы и тувинские чиновники стали совместно противодействовать переселенческой политике Габаева. Как мы видим из донесения Церерина иркутскому генерал-губернатору, они, т. е. русские старожилы, учили тувинцев, как им следует поступать, советовали им обращаться в русский суд, даже в Государственную думу. Видимо, ими же давались советы тувинским нойонам переходить в монгольское подданство [70].

Комиссар по делам Урянхайского края и иркутский генерал-губернатор поддерживали русских старожилов в Туве; помимо того, что такое поведение соответствовало уже указанному решению Совета Министров, они руководствовались еще и тем, что большинство старожилов поселилось и укрепилось в Туве благодаря поддержке в свое время иркутского генерал-губернатора, так что защита интересов этих старожилов была своеобразным оправданием той политики, которую вели местные органы власти по отношению к Туве в прошлом. К этому следует прибавить, что вообще деятельность переселенческого Управления встречала неодобрение и даже некоторое противодействие местных органов власти. Об этом можно судить хотя бы по тому, что иркутский генерал-губернатор подвергал большому сомнению дутые цифры о колонизационных возможностях Тувы [71], явно не одобрял многие действия Габаева, в частности отказался утверждать планы переселенческой организации [72], возражал против строительства Белоцарска и т. п.

Переселенческое Управление, напротив, во всем поддерживало Габаева, в частности и в вопросе об отношении

[70] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 52 и сл.
[71] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 6, архивн. № 61, л. 91.
[72] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 29, л. 194.

к старожилам; оно решило поступиться интересами старожилов во имя той переселенческой политики, которую оно проводило, тем более, что эти старожильческие элементы не составляли значительной прослойки русского населения в Туве.

Неурядицы между комиссаром по делам Урянхайского края и переселенческим чиновником отражали две тенденции в отношении Тувы, которые сложились в процессе решения урянхайского пограничного вопроса: медленное завоевание края, которое рекомендовало министерство иностранных дел, и быстрое овладение им, которое проводилось переселенческими правительственными учреждениями. Деятельность переселенческих учреждений постоянно подгонялась растущими противоречиями в европейско-русской деревне. Но так как несогласованность действий двух ведомств в Туве самым серьезным образом отражалась на всей политике по отношению к Туве, то правительство вынуждено было в конце концов принять решительные меры к изменению создавшейся в Туве обстановки. Габаев и Церерин были отозваны из Тувы.

Вместо Габаева заведующим русскими поселениями в Туве был назначен Шкунов [73], а вместо Церерина комиссаром края был утвержден Григорьев [74], чиновник переселенческого Управления.

Смена лиц означала и изменение характера деятельности русской администрации в Туве. Иркутский генерал-губернатор в письме министру А. В. Кривошеину от 29 августа 1914 г. обосновывал замену Церерина на посту комиссара края Григорьевым широтой задач, «намечаемых правительством в отношении Урянхайского края, который должен мирным путем приобщиться к русской культуре и подпасть под державное обладание России. При этом, так как, несомненно, задачи эти могут быть

[73] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 574, д. 3248, л. 2

[74] Формальным поводом для такой замены было учреждение законом от 18 июня 1914 г. должности комиссара по делам Урянхайского края. Министерство внутренних дел в письме на имя иркутского генерал-губернатора, давая обоснование этому акту, считало необходимым заменить Церерина «хотя бы по одному тому, что он не сумел приобрести должного авторитета в переселенческом Управлении» (ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 18, д. № 499, л. 4). Григорьев до назначения комиссаром был заведующим землеустройством и переселением в Енисейской губернии (там же, л. 4).

ближайше осуществлены лишь при постоянном силами и средствами участии переселенческого Управления, то и в прямых интересах дела необходимо было поставить во главе административного Управления Урянхайским краем чиновника, достаточно испытанного и авторитетного во мнении этого Управления» [75].

Все это означало фактически передачу Тувы в ведомство переселенческого Управления для колонизации ее.

Высшие органы — министерства — теперь координировали свои планы и действия в Туве, они стали работать согласованно. Переселенческое Управление должно было изменить свою политику в аграрном вопросе. Пришлось отказаться от бесцеремонного захвата тувинских земель, как это было при Габаеве, обратить больше внимания на внутреннее устройство русских поселков в Туве, на разрешение неотложных задач урегулирования землеустройства между русскими поселенцами, организации сельского управления, школьного дела, медицинской и агрономической помощи населению и на другие вопросы. Эта перемена в постановке колонизаторской деятельности была связана, помимо всего прочего, и с тем, что начавшаяся война отодвигала вопросы заселения на второй план. За годы войны, как показывают статистические данные, темп переселения в Туву резко снизился, поэтому самое дело переселения потеряло свое первоначальное значение. Политика царизма сводилась теперь к тому, чтобы в обстановке войны удержать тувинский край за собой. Поэтому план деятельности переселенческой организации в 1915 г. предусматривал проведение ряда мер для укрепления русского влияния в Туве.

Общая обстановка, в которой проходила деятельность переселенческой организации в Туве в этот период, дана в отчете заведующего устройством русского населения в Урянхае Шкунова за 1915 г. «Неопределенность политического положения Урянхая,— пишет он,— неизвестность основного положения, чей это край, русский или китайский, или монгольский, чувствовалась постоянно и всюду. Правящий класс сойотского населения и богатые сойоты считали себя с весны подданными Монголии. Хошунные нойоны и их приближенные получали в Монголии за

[75] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 18, д. 499, л. 7.

взятки и подарки право власти над сойотами, получали одновременно и право самой широкой наглой эксплуатации населения. Будучи более, чем рядовые, развиты, имущие власти отчетливо сознавали, что русское правительство, оставив за ними то же значение, не даст возможности обирать народ и управлять им на тех же архаических диких основаниях. Монголия не имела своего представителя власти в Урянхае, Россия же имеет своего — все это естественно заставляло правящий класс держаться Монголии и сторониться России. Исключительно только этими причинами объясняется то отрицательное положение во взаимоотношениях между русскими и сойотами, которые я застал по приезде в Урянхай» [76].

Шкунов верно схватил причину недовольства русским протекторатом со стороны тувинских нойонов; они не могли не бояться, что с установлением русской власти безграничному дикому произволу над местным населением будет поставлен известный предел. Однако он обходит одно из самых основных и серьезных причин недовольства царской политикой со стороны широких масс аратского населения — это захват тувинских земель, вытеснение тувинцев с мест, где они жили столетиями. И Шкунов не случайно обошел молчанием эту причину, хотя о ней ему хорошо было известно. Он сам был сторонником политики, проводившейся его предшественником Габаевым,— политики переселенческого Управления, видевшего в Туве огромный колонизационный резервуар, куда можно было вытолкнуть сотни и тысячи сибиряков, на место которых предполагалось водворить сотни тысяч крестьян из России.

Политическая обстановка, сложившаяся в Туве в этот период, действительно мало способствовала массовому

---

[76] ГАНО, ф. 47, д. 294, лл. 36—37. Впрочем, Шкунов должен был признать наличие серьезного недовольства тувинских аратов деятельностью его предшественника: «С назначением моего предшественника В. К. Габаева и приезда топографов,— пишет он,— картина изменилась и не потому, что топографы стали снимать на планы земли — сойоты видели каждого путешественника с инструментами и бумагой и привыкли к этому,— но благодаря тому, что без подготовки, резко было заявлено русскими, что земли в указанных ими границах принадлежат им, и сойоты на них прав не имеют, образование двух участков Владимировки и Максимовки подчеркнуло это новое для сойотов положение» (ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 37).

вселению в Туву русских крестьян. Переселенческое Управление должно было сократить размах переселения, который к тому же естественно ограничивался по обстоятельствам военного времени. Царское правительство, хотя и должно было урезать ассигнования на работы переселенческой организации, но оно отнюдь не думало серьезно ее обижать, так как это учреждение крайне нужно было русским помещикам и капиталистам. В течение 1915 и 1916 гг. переселенческое Управление продолжало изучать колонизационные возможности Тувы, свойства ее почвы, ее лесные и природные богатства вообще. В течение трех лет фактически занимался исследованием края Турчанинов, отчеты которого дают богатейшие, правда иногда тенденциозно обработанные, материалы. Наряду с этим велось обследование экономики и быта как туземного населения, так и русских переселенцев.

Переселенческое Управление много внимания, сил и энергии должно было уделять решению основного — аграрного вопроса.

В связи с русской колонизацией, принявшей массовый характер в 1912—1914 гг., вопрос о земле стал основным в жизни русского крестьянина в Туве.

Обострение аграрного вопроса объясняется специфическими условиями земледелия в Туве. Тувинское земледелие в значительной своей части основано на орошении, применение которого делает труд земледельца выгодным, отсутствие же орошения делает этот труд часто совершенно бесплодным [77]. Поэтому крестьянин стремился приобрести землю с достаточным орошением, а количество таких земель было весьма ограничено. Как уже говорилось выше, лучшие земли были захвачены старожилами. В свое время старожилы получали разрешение на распашку земель у лиц, которые фактически не имели права давать такое разрешение. Все эти, а также и многие другие привходящие обстоятельства весьма осложняли земельные отношения в Туве.

Аграрные противоречия развернулись по двум линиям: 1) между русскими переселенцами и тувинцами и 2) между старожилами и новоселами.

[77] Так, например, в с. Берёзовке, где не практиковалось орошение, за пять лет хороший урожай был только один раз (С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 87).

Противоречия между колонистами, особенно крупными русскими заимщиками-кулаками, и тувинцами получили исключительно острый характер. Они выливались в угрозы тувинцев силой прогнать русских с земли. В фондах ГАНО хранится ряд дел о столкновениях между переселенцами и тувинцами [78]. В этих делах мы находим жалобы тувинцев на захват у них земель русскими, жалобы русских на тувинцев о потравах хлеба и т. п. Так, например, тувинец Норба Кунду сумона Маады жалуется на то, что крупный кулак и ростовщик Горчаков захватил у него и выкосил покосы [79]. Как видно из дела, русская администрация нашла жалобу основательной и потребовала от Горчакова справедливого вознаграждения Норба, но Горчаков отказался подчиниться распоряжениям русских властей, ссылаясь на то, что он приобрел эту землю без помощи русской власти и до прихода ее в Туву. Так и неизвестно, чем кончилось это дело; вероятнее всего русский кулак не понес наказания за свои поступки, и администрация ничего не сделала для того, чтобы принудить его подчиняться. Были также споры между рядовыми тувинцами и рядовыми колонистами, но ими мало интересовалось переселенческое Управление, и когда подобного рода споры возникали, то их решали в последнюю очередь.

Массовый характер споров между тувинцами и русскими подтверждается тем фактом, что заведующему устройством русского населения в Урянхае пришлось весной 1915 г. разрешить 259 спорных случаев. При этом характерно распределение этих споров по районам Тувы. Их не было в Турано-Уюкском районе, за редким исключением: к таким исключениям принадлежит спор между Горчаковым и Норба Кунду о сенокосных, а не земледельческих участках. Отсутствие споров в этом районе объясняется тем, что здесь находился центр старожильческого русского населения, и земельные вопросы были решены между русскими и тувинцами в свое время и без вмешательства русских чиновников. Что касается споров в других районах, то распределение между ними спорных случаев таково: Улуг-Хем — 24, Каа-Хем — 48, Кемчик — 187. Следует остановиться на последней цифре.

---

[78] ГАНО, ф. 57, дд. 76, 104, 119, 130 и др.
[79] ГАНО, ф. 25, архивн. № 61, св. 6, л. 61.

Она обращает на себя внимание не только тем, что в этом районе было наибольшее количество (больше половины) спорных случаев, но и тем, что здесь имелось как раз меньше всего крестьянского населения из русских. Основная масса русского населения в этом районе состояла из купцов и кулаков-хуторян. Это свидетельствует о том, что бесцеремонностью в захвате тувинских земель в первую очередь отличались русские кулаки [80]. Наличие наибольшего количества спорных случаев в этом районе естественно объясняется густотой тувинского населения.

Как же решали эти земельные споры переселенческие органы в Туве? Шкунов, опираясь на поддержку комиссара по делам Урянхайского края Григорьева, который проводил политику беспрекословного подчинения тувинских правителей царизму с полным сохранением туземного управления, создал специальные комиссии для урегулирования земельных споров между русскими и тувинцами. Эти комиссии состояли из представителя переселенческого Управления, обычно производителя работ землеотводной партии, уполномоченных от хошуна, в районе которого производилось отведение участка тому или иному русскому колонисту, и самого переселенца. Комиссия обследовала просимый участок и подписывала соответствующий договор о закреплении участка за переселенцем. На приговоре стояли подписи производителя работ и колониста на русском языке, а представителей тувинских властей — на монгольском языке. Такие приговоры вручались переселенцу, а также по одному экземпляру хранились в тувинских хошунных канцеляриях и в делах заведующего устройством русского населения в Туве. Нам удалось просмотреть в делах канцелярии заведующего устройством русского населения несколько десятков таких приговоров. Характерно, что в этих приговорах не обнаруживается фактов какого-либо ущемления интересов переселенцев. Все их требования на те или иные участки, как правило, удовлетворялись. Это обстоятельство дает основание сделать вывод, что русская переселенческая организация навязывала представителям тувинской власти такие приговоры, которые удовлетворяли русских заимочников-кулаков (приговоры от-

[80] ГАНО, ф 47, д. 294, л. 37.

носятся главным образом к району Кемчика, так как в других районах споры не принимали такой остроты, как здесь).

Это фактически означало, что Шкунов, правда в более скромных размерах и менее грубо, чем это делал Габаев, проводил ту же политику захвата земель у тувинцев, пользуясь тем, что комиссар по делам Урянхайского края, представлявший в Туве царское правительство, держался весьма твердой линии в отношении к тувинским чиновникам, принуждая их беспрекословно выполнять распоряжения царских властей.

Что разрешение земельных споров между русскими и тувинцами приводило фактически к обезземеливанию тувинцев и вытеснению их с исконно им принадлежащих земель, показывает ряд других материалов. В марте 1916 г. жители с. Ирбека по предложению зажиточной части деревни подали заведующему устройством русского населения в Туве заявление, которое было передано комиссару по делам Урянхайского края: «Представляя при сем приговор,— пишет Петропавлов в своем представлении,— Ирбекского общества от 27 марта сего года по поводу ходатайства о позволении им расчистить часть противолежащего их поселкам острова по р. Енисею, на котором иногда урянхи выпасают свой скот, докладываю по существу, что упомянутые ходатайства со своей стороны нахожу заслуживающими удовлетворения по следующим соображениям. Названный остров при своей значительной площади (321 д.) почти весь покрыт обильным травяным покровом и как сенокосное угодие урянхами почти не эксплуатируется отчасти потому, что у них в данной местности сенокосов более чем достаточно, а, во-вторых, потому, что большая часть острова, могущая быть использованной под сенокосом, густо заросла кустарником, который урянхами никогда не расчищается и совершенно обесценивает часть острова не только для сенокошения, но и для выпаса скота. Осматривая же в прошедшем году осенью названный остров, я убедился, что очень много травы было не скошено и часть ее примята и спутана скотом. О последующем со стороны вашего высокородия прошу не отказать уведомить» [81].

[81] ГАНО, ф. 47, д. 214, л. 8.

Таким образом, заведующий устройством русского населения санкционировал открытый грабеж тувинской земли, ввиду якобы неполноценного (нет покосов) ее использования самими тувинцами. Казалось бы, что комиссар по делам Урянхайского края должен был воспрепятствовать подобному захвату земли, принадлежащей тувинцам, но этого не случилось. Своей резолюцией: «Препятствий со своей стороны не встречаю» [82] он утвердил захват 321 десятины земли, используемой тувинцами в своем хозяйстве.

Этот документ, как и многие другие, показывает, что комиссар и заведующий устройством русского населения в Урянхае продолжали наступать на земли тувинцев.

Между тем сам же Григорьев так характеризовал межевание земли: «При... межевании сами топографы, единственно по своему усмотрению, проводили границы для разных поселков, не показывая даже на планах сойотских пашен, как бы предполагая, что сойотское фактическое землепользование при сформировании поселковых наделов совсем не должно приниматься во внимание» [83].

Все это говорит о том, что в Туве, так же как и во всех других районах, ставших объектом колонизации, колонизационный переселенческий фонд образовывался «путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев» [84].

Тувинцы отвечали на это потравой хлебов и сенокосов русских переселенцев. Масса архивных дел вскрывает картину своеобразной борьбы тувинских аратов против обезземеливания их русскими властями. Вот один из примеров. 28 октября 1915 г. старший поселка В. Никольского подал председателю созданного Григорьевым смешанного русско-тувинского суда заявление о том, что летом 1914 г. табуны мелкого тувинского чиновника Пау портили хлеб у крестьян, в результате чего крестьяне потеряли 470 пуд. пшеницы [85].

Тувинский кунду Пау должен был по решению суда внести соответствующую сумму за потраву хлеба.

Кое-кто из переселенцев пытался даже потраву использовать в целях обогащения. Для подтверждения это-

[82] ГАНО, ф. 47, д. 214, л. 8.
[83] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 29, лл. 203—204.
[84] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 79.
[85] ГАНО, ф. 47 д. 270, л. 3.

го приведем еще один весьма характерный документ. Заведующий устройством русского населения в Туве Шкунов должен был вернуть жалобу Оиншивинского старосты на потраву хлебов некоторых крестьян этого селения тувинцами на том основании, что составители жалобы явно рассчитывали на этой операции нажиться. «При осмотре потравы,— пишет Шкунов,— и определении суммы убытка необходимо присутствие владельца скота. Если он от явки отказался, то это нужно было указать в протоколе. Определение цены на пшеницу зерном в 1 р. 50 к. чрезмерное и показывает явное пристрастие ваше и понятых при определении суммы убытков.

Только при исправлении указанных неправильностей я приму к разбирательству дело» [86].

Если уж переселенческий чиновник заметил явное преувеличение в подсчете и оценке потерь от потравы, то надо полагать, что менее крупные обсчеты и обманы при удовлетворении за потравы были обычными.

Потравами лугов и хлебов не ограничивалась борьба тувинцев против обезземеливания их русскими переселенческими чиновниками. Не менее распространенной формой протеста тувинцев против захвата их земель являлось усиление покражи скота. Жалобы на угон скота становились частыми. Угон скота сильно подрывал экономику русского крестьянского хозяйства в Туве, так как тувинские нойоны и чиновники, являвшиеся организаторами угона, направляли его не только против главных виновников земельных захватов — русских кулаков и купцов, но и против русской бедноты и середняков. Темные, несознательные, часто еще покорно следующие за своим начальством и своими богатеями тувинские араты, становились подчас их слепым орудием в борьбе против русского трудового крестьянства.

9. АГРАРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ

Аграрные противоречия между русскими и тувинцами были вызваны, как мы видели, захватнической политикой русской администрации в Туве, которая вела вполне

[86] Там же, д. 276, л. 13.

сознательную политику по вытеснению тувинцев с их собственных земель в горы и тайгу.

На другой почве, уже чисто классового характера, выросли аграрные противоречия внутри русского населения, между старожилами и новоселами. В Туве за десятки лет ее колонизации русскими крестьянами постепенно сложился слой крупных собственников земли, скота, больших капиталов. Этот слой крупных земельных собственников сформировался из торговцев. К числу их относятся Сафьяновы, Бяковы и некоторые другие потомки минусинских купцов, купцы и предприниматели, вышедшие из старообрядческого кулачества с р. Уса — такие, как Вавилины, Медведев и многие др. В эту же группу следует включить лиц, которые прибыли в Туву ради предпринимательской деятельности и мечтали создать богатства за счет эксплуатации естественных богатств Тувы. Таков приехавший из России дворянин Черневич, ставший крупным земельным собственником и занимавшийся в Туве скотоводством, а затем забросивший скотоводство и перешедший на разработку золотых россыпей Тувы, или дворянин Мозголевский, развивший кипучую торговую и скупщическую деятельность в Тодже. Старожилы этой группы владели сотнями, тысячами и даже десятками тысяч десятин земли, притом самой лучшей земли, которую они скупили путем спаивания и задаривания тувинской продажной феодально-чиновничьей знати. Вторым, еще более многочисленным слоем старожилов являлись кулаки, вселившиеся в Туву еще до первой русской революции, и сумевшие теми же средствами, но в меньших масштабах, занять десятки и сотни десятин земли и путем эксплуатации русской и тувинской бедноты упрочившие свое положение. К таким относились кулаки Сарапуловы, Охотниковы, Потылицыны, Казанцев, Шепелины, Ширины, Ивановы и др.

Волна русских переселенцев, хлынувшая в Туву после первой русской революции, столкнулась с всесилием и могуществом этих собственников. Русские новоселы по прибытии в Туву не могли получить землю, они по сути дела представляли собой безземельных колонистов, и борьба между ними и крупными русскими землевладельцами была классовой борьбой безземельных против обеспеченных землей. Эта борьба протекала в первое время

в легальных формах требования русских переселенцев к переселенческим органам разрешить их споры с крупными русскими земельными собственниками. И в ней русские крестьяне новоселы, независимо от степени своей зажиточности, выступали единым фронтом против этих своеобразных русских помещиков в Туве. Земельный вопрос в Туве осложнялся еще и тем, что лучшие — орошаемые — участки пахотной земли были уже захвачены крупными собственниками из старожильческого русского населения.

Для иллюстрации аграрных взаимоотношений между русскими старожилами и новоселами приведем несколько документов. Вот перед нами заявление схода 70 домохозяев с. Уюка, прекрасно характеризующее отношение между старожилами и новоселами и вскрывающее всю остроту аграрных конфликтов между ними. Это прошение появилось в связи с вопросом раскладки повинностей на 1915 г. Когда старший выборный, а этот чин у русских крестьян в Туве заменял сельского старосту, Сельдемашев собрал сход для распределения повинностей, основная масса жителей села — новоселы — потребовали, чтобы прежде всего был решен вопрос о праве пользования всеми жителями села так называемой мочажной землей, находившейся в фактическом пользовании только 12 семейств старожилов. Однако эти старожилы сорвали решение схода по причине, изложенной в наивном крестьянском заявлении следующими словами: «раскладка не состоялась, а именно как при Уюкском обществе между сухими пашнями есть мочажные пашни и покосы, которыми владеют только 12 домохозяев, а всей землей, находящейся под мочагами, около 400 десятин, из 400 десятин только разработано и засеяно хлебом 100 десятин, не более, а остальная лежит без последствия на произвол судьбы, мы новоселы не имеем по одной десятине под мочагами как распашной, так и покосов. У нас вся распашная земля и покосы расположены на сухих местах, с которых мы не можем обзавестись хозяйством, и приходится удаляться от таких неудобных местностей, то-есть от сухих пашен и покосов, так как при раскладке на сходе мы новоселы предложили разделить мочажную распаханную землю и покосы на все души общества Уюк (мужского пола), но они не согласились владельцы мочажной земли и гово-

рят, что мы купили у сойот, а потому разделить согласны не будем и налоги платить отказываются, мы новоселы поимели согласие не допустить до убийства друг друга, а потому имеем честь покорнейше просить вас, ваше высокоблагородие, выехать в поселок Уюк и разделить пашни и покосы, находящиеся под мочагами, раскладка у нас не состоялась потому, что владельцы мочажной земли отказываются делить ее и налоги платить в чем и расписуемся». Следуют подписи Я. Шкунова, Я. Ершова, И. Беспалова, Т. Власова, Г. Кускашева, К. Останина, Брюханова, И. Кайгородова, Ф. Макарова, Г. Данилина, Ф. Фатьянова и Н. Знаменского [87].

Итак, 70 домохозяев-новоселов, которые постоянно испытывали недород на богарных участках своих пашен, потребовали от 12 кулаков-старожилов раздела между всеми поселянами их 400 десятин мочажной земли, из которой в фактическом пользовании находилась только четвертая доля.

Документ этот представляет в высшей степени типичное явление для отношений между новоселами и старожилами. Он свидетельствует о том, что у старожилов-крестьян не было до прихода новоселов общинной собственности на землю. Действительно, среди русского населения Тувы утвердились своеобразные формы землепользования. Здесь с самого начала поселения русских колонистов, в результате сделок между переселенцами и тувинцами, установилось частное владение на землю. В более позднее время стала развиваться хуторская система пользования землей.

В условиях Тувы, как можно видеть из рассмотренного случая, борьба за общинные условия землепользования принимала характер борьбы новоселов против старожилов за ликвидацию крупного землевладения кулаков.

На почве земельных споров между старожилами и новоселами нередко возникали настоящие сражения, кровавые столкновения [88].

Эти земельные споры часто принимали и иной характер и проходили не между группами старожилов и ново-

---

[87] ГАНО, ф. 47, д. 261, л. 5.
[88] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. Сафьянова, стр. 101.

селов, а между новоселами и крупными земельными собственниками из русских купцов. Приведем жалобу крестьян Чихачевского поселка: «1916 года апреля 14 дня имеем честь заявить вам ваше высокородие (заявление адресовано комиссару по делам Урянхайского края.— *В. Д.*) свои обиды; имеем мы по р. Терехте нами разработанные местечки для сенокосу, которые мы уже занимали шесть лет, и также есть около этих сенокосных местечек также приготовленная пахотная земля для посева хлеба и также которую занимаем шесть лет и эти местечки были отведены также сойотами и как разработали эти места, то те годы не мешали нам и ни один не стоял, а нонешнем году прикочевали не менее 15 юрт и обстали вокруг и мы спрашивали этих сойот, но они не хотят откочевать, а говорят, что мы будет летовать, а также Сафьянов поставил своих табунов не менее восьми сот и поставил юрты не далее ста сажен от нашего поселка и стравляют весь подножный корм и так, что нельзя отпустить даже маленьких телят, а то могут притоптать табуном и даже мы спрашивали пастухов сафьяновского табуна, кто вам велел или сами стали, но пастухи ответили, что нам велел ставить здесь хозяин Сафьянов, в чем и просим ваше высокородие вашего распоряжения в том, что нас притеснили со всех сторон. К сему заявлению в чем и расписуемся Поликарп Симаков, Михаил Чихачев, а по безграмотству личной просьбе Андрея Кочкина и за себя расписался Илья Чихачев» [89].

Заявление жителей Чихачевского поселка интересно в двух отношениях: во-первых, оно показывает нам бесцеремонное отношение к новоселам со стороны одного из самых богатых русских предпринимателей в Туве и даже самого «либерального» из них — Сафьянова; во-вторых, мы видим, что жители поселка были стеснены тувинцами, прикочевавшими на занятые и обработанные русскими земли, хотя за шесть лет до этого они сами же разрешили эту обработку земли.

Мы думаем, что эти два обстоятельства тесно связаны между собой, хотя самими чихачевцами эта связь не улавливалась. Связь эту нужно объяснить действиями Сафьянова: он пользовался огромным влиянием среди

[89] ГАНО, ф. 47, д. 297, лл. 2—3.

тувинцев и подговорил тувинцев вытеснять чихачевцев с занятых ими земель [90]. Можно считать вполне установленным противодействие крупных русских землевладельцев русской колонизации, в частности в форме натравливания тувинцев на новоселов. На наличие подобного рода действий русских купцов в Туве указывает и заявление крестьян с. Шагонара, которые просили русские власти пресечь деятельность крупного купца Моисея Вильнера [91], разжигавшего ненависть тувинцев к русским крестьянам.

Григорьев после получения заявления чихачевцев передал его на рассмотрение Шкунову, а вместе с тем, видимо, потребовал от Сафьянова отвода его табунов с места поселения чихачевцев. Заместитель Шкунова Крючков, командированный для проверки фактов, указанных в заявлении, уже не нашел стад Сафьянова на сенокосах чихачевцев [92], но он установил, что чихачевцы разбросали свои посевы и сенокосы на пространстве в 4 версты по долине р. Терехты небольшими клочками и не огородили их. По его мнению, «огородить эту долину стоит больших трудов и едва ли по силам чихачевцам» [93]. Он рекомендует выдать им ссуду в 200 руб. для огорожения своих пашен и покосов. Следовательно, чихачевцы были люди небогатые, раз они не могли огородить свои участки. В данном случае мы видим, что русская администрация пыталась как-то примирить интересы новоселов и крупного земельного собственника Сафьянова.

Вообще же при спорных случаях, когда тяжба шла между крупнейшими земельными собственниками из русских, администрация в большинстве случаев становилась на сторону старожилов или старалась примирить спорящих на обоюдовыгодных условиях. Зато она мало считалась со старожилами, хотя и богатыми, но не такими влиятельными, как Сафьянов. В этом отношении весьма показательна история с М. Казанцевым, который пользовался земельными участками по рекам Ушану и Мергену в те-

[90] Не случайно русская переселенческая администрация объявляла его главным подстрекателем выступлений против новоселов.
[91] ГАНО, ф. 47, д. 202, л. 18—19.
[92] ГАНО, ф. 47, д. 297, л. 3.
[93] Там же, д. 127, л. 1.

чение 15 лет. Жители поселков Знаменского и Мокеевского заявили претензии на эти земли и фактически захватили их. Тогда Казанцев обратился с жалобой к комиссару по делам Урянхайского края. Последний ответил ему отказом, после чего Казанцев написал заявление на имя енисейского губернатора и иркутского генерал-губернатора. Ему везде было отказано, потому что он, заключив с тувинцами разрешительную сделку на последние 14 лет и 3 месяца, по истечении этого срока не возобновил ее и тем самым лишился права на землю [94]. Понятно, что такое решение было не единственным. Так же был решен вопрос о заявлении другого старожила — А. К. Хлебникова, у которого жители с. Хлебникова потребовали раздела принадлежащих ему 80 десятин земли. Шкунов в своей резолюции на этом деле писал: «Иметь в виду, что нам более желательны удобства для всего поселка, а не отдельных лиц. Потребовать от Хлебникова документы на покупку земли» [95].

Линия поведения переселенческих органов была довольно проста, когда интересы целого поселка сталкивались с интересами отдельных не особенно богатых старожилов. В этом случае переселенческая организация требовала документов о сделке старожила с тувинцами, и если таких документов не было,— а их чаще всего не было,— то землю старожилов делили между новоселами. Интересами отдельных кулаков поступались в пользу переселенцев.

При рассмотрении документов о земельных спорах бросаются в глаза очень частые случаи столкновения между кулаками и низшей группой деревни: беднотой и середняками, при этом кулаки выступают чаще всего в роли захватчиков земли. Так, например, крестьянин с. Турана Е. Сипкин подал жалобу на Ширнина, захватившего у него покосы [96]. Заимочник кулак Богатов захватил заимку Голубцова по р. Уту, и это стало предметом разбирательства заведующего устройством русского населения в Урянхае [97]. Крестьянин Путимцев подал жалобу на Гер-

---

[94] ГАНО, ф. 47, д. 127, л. 1.
[95] Там же.
[96] ГАНО, ф. 47, д. 207, л. 61.
[97] Там же, л. 63.

манова, выкосившего его покос [98]. Вражда на почве борьбы за землю разделяла села на партии. Например, в с. Туране образовалось две партии: Ширина и Горчакова, которые враждовали между собой [99]. Подобного же рода явление мы наблюдаем в с. Атамановке, где, помимо внутренней вражды между двумя группировками крестьян, шла борьба между селом в целом и дворянином Черневичем [100].

Известьев подал жалобу на захват у него пашни и сенокосных угодий Родионом Вавилиным — самым первым богачом среди русских в Туве [101]. Предъявил иск к кулаку Ф. Шепелину его односельчанин и однофамилец С. Шепелин [102]. На почве аграрных отношений возникали споры и недоразумения между самими кулаками и торговцами, например спор между Ф. Г. Шепелиным и А. Ф. Сафьяновой [103].

Заведующий устройством русского населения в Урянхайском крае в своем отчете сообщает, что за весну 1915 г. ему пришлось разобрать по трем районам следующее количество спорных случаев: М. Енисею — 96, Енисею — 29 и Кемчику — 36, в общей сложности 161 случай [104]. Если к этому прибавить Турано-Уюкский район, то в общей сложности количество случаев аграрных споров и недоразумений между новоселами и старожилами было, может быть, не меньше, а больше, чем между русскими и тувинцами. О количестве земельных споров в Турано-Уюкском районе в том же отчете мы находим следующее заключение: «Старейшие селения Туран и Уюк, существующие более 30 лет, показывают, что здесь споров с сойотами у русских нет, но споров между собою поражающее количество. Нужно на 2—3 месяца бросить все дела, если задаться целью решить здесь споры. В этих поселках давно уже пропала черта между первыми засельщиками и последующими и эти селения нужно и должно устроить в земельном отношении навсегда. Только земле-

---

[98] ГАНО, ф. 47, д. 207, л. 4.
[99] Там же, д. 156, л. 27 и сл.
[100] Там же, д. 57; д. 64, л. 8 и сл.
[101] Там же, д. 147, л. 2 и сл.
[102] ГАНО, ф. 47, д. 47.
[103] Там же, д. 142, л. 9 и сл.; д. 294, л. 5 и сл.
[104] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 38.

устройство прекратит споры о земле, так как споры, решенные ныне, возникают завтра в новой комбинации» [105].

Следовательно, аграрные отношения в Туве были настолько запутаны и противоречивы, настолько остры, что заведующий устройством русского населения в Урянхае попросту отказывался в них разобраться. Вину за такое состояние земельного вопроса в Туве Шкунов перекладывал на Габаева, который, по его мнению, создал неразбериху в земельном вопросе объявлением о том, что все близлежащие и занятые русскими земли являются русскими, чем он, по мнению Шкунова, уравнял в правах на землю старожилов и новоселов [106]. Этот домысел Шкунова на самом деле не имеет никакого значения в деле объяснения аграрных отношений в Туве. Шкунов сбрасывает со счета очень важное обстоятельство, а именно то, что количество легко колонизируемых земель было весьма ограничено, что все расчеты переселенческого управления о невероятных, необъятных колонизационных возможностях Тувы были сделаны на глаз и имели мало общего с действительностью. На самом деле, как показывала практика ведения сельского хозяйства, нужно было приложить много труда для создания системы искусственного орошения, чтобы земледелие приносило свои результаты, чтобы оно оправдывало труд крестьянина. Переселенец же не всегда имел достаточно средств для проведения воды на свои поля.

Шкунов обошел молчанием и другое важное обстоятельство, а именно то, что Габаев проводил политику переселенческого управления, имея в виду прежде всего подготовить в Туве базу для массового переселения в нее русских крестьян из России, и меньше всего считался с интересами старожилов, вышедших главным образом из среды сибиряков.

Аграрные столкновения в среде русского населения объяснялись теми же причинами, что и в России. Царское правительство, стоявшее на стороне крупных земельных собственников, в силу этого не могло решить аграрный вопрос как в самой России, так и на ее окраинах, куда

---

[105] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 38.
[106] Там же.

оно переносило вместе с самой колонизацией аграрные противоречия.

Русская переселенческая организация в Туве, будучи бессильной удовлетворить требования крестьян на землю, всячески пыталась оттягивать решение земельных споров и неурядиц до выяснения политического положения на тувинском горизонте. Шкунов в своем отчете за 1915 г. писал: «В летний проезд по Урянхаю главного начальника края, егермейстера Князева, я докладывал о землепользовании русских и о мерах, которые принимаются мною к его урегулированию, просил разрешения не торопиться разбором споров между русскими, считая большинство их временными и мало помогающими коренному вопросу о земле в Урянхае, на что и получил согласие генерал-губернатора» [107]. Тем временем проводя помещичье-кулацкую политику царизма, Шкунов интенсивно насаждал хуторскую и отрубную систему в Туве, принятую переселенческой организацией для новоселов по всей Сибири. На хуторе выделялись, прежде всего, кулацкие хозяйства, которые получали совершенно определенные и навсегда за ними закрепленные участки земли.

В первую очередь переселенческая организация закрепила участки земли за теми кулаками, которые еще раньше завели хуторское хозяйство. Русская администрация в Туве не отмежевала земли для крестьян-бедняков и крестьян на хуторах.

За кем закреплялись хутора, можно судить на основании нескольких фактов. Топограф урянхайской межевой партии Рогалинский 5 октября 1914 г. отвел хутор по р. Шалдыкбору кулаку Т. П. Турову, имевшему крупное хозяйство, сельскохозяйственные машины и большое количество скота, свой маральник и т. п. [108] П. В. Ширин получил право на хутор по ключу Б. Колбан-Маим; в заявлении об отведении ему хутора он указывал, что его хозяйство состоит из 20 маралов, 10 маралух, и пяти телят маральих, 90 голов крупного рогатого скота, 30 двухлеток и 30 телят, 50 кобылиц, 30 лошадей-подростков, 20 жеребят, 100 овец [109]. Его брат Илья Ширин, тоже ку-

[107] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 38.
[108] ГАНО, ф. 47, д. 89, л. 9.
[109] Там же, д. 85, л. 1.

лак, имевший 10 голов рогатого скота, 10 двухлеток, пять телят, 10 кобылиц, 10 подростков-лошадей, пять жеребят, восемь маралов и 50 овец, также получил по соседству с ним участок для хутора [110]. А. И. Ширнин из того же с. Турана при хозяйстве в 20 маралов, 16 голов крупного рогатого скота и 15 мелкого, 25 лошадей и 30 овец получил землю под хутор на р. Блялике [111]. Права на хутора получили И. А. Золотухин с хозяйством в 20 лошадей, 25 голов рогатого скота и 20 овец [112], Ф. Е. Сухорослов по р. Оин-Шиве с хозяйством в 30 лошадей, 70 голов рогатого скота и 100 овец [113], М. Н. Поспелов с хозяйством в 25 лошадей, 40 голов рогатого скота, 10 овец и 10 маралов [114], И. И. Михайлов, имевший 50 голов рогатого скота, 86 лошадей, двух маралов и 55 голов мелкого скота [115], Черепанов — владелец большого количества построек, мукомольной мельницы, стада рогатого скота в 25 голов, 15 лошадей, 17 маралов с маральником, 40 овец и другой живности [116]. Зато русская администрация отказала более бедным хозяевам: П. Беленкову, Л. К. Черменеву и др. [117] Деятельность по созданию крепких хуторских хозяйств в Туве прекратила революция.

10. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО УСТРОЙСТВУ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТУВЕ

Наряду с насаждением хуторского хозяйства и наделением крестьян оброчными статьями, русская администрация проводила межевые работы. В 1914—1915 гг. межевая деятельность переселенческой организации в Туве свелась к учету земель, уже ранее занятых русскими крестьянами. Были нанесены на план земли по Малому Енисею, Элегесту и Тургеню, а также по рекам Уюку, Турану и Шагонару. От учета запасного фонда переселен-

[110] ГАНО, ф. 47, д. 85, л. 2.
[111] Там же, ф. 47, д. 89, л. 3.
[112] Там же, ф. 47, д. 85, л. 3.
[113] Там же, л. 5.
[114] ГАНО, ф. 47 д. 89. л. 8.
[115] Там же, ф. 47, д. 89, л. 4.
[116] Там же, л. 5.
[117] Там же, л. 2.

ческая организация отказалась за неимением достаточного количества землеустроительных работников.

Большое значение в условиях Тувы имели гидротехнические работы по орошению земли. Но в этом отношении переселенческой организацией ничего существенного сделано не было, что явно говорит о ее пренебрежении к нуждам широких слоев крестьянского населения русской колонии.

На переселенческую организацию была возложена задача оказывать русскому населению медицинскую и агрономическую помощь, строить школы и т. д. Но всецело поглощенная вопросами урегулирования земельных неурядиц, переселенческая организация меньше всего обращала внимания на эту сторону своих обязанностей. Достижения ее в этом отношении были более чем скромные.

Агрономическая помощь населению, несмотря на наличие в Туве агрономов, не оказывалась, агрономы были заняты изучением свойств почвы и флоры Тувы. Кое-какое содействие зажиточным крестьянам было оказано в приобретении на льготных условиях сельскохозяйственных орудий. Помимо этого, в 1915 г. переселенческая организация приобрела в 50 км от Белоцарска, в местности Ангачи, заимку для организации сельскохозяйственных опытов на поливных и неполивных землях, а также для разведения улучшенных пород скота. Были выписаны племенные производители — быки породы швиц и симментал, и велись переговоры о приобретении племенных производителей мериносов из минусинской экономии Четверикова. Предполагалось, но не осуществилось создание образцово-показательного молочного хозяйства.

В 1915 г. в Белоцарске была открыта метеорологическая станция.

Школьное дело, несмотря на то, что на его организацию отпускались переселенческой организации средства, двигалось в Туве весьма медленно. Еще в плане работы переселенческой организации на 1915 г. его составители лицемерно жаловались на малочисленность русских школ в Туве. «В отношении первоначального образования русское население Урянхайского края поистине обездолено. На весь обширный край, с населением свыше 10 000 душ обоего пола, имеется лишь две одноклассных министер-

ских школы в селе Туране и поселке Уюк»[118]. Русская школа в Туране была открыта в 1908 г.[119], а в Уюке — в 1909 г.[120] Переселенческая организация намеревалась открыть в ближайшее время школы в ряде других поселков, и даже намечалось открытие низшей русско-тувинской сельскохозяйственной школы с опытным полем и скотоводческим хозяйством при ней[121]. Однако переселенческая организация в действительности больше заботилась об открытии церквей, чем школ и медицинских пунктов. Об этом свидетельствуют ежегодные сметы переселенческой организации. Так, например, в смете на 1916 г. проектировалось на школьное строительство 10 тыс. руб.[122], медицинское — 9 тыс. руб., а на церковное строительство 15 500 руб.[123] На строительство церквей доставлялись строительные материалы, туда перебрасывались рабочие с других строительств, в частности со строительства школ и медицинских учреждений. В 1915 г. было проведено даже специальное совещание об устройстве церковной жизни в Урянхайском крае. Совещание приняло решение об открытии пяти новых приходов, помимо существовавших в Туране, Уюке, Белоцарске[124], Бояровке, Шагонаре, Чадане, Никольском и в районе Тоджи[125]. Красноярский и Енисейский епископ Никон в июне 1915 г. обратился к заведующему устройством русского населения в Туве с предложением открыть в Туве монастырь, но Шкунов отсоветовал это делать, так как «вблизи Белоцарска свободных земель, годных для ведения хозяйства без орошения, не имеется»[126].

Столь ретивая забота о церковном строительстве мало оправдывалась запросами русского населения в Туве, где почти треть всех русских принадлежала к старообрядцам и не нуждалась в официальной церкви. Но это как раз и понуждало церковных и нецерковных «пастырей» «заботиться о духовных нуждах» русских в Туве.

---

[118] ГАНО, ф. 47, д. 104, л. 16.
[119] ГАИО, ф. 25, оп. 30, св. 12, д. 297, л. 2.
[120] Там же.
[121] ГАНО, ф. 47, д. 175, л. 22.
[122] Там же, л. 23.
[123] Там же, л. 22.
[124] ГАНО, д. 162, лл. 4—18.
[125] Там же, д. 161, л. 14.
[126] Там же, л. 36.

В итоге план церковного строительства выполнялся, а школьное строительство осуществлялось с большими трудностями. «К школьному строительству,— читаем мы в одном из докладов заведующего устройством русского населения в Туве,— за недостатком рабочих рук только приступили. В 1916 году должны быть построены школы в с. В. Никольском, на Тодже, в Атамановке и достроены школы в Бояровке и Чжакуле» [127]. Как видно из этого, в течение всего 1915 г. школы строились медленно.

Не лучше обстояло дело и в 1916 г. По сведениям того же переселенческого управления, в 1917 г. в Туве существовало восемь школ (Туран, Уюк, Джакуль, В. Никольское, Атамановка, Бояровка, Белоцарск, Тоджа), однако свои здания имели только две школы [128]. Следовательно, за три года не было построено фактически ни одной школы. Школьное здание в Туране, заложенное еще в 1907 г., достроили только в 1917 г. [129]

Между тем русское крестьянское население тянулось к знаниям. Несколько русских школ, имевшихся в Туве, были там подлинными очагами просвещения. Русские грамотные крестьяне знакомили и тувинское население с русской грамотой, литературой, с русской жизнью. В этих условиях небрежное отношение переселенческой организации к вопросам постановки народного образования отрицательно сказывалось на приобщении тувинцев к русской культуре.

Не в лучшем положении было и медицинское обслуживание населения. Медицинское дело в Туве [130] требовало к себе серьезного внимания, потому что сами тувинцы не знали медицинской науки и не имели лечебных учреждений. «Лечебная помощь» была у них монополизирована ламами и шаманами, которые не боролись с болезнями, а нередко сами разносили их. В силу крайне тяжелого материального и бытового положения тувинцев

---

[127] ГАНО, ф. 47, д. 175, л. 18.
[128] ГАНО, ф. 57, д. 312, л. 9.
[129] Там же, ф. 47, д. 479, л. 53.
[130] О состоянии медицинского дела в Усинском округе до 1911 г. можно судить по докладу д-ра Н. Высоцкого «К вопросу о состоянии медицинского дела в Усинском пограничном округе и на спорной территории (земле Урянхов)» (Труды первого съезда врачей Енисейской губернии, Красноярск, 1913, стр. 117).

и их забитости, при отсутствии медицинской помощи, среди них были распространены массовые заболевания; оспа и сифилис уносили в могилу сотни и тысячи жертв. Понятно, что хозяйственные условия, совместное проживание русских крестьян с тувинцами не могли не способствовать перенесению этих болезней и на русское население. Край к тому же был отрезан почти непроходимыми горами и лесами от русских культурных центров. В этой обстановке медицинскому делу должно было быть придано самое серьезное значение. Как показывают факты, деятельность переселенческой организации в этой области не отличалась ни энергией, ни размахом. На медицинское обслуживание отпускалось еще меньше средств, чем даже на школьное образование, и медицинское дело развивалось в Туве крайне медленно. Еще в 1908 г. была открыта в с. Усинском больница, в которой лечились русские и тувинцы. Первый медицинский пункт на собственной территории Тувы возник в Шагонаре, куда еще в 1911 г. переехал медицинский фельдшер Князев, но это было предприятие частное и большого эффекта не имело. Первые врачебные пункты были открыты переселенческим управлением в Туране, Знаменке, Белоцарске и на Кемчике; первый из них был открыт весной 1913 г., а последний — в 1915 г.[131] Врачебные пункты обслуживали не только русское, но и тувинское население. Особенно большие успехи в смысле лечения тувинского населения имел Туранский участок. «Многочисленное сойотское население этого района,— читаем мы в одном отчете,— уверовало в могущество русского врачевания, отвернулось от своих лам, у которых оно до того пользовалось, и этим привело в смятение лам, так как доход их заметно снизился»[132]. Медицинская помощь оказывалась русскому и тувинскому населению бесплатно[133]. Имеющиеся данные о посещении медицинского пункта в с. Знаменке[134], а также общее заявление о работе других медицинских пунктов переселенческого управления и частных врачей говорит о недостатке медицинских учреждений в Туве, о халатном

---

[131] ГАНО, ф. 47, д. 104, л. 20.
[132] Там же.
[133] Там же.
[134] Там же, д. 206, лл. 1—34.

и безразличном отношении русской администрации в Туве к вопросам народного здравоохранения.

И это понятно: переселенческие организации стремились прежде всего заселить край, загнать в него как можно больше переселенцев — все остальное было для переселенческой организации второстепенным, привходящим делом. Не случайно в планах на 1916 г. заведующего устройством русского населения в Туве мы читаем: «Вопрос изучения Урянхая и его колонизаторской емкости являются главными мерами к разрешению поставленных перед переселенческой организацией задач» [135].

Реализуя планы царизма о заселении края, местная переселенческая организация игнорировала подлинные нужды трудящихся. В целом деятельность русской переселенческой организации в Туве подтверждает правильность ленинской оценки постановки колонизации царским правительством. «Нынешняя организация переселенческого дела,— писал В. И. Ленин,— лишний раз показывает и доказывает, что наш «старый порядок» абсолютно неспособен удовлетворить самые элементарные хозяйственные потребности населения; негодная постановка переселения еще раз свидетельствует, что нынешние господа положения импотентны сделать хоть что-нибудь для хозяйственного прогресса страны» [136].

Как показывает практика переселения в Туву, переселенческие организации бессильны были удовлетворить как хозяйственные, так и тем более культурные запросы переселенцев; они и не стремились к этому, ибо в конечном итоге эти организации совершенно не считались с интересами переселенцев и правами старожилов.

11. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ТУВЕ

Рассмотрим итоги русской колонизации ко времени Октябрьской революции, классовый состав русского населения и его внутренние отношения, влияние русской колонизации на ход социального развития Тувы и общеисторическое значение русской крестьянской колонизации в Туве.

---

[135] ГАНО, ф. 47, д. 175, л. 1.
[136] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 75.

Среди поставленных вопросов особое значение следует придать изучению классового расслоения русского крестьянства в Туве. Постановка этого вопроса диктуется двумя важными соображениями:

1. В литературе установилось мнение о зажиточности и богатстве русских крестьян в Туве и, значит, о его социальной однородности. Это мнение опирается на внешние наблюдения и отдельные факты. Между тем архивы содержат значительные материалы для более обоснованного и правильного заключения, которое сделает яснее и многие другие вопросы русско-тувинских взаимоотношений, в частности роль русской колонизации в исторических судьбах тувинского народа.

2. Крестьянство составляло подавляющую массу русского населения в Туве. Отношение русского крестьянина к революционным событиям во многом определяло исход борьбы тувинских трудящихся за свое освобождение в 1917—1921 гг. А это отношение в свою очередь зависело от степени его расслоения. Поэтому для выяснения роли русского крестьянства, а тем самым и русского народа в тувинской национально-освободительной революции весьма важно иметь представление о классовой дифференциации русского крестьянства.

Укажем, прежде всего, принципы, которые могут быть положены в основу изучения классового расслоения русской деревни в Туве. «Экономическая статистика,— писал В. И. Ленин,— необходимо должна положить в основание группировки *размеры и типы хозяйства*. Признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия,— необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам «промыслов». Вопрос о приемах сводки подворных записей о крестьянском хозяйстве,— заключает

Ленин,— вовсе не такой узко специальный и второстепенный вопрос, как можно бы думать с первого взгляда»[138].

Исходя из ленинского требования строгого учета всех признаков при изучении типов и размеров крестьянского хозяйства, надо иметь в виду для конкретных условий Тувы следующее:

1. В Туве так же, как и во всей Сибири, не было «обязательного» и «уравнительного» надела[139], но не было также и «сложившейся частной собственности на землю»[140]. Русский крестьянин, как мы уже указывали, переселяясь в Туву, должен был вступать в земельные сделки с тувинским нойоном, чиновником или баем или с крестьянином-старожилом, а чаще с торговцем, имевшим больше возможностей добыть землю с помощью находившихся от него в зависимости тувинских правителей. Следует учитывать и то, что земледелие в Туве в значительной мере поддерживалось орошением. Эта дополнительная трудность играла немаловажную роль в специализации крестьянского хозяйства в Туве. Она делает признак посева не совсем устойчивым и характерным при анализе экономической мощности крестьянского хозяйства.

2. В ряде районов Тувы в силу экономических, климатических и других условий скотоводство было преобладающим занятием в русском крестьянском хозяйстве, что необходимо учитывать при анализе его экономики.

3. Русское крестьянское хозяйство в Туве, при общем его земледельческом направлении, сочетало, однако, хлебопашество не только со скотоводством, но и с охотой, с рыбным промыслом, с торговлей (для зажиточного крестьянина) и с мараловодством (также для высшей группы деревни).

4. Специфической особенностью русского крестьянского хозяйства в Туве являлось и то, что в качестве наемной рабочей силы широко использовались русский батрак и тувинский арат, однако работа последнего ограничивалась уходом за скотом. Применение труда русского бедняка и батрака было широко распространено в Туве, осо-

[138] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 78.

[139] В самые последние годы переселенческие органы и русская администрация начали в некоторых селах вводить обязательный уравнительный надел.

[140] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 97.

бенно эксплуатировался кулаками-старожилами труд крестьян-новоселов. К Туве можно в полной мере отнести слова В. И. Ленина о том, что отношения «зажиточного сибиряка к поселенцу (а в этих отношениях вряд ли бы и самый ярый народник решился искать пресловутой общинности!) — в сущности совершенно тождественны с отношениями наших зажиточных общинников к их безлошадным и однолошадным «собратам»» [141]. И в Туве новосел становился наемным работником богача. Нельзя забывать, что переселившийся крестьянин, как правило, приступал к земледелию в качестве «сотоварища» старожила, получившего право на занятие земли и ее обработку еще раньше от тувинских чиновников.

Несколько замечаний по поводу состояния статистических материалов по крестьянскому хозяйству в Туве. До 1913 г. мы не имеем совсем никаких статистических данных, которые дали бы нам возможность составить представление о классовой дифференциации русского крестьянства в Туве. Сведения, которые собирались Усинским пограничным управлением, скудны, отрывочны и не отличаются даже приблизительной точностью. Улучшается дело статистики русских крестьянских хозяйств после 1913 г., когда русские пограничные власти, а главное — местные органы переселенческого управления стали проводить работу по изучению экономической жизни русского крестьянства в Туве.

Необходимые сведения о состоянии русского крестьянского хозяйства мы находим в сохранившихся, правда не по всем русским селениям Тувы, подворных списках, а также материалах экономико-статистического обследования русских поселков и заимок, проведенного переселенческой организацией в 1915—1916 гг. Эти сведения, несмотря на их часто видимую полноту, на самом деле не отличаются необходимой объективностью. В них отсутствуют крайне необходимые данные для всесторонней характеристики крестьянского хозяйства, например, сведения о найме и отпуске рабочей силы, о количестве рабочих рук в семье, о бюджете крестьянского хозяйства, учетные данные о промысловых занятиях и т. п. Поэтому мы

---

[141] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 96.

бессильны дать всесторонний анализ русского крестьянского хозяйства в Туве.

Данные о распределении посевов и скота между русскими крестьянами в 1913 г. (по 312 хозяйствам) совсем не годятся для анализа. Большего доверия заслуживают данные по 1915 г. Но и они, во-первых, охватывают не все крестьянские хозяйства, во-вторых, касаются только лошадей и крупного рогатого скота. Эти сведения охватывают 461 хозяйство (селения Уюк, Знаменка, Сосновка, В. Никольское и Н. Никольское, Атамановка, Бергеда, Березовка и др.), что составляет не более половины всех русских крестьянских хозяйств Тувы (табл. 7).

Таблица 7

Группа	Количество дворов в %	Посев на 1 двор (в десятинах в среднем)	% к общему посеву	Лошадей в % к общему количеству лошадей	Рогатый скот в % общему количеству голов
Без посева	5,7	—	—	3,3	6,7
Сеющие 1—3 десятины	49,2	ок. 2	23,1	30,4	25,4
Сеющие 4—10 десятин	38,6	6	53,5	43,4	46,8
Сеющие свыше 10 десятин	6,5	16	23,4	22,9	21,1
	100	4,5	100	100	100

Неравномерность в распределении посева весьма значительна: более половины крестьян (54,9%), запахивавшие до двух десятин на двор (более чем в 2 раза меньше общей средней запашки на двор — 4,5 десятины), имели меньше одной четверти всего посева и меньше одной трети общего количества лошадей и крупного рогатого скота. Эта группа крестьян не могла прокормиться одним только земледелием, она вынуждена была прибегать к занятию охотой и другими промыслами для того, чтобы просуществовать.

Средняя группа крестьян, к которой принадлежало почти две пятых всех дворов, при средней запашке в 6 десятин, имела половину всей запашки и две пятых лошадей и скота; она, естественно, покрывала свои расходы посевом и скотоводством.

Зажиточное крестьянство, составлявшее лишь $^1/_{16}$ всего количества дворов, со средней запашкой на двор в 16 десятин (в 4 раза больше общей средней запашки) имело почти $^1/_4$ посевов и свыше $^1/_5$ общего количества лошадей и рогатого скота.

Сравним эту картину с распределением лошадей между отдельными крестьянскими хозяйствами (табл. 8).

Таблица 8

Группа	% всего числа дворов	Лошадей на 1 двор (в среднем)	% к общему количеству лошадей	Посев на 1 двор (в десятинах)	% к общему посеву	Рогатый скот на 1 двор	% к общему количеству голов
Безлошадные	3,2	—	—	1,11	0,8	ок. 1	0,3
Имеющие 1—3 лошади	45,4	4	19,5	св. 2	28,2	св. 2	16,4
Имеющие 4—10 лошадей	43	ок. 6	48,7	5,5	53,2	св. 8	54,2
Свыше 10 лошадей	7,4	св. 44	31,8	св. 10	17,8	св. 28	29,1
	100	св. 5	100	4,5	4,5	ок. 7	100

Владение лошадьми мало изменяет картину. Почти половина крестьянских дворов, имевшая в среднем две лошади, что в условиях Тувы является крайним минимумом, владела $^1/_5$ лошадей, при средней запашке в две с лишним десятины, меньше трети всей пашни и меньше $^1/_6$ рогатого скота. Средняя группа, составлявшая тоже $^2/_5$ всего количества дворов, была обеспечена в среднем пятью-шестью лошадьми, 5,5 десятины земли и имела свыше восьми голов скота на двор. Она вполне обходилась своим хозяйством и не прибегала ни к каким

дополнительным источникам существования. Наконец, зажиточная группа, к которой принадлежала одна четырнадцатая всех крестьянских дворов, имела почти треть всех лошадей, вполне обеспечивающее ее внутренние потребности количество земли (в среднем по 10 десятин на хозяйство) и сосредоточила в своих руках почти треть рогатого скота.

Проверим теперь полученные результаты по данным о рогатом скоте (табл. 9).

Таблица 9

Группа	% всего числа дворов	Рогатого скота на 1 двор	% к общему количеству голов	Посев на 1 двор (в десятинах)	% к общему посеву	Лошадей на 1 двор	% к общему количеству лошадей
Без скота	10	—	—	ок. 2	3,7	1	2,8
1—3 головы	37,4	св. 2	10	св. 3	17,8	св. 2	17,8
4—10 голов	34,6	св. 12	42	ок. 6	43,5	св. 6	44,7
Св. 10 голов	18,0	св. 23	48	ок. 8	35	св. 12	34,7
Всего	100	ок. 7	100	4,5	100	св. 5	100

Эти данные показывают, что почти половина крестьянских дворов имела недостаточное количество рогатого скота (не свыше двух голов), владела всего лишь $^1/_{10}$ всего крупного рогатого скота, имела менее $^1/_5$ посева и меньше $^1/_5$ лошадей.

Средняя группа, к которой принадлежало больше трети дворов, что мы видели из предыдущих таблиц, была вполне обеспечена землей, лошадьми и продуктивным скотом.

Высшая группа составляла около $^1/_5$ всего количества дворов. Она сконцентрировала в своих руках почти половину всего рогатого скота, больше трети лошадей и посева. Конечно, она выращивала скот не только для того, чтобы пить молоко или питаться его мясом, но главным образом для продажи.

Следовательно, приведенные данные показывают, что почти половину крестьянских дворов в Туве тех лет можно отнести к бедняцким хозяйствам. Вполне вероятно, что при наличии данных о крестьянских промыслах, о посто-

ронних занятиях крестьян нам пришлось бы уменьшить процент бедноты, но вряд ли намного.

Средняя группа крестьян составляла около $^2/_5$ крестьянских дворов.

Наконец, высшая группа — зажиточные крестьяне и кулаки — являлась наименьшей по численности дворов, а значит, и населения, к ней относилось от $^1/_{14}$ до $^1/_5$ всех дворов, но она концентрировала наибольшую часть посевов, лошадей и скота. Все это вместе взятое свидетельствует о том, что крестьянское хозяйство в Туве развивалось по капиталистическому пути, что оно становилось товарным хозяйством, тесно связанным с рынком.

Нам теперь весьма важно будет сравнить степень расслоения русского крестьянства в Туве с расслоением его в Сибири, чтобы выяснить, как отразилось переселение крестьян в Туву на их хозяйстве. К сожалению, мы не имеем достоверных материалов по классовой дифференциации русского крестьянства ко времени первой мировой войны.

Для сравнения берем имеющиеся в литературе сведения о расслоении крестьян Алтая (Барнаульский уезд) (материалы относятся к 1905 г.) [142] и сопоставляем их с материалами тувинскими (табл. 10).

Таблица 10

Группа	% хозяйств в группах		Средний размер посева (дес.)		% посева группы к общему итогу посева		% рабочих лошадей		% рогатого скота	
	Алтай	Тува	Алтай	Тува	Алтай	Тува	Алтай	Тува	Алтай	Тува
С посевом до 4 дес.	47,0	54,9	1,8	1,8	14,6	23,1	21,4	33,7	23,0	32,1
С посевом от 4 до 10 дес. . . .	36,7	38,6	6,2	6	39,8	53,5	42,3	43,4	39,2	46,8
Св. 10 дес.	16,3	6,5	15,8	16	45,6	23,4	36,3	22,9	37,8	21,1

[142] Сибирская Советская энциклопедия, т. II, стр. 697—698.

Это сопоставление показывает, что 1) расслоение крестьянства в Туве было выражено более резко, чем на Алтае, 2) процент бедноты в Туве был выше, чем на Алтае, зато процент высшей группы был ниже, чем на Алтае. Следовательно, переселение русских крестьян не принесло основной их массе избавления от нищеты и бедности, наоборот, оно способствовало крестьянскому расслоению.

В Туве шел усиленный процесс разложения крестьянства.

Процесс выделения бедноты в среде русского крестьянства усилился в последние годы русской колонизации Тувы, когда увеличился наплыв переселенцев. Как показывают приведенные выше материалы, беднота составляла от $^2/_5$ до $^3/_5$ всех крестьянских дворов в Туве. Среди нее имелся небольшой процент безлошадных, но более высокий процент беспосевных (5,7%) и еще более высокий процент бесскотных (10%). Сравнительно лучше она была обеспечена лошадьми.

В. И. Ленин, говоря об однолошадном крестьянине, пишет: «Если взять всю массу однолошадных, то несомненно, что это масса бедноты и нищеты. Однолошадный крестьянин сеет даже в земледельческих губерниях десятины три-четыре, редко пять; своим хлебом тоже не обходится» [143].

В Туве однолошадные и двухлошадные крестьяне являлись бедняками, так как их посевы были мизерны. Даже рогатый скот, которым они старались обзавестить, мало спасал положение. Он был худшего качества, чем у богатых, да и не мог заменить хлеба, который бедняку приходилось по сравнительно высоким ценам покупать на рынке.

В Туве, как это отмечается всеми путешественниками, прожиточный минимум был выше, чем в русских областях.

Крестьянин-бедняк Тувы должен был часто со своей лошадью итти в услужение к кулаку, как это делали, например, крестьяне Сосновки — И. С. Парклин, Казаков, Блинов, Астанин, Гурьянов и многие десятки и сотни других крестьян Тувы, имевшие либо всего по одной

---

[143] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 350.

лошади и ни посева, ни рогатого скота, либо одну лошадь и одну-две десятины посева.

Среднее крестьянство в Туве примерно в равной степени занималось земледелием, скотоводством, реже прибегало к охоте и рыболовству. Следует сказать, что в условиях Тувы, где были девственные почвы, обилие кормов и т. п., у русского середняка были некоторые перспективы разбогатеть, редко, впрочем, осуществлявшиеся.

Кулачество в Туве, как то можно видеть из таблиц, было менее многочисленно, чем в соседних русских областях Сибири. Составляя наименьшую группу крестьянских дворов, оно концентрировало в своих руках, как уже говорилось, наибольшее количество посевов, лошадей и крупного рогатого скота. Русские кулаки мало уделяли внимания земледелию, которым они занимались главным образом для того, чтобы обеспечить себя и своих батраков хлебом.

В Туве не было емкого хлебного рынка, а занятие земледелием требовало приложения значительных усилий и капитала, поэтому русский кулак в Туве энергично занимался скотоводством, рыбными промыслами, скупкой пушнины и скота, торговлей среди тувинцев и т. п. Большое место в хозяйстве кулака занимало мараловодство. Панты маралов чаще всего покупали китайские купцы или их перекупщики, уплачивая за это частично деньгами, частично товарами, которые русские кулаки перепродавали тувинцам.

Наиболее типичными для зажиточного хозяйства являлись такие, например, хозяйства, как хозяйство С. Ф. Потылицына, имевшего 20 десятин посева, 15 лошадей, 29 голов крупного рогатого скота и семь маралов, или хозяйство его сына Ф. С. Потылицына, у которого было 18 десятин посева, восемь лошадей, 17 голов крупного рогатого скота и 10 маралов. Не уступали или мало уступали этому хозяйству хозяйства и других сыновей С. Ф. Потылицына. Н. Е. Ведерников в 1918 г. посеял всего 4 десятины хлеба, но убрал сено с 40 десятин покоса, в его хозяйстве насчитывалось 80 лошадей, 60 коров, 40 овец и девять маралов. П. А. Жирнов посеял 2,7 десятины, имел 20 десятин покоса, 49 лошадей, 66 голов крупного рогатого скота, 15 овец, двух верблюдов и 13 маралов. Д. Н. Иванов посеял

в 1918 г. 23,3 десятины хлеба, собрал с 20 десятин сено и имел 25 лошадей, 50 коров и четыре марала [144].

Хозяйство кулака располагало лучшей для посева землей, как правило поливной; извлекая прибыль из скотоводства, кулак делал некоторые попытки к улучшению пород скота, кулацкое хозяйство было технически оснащено лучше, чем хозяйства остальных крестьян.

Многие крупнейшие русские предприниматели в Туве вышли из среды кулачества. Например, крупные торговцы и предприниматели Вавилины и Медведевы вышли из этой категории зажиточного крестьянства. Старики-русские еще и сейчас помнят о том, как основатель фирмы Медведевых сам разъезжал по Туве и скупал дохи у тувинцев, самолично грузил эти дохи на плоты и вывозил для продажи в Томск. Старики помнят, как Вавилин ходил по двору, подбирая обрывки веревок и нещадно ругая своих батраков за малейший промах в работе.

Однако в конкурентной борьбе немногие кулаки выбивались так, как это удалось Медведевым и Вавилиным. История хранит имена многих кулаков, павших в этой конкурентной борьбе. О них мы можем читать такие строки в наших документах. «Раньше всех на Уту,— пишет один из обследователей состояния крестьянства в Тодже,— поселился Васильев, он приехал сюда с Уса около 20 лет назад, прежде занимался торговлей с сойотами, теперь живет промыслом рыбы, по зимам добывает маралов, в настоящее время хозяйство его незавидное, имеет одну лошадь, дом, поставил 150 копен сена (в 1915 году)». Похожей была судьба Боярского на Кемчике и ряда других.

12. ЭКСПЛУАТАЦИЯ КУЛАКАМИ ТУВИНСКОЙ И РУССКОЙ БЕДНОТЫ

Откуда черпали свою рабочую силу русские кулаки в Туве? Имея десятки десятин посевов, сотни десятин покосов, большие стада скота, русский кулак нуждался в людях, которые могли бы ухаживать за скотом, обрабатывать землю, заготовлять сено. В предпринимательских и кулацких хозяйствах русских в Туве широко использовал-

[144] Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, Красноярск, 1921, стр. 150—151.

ся труд тувинских аратов. Тувинец-бедняк, потерявший скот, не мог рассчитывать на получение какой-либо работы у тувинского феодала и фактически нищенствовал. Поэтому он охотно шел работать к русскому зажиточному крестьянину. Работа на русского кулака в условиях патриархально-феодальных отношений Тувы была для арата-бедняка, лишенного скота, единственной возможностью улучшить свое положение. Ради справедливости следует указать, что жизнь тувинского батрака у русского кулака была даже лучше жизни у тувинского феодала. Нещадно эксплуатируя батрака, кулак был заинтересован в том, чтобы он работал лучше, и поэтому кормил его, пусть только хлебом, но досыта, в то время как эштенчилера или хулечека у тувинского бая держали впроголодь. Русский кулак нередко для поощрения давал тувинскому батраку и небольшое вознаграждение.

В качестве сезонных рабочих (при уборке урожая) тувинцы стали работать у русских кулаков в усинских селениях еще в 1870-х годах. Осташкин в 1885 г. насчитал в с. Усинском 40 таких тувинцев-батраков [145]. Труд их оплачивался ниже, чем труд русских рабочих. Так, в 1887—1889 гг. русскому поденщику на полевых работах усинские кулаки платили в день 60—65 коп., а тувинцу — 20—40 коп. [146]

Русский кулак не мог обойтись эксплуатацией одних лишь тувинских батраков, он широко использовал труд русских батраков и бедноты. В Уюке в 1913 г. официально числилось 20 батраков, а в действительности их было больше. Почти в каждой русской деревне были батраки. Еще шире использовался труд бедного крестьянина.

Дороговизна жизни в Туве отражалась и на том, что оплата труда была там сравнительно выше, чем в русских пограничных областях. Но оплачивая выше батрака, русский кулак в Туве и выжимал из него все, что можно было выжать.

Положение батрака было несколько лучше, чем бедняка, и это характерно не только для Тувы, но и для сельскохозяйственного наемного труда всей России. В. И. Ленин, анализируя бюджеты батрака и бедняка, пришел к выводу,

---

[145] ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 203, д. 416, л. 78.
[146] Там же, ф. 25, оп. 9, св. 210, д. 382, л. 25.

что «по своему жизненному уровню однолошадные и безлошадные крестьяне стоят *не выше батраков,* приближаясь даже скорее к minimum'у жизненного уровня батрака» [147].

На почве социального неравенства и жестокой эксплуатации батрака и бедняка нарастала ненависть низших слоев к высшим, нашедшая свое наиболее глубокое выражение в годы гражданской войны в борьбе партизанских отрядов против кулацких банд.

13. ПОРАЙОННЫЙ ОБЗОР РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТУВЕ

Тоджинский район

Тоджа, как говорилось выше, являлась одним из старейших районов заселения русских, но колонизация ее никогда не была массовой. Русское население вело здесь заимочное хозяйство. Заимки одиночно или небольшими группами были разбросаны на большом пространстве Тоджи. Место для заимки выбиралось обычно в зависимости от целей и занятий переселенцев. Охотник селился поблизости от тайги, где много зверя, скотовод — на пойме рек с богатой травянистой растительностью, торговец-скупщик — поближе к стойбищам тувинцев. Подавляющее большинство русских заимок отличалось зажиточностью, среди них выделялись своим богатством заимки русских купцов и предпринимателей, которые с давних пор торговали с тоджинцами и фактически полностью их закабалили. Грумм-Гржимайло в своей работе дал перечень этих заимок, но не указал на занятия заимочников и на экономическую мощность их хозяйств [148].

По данным переселенческого управления, известны следующие заимки русских колонистов в Тодже. В урочище Толбы были три русские заимки, принадлежавшие купцам Сафьянову, Мозгалевскому и Петрову, крупным собственникам и торговцам [149].

---

[147] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 137.

[148] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 2, стр. 577—587.

[149] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 32. В отчете заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае за 1915 г. ошибочно указано шесть хозяйств на Толбе (ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 3).

Вторым средоточием русских заимок в этой части Тоджи являлась Тере-Хемская (или Терекульская) группа, расположенная по соседству с первой. В ней числилось пять заимок. Экономическая обеспеченность заимок была неодинакова (табл. 11).

Таблица 11 [150]

Заимочники	Количество населения	Сенокосов (дес.)	Лошадей (голов)	Рогатого скота (голов)	Торговый оборот (в руб.)
Песков	2	13	12	27	600
Пастухов . . .	4	15	21	20	600
Синицын . . .	2	7	4	15	250
Кольцов . . .	9	14	27	38	1500
Худяков . . .	4	5	3	3	—

В данных переселенческого управления не указано еще одно очень важное занятие — рыболовство. По сведениям топографов братьев Рогалинских эти заимочники ежегодно вывозили для продажи в Минусинск от 300 до 500 пуд. рыбы [151]. Следовательно, в районе Терекуля кулаки-заимочники сочетали занятие скотоводством с торговлей рыбой с Минусинском и торговлей с тувинцами-тоджинцами, которые довольно густо (по масштабам Тувы) заселяли весьма пригодную для скотоводства Терекульскую степь (площадью до 100 кв. км). Наши источники ничего не говорят о количестве батраков, работавших на кулаков-заимщиков, но они должны были быть, потому что, например, Пескову, жившему вдвоем с женой, нельзя было вести свое сравнительно большое хозяйство своими собственными силами. Дело здесь, конечно, не обходилось без использования батраков из русских.

Третьим средоточием русских торговых заведений и заимок было устье Тере-Хема. Здесь развернули свою деятельность крупнейшие торговцы (табл. 12).

[150] ГАНО, ф. 47, д. 60, л. 32.
[151] Там же, л. 44.

Таблица 12 [152]

Заимочники	Количество населения (человек)	Покосов (десятин)	Лошадей (голов)	Крупного рогатого скота (голов)	Годовые торговые обороты (в руб.)
Сафьянов А. П. . .	3	56	35	102	4000
Кокуев	6	30	81	90	6000
Братья Скобеевы . .	1	1	1	3	—

«Бедность» Скобеевых не должна смущать нас, так как это только одна из заимок братьев Скобеевых, торговые обороты которой к тому же совершенно не учтены обследователями.

Четвертая группа русских заимок была расположена в устье Хамсары (табл. 13).

Таблица 13 [153]

Заимочники	Количество населения (человек)	Пашни (в десятинах)	Покосов (в десятинах)	Лошадей (голов)	Крупного рогатого скота (голов)	Годовой торговый оборот (в руб.)
Лобанов	4	33	68	95	5	5000
Стропов	5	10	8	15	— —	250
Скобеев	8	10	8	21	— —	— —
Пышев	8	1	1	3	— —	—

К этим заимкам следует прибавить еще два хозяйства — Широкова и Ефанова,— о которых известно, что они существовали в 1914 г., но сведений о них у нас нет. Все эти заимки носили название поселка Хамсара, под этим наименованием они и встречаются в источниках [154].

[152] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 32. Г. Е. Грумм-Гржимайло (указ. соч., т. III, вып. 2, стр. 583) упоминает еще заимку Садовского, но у нас нет никаких данных, подтверждающих наличие этой заимки в 1915 г.

[153] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 32.

[154] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 2, стр. 583.

Заимка кулака-ростовщика на Хамсаре

В этом же районе располагалось русское сел. Джебаш; по данным Ермолаева, в нем было всего лишь два дома — Нефедова и Дорофеева. Дорофеев имел 12 десятин покоса, 18 лошадей и 17 коров, торговый оборот его составлял 1500 руб. Хозяйство Нефедова было менее мощным: 5 десятин покоса, лошадь и 16 голов рогатого скота [155].

Наибольшее количество заимок русских было расположено по р. Систи-Хему и ее притокам (табл. 14).

Часть этих заимок послужила основанием для образования поселка Систи-Хем, жители которого занимались, помимо скотоводства, частично торговлей, рыболовством, вылавливая в год до 800 пуд. рыбы (главным образом хариуса, ленка), и охотой в радиусе 10 км от поселка; в 1915 г. они добыли около 300 белок и до 100 горностаев и колонков [156].

Группы этих заимок носили иногда общие названия, например Усть-Систи-Хем, Усть-Алгияк и другие, но у нас нет никаких экономических данных об этих поселках.

---

[155] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 32. Рыболовство здесь также играло большую роль (ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 43. По этим же сведениям в поселке было не два, а три хозяйства).

[156] Там же, л. 42.

Таблица 14 [157]

Заимочники	Количество населения (человек)	Покосов (десятин)	Лошадей (голов)	Крупного рогатого скота (голов)	Торговые обороты (в руб.)
Пышев	5	7	4	5	—
Калинин	5	10	21	23	600
Посохин	5	5	2	6	—
Жерденский	5	7	1	7	500
Селин	5	10	4	12	—
Попова	Свед. нет				
Сухомлин	6	17	8	21	—
Чистяков	9	17	9	20	—
Мартынов	2	16	9	21	1000
Корюшкин	8	10	5	6	—
Скобеев И. С.	23	36	9	7	—
Левицкая	6	12	3	16	—

Таблица 15

Крестьянские общества	Количество дворов	Население (человек)	Пашни (десятин)	Лошадей (голов)	Рогатого скота (голов)	Маралов (голов)	Овец и коз (голов)	Торговый оборот (в руб.)
Карагашское	20	100	15,75	275	334	91	19	1 000
Тоджинское	33	184	5	547	486	781	108	28 800
Приисковые	—	11	—	—	5	5	—	—
Всего	53	295	20,75	822	825	877	127	29 800

По более проверенным, хотя и неполным данным Ермолаева, русское население Тоджинского района расселялось в двух поселках и 36 заимках. Он насчитал там всего 83 хозяйства [158]. Грумм-Гржимайло полага-

[157] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 32.
[158] Там же, л. 31.

Река Ут

ет, что сведения Ермолаева неполны даже по количеству заимок и поселков, и увеличивает количество русских населенных пунктов до 54 [159]. У нас нет оснований отдавать предпочтение подсчетам Грумм-Гржимайло, вообще склонному преувеличивать значение русской колонизации Тувы [160].

В таблице 15 мы приводим сведения о хозяйствах русских в Тодже по данным Ермолаева.

Этот обзор состояния русской колонизации Тоджи показывает, что крестьянское население сравнительно мало проникало в этот район из-за его непригодности для земледелия при тогдашней технике землепашества. Земледельческие опыты в Тодже русские стали делать, видимо, в конце 90-х годов или в самом начале 900-х годов, но ранние заморозки и росы мешали хорошему урожаю, как

---

[159] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. III, вып. 2, стр. 585.

[160] Так, например, Грумм-Гржимайло пишет: «Джабаш — усадьбы Дорофеева, Нефедова и др.» (указ. соч., т. III, вып. 2, стр. 583), а это постоянно им употребляемое «и др.», значило всего одно хозяйство.

говорили сами крестьяне, а если хлеб и урождался, то «солома у него хорошая, а зерно плохое».

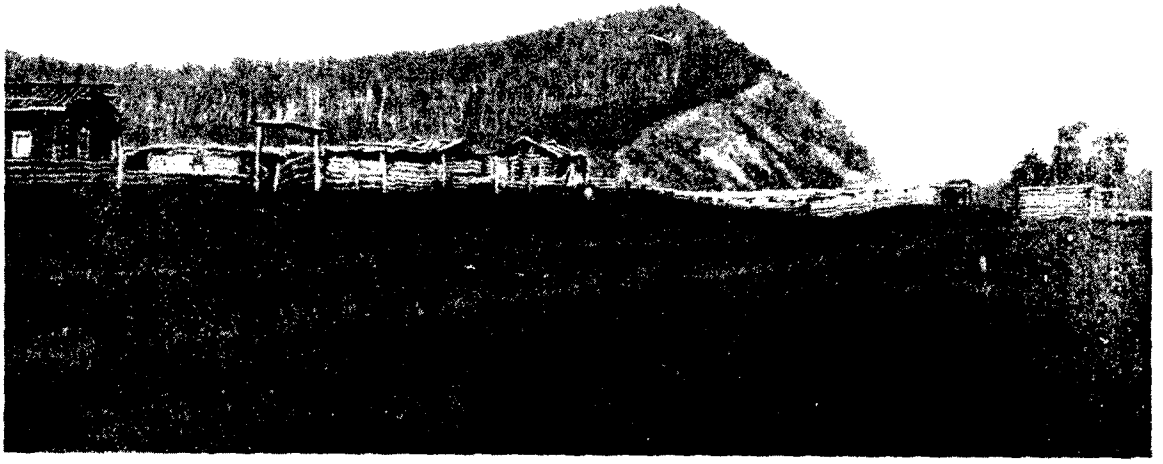
Хлеб в Тодже не вызревал, а потому скотоводство было там основным занятием русских жителей, совмещаемым ими с рыболовством и охотой. Однако и для развития скотоводства особенно больших перспектив не имелось, единственным потребителем скота и его продуктов могли быть немногочисленные прииски, вывоз же в другие районы при бездорожье был невозможен. Район Тоджи представлял собой объект энергичной торговой деятельности ростовщиков-кулаков. Маломощный крестьянин в Тодже поддерживал свое существование скотоводством, рыболовством и охотой и вынужден был прибегать к рынку для покупки хлеба и других необходимых ему съестных припасов и к временной продаже своей рабочей силы (иногда со своим рабочим скотом). Кулак же из русских соединял занятия скотоводством с промышленным разведением маралов и торговлей с тувинцами, конкурируя в последнем отношении с купцами-ростовщиками и скупщиками. Кулак широко пользовался трудом русских и тувинских бедняков и батраков.

Турано-Уюкский район

Основным и старейшим районом русской колонизации был Турано-Уюкский район.

В то время как в районе Тоджи на 2400 тувинцев приходилось примерно около 300 русских, т. е. тувинцев было в 8 раз больше, чем русских, в Турано-Уюкском районе русское население если и не преобладало над тувинским, то во всяком случае было не малочисленнее его (в этом районе жили тувинцы сумонов Маады и Чооду, они в общей сложности имели 300 юрт и 1200 человек жителей).

В районе было два крупных села — Туран и Уюк и поселки Гагуль, Тарлык и Оюн-Шива, а также большое количество заимок и торговых заведений (свыше 30). Главным занятием русского населения в районе было земледелие и скотоводство, помимо этого, кулацко-зажиточная часть занималась мараловодством и торговлей. Основная масса крестьян являлась старожилами, хотя и новоселы составляли в районе значительный процент.

Поселок Карагаш, 1915 г.

О соотношении старожилов и новоселов и о вселении русских в этот район дает представление таблица 16, составленная на основании материалов переселенческой организации [161].

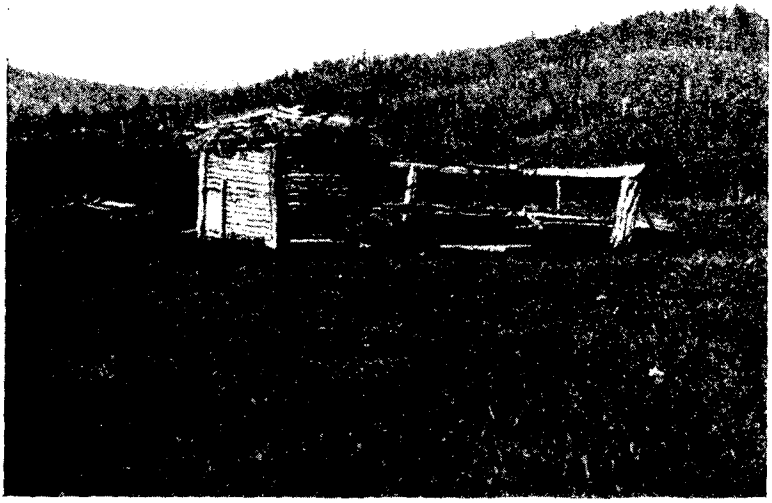
Таблица 16

Годы вселения	Количество хозяйств
1880—1885	5
1886—1890	14
1891—1895	13
1896—1900	14
1901—1905	20
1906—1910	101
1911—1915	69

Эти данные можно принять только весьма условно, если учесть, что по другим источникам, уже в конце прошлого столетия количество домов в районе превышало четыре десятка. Правда, при этом следует иметь в виду, что Турано-Уюкский район был как бы транзитным пунктом переселения в Туву: вся или почти вся масса русских колонистов в Туву прошла через Туран и Уюк, часть из них проходила не задерживаясь, а другие останавливались здесь на несколько лет, но после этого также уходили. Известно много случаев, когда старожилы выселялись из Турана и Уюка в новые места под давлением все прибывающих переселенцев, так что в конечном итоге может быть, что к 1915 г. картина соотношения старожилов и новоселов была такова, как ее рисуют вышеприведенные цифры.

В 1915 г. в этом районе на 236 хозяйств приходилось 1556,8 десятины поливной и 756,4 десятины неполивной земли, под посевом находилось 1347,1 десятины, из них под пшеницей — 686,6 десятины, ярицей — 226,9 десятины, овсом — 269,9 десятины, рожью — 119,7 десятины, ячме-

[161] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 5.

Конная мельница в поселке Себи

нем — 40 десятин и остальным хлебом — 40 десятин. Под поливным сенокосом находилось 2460,8 десятины и степных (неполивных) сенокосах — 1221,7 десятины. В районе насчитывалось 5603 лошади, 6039 голов рогатого скота, 3456 голов овец и 167 свиней, 744 марала.

Уже говорилось, что население Туран-Уюкского района в основном занималось скотоводством и земледелием. Однако при изучении социального состава населения этого района резко бросается в глаза наличие большой группы лиц, занятых ремеслом и разного рода промыслами. О неземледельческих занятиях жителей этого района можно судить на основании данных по с. Турану на 1915 г., которые нам удалось извлечь из разных документов. По этим данным, Туран в 1915 г. имел:

Кузнецов	4	Катанщиков	2
Плотников	7	Звероловов	3
Торговцев	3	Пасечников	1

Овчинников	2	Рыболовов	1
Чернорабочих	9	Охотников	14
Столяров	1	Мельников	1
Сплавщиков леса	13	Печников	1
Пильщиков	2	Извозом занимался	1
Пастухов	1		

Наличие такого большого количества людей, занимавшихся в одном селе разного рода ремеслами, промыслами и т. п., говорит не только о выгодности подобного рода занятий, но и о невозможности для многих крестьян приложить свой труд в земледелии и скотоводстве.

Маломощному крестьянину было не по силам оросить те участки земли, которые он получил или приобретал. Поэтому бедняки прибегали к промыслам, которые постепенно становились для одних основным занятием, а у других сочетались с земледелием и скотоводством. В указанном перечне мы легко можем определить группу чернорабочих. Чернорабочие — это батраки, работающие на кулака и предпринимателя-купца. К батракам нужно причислить и пастуха, который, конечно, был не единственным в Туране. Обращает на себя внимание большая группа сплавщиков леса; хотя среди них есть, видимо, и лоцманы — привилегированная часть сплавщиков леса, но большинство тоже чернорабочие.

Следовательно, здесь обнаруживается резкое классовое расслоение. С одной стороны, Родион Васильевич Вавилин — потомок усинского странноприимца — первый богач в Туве, владелец тысяч голов скота, нескольких заимок, торговых заведений, эксплуататор даже в оценке усинского пограничного начальника Чакирова, а с другой стороны — батрак Дьяков, работающий на кулака Ширкина, или Бабкин, работающий на кулака Черноусова. Ни у Дьякова, ни у Бабкина, кроме личной одежды, нет никакой собственности.

В Турано-Уюкской русской деревне шел процесс классового расслоения. Это можно видеть на примере с. Уюка и прилегающих к нему заимок, сведения о которых относятся к 1913 г.

Если принять за наименьший размер посева на хозяйство 3 десятины, что можно считать в условиях Тувы бедным хозяйством, размер посева от 4 до 10 десятин за сред-

нее хозяйство, а посев выше 10 десятин за хозяйство зажиточного крестьянина и кулака, то картина социального расслоения крестьян с. Уюка будет иметь указанный в таблице 17 вид.

Таблица 17

Группа	Дворов	в %	Посев (десятин)	в %	Лошадей (голов)	в %	Крупного рогатого скота (голов)	в %
Бедная . .	55[162]	55,6	76	18,7	213	36,8	209	25,5
Средняя . .	38	38,4	213	52,3	278	47,9	368	46,7
Кулаки . .	6	6	118	29	89	15,3	218	27,8
Всего	99	100	407	100	580	100	795	100

Это значит, что почти $^3/_5$ крестьянских дворов имели $^1/_5$ всего посева (в среднем по 1,4 десятины на двор), $^2/_5$ лошадей и одну четверть крупного рогатого скота, в то время как кулацкая часть, составляющая немногим более $^1/_{16}$ всех крестьянских дворов, имела немногим менее трети всего посева хлеба, $^1/_7$ лошадей и более четверти скота. Следовательно, шесть многопосевных крестьянских кулацких дворов имели в полтора раза больше посева, чем 55 бедных по посеву крестьянских дворов, на несколько голов больше рогатого скота и только лошадей в два с половиной раза меньше. Вне всякого сомнения, эти данные подчеркивают резкую дифференциацию уюкского крестьянства по посеву.

Для уточнения этого вопроса попытаемся разобраться в распределении между крестьянскими хозяйствами рабочего скота — лошадей (табл. 18 на стр. 442).

Эта таблица показывает, что $^2/_5$ маломощных хозяйств (в среднем при двух лошадях на двор) имели менее $^1/_{10}$ лошадей, около $^1/_6$ посева и менее $^1/_{10}$ стада рогатого скота и маралов. В то же время группа многолошадных крестьян (в среднем при 15—16 лошадях на двор), составляющая $^1/_6$ крестьянских дворов, сосредоточила в

[162] Из них 17 хозяйств совсем не имели посева.

Таблица 18

Группа	Дворов	в %	Лошадей (гол.)	в %	Посев (десятин)	в %	Крупного рогатого скота (голов)	в %	Маралов (гол.)	в %
Хозяйства без лошадей и до трех лошадей	38	38,4	50	9,1	59,5	14,6	74	9,4	8	9,3
Хозяйства, имеющие с 4 до 10 лошадей	46	46,5	265	48,2	204,5	50	355	45,2	6	7
Хозяйства, имеющие свыше 11 лошадей	15	15,1	235	42,7	143	35,4	357	45,4	72	83,7
Всего	99	100	550	100	407	100	786	100	86	100

своих руках $^2/_5$ всех лошадей села, больше трети посева и почти половину рогатого скота при монопольном владении маральниками. Таким образом, группа кулаков (а мы в эту группу не включаем таких скотовладельцев, как Вавилин, Сафьянов и другие, которых следует отнести к своеобразным капиталистам-аграриям), по числу дворов в два с половиной раза меньшая, чем группа бедняков, располагала количеством лошадей, более чем в 3 раза превосходящим количество лошадей бедняков, имела в 3 раза больший посев, в 5 раз больше скота и в 9 раз больше маралов.

Для правильного представления о хозяйстве русских крестьян с. Уюка приведем данные о распределении между ними рогатого скота (табл. 19).

Эти цифры показывают, что почти половина крестьянских дворов, менее обеспеченных скотом, имела всего лишь $^1/_{12}$ всего рогатого скота (каждый двор имел в среднем одну-две головы), менее четверти посева и общего количества лошадей и $^1/_{10}$ маралов. В то же время $^1/_5$ хозяйств владела почти $^2/_3$ всего рогатого скота, более чем третью посева и почти половиной общего количества ло-

Таблица 19

Группа	Дворов	в %	Крупного рогатого скота (голов)	в %	Посев (десятин)	в %	Лошадей (гол.)	в %	Маралов (гол.)	в %
Хозяйства без рогатого скота и имеющие до трех голов	46	46,5	62	7,8	91,5	22,3	133	23	8	9,3
Хозяйства, имеющие от 4 до 10 голов	34	34,3	217	27,7	145,5	35,9	208	35,8	34	39,5
Хозяйства, имеющие 11 голов и более	19	19,2	507	64,5	170	41,8	239	41,2	44	51,2
Всего	99	100	786	100	407	100	580	100	86	100

шадей. В ее руках было сосредоточено больше половины маралов.

Основной вывод, который вытекает из этих статистических данных, заключается в том, что крестьянство с. Уюка разделялось на несколько отличавшихся друг от друга по своему материальному и социальному положению групп. Беднейшая часть крестьянства, составлявшая 40—50% всего числа хозяйств, имела недостаточно земли, слишком мало лошадей и рогатого скота, чтобы в условиях Тувы более или менее сносно существовать с семьей. Из этой группы в особо тяжелом положении находилась группа в 15—20% хозяйств, совершенно не имевших посевов и рогатого скота и владевших одной-двумя лошадьми, с которыми они прирабатывали у состоятельных и зажиточных крестьян. Мы располагаем сведениями о том, что в 1915 г. в Уюке постоянно работало до 20 батраков, например у Вавилина их было пять, у Черноусова, Шепелина и других кулаков и предпринимателей — по одному. Однако эти сведения преуменьшены. Так, например, бывшие батраки Черноусова говорили нам, что у Черноусова работало, помимо сезонных работ-

ников, по два и даже по три постоянных батрака. Во всяком случае и в Туране, и в Уюке имелись более или менее постоянные кадры батраков, притом батраков из русских крестьян; что же касается батраков из тувинцев, то на этот счет у нас нет никаких данных.

Кулацкая прослойка в Уюке колебалась от 6 до 19%. Она сосредоточила в своих руках основную массу скота, посевов и вела торговлю как с тувинцами, так и с русскими крестьянами.

Уюкское крестьянство, как можно видеть из таблицы 17, задыхалось от земельной тесноты. Это подтверждается общим средним размером запашки — 4,1 десятины на двор. Хотя пространства, пригодные для земледелия, в Турано-Уюкском районе считались необъятными, средние размеры запашки здесь были не выше, чем в малоземельных районах России, и, несомненно, ниже обычной сибирской средней запашки на двор. Кулацкая старожильческая верхушка деревни захватила в свои руки лучшие орошаемые земли. Вот почему аграрные противоречия приобрели здесь, так же, как и в Туране, очень острый характер.

Показательно, что в селе было мало безлошадных и даже одполошадных (всего 8% при наличии у них в среднем на двор по 1,5 десятины посева и по одной корове).

Мелкий скот не играл существенной роли в русском крестьянском хозяйстве, в противоположность хозяйству тувинцев, где он преобладал над другими видами рогатого скота.

Весьма любопытно наблюдать распределение маралов среди различных социальных групп Уюка. Известно, что мараловодство было чисто товарным видом производства, поэтому содержанием и разведением маралов занимались предприниматели и крупные кулаки. Данные наших таблиц показывают, что мараловодство было специфическим занятием крупных скотовладельцев [163]. Третья группа по лошадям (см. табл. 18) владела 83% всех маралов; 51,2% маралов владела третья группа по рогатому скоту (см. табл. 19); третья, высшая группа, по посеву имела лишь

[163] Весьма характерно, что русские переселенческие органы в целях поощрения развития мараловодства в Туве запрещали облагать владельцев маралов сборами и повинностями (ГАНО, ф. 47, д. 243, л. 10).

31,5% всех маралов, т. е. меньше трети и меньше, чем первая, низшая группа (по посеву).

Крестьянство Турано-Уюкского района обладало в сравнении с другими районами Тувы большим количеством сельскохозяйственных орудий. По данным переселенческого управления, в этом районе в 1915 г. было: один кукольтборник, одна сноповязалка, 26 жаток, 62 сенокосилки, 67 граблей, 241 плуг (на 236 хозяйств), 743 бороны, 49 веялок, 12 сортировок, 15 молотилок, 10 сеялок, 22 сепаратора, две маслобойки и одна соломорезка. Для своего времени это была значительная техника, и нельзя не понимать, что отсталой технической основе тувинского земледелия, где основными орудиями производства являлись первобытный андазын и волокуша из караганника, противопоставлялась в русском земледелии более сложная техника сельскохозяйственного производства. И появление такой техники в условиях Тувы имело, несомненно, революционизирующее значение для тувинского производства.

Можно было бы привести много фактов, показывающих проникновение русской техники в тувинское земледелие. Тувинцы нередко арендовали сельскохозяйственные орудия у русских за землю для посева. Некоторые подобные сделки оформлялись документом. Вот, например, удостоверение на монгольском языке, выданное Салчакским сумонным начальством одному из русских крестьян.

Удостоверение

Выдано сие чиновником Салчакского сумона в том, что действительно нашего Салчакского сумона Дарга Ширнин сговорился с русским Ефимом, проживающим в Белоцарске и взял у него для хлебопашества плуг и борону, а вместо этого Ефим возьмет две десятины для хлебопашества, о чем и взял соответствующее от нас чиновников удостоверение [164].

Но в чьих руках сосредоточивалась эта техника? Кто являлся ее владельцем, кто с ее помощью повышал производительность труда? Об этом нам дают представление статистические материалы, собранные Ермолаевым.

[164] ГАНО, ф. 57, д. 478, л. 1.

Оказывается, что в хозяйстве наиболее крупных предпринимателей — Вавилина, Сафьяновой, Медведева, и Шепелина — находились один кукольтборник, одна сноповязалка, восемь жаток, 18 сенокосилок, 17 граблей, 74 бороны, шесть веялок, две сортировки, пять молотилок, пять сеялок, четыре сепаратора и одна маслобойка. Это значит, что наиболее крупные хозяйства предприниматели фактически владели самыми сложными сельскохозяйственными орудиями (кукольтборник, сноповязалка, маслобойка). Им принадлежала треть всех жаток, $^1/_8$ веялок, $^1/_6$ всех сортировок, треть молотилок, половина сеялок, почти $^1/_5$ сепараторов, половина маслобоек.

После указанной группы купцов-предпринимателей наибольшее количество сельскохозяйственных машин было сосредоточено у кулаков хуторян. 49 хозяйств, расположенных на хуторах, имели в своих руках столько же жаток, сколько весь Туран (84 хозяйства), они имели почти в 2 раза больше сенокосилок, чем крестьянские хозяйства Турана и Уюка вместе взятые (144 двора), и т. д.

Мы, к сожалению, не имеем точных сведений о распределении остальных сельскохозяйственных орудий между крестьянами, но, как свидетельствуют общие указания, найденные в архивах, и как в своих воспоминаниях рассказывают бывшие батраки и бедняки, наибольшая часть машин принадлежала кулачеству, имевшему средства для их приобретения, и получавших, помимо того, льготы для покупки сельскохозяйственных орудий от переселенческой организации.

Сельскохозяйственные орудия являлись одним из источников обогащения сельской буржуазии, одним из способов закабаления бедноты, которая вынуждена была прибегать к аренде машины у кулака и предпринимателя за неимением своей.

Русское кулачество в Уюке не только располагало сложной сельскохозяйственной техникой, но и владело орошаемыми землями и лучшими пастбищами. Уюкские кулаки имели большие маральники. Площадь маральника и количество маралов очень показательны для размеров торговых операций сельской буржуазии. Крупные тураноуюкские кулаки имели такие маральники: Осипов по р. Ходан — маральник в 5 десятин; Дерягин по р. Азюн —

Поселок Тарлык

маральник в 25 десятин, Михайлов Ф. на В. Азюта — маральник в 15 десятин, Медведев Ф. — маральник в 2 десятины, Вавилин в урочище Тытрах — маральник в 50 десятин, Известьев на правом берегу Уюка — маральник в 12 десятин, Ведерников в урочище Кошней — маральник в 7—8 десятин, Панфилов Г. — маральник в 6 десятин, Иванов Д.— маральник в 7—8 десятин и т. п. [165]

Кулаки продавали рога маралов скупщикам или непосредственно китайским купцам и доверенным их фирм на деньги или товары, нужные тувинцам.

Большое место в торговле кулака занимала продажа скота и торговля с тувинцами. Рогатый скот из Тувы вывозился на рынки Иркутска [166], а также в Минусинск и на золотые промыслы. Скот русских кулаков из Тувы очень часто попадал на золотые прииски северной енисейской системы. Отдельные кулаки продавали до нескольких сот голов рогатого скота в год. Мы не говорим о Вавилине, который нередко выгонял в Иркутск для продажи тысячи голов скота. Например, братья Шепелины в 1915 г. угнали из туранской степи на продажу до 600 голов скота [167]. Ф. И. Медведев в этом же году продал 121 быка в Иркутске [168] и т. д.

Значительные богатства были сосредоточены у крупных предпринимателей. Так, Сафьяновой в Турано-Уюкском районе принадлежало 80 десятин поливной пашни, 400 десятин поливных сенокосов, в ее стадах паслось 2266 лошадей, 180 голов рогатого скота, 150 овец, 39 маралов; Шепелину — 16 десятин поливной пашни, 267 десятин степных покосов, 280 лошадей, 780 голов рогатого скота, 100 овец и коз, 35 маралов; Медведевой — 46,6 десятин поливной пашни, 320 десятин поливных покосов, 536 лошади, 310 голов рогатого скота, 8 свиней и 8 рогатого скота, 220 овец, 36 свиней; Медведеву — 120 десятин поливной пашни, 320 десятин поливных покосов, 563 лошади, 310 голов рогатого скота, 8 свиней и 8 маралов; Вавилину — 200 десятин поливной пашни,

---

[165] ГАНО, ф. 47, д. 29, лл. 146, 147, 150, 151, 153, 155.

[166] Перед войной, по данным Островских, этим путем вывозилось в Иркутск 5—5,5 тыс. голов скота (Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1913, стр. 25).

[167] ГАНО, ф. 47, д. 29, л. 146.

[168] Там же, л. 150.

320 десятин поливных покосов, 121 лошадь, 696 голов рогатого скота, 95 маралов.

Из этих данных видно, что пяти крупным предпринимателям принадлежало около одной трети всей поливной пашни района, более половины всех поливных покосов, почти $^3/_4$ всех лошадей, около половины рогатого скота, четвертая часть маралов.

Следовательно, хозяйство зажиточного русского крестьянина в Турано-Уюкском районе в значительной мере потеряло свой натуральный характер, кулак продавал свои продукты, приобретал сельскохозяйственные орудия в целях увеличения своих доходов, часто прибегал к найму труда как среди тувинского, так и среди русского населения. Это было хозяйство капиталистического характера.

Бедняцкое хозяйство русского крестьянина в Турано-Уюкском районе было типичным для всей русской крестьянской бедноты в Туве; оно так же, как и хозяйство зажиточного, было связано с рынком, но не по линии продажи своего скота, а больше всего по линии продажи своей рабочей силы. Не имея достатка в необходимых продуктах, бедняк был вынужден наниматься на всякого рода работы: на сплав леса, в рыболовецкую артель, на покос, на уборку хлеба у богатого, на золотые прииски и т. п. Промыслы и батрачество были теми каналами, которые связывали бедняка с рынком, и рынок чем дальше, тем все больше втягивал его в свою орбиту. Бедняк в большинстве случаев не имел земли или имел ее в небольшом количестве и без орошения. Изнурительный труд оказывался в силу климатических условий безрезультатным, и неурожай гнал бедняка со своей лошадью на работу к кулаку, на охоту в тайгу, на рыбные промыслы и т. п.

Слой средних крестьян в Туве был довольно значительный. Ведя натуральное хозяйство и стремясь его расширить, это крестьянство в большинстве случаев не выдерживало конкуренции с зажиточным крестьянином и кулаком и, правда, медленно, беднело.

Улуг-Хемский район

Этот район Тувы мало заселялся русскими крестьянами. Здесь развертывалась торговая деятельность русских купцов. В этом же районе в 1914 г. переселенческая

организация основала г. Кызыл (Белоцарск в официальном названии русской администрации). Кроме «Города», как чаще и проще называли это поселение в те времена, в районе существовали русские поселки, выросшие вокруг купеческих торговых заведений: Джакуль (Чаахоль), Ирбек, Шагонар, Усть-Баянкол, Салдам и Булук; они только в некоторой мере были заселены русскими крестьянами, занимавшимися земледелием и скотоводством. Из этих поселков довольно быстро рос Шагонар, за короткий срок превратившийся в сравнительно крупное село. Помимо поселков, в районе было несколько десятков торговых заведений и заимок, среди них три торговых заведения и заимки Сафьянова, затем заимки купца М. Вильнера, Вавилина, Дейзаревича, Шепелина и заимки торгующих крестьян Артамонова, Дерягина и других — всего около 30 заимок. В 1915 г. у крестьян этого района было 435,8 десятины пашни, 479,4 десятины покосов, 1770 лошадей, 1943 головы рогатого скота, 1706 овец и коз, три свиньи и 35 маралов. Общие торговые обороты местных купцов определяются в 422 800 руб. Экономическое положение русского населения в этом районе слабо документировано материалами, поэтому судить о нем очень трудно. Некоторое косвенное указание на социальное неравенство жителей поселка Джакуль дает раскладочный приговор по селению на 1915 г. Этот приговор дает следующую картину по общественным платежам, установленным в соответствии с доходами жителей селения:

Сумма взноса (в руб.)	Количество плательщиков	
1—2	19	
3—4	8	
5—10	10	
10—25	6	
25 —50	2	
50—100	1	М. Вильнер — 91 руб. 70 коп.; Медведев — 122 руб.; Вавилин — 190 руб.
Св. 100 [169]	2	

Мы видим, что 55% плательщиков платили до 4 руб., 21% — от 4 до 10 руб., 24% — более высокие суммы. Мож-

[169] ГАНО, ф. 47, д. 211, лл. 54—55.

Долина Малого Енисея

но без большой ошибки считать первую группу беднейшей частью населения, а последнюю — богатейшей его частью.

Малоенисейский (Каа-Хемский) район

Малоенисейский, или Каа-Хемский, район вместе с Турано-Уюкским и Элегестинским районами является основным районом крестьянского вселения в Туву. В отличие от Турано-Уюкского района, он был более крестьянским в том смысле, что здесь почти не было или было мало торговых заимок и заведений, а самое главное, здесь почти не было крупных хозяйств с широкими предпринимательскими тенденциями и размахом типа Сафьянова, Вавилина, Медведева и др. Ко времени революции здесь было свыше десятка русских сел и поселений: Хлебникова, Максимовка, Грязнухина, Даниловка, Бояровка, Макеевка, Медведевка, Шан, Федоровское, Щербаковское, Знаменка. Последняя была одним из крупнейших сел в Туве. Заимок было меньше десятка: Сельдемешева, Матонина, Скобеева, Муромцева, Сафронова и др. Боль-

шая часть крестьян этого района были старообрядцами (141 хозяйство из 243). В других районах Тувы старообрядцы составляли от 10 до 30% крестьян.

По материалам обследования русской переселенческой организации, в районе было 243 крестьянских хозяйства, т. е. больше чем в Турано-Уюкском районе (236 хозяйств). Землепашество играло весьма существенную роль в хозяйстве малоенисейского крестьянина. Русскими крестьянами на Енисее за короткий срок было разработано 1684,6 десятины земли, из которых $^3/_5$ орошались, а $^2/_5$ не орошались (995,6 десятины и 689 десятин)[170], под сенокосом находилось 441,2 десятины поливной и 215,9 десятины неполивной земли. Им принадлежало 1296 лошадей, 1849 голов рогатого скота, 1020 овец, 61 свинья, 141 марал. Неполивная пашня преобладала в поселениях Даниловке, Щербаковском, Хлебниковой, Медведевке, а в остальных поливной земли было больше, чем неполивной. В Бояровке и Федоровском почти совершенно не было неполивного земледелия.

Вместе с землепашеством существенную роль, как и во всех русских крестьянских хозяйствах Тувы, играло скотоводство. У малоенисейских крестьян было 1276 лошадей, 1908 голов крупного рогатого скота, 1015 голов мелкого скота и 139 маралов. Мараловодством занимались главным образом крестьяне Знаменки, Грязнухиной, Макеевки.

Экономическая состоятельность отдельных селений и деревень была неодинаковой. Это можно в общих чертах видеть из таблицы 20.

Эти данные весьма показательны. В целом средний посев на хозяйство, достигавший в общем 7,6 десятины, был выше, чем в Турано-Уюкском районе, где он составлял 4,1 десятины (по с. Уюк), и Улуг-Хемском (тоже 4,1 десятины).

Из всех малоенисейских поселений наибольшей зажиточностью выделялись крестьяне Макеевки, Шана, Грязнухиной, а сравнительно малой зажиточностью — крестьяне селений Хлебниковой и Медведевки.

Это различие в экономической состоятельности отдельных сел объясняется рядом причин, а именно: первоначальной мощностью хозяйств переселенцев, природными

[170] ККМ, № 46, л. 231.

Село Знаменка. 1908 г.

Таблица 20

Поселение	Пашни (десятин)		В среднем на один двор голов			
	поливной	неполивной	лошадей	рогатого скота	мелкого скота	маралов
Щербаковское . . .	—	3,2	ок. 4	12	св. 21	—
Знаменка	5,2	2,9	„ 5	ок. 7	4	0,7
Даниловка	2,0	2,3	„ 5	„ 10	св. 5	0,15
Грязнухина	5,0	4,0	„ 4	„ 7	1	2,6
Хлебникова	1,3	3,0	„ 3	„ 5	св. 2	0,62
Медведевка	0,1	4,1	св. 4	„ 5	ок. 3	0,25
Макеевка	6,6	3,0	„ 12	„ 18	„ 10	1,27
Шан	5,0	2,8	ок. 7	св. 8	св. 10	0,42
Бояровка	8,7	0,5	„ 5	ок. 8	„ 1	0,25
Федоровское	5,4	0,04	„ 6	св. 6	ок. 5	0,21
По всем селениям в среднем	4,8	2,7	ок. 5	ок. 8	ок. 4	0,57

условиями и некоторыми другими факторами. Так, например, старожильческие села были богаче новосельских.

Для упрощения дела приведем данные по распределению посевов и скота между крестьянами отдельных малоенисейских деревень в одной общей сводной таблице (табл. 21 на стр. 456).

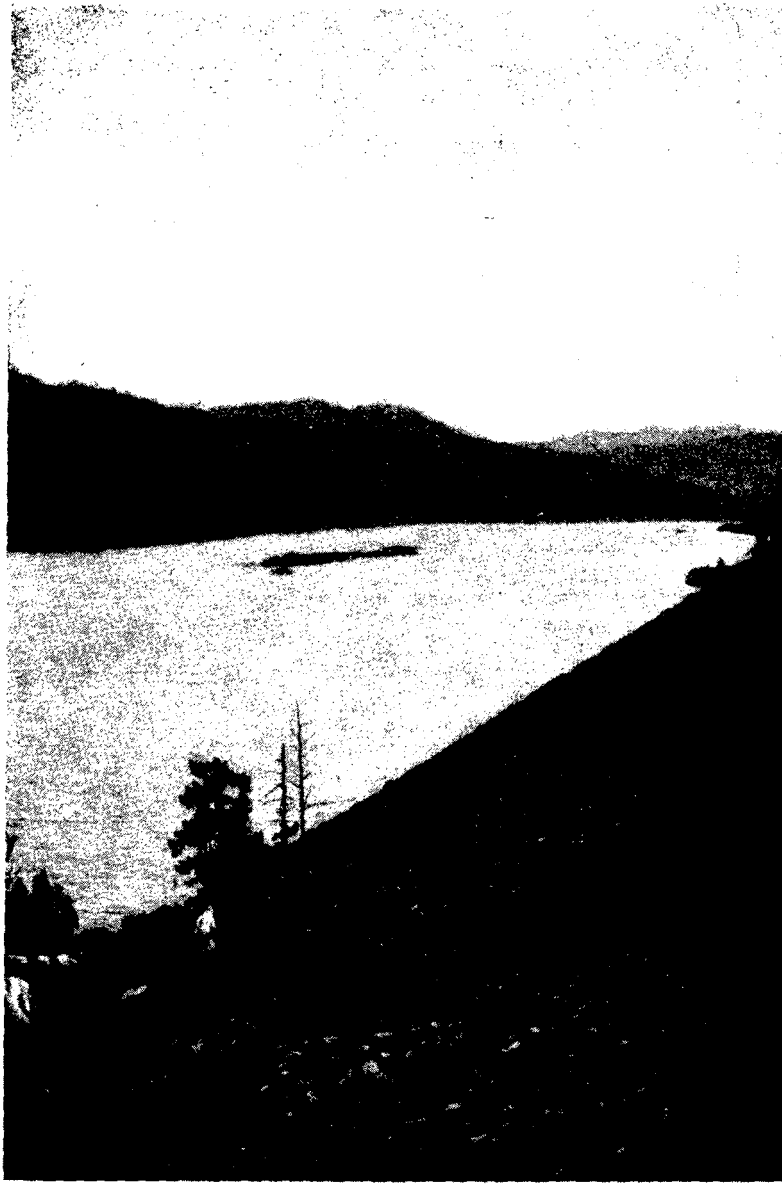
Из этой таблицы мы заключаем, что беднейшая часть крестьянства распределялась неравномерно по отдельным деревням: в Медведевке она составляла до $^3/_5$ всех крестьянских дворов, а в Грязнухиной снижалась до $^1/_6$, составляя в большинстве деревень треть всех дворов. Посев этой группы крестьянства, как правило, был ниже 20% всего посева, он колебался от 3 до 20,4%. Эта группа в лучшем случае имела треть лошадей и меньше трети голов рогатого скота.

Средняя группа крестьянства составляла около половины всех крестьянских дворов, понижаясь иногда до $^1/_3$ (Шан, Медведевка, Боярское) и в одном случае даже до $^1/_5$ (Макеевка). Соответственно своему удельному весу она сеяла от 13,6 (Даниловка) до 53,1% (Хлебникова) пашни, в ее стадах находилось от 14,6 (Даниловка) до 53,1% (Хлебникова) всего количества лошадей и от 9,5 (Даниловка) до 49,5% (Хлебникова) рогатого скота.

В то время как беднота составляла наибольшее количество дворов в Медведевке и преобладала над другими группами в Шане, средняя группа составляла больше половины дворов в Грязнухиной, Хлебниковой, Федоровском и преобладала над другими группами крестьянских хозяйств в Даниловке, Федоровском.

Высшая группа в большинстве малоенисейских деревень составляла наименьшую часть дворов и преобладала над остальными в Макеевке и Боярском. В других селах она составляла от 10,1 (Медведевка) до 34% (Даниловка) общего количества крестьянских дворов. В руках этой зажиточной и кулацкой части было сосредоточено от $^1/_3$ до $^3/_4$ всего посева и больше половины всего стада лошадей и крупного рогатого скота (исключая Хлебникова), где 27 дворов высшей группы владели 13,5% всего скота.

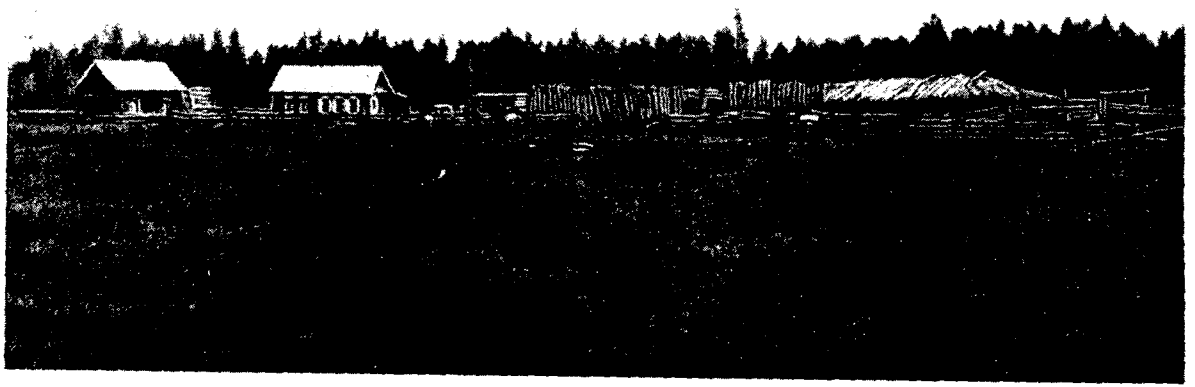
Эта таблица показывает, что наиболее резко было дифференцировано крестьянство Медведевки. Беднота

Среднее течение Малого Енисея

Таблица 21

Поселения	Низшая группа				Средняя группа				Высшая группа			
	Количество дворов, в %	Посев, в %	Лошадей, в %	Рогатого скота, в %	Количество дворов, в %	Посев, в %	Лошадей, в %	Рогатого скота, в %	Количество дворов, в %	Посев, в %	Лошадей, в %	Рогатого скота, в %
Даниловка	36	11,2	14,6	12,6	40	13,6	14,6	9,5	24	75,2	70,8	77,9
Грязнухина	13	4,1	19,5	17,8	56,3	40,2	37,3	34,2	30,7	55,7	43,2	48
Шан	43	14,4	29	16	30	25,3	25	36	27	60,3	46	48
Медведевка	60	20,4	29	25,5	29,9	35,8	19	20,4	10,1	43,8	52	54,1
Хлебникова	27	14,3	13,5	23,5	56,5	53,1	53,1	49,5	16,5	32,6	33,4	27
Макеевка	36,4	6,6	9,5	6,4	18,2	9,8	13,9	18,1	45,4	83,6	76,6	75,5
Федоровское	37,8	13,9	22,0	14,5	40,6	38,8	48	40,5	21,6	47,3	40	45
Боярское	28,5	3,9	22,8	20,5	27,4	16	17,6	12,8	44,1	81,1	59,6	66,7

Заимка Сельдемешева

здесь составляла $^3/_5$ всех дворов и имела 20,4% посева 29% лошадей и 25,5% крупного рогатого скота.

Высшая группа этой деревни составляла $^1/_{10}$ часть хозяйства, но держала в своих руках 43,8% посева, 52% лошадей и 54,1% крупного рогатого скота.

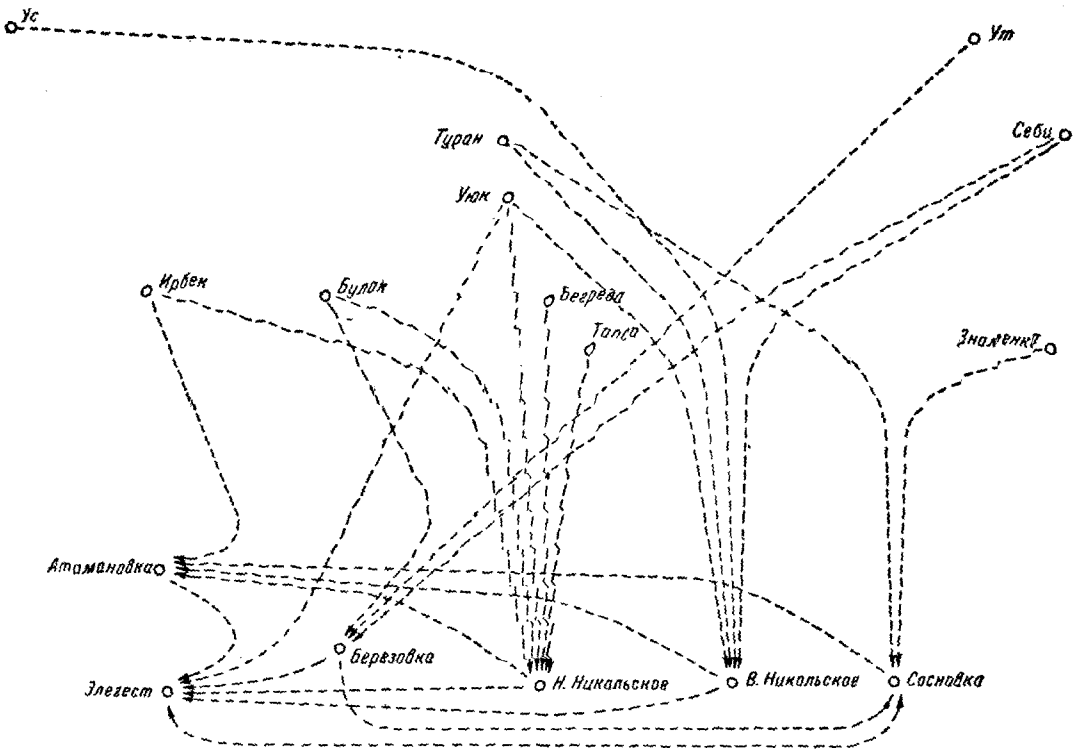
Особенно многочисленной высшая группа была в Макеевке, где по всем показателям крестьянского хозяйства она преобладала над остальными. Наличие значительного процента зажиточных и кулацких хозяйств в этом селе объясняется тем, что эта группа сложилась здесь еще до массового прилива колонистов и ее могущество выросло и держалось за счет эксплуатации тувинских аратов и русских крестьян-новоселов.

Таким образом, рассмотренные статистические материалы, несмотря на свою неполноту, показывают нам, что крестьянство Малоенисейского района под влиянием развития товарного производства в значительной степени подвергалось разложению, что по сути дела в русских деревнях Малоенисейского района господствовали капиталистические отношения.

Элегестинский, или Подхребтинский район

Этот район русской колонизации отличался теми же особенностями, что и Малоенисейский. Здесь меньше была развита торговля и в большей степени земледелие и скотоводство. Это был крестьянский район. Значительная часть русского населения этого района переселилась из других районов Тувы (см. схему на стр. 459, составленную органами переселенческой организации). К 1916 г. здесь уже были поселки Атамановка, Березовка, Нижне-Никольское, Верхне-Никольское, Сосновка и Элегест. Заимок не было, зато имелись золотые прииски Черневича, кожевенный завод в Атамановке, солеваренный завод Сватикова и мельница Неволина [171]. По данным переселенческой организации в Туве, в 1915 г. в районе было 153 крестьянских хозяйства, которые обрабатывали 603,6 десятины пашни, из них 474 десятины поливной, имели 665 десятин покоса, 663 лошади, 1023 головы крупного рогатого скота, 485 овец и коз, 27 свиней и 12 маралов.

[171] ГАНО, ф. 47, д. 294, лл. 14—15.

Переселение русских крестьян в Туве (схема)

Из всей пашни 54% были под пшеницей, 28% под рожью и 10,2% под овсом.

Сельскохозяйственной техникой район был обеспечен в 1915 г. следующим образом:

Сортировок	4	Самодельных плугов	29
Жаток	1	Веялок	5
Косилок	8	Молотилок	1
Граблей	9	Сепараторов	42
Плугов	77		

Само наличие сельскохозяйственных орудий в этом районе было, конечно, явлением прогрессивным. Но что значили они для 153 крестьянских хозяйств? На самом деле крестьянское хозяйство было не в полной мере обеспечено даже сохой и бороной: $^1/_5$ хозяйств не имела своих борон, а половина их не имела плугов. На полторы сотни хозяйств приходилась только одна жатка и одна молотилка, которые являлись собственностью кулаков.

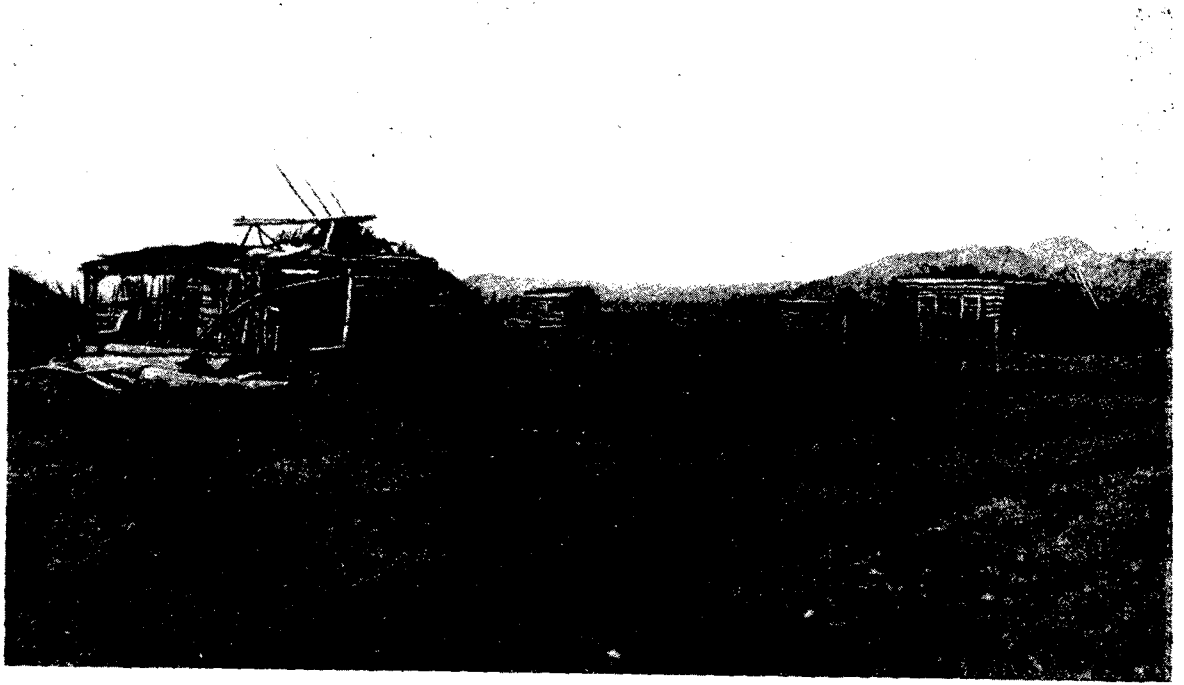
Все это свидетельствует не только о низкой технике крестьянского производства, но и о крайней бедности хозяйства.

Действительно, крестьянские хозяйства Элегестинского района не отличались своей мощностью, они были самыми бедными русскими крестьянскими хозяйствами в Туве.

Для изучения классового расслоения на Элегесте мы имеем более достоверные данные, основанные на обследовании этих хозяйств в 1916 г.

Обратимся в первую очередь к данным по посеву. Таблица 22 (на стр. 462) дает представление о них по четырем самым крупным крестьянским поселениям этого района.

В отличие от малоенисейских деревень, в Элегестинском районе нет резкого различия в соотношении между группами по деревням: здесь почти во всех деревнях беднейшая группа составляет две пятых крестьянских дворов. И лишь в Верхне-Никольском она составляет больше половины всех дворов. Это означает, что по посеву элегестинские крестьяне были беднее малоенисейских. И это находит свое объяснение в том, что Элегестинский район был самым молодым по колонизации, здесь не было таких сел со старожильческим населением, как Макеевка,

Поселок Атамановка. 1915 г.

Таблица 22

Населенный пункт	Низшая группа				Средняя группа				Высшая группа			
	Дворов	Посев	Лошадей	Ро атого скота	Дворов	Посев	Лошадей	Ро атого скота	Дворов	Посев	Лошадей	Рогатого скота
	в %											
Сосновка...	43,9	16,3	30,7	13,2	35,4	37,3	36,1	35	20,7	46,4	33,2	41
Верхне-Никольское	55,9	32,9	39,9	34,9	29,5	34,1	30	26	14,6	33,0	30,1	38
Элегест...	42	19,5	29,3	44,5	41,9	45,6	46,5	34	16,1	34,9	24,2	21
Атамановка	42,2	17,8	26	19,1	40,4	54,7	53	51	17,4	27,5	21	29

Говоря о крестьянской бедноте Элегестинского района, надо учитывать, что в большинстве случаев крестьяне не имели собственной земли, а арендовали ее у богатых крестьян или у тувинских баев. Так, например, крестьянин Атамановки Ф. А. Кулупаев арендовал землю по 1 руб. 50 коп. за десятину, Ф. А. Локтев — по 3 руб. 30 коп., В. А. Макаров — по 1 руб., А. К. Макаров — по 1 руб. 30 коп., Спирин арендовал у тувинского бая Ачикая 5 десятин за 50 руб. и т. п. Очень многие бедняки и середняки должны были покупать или арендовать землю у тувинской знати. Крестьянская беднота Элегестинского района должна была поддерживать существование посторонними заработками. Часть крестьян выезжала в качестве плотников и возчиков на строительство Белоцарска (Кызыла), уходила на золотые прииски Черневича, занималась столярным, портновским, сапожным, бондарным, пимокатным и другими ремеслами.

Средняя группа по посеву почти одинакова по всем деревням, она также составляла $^2/_5$ крестьянских дворов.

Высшая группа Элегестинского района по посеву малочисленнее, чем в Малоенисейском районе, она составляла $^1/_6$ крестьянских дворов Верхне-Никольского, Элегеста, Атамановки и $^1/_5$ дворов Сосновки. Распределение посевов между различными группами крестьян

Село Верхне-Никольское

Элегестинского района свидетельствует о наличии резкого классового расслоения в деревнях.

В целом высшая группа в Элегестинском районе малочисленна, там преобладали бедняки и середняки. Это самая бедная часть русского крестьянства в Туве. Вот почему в годы гражданской войны и иностранной интервенции именно здесь началось партизанское движение, сыгравшее историческую роль в освобождении русских трудящихся и тувинской бедноты от гнета нойонов и русских кулаков и торговцев.

Кемчикский район

Кемчикский район никогда не был объектом русской крестьянской колонизации, потому что он был густо заселен тувинским населением, а крестьяне в своей основной массе, если их не подталкивала на это царская администрация, сами лично силой не захватывали земли, принадлежащие другому народу, не стесняли его в кочевьях. На Кемчик стремились русские купцы да кулаки, искавшие здесь наживы и обогащения не личным трудом, а эксплуатацией местного населения. Вот почему русское население даже в 1916 г. было здесь незначительно и представлено главным образом торгово-кулацкими элементами.

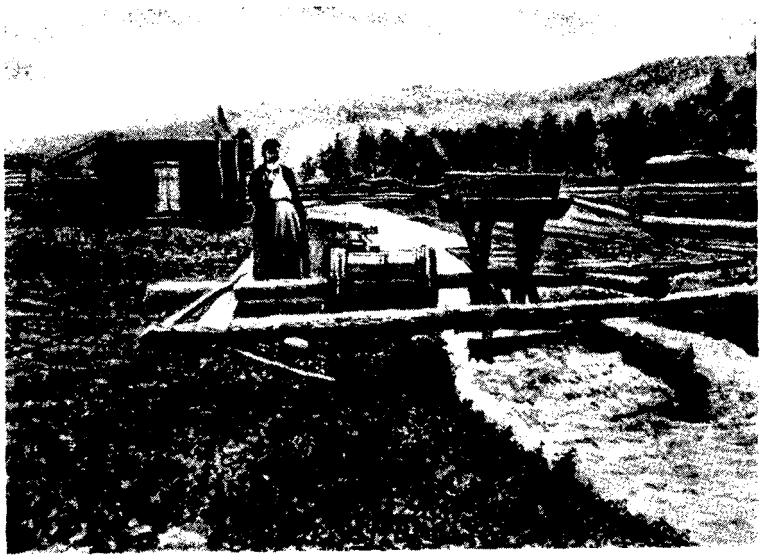
Конечно, одни кулаки без батраков не живут. И на Кемчике были бедняки, рабочие, о которых Чакиров писал: «Большинство из них задолжалось один другому; задолжались китайцам и даже урянхам (небывалый случай). Есть пример, что урянхаец поручился на 300 рублей за русского Миронова, а с Миронова взять нечего» [172].

Представление о переселении русских на Кемчик дает нам таблица 23 (на стр. 466), подтверждающая вышесказанное [173].

По материалам обследования русского населения этого района, проведенного в 1915 г. А. П. Ермолаевым, 75 из 94 русских хозяйств занимались торговлей, и только 19 хозяйств занимались земледелием и промыслами. Все русские крестьяне на Кемчике вместе с предпринимателями

[172] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 13, д. 292, л. 4.
[173] ККМ, № 46, л. 222.

Березовка

Маслобойки в Сосновке

Таблица 23

Год	Количество переселившихся домохозяев	Год	Количество переселившихся домохозяев
1878	1	1906	3
1886	1	1907	4
1892	2	1908	1
1894	1	1909	1
1895	1	1910	6
1900	2	1911	14
1901	2	1912	22
1902	4	1913	3
1904	2	1914	16
		1915	4

имели 276,6 десятины пашни, 340,7 десятины покоса, 902 лошади, 2579 голов рогатого скота, 1443 овцы и два

марала [174]. Здесь указывается только один поселок Джеганаш, а в основном русские торговцы и кулаки жили на заимках и в торговых заведениях, разбросанных по всему Кемчику.

На Кемчике подавляющее большинство переселенцев из России составляли казанские татары, среди них крупные купцы и дельцы, такие, как Галей Валиев, Мухамеджанов и др. Всего на Кемчике насчитывалось свыше 90 хуторов и заимок. Заимки принадлежали Галею Валиеву, Бякову, Сафьянову, братьям Брюхановым, Хамидулину, Ибатуллину и др.

14. ОБЩИЕ ИТОГИ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТУВЫ К 1917 г.

По данным переселенческой организации, в 1916 г. в Туве было 8108 человек русских переселенцев, имевших 1186 дворов. Основную массу русского населения составляли крестьяне, которые за сравнительно короткий срок распахали тысячи десятин земли и собственным трудом ввели ее в культурный оборот, построили несколько десятков деревень и сел и т. п. Распределение русского населения по районам показывает таблица 24 [175] (стр. 468).

Сведениям этим доверять полностью нельзя. Те же переселенческие органы в другом случае считали, что в 1916 г. в Туве было 1025 дворов русских колонистов с 5564 жителями обоего пола. Они имели 5328,55 десятины распаханной земли (3526 десятин поливной и 1802,55 десятины неполивной), 6318 десятин покосов (3021,7 десятины поливных и 3296,3 десятины неполивных). Под посевами находилось 58,24% пашни, под парами — 41,76%. Русские владели 11 298 головами лошадей, 14 431 головой крупного рогатого скота, 3231 овцой, 258 свиньями, 965 маралами. Расхождение между этими данными не очень существенно.

Важно обратить внимание на то, что бо́льшая часть скота и покосов принадлежала не крестьянам, а крупным предпринимателям и кулакам; только в пашне, которая

---

[174] ККМ, № 46, стр. 224.
[175] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 26.

Таблица 24

Район	Хозяйств	Пашни (десятин)	Покось (десятин)	Лошадей (голов)	Крупного рогатого скота (голов)	Мелкого скота (голов)	Маралов (гол.)	Торговый оборот (в руб.)
Элегестинский	153	603,6	665	663	1 022	485	12	26 300
Турано-Уюкский	236	2313,2	3682,5	5 903	6 039	3 458	744	32 000
Малоенисейский	267	1728,6	853,1	1 390	2 046	1 032	141	26 900
Кемчикский . .	94	276,6	340,7	902	2 579	1 443	2	251 700
Улуг-Хемский	189	539	1104	1 384	1 399	1 480	25	422 500
Тоджинский .	53	20,7	711	759	1 041	119	91	27 800
Итого	992	5481,7	7356	11 011	14 127	8 017	105	786 990

была обработана самими крестьянами, их доля была больше. Крупные предприниматели посевами занимались мало, сосредоточив все свои интересы на разведении скота и на торговле.

Итак, крестьяне составляли подавляющую часть русского населения в Туве. Откуда и почему пришли эти крестьяне в Туву? Вот вопросы, которые нам необходимо разрешить.

Прежде всего откуда пришли русские крестьяне в Туву? Основная масса русских переселенцев — это выходцы главным образом из пограничных русских сибирских губерний. В любом поселке можно найти сибиряков. Так, например, в Федоровском в 1915 г. из 29 хозяйств 26 переселилось из Енисейской губернии [176], одно — из Тобольской и только два — из Вятской губернии. Подобная же картина наблюдается в Таплыцком поселке: здесь из 43 хозяйств 37 переселилось из Енисейской губернии (главным образом из усинских поселений), три — из Тобольской, по одному — из Томской, Харьковской и Киевской губерний [177]. В 1916 г. переселенческими органами на

[176] ГАНО, ф. 47, д. 229, лл. 50—54.
[177] Там же, лл. 69—73.

Постройки русских на Кемчике

въезд в Туву было выдано 48 разрешений, из них 25 получили крестьяне Минусинского уезда, одно — Красноярского, два — Тобольского, четыре — Иркутской губернии, три — Томской, т. е. 35 заявлений было от крестьян сибирских губерний, а остальные — из Европейской части России [178].

В архивах Новосибирска и Иркутска, в указанных уже фондах, мы пытались в прошениях о разрешении на переселение найти ответ на вопрос о причинах этого переселения, но, к сожалению, безуспешно. В личных беседах со старожилами мы слышали разные мотивировки переселения: одни рассказывали о том, что «тяжелая жизнь стала после войны» (имеется в виду русско-японская война), или «отец захотел переехать», другие, — что «жизнь богата», третьи,— что «с волостным старостой отец поссорился и власти его не хотел». У каждого колониста были свои конкретные причины, которые вели его через Саяны в Туву. Кулак часто стремился сюда для обогащения путем торговли, мараловодства и других подобного рода предприятий. Характерным свидетельством этого побуждения некоторых зажиточных крестьян является то обстоятельство, что некоторые усинские кулаки, оставаясь жить на Усе, заводили хозяйство в Туве, куда от-

[178] Там же, д. 130, лл. 1—11.

правляли своих батраков для работы. Так, например, кулак Хабаров из с. Верхне-Усинского завел на р. Уте заимку, где у него паслось 80 лошадей, 60 голов крупного рогатого скота, пять маралов, здесь он ставил до 5 тыс. пуд. сена, на заимке у него постоянно жили его работники (из русских). На Уте имел свою заимку Голубцов, проживавший тоже в с. Верхне-Усинском [179]. Таких зажиточных крестьян и кулаков, которые, проживая в приграничных пунктах, заводили хозяйства в Туве, было, видимо, значительно больше указанных. Значит, для кулака было выгодно иметь хозяйство в Туве; а когда дело в Засаянье приобретало широкие размеры, такие колонисты ликвидировали свое хозяйство на месте и переселялись в Туву. Эти же примеры показывают, как становился русский батрак невольным колонистом Тувы.

Следует указать и на то, что часть бедняков и батраков пошла в Туву потому, что там всегда имелся спрос на рабочую силу и условия найма были лучше, чем в русской пограничной полосе. Однако не этот контингент составлял основную массу переселенцев. Разорение сибирского крестьянства под влиянием усилившегося развития капитализма и двух войн больше всего способствовало крестьянской колонизации.

Что касается бедноты, то в отношении к ней царское правительство держалось определенной политики: не пускать ее в Туву так же, как оно не пускало ее и на другие окраины — колонии, и не только потому, что она нужна была дома помещикам и капиталистам, но и потому, что на окраинах беднота являлась не более благонадежной, чем дома, на нее нельзя было опираться в проведении своей политики. Царизму в Туве, так же как и на других окраинах, нужны были крепкие мужички, кулаки, которые составили бы прочную его опору.

Эта политика насаждения в Туве крупных кулацких хозяйств особенно упорно проводилась переселенческой организацией в Туве после назначения комиссаром края Григорьева, который перед въездом в Туву так информировал корреспондента газеты «Минусинский листок»: «Но мы не будем форсировать туда (в Туву.— *В. Д.*) переселенческого движения, больше того, — сказал г. Гри-

[179] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 27.

горьев, — мы приложим все меры, чтобы в Урянхай шел крепкий предприимчивый переселенец (разрядка наша.— *В. Д.*). Для этого мы предполагаем не давать переселенцам в Урянхае никаких пособий».

Но все дело в том, что стихия была сильнее политики царской администрации. Русские чиновники Чакиров, Григорьев и другие прилагали все усилия к тому, чтобы заселить Туву кулацкими элементами, они всячески препятствовали проникновению средних и бедных крестьян в Туву, но они были не в силах регулировать это движение так, как им этого хотелось. В Туву не только попала беднота, но ее еще больше образовалось на месте в результате неумолимого действия тех самых экономических законов, которые толкали крестьян к выселению. Острые классовые противоречия между сельской буржуазией и сельским пролетариатом и беднейшими слоями деревни, которые вылились в годы гражданской войны и иностранной интервенции в вооруженную борьбу, дают нам возможность наглядно видеть, насколько преуспели в своем действии те самые законы экономического развития, ход которых нельзя было приостановить царскими распоряжениями.

15. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТУВЫ

Русское крестьянское переселение в Туву имело положительное значение для тувинского народа. Русские крестьяне своей трудовой деятельностью создавали и умножали производительные силы Тувы. Они распахали тысячи десятин земли, хлеб под влиянием русского крестьянства становился основным питанием и тувинских трудящихся, они построили дома и поселки, которых раньше Тува совершенно не знала. Под влиянием русских колонистов впервые в Туве началось оседание тувинцев в русских селениях, на первых порах в качестве батраков русских кулаков.

Русские крестьяне, которые в большинстве своем создавали материальные ценности личным трудом, приносили в Туву новые, более совершенные навыки труда, особенно в области земледелия. Они сами заимствовали некоторые приемы хозяйствования, вековой опыт, накопленный тувинским народом, но и в свою очередь много

передали ему из своего производственного опыта. До появления русских тувинцы вырывали колосья хлеба из земли руками, теперь они стали пользоваться серпом, начали употреблять и другие орудия земледелия, ввезенные русскими в Туву. Понятно, что проникновение более высокой техники производства, освоение тувинцами новых навыков труда, отражалось непосредственно на производстве тувинцев и способствовало его росту. Раньше тувинцы почти совсем не употребляли в пищу рыбу, теперь под влиянием русских они начали ее употреблять. У русских они научились выделывать лодки, лучить рыбу, ловить ее неводом, ставить сети и т. п. Они начали по русскому образцу делать изгороди, стали употреблять русского образца сани, упряжь, таратайки и т. п. Влияние русских крестьянских хозяйств на жизнь тувинцев было всесторонним и в основе своей весьма положительным. До появления русских торговых факторий, крестьянских поселков, золотых приисков значительные группы тувинского населения, разоренные поборами и беспощадной эксплуатацией тувинских баев и чиновников, китайских чиновников, китайских, монгольских и русских купцов, выбрасывались из тувинского производства и, лишенные всяких средств существования, должны были нищенствовать и погибать от голода. В этих условиях возникновение и развитие русских предприятий и поселков в Туве и на границе ее давало некоторый выход тувинскому арату из того отчаянного положения, в которое он был поставлен тувинскими социальными отношениями. Тувинец теперь находил себе работу и пропитание. И выражение «русские кормят нас тувинцев», взятое без того преувеличения, с которым оно употреблялось в дореволюционной русской литературе, имеет реальное значение [180]. Появление и развитие русских предприятий и селений в Туве знаменовало собой возникновение в Туве капиталистического уклада, т. е. более прогрессивного способа производства, чем господствовав-

[180] Положение это нашло свое отражение в художественной литературе. В известном произведении Салчака Тока мы находим следующее интересное место: «Пусть, сын,— говорит мать сыну,— мы спустимся в Сарыг-Сепу, там живут русские, попилим дрова, почистим дворы, а то и так попросим, принесем много еды.— Они от беды нас спасут,— уверенно сказала Албанчи» (Салчак Тока. У большого Порога. «Сибирские Огни», 1950, кн. 2, стр. 21).

Юрта оседлого тувинца в Чаахоле

шие в Туве полупатриархальные, полуфеодальные отношения. Социальные отношения, которые развивались в русской деревне, носили капиталистический характер, такой же характер имели отношения на золотых промыслах, и все это подрывало основы патриархальности и отсталости социальных отношений в Туве и способствовало созданию здесь условий для возникновения собственных капиталистических элементов.

Русско-тувинские экономические связи в XIX в. способствовали росту материальной и духовной культуры тувинцев.

В этом смысле большое значение имело учреждение в Туве русских школ и медицинских учреждений. Особенно большое значение имела самоотверженная деятельность русских медицинских работников [181]. Русские врачи

[181] В 1915 г. из 111 больных венерическими болезнями, обращавшихся за медицинской помощью к врачам, русских было 18, а тувинцев — 93.

(главным образом фельдшера) провели массовое оспопрививание в Туве, они бесплатно лечили тувинцев и многим из них спасли жизнь, они неустанно боролись против антигигиенических бытовых условий жизни тувинцев. Развитие торгового обмена, предпринимательство русских купцов в Туве, развитие золотопромышленности, русская крестьянская колонизация Тувы в особенности положили начало широким связям русского и тувинского населения. Непосредственное общение русской бедноты и батрачества с тувинской беднотой имело важное значение для политического развития трудящихся аратов Тувы. Именно русские рабочие, батраки и бедняки в Туве стали проводниками революционных идей, они связали тувинскую бедноту с русским революционным пролетариатом, и только эта историческая связь могла обеспечить победу революции в Туве.

Следовательно, колонизация Тувы русскими крестьянами способствовала созданию предпосылок к тому коренному повороту в ходе тувинского исторического процесса, который решительно вырвал тувинцев из вековой отсталости и патриархальщины и привел их, в конечном итоге, к освобождению от колониального и национального гнета.

Глава девятая

ЗАРОЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КАПИТАЛИЗМА В ТУВЕ

1. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В СИБИРИ

Проведение Сибирской железной дороги способствовало росту капиталистических отношений в азиатской части России. Однако последовавшие за проведением дороги политические события, интервенция в Китай в 1900 г. и русско-японская война 1904—1905 гг. замедлили до некоторой степени темп их развития в Сибири. Более явственно обнаружились результаты капиталистического развития Сибири после первой русской революции. И это не было случайностью. Развитие капиталистических отношений в Сибири было неразрывно связано с той коренной ломкой экономической жизни, которая происходила во всей стране.

Ускорение темпа капиталистического развития окраин после первой русской революции мы можем, например, наблюдать в одном уголке Сибири — в Минусинском крае, развитие экономики которого непосредственно сказывалось на Туве.

В конце XIX — начале XX в. промышленность в Минусинском уезде, исключая золотодобывающую, была почти совершенно не развита [1]. Она была представлена полукустарными винокуренными заводами, солеварнями и единственным Абаканским железоделательным заводом [2],

[1] В 1889 г. был открыт Гусевым единственный в Сибири свекло-сахарный завод на р. Ое.

[2] Построен в 1868 г.

который часто простаивал из-за низкого качества выпускаемой им продукции и сильной конкуренции промышленных изделий уральских заводов. Не в лучшем состоянии была и кустарная промышленность, начавшая оживать с 1880-х годов.

После первой русской революции наблюдался определенный подъем в развитии промышленности края. Он ознаменовался открытием сравнительно крупных предприятий, концентрацией мелких полукустарных заводов в руках отдельных компаний, оснащением их новой, более сложной техникой, попытками создать крупные предприятия по разведению овец. Он сказался в развитии торговли, в усилении дифференциации крестьянства, сосредоточении земли и скота в руках кулацкой верхушки и в относительно быстром техническом прогрессе кулацкого хозяйства.

Промышленный подъем прежде всего выразился в появлении новых отраслей производства, в частности отраслей тяжелой промышленности. Наличие залежей меди в Минусинском крае было известно еще в прошлом столетии, и даже велась полукустарная ее добыча, но только с начала XX в. возникла настоящая медеплавильная промышленность. В частности, была налажена выплавка меди на руднике «Юлия», открытом в 1901 г. акционерной компанией «Енисейская медь». Однако более солидное общество — «Сибирская медь», являвшееся фактически собственностью английских капиталистов, взяло в свои руки рудник «Юлия» и на его базе создало медеплавильный завод, открытый в 1907 г. Завод давал до 4500 пуд. меди в сутки. Работало на нем до 1200 рабочих. Появился и новый завод — «Улень» с 500—600 рабочих. Стали более производительно работать медные Маинские рудники, перешедшие позже в собственность «Южносибирского общества металлургических заводов». Указанное общество приобрело в годы войны Абаканский железоделательный завод и наметило строительство нового металлургического завода в Минусинском крае. Осуществить этот замысел ему помешала революция.

Совершенно новой отраслью производства в Минусинском крае явилась каменноугольная промышленность. В 1907 г. была начата работа на Черногорских угольных копях, принадлежавших Баландиной; следом за ними были введены в эксплуатацию Изыхские и Калягинские копи.

Правда, на двух последних добыча не достигала больших размеров (на Изыхских копях добывали угля до 14 тыс. тонн в год), но первые очень скоро стали основным поставщиком угля для речного флота на Енисее, частично для Сибирской железной дороги, а также для населения Минусинска и Красноярска. В 1914 г. 200 рабочих Черногорских копей добыли уже 32 760 тонн угля. С возникновением каменноугольной промышленности в Минусинском уезде создались условия для строительства железной дороги. Владелица Черногорских копей Баландина была одним из инициаторов и создателей акционерного общества по строительству Ачинско-Минусинской железной дороги.

Строительство железной дороги диктовалось интересами промышленно-торгового класса. Оно началось еще до войны, и даже проложено было несколько километров пути, но начавшаяся война приостановила стройку.

Золотая промышленность, существовавшая здесь еще в конце первой половины XIX в., оснащается новейшей техникой. Самым крупным владельцем золотых рудников в Минусинском крае был известный сибирский золотопромышленник миллионер Иваницкий, которому принадлежал самый богатый прииск — Ольховский, давший ему за четыре года 120 пуд. золота. На Ольховском прииске Иваницкий построил четырехбегунную амальгамационную фабрику.

Росли и другие отрасли промышленности (соляная, винокуренная и др.), развивалась местная кустарная промышленность (пимокатная, кожевенная, шубная, мыловаренная и т. п.).

Развитие промышленности в Минусинском крае было связано с усилением притока иностранного капитала. Вообще после первой русской революции иностранный капитал усиленно проникал в Сибирь. Со страниц сибирской прессы все время слышатся жалобы на упорное стремление иностранного (американского, французского и германского) капитала овладеть сибирской золотодобывающей промышленностью [3]. В Минусинском крае, как и во всей Сибири, иностранный капитал действовал не открыто, а через посредство основных банков, финансировавших про-

[3] «Наша мысль», 1911, Иркутск, № 1.

мышленные предприятия Сибири,— Русско-Азиатского и Сибирского банков. В Минусинском районе он стремился овладеть основными сырьевыми ресурсами: продукцией животноводства и минеральными месторождениями. Англичан привлекала меднодобывающая промышленность, а французских предпринимателей — асбест. В частности, некто Плено, захватив предварительно в свои руки разработку асбестовых месторождений, в 1910 г. построил фабрику для обработки асбеста и сбывал его не только на месте, но и направлял за границу. Дело это не развернулось, через два года фабрика Плено была закрыта, и разработка асбеста не возобновлялась до революции.

«Южносибирское общество металлургических заводов» развертывало свою деятельность также при поддержке иностранного капитала, в данном случае за его спиной стоял известный капиталист — нефтяник Нобель.

Более широким было проникновение иностранного капитала в сельское хозяйство. Иностранные капиталисты вывозили из Минусинского края большое количество сливочного масла, кож, щетины, конского волоса, яиц и т. п. Не чуждо им было и стремление овладеть местным пушным рынком. В Минусинске существовала датская фирма по скупке масла, носившая название «Сибирская компания». Взамен вывозимых из края продуктов иностранные капиталисты ввозили жатки, молотилки, сенокосилки, плуги, сепараторы, а также и запасные части к ним. Характерно, что сельскохозяйственные орудия они продавали в долг под продукты сельского хозяйства. Весьма широко распространялись не только в Минусинске, но и по всей Сибири швейные машины Зингер и К°. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о вывозе сельскохозяйственного сырья иностранными капиталистами, но он составлял весьма значительный процент в общем экспорте продуктов сельского хозяйства из Минусинского края. Например, за 1909 г. из Минусинского уезда было вывезено в живом виде: 40 тыс. голов крупного рогатого скота, 10 тыс. лошадей, 25 тыс. овец, 10 тыс. свиней; в мясе: 300 тыс. пуд. говядины, 40 тыс. пуд. баранины, 10 тыс. пуд. свинины. Было вывезено также 60 тыс. пуд. коровьей и овечьей шерсти, 50 тыс. шкур [4] и т. п. О масле сведений нет.

[4] «Енисейский кооператор», 1922, № 16—17, стр. 17.

В области сельского хозяйства, помимо указанной скупщической деятельности иностранных фирм, которая, несомненно, способствовала развитию капиталистических отношений в минусинской деревне, наблюдаются и другие явления, ясно говорящие об ускоренном развитии в ней капитализма. Край с его прекрасными природными возможностями для развития скотоводства привлекал к себе внимание крупных капиталистических предприятий. В 1910 г. в Минусинском крае «Товарищество сибирской экономии Четверикова, Алексеева и К°» открыло две свои экономии — Батеневскую и Алтайскую. Под экономии были отведены самые лучшие пастбища и луга Минусинского края: для первой — 20 тыс. десятин, а для второй — 15 тыс. десятин [5].

Основным объектом деятельности компании были мериносовые овцы, количество их на лугах экономии очень быстро росло и достигало нескольких десятков тысяч голов. Экономии успешно вели опыты по скрещиванию местных пород овец с мериносами и добились хороших результатов. Но овцами дело не ограничилось. Наряду с разведением овец они привезли улучшенные семена хлебов, трав и корнеплодов, устроили конный завод, где также производили скрещивание местной лошади с привозной, и довольно успешно. Экономии заготовляли огромное количество сена, так как пользовались конными сенокосилками, которые использовались также для эксплуатации местного крестьянского населения. Экономии имели по пяти хуторов. Впрочем, кроме двух указанных экономий да двух-трех крупных земельных собственников, никаких других крупных предпринимательских хозяйств не было.

Развитие капитализма в крае привело к дальнейшему росту классовой дифференциации минусинской деревни, которая еще больше усиливалась в связи с тем, что Минусинский край усиленно заселялся крестьянами из Европейской части России. Вселение новых крестьян означало сокращение землепользования старожильческого населения, причем землеустройство проводилось за счет маломощного, а не крепкого крестьянства. Под влиянием

---

[5] Записки об Ачинско-Минусинской ж. д. и ее районе, Новониколаевск, 1923, стр. 27.

крестьянской колонизации идет процесс разложения старожильческого населения.

Таким образом, приведенные факты показывают, что после первой русской революции в Минусинском крае ускорилось развитие капитализма. Обстоятельство это не могло пройти бесследно для Тувы, связанной в хозяйственном отношении с Минусинским краем. Промышленное развитие, правда в меньшей мере, коснулось и ее.

2. РАЗВИТИЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТУВЕ

Минеральные богатства Тувы не могли не привлечь внимания русских промышленников в связи с общим оживлением капиталистического развития в соседней с Тувой русской области. Как уже говорилось в седьмой главе, русская золотопромышленность появилась в крае одновременно с возникновением ее в Сибири. В 1900-х годах золотопромышленное дело в Туве развивалось, но без большого подъема. Более быстрому развитию золотой промышленности мешал ряд причин: оторванность края от оживленных промышленных и торговых центров, отсутствие не только хороших, но и просто удовлетворительных путей сообщения, отсутствие кадровых рабочих и политическая неопределенность положения Тувы, при которой промышленник должен был давать русским властям подписки о прекращении дела в случае каких-либо политических осложнений. Последнее обстоятельство мешало притоку в Туву нового капитала и ограничивало участие местного капитала. Общие причины, мешавшие развитию золотопромышленности, очень сильно сказывались, например, в таком районе, как Тоджа. Несмотря на наличие в районе богатых россыпей, которые давали основание ожидать здесь в будущем широкого развития этой отрасли промышленности, она развивалась слабо. К 1915 г. в Тодже работало несколько десятков рабочих (едва ли достигая сотни человек) [6] и разработка производилась ручным способом. Всякие попытки внести в золотодобычу механизацию весьма дорого обходились предпринимателям. Так, например, в 1914 г. одна из золотопромышленных компаний, разрабатывавшая в верховьях р. Блялика

[6] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 34.

и Алгияка рудное месторождение золота, решила оборудовать на прииске небольшую фабрику для размола руды. Рискуя большими затратами, предприниматели заказали бегунную чашу весом в 1000 пуд. с расчетом, что она будет составлена из мелких частей весом не больше 120 пуд. каждая. Однако за провоз чаши запросили по 5 руб. с пуда, что было очень дорого [7].

Естественно, что плохие пути сообщения тормозили развитие золотопромышленности в Тодже. Эти же причины мешали росту золотодобычи и в других районах Тувы, но остановить ее развитие они все-таки не могли. После 1905 г. открылись новые прииски в ряде районов Тувы, были произведены массовые разведки в самых различных ее частях. Так, промышленники Сафьянов, Леонов, Иваницкий, Черневич и другие обследовали Бий-Хем, Танну-ола, Кемчик и т. п.

Большинство предпринимателей дальше разведок не шло по тем самым причинам, о которых говорилось выше: они записывали за собой найденные и разведанные ими золотоносные участки и только в редком случае приступали к их эксплуатации. Иркутский генерал-губернатор в своем отчете за 1910/11 г. писал о том, что в Туве отведено 66 площадей для эксплуатации, а разрабатывалось всего семь приисков [8]. Попов сообщает о том, что в 1910 г. было заявок на 224 прииска, а работало 18 и 30 уже выработались [9]. Это говорит о том, что только шестая часть заявок на золото была использована золотопромышленниками. Нередко и разведчики, обнаруживавшие золотые россыпи в том или другом месте Тувы, сами их не разрабатывали, а передавали другим лицам, которые перепродавали их дальше. Например, на р. Уте, богатой золотом, еще в 90-х годах Гусев сделал заявки на золотоносные площади и даже начал разработку, но его наследники Муравьевы отказались их продолжать. В 1915 г. на Уте было застолблено: Богатовым — 20 участков, а Васильевым — семь, но оба они отказались производить добычу и перепродали их Савельеву, который также не начал разработок [10].

---

[7] Там же, д. 164, л. 48.
[8] ГАИО, ф. 25, оп. 30, св. 12, д. 297, л. 2.
[9] В. Л. Попов. Урянхайский край, стр. 7.
[10] ГАНО, ф. 47, д. 260, л. 40.

Всего за 1904—1914 гг. было сделано 454 заявки на золотоносные участки, разрабатывалось же только 29 приисков, а в 1913 г.— лишь девять. За весь этот период было добыто 42 пуда золота [11].

К этому времени уже полностью были выработаны или вырабатывались золотоносные системы Систи-Хема и Серлиха. Новым районом золотодобычи стала система р. Тапсы, где золото было открыто Г. П. Сафьяновым. С 1905 г. он начал ее разработку в компании с Железновым.

Прииски Железнова и Сафьянова, расположенные на притоке Тапсы — р. Кара-Хеме, резко отличались от всех других золотых приисков Тувы тем, что были механизированы и имели драгу, которую с большим трудом завезли сюда в 1913 г. [12] Кара-хемские прииски с 1905 по 1914 г. дали около 35 пудов золота [13].

В 1905 г. начали работу прииски на самых верховьях притоков Бий-Хема — Караллых-Хеме, О-Хеме и Темирчей. Они принадлежали «Русско-Урянхайскому товариществу». Но прииски, так же как и товарищество, их открывшее, скоро заглохли. В 1909 г. Черневичем были открыты прииски на Элегесте и Меджигее, однако дело у него двигалось медленно, и хотя к 1915 г. он сделал заявок больше чем на сто участков, но золота добыл всего лишь 1 пуд 10 ф. [14]; в 1913 г. стали работать Николаевский прииск И. К. Леонова по рекам Бейсут и Или-Хем, прииск Синилова на р. Окол [15], но сколько они дали золота, нам неизвестно. Большие разведки на золото вел в Туве известный сибирский золотопромышленник Иваницкий, еще в декабре 1904 г. сделавший 19 заявок на золотоносные площади. В 1905 г. ему был отведен прииск «Идыгей 1» [16], но работа на нем не началась в связи с явно враждебным отношением властей к попыткам создать

---

[11] «Золото и платина», 1915, № 21—22, стр. 295.

[12] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 25, л. 12; Н. И. Леонов. Страна голубой реки, стр. 16. Драга была куплена Сафьяновым на Путиловском заводе и стоила франко-Петербург 105 тыс. руб., а перевоз ее на прииски обошелся в 77 тыс. руб. («Золото и платина», 1914, № 3, стр. 66).

[13] ГАНО, ф. 47, д. 164, л. 43.

[14] Там же.

[15] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 25, л. 12.

[16] ГАНО, ф. 47, д. 127, л. 18.

здесь промышленные заведения. Важнейший район золотодобычи Тувы — Харальский был открыт уже в 1925 г. [17]

Таким образом, перед революцией в Туве велись работы в следующих районах:

1. На реках Тапсе, Бейсуте и других — самые крупные в Туве прииски Сафьянова и Железнова.

2. На р. Элегесте, где работы производились старателями, сдававшими золото Черневичу.

3. На р. Теплой (Мюс) — прииск Казанцева и Губанова.

4. По рекам Хайдын-суку, Караллых-Хему, Темерчику — прииски Скобеева и Пашенных — старательские работы [18].

Это значит, что золотопромышленность прочно установилась в Туве.

В результате открытия новых золотоносных районов вывоз золота из Тувы в Россию увеличился. Порватов указывает, что к 1914 г. всего русскими было добыто в Туве 1440 пуд. золота [19].

3. КЕМЧИКСКИЙ АСБЕСТ

В начале 90-х годов в 3 км от местечка Кызыл-Мажалык (сейчас районный центр) по Кемчику на горе Ак-Товарак крестьяне Хаиров и Кононов совершенно случайно обнаружили асбест и решили выгодно продать свое открытие. Распространяя всеми средствами сведения о нем, они вместе с тем рассылали его образцы предпринимателям в разные концы России и за границу. Таким путем им удалось напасть на польского инженера Синницкого, который был, видимо, не предпринимателем, а спекулянтом. Синницкий приехал из Варшавы в Минусинский край и купил заявки Кононова и Хаирова, запасся соответствующим документом от горного инженера Минусинского округа и обратился за содействием к усинскому пограничному начальнику, который, дав ему заграничный билет, посоветовал непосредственно переговорить с правителем Даа-хошуна и получить от него разрешение на раз-

---

[17] Н. И. Леонов. Страна голубой реки, стр. 12.

[18] ГАНО, ф. 47, д. 164, л. 43.

[19] Б. М. Порватов. Горные богатства Урянхая. «Золото и платина», 1914, № 3, стр. 64.

работку залежей [20]. Синницкий выехал на Кемчик и столкнулся с русским купцом предпринимателем Бяковым, который взялся помочь ему в этом деле. Как рассказывает в своем донесении начальству тогдашний усинский пограничный начальник Александрович, Бяков и Даа-нойон запросили с предпринимателя большую сумму за разрешение на право пользования месторождениями. Говорят при этом, что Бяков преследовал свои собственные цели и, пользуясь своим влиянием на Даа-нойона, сумел оттянуть окончательное решение вопроса. Тем не менее Синницкий был уверен, что ему в конце концов с помощью русских властей удастся заключить соглашение. Стараясь обеспечить дело, Синницкий поручил закончить переговоры с Даа-нойоном другому русскому купцу — Медведеву, который, рассчитывая иметь в будущем подряды от компании, арендовал ближайшую к месторождению факторию Сафьянова и, взяв образцы асбеста, выехал в Россию. В 1904 г. Синницкий через Медведева завез на Кемчик в факторию Сафьянова много разных инструментов, необходимых для разработки асбеста, а также хлеб и другое продовольствие, купил лошадей, завел даже служащего. В том же году он явился на Кемчик с инженером асбестовой промышленности из Парижского синдиката, намереваясь продать заявку вместе с приобретенным оборудованием французским предпринимателям. Но его переговоры с Даа-нойоном закончились безрезультатно. Осенью того же года все инструменты, запасы и прочее были Синницким ликвидированы. Так закончилась первая попытка начать разработку асбеста в Туве.

Однако интерес к асбестовым месторождениям на Ак-Товаракe появился, так как, по мнению специалистов того времени, они превосходили по своим запасам известные, мирового значения, Квебекские месторождения асбеста в Канаде. Началась борьба за кемчикский асбест.

В1905 г. возникли две компании, желавшие разрабатывать ак-товаракский асбест: русская и французская. Одна из них пыталась заполучить право на разработку ак-товаракских асбестовых месторождений через посредство русских пограничных властей, другая — через китайское

[20] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 1, д. 3, л. 30.

правительство. Однако обе попытки кончились неудачей. В 1906 г. на Кемчик для решения вопроса о разработке асбеста выехала экспедиция во главе с горным инженером Минусинского округа и начальником пограничного округа. Явно нарушая правила дипломатической вежливости, экспедиция не обратилась предварительно к правителю Кемчикского хошуна Хайдыпу, а направилась прямо на Ак-Товарак. Хайдып категорически возражал против сдачи асбестовых залежей в аренду для эксплуатации. Он собрал толпу тувинцев, которая решительно воспротивилась каким-либо работам по отводу площади и прогнала русских чиновников с территории Даа-хошуна. В результате такого акта, унизившего достоинство пограничного начальника, последний был отстранен от должности, а в отношениях между русскими и тувинцами наступил период конфликтов и недоразумений, приведших в конце концов к смещению Хайдыпа.

В 1907 г., как о том сообщает Родевич, Парижский синдикат, получивший разрешение пекинских и улясутайских властей на разработку асбеста на Кемчике, точно так же ничего не добился от кемчикского правителя, который категорически отказался разрешить добычу асбеста под тем предлогом, что религия запрещает тревожить священные места, беспокоить недра земли [21].

Таким образом, как мы видим из всего вышеизложенного, феодально-теократические силы Тувы помешали возникновению асбестовой промышленности. Однако попытки создать ее в Туве не прекращались.

Наши материалы не дают ответа на то, каким путем право и заявки на асбестовые месторождения Ак-Товарака попали в руки фирмы Иваницкого. Эта фирма, от имени которой дела в Туве вел инженер Порватов, пользуясь благоприятно сложившейся обстановкой в связи с свержением цинской династии, вступила в переговоры с нойоном Даа-хошуна Боянбаторху по вопросу об аренде ак-товаракских месторождений, 25 сентября 1912 г. подписала с ним предварительный договор и сделала даже первые платежи по договору.

Содержание договора показывает явно неравноправный характер этого контракта между Даа-нойоном и си-

[21] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 34.

бирским золотопромышленником-миллионером Иваницким. Согласно ст. 1-й договора, Иваницкий получал право на добычу асбеста в районе цепи гор, носивших название «Ак-Товарак», выделку из него различных изделий и продажу их. «Общее протяжение содержащих асбест площадей равняется приблизительно пяти верстам при ширине в три версты». В договоре дальше дается точное описание местонахождения указанных площадей. Иваницкий имел право производить свои работы как один, так и в компании с другими предпринимателями, объединившись с ними в товарищество или акционерное общество. Вместе с тем он получил право «означенные предприятия продавать или передавать по его усмотрению другим лицам русского подданства» [22].

Иваницкий имел право занимать для горнопромышленных надобностей там, где это понадобится, земельные площади под постройку фабрик, заводов, жилых помещений, складов, амбаров и других помещений. Эти земельные площади он получал без особой платы Кемчикскому хошуну. В ст. 4-й договора указывалось, что Иваницкий не может использовать участки земли, которые тувинцы считают священными. Иваницкий получал право бесплатно пользоваться дорогами, строить мосты через реки, прокладывать к своим рудникам и складам новые дороги, проводить воду к своим рудникам из тех рек, которые будут признаны удобными (не уничтожая при этом тувинских мочагов), ему отводилось достаточное количество сенокосных площадей. Он мог свободно нанимать тувинцев и русских на работу.

Желая больше заинтересовать тувинскую администрацию, Иваницкий включил в договор ст. 10-ю следующего содержания: «Для удобного сношения рудничной администрации с рабочими урянхами и для подчинения их правилам рудничного распорядка нойон назначает по желанию г. Иваницкого в число служащих (старост, десятников) одного или несколько Урянхайских чиновников с отдельным за то вознаграждением от конторы рудников Иваницкого.

Для поддержания порядка на своих рудниках среди русских рабочих г. Иваницкий обязан содержать необхо-

[22] ГАНО, ф. 47, д. 127, л. 13.

димое количество горно-полицейской стражи»[23]. Характерна и ст. 12-я договора: «Могущие возникнуть на рудниках недоразумения между рабочими прекращаются по справедливости Управлением рудниками, не допуская их до серьезных осложнений. Дела же о тяжелых проступках должны передаваться на разрешение смешанного суда, состоящего из Заведующего Пограничными делами Усинского округа и Урянхайских высших чиновников»[24]. На этот же суд возлагался и арбитраж при недоразумениях и разных толкованиях той или иной статьи договора.

Помимо этого, Иваницкий получал, согласно ст. 15-й, исключительное право на разведку минеральных богатств Даа-хошуна.

За все эти права, т. е. фактически за право монопольной эксплуатации естественных богатств Кемчика, Иваницкий должен был уплачивать хошуну ежегодно всего лишь тысячу рублей. Вряд ли можно было навязать более кабальный договор, чем названный договор Иваницкого с Даа-нойоном Боянбаторху. Русский промышленник получил за бесценок право на разработку колоссальных богатств Кемчика, принадлежавших тувинскому народу.

Бесстыдство сделки между Иваницким и нойоном возмутило даже усинского пограничного начальника Церерина, который внес в договор несколько статей, ограничивающих право промышленника и требующих от него уплаты за материальные потери, которые несут тувинцы в связи с подписанием этого типично кабального договора. Церерин ограничивал право разведки асбестовых месторождений Иваницкого сроком на четыре года, после чего, в случае обнаружения Иваницким новых месторождений асбеста и желания начать их промышленное использование, он должен был заключить новый договор. Кроме того, Иваницкий должен был платить тувинскому хошуну за каждое срубленное дерево, при этом цена платы определялась соглашением между Даа-нойоном и усинским пограничным начальником, т. е. без участия Иваницкого. Точно так же Иваницкий должен был платить за сенокосные участки Даа-нойону по особому соглашению между ним и Иваницким. Вместе с этим Церерин ограничил четырьмя годами право разведки на промышленные руды.

[23] ГАНО, ф. 47, д. 127, л. 14.
[24] Там же.

Церерин внес в договор также ст. 16-ю, которая коренным образом изменяла условия и сумму оплаты Иваницким аренды за пользование рудными богатствами Тувы. Эта статья гласила: «Если во время представления г. Иваницкому срока разведки на землях Кемчикского Та-кунь хошуна будет им обнаружено промышленное месторождение какой-либо руды и он, Иваницкий, пожелает начать разработку ее, он должен известить Правление Кемчикского Та-кунь хошуна о своем желании заключить с ним особый договор на право разработки таковой».

За основание для особого договора сторонами принималось следующее: «во-первых, Кемчикский Да-хошун предоставляет право разработки г. Иваницкому для всякой руды на срок впредь до выработки ея; во 2-х, за представленное г. Иваницкому право разработки всяких руд назначаются следующие попудные платы, которые он уплачивает Кемчикскому Да-хошуну в случае добычи этих руд, а именно: при разработке медных руд Да-хошун получает с г. Иваницкого по 5 копеек за пуд выплавленного металла, при разработке серебряных руд Иваницкий платит в пользу хошуна по 30 рублей с пуда чистого металла, за золото 12 рублей с пуда добытого металла, за все другие полезные ископаемые, кроме асбеста, устанавливается плата по специальному соглашению. Если в течение четырехлетнего срока разведки, представленного г. Иваницкому, будет найдено где-либо в Кемчикском Да-хошуне асбестовое месторождение, г. Иваницкий по настоящему договору имеет исключительно право разрабатывать его без особого за то вознаграждения, так как им обусловлена уже уплата Кемчикскому Да-хошуну за право выработки асбеста ежегодной аренды по одной тысяче рублей» [25]. Таким образом, этой статьей было положено некоторое ограничение выторгованных уполномоченным Иваницкого у Даа-нойона широких прав на промышленную эксплуатацию Иваницким Кемчикского хошуна, который, согласно этому договору, становился промышленной вотчиной Иваницкого.

Церерин внес и еще одно дополнение: за право разведки всяких руд Иваницкий должен был уплатить нойону

[25] ГАНО, ф. 47, д. 127, л. 15.

единовременно 2 тыс. руб. деньгами. Наконец, Церерин даже вписал статью, по которой взносы Иваницкого хошуну должны были происходить в конце операционного года, а копии расписок и квитанции должны были передаваться усинскому пограничному начальнику.

По существу ограничения Церерина не меняли коренным образом сути этого кабального договора, они только в некоторой мере ограничивали Иваницкого. Причиной, вызвавшей такое вмешательство Церерина, было не желание соблюсти интересы тувинского народа, оградить его от грабежа со стороны миллионера, а политические соображения. Церерин в то время стремился привлечь на свою сторону тувинских правителей, он ждал от них заявлений о добровольном присоединении к России и поэтому всячески с ними заигрывал, старался подкупить их. Несомненно, его вмешательство в дела между Кемчикским Дааной-оном и Иваницким мотивировалось этими соображениями: Церерину нужно было показать себя защитником интересов хошуна. Но Иваницкий не пожелал согласиться с упомянутыми поправками, к тому же и политическая обстановка мешала осуществлению его замыслов и планов.

Описанные нами попытки русских и иностранных фирм начать промышленную эксплуатацию асбестовых месторождений оказались тщетными. Особая сложность политического положения Тувы, противодействие феодально-ламской верхушки Тувы, которая была неспособна понять значение экономического развития Тувы и решительно выступала против внедрения промышленного капитала в Туву, плохие сообщения, дороговизна рабочих рук и другие причины мешали развитию промышленности.

В силу указанных причин в Туве, помимо золотопромышленности, о которой уже говорилось, существовало только несколько небольших кустарных предприятий, удельный вес которых в хозяйстве области был мало ощутим. Из них самыми крупными были [26]: Чжакульский (Чаахольский) кожевенный завод, открывшийся в 1913 г. и выдававший в год до 500 кож; соляный завод Сватикова на оз. Дабусатай, добывший в 1913 г. до 2 тыс. пуд.

[26] ГАНО, ф. 47, д. 29, л. 122.

соли [27], а в 1914 г.— до 5 тыс. пуд. [28] Исключая эти предприятия с весьма примитивной техникой и небольшими оборотами, Тува до революции не знала никаких других промышленных предприятий. Один владелец водочного завода в Минусинском крае хотел открыть в Туве винокуренный завод. Усинский пограничный начальник поддержал его намерение, но оно вызвало резкие возражения со стороны русского населения в Туве, и иркутский генерал-губернатор, который считал, что до окончательного решения вопроса о принадлежности Тувы России нельзя спаивать тувинцев, запретил строить завод.

В целях развития и поощрения торговли и промышленности в Туве в 1907 г. в Минусинске было создано специальное акционерное торгово-промышленное общество «Объединение». Общество это составилось из местных торговцев и промышленников, которые имели свои торговые и промышленные заведения в Туве. Устав общества, принятый учредителями 12 июля 1907 г., предусматривал в качестве задач общества всемерное содействие развитию торговли, промышленности и сельского хозяйства в Туве [29]. Однако он не был осуществлен, потому что общество не собрало достаточных капиталов и скоро прекратило свое существование.

4. ПРОНИКНОВЕНИЕ В ТУВУ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Борьба империалистов за новые рынки сбыта обострила между ними борьбу за колонии, принимала самые разнообразные формы и отличалась упорством и постоянством. Несмотря на то, что Тува фактически, а затем и юридически входила в сферу русских экономических интересов, иностранные капиталисты, используя самые различные способы, в частности связи с русскими купцами и предпринимателями, пытались завладеть естественными богатствами Тувы. Так, изучением условий торговли и промышленности в Туве занимались японские разведчики. Сюда приезжали ученые японские коммерсанты Томиэ Самоо и Сайдиро Тохато [30]. Западная Мон-

[27] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 6, д. 70, л. 44.
[28] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 197, 201.
[29] Там же.
[30] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 10, д. 145, лл. 1—10.

голия и частично Тува были предметом внимания и немецких фирм. С 1910 г. в Туве стали появляться скупщики пушнины от лейпцигских фирм [31]. Большой интерес к тувинским естественным богатствам проявляли англичане и французы. Первых привлекало золото [32], а вторых — асбест. Иркутский генерал-губернатор 28 марта 1911 г. доносил министерству иностранных дел: «Между тем иностранцы за последние годы начинают все более и более интересоваться Урянхайским краем и его горными богатствами. Министерству иностранных дел уже известен один случай о попытке иностранцев заняться разработкой горных богатств в Урянхайском крае. В данном случае я имею в виду поездку в Урянхайский край в конце 1906 года представителя Парижского синдиката по разработке асбестовых залежей французского инженера Плено. Министерство иностранных дел тогда же обратило внимание моего предместника на нежелательность проникновения иностранцев в этот край, вследствие чего бывший товарищ Министра иностранных дел Губастов, письмом от 13 сентября 1906 года, за № 1162 просил генерала Селиванова принять меры к тому, чтобы поставить инженера Плено во время пребывания его в Урянхайском крае в такое положение, при котором он не встретил бы надобности в обращении к китайским властям и тем самым не создал бы прецедента в смысле укрепления прав китайцев в этом крае» [33].

Французам удалось добиться разрешения от китайских властей на разработку асбестовых месторождений, но упорное противодействие тувинских властей помешало им воспользоваться этим разрешением. Попытка других лиц, которые действовали от имени французской компании, также кончилась неудачно.

Брюханов и Черепанов открыли рудное золото на р. Кызык-Чадру и вступили в переговоры с бельгийской

---

[31] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, л. 9.

[32] Помимо золота, англичан интересовало в Туве и мараловодство. Порватов в своем отчете «Урянхайский край в связи с положением торгового и промышленного капитала для эксплоатации его естественных богатств» (1911 г.) указывает на намерение англичан «организовать грандиозный маральник» в Туве (ГАИО, св. 7, д. 89, л. 8). Однако нам ничего больше не известно об этой попытке англичан.

[33] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 25, лл. 5—6.

золотопромышленной компанией о продаже ей найденных ими золотоносных площадей. Сделка не состоялась только потому, что приехавший для изучения месторождения инженер этой компании Лахмайер признал его бедным и компания отказалась его купить [34].

Инициаторами приглашения англичан были русские золотопромышленники в Туве. В частности, переговоры об участии английского капитала в золотопромышленности Тувы вел Черневич, у которого на приисках были английские инженеры, давшие высокую оценку золотоносности объявленных им за собой участков по Элегесту и Меччигею [35]. Такие же переговоры вел с англичанами в 1910 г. Г. П. Сафьянов. Этот факт привлек к себе внимание иркутского генерал-губернатора, который на основании донесения начальника Усинского пограничного округа Чакирова о приезде в Туву члена английского парламента Малькольма Смита, сообщил в цитированном уже выше письме министру иностранных дел: «В минувшем году Урянхайский край посетил член английского парламента Малькольм Смит и был только на золотых приисках г. Сафьянова. По донесению пограничного начальника Малькольм Смит прибыл на этот прииск по приглашению самого Сафьянова, желавшего, ввиду переживаемых им финансовых затруднений, или продать свои прииски этому англичанину, или же вступить с ним в компанию» [36].

Генерал-губернатор опасался, что проникновение иностранного капитала в Туву может привести к осложнениям в отношениях между Россией и Китаем, а самое главное к возбуждению урянхайского пограничного вопроса, чего больше всего боялся иркутский генерал-губернатор, ибо «при нашем шатком положении в Урянхайском крае, недоразумении русских с урянхами, когда работы на приисках могут быть не только приостановлены, но и совсем прекращены, участники-иностранцы, не желая нести убытков на затрачиваемый капитал, конечно, не преминут принять, через свои правительства, всех мер к выяснению своего положения, иначе сказать, возбудить нежелательный для нас вопрос о направлении границы в этом крае» [37].

---

[34] «Золото и платина», 1914, № 3, стр. 65.
[35] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 104.
[36] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 25, л. 6.
[37] Там же.

Министр иностранных дел вполне согласился с этим опасением и с предложением требовать от предпринимателей при выдаче им разрешений на занятие золотопромышленностью в Туве обязательства не продавать своих приисков иностранным капиталистам и не допускать их к участию в деле [38].

Следовательно, русские власти принимали меры к тому, чтобы не допустить проникновения иностранного капитала в Туву не потому, что они были против него принципиально,— вся их деятельность и их отношение к факту распространения иностранного капитала в Сибири ясно показывают, что они поддерживали иностранный капитал в его предпринимательской деятельности, но потому, что это могло придать так называемому урянхайскому пограничному вопросу международный характер и создать затруднения для русской колониальной политики в этом крае. Эти меры, несомненно, были причиной того, что иностранный капитал не попал в Туву до 1914 г.

Дело стало меняться после присоединения Тувы к России. И хотя война мешала широкому проникновению иностранного капитала, он все же, покровительствуемый царскими властями, спешил обосноваться в Туве.

В 1914 г. в Минусинске появились представители бельгийской автомобильной фирмы, предполагавшей установить автомобильное сообщение между Минусинском и Усинском [39]. По каким причинам не удалось предприятие бельгийцев, нам неизвестно.

В 1915 г. обанкротился на золотой промышленности один из владельцев самых крупных приисков в Туве — Сафьянов, и его компаньон по приискам Железнов обратился за поддержкой к английским капиталистам. По вызову Железнова на Тапсу, где находились прииски Сафьянова и Железнова, прибыли английские инженеры, которые после проверки запасов золота договорились с Железновым об образовании акционерной компании по разработке золота [40].

Революция положила конец всем поползновениям иностранного капитала на Туву.

---

[38] Там же, л. 8.
[39] «Минусинский край», 1914, № 36.
[40] «Золото и платина», 1915, № 21—22, стр. 295.

5. ИЗУЧЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ БОГАТСТВ ТУВЫ

Важным показателем интереса России к промышленным возможностям Тувы является энергичное изучение естественных богатств края. Мы уже в третьей главе остановились на этом вопросе. Для развития промышленности наибольшее значение имело геологическое изучение Тувы. Геологию Тувы изучали Ячевский, Рачковский, Педашенко, Аргентов, Шульга, Порватов, английский инженер Нэвант, приезжавший с экспедицией золотопромышленника Вострогина для исследования золотых россыпей. В 1916—1919 гг. в верховьях Кара-Хема исследовала золотые россыпи экспедиция финляндской золотопромышленной компании. Торговая экспедиция в Монголию в 1910 г. захватила также и Туву. Специальная экспедиция профессоров Томского университета Соболева и Боголепова для изучения торговли работала в том же 1910 г. Местные ресурсы изучались бессистемно, на средства частных предпринимателей, которые стремились к поверхностной разведке и хищнической эксплуатации обнаруженных минеральных богатств и в первую очередь золотых россыпей. Но и такое исследование показало наличие в Туве колоссальных естественных богатств и чем дальше, тем все больше привлекало внимание промышленных кругов России.

Сугубо практический характер этих исследований показывает деятельность в Туве инженера Порватова, который изучал минеральные богатства и состояние рынка Тувы на деньги уже известного нам золотопромышленника Иваницкого. Иваницкий ставил дело на весьма широкую ногу. В течение 1905—1911 гг. он организовал четыре экспедиции, которые обследовали почти всю Туву с точки зрения ее горных богатств и торговли. Результаты деятельности этих экспедиций были подытожены в специальном докладе инженера Порватова, представленном в 1911 г. Доклад этот, носящий специфический заголовок «Урянхайский край в связи с помещением торгового и промышленного капитала для эксплоатации его естественных богатств», хранится в делах Иркутского государственного архива. В нем дается сжатая характеристика Тувы как района будущей торговой и предпринимательской деятельности. Начав с краткого обзора современного состояния

Тувы, ее огромных колонизационных возможностей (так, по мнению автора, одна долина Кемчика могла прокормить сотни тысяч людей) [41], автор переходит к путям сообщения. Их крайне плохое состояние было главной помехой на пути индустриализации Тувы. «В настоящее время провоз машин на Урянхайские прииски обходится так дорого, что очень часто стоимость провоза равняется почти стоимости машин» [42], автор поэтому настаивает на ускорении окончания строительства Усинского колесного тракта. Затем Порватов дает полную характеристику Тувы как торгового рынка, обращая внимание на перспективы торговли скотом, качество которого им оценивается очень высоко, а также на пушные богатства Тувы. Он указывает также на большие возможности и для мараловодства.

Что касается горных богатств, то, по мнению автора доклада, они в Туве весьма значительны. Экспедиция Иваницкого открыла золото на северных и южных склонах Танну-олы, она же открыла платину, которая, по заключению Порватова, лучше по качеству, чем уральская. Мировое значение, по мнению Порватова, имеют месторождения асбеста на Ак-Товараке.

Доклад Порватова подводил итоги очень энергичной деятельности Иваницкого по изучению Тувы, как торгового рынка и объекта широкой промышленной деятельности [43]. Результаты не замедлили сказаться: в это время в Туве появились фактории Иваницкого, купленные им у старых русских купцов и предпринимателей. С этим же связана и попытка в 1912 г. начать разработку асбестовых месторождений на Ак-Товараке, а также эксплуатацию золотых россыпей на Идыгее.

Следовательно, начавшееся изучение естественных минеральных богатств Тувы было очень важным показателем выросшего интереса русского капитала к тувинским

---

[41] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 7, д. 89, лл. 4—13.

[42] Там же.

[43] Еще до Порватова подобную же «Записку по вопросам, касающимся достижения благоустройства и развития Усинского края в интересах русской колонизации, промышленности и торговли в крае вообще» составил В. Чирков, где он кратко рассмотрел пути сообщения, благоустройство края, русские интересы в Урянхае и другие вопросы.

естественным богатствам. Но мы уже говорили, что это изучение естественных богатств Тувы было поверхностным, что оно ставило целью их использование не в интересах народа, а в интересах кучки капиталистов, стремившихся извлечь из этих богатств личные выгоды.

Попытки создать промышленные заведения, изучение естественных богатств Тувы знаменовали собой стремление промышленного и финансового капитала, русского и иностранного, проникнуть в верховья Енисея и ввести его в промышленный оборот. И все говорило о том, что в период империализма Тува, как и всякая другая колония, становилась объектом борьбы между капиталистическими объединениями, между империалистами. Проникновение английских, французских, бельгийских, японских капиталистов и капиталистов других стран отражало борьбу империалистов не только за рынки сбыта, открытого и используемого сырья, но и за рынки возможного сырья.

6. СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДА БЕЛОЦАРСКА (КЫЗЫЛА)

Крупнейшим событием в социально-экономической жизни Тувы было основание первого города. Инициатива построения города принадлежит переселенческому управлению, которое нуждалось в административном центре. Проектируя строительство города в Туве, оно исходило из решения Государственной думы, которая при обсуждении сметы переселенческого управления на 1913 г. приняла положение об образовании торговых и промышленных центров на азиатских окраинах [44].

Выбирая место для строительства города, переселенческий чиновник в Туве даже не счел нужным посоветоваться с местной русской администрацией и местными жителями, а указал его при слиянии Бий-Хема и Каа-Хема [45], в то время как местная администрация и местные жители считали более практичным строить город на Чаахоле, который являлся центром торговли русских в Туве [46]. Недо-

---

[44] ГАНО, ф. 47, д. 170, л. 2.

[45] Местечко это называлось Виланы.

[46] Так, например, комиссар по делам Урянхайского края Церерин в письме к енисейскому губернатору писал, что выбор места для строительства города совершенно неудачен: «окрестности Вилан пустынны, а путь, пролегающий через Виланы в Монголию (в г. Уля-

статком избранного места считали и отдаленность его от основной массы туземных жителей Тувы, сосредоточенной на Кемчике. Город, которому Габаев дал название Белоцарска, был заложен весной 1914 г. Для его строительства были завербованы переселенческим чиновником сотни рабочих, которые должны были строить казенные здания, а также частные дома. В городе предполагалось открыть русско-тувинскую школу, больницу, ветеринарный пункт, склад сельскохозяйственных орудий, переселенческую лавку для торговли с тувинцами по рыночным ценам. Габаевым были разработаны правила об отводе участков во вновь образуемом городе, прототипами для которых служили правила заселения поселка Самсоновского в Сыр-Дарьинском районе.

Правила эти сводились к следующему:

1. Участки для заселения отводились русским.

2. При отводе взимался единовременный сбор в сумме в 5, 15 и 25 руб. в зависимости от местоположения отводимого участка.

3. Каждый житель города должен был в течение года со дня получения участка огородить его, устроить тротуар и посадить деревья.

Для содействия администрации в строительстве города создавался специальный комитет по благоустройству города, решения которого уже утверждались заведующим устройством русского населения в Урянхае [47].

Земля, на которой Габаев заложил город, являлась спорной среди тувинских хошунов Салчакского, Оюннарского и Маадларского. Русский землевладелец в Туве Черневич считал ее своей и жаловался на Габаева, который без его разрешения занял якобы его землю и даже не отвел ему желаемого участка в городе для его личной усадьбы. Габаев, игнорируя «права» Черневича, пытался договориться с тувинскими нойонами, но последние, не в пример туркестанским бекам, с которыми Габаеву удавалось довольно легко совершать подобного рода земельные сделки в бытность его на службе в Сред-

---

сутай) торгового значения не имеет». Он предлагал сделать центром Чаа Холь или Шагонар (ГАИО, ф. 25, св. 10, д. 145, л. 8). Не согласен был со строительством города на Виланах и иркутский генерал-губернатор (ГАИО, св. 8, д. 109, л. 4).

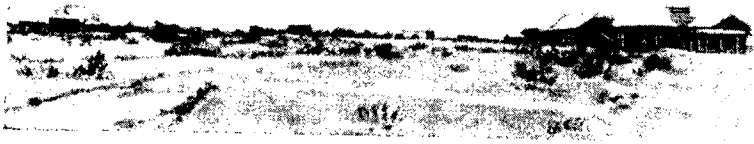
[47] ГАНО, ф. 47, д. 102, л. 3.

ней Азии, решительно отказались заключить какое-либо соглашение, ссылаясь на родоплеменные права земельной собственности [48]. Это не остановило переселенческого чиновника, он захватил землю без согласия тувинских нойонов. Всего было нарезано 325 участков для заселения города. Переселенческая организация прилагала все усилия к тому, чтобы как можно быстрее заселить город. В русские пограничные селения и города рассылались специальные объявления с приглашением переселиться во вновь строящийся город, направлялись специальные вербовщики, расписывавшие все удобства и благополучие от переезда в Белоцарск. Центральная и местная пресса восторженно описывала местоположение нового города и его перспективы в будущем. Через три месяца после того, как город был заложен, «Сельский вестник» информировал своих читателей: «В центре Урянхайского края, на узле дорог из России в Монголию, при слиянии Большого и Малого Енисея с весны текущего года быстро, по-американски, растет город Белоцарск, энергично устраиваемый местным деятелем Габаевым» [49].

Это было пустословие. На самом деле город строился медленно, безалаберно, растрачивались огромные средства, нещадно эксплуатировались русские рабочие-строители, подрядчики наживали большие деньги, на строительство уходила значительная доля ассигнований на переселенческое дело в Туве, а город в течение долгого времени представлял собой беспорядочную стройку. О бесхозяйственности строительства города очень хорошо рассказывает И. Г. Сафьянов, один из очевидцев дела: «Об этой постройке сложились целые легенды. Между прочим рассказывают, что вырубка двухэтажного сруба в 18 комнат обошлась около 18 000 рублей, а сколько стоила потом его отделка и крыша, об этом трудно сказать... Много говорили и о том, как Габаев заготовил 150 кубов круглого булыжника, собирая его по берегам Енисея, и частью доставал его из воды, и когда этот булыжник оказался ни для чего не пригодным, и над Габаевым стали смеяться, то он распорядил-

[48] М. Кайский. В урянхайской земле. «Минусинский листок», 1915, № 17.

[49] «Сельский вестник», 1914, № 162.

Белоцарск в 1915 г.

ся сбросить этот камень обратно в Енисей, чтобы ничто не напоминало ему о его глупости...» [50]. Картина воистину достойная пера Салтыкова-Щедрина.

О нещадной эксплуатации рабочих-строителей Белоцарска можно судить по многочисленным заметкам, которые появлялись в минусинских газетах, а также по архивным материалам. Завербованных рабочих обсчитывали при расчете так же, как это практиковалось на строительстве Усинской колесной дороги. Переселенческое управление установило оплату труда рабочих не деньгами, а товарами из переселенческой лавки. А товары рабочие в свою очередь должны были обменивать на продукты у тувинцев. Рабочие решительно возражали против этого, но им отвечали угрозами увольнения и полицейскими репрессиями [51].

В конце 1914 г. в Белоцарске сгорело только что построенное здание переселенческого барака [52].

Бесхозяйственность и бесконтрольность при строительстве приводила к тому, что строительство города затягивалось. «Минусинский листок» в начале 1915 г. писал о состоянии работ по строительству Белоцарска: «С ранней весны началась постройка переселенческого пункта, зданий под пограничное управление и церкви, но до сих пор не только рабочие, служащие и топографы, но и сам Га-

---

[50] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд. Хрестоматия по истории тувинского народа. Из записок И. Г. Сафьянова, стр. 97.

[51] «Минусинский листок», 1915, № 17.

[52] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 13, д. 180; ГАНО, ф. 27, д. 164, л. 2.

баев со своей канцелярией не устроили еще себе пригодного для зимы помещения»[53]. Если так обстояло дело с объектами строительства переселенческих учреждений, то еще хуже было дело с частными постройками. Участки под строительство домов в городе разбирались очень медленно и неохотно[54], что совершенно ясно говорило о непопулярности города среди русских купцов и предпринимателей, как раз тех, на кого в первую очередь ориентировались в качестве первых засельщиков в Белоцарске. К середине 1914 г. из 325 участков было занято только 40[55]. Тувинцы совершенно не селились в городе, хотя Габаев обратился со специальным письмом к правителю Кемчикского хошуна Буянбаторху.

К началу 1916 г. в городе насчитывалось 18 казенных и 54 частных зданий с населением в 468 человек, из которых служащих было 43 человека[56], а остальные были строители, купцы, приказчики, ремесленники и т. п. В городе было единственное двухэтажное здание, принадлежавшее переселенческому управлению. Кроме казенных зданий, в нем был врачебный пункт, склад сельскохозяйственных орудий, товарная переселенческая лавка. С переселенческой лавкой конкурировали еще пять лавок, специальная мясная торговля и немного позже был открыт базар. Тувинское население постепенно стало привыкать к городу, который так ими и назывался «Хорой» (город), и привозить сюда для обмена свои продукты. В годы гражданской войны и интервенции значительная часть города сгорела, а образовавшийся впоследствии на этом месте современный центр Тувинской автономной области г. Кызыл был выстроен после революции.

7. СТРОИТЕЛЬСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИЗ РОССИИ В ТУВУ

Отсутствие хороших путей сообщения из России в Туву являлось одной из серьезных причин слабого развития

---

[53] «Минусинский листок», 1915, № 17.
[54] ГАНО, ф. 47, л. 180, лл. 14—16.
[55] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 8, д. 109, л. 35.
[56] ГАНО, ф. 57, д. 161, лл. 23—24. К началу 1917 г. в городе было 22 казенных дома, 92 частных дома с населением в 740 человек. С осени 1916 г. в городе работали кожевенный завод и лесопилка (там же, лл. 27, 28).

русской промышленности и торговли в Туве, и представители русских торгово-промышленных кругов, заинтересованные в развитии в Туве торговли и промышленности, неоднократно как в частных записках в адреса органов государственной власти, так и на различного рода совещаниях, настаивали на проведении колесного пути из Усинска в Туву и устройстве пароходного сообщения по Енисею. Так, например, Канское совещание 21 ноября 1906 г. в своем протоколе по вопросу о развитии подъездных путей в Сибири записало: «Относительно необходимости безотлагательного проведения грунтового пути, который бы соединил Усинский край с Минусинским уездом, говорить не приходится; необходимость эта известна всем и каждому. Только с проведением этого пути возможно установить правильные торговые сношения с Монголией и вызвать к жизни прозябающую сейчас в этом крае горную промышленность» [57].

С другой стороны, в улучшении путей сообщения с Тувой было заинтересовано военное ведомство, которое исходило из интересов обороны страны, а также из целей захватнической политики царизма в центральной Азии.

На практическую почву вопрос об улучшении способов сношения с Тувой встал в 1906 г., когда обнаружились преимущества китайской торговли в Туве, а вместе с тем и актуальность дорожного строительства в верховьях Енисея для военных нужд. Вопрос этот наряду с другими дорожными проблемами в Азиатской части России рассматривался на известном совещании 1906 г. в г. Иркутске о путях в Сибири. Ему посвящен ряд записок, проектов, постановлений местных организаций, докладов и выступлений (свыше 10), что свидетельствует о том, какое значение уделяли власти этому предмету. На обсуждение совещания были представлены проекты и обоснования их по:

а) строительству грунтовой дороги от Минусинска в Туву (Усинской колесной дороги),

б) устройству пароходного сообщения в верхней части Енисея [58],

---

[57] Труды совещания 1906 г..., стр. 201.

[58] Открытие пароходного сообщения с Тувой по Енисею по расчетам экономистов должно было удешевить провоз товаров в 8—10 раз.

в) строительству узкоколейной железной дороги для соединения Усинского края с Канском или Ачинском.

Так как последнее намерение было высказано в самой общей форме и не имело за собой более серьезного экономического обоснования, то оно потеряло значение первоочередной задачи. На первое место было поставлено строительство Усинского тракта, как самого наинужнейшего дела, а также очищение фарватера Енисея от порогов и камней и организация судоходства в верхней части Енисея.

Вопрос о строительстве Усинского тракта местными органами власти и купечеством был поставлен в 1896 г., а военными органами еще на год раньше. В указанном году золотопромышленник Пашенных и купец Сафьянов возбудили ходатайство о проведении грунтовой дороги в с. Усинское через Кебеж, Буйбу и одновременно они же предлагали расчистить русло р. Енисея почти до слияния двух Енисеев в Туве. Они предлагали сделать то и другое за 100 тыс. руб. Но хотя эти проекты были поддержаны усинским пограничным начальством и Минусинской городской думой, согласие высших органов власти не было получено. В 1898 г. военным ведомством был послан для изыскания пути военной дороги за Саяны инженер Сикорский, который определил стоимость строительства дороги в 400 тыс. руб. Эта сумма, необходимая для строительства Усинской дороги, показалась военному министерству настолько большой, а военная целесообразность строительства дороги — ввиду естественной безопасности пограничного участка — настолько незначительной, что проект Сикорского не получил движения. И только после решения совещания 1906 г. Иркутский дорожный отдел приступил к изысканию более удобного пути для строительства дороги. В течение 1907/8 г. проводились изыскательные работы, а в 1909 г. законом Государственной думы от 19 июня было утверждено строительство дороги на государственный счет, причем на изыскание наилучшего пути для дороги, а также строительство ее был открыт кредит в размере 1250 тыс. руб. Однако приготовительные работы к строительству Усинского тракта (с. Григорьевка — с. Усинское) затянулось до 1911 г. С первых же дней строительство велось неудовлетворительно. За два года было проложено всего лишь 32 км пути. Газета «Минусин-

ский край» писала в 1914 г.: «Без конца тянется канитель, именуемая Усинской колесной дорогой. Четвертый год строят ее, а все никак не могут дальше 35 версты продвинуться» [59].

Строительство отдельных участков дороги было отдано разным подрядчикам, которые извлекали из дела огромные прибыли, но строили дорогу скверно. Они грабили государственную казну, грабили и рабочих, обманом завербованных на стройку.

Для иллюстрации этого приведем сообщение из газеты «Минусинский край»: «В прошлом году дорожные подрядчики привезли до тысячи рабочих на постройку из дальних мест — из Нижнеудинска, Верхнеудинска, даже Читы... Им обещали поденную оплату по 1 р. 70 коп., а когда они приехали на место, то им назначили по 90 коп. Рабочие все ушли с работы. В текущем году вновь наняли 250 рабочих из Минусинского уезда, обещали платить по 1 р. 70 коп., а на месте ставили 1 рубль. Пробыв на месте два дня, рабочие в числе 100 человек бросились обратно, побираясь дорогой чуть не христовым именем» [60].

Конечно, не все рабочие могли убежать, узнав настоящие условия оплаты труда. Некоторые из них вынуждены были продолжать работу, несмотря на обман подрядчиков, и попадали буквально в кабалу. На стройке был установлен такой порядок, что рабочий получал расчет не деньгами, а ордерами, по которым он должен был забирать продукты в лавке подрядчиков, где фунт сала продавался за 30 коп., в то время как его покупали здесь же за 15 коп. Такой порядок расчета сводил почти на нет и без того низкий заработок рабочих.

Не лучше были жилищные условия рабочих. О них газета «Минусинский листок» с возмущением писала на своих страницах: «А рабочие живут в холодных, грязных, сырых, с земляным полом балаганах, именуемых «бараками». В этих бараках нельзя жить. Это не жилища, а рассадник эпидемий. У хорошего хозяина куда лучше устроены для скота конюшни, чем у гг. Закостельского и Надуткина жилища для рабочих» [61].

---

[59] «Минусинский край», 1914, № 28.
[60] Там же.
[61] Там же.

Так самой беззастенчивой эксплуатацией и грабежом русских рабочих прокладывалась дорога, в которой в первую очередь были заинтересованы купцы и золотопромышленники.

Война еще больше затормозила строительство дороги. Рабочих стало не хватать, и на стройку были направлены заключенные, которые в крайне тяжелых условиях продолжали строительство. Но царское правительство так и не успело достроить дороги. Она была закончена уже в советское время, когда и самое назначение дороги изменилось. Она стала средством сообщения Тувы с советской страной.

Небольших результатов добились и с устройством пароходного сообщения по Енисею. Были проделаны большие работы по исследованию пути, убрали некоторые камни, но у переселенческой организации не нашлось средств приобрести пароход для водного сообщения на Верхнем Енисее.

Попытки устройства лучших путей сообщения с Тувой наглядно демонстрируют бессилие царской власти разрешать хозяйственные проблемы даже в интересах господствующего класса.

8. РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ В ТУВЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Для суждения о росте русско-тувинского торгового оборота в конце XIX — начале XX в. мы располагаем данными, приведенными в таблице 25.

Эти данные весьма неудовлетворительны и могут быть использованы только для сравнения и некоторых общих выводов. Основным их источником до 1908 г. являются сведения, представленные в русские консульства в Монголии русскими купцами, а с 1908 г.— данные Усинского пограничного управления, также составленные путем опроса купцов.

Они показывают, что общий оборот русско-тувинской торговли к 1900 г. составил 300 тыс. руб., а в 1912 г. достиг почти 800 тыс. руб., т. е. за десятилетие он увеличился больше чем в два с половиной раза. Однако рост русско-тувинской торговли шел неравномерно на всем протяжении первого десятилетия XX в.

Грумм-Гржимайло при описании русской торговли в Туве указывает на наличие в ней торгового кризиса, об-

Таблица 25

Год	Вывоз (в руб.)	Ввоз (в руб.)	Год	Вывоз (в руб.)	Ввоз (в руб.)
1891	98 171	101 258	1902	141 742	147 105
1892	77 291	81 802	1903	146 851	161 149
1893	64 762	77 754	1904	156 062	159 346
1894	58 324	56 713	1905	151 138	175 267
1895	65 606	82 126	1906	157 002	238 478
1896	113 664	130 428	1907	206 429	206 429
1897	133 900	133 167	1908	218 513	224 596
1898	153 505	136 167	1909	455 500	594 400
1899	155 792	143 153	1910	411 000	441 800
1900	118 144	122 400	1911	350 400	283 200
1901	130 776	142 556	1912	387 300	403 500

наружившегося в 1900-х годах. Этот кризис он склонен объяснять вторжением в Туву китайского капитала.

На самом деле кризис обнаружился немного раньше, еще в конце 1890-х годов, когда русские купцы уже стали жаловаться на отсутствие того спроса и тех прибылей, которые они получали в 70—80-х годах. Об этом сообщает в своей статье Небольсин, говоря, что купцы жаловались ему на сокращение спроса на товары, на обеднение тувинцев, на невыгодность торговли в Туве[62]. Приведенные выше статистические материалы не подтверждают сокращения русско-тувинской торговли, но они свидетельствуют о том, что в течение 1889—1905 гг. торговый оборот рос медленно. Однако к концу прошлого столетия действительно кончился период тех неслыханных прибылей, которые получали русские купцы раньше. Более чем двадцатилетняя торговля с тувинцами должна была, естественно, привести к этому. Вначале тувинцы располагали большими сравнительно стадами скота, которые не были объектом торговых операций. На первых порах они не имели истинного представления о рыночной стоимости товара, да и самый запас скота позволял им не считаться

[62] «Енисей», 1896, № 48.

особенно с ценами на товар. Но по мере того, как в ходе развития торговли стадо тувинца сокращалось, он постепенно познавал действительную цену товара, и прибыли русских купцов стали сокращаться, получение их в дальнейшем потребовало от купца приложения известных усилий, ему становилось труднее обманывать тувинца-покупателя.

Уже в 90-х годах наблюдались первые случаи перехода русских купцов в Туве к предпринимательской деятельности, т. е. уже тогда началось превращение торгового капитала в промышленный, но это были лишь единичные случаи. Минусинский мещанин Черненков, служивший в конце 90-х годов приказчиком купца Кочнева, сообщил, что на Кемчике русские купцы и торговцы в этот период широко занимались предпринимательством. «Русские торговцы,— писал он,— завели здесь табун лошадей, многочисленные стада рогатого скота и стары овец, а попутно ведут и полевое хозяйство, пользуясь дешевым трудом сойотов» [63].

Крупнейшие русские купцы Сафьяновы стали заводить свое хозяйство в конце 90-х годов. И. Г. Сафьянов по этому поводу пишет: «Я приехал в Урянхай в 90-х годах, двадцать лет спустя после этих печальных событий, и память о них уже изгладилась (речь идет о выступлении тувинцев против русских торговцев в 70 г.— *В. Д.*), но все же мне было стыдно за своих соотечественников и я сразу встал на сторону сойот, сразу почувствовал к ним особую симпатию. Сойоты поняли меня и с тех пор у нас завязалась большая дружба, что, конечно, не выгодно отразилось на нашем торговом деле, которое велось еще по старой системе, где было обычным брать 100 или более процентов на товар. Вскоре по моему настоянию отец прекратил торговлю и занялся золотопромышленностью, я же взял на себя ведение скотоводства и сельского хозяйства» [64]. Оставим в стороне субъективные побуждения, которые заставили одного из пионеров русского торгового капитала в Туве прекратить торговлю и заняться производственной деятельностью, нам важно зафиксиро-

[63] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXXX, 1907, стр. 50.

[64] Тув. НИИЯЛИ, рукоп. фонд. Хрестоматия по истории тувинского народа. Из записок Сафьянова, стр. 96.

вать этот факт перехода от торговли к занятию производством.

Появление китайского торгового капитала в Туве ускорило этот процесс перехода русских купцов к производственной деятельности.

9. КИТАЙСКИЙ ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ В ТУВЕ

Собственно китайский капитал стал проникать в Туву еще в XIX в. Мы уже приводили[65] свидетельство Африканова о торговле тувинского амбын-нойона китайскими товарами. Агентурой китайского торгового капитала в Туве являлись китайские чиновники, наезжавшие в Туву, и тувинские чиновники, выезжавшие в Улясутай и Китай и привозившие с собой китайские товары. Но более широким каналом, через который систематически вливались в Туву китайские товары, была монастырская торговля. Буддистские пастыри, как мы уже говорили в главе седьмой, специализировались на этой торговле, и она служила для них важным источником обогащения. Однако сравнительно слабое проникновение китайского торгового капитала в Туву до начала 1900-х годов объясняется не только запретом этой торговли со стороны китайского правительства, но и слабостью торгового капитала в Китае и в особенности неразвитостью промышленности Китая, изделия которой сбывали китайские купцы. Появление в Туве непосредственно самих китайских торговцев объясняется вторжением в Китай иностранного капитала, вытеснявшего собственно китайский капитал на окраины империи.

Китайское правительство под влиянием своих торговцев, стесненных иностранным капиталом, стало разрешать им торговлю даже в Туве, которая ранее была для них запретной зоной. Первые китайские торговцы появлялись в Туве наездами с 1895 г., но с 1901 г. они обосновались в ней постоянно. Так как русская торговля к этому времени прочно укрепилась в Туве, первые китайские купцы должны были прибегнуть к хитрости, чтобы обмануть бдительность русских торговцев и русскую администра-

---

[65] См. его «Русская торговля в Урянхайской земле».

цию. «Первый, прибывший на Кемчик китаец,— читаем мы в одном архивном документе,— назвал себя агентом Русско-китайского банка»[66]. Указывают, что и второй китайский торговец появился на Кемчике в качестве представителя того же банка.

Официальное разрешение, данное в 1903 г. для свободного проезда китайских торговцев в Туву, открыло туда широкий доступ китайскому капиталу. Китайские торговые фактории появились сначала в Чаа-Холе, а затем на Кемчике и в других районах.

Обосновавшись в Туве, китайские купцы очень быстро стали вытеснять оттуда русскую торговлю. В чем причины подобного явления? Этот вопрос не раз уже привлекал внимание писавших по этому предмету. Так, например, Грумм-Гржимайло главной причиной считает дешевизну китайского товара, который не облагался пошлиной и пользовался другими льготами при провозе в Туву, в то время как русский торговец получил такие льготы только после официального присоединения Тувы к России. Очень любопытно мнение по этому поводу начальника Усинского пограничного округа Чакирова, хорошо знавшего торговое дело в Туве, приемы и методы торговли русских и китайцев. Он видит основную причину вытеснения русского торгового капитала в том, что китайские купцы лучше приспосабливались к потребностям тувинского покупателя, его запросам и умели лучше организовать торговлю и связать тувинского покупателя торговым кредитом. Р. М. Кабо видит преимущество китайской торговли в Туве в том, что она была сосредоточена в руках одной крупной монополизировавшей огромный район Западной Монголии торговой компании, и также и в том, что китайские товары, в частности мануфактура, были дешевле русских и скорее находили сбыт в широких кругах тувинского населения. «Задавленный феодальной эксплуатацией, обобранный эксплуатацией торгового и ростовщического капитала, непосредственный производитель,— пишет Кабо,— в смысле покупательной способности представлял собой величину не растущую, а сокращающуюся. Этим объясняется, почему китайские купцы, доставляя населению невзрачный, но относительно «дешевый» и прочный

---

[66] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 26, л. 91.

товар, с большой быстротой завладели и оптовой и розничной торговлей в крае» [67].

Боголепов и Соболев, специально занимавшиеся изучением торгового рынка в Монголии и Туве, пришли к выводу, что главное преимущество китайской торговли в этих странах заключалось в дешевизне мануфактурных товаров, которые ими продавались на этом рынке [68].

Все указанные выше авторы отмечают отдельные преимущества китайской торговли, фактически вытекавшие из особых условий ее деятельности в Монголии и Туве.

Главное преимущество заключалось в том, что китайский торговый капитал действовал у себя дома, в колониях китайской империи, что он пользовался огромными политическими преимуществами, ставившими его в независимое и выгодное по сравнению с русским капиталом положение. Китайский торговый капитал в Туве опирался на всемерную поддержку китайских феодалов и чиновников.

Улясутайский генерал-губернатор, получавший, как говорят, по тысяче ланов от каждой торгующей китайской фирмы в Туве, его многочисленные чиновники, вся тувинская чиновничье-феодальная знать, весь аппарат управления Тувы, подкупленные и оплачиваемые торговцами, поддерживали китайский торговый капитал. Опираясь на эту поддержку, китайский купец беспощадно выбивал долги из тувинцев, которыми он их опутал, пользуясь своим многовековым опытом грабежа малых народов, в частности монголов.

Появившиеся в стране китайские торговцы широко кредитовали тувинцев как по отдельности, так и целыми хошунами. Они, не стесняясь никакими договорами, стали спаивать тувинцев, к чему русские купцы, связанные русско-китайскими договорами, запрещавшими русским ввозить в пограничные области спиртные напитки, прибегали очень редко [69]. Таким образом, как представители

[67] Р. М. Кабо. Очерки..., стр. 115.

[68] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 258.

[69] Органы русской власти самым решительным образом преследовали тех русских, которые провозили водку в Туву. Даже после установления русского протектората торговцы водкой строго наказывались властями и высылались из Тувы (ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 6, д. 70, л. 33).

метрополии, владевшей Тувой, органически связанные в своих интересах с феодалами и всей колониальной администрацией, китайские торговцы имели большое преимущество перед русскими купцами, которые во всех своих отношениях с тувинцами должны были считать себя все же гостями в Туве. В этом особом политическом положении китайского торгового капитала надо видеть решающее условие преимущества его в Туве.

Другим преимуществом китайского торгового капитала в Туве было то, что он выступал не только в роли продавца изделий собственного китайского производства, но и в качестве агента иностранного капитала, продавца изделий более развитых, передовых капиталистических стран. Здесь, на далекой периферии тогдашнего мира, столкнулись не только два купца — русский и китайский, но и два промышленника — английский и американский, с одной стороны, и русский фабрикант,— с другой. В этом столкновении победил англо-американский капитализм, потому что его товары, перепродавцами которых были китайские торговцы, оказались лучше по качеству и дешевле.

Больше всего победа китайского торгового капитала сказалась в области продажи тканей. Мы знаем, что ткани были одним из основных предметов русско-тувинской торговли до прихода китайских торговцев. С появлением последних ткани, изготовлявшиеся русскими фабриками, стали немедленно вытесняться тканями, продаваемыми китайскими торговцами. Однако нам известно, что китайские торговцы продавали собственно не китайские, а американские, английские, а также и японские ткани. Сбываемая в Туве китайскими торговцами далемба представляла собой своеобразный вид американской и японской дрели, которая разрезалась на куски по 5 м каждый и окрашивалась в китайских мастерских в синий или красный цвет. Только перед самым началом империалистической войны на тувинском рынке появилась далемба русского производства, способная выдержать конкуренцию с китайской [70].

Боголепов и Соболев пишут: «В настоящее время в Монголии продается преимущественно американская и

[70] «Торговые известия», 1926, № 61, стр. 2.

английская далемба, которая привозится в китайские порты в суровом виде и затем окрашивается ручным способом в излюбленные монголами цвета в небольших китайских мастерских Калгана и других городов... Монголы считают иностранную далембу более прочной, чем русскую. На расспросы экспедиции монголы единодушно заявляли, что иностранная ткань прочнее русской: халат из первой носится 2 года и более, а халат из второй — не более одного лета. Один монгол около озера Шар-нура Западной Монголии приводил даже местную поговорку: «У китайцев хорошая далемба, у русских — хорошее железо и кожи» [71].

Выкрашенная кустарным способом американская далемба не только была лучше, но и стоила дешевле русской далембы производства фабрики Морозова, Тверской мануфактуры и др. Те же авторы передают, что на Кемчике кусок русской далембы обходился в 2 руб. 25 коп., в то время как китайские купцы продавали его за 1 руб. 70 коп.— 1 руб. 80 коп. По другим сведениям, кусок китайской далембы там же стоил 1 руб. 80 коп., в то время как русская далемба, стоящая в Москве 1 руб. 90 коп., с привозом в Туву поднималась в цене до 2 руб. 15 коп. Эти высокие цены на русскую мануфактуру объясняются, помимо всего прочего, тем, что русские промышленные базы отстояли от Тувы на расстоянии 4—5 тыс. км и доставка товаров на такие дальние расстояния, при весьма плохих и дорогих путях сообщения, значительно повышала себестоимость русского товара.

Чтобы выйти из этого положения, русские купцы покупали китайскую далембу и продавали ее на более выгодных условиях, чем русскую. Подобное же положение было и с другими видами тканей. Следовательно, в результате большой прочности и дешевизны китайская, а по существу американская и английская ткань вытесняла русскую и помогала китайскому торговцу, выступавшему в качестве агента американского и английского капитала, теснить русскую торговлю.

Третьей очень важной причиной успеха китайской торговли было то, что китайский торговец находился ближе к таким массовым товарам тувинского потребления, как

---

[71] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 254.

чай и табак, в то время как русские должны были покупать их в Китае, чтобы продать в Туве.

Следовательно, преимущества китайского торгового капитала в Туве вытекали из его положения в социальной и политической системе китайской империи, колонией которой была Тува, они заключались в его связях с англо-американской промышленностью, в наличии в его руках товаров, составлявших предмет первой необходимости тувинца.

Эти преимущества китайского торгового капитала были тесно связаны с его особенностями, заключавшимися в том, что он был прекрасно организован, имел вековой опыт торговли среди монголов, прекрасно изучил потребности и вкусы своих покупателей. Весьма характерной особенностью китайского торгового капитала было то, что он широко прибегал к ростовщичеству, которое было его неотделимой функцией; кредитование, ростовщичество очень широко практиковались китайскими торговцами в Монголии, где русскими купцами и была усвоена эта манера ведения торговли в Центральной Азии.

Наличие в руках китайских торговцев более прочной и дешевой англо-американской ткани, беспошлинно ввозимого чая и табака, спирта в виде ханшина, лучших подъездных путей, поддержки местной и центральной китайской администрации давало им возможность вести торговлю лучше, чем русским купцам. Они представляли в Туве монгольские отделения компании так называемых шансийских купцов, монополизировавших всю китайскую торговлю в Западной Монголии, и постепенно распространили свою торговлю на всю Туву. Уже во времена посещения Тувы Родевичем они имели свои лавки во всех районах за исключением Тоджи. В Туве действовало пять китайских торговых фирм: Боянбо, Таши тайфу, Бэтень баду, Янчан, Тамацзу. Центром китайской торговли стал район Кемчика, где была сосредоточена наибольшая часть тувинского населения. Здесь, в самой гуще тувинского населения, на р. Чадаане, китайцы имели пять лавок, в Дженагаше у них было четыре лавки. Следующим средоточием китайской торговли являлся Салчакский хурэ, где китайцы имели три лавки. В Шагонаре и Чаахоле было по четыре лавки. Крупным пунктом китайской торговли служила ставка амбын-нойона. Китайцы

Рога маралов во дворе китайской торговой фактории на Кемчике

забрались далеко на север, они имели две лавки в устье Малого Енисея и три лавки на р. Тапсе. Китайские лавки и фактории встречались и в других местах. Всего по Туве насчитывалось несколько десятков китайских торговых лавок и факторий. Заезжая в глубь Тувы, китайские купцы достигали самых отдаленных тувинских поселений.

Один из документов так характеризует метод торговли китайского купца: «Своим на вид человеческим гостеприимством китаец, преподнося первому попавшемуся к нему урянху большую чашку крепкого вина бесплатно, остальную часть вина отпускает в кредит, наделяет нужным и ненужным товаром и, насчитывая 36% годовых, отпускает его из своей юрты и затем в срок является к нему, ...отбирает по личной оценке ...живность и уводит ее» [72]. Спаивание тувинцев было одним из важных средств закабаления их китайским торговцем, оно делало тувинца неоплатным должником китайца. Система кредита, от которой русские купцы в последние годы перед революцией стали отказываться, потому что трудно стало взыскивать долг с тувин-

[72] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 26, л. 91.

цев, у китайских торговцев подкреплялась действием ханшина.

О способах кредитования китайскими купцами тувинцев очень подробно рассказывает Родевич, а так как свидетельство его имеет очень важное значение и подтверждается другими источниками, то мы приводим его полностью: «Расчет долговой китайской торговли,— пишет Родевич,— состоит в следующем: торговой единицей считается «баш», кирпич зеленого чая, ценою от 70 к. до 1 р. и 1 р. 20 к. Если туземец берет в долг на некоторое число башей, то половину получает этими башами (т. е. кирпичами чая), а половину — другим товаром по выбору и расценке купца. Для долга устанавливается срок 1—6—12 месяцев, и обусловливается, чем он будет отдан — белкой, или соболем, или скотом; при этом расценка этого товара на баши назначается низкая и произвольная (на баш — 6—8 белок). Если долг в срок не отдан, то он удваивается и отписывается на новый срок; если отдан частью, то удваивается остальная часть. Если нет возможности отдать условленным товаром, то долг отдается русскими деньгами или другим товаром; при этом рубль считается уже не за 6—8 белок, а за 3—4, то есть вдвое дешевле; при получении же скотом делается такая оценка, что за ссуженный рубль китаец выгоняет уплату до 5 рублей, или годовалого бычка («торбака»). Имея в виду, что за бесспорные долги отдельных сойотов отвечает вся их община, китайцы охотно взыскивают лишь половину; другая половина удваивается, как просроченная, и долг, таким образом, не погашается вовсе, а переходит в постоянный с ежегодным доходом до 100%; при отказе туземца платить — китаец обращается к общине, и та по большей части уплачивает, раскладывая долг на всех членов» [73].

Описанная система кредита подтверждается и Боголеповым и Соболевым, которые ее наблюдали во время торговой экспедиции в Монголию и Туву в 1910 г. Названные авторы пишут: «Ь Сойотии при продаже чая в кредит китайцы начисляют 100% прибавки.

Кредит, оказываемый монголам китайскими купцами, приобретает резко ростовщический характер с того вре-

[73] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 25—26.

мени, когда должник не уплатит своего долга в срок. Здесь сразу начинается усиленное начисление процентов по 100 и более в год, и начисление процентов на проценты. Если сойот, например, не уплатил китайцу в срок 6 белок, то ему записывается уже 12 белок; если он не уплатил 12 белок, то долг вырастает до 24 белок и т. д.

В качестве примера закабаления, из которого трудно выпутаться, приведем случай с одним сойотским чиновником. Последний взял у китайца для уплаты албана 50 белок, но в срок их не вернул; через 3 года этот долг превратился уже в 290 белок, и человек сделался постоянным батраком купца» [74]. Таких примеров разорения тувинцев китайскими торговцами путем ростовщичества можно было привести больше.

Тувинец мог уклониться от платы долгов русскому, и многие долги тувинцев русским купцам пропадали, но тувинец не мог избежать уплаты долга китайскому купцу. Последний не допускал ни одного случая неуплаты, потому что считал себя хозяином тувинца, потому что его поддерживал военно-бюрократический аппарат китайской империи.

«Уплаты,— пишет Родевич,— взыскиваются с большой жестокостью, нередко с побоями. Торговля водкой (ханшином) сопровождается особенным бесправием и произволом. В последнее время общины и хошуны стали отказывать китайцам в уплате долгов; но тогда китайские купцы покупают в Улясутае за половинную сумму долга приказы сойотским старшинам об уплате долга во что бы то ни стало» [75].

Последний факт показывает полное бесправие тувинцев перед китайскими купцами, которые широко использовали цинскую колониальную администрацию для выколачивания долгов из тувинцев. При таком всесилии китайского торгового капитала его деятельность в Туве наносила ущерб тувинскому народному хозяйству. Ростовщическая деятельность китайских купцов не имела предела. Пользуясь постоянными недоимками по албану, они кредитовали хошуны и сумоны для уплаты албана, ундурюга и других поборов в пользу китайских властей. Еще больше они

---

[74] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 208—209.

[75] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 26.

кредитовали тувинских правителей для личных нужд, в особенности для получения новых чинов, постов, должностей и т. п. По мнению М. Сафьянова, почти половина так называемых государственных поборов и платежей тувинцев китайскому правительству кредитовалась китайскими купцами на ростовщических началах [76]. Порядок кредитования был тот же, что и для монгольских хошунов: деньги давались в долг с уплатой в течение трех лет по 36%. При условии неуплаты в срок взятой хошуном или сумоном суммы, долг переписывался и взыскивался с последующим удвоением остатка долга.

Громадную задолженность тувинских хошунных правителей китайским купцам показывают следующие факты: правитель Кемчикского хошуна Хайдып был должен китайским купцам 120 тыс. ланов серебра [77]. Тувинский амбын-нойон летом 1911 г. просил официально через русские пограничные власти в России заем в 100 тыс. руб. для уплаты долгов китайским торговцам [78]. В январе 1912 г. угердаа Даа-хошуна вел переговоры с российским купцом на Кемчике Галеем Валеевым о выдаче ему займа в 80 тыс. руб. для уплаты долга китайским купцам и т. д. [79]

Зависимость некоторых хошунов от китайских торговых фирм была настолько значительной, что последние фактически стали хозяевами первых, а правители хошунов сделались простыми агентами этих фирм по выколачиванию задолженности с аратов. В результате, пользуясь полной зависимостью хошунного правителя, китайские торговцы без большого труда собирали свои долги и с отдельных тувинцев.

Следовательно, кредитованием тувинских хошунов и хошунных правителей китайские торговцы приобретали еще один очень важный источник внеэкономического принуждения тувинцев. Во-первых, они использовали албан, ундурюк и самую систему получения тувинскими чиновниками должностей для своего обогащения и кабалы тувинского народа, для установления монопольного положения

---

[76] «Новый Восток», 1928, № 23—24, стр. 161.

[77] ГАИО, ф. 25, оп. 10, св. 13, д. 292, л. 21. 120 тыс. ланов равняется 171 600 руб.

[78] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 26, л. 90.

[79] Там же, лл. 21, 292.

в тувинской торговле. Во-вторых, они использовали зависимость хошунов и хошунного начальства для полного сбора с тувинцев долгов и процентов на них. При таком положении дела они очень скоро присвоили значительную часть средств существования тувинцев. Тувинец не знал никаких способов борьбы против хищнической эксплуатации его китайским торговцем, чем дальше, тем все больше он запутывался в долгах китайскому купцу и должен был расплачиваться за них своим единственным средством производства — скотом. Собирая огромное количество скота, китайцы вывозили его из Тувы в Монголию или перепродавали русским купцам.

Таким образом, китайский торговый капитал играл в высшей степени паразитическую роль в Туве. Беспощадно выжимая из тувинцев последние соки, китайские торговцы способствовали быстрому разорению тувинского арата, они вели к деградации его хозяйства и его экономики в целом.

Своими действиями китайские торговцы вызывали ненависть к себе со стороны тувинских трудящихся.

Разорение тувинских аратов с появлением китайского торгового капитала пошло катастрофически быстро, что отмечается всеми писавшими по этому вопросу.

«Разорение урянхов,— писал Родевич,— становится очевидным, скот их мало-по-малу переходит к китайцам, а те угоняют его в Монголию или обменивают на русские деньги. Параллельно развивается в крае воровство, пьянство и недовольство» [80].

Ненависть народных масс к китайским купцам вылилась в форму народного восстания в 1912 г., в результате которого они и были изгнаны из Тувы.

10. РАЗВИТИЕ РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТУВЕ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

Усиление позиций китайского торгового капитала в Туве не могло привести к ликвидации русской торговли в области. Китайский торговый капитал не мог полностью вытеснить русскую торговлю, во-первых, потому, что русская торговля успела до прихода китайцев укрепиться

[80] В. М. Родевич. Очерки..., стр. 26.

в тувинской экономике и ее не так-то легко и просто было вытеснить с тувинского рынка, а во-вторых, русские купцы имели такие товары, которые были лучше по качеству, чем соответствующие китайские, таковы были, в частности, русские металлические изделия. Монопольное положение на тувинском рынке занимали кожи и кожевенные изделия русской обработки. И, наконец, последнее по счету, но не последнее по важности,— это то, что китайский торговый капитал столкнулся в Туве не только с русским торговым капиталом, но и с прочно поставленным русским производством. Китайские купцы скупали в Туве не только продукты хозяйства тувинца-скотовода и пушнину араата-охотника, но и продукцию русского хозяйства, в первую очередь рога маралов. Панты маралов были одной из самых крупных статей китайского вывоза из Тувы и русских пограничных областей (Усинский край, Алтайский округ). Однако в продаже этих продуктов посредниками между русскими мараловодами и китайскими купцами выступали русские купцы, которые были и сами владельцами больших стад одомашненных маралов, благодаря чему и удерживали свое положение в тувинской торговле.

Таким образом, внедрение китайского торгового капитала в Туву имело следующие последствия для русского торгового капитала:

1. Углубление кризиса русской торговли в Туве, приведшего к тому, что русские купцы должны были перевести часть своих капиталов в производство, т. е. усилить свою предпринимательскую деятельность. Это было связано с общим укреплением и развитием русского производства в Туве, прежде всего с развитием русских промышленных предприятий и крестьянских хозяйств, созданных в результате крестьянской колонизации.

2. Приспособление русской торговли к новым условиям рынка, создавшимся в результате вторжения китайских торговцев в Туву. Русские купцы под влиянием этого фактора стали посредниками между китайскими торговцами и тувинцами, продавая последним за скот купленные у китайцев товары. С другой стороны, китайские купцы скупали тувинский скот и продавали его русским купцам за деньги и панты марала, которые вывозили в Китай. Вследствие того, что скот составлял основной товар русско-тувинской торговли, китайские купцы наживали боль-

шие деньги при перепродаже купленного ими у тувинцев скота. Между русским потребителем (купцом) и тувинским производителем встало лишнее посредствующее звено, отрицательно отражавшееся на их взаимоотношениях.

Как уже было сказано в начале этой главы, еще в конце 90-х годов некоторые русские купцы наряду с торговлей стали заниматься скотоводством и сельским хозяйством в широком смысле этого слова. Торговый кризис еще больше усилил стремление торговцев к предпринимательству. Большинство из них начало вкладывать свои капиталы в золотую промышленность, скотоводство и в меньшей мере в земледелие. Наиболее доступным и одновременно наиболее выгодным для них на первых порах было скотоводство.

Как правильно указывает Р. М. Кабо, крупное русское скотоводство в Туве возникло в результате перехода тувинского скота, закупленного русскими купцами, в собственные стада этих купцов.

Русский купец, закупив у тувинцев большое количество скота, не всегда (по причине трудных условий его транспортировки) мог переправить его в Сибирь для сбыта и поэтому вынужден был оставлять стадо или часть его на месте под присмотром тувинских пастухов. Этим фактически и было положено основание отдельным крупным русским скотоводческим хозяйствам.

Самый переход купцов к созданию собственного скотоводческого хозяйства Р. М. Кабо объясняет невыгодностью содержания скота на выпасе у тувинских аратов, которые очень плохо ухаживали за ним, что приводило к большим падежам скота.

Боголепов и Соболев впервые в исторической литературе обстоятельно описали русские крупные предпринимательские хозяйства в Туве и показали причины перехода русских купцов к заведению самостоятельных хозяйств. «В прежние годы в Сойотии русские отдавали партии скота сойотам для пастьбы и выращивания за право пользования молоком и употребления скота на работы. За павших животных сойоты несли материальную ответственность. Эта система обеспечивала русским хороший уход и отсутствие потерь от падежа.

Теперь [81] русские в Сойотии переходят к более усовершенствованной системе. Они заводят самостоятельное скотоводство, нанимают пастухов за жалование и без права пользования скотом. Благодаря этому коровы дают лучший приплод, а быки не заезживаются. Для улучшения породы приобретаются даже племенные производители. Промышленное скотоводство русских развивается в Сойотии с каждым годом. У некоторых купцов имеются стада в 1000 и более голов» [82].

Первоначально эти стада скота русских купцов образовались из стад, набранных в результате торговли с тувинцами, а затем они пополнялись и улучшались за счет тех, правда незначительных, мер по метизации скота, какие проводились в крупных имениях русских купцов. В результате длительной деятельности по увеличению стада и улучшению его качества русские купцы создали крупные хозяйства, которые по количеству скота не уступали самым крупным хозяйствам тувинских нойонов и баев.

О размерах скотоводства русских предпринимателей в Туве можно судить на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, относящихся к концу 1900-х годов. Данные эти противоречивы, но мы приведем их все, чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о размерах хозяйства русских купцов в Туве.

Таблица 26

	Лошадей	Рогатого скота
	голов	
Вавилин	1 500	1 500
Медведев	ок. 2 000	2 000
Ведерников . . .	500	5 000
Шепелин . . .	1 500	1 500
А. П. Сафьянов	4 000	3 000

В таблице 26 приведены сведения о наличии скота у самых крупных скотовладельцев из бывших русских куп-

[81] т. е. в 1909—1910 гг.

[82] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 160.

цов, полученные Булгаковым у местного туранского старшины [83].

Более подробно описание хозяйств русских купцов дали в своем дневнике Соболев и Боголепов. «Из всех этих купцов,— пишут авторы,— Бяков самая старинная фирма, работающая в Сойотии свыше 35 лет. Эта фирма раньше вела широкую торговлю русскими товарами, но в настоящее время все более сокращает продажу товаров и занимается покупкой местного сырья на русские деньги. Бяков скупает шерсть, скот, пушнину (белку, соболя, лису), шкуры, кожи, козьи рога, рябчиков, масло. Значительная часть этих закупок делается от китайских торговцев, сдающих товар большими или меньшими партиями. Так, например, в 1909 г. от китайцев Бяков получил 600 пудов шерсти, а сам собрал от сойотов всего 300 пудов. В 1910 году Бяков отправил в Иркутск до 500 голов рогатого скота и 120 лошадей. На север от Кемчика, на Уре, уже в русских границах, Бяков имеет скотоводческое хозяйство и держит до 300 голов рогатого скота. На Кемчике около своей заимки Бяков содержит также небольшую водяную мельницу и вырабатывает сливочное масло от 20 коров при помощи сепараторов. В прежние годы он имел тут же кожевенный завод, но вынужден был его закрыть вследствие затруднений по обеспечению завода рабочими руками» [84].

Большое хозяйство на Уюке имел А. П. Сафьянов. Одних только лошадей у него насчитывалось до 4 тыс., до 100 маралов и около 35 десятин запашки.

Г. П. Сафьянов давно занимался розыском золота, за-

---

[83] А. И. Булгаков. Верховье Енисея в Урянхае и Саянских горах, стр. 420.

П. В. Нестеров, посетивший Туву летом 1907 г., в своей статье «Очерки природы Саянского хребта и его предгорий» дает несколько иные сведения о количестве скота у крупных русских предпринимателей в Туве:

А. П. Сафьянов . .	4000	лошад.	4000	гол.	крупн.	рог.	скота
Медведев	2000	»	2000	»	»	»	»
Шепелин	1500	»	1500	»	»	»	»
Вавилин	1500	»	1500	»	»	»	»
Ведерников	500	»	500	»	»	»	»

(«Естествознание и география», 1910, № 8, стр. 35).

[84] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 41—42.

тратив на это в общей сложности около 100 тыс. руб., и в 1905 г. открыл золотые прииски на р. Тапсе, которые к 1910 г. дали ему около 6 пуд. золота. Помимо золотопромышленности, Сафьянов занимался скотоводством. Он стремился вывести лучшие породы крупного рогатого скота и в особенности лошадей, используя лучшие породы государственного коннозаводства. Он имел кожевенный завод, который выпускал до 500 кож, но одно время был закрыт из-за недостатка рабочих; открытый через некоторое время вновь, завод стал быстро расширяться. У Г. П. Сафьянова была водяная мельница. Собственные посевы его доходили до 20 десятин, засеянных просом, овсом и пшеницей [85].

У Медведева в Тодже было 563 лошади, 310 голов крупного рогатого скота и восемь маралов [86], у другого Медведева — 263 лошади, 140 голов крупного рогатого скота, 220 овец и коз и 36 маралов [87]. К. Ф. Шепелин имел в Тодже 280 лошадей, 780 голов крупного рогатого скота, 150 овец и коз и 35 маралов [88]. У Вавилина была 121 лошадь, 696 голов крупного рогатого скота, 95 маралов. У Сватикова был соляный завод с оборотом в 4 тыс. руб., хутор с земледелием и скотоводством [89]. У Скобеева торговый оборот исчислялся в 8 тыс. руб., из них чистая прибыль составляла 1600 руб. [90], у него было до 200 голов скота. Сельдемашев имел торговый оборот в 6 тыс. руб. с чистой прибылью в 1200 руб. и 50 голов приравненного к лошадям скота [91]. У А. Ф. Сафьяновой было 2540 лошадей и 20 десятин посева [92]. На заимке в Тодже Сафьянов имел 2266 лошадей, 190 голов крупного скота, 150 овец и коз, 39 маралов. Торговые обороты Сафьяновых на Енисее определялись в 19 300 руб. [93], у них было по Енисею 1066 лошадей, 56 десятин пашни и 350 голов крупного рогатого скота [94]. Золотопромышленник И. К. Леонов

---

[85] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 46.
[86] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 6.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] Там же, д. 29, л. 122; д. 12, л. 15.
[90] Там же, д. 185, л. 8; д. 294, л. 3.
[91] Там же, д. 185, л. 80.
[92] Там же.
[93] Там же, д. 294, л. 23.
[94] Там же.

имел, помимо золотых приисков, 4 десятины земли, 20 лошадей, 30 голов крупного рогатого скота и 100 овец и коз. Общие торговые обороты фирмы Леонова исчислялись в 8 тыс. руб.[95]

Предпринимательское хозяйство русских купцов сочетало разные направления: торговля комбинировалась со скотоводством (Вавилин, Медведев), чаще всего с разведением крупного рогатого скота и мараловодством или коневодством и мараловодством (А. Сафьянов), иногда она сочеталась с золотопромышленностью и скотоводством (Чирков, Сафьянов, Окулов, Леонов). В силу того, что мараловодство было исключительно товарной отраслью производства, им занимались все русские купцы в Туве. Некоторые купцы соединяли торговлю с обработкой продуктов скотоводства (Сафьянов, Бяков) или другими промышленными предприятиями (Сватиков).

Прямым следствием предпринимательской деятельности русского купечества было появление в области и крупного русского землевладения. Сафьяновы, Черневич, Вавилины, Медведевы и другие путем скупки земли у тувинских нойонов сосредоточили в своих руках огромные земельные массивы — настолько большие, что, по мнению Минцлова, многие германские герцоги поседели бы от зависти, если бы узнали об их размерах[96]. Точных данных о количестве земли, сосредоточенной в руках этих купцов, у нас нет. Указывают, что наследнице А. Сафьянова принадлежало 10 тыс. десятин, Черневич сам определял в хребте Танну-ола 320 кв. верст принадлежавшей ему земли, а кроме того он имел значительные земельные владения по Малому Енисею.

Наибольшая доля земель использовалась под пастбища и луга и только мизерная часть — для хлебопашества.

О размахе предпринимательской деятельности русских купцов говорят данные о хозяйстве Вавилина. Оно было расположено в одной из самых лучших долин Тувы — Уюкской. Сколько земли было у Вавилина — точно неизвестно. В 1918 г., по весьма неточным данным, Р. В. Вавилин имел под орошением 173,3 десятины земли, из них под посевом у него было 80 десятин (10,7 десятины

---

[95] Там же.
[96] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 213.

ржи, 45,3 десятины пшеницы и 24 десятины овса). В том же году им было собрано сена с 80 десятин покоса под мочагами [97]. В одном из имений Вавилина на него работало 10 семейств бедняков и несколько человек батраков из русских. Вавилин имел конный завод, в котором было свыше 3 тыс. кобылиц и 50 производителей. У него был маральник с 200 маралами, мукомольная мельница, крупорушка и т. п. Доходность его хозяйства определялась в 100 тыс. руб. Собственное хозяйство, созданное на прибыль от торговли, становилось источником дальнейшего обогащения Вавилина. А это свидетельствует о том, что капитал находил себе новое применение в производстве и что в Туве возникло крупное капиталистическое хозяйство. На базе хозяйства Вавилина впоследствии была создана первая тувинская государственная сельскохозяйственная экономия [98].

У А. Ф. Сафьяновой в 1918 г. было 528 лошадей и 134 марала только на Уюке [99], не считая скота, пасшегося в других высотах. М. Ф. Медведев владел 166 десятинами земли, из которых 140 десятин были под мочагами. В 1918 г. им было засеяно 64 десятины (10,7 десятины ржи, 40 десятин пшеницы, 13,3 десятины овса), сено скошено с 80 десятин луга. В хозяйстве Медведева числилось 411 лошадей, 259 голов крупного рогатого скота, 10 маралов. П. Г. Шепелин засеял в том же году 37,6 десятины земли, убрал сено с 105,3 десятины луга. У него числилось на Уюке 75 лошадей, 231 голова крупного рогатого скота и 26 маралов. Бывший начальник Усинского пограничного округа Чакиров имел на Бегреде 48 десятин посева под мочагами, 80 десятин покоса, 166 лошадей, 87 коров, три верблюда, 19 овец и т. п. [100]

Создание хозяйства требовало от русских купцов-предпринимателей рабочей силы. С рабочей же силой в Туве всегда было очень плохо. Недостаток ее весьма сильно тормозил развитие предпринимательской деятельности русских купцов в Туве. Там, где это было возможно, пред-

---

[97] Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, Красноярск, 1921, стр. 150.

[98] «Современная Тува», 1929, № 1, стр. 20.

[99] Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, стр. 152—153.

[100] Там же, стр. 154—155.

приниматель прибегал к широкому использованию труда тувинских пастухов, особенно при выпасе скота.

Минцлов, например, пишет, что в хозяйстве Сафьяновой лошади (а они составляли основную массу поголовья скота) «пасутся под присмотром сойотов; зимой они кочуют с ними по скатам гор, летом угоняют в тайгу; на собственных обширных землях Сафьяновой кони почти не ходят» [101]. Здесь мы сталкиваемся с фактом использования русскими предпринимателями присущих социальным отношениям области феодальных способов эксплуатации, заключавшихся в том, что непосредственный производитель, не только своими средствами, но и на своей земле работает на предпринимателя. О хозяйстве Вавилина пишут: «Такие случаи, как пастьба скота, уход за ним, а также обработка и утилизация продуктов животноводства за пользование от 100 коров в течение года молоком в Вавилинском помещичьем гнезде считалось не исключением, а обычным явлением» [102].

Во всех этих хозяйствах практиковалась выдача скота на выпас за молоко и пользование животным на работе. Тувинские араты, лишенные средств производства в силу систематической эксплуатации, вынуждены были наниматься на работу к русским предпринимателям.

Крупное хозяйство предпринимателя из русских купцов, несомненно, отличалось от хозяйства мелких производителей тем, что в него стремились внести технический прогресс, капиталистическую организацию и рационализацию, о чем уже говорилось в предыдущей главе.

Как мы уже видели, крупные предприниматели пытались открывать кожевенные заводы, маслобойки и т. д., в их хозяйствах делались попытки улучшить породу скота. Понятно, что при таком подходе к делу требовалось и изменение характера труда. Для управления сложным сельскохозяйственным орудием тувинский пастух с его примитивной техникой и навыками труда не годился. В хозяйстве предпринимателей главной рабочей силой был батрак из русских, но частично переводились на денежную оплату и тувинские араты, особенно те из них, которые сумели овладеть более высокими техническими средствами работы.

---

[101] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 66.

[102] «Современная Тува», 1929, № 1, стр. 20.

Развитие вольнонаемного труда в предпринимательских хозяйствах не поддается точному учету в силу отсутствия статистических данных. Архивные документы устанавливают наличие почти у всех крупных русских предпринимателей батраков из русских крестьян и тувинских аратов, получавших за свой труд оплату деньгами. Так, у М. Бякова на Кемчике работали в качестве батраков четыре русских, четыре тувинца и три татарина.

Не надо преувеличивать степень оснащения сельскохозяйственными орудиями хозяйства крупных предпринимателей. Однако на фоне маломощных и слабо оснащенных техникой русских крестьянских хозяйств крупные хозяйства русских предпринимателей явно выделялись своим более усовершенствованным производством.

Не следует преувеличивать и роли вольнонаемного труда в хозяйстве русских предпринимателей. В изучаемый период и вообще до революции русские предприниматели сочетали использование труда феодально зависимых аратов с трудом вольнонаемных рабочих, главным образом из русских, а частично и из тувинцев.

Условия труда батраков в крупных предпринимательских хозяйствах были лучше, чем у кулака, но не всегда и не во всем. Тяжелым было положение тувинцев, труд которых оплачивался в ничтожных размерах. Об условиях труда у крупных предпринимателей можно судить на основании записок Ф. Я. Кона, относящихся к 1902—1903 гг. Он пишет о Черневиче и его отношениях с рабочими: «Деньгами он буквально сорил, а рабочие уходили от него, потому что в день не могли выработать и одного рубля.

— Что за народ? — возмущался Черневич.

— Что за человек! — возмущались рабочие» [103].

«От артелей рабочих,— пишет Минцлов,— золото принимается по вечерам и владелец прииска платит им по 3 руб. 20 коп. за золотник, сам же его сдает потом в Минусинские банки по 4 руб. 70 коп. Если добавить при этом, что все необходимое для рабочих поневоле приобретается ими у того же хозяина прииска, то заработок последнего выразится в весьма кругленькой сумме» [104]. А отсюда следует, что заработок рабочего сокращался до минимума.

---

[103] Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотию..., стр. 257.
[104] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 105.

Русские предприниматели в Туве достигали уменьшения заработной платы путем разного рода махинаций, в частности натуральной оплаты труда.

Все указанные факты говорят о том, что русские купцы переходили к предпринимательству, т. е. к созданию капиталистического типа производства.

Это явление имело важное значение для социально-экономического развития Тувы.

11. ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБМЕНА В ТУВЕ

В XIX в. тувинец почти не знал денег. Господство скотоводства, отсутствие экономических связей между отдельными областями и районами Тувы, отсутствие единого рынка, примитивность потребностей тувинца, короче говоря — низкий уровень развития производительных сил Тувы обусловливали и натуральный обмен не только между отдельными районами самой Тувы, но и между русскими торговцами и тувинцами, как и между китайскими торговцами и тувинцами. Взамен денег широкое хождение имели белка, торбак (годовалый бык), овца, баш (кирпич чая), введенные в торговый обмен главным образом китайскими торговцами уже в начале XX в., но игравшие роль основного денежного эквивалента в Монголии в прошлые времена.

Подъем производительных сил области, связанный с такими важными факторами экономического прогресса, как русская крестьянская колонизация, рост золотопромышленности и попытки завести другие виды промышленности, развитие таких специфических отраслей товарного скотоводства, как мараловодство, создавали необходимые предпосылки для появления в Туве и денежного хозяйства.

Развитие производительных сил области вело к постепенному складыванию единого рынка, усилению экономических связей между отдельными районами Тувы. Замкнутость отдельных хозяйств и районов, складывавшаяся веками и базировавшаяся на патриархально-натуральной разрозненности и родоплеменной отчужденности, стала разрушаться экономическими связями образующегося областного рынка.

Помимо этого, внедрению денег в торговые обороты способствовали и другие обстоятельства, в частности изменение характера и направления торгового обмена русских купцов с тувинцами. Как установлено Боголеповым и Соболевым, Западная Монголия и Тува стали интересовать русских купцов не столько как потребительский рынок, сколько как рынок сырья [105]. Возросший спрос со стороны русского и мирового рынка на тувинское сырье, скот и его продукты, а также пушнину — а этот спрос повышался особенно в годы таких событий, как русско-японская война и первая мировая война,— привели к тому, что тувинское сырье, как и монгольское, стало занимать первое место не только в торговом обмене между русскими купцами и тувинцами, но и между русскими купцами и китайцами.

Монгольское и тувинское сырье большей частью уходило на своих ногах из Засаянья в Сибирь, товары же, ввозимые русскими купцами, нуждались в транспорте, к тому же тувинский рынок, еще более сократившийся под влиянием общей деградации хозяйства тувинцев, не предъявлял большого спроса на товары фабрично-заводской промышленности. Для купцов удобнее было скупать тувинское сырье на деньги. Кроме того, надо учесть, что в деле обмена изделий русской промышленности русские купцы столкнулись, как мы видели, с конкуренцией китайских купцов, начавших ввозить в Туву большое количество тканей американского и английского производства, так что продажа русских тканей стала невыгодной для торговцев.

По указанным причинам русские купцы были заинтересованы в том, чтобы как можно шире внедрить деньги в Туве, ибо совершенно ясно, что натуральный обмен становился невыгодным. Важное значение в появлении денеж-

---

[105] Свидетельством этого является повышавшийся из года в год прогон скота и вывоз сырья из Тувы:

	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Невыделанные кожи (в пудах) .	2819	—	2885	9151	10337	27131
Шерсть в пудах . .	2409	3778	2110	1830	2745	—
Кр. рог. скот . . .	3713	4615	5022	2588	7420	—
Мелкий	764	1734	1907	2326	4709	—

(«Московская торговая экспедиция в Монголии». М., 1912, стр. 18—19).

ного хозяйства в Туве имело наличие массы русских крестьян, которым не только был хорошо знаком денежный товарооборот, но которые в силу одного того, что они являлись переселенцами, вынуждены были много покупать из необходимого инвентаря на месте вселения. Следовательно, само развитие денежного обмена усиливалось наличием крестьян-переселенцев, предъявлявших спрос на деньги, и установившейся на территории Тувы русско-китайской торговли. Торговля между русскими и китайскими купцами — а она имела значительный удельный вес — происходила на деньги. В денежные отношения между этими двумя торговыми элементами и русскими крестьянами-переселенцами постепенно включался растущий спрос на деньги со стороны коренного населения и в первую очередь со стороны нойонов и баев, которые, втягиваясь в товарно-денежные отношения, весьма скоро познали выгоду торговли на деньги. Падкие до богатств тувинские нойоны по примеру своих монгольских собратьев по классу стали копить свои богатства в виде денег, а не только в виде скота. Короче говоря, власть денег, удобство пользования ими в качестве мерила ценностей, средства платежа и накопления (последнее было особенно важно в условиях Тувы, где для зажиточных элементов прямой необходимостью было сохранять свои богатства от жадных взоров чиновников) — все это способствовало распространению денег в Туве.

Тувинские чиновники и монгольские феодалы, владевшие тувинцами, как крепостными, стали переводить всякого рода поборы с натуральных на денежные, требуя от своих подданных безусловной уплаты этих поборов деньгами, а не натурой. Может быть, еще больший интерес к денежному накоплению проявляли монастыри, которые обладали огромными богатствами в виде скота, сбывали его за деньги русским и китайским купцам.

Естественно, что заинтересованность богатых слоев тувинского общества в деньгах, если учесть, что они обладали наибольшей долей материальных богатств тувинского народа, не может не свидетельствовать об общем значении денег в развитии народного хозяйства тувинцев.

Денежный обмен с тувинцами зародился еще на рубеже XX в. Черненков, записки которого составлены в 1900 г., сообщает, что на Кемчике в обмене между тувинцами и

русскими «денежной единицей служит годовая овца, приравниваемая рублю, но в последние годы берут и русские деньги,— золото и серебро в ходу,— но при крупных расчетах предпочитают кредитные билеты» [106].

О развитии денежного обмена в Туве свидетельствуют в своих записках Чакиров (1910 г.), а также Соболев и Боголепов, которые указывают на то, что «Бяков, торгующий в Сойотах, удостоверял, что теперь покупка местного сырья производится чаще на русские деньги. По сообщению того же Бякова и кемчикского купца Никулина, закупка скота в Сойотии производится преимущественно на наличные деньги. То же развитие сделок на деньги подтверждал торгующий в Сойотии Усинский купец Кузнецов» [107].

Ряд других свидетельств подтверждает эти сообщения, да об этом можно судить и на основании статистических данных, в частности данных о вывозе русских денег в Туву В качестве денег в Туве обращались китайские серебряные ланы [108], ввозимое в Туву русскими так называемое гамбургское серебро и русские кредитные билеты.

Сам факт введения денежного обмена в условиях Тувы представлял собой явление прогрессивное, говорившее о дальнейшем развитии буржуазных отношений в крае, но было бы неправильно преувеличивать роль денег на тувинском рынке. На самом деле в Туве только началось образование денежного хозяйства и деньги имели в торговых оборотах небольшой удельный вес. Вплоть до революции в Туве преобладал натуральный обмен. Основная масса тувинского населения и многие русские фирмы, а в особенности мелкие торговцы предпочитали попрежнему обменивать товар на товар, а не на деньги.

В этом отношении определенный интерес представляет попытка переселенческой организации в Туве перевести обмен из натурального в денежный с помощью создания особых лавок в разных углах тувинской земли, чтобы оградить коренных жителей Тувы от хищнической торговли купечества. Эти лавки должны были привить тувинцам интерес к деньгам, расширить денежный оборот. Но ре-

---

[106] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXXX, 1907, стр. 51.

[107] М. Н. Боголепов и М. П. Соболев. Указ. соч., стр. 179.

[108] Лан равнялся 1 руб. 43 коп.

зультат получился неудачный. Переселенческой торговле не удалось сколько-нибудь продвинуть деньги в широкие массы тувинского населения. Об этом говорит в своем отчете за 1915 г. заведующий устройством русского населения Шкунов: «Торговля с сойотами, как выяснилось на практике, за очень редким исключением должна вестись меновая, и проектированная моим предшественником В. К. Габаевым торговля за наличные не выполнима, так как для того, чтобы принимать сначала товар, привезенный сойотами, с уплатой денег, а затем отправлять его в лавку за покупкой, необходимо держать отдельное лицо и такое хождение с места на место отбивает у сойот желание являться в следующий раз.

Поэтому обмен товаров производится в лавке склада, причем сначала определяется цена продаваемого и приходуется по дневному листу, как покупка за наличные, а затем расходуется проданный товар, тоже за наличные» [109].

Из этой неудачной попытки можно видеть, как мелкий торг с непосредственным производителем являлся большим тормозом для развития денежной торговли, так как покупатель, еще не знающий цены деньгам, привык иметь дело непосредственно с товаром, обмениваемым им на свой продукт, да и в силу примитивности и элементарной потребности он не нуждался в деньгах, как средстве платежа. Он не привык считаться с деньгами, как с мерилом ценности, потому что, в отличие от богатого, вел обмен случайно, а не постоянно.

Возможность получать непосредственно необходимый предмет или товар, не прибегая к таким сложным и отнимающим время операциям, как обмен денег на товар, система кредитования, патриархальность отношений — все это мешало развитию денежных операций.

Следовательно, развитие денежных операций в торговых сделках далеко не охватило широкие массы покупателей Тувы [110], а потому натуральный обмен фактически оставался господствующим, хотя и начал разрушаться вторгшимися в область товарного оборота денежными отношениями, которые оказывали воздействие и на другие стороны производства и распределения в Туве.

[109] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 39.

[110] О господстве в торговых сделках натурального обмена свидетельствует и Тугаринов, дважды посетивший Туву (в 1913 и 1915 г.) («Наша охота», 1916, № 4, стр. 18).

12. РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ИЗ ТУВЫ КИТАЙСКИХ КУПЦОВ

Теперь остановимся на развитии русской торговли после 1912 г., когда из Тувы были изгнаны китайские торговцы. Это изгнание открыло простор для русских купцов. Силой дальнейших политических событий Тува стала ареной монопольного господства русского торгового капитала.

Статистические данные, несмотря на всю их неудовлетворительность, показывают быстрый рост русской торговли в Туве.

Русские купцы использовали создавшуюся обстановку для того, чтобы полностью овладеть освободившимся рынком и взять в свои руки снабжение тувинцев потребительскими товарами.

«Минусинский край» следующим образом характеризует положение в торговле после изгнания китайских торговцев: «Пока русским купцам приходилось конкурировать с китайцами, эксплуатации сойотов все же были положены известные границы. Талямба [111] — материя, которую сойоты берут для халатов и шуб (8 аршин в куске), китайцы отдавали за 2 р. и 2 р. 25 к., русские же купцы теперь торгуют от 3—4 руб., причем по качеству русская талямба хуже китайской. Топор, изготовленный в Минусинске и стоящий 60 коп., при китайцах продавался за 80 коп., а теперь за 1 руб. 60 коп. Чай поднялся в цене в 2—3 раза. Цена на рога марала с 18 руб. упала до 2 руб. 50 коп. Мараловодство замерло» [112]. В газетной статье дается неполная характеристика тех изменений, которые произошли в связи с крахом китайского торгового капитала. Этот крах развязал руки мелкого и наиболее хищного русского торговца, привел к сильному сокращению вывоза пантов марала в Китай, следовательно, и к резкому понижению цен на них. Последнее, впрочем, было временным явлением: уже в 1914 г. цены на рога маралов поднялись до 10—12 руб. за фунт, а в следующем году, когда восстановилась торговля с Китаем, стоимость пантов вновь повысилась.

О размахе русской торговли в этот период говорят дан-

[111] Далемба.

[112] «Минусинский край», 1914, № 55.

ные о русско-тувинской торговле на Кемчике. В 1915 г. на Кемчике из 86 русских факторий:

Занимались исключительно земледелием и скотоводством	15
Занимались исключительно торговлей	29
Кроме торговли начинали обзаводиться пашней и скотом	23
Соединяли торговлю со скотоводством	13

Следовательно, большинство российских факторий на Кемчике вели торговлю. Среди русских торговцев (по их числу, но, разумеется, не по оборотам торговли) преобладали мелкие. Это подтверждается следующими данными.

С торговыми оборотами в				100—200	руб.	в	год	32	торговых заведения
»	»	»	»	1000	»	»	»	19	
»	»	»	»	2000—5000	»	»	»	23	
»	»	»	»	3000—12000	»	»	»	4 [113]	

Переселенческие организации пытались остановить хищническую торговлю купцов устройством особого склада по продаже сельскохозяйственных орудий и товаров. В 1914 г. на склад переселенческой организации Тувы было завезено много товаров, чтобы снабжать ими тувинцев и русских крестьян по сравнительно низким ценам и этим снизить стоимость этих товаров в Туве. Деятельность переселенческого склада и его отделения в силу того, что они не знали способов и приемов торговли, не имели связи с местным рынком, была мало оперативна, не могла сколько-нибудь существенно отразиться на всем ходе русско-тувинской торговли, тем более, что переселенческая организация заботилась не о рядовом русском крестьянине или тувинце. Она завозила сельскохозяйственные машины, которые сбывались крупным предпринимателям и кулакам на льготных условиях.

В 1916 г. «обороты торговли в складе с.-х. орудий и товарно-продовольственной лавке достигли... 100 000 рублей» [114].

В связи с войной спекуляция в Туве очень усилилась.

---

[113] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 22.
[114] ГАНО, ф. 57, д. 312, л. 25.

Переселенческая организация и органы комиссара по делам Урянхайского края пытались вести борьбу против спекуляции, но безуспешно. Боролись со спекуляцией и административными и иными мерами, однако в отчете заведующего устройством русского населения в Туве за 1915 г. мы читаем: «Несмотря на указанные меры, бороться со спекуляцией в Урянхае весьма затруднительно, так как район действия склада распространяется приблизительно в окружности на 80 верст, а дальше торгующие действовали с прежней привычкой, наживали до 300% на купле-продаже» [115].

---

[115] ГАНО, ф. 57, д. 312, л. 25.

Глава десятая

РАЗЛОЖЕНИЕ НАТУРАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ТУВИНЦЕВ

1. РАЗЛОЖЕНИЕ НАТУРАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ТУВИНЦЕВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТОРГОВО-РОСТОВЩИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Еще во второй половине XIX в. под воздействием торгово-ростовщической деятельности российского и китайского торгового капитала началось разложение натурального хозяйства тувинцев. Торговый капитал постепенно втягивал широкие массы тувинского населения в товарные отношения, ликвидируя натуральность их хозяйства. За десятки лет торговли с тувинцами русские купцы закабаляли их и делали своими неоплатными должниками. Так было, например, в Тодже, о которой мы имеем следующее свидетельство. «Вся добыча сойот идет через руки русских скупщиков,— констатировал заведующий устройством русского населения в своем отчете за 1915 г.,— причем купля и продажа ведется на кредитных началах. Сойот под промысел забирает все ему нужное, а затем добычей расплачивается. Расчеты производятся на белку, последняя является меновой и покупной единицей, оцениваемой на русские деньги в 10 коп. за штуку» [1].

По самым приблизительным подсчетам переселенческой организации все население Тоджинского хошуна задолжало русским торговцам 1400 тыс. белок. Одни только Сафьяновы имели за тоджинцами 400 тыс. белок долга. Обычно каждая семья обязательно имела долг, сред-

[1] ГАНО, ф. 47, д. 94, л. 36.

няя задолженность юрты определялась в 50—100 руб. (500—1000 белок), а в исключительных случаях долг достигал 500—600 руб. (5—6 тыс. белок). Очень часто долг передавался от отца к сыну и к внуку, имелась большая группа потомственных должников, закабаленных русскими скупщиками. У оюннáров, как установил на основании обследования Ермолаев, почти не было тувинца, который не кредитовался бы у русских купцов [2]. Мы не имеем никаких свидетельств о задолженности тувинцев из других сумонов, но можно предполагать, что и там картина была такой же, как и у оюннаров.

Но что значила эта задолженность тувинцев русским скупщикам? Она означала, что бóльшая часть тувинцев фактически была навсегда втянута русскими купцами в рыночные отношения. Правда, тувинец был связан с рынком через посредство русского купца, но некоторые группы населения Тувы (например, охотники Тоджи) фактически уже не могли существовать без рынка: их хозяйство самым непосредственным образом зависело от рынка, т. е. от купца, через посредство которого оно выступало на рынке. Хозяйство такого тувинца, который был в неоплатном долгу у русского купца или скупщика, фактически работало на рынок, было приспособлено к рыночным товарным отношениям. Рынок не только отнимал большую часть продукции, а у охотника и всю продукцию хозяйства, но и направлял и регулировал это хозяйство. Под непосредственным влиянием рынка тувинец-охотник стал заниматься промыслом колонка, сурка и других видов промыслового зверя, которого прежде он не промышлял. Под воздействием того же фактора тоджинец стал в большом количестве ловить и продавать русским скупщикам рыбу.

По данным переселенческой организации тоджинцы в 1915 г. продали русским 1500 пуд. хариуса, щуки, язя и другой рыбы [3]. Изучая процесс складывания тувинского областного рынка и вовлечения тувинца в товарно-денежные отношения, мы не имели статистических данных. Мы не располагаем здесь материалами таких статистических и экономических обследований, какие проводились у других сибирских народов (хакасов, алтайцев, бурят,

[2] ККМ, № 46, л. 41.
[3] ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 31

якутов и т. д.). Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении данные и факты позволяют без колебания сделать вывод о значительной степени разложения натурального хозяйства тувинцев под влиянием товарно-денежных отношений.

2. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТУВИНСКОГО АРАТСТВА

Появление капитализма способствовало дальнейшей дифференциации аратского населения Тувы, ибо «процесс разложения крестьянства,— писал В. И. Ленин,— есть в то же время процесс смены натурального хозяйства товарным»[4]. Как уже было выше сказано, полного статистического обследования тувинских хозяйств перед революцией не было. Поэтому историк должен пользоваться теми заведомо неполными сведениями об аратских хозяйствах, которые сохранились в архиве заведующего устройством русского населения в Урянхае.

Русский районный агроном в Туве Турчанинов составил в 1915 г. следующую таблицу (табл. 27) распределения тувинских хозяйств по бедности и богатству по отдельным хошунам страны:

Таблица 27

Название хошуна	Хозяйства					
	бедные		средние		богатые	
	количество хозяйств	%	количество хозяйств	%	количество хозяйств	%
Хазутский	240	30	400	50	160	20
Тоджинский	280	36	400	50	120	14
Салчакский	360	45	360	45	80	10
Оюннарский	420	40	526	50	105	10
Даа-хошун	600	30	1100	55	300	15
Бейсэ-хошун	1020	30	2040	60	340	10
Маады и Чооду	200	50	180	45	20	5
	3120	38	5005	50	1125	12

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 135.

Таким образом, по Турчанинову, наиболее высокий процент бедных хозяйств и соответственно более низкий процент богатых хозяйств был в хошунах Маады, Чооду и Салчакском. Бедным хозяйствам Тувы, составлявшим две пятых всех хозяйств, по мнению Турчанинова, принадлежало 0,4% всего табуна лошадей, 1,4% всего поголовья рогатого скота, 1,1% всех овец и коз, 7,1% общего количества оленей.

Средние хозяйства, т. е. половина всех хозяйств Тувы, имела в своем распоряжении 31,3% общего количества лошадей, 22,9% крупного рогатого скота, 18,4% овец и коз, 36,9% оленей.

Наконец, богатые хозяйства, составляющие немногим больше одной восьмой части всех хозяйств Тувы, сосредоточили в своих руках 68,3% всего количества лошадей, 75,7% рогатого скота, 80,5% овец и коз, 55% общего количества оленей, т. е. более трех четвертей всего стада скота, принадлежавшего тувинским баям [5].

Однако все эти расчеты Турчанинова основаны на приблизительных, общих подсчетах, они сделаны на глаз, а не в результате серьезного статистического обследования тувинских хозяйств, поэтому они весьма спорны.

Во-вторых, эти данные охватывают все хозяйства Тувы, т. е. хозяйства нойонов-феодалов, кулаков, рядовых аратов, они не вскрывают социальное расслоение внутри аратства. Для выяснения вопроса о классовой дифференциации тувинских аратов мы должны воспользоваться другим источником. Это данные о количестве скота нескольких десятков тувинских юрт, обследованных Ермолаевым во время его экспедиции в Оюннарский и Маадларский сумоны. Данные Ермолаева страдают существенными недостатками, которые лишают их полноценности, пользуясь ими можно только в общих чертах определить это расслоение.

Записи были произведены на основании сведений, представленных Ермолаеву русскими купцами, которые кредитовали названные хозяйства и поэтому довольно хорошо знали их материальное положение. Ермолаев не указывает, были ли это хозяйства нескольких соседних аалов или разных аалов, что объединяло этих людей,

[5] Отчет районного агронома Урянхайского края за 1915 г.

почему именно они взяты на учет и т. п. Следует предполагать, что в поле зрения Ермолаева попала все же более самостоятельная в хозяйственном отношении группа аратов, но это как раз представляет особый интерес.

Для обработки мы взяли данные о 53 хозяйствах оюннаров и 13 хозяйствах маадларов. Следует оговориться, что сведения по лошадям и рогатому скоту даны Ермолаевым по всем хозяйствам, а по овцам для многих хозяйств цифры не указаны, данные о земледелии и сенокошении записаны для нескольких хозяйств и не могут быть привлечены для изучения.

В таблице 28 показано распределение рогатого скота между аратами Оюннарского сумона.

Таблица 28

Группа	Количество хозяйств	в %	Рогатого скота (гол.)	в %	Лошадей (гол.)	в %	Овец (гол.)	в %
Бесскотные	6	11,5	—	—	5	1,2	10	0,5
1—2 головы	5	9,4	9	1	9	2,2	13	0,7
3—4 „	3	5,6	10	1,1	8	1,9	40	2,2
5—10 голов	23	43,3	169	18,9	109	26,4	348	18,4
11—50 „	15	28,3	353	39,7	267	64,7	1280	70,0
Св. 50 „	1	1,9	350	39,3	15	3,6	150	8,2
Итого . . .	53	100	891	100	413	100	1841	100

Анализируя эти данные, мы должны учитывать два обстоятельства. Во-первых, приведенные цифры относятся к сравнительно обеспеченной группе, низшие группы аратства вошли в нее в меньшей доле, чем это было на самом деле; во-вторых, сумон Оюннар не только Ермолаевым, но и другими исследователями относится к наиболее обеспеченным сумонам, что косвенно подтверждается и данными о собиравшемся с этого сумона албане. Тем не менее эти данные показывают следующее:

1. Особо высокий процент бесскотных хозяйств; больше одной десятой юрт совершенно не имеют рогатого скота, имеют меньше чем по одной лошади на юрту и одну-две овцы. Следовательно, это уже такая беднота, которая не может существовать своим собственным хозяйством.

2. Если мы, следуя за Л. П. Потаповым, проделавшим эту работу для алтайцев, отнесем всю группу бесскотных и с количеством скота до четырех голов к необеспеченным и малообеспеченным скотом, то эта группа составит 26,5% всего количества юрт, т. е. больше четверти общего количества юрт, а значит, такую же, если не бо́льшую долю всего населения. Эта четверть общего количества юрт владела $^1/_{50}$ всего рогатого скота, $^1/_{20}$ лошадей и еще меньшим количеством овец.

3. Обращает на себя внимание сравнительно высокий процент средней группы, составляющий почти половину всего количества юрт. Но в ее руках $^1/_5$ всего рогатого скота, $^1/_4$ общего количества лошадей и $^1/_5$ овец. У средней группы русского крестьянства соотношение между количеством хозяйств и количеством скота совсем иное.

4. Высшая группа составляла меньше трети общего количества юрт, но она имела в своих руках $^2/_5$ рогатого скота, больше $^3/_5$ лошадей и овец.

Посмотрим, как обстоит дело с группой маадларов (табл. 29).

Таблица 29

Группа	Юрт	в %	Рогатого скота (гол.)	в %	Лошадей (гол.)	в %	Овец (гол.)	в %
Бесскотные . . .	4	30,6	—	—	—	—	—	—
1—2 головы . .	1	7,8	1	1,4	—	—	8	1,7
3—4 „ . .	1	7,8	4	5,5	2	2,2	50	9,6
5—10 голов . .	6	46,0	48	65,7	57	64,1	410	79,1
11—25 „ . .	1	7,8	20	27,4	30	33,7	50	9,6
Итого . .	13	100	73	100	89	100	518	100

Несмотря на сравнительно незначительные абсолютные цифры, данные очень хорошо вскрывают общее положение аратства этого сумона, подвластного монгольским князьям.

Араты хошунов — Маады и Чооду и других (и таблицы подтверждают это лишний раз) — представляли беднейшую часть тувинского населения. Вот почему количество бесскотных составляло здесь треть всего количества юрт. Вся группа необеспеченных и малообеспеченных, к которым относится почти половина общего количества юрт, владела $^1/_{14}$ всего скота, $^1/_{45}$ лошадей и $^1/_{10}$ овец. Вместе со средней группой они составляли подавляющее большинство юрт.

Резко выделяется на этом фоне небольшая группа зажиточных, сосредоточившая в своих руках большую часть скота. Составляя $^1/_{13}$ всех юрт, они имели в своих руках в 4 раза больше рогатого скота, в 15 раз больше лошадей, чем имела их почти половина общего количества юрт маадларов, обследованных Ермолаевым, и столько же овец.

Посмотрим теперь, в каком отношении находятся эти данные по рогатому скоту к распределению лошадей между аратами.

По группе оюннаров распределение лошадей представлено в таблице 30.

Таблица 30

Группа	Юрт	в %	Лошадей (гол.)	в %	Рогатого скота (гол.)	в %	Овец (гол.)	в %
Безлошадных . .	3	5,6	—	—	—	—	—	—
1—2 лошади . .	19	35,9	32	7,7	85	9,5	173	9,4
3 „ . .	4	17,5	12	3,0	42	4,7	80	4,3
4—5 лошадей . .	9	16,9	45	10,8	74	8,3	190	10,3
6—10 „ . .	8	15,1	77	18,5	110	12,4	288	15,7
11—12 „ . .	6	11,5	102	24,9	450	50,5	420	22,8
21—50 „ . .	4	7,5	145	35,1	130	14,6	690	37,6
Итого . .	53	100	413	100	891	100	1841	100

Эта таблица вполне подтверждает выводы, сделанные по таблице распределения рогатого скота.

Распределение различных групп аратов у маадларов по количеству лошадей показано в таблице 31.

Таблица 31

Группа	Юрт	в %	Лошадей (гол.)	в %	Рогатого скота (гол.)	в %	Овец (гол.)	в %
Безлошадных . .	5	38,4	—	—	1	1,4	8	1,5
1 лошадь	—	—	—	—	—	—	—	—
2 лошади	1	7,7	2	2,3	4	5,5	50	9,6
3 „	—	—	—	—	—	—	—	—
4 „	2	15,4	8	9,0	11	15,1	90	17,4
7 лошадей	2	15,4	14	15,7	17	23,3	90	17,4
10 „	1	7,7	10	11,2	10	13,7	50	9,7
21—50 лошадей .	2	15,4	55	61,8	30	41,0	230	44,4
Итого . .	13	100	89	100	73	100	518	100

Группа необеспеченных и малообеспеченных составляла почти половину общего количества юрт, обладала $^1/_{45}$ всего количества лошадей, $^1/_{14}$ всего рогатого скота и $^1/_{10}$ общего количества овец, в то время как высшая группа, составлявшая $^1/_6$ общего количества юрт, имела $^3/_5$ лошадей, $^2/_5$ крупного рогатого скота и овец. Стало быть, высшая группа, будучи по количеству юрт почти в 3 раза меньше низшей группы, сосредоточила в своих руках почти в 30 раз больше лошадей, в 7 раз больше крупного рогатого скота, в 4 раза большее количество овец.

Из всех этих данных мы делаем вывод, что аратов, совершенно лишенных всяких средств производства, среди тувинцев было много. Все они составляли кадр батрачества или нищенствующих (тиленджи). Вместе с группой аратов, мало обеспеченных скотом, они составляли больше $^2/_5$ всего количества юрт по лошадям и до $^1/_3$

общего количества по рогатому скоту. В руках этой группы находилось ничтожное количество скота — от $^1/_{45}$ до $^1/_{12}$ всего рогатого скота, от $^1/_{20}$ до $^1/_{14}$ общего количества лошадей, от $^1/_{20}$ и до $^1/_{10}$ всего количества овец. В среднем на одну юрту приходилось от одной до трех голов рогатого скота, по одной лошади, 6—9 овец, что, конечно, явно недостаточно было для тувинского хозяйства.

Средняя группа составляла от $^1/_3$ до $^2/_5$ всего количества юрт. В среднем на одну юрту приходилось семь голов рогатого скота, пять лошадей и 26 овец.

Высшая группа в количественном отношении была очень небольшой: от $^1/_4$ до $^1/_5$ общего количества юрт. В среднем на каждое хозяйство приходилось коров 42—51 голова, лошадей — 18—25 голов, овец — 87—111 голов. Следовательно, крупное хозяйство тувинца в среднем превосходило низшую группу по рогатому скоту в 17—42 раза, по лошадям в 18—25 раз и по овцам в 12—14 раз. Оно же превосходило среднюю группу в 6—7 раз по рогатому скоту, в 3—5 раз по лошадям, в 3—5 раз по овцам.

Высшая группа сконцентрировала в своих руках рогатого скота 73,3—75%, лошадей 60,1—62,2%, т. е. больше $^3/_5$ всего табуна лошадей находилось в ее загонах: овец — 56,8—62,8, или $^3/_5$ всего количества.

У нас, к сожалению, нет точных данных о найме на работу для этого периода, но если исходить из того, что хозяйство, имевшее до 300 овец, 30 лошадей и более 35 голов крупного рогатого скота, не могло обойтись без наемного труда[6], можно предполагать, что подавляющая часть высшей группы прибегала к найму пастухов для ухода за своим скотом. Этих пастухов поставляла низшая группа (необеспеченных и малообеспеченных скотом).

Приведенные выше статистические материалы указывают на резкое классовое расслоение аратства: они свидетельствуют о том, что разрушение натурального хозяйства сопровождалось крайним разорением непосредственного производителя.

---

[6] Так обстояло дело в 1930-х годах, когда производилась полная сельскохозяйственная перепись в Туве.

В результате начавшегося разложения натурального хозяйства в тувинском аале намечается образование основных групп аратства: карабайство, среднее крестьянство и беднота (ядуу, бойхуш), а также батрачество. Следует сказать, что неразвитость самих отношений мешала выработке в то время точной и устойчивой терминологии для вновь образовавшихся социальных прослоек.

3. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ТУВИНСКИХ БАЕВ

Влиянию капиталистических отношений подвергались и хозяйства крупных тувинских баев и чиновников. У баев и чиновников появилась страсть к денежному накоплению, стремление к увеличению своего богатства и к роскоши. Некоторые баи и чиновники (Агван-Доржи и др.), по примеру русских предпринимателей, завели маслобойни, начали косить сено, ввели другие новшества [7], повышавшие производственные возможности их хозяйства. Другие пустились в крупные коммерческие операции по торговле скотом и его продуктами. Так, например, Черненков еще в конце 90-х годов указал ряд тувинских чиновников, которые, уподобляясь русским торговцам, но независимо от них самостоятельно заводили коммерческие связи с русскими золотопромышленниками и другими лицами непосредственно в самой России и поставляли им скот.

«На р. Алысе,— пишет он,— находится стойбище одного из богатых сойотов Сергея чангы, который перенял торговые приемы у русских и ныне поставляет гурты в Минусинск, на Минусинские прииски и на прииски северной Енисейской тайги. Скотоперегонный тракт избран Сергеем чангы через перевал Байзы; сборным пунктом при отправлении служит озеро Кара-куль; с перевала Байзы опускаются в верховья р. Абакана и прогоняют гурты,

---

[7] Сенокошение усваивалось в первую очередь тувинскими баями. Так, по данным Ермолаева, бай Тюктюк Ажяк в 1915 г. собрал 500 копен сена, Матна — 100 копен и т. д. (ККМ, № 694, л. 91 и др.). Многие баи заготовляли сено путем сдачи своих покосов русским крестьянам на скос из доли. «Сойоты,— читаем в отчете заведующего устройством русского населения в Урянхае,— имеющие много скота, охотно отдавали права покоса за третью и четвертую копны, т. е. из трех-четырех копен, заготовленных русскими, одна поступает сойоту» (ГАНО, ф. 47, д. 294, л. 37).

пользуясь и долинами Абакана вплоть до г. Минусинска»[8].

Другой чиновник, Чула-мерен, на р. Кундулей имел в степи Кужеек не менее 5 тыс. голов скота, но сам не торговал, предоставляя это своим родственникам[9].

«Несколько выше устья Кемчика,— продолжает Черненков,— в нее впадает ключ Кара-су, на котором находится главное стойбище огурды Эсту-чангы, принадлежащего к числу состоятельных скотопромышленников, который находится в постоянных сношениях с казаками Бейской станицы и с бийскими скотопромышленниками и, пользуясь их посредничеством, ведет свои торговые дела. Сборным пунктом для отправляемых гуртов и табунов служит озеро Ак-куль, а скотопрогонным трактом ему служит перевал Часырхан и так называемый Телеутский горный тракт,— при направлении гуртов в Бийск, а верховья Абакана и Абаканской степи — при направлении гуртов на Минусинск через Бейскую станицу»[10].

Известен был Черненкову и четвертый торговец — монгольский лама Хопча, проживавший около 20 лет на р. Малой Аянгате. Он вел обширную торговлю с русскими торговыми заведениями по Бом-Кемчику и являлся главным поставщиком гуртов овец и лошадей, приобретаемых у урянхайцев из окрестностей Уланкома, Кобдо и Улясутая[11].

Появление скупщика-тувинца в 90-х годах было провозвестником распада патриархально-феодальных отношений в Туве. Ведя долгое время торговые и ростовщические операции, эти скупщики составили большие состояния.

Перед революцией самым крупным богачом Тувы был некто Ачикай, или Ажикай. По рассказам стариков, Ачикай в молодости был простым аратом, отличался кайгальством, т. е. занимался воровством скота, и это было первой ступенью к богатству. С течением времени он стал посылать на воровство уже других, а сам занялся торговлей с русскими и китайскими купцами, в частности скупал

[8] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, т. LXXX, СПб., 1907, стр. 53.
[9] Там же, стр. 54.
[10] Там же.
[11] Там же, стр. 55.

скот у аратов и продавал его русскому купцу Вавилину. В Тоджу он засылал своих агентов, которые занимались там скупкой пушнины. Для этой цели он имел там три торговые палатки. Ачикай закупал также хлеб и давал его в долг бедным аратам, а частично вывозил за границу, в особенности к дюрбетам. В восточных районах Тувы он скупал рога маралов и продавал их через Монголию в Китай. Для сушки этих рогов у него была специальная сушилка.

Торговля приносила Ачикаю большие доходы и давала возможность заниматься ростовщичеством. Помимо этого, он широко применял также раздачу скота на выпас. В результате своих торговых и производственных операций Ачикай накопил огромное богатство. Он сам не имел представления о количестве принадлежащего ему скота. Если его об этом спрашивали, он обычно отвечал, что сам не знает, сколько у него скота, знает только, что всего в стадах «тортен тунгур кока буга», т. е. 40 синих комолых порозов. Ермолаев во время своего обследования записал такое количество скота у Ачикая: лошадей — 800, крупного рогатого скота — 1000 голов, овец и коз — 1500; отдельно он записал количество скота у его сына Соергичи, который кочевал вместе с отцом; лошадей — 600, рогатого скота — 500 голов, овец и коз — 500 [12]. Арат Консулак Чашоол говорит, что скота у Ачикая было так много, что он не помещался в Буренской степи, а кроме того, он считал, что большое количество скота ему должен дюрбетский хан. Ачикай хвалился, что если он получит долг, то у него будет «миллион» голов скота.

По тому же сообщению, у Ачикая было 72 юрты пастухов, которые брали у него скот на выпас. За это они пользовались молоком от скота, взятого на выпас, и потребляли мясо животных, павших от болезней или волков. Если причина падежа скота не была установлена, то пастухи платили за одну погибшую овцу — двух ягнят, за быка — двух коров. Пастухи должны были сдавать Ачикаю всю шерсть, конский волос. Для проверки состояния скота Ачикай назначал особых людей. Он сдавал скот для работы в большом количестве не только тувинским аратам, но и русским крестьянам-беднякам.

---

[12] ККМ, № 46, лл. 105, 109.

На свои богатства Ачикай сумел приобрести у китайских властей чин чангы не только для себя, но и для сына (последний, кажется, даже раньше приобрел этот чин); не удовлетворившись этим, он, кроме того, после уничтожения маньчжурского ига в Туве получил ряд титулов от монголов (сначала кунду, а в 1915 г. княжеский чин бейсэ).

Карьера Ачикая весьма показательна для понимания эволюции социальных отношений, происходивших в Туве на протяжении полувека. Ользей-Очир в 60-х годах был самым крупным скотовладельцем Тувы, его богатства были созданы на основе внеэкономического принуждения, использования феодальных прав и только частично путем торговли. Ачикай — самый крупный собственник скота в Туве в 1910-х годах, приобрел свои богатства главным образом путем торговли, ростовщичества, предпринимательства. Этот факт говорит о концентрации средств производства в руках буржуазии — байства.

П. П. Маслов, руководивший статистическим обследованием Тувы в 1930 г., сообщает о бае Мадроле, который вел торговлю среди тувинцев: «Это было хозяйство, уже преодолевшее до некоторой степени обычные натуральные рамки. Мадрол был связан с русскими и иностранными факториями поставкой пушнины и скота. Наряду с поставкой из своих собственных стад, он выполнял еще функции прасола, закупая скот у аратов, сдавая им свой скот за приплод, ссужая их по поручению китайцев далембой (ткань) под пушнину и т. д.» [13]

Революция, говорит Маслов, помешала ему стать профессиональным маклаком.

Количество подобных фактов можно было увеличить. Все они свидетельствуют о развитии предпринимательских тенденций в хозяйстве тувинских баев и чиновников, о появлении здесь типа скупщика и предпринимателя, весьма характерного для ранней стадии капитализма.

Растущий тувинский бай пробивал себе дорогу в ожесточенной конкурентной борьбе с русским купцом-предпринимателем, скупщиком и кулаком. На первых порах он мирился с наличием русского предпринимателя и даже выполнял для него посреднические функции. С ростом же капитала у него возникала ненависть к русскому купцу.

[13] П. П. Маслов. Конец Урянхая. М., 1933, стр. 58.

Именно этими противоречиями объясняются отчасти монголофильские настроения среди тувинского байства, противодействие баев присоединению Тувы к России.

Борьба тувинского бая с русскими скупщиками принимала самые острые формы. Характерен такой факт. В июле 1905 г. умер угердаа Тоджинского хошуна Ликух, а через семь месяцев после этого умер и его ближайший помощник — чангы Ховаа. Тоджинские баи решили воспользоваться смертью правителей хошуна, чтобы установить у власти своих сторонников и с их помощью вытеснить из Тоджи русских торговцев. Старые высшие чиновники хошуна, видимо не без материальной заинтересованности, благосклонно относились к русским торговцам и сдерживали своих баев, требовавших изгнания русских торговцев и промышленников из Тоджи. Главную роль в организации борьбы против русских играл крупный тоджинский бай Томут. Усинский пограничный начальник так характеризует Томута: «Главный деятель Тоджинского хошуна чанга Томут — человек в высшей степени хитрый: упрям, в проведении своей политики очень настойчив: в минуту откровенности он как-то сказал нашим купцам, что «будет держаться своей политики по отношению к русским до тех пор, пока ему не отрубят голову», корыстолюбием выделяется даже среди своих соотечественников, никто не берет с русских так много взяток, как Томут, хотя вместе с тем, никто и не притесняет их так, как он» [14].

Из этой характеристики, а также из сведений, полученных нами от стариков, следует, что Томут был одним из богатых людей Тоджи, имел стадо скота и оленей, занимался торговлей. Он может быть причислен к числу тех кровопийц-баев, которые вырастали на почве разложения общины в Тодже.

Опираясь на группу растущих баев-скупщиков, желавших овладеть местным рынком и грабить свой народ без русских торговцев, Томут добился отстранения от власти сына старого угердаа, а весной на пост правителя хошуна избрали незначительного и зависимого от группы баев ламу, правителем же его канцелярии стал сам Томут, имевший чин чангы. Опираясь на безвольного и неавторитетного угердаа и свою партию, Томут начал решитель-

[14] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 1, д. 3, л. 359—360.

но вытеснять русских торговцев из Тувы. Он изгнал из края старого русского скупщика Мозголевского, приставил к его фактории караул, от имени угердаа решительно запретил русским промышленникам ловить рыбу на Енисее и принимал другие меры к стеснению и даже изгнанию русских торговцев из Тоджи. Понятно, что эта политика Томута определялась не интересами широких масс, а корыстным соображением тувинского байства, росту богатства которого мешали русские купцы и скупщики.

Все эти факты указывают на появление среди тувинцев своего собственного скупщика и предпринимателя, т. е. на зарождение в собственно тувинском производстве капиталистических элементов.

4. О ПРИМЕНЕНИИ НАЕМНОГО ТРУДА

Наемный труд является характерным показателем капиталистического развития. Отдельные случаи применения наемного труда наблюдались и в XIX в. В начале XX в. они участились. Первыми стали применять в Туве наемный труд (как русских, так и тувинцев) русские предприниматели и кулаки. В то время как в 90-х годах тувинцев нанимали на золотые промыслы в качестве подсобных рабочих, в первом и в начале второго десятилетия XX в. уже имелись случаи, когда тувинцы работали забойщиками, откатчиками, крепильщиками и т. п. Об этом говорит Минцлов, наблюдавший рабочих-тувинцев на приисках по р. Серлиху. Эти рабочие на золотых приисках эксплуатировались владельцами некоторое время на началах обычной натуральной оплаты труда в виде одежды, харчей и т. п. Но с течением времени она заменяется денежной оплатой за труд.

Положение рабочих-тувинцев на приисках было очень тяжелым. Минцлов говорит, что «жизнь сойота считалась окончательно в нечто такое, о чем говорить не приходится. 9 февраля в год посещения мною Урянхая, на прииске Серлике насмерть задавило бревном сойота. Никаким властям, конечно, о происшествии не заявили, труп вывезли в пустынное место и выбросили». Между рабочими тувинцами начался ропот. «Чтобы успокоить их,— продолжает Минцлов,— администрация пригласила ламу. Угощенный водкой лама спросил, в какой день убило его со-

родича. Ему сообщили. Лама прочел молитву и объявил, что все обстоит как следует: погиб умерший в благополучный день и на том свете будет ему хорошо» [15], и рабочие-тувинцы несколько успокоились.

Факт этот свидетельствует не только об отсутствии охраны труда тувинцев на приисках, но и продажности лам, которые за деньги, за водку служили золотопромышленникам. Тот же Минцлов рассказывает о «справедливости» местного тувинского начальника Баразантая Кунду, который при всех недоразумениях между конторой Иваницкого — владельца прииска — и тувинцами становился на сторону золотопромышленника против своих сородичей [16].

Значительно шире наемный труд применялся в хозяйствах русских и китайских купцов, а также русских кулаков. Нередко оплата труда производилась ими натурой. Обычны были случаи, когда купец или кулак брал работника из тувинцев, кормил его и одевал (причем лучше, чем одевали эштенчилеров их владельцы). Только в самое последнее время хозяева начали оплачивать труд деньгами.

Раньше, как мы говорили, русские предприниматели и купцы сдавали скот на выпас за молоко и пользование скотом на работе. Уже Боголепов и Соболев заметили, что в первое десятилетие XX в. кулаки и предприниматели стали решительно переходить на денежную оплату труда пастухов, воспрещая им пользоваться своим скотом. О переходе к денежной оплате труда мы можем судить и по другому сообщению Боголепова и Соболева: «По удостоверению русских обитателей Сойотии, жители ее, служащие работниками у русских, требуют уплаты жалования деньгами, а не товарами, как это было раньше». Характерной особенностью наемного труда в Туве было то, что труд батрака или рабочего тувинца оплачивался ниже, чем труд русского работника, оплата труда производилась натурой и частично деньгами и лишь в редких случаях только деньгами. Например, Кук Курак Хомушку, отец которого всю свою жизнь работал на чиновника-нойона за дырявую шубу и похлебку из воды, сам уже работал по найму у китайских купцов, которые

[15] С. Р. Минцлов. Указ. соч., стр. 194.
[16] Там же, стр. 200.

платили ему в год 10—15 чаев, а затем у русского купца Косульникова, платившего ему 15 руб. Батрак-тувинец получал в год в среднем, помимо натуральной оплаты, от 8 до 15 руб., в то время как русские батраки получали до 20 руб. в год.

Наемный труд в своеобразной форме возникал и в тувинском предпринимательском хозяйстве. Тувинские баи нанимали своих сородичей на работу и оплачивали их труд в натуральной форме. Салчак Тока в повести «Слово арата» передает такой разговор между своей матерью Тас-Баштыг и десятником бая: «Ты, лысая голова,— говорит десятник, будешь кожи дубить. Цена будет — сама знаешь: одну шкуру сдала — отколю кусок чая, ичиги подбила — дам хевека — полную чашу. Ну, а шубу сошьешь — так и дунзы тебе хоть целую горсть бери — не пожалею» [17].

Особенно широко применялся наемный труд в земледелии. «Урянх бедняк,— свидетельствует Ермолаев,— идет к богачу, получает от него семена, быков и соху, пашет, сеет, поливает и собирает урожай. После обмолота богач дает ему за труд, в зависимости от размера вспашки и урожая, 5—10 пудов зерна» [18]. В данном случае бедняк работает, используя орудия производства, которые принадлежат баю, и на земле, которой распоряжается тот же бай. Он фактически продает свою рабочую силу баю и получает за нее оплату в натуральном виде — зерном.

В приведенном примере арат фактически берет все необходимые орудия земледелия у бая, но чаще араты брали что-либо одно: семена или соху, или волов. За аренду они работали на бая, обычно за один день пользования волом — один день. В условиях возникающих товарно-денежных отношений эти отработки приобретали капиталистический характер.

Некоторые баи обнаруживали невыгодность старых условий передачи своего скота на выпас арату. Часть из них стала требовать от аратов, пасших скот на основании саап ишкен, не только выкорма и сохранения скота, но и сдачи части продуктов скотоводства (в виде масла, шерсти, молока), которые прежде обычно полностью остава-

[17] Салчак Тока. Слово арата. «Сибирские огни», 1950, № 2, стр. 15.

[18] ККМ, № 46, л. 53.

лись у арата. Другие стали для охраны скота нанимать пастухов. Эти пастухи уже не несли материальной ответственности за потерю скота, хотя нередко бывали случаи, когда за потерю животного баи понижали пастуху плату. Расплачивался бай с пастухом скотом или же продуктами скотоводства.

Бай нанимал батраков на сезон для ухода за скотом, для несения за него общественных повинностей (например, уртельной повинности). Широко был распространен наем охотников на сезон. В этом случае бай снабжал охотника всеми необходимыми припасами, оружием, лошадью, но за это добыча охотника поступала в собственность бая; часть добычи бай по своему усмотрению выделял охотнику.

С течением времени отдельные баи стали понимать выгодность оплаты труда арата. И хотя плата эта была весьма незначительной, она все же стимулировала рост производительности труда работника.

Низкий уровень заработной платы и ее натуральный характер объясняется тем, что в Туве так же, как в Хакасии и на Алтае, спрос на рабочую силу со стороны туземных предпринимателей был явно меньше, чем ее предложение. Как мы видели, процент бесскотных хозяйств у тувинцев был высокий, поэтому рынок труда был большой, а требования на рабочую силу крайне ограничены. Этот рынок труда не мог быть использован и русскими предпринимателями, так как в своей основной массе араты не имели тех трудовых навыков, которые нужны были русскому предпринимателю и кулаку. Русский предприниматель пользовался только небольшой долей тех свободных рабочих рук, которыми располагала Тува.

Это же обстоятельство, т. е. несоответствие спроса на рабочую силу с ее предложением, а также господство патриархально-феодальных отношений в Туве приводило к тому, что тувинский бай-предприниматель широко применял методы феодальной эксплуатации. Он широко использовал бесплатный труд своих сородичей при «битье шерсти» в виде помочи (дук салчыр), не отказался полностью от саап ишкен и других методов фактически внеэкономического принуждения. Собственно эти прежние способы эксплуатации сородичей при всех новшествах бая в приобретении рабочей силы играли все же решаю-

щую роль в его хозяйстве. Наемный труд только еще входил в практику хозяйствования и то далеко не всех баев, а только некоторой их части. В своеобразных социальных условиях Тувы он принимал особые черты, которые порождались опять-таки господством патриархально-феодальных отношений, искажавших природу и форму самого наемного труда. Переход от внеэкономического принуждения к наемному труду в Туве в предпринимательских хозяйствах тувинцев очень трудно поддается изучению, потому что совершался он часто неуловимо.

Прямым результатом такого перехода было образование своеобразного типа работников. «...Крупное отработочное хозяйство,— писал В. И. Ленин,— уступает место крупному капиталистическому не всегда «непосредственно», а сплошь и рядом создавая слой полузависимых, полубатраков, полусобственников...» [19]. Подобное положение мы наблюдаем и в Туве, где работник бая очень часто эксплуатировался на полупатриархально-феодальных, на полукапиталистических началах. Именно в этот период в Туве получили распространение слова «хулечек», означающее наемного человека, батрака, и «чалчы», означающее также наемного работника, исполняющего домашние работы. Хулечек и чалчы получали за свой труд натурой — скотом или его продуктами. В течение всего времени пребывания на работе они получали одежду («кишиштым» — штаны из овчины, «идык» — сапоги и др.) и кормились за счет хозяина. Слабое развитие денежного хозяйства и денежного обмена в Туве мешало введению оплаты труда хулечека и чалчы деньгами. Даже после революции, когда в Туве было создано свое собственное денежное хозяйство, натуральная оплата труда существовала долгое время.

* * *

Разрушение натурального характера тувинского производства под влиянием роста товарно-денежных отношений, вовлечение тувинских хозяйств в рыночные отношения, наличие классовой дифференциации среди аратов, приведшей к созданию значительного резерва

[19] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 116.

труда, появление и развитие предпринимательских тенденций в хозяйстве баев, появление скупщиков, случаи применения наемного труда — все это говорит о том, что в Туве возникали зачатки новых, а именно буржуазных социальных отношений. Появление элементов этих отношений в тувинской экономике и социальном строе наряду с наличием капиталистического уклада в русских хозяйствах свидетельствует о зарождении в Туве капитализма. Элементы капитализма совершенно отчетливо прослеживаются в русском производстве, но выступают в зародышевом виде в производстве тувинцев.

Мы обязаны подчеркнуть этот зародышевый характер товарно-денежных отношений, их неразвитость, потому что они еще не достигли такого уровня, чтобы существенно изменить социальный характер тувинского общества. Несмотря на влияние зародышей капитализма, тувинское общество оставалось обществом полупатриархально-полуфеодальных отношений, которое только в некоторой форме подвергалось воздействию капитализма. Капитализм в Туве начал развиваться, но революция помешала ему реализовать свои возможности. Развитие буржуазных отношений в Туве не достигло даже того уровня, который они имели в соседних с Тувой областях — в Хакасии и на Алтае. И это имеет свое обоснование.

В чем причина слабого развития капиталистических отношений в собственно тувинском производстве? Развитию капитализма в Туве еще в большей степени, чем в Хакасии и на Алтае, мешали колониальное положение Тувы и колониальная политика цинской династии. О колониальной политике цинской династии уже говорилось раньше. Обратим только внимание на одно, как нам кажется, важное обстоятельство, самым непосредственным образом мешавшее проникновению товарно-денежных отношений в Туву и тормозившее их развитие. Известно, что у сибирских народов одним из стимулирующих средств для развития товарно-денежных отношений был перевод ясака и повинностей из натуральных в денежные. Тува же вплоть до революции совсем не знала денежного албана.

До 1912 г. тувинцы выплачивали цинской династии албан в виде пушнины. С 1912 по 1914 г. они платили своим нойонам и монгольским князьям также больше натурой. После присоединения Тувы к России русское прави-

тельство фактически не облагало их податью. Это и объясняет нам, почему деньги не получили широкого распространения в Туве до революции.

Развитие капиталистических отношений в Туве задерживалось господствовавшими в ней патриархально-феодальными отношениями, оторванностью Тувы от крупнейших промышленных районов и торговых рынков России и Китая, полной неразвитостью путей сообщения и другими факторами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения развития общественных отношений в Туве мы приходим к выводу, что в XIX — начале XX в. социально-экономический строй Тувы подвергся значительным изменениям. В 1757 г. Тува попала под власть Китая. Цинская династия, правившая Китаем, всей своей политикой в Туве — колонии Китая — стремилась к сохранению патриархально-феодальных отношений, как наиболее отвечающих интересам господствующих классов Китая. Поэтому разложение родового строя и развитие феодализма шло очень медленно. Этот процесс, сопровождавшийся разорением народа, хищнической эксплуатацией производительных сил Тувы, поборами в пользу китайского правительства, был мучительным для тувинского народа, который на протяжении полутора веков прозябал в самых примитивных жизненных условиях.

Цинская династия лишала Туву экономических связей с другими колониями Китая и с самим Китаем, что привело к политической и культурной изоляции Тувы. В такой обстановке производительные силы Тувы постепенно деградировали, а тувинскому народу грозило угасание и вымирание.

Положительную роль в развитии производительных сил Тувы играла русская колонизация. Именно с севера Тува была открыта для экономического влияния, отразившегося на ее дальнейших исторических судьбах. Проникновение русского торгового капитала в Туву в XIX в. и развертывание деятельности китайского торгового капитала способствовали еще большему разрушению примитивной экономики и консервации социальных отношений Тувы. Однако тувинцы в течение длительного времени поддерживали торговые отношения с пограничным русским крестьянством.

С другой стороны, крестьянская колонизация в Туве дала сильный толчок для развития производительных сил области. Под влиянием развития предпринимательской деятельности русского торгового капитала, крестьянского переселения и развития золотопромышленности в Туве возникли капиталистические элементы, которые ускорили разрушение отсталых патриархально-общинных отношений.

Однако было бы неверно преувеличивать степень влияния капиталистических элементов на социально-экономические отношения в Туве. Перед революцией развитие капиталистических элементов только начиналось, оно не могло еще изменить общую картину социально-экономических процессов Тувы.

Что же представляли собой социально-экономические отношения в Туве перед самой революцией? Мы уже говорили, что колониальное угнетение Тувы китайскими феодалами и монгольскими нойонами приводило к деградации ее производительных сил, к разрушению ее экономики. Русская колонизация несла с собой эксплуатацию тувинских производительных сил и тувинского народа (торговля, золотопромышленность), но в известном смысле способствовала развитию производительных сил тувинского общества (развитие земледелия, промышленности, перенесение производственного опыта, навыков труда и т. д.). Рост производства в связи с русской колонизацией способствовал и прогрессу социально-экономических отношений, проникновению в них капиталистических начал.

В целом социально-экономический строй Тувы перед революцией оставался полупатриархально-полуфеодальным, но подвергался, хотя и слабо, воздействию со стороны капиталистических элементов. Господство полупатриархально-полуфеодальных отношений характеризовалось тем, что основная часть средств производства принадлежала феодально-ламским элементам Тувы, которые и держали власть в своих руках. Малочисленная группа тувинских карабаев (кулаков) должна была приспосабливаться к господствующим в стране социальным отношениям, и ее самостоятельная роль была мало ощутима в социальной жизни Тувы.

Возникшая же группа сельскохозяйственного пролетариата (батраков) и горнопромышленных рабочих еще

окончательно не оторвалась от тех социальных корней и отношений, которые продолжали господствовать в Туве.

Тесная связь экономики Тувы и России способствовала развитию производительных сил и социальных отношений Тувы. Экономические связи, начавшие устанавливаться с XIX в., ко времени революции стали настолько прочными, что тувинская экономика уже не могла существовать без тесной связи с русской экономикой. Эти связи служили тем фундаментом, на котором произошло культурное и политическое сближение тувинского народа с русским. Началось приобщение тувинского народа к высокой русской культуре.

Ни тяжелый колониальный режим, ни растлевающее влияние феодалов и ламаистского духовенства не убили веру тувинского арата в свое освобождение из-под ига внешних захватчиков.

Когда под влиянием первой русской революции началось народное движение в Китае и Монголии, оно немедленно было поддержано тувинцами. Они прекратили платежи китайским торговым фирмам и восстали против Китая [1].

Русский консул в Улясутае в феврале 1912 г. доносил русской миссии в Пекине: «Урянхайцы стремительно обрушивались на проживающих в их стране китайцев, почитающихся главными виновниками переживаемых бедствий, и обуреваемые жаждой мщения стали громить своих бывших угнетателей, не щадя ничего» [2].

По архивным документам, все движение в Туве в 1911—1912 гг. представляется стихийным. Восставшие действовали одновременно в разных районах. Большой отряд восставших тувинцев громил китайские торговые фактории по р. Элегесту — левому притоку Енисея, в местности Хем-Бельдир, или Виланы (сейчас г. Кызыл), т. е.

---

[1] История национально-освободительной борьбы тувинского народа в 1912 г. против ига маньчжурской династии заслуживает особой главы. Однако в руках автора нет для этого соответствующих значительных архивных материалов, и он ограничивается приведением кратких сведений об этом историческом событии. Интересные материалы по этому вопросу опубликованы Ю. Л. Аранчином в статье «Национально-освободительное движение тувинского народа 1911—1912 гг.» (Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955, стр. 35—54).

[2] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 26, л. 102.

он действовал главным образом южнее Улуг-Хема и по Каа-Хему. Второй отряд восставших оперировал по рекам Тапсе и Баян-голу — притокам Бий-Хема и по Бий-Хему, т. е. севернее Улуг-Хема. И, наконец, третья группа восставших изгоняла китайских торговцев из района Шагонара — Чаа-холя и с нижнего течения Кемчика.

Такие отряды повстанцев создавались рядовыми аратами или мелкими чиновниками и действовали они решительно и стремительно. После изгнания китайских торговцев из той или другой местности эти отряды обычно рассыпались.

На юге Тувы, там, где тувинские сумоны граничили с кочевьями монгольских аратов, тувинцы выступали против ига цинской династии совместно с монголами.

В течение недели китайские торговцы были изгнаны с большей части территории Тувы, товары их были изъяты, а фактории сожжены.

Ряд фактов говорит о том, что тувинская феодальная знать и карабаи, за редким исключением, были в стороне от народного движения и даже противодействовали ему. Так было, например, у Джакуля. Здесь, по свидетельству исторических документов, «урянхайские чиновники пробовали уговорить урянхов не трогать китайцев, но урянхи не слушали... Дисциплина пала. Полное непослушание урянхами своих чиновников» [3]. Так было и в других местах. Во многих хошунах положение чиновников было настолько шатким, что все их усилия удержать народ от разгрома торговых лавок китайцев не привели ни к чему. Чакиров — начальник Усинского пограничного округа — в своем донесении енисейскому губернатору от 25 января 1912 г. сообщал: «Простые смертные урянхи чиновников своих почти не признают...» [4].

Совсем иная картина была на Кемчике. Здесь феодалы крепко держали власть в своих руках, они не допускали разгрома китайских факторий, удерживая аратов от восстания.

Тем временем в соседних с Тувой монгольских хошунах шла вооруженная борьба между восставшими и правительственными войсками. Тувинские араты принимали в ней самое активное участие. Отряды тувинцев не счита-

[3] ГАИО, ф. 25, оп. 13, св. 4, д. 26, л. 123.
[4] Там же, л. 137.

лись с запретом своих чиновников, переходили границу и дрались против войск Китая. Вместе с монголами весной 1912 г. они громили маньчжурские гарнизоны в г. Уланкоме и его окрестностях. Более серьезную роль они сыграли в боях за г. Кобдо. Бои в районе Кобдо носили весьма ожесточенный характер. Крепость Кобдо, где засел крупный китайский отряд, имела крепкие стены, ее отделял от восставших глубокий ров, наполненный водой.

У восставших не было орудий. Осадив крепость, они обстреливали ее из ружей с прилегающих улиц торгового города. В этих боях приняли участие тысячи монголов и тувинцев.

Китайский гарнизон нес большие потери, но не сдавался, ожидая подкрепления из Китая. В августе на помощь гарнизону в г. Кобдо подошел отряд китайских войск под командованием По-вана. Он был встречен тувинцами недалеко от крепости и разбит. Это окончательно решило исход боев за Кобдо. В начале сентября китайцы открыли ворота крепости и во главе с Хэбэй-амбаном сдались на милость победителя. Всего сдалось 600 человек, 500 человек погибло во время осады [5]. Крепость Кобдо, как символ векового угнетения китайскими феодалами, восставшие разрушили до основания. Так пала последняя твердыня цинской династии в Центральной Азии.

В кобдинском бою в тесном содружестве с монгольскими аратами принимали участие 630 тувинцев, из них 330 воинов из хошунов Оюн и Салчак, а остальные из Кемчикских хошунов. Тувинцы показали себя отличными воинами, они мужественно сражались за свободу и независимость своей отчизны.

Падение Кобдо определило и участь китайских торговцев на Кемчике. Здесь нойоны защищали китайских купцов до августа 1912 г. Они создали специальные вооруженные отряды для охраны факторий китайских купцов. С помощью этих вооруженных отрядов нойоны подавляли в своем районе движение против китайских торговцев. Полную поддержку им в этом отношении оказывали ламы, которые уговаривали аратов не трогать китайских торговцев и грозили проклятием тем, кто покушался на врагов тувинского народа.

---

[5] ГАИО, оп. 13, св. 4, д. 29, л. 170.

Особое пристрастие кемчикских феодалов к китайским торговцам объясняется не только тем, что тувинские нойоны были обязаны цинской династии своим возвышением и господством над аратами, но и тем, что они были связаны материально с китайскими купцами, постоянно у них получали кредит. Несколько раз араты пытались изгнать китайских купцов из своего хошуна, но эти попытки пресекались местными чиновниками, и только с получением сообщения о падении Кобдо чиновники отвернулись от китайских купцов, и последние бежали с Кемчика.

Изгнание китайских купцов из Тувы и вооруженную борьбу против войск цинской империи следует характеризовать как своеобразную национально-освободительную войну тувинцев против своих вековых врагов. Эта война находится в непосредственной связи с общим пробуждением Азии в начале второго десятилетия XX в., когда, по выражению В. И. Ленина, «сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулось к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [6]. Народы Азии, в том числе и тувинцы, обязаны своим пробуждением первой русской революции 1905—1907 гг.

Победоносная народно-освободительная война 1912 г. принесла тувинскому народу освобождение из-под векового гнета и дала ему возможность самостоятельно решить свою дальнейшую судьбу, руководствуясь своими жизненными интересами и историческим тяготением к России, и тем ускорила в целом процесс движения тувинского народа к прогрессу. Движение 1912 г. было глубоко народным. В нем решающую роль играли широкие массы аратов, показавшие свою способность объединяться для борьбы со своими врагами, проявившие высокие военные качества и преданность родной земле.

Представители феодально-ламской верхушки частью противодействовали национально-освободительному движению, продолжая свою линию прислужничества внешним захватчикам, а частью включились в движение для того, чтобы использовать его в своих классовых интересах.

Национально-освободительное движение тувинцев 1911—1912 гг., направленное против китайских торговцев-

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

ростовщиков и ига маньчжурской династии, способствовало дальнейшей консолидации тувинских племен, оно подготовляло условия для слияния их в единый народ.

После уничтожения маньчжуро-китайского ига в Туве создалась напряженная обстановка. Между нойонами началась борьба за власть над Тувой. В то же время весь ход исторического развития влек Туву к соединению с Россией. Широкие массы трудящихся аратов стремились к этому. Наоборот, феодально-ламские элементы, исключая небольшую группу феодалов во главе с амбын-нойоном, всячески противились присоединению Тувы к России и ориентировались на союз с монгольскими феодалами. Царизм хотел воспользоваться создавшейся обстановкой для окончательного захвата Тувы.

В задачу этой работы не входит детальное изучение истории присоединения Тувы к России. Важно подчеркнуть, что вхождение в состав России было подготовлено всем ходом исторического развития Тувы в XIX — начале XX в. С. К. Тока справедливо подчеркивает, что «народные массы Тувы были решительными сторонниками соединения Тувы с Россией, ибо многовековой опыт убедил их в том, что в лице русского народа они имеют своего великого защитника и освободителя» [7].

5 апреля 1914 г. царское правительство установило протекторат над Тувой, о чем было доведено до сведения тувинцев в июне 1914 г. Фактические же отношения между Тувой и Россией скоро переросли рамки протектората, они стали более тесными и прочными.

Присоединение Тувы к России было решающим моментом в истории тувинского народа, подготовив переход страны от средневекового застоя, темноты и дикости к более высоким формам хозяйства и культуры.

Конечно, при оценке исторического значения присоединения Тувы к России надо учитывать тот факт, что в России в 1914 г. господствовал царизм — душитель свободы народов. Царское правительство рассматривало Туву как свою колонию. Однако участь царизма уже была предрешена; не царизм, а революционный народ представлял тогда Россию.

---

[7] С. К. Тока. 10 лет в советской многонациональной семье. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, вып. II, 1954, стр. 4.

Оценивая историческое значение присоединения Тувы к России, следует признать, что претендовавшие на Туву Китай и Монголия в своем социально-экономическом, политическом и культурном развитии стояли неизмеримо ниже России. Влияние социально-политических условий этих стран на Туву было в большой степени отрицательным.

Китайское и монгольское влияние в полной мере выразилось в области деспотического управления, средневекового уголовного права, в хищническом способе торговли. Китайские торговцы принесли в Туву ханшин (водку), а монгольские князья — ламаизм.

По сравнению со всем этим проникновение русской культуры было более широким, носило прогрессивный характер. Тувинский народ приобщился к русской культуре, как одной из передовых культур мира, перед ним открылась перспектива включиться в общемировое развитие.

Присоединение Тувы к России в 1914 г. обусловило коренные изменения исторических судеб тувинского народа. «Это было,— пишет крупный общественный деятель Тувы С. Тока,— наиболее благоприятным разрешением вопроса. Когда-то оторванный от братских народов, населявших Российскую империю — хакасов, ойротов, якутов, казахов, киргизов,— тувинский народ снова воссоединился с ними. Теперь тувинский народ уже не был одинок в борьбе против сильных и коварных врагов. Он приобрел в лице русского народа могущественного союзника и защитника» [8].

Присоединившись к России, тувинский народ тем самым приобщился к великому революционному движению. Благодаря Октябрьской социалистической революции тувинский народ получил национальную независимость. После четырехлетней победоносной борьбы с иностранными интервентами и внутренними силами контрреволюции он создал в 1921 г. народную республику и, опираясь на всемерную помощь и поддержку Советского Союза, успешно приступил к строительству нового экономического и политического строя.

---

[8] С. Тока. Праздник тувинского народа. «Правда», 17.VIII.1946.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

К. Маркс. Капитал. Т. I—III.

К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 149—186.

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, М., 1952.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948.

В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Соч., т. 6, стр. 89—130.

В. И. Ленин. Великий почин. Соч., т. 29, стр. 377—400.

В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. Соч., т. 18 стр. 143—149.

В. И. Ленин. Еще о переселенческом деле. Соч., т. 19, стр. 69—70.

В. И. Ленин. Землеустройство и деревенская беднота. Соч., т. 1 стр. 338—340.

В. И. Ленин. Значение переселенческого дела. Соч., т. 19, стр. 46—51.

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 173—290.

В. И. Ленин. Капитализм в сельском хозяйстве. Соч., т. 4, стр. 89—141.

В. И. Ленин. Капиталистический строй современного земледелия. Соч., т. 16, стр. 387—410.

В. И. Ленин. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Соч., т. 19, стр. 154—170.

В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Соч., т. 6, стр. 325—392.

В. И. Ленин. Крах II Интернационала. Соч., т. 21, стр. 181—232.

В. И. Ленин. Переселенческий вопрос. Соч., т. 18, стр. 74—84.

В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1, стр. 59—108.

В. И. Ленин. Пробуждение Азии. Соч., т. 19, стр. 65—66.

В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). Соч., т. 1, стр. 315—484.

Августус Е. С разведчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголии. Военный сборник. Иркутск, 1910, стр. 151—166.

Адрианов А. В. Путешествия на Алтай и за Саяны. «Сибирская газета», 1881, № 38, 39, 42, 43.

Адрианов А. В. Раскольничьи общины в Сибири. «Восточное обозрение», 1882, № 37, 38.

Адрианов А. В. Русская торговля на границах Китая. «Восточное обозрение», 1882, № 14, 16.

Адрианов А. В. Сойоты и русская торговля. «Восточное обозрение», 1882, № 21.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1881 г. по поручению ИРГО. СПб., 1886.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению ИРГО и его Западно-Сибирского отдела. Предварительный отчет. Омск, 1887.

Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904.

Адрианов А. В. Урянхайские дела. «Сибирская жизнь», 1915, № 199.

Адрианов А. В. Из Урянхайского края в Томск (путевые впечатления). «Сибирская жизнь», 1916, № 241, 244, 257, 270, 271, 279, 283.

Адрианов А. В. Шага (сойотский новый год). Этнографический набросок из урянхайской жизни. Томск, 1917.

Азиатская Россия, т. II, «Земля и хозяйство», Пг., 1914.

Аксенов Д. Основные вопросы агротехники зерновых культур в ТНР. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1943, № 6, стр. 44—51.

Алексеев В. П. Черепа из древних погребений на территории Тувы. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, вып. III, стр. 103—108.

Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии, ч. II. СПб., 1889.

[*Апакидзе*]. Поездка к границам Монголии кн. Апакидзе. Известия Сиб. отд. ИРГО, 1870, т. I, вып. 2—3, стр. 53—55.

Аранчин Ю. Л. Национально-освободительное движение тувинского народа 1911—1912 гг. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955, стр. 35—54.

Аранчин Ю. Л. О древних енисейских камнеписных памятниках на территории Тувинской автономной области. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, вып. I. Кызыл, 1953, стр. 55—58.

Аргунов А. П. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог сельскохозяйственного отдела Минусинского музея. Казань, 1892.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», 1896, вып. III и IV, стр. 277—456.

Арсеньев Ю. В. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 году. Записки ИРГО по отд. этнографии, т. 10. вып. 1, 1882.

Археологические изыскания. «Минусинский край», 1914, № 68.

Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца. Издание государственного Бейпинского дворцового музея. Пекин, 1936.

А. С. Минусинск. «Сибирь», 1877, № 18.

Африканов А. И. Русская торговля в Урянхайской земле. Изв. ВСОИРГО, Иркутск, 1890, т. XXI, № 5, стр. 1—33.

Африканов А. И. Урянхайская земля и ее обитатели. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 5, стр. 34—59.

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностранных Дел в 1792—1803 год. Казань, 1882.

Баранов А. Урянхайский вопрос. Харбин, 1913.

Баторский Л. А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка, ч. 1. СПб., 1889.

Беннигсен А. П. Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912.

Беннигсен А. П. Русские дела в Урянхае. Изв. Имп. об-ва востоковедения, 1913, стр. 21—59.

Березин И. Н. Сойоты или сойонцы. Русский энциклопедический словарь, отд. IV, т. II, СПб., 1877, стр. 176—177.

Березин И. Н. Урянхай или урянхиты. Русский энциклопедический словарь, отд. IV, т. III, СПб., 1878, стр. 109.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй Орхоно-енисейских тюрок. Восточно-тюркский каганат. М., 1946.

Беседы с заведующим устройством русского населения в Урянхайском крае г. Габаевым. «Минусинский край», 1914, № 38.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков. С XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I и II, М.—Л., 1950, т. III, 1953. (Первое издание вышло в 1851 г.).

Бобырь Н. П. Примечание к описанию нового пути из Минусинского округа на Бирюсинские золотые прииски. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 1, стр. 73—77.

Бобырь Н. П. О первой половине Саянской экспедиции 1887 года. Изв. ВСОИРГО, 1888, т. XIX, № 2, стр. 73—77.

Бобырь Н. П. Отчет о второй половине Саянской экспедиции 1887 г. Изв. ВСОИРГО, 1888, т. XIX, № 3, стр. 72—74.

Боголепов М. Н. и *Соболев М. П.* Очерки русско-монгольской торговли. Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1911.

Боголепов М. Н. Очерки сибирской культуры (на границе с Сойотией). «Сибирская жизнь», 1912, № 58.

Боголюбский И. С. Исследование древностей Красноярского и Минусинского округов 1881, 1882 и 1883 года. СПб., 1891.

Боголюбский И. С. Минусинский, Красноярский и Ачинский округа Енисейской губернии. СПб., 1884.

Богораз В. Г. Древние переселения народов в Северную Евразию и в Америку. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, VI, 1927.

Богатырев Н. О тувинских памятниках древности. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1942, № 2, стр. 97—104.

Бруннерт И. С. и *Гагельстром В. В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910.

Булгаков А. И. Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах. Изв. ИРГО, 1908, т. XLIV, вып. VI, стр. 389—437.

Булгаков А. И. Некоторые данные об Усинском пограничном округе и об Урянхайской земле. «Вопросы колонизации», 1908, № 3, стр. 288—297.

Вагнер Г. и *А. Фон Этцель.* Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описанию Т. И. Аткинсона, А. Ф. Миддендорфа, Г. Радде и др. СПб., 1865.

Вайнштейн С. Камнерезное искусство тувинцев. «Советская этнография», 1954, № 3.

Вайнштейн С. Археологические раскопки в Туве в 1953 году. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, 1954, вып. II, стр. 140—154.

Вайнштейн С. Памятники скифского времени на территории Тувы. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, 1955, вып. III, стр. 78—102.

Васильев В. Н. Краткий очерк быта карагасов. «Этнографическое обозрение», 1910, т. XXXIV—XXXV, № 1—2, стр. 46—75.

Васильев В. Н. Урянхайский пограничный вопрос. «Журнал министерства народного просвещения», 1912. Новая серия, ч. XXXVIII, 4, Современная летопись, стр. 55—103.

Васильев В. Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (из Шен-у-цзи). Перевод с китайского. В кн. *Г. Н. Потанина* «Очерки северо-западной Монголии», вып. III, СПб., 1883, стр. 305—336.

В-в П. Торговля с урянхайцами. «Сибирь», 1877, № 46.

В. Г. Золотое дно. «Золото и платина», 1915, № 21—22.

В верховьях Енисея. «Минусинский край», 1914, № 36.

Ватин-Быстрянский В. А. Минусинский край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.

Ватин-Быстрянский В. А. Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого века. «Сибирский студент», 1915, № 7—8, стр. 85—104.

Ватин-Быстрянский В. А. Сойоны в начале 40-х годов прошлого столетия. «Сибирский архив», 1916, кн. 1, стр. 1—7.

Венюков М. Очерки старых и новых договоров России с Китаем, собранные М. Венюковым. СПб., 1861.

Венюков М. Мусульманские восстания в пограничных России частях Китая за последние годы. Изв. ИРГО, 1873, т. IX, стр. 32—36.

Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.

Венюков М. Очерки современного Китая. СПб., 1874.

Веселков Н. Ф. Зарождение нашей торговли с западной стороной Китая со стороны Минусинского округа Енисейской губернии. В сб. «О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России». Изд. В. Долинского. СПб., 1871, стр. 29—41.

Веселков Н. Ф. Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа. Изв. ИРГО, 1871, т. VII, стр. 2, 113—118.

[*Веселков Н. Ф.*] Заметки минусинского купца Н. Ф. Веселкова по пути от Дзиндзилика в Иркутск. Изв. ИРГО, 1873, т. IX, вып. 5, стр. 157—162.

[*Веселков Н. Ф.*]. Поездка в землю урянхов. Отчет ИРГО за 1871 год. СПб., 1872, стр. 25.

Виноградов М. П. Экстерьер тофаларских и сойотских оленей. «Советское оленеводство», 1936, № 6, стр. 73—96.

Владимирцов Б. Я. Заметки к древнемонгольским и старомонгольским текстам. Доклады АН СССР, 1929, № 16, стр. 289—296.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Водный путь в Монголию. «Енисейская мысль», 1914, № 82, 93.

В-ов. В. Русская торговля с Урянхаем и в Усинском округе. «Енисейская мысль», 1914, № 73, 75.

В-п В. Россия и Урянхай. «Молодая Сибирь», 1912, № 21, 22.

В урянхайской земле. «Сибирская жизнь», 1915, № 279.

Высоцкий Н. К вопросу о состоянии медицинского дела в Усинском пограничном округе и на спорной территории. Труды первого съезда врачей Енисейской губернии. Красноярск, 1913, стр. 117—124.

Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, ч. II, СПб., 1854.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III. Самоядские, Маньчжурские и Восточные Сибирские народы, СПб., 1777.

Горно-промышленное дело в Урянхае. «Енисейская мысль», 1914, № 83.

Горощенко К. И. Курганные черепа Минусинского округа. Минусинск, 1900.

Горощенко К. И. Сойоты. «Русский антропологический журнал», 1901, № 2, стр. 62—73.

Горощенко К. И. Материалы по антропологии Сибири. Записки Красноярского подотдела ВСОИРГО, 1904, т. 1, вып. 2.

Горчаков С. Роль сопредельных азиатских стран в снабжении России мясными продуктами. «Изв. по внешней торговле», 1917, № 16, стр. 419—431.

Грач А. Д. Обследование археологических памятников западной Тувы. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, вып. II, 1954, стр. 155—167.

[*Гранэ Г. И.*]. Отчет о поездке в северо-западную Монголию, Минусинский край и Алтай магистра Г. И. Гранэ. Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом и этнографическом отношениях, 1907, стр. 53—55.

Гребнев Л. В. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл, 1955.

Григорьев Ю. Письмо в редакцию. «Минусинский листок», 1915, № 63.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. I. Описание природы этих стран. СПб., 1914; т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926; т. III, вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л., 1926; т. III, вып. 2. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговая и колонизаторская деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. Л., 1930.

Данзыл-оол. О. Восстание 60 богатырей. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1943, № 6, стр. 67—78.

Данзын-оол О. и *Сиома О.* К тридцатилетию г. Кызыла. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1944, № 4, стр. 18—21.

Дашкевич В. Несколько слов об Урянхайском крае. «Вопросы колонизации», 1911, № 8, стр. 210—219.

Двадцать пять лет Тувинской национально-освободительной революции. Сборник статей под ред. Х. М. Сейфулина. Кызыл, 1946.

Дебец Г. Ф. Краниологический очерк танну-тувинцев. «Северная Азия», 1929, № 5—6 (29—30), стр. 133—137.

Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (К вопросу о миграциях в доклассовом обществе). «Антропологический журнал», 1932, № 2, стр. 26—35.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948.

Дебец Г. Ф. К палеоантропологии Тувы. Краткие сообщения ин-та этнографии. 1950, вып. X, стр. 97—111.

Д'Оссон К. История монголов от Чингисхана до Тамерлана. Перевод с французского Н. Н. Козьмина. Иркутск, 1937.

Дорога на Ус по Енисею. «Минусинский край», 1914, № 8.

Дорогостайский В. Ч. Поездка в северо-западную Монголию. Изв. ИРГО, 1908, т. XLIV, вып. 5, стр. 234—246.

Дорофеев. Отчет о поездке в северо-западную Монголию. Омск, 1912.

Дулов В. И. Борьба тувинского народа против маньчжурского ига. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1944, № 3, стр. 11—17.

Дулов В. И. Ценный историко-географический материал о Туве. Изв. ВГО, 1947, стр. 655—657.

Дулов В. И. Пережитки общинно-родового быта у тувинцев. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 57—76.

Дулов В. И. Земледелие у тувинцев в XIX — начале XX вв. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. М., 1952, стр. 309—321.

Дулов В. И. Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в Туве. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, 1953, вып. I, стр. 7—54.

Дулов В. И. Русско-тувинские экономические связи в XIX столетии. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, 1954, вып. II, стр.81—121.

Дулов В. И. Сочинение Егора Пестерева о Туве. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, 1955, вып. III, стр. 72—77.

Евтюхова Л. А. и *Киселев С. В.* Саяно-Алтайская экспедиция. Ин-т истории материальной культуры АН СССР. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. XXVI, стр. 120—127.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. Материалы и исследования по археологии СССР, 24, М., 1952.

Ермолаев А. П. Краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915—1918 гг. «Сибирские записки», 1919, № 4—5, стр. 34—39.

Ермолаев А. П. Урянхайский край. Минусинск, 1919.

Ермолаев А. П. Тоджа. Изв. Красноярского отдела ИРГО, 1924, т. III, вып. 1, стр. 1—28.

Завохонец. Поездка на Ус преосвященного Исаакия. «Сибирская газета», 1884, № 16.

Закуп хлеба урянхайцами. «Минусинский листок», 1915, № 38.

Заметки о г. Белоцарске. «Минусинский листок», 1914, № 12.

Заметки об Усинском крае. «Сибирский край», 1911, № 15.

Заметка о р. Кемчик. «Сибирская газета», 1886, № 35.

Захват Урянхая. «Минусинский край», 1914, № 35.

Иваницкий К. И. Медные руды Урянхай. Ест.-производ. силы России, т. IV. Полезные ископаемые, вып. VII. Медь. Пг., 1917, стр. 166—171.

Ивановский А. А. Енисейские инородцы (Бельтиры, Койбалы, Качинцы, Сагаи, Кызыльцы, Мелецкие инородцы и Сойоты) по материалам К. И. Горощенко. Русский антропологический журнал, 1907, № 1 и 2, стр. 165—223.

Иессен Н. А. и *Сосновский Г. П.* К истории использования олова в Приенисейском крае. Ин-т истории материальной культуры АН СССР. Краткие сообщения, 1940, вып. V, стр. 45—47.

Именной указ о принятии в подданство мунгальского царя Лозана Алтынова сына и повеление ему писаться подданным мунгальским царем. Полное Собрание Законов... 1830 (Собр. 1), т. 1, стр. 603—604.

Инородец. Сказание о первом пути в Сойотию. «Минусинский листок», 1915, № 86.

Инструкция Усинскому пограничному начальнику, утвержденная управляющим министерства внутренних дел 19 февраля 1913 г. «Правительственный вестник», 1913, № 50.

И. П. Сведения о языке урянхов. Изв. Сиб. отд. ИРГО, 1874, т. V, № 1, стр. 10—11.

И. П. Путевые заметки о верховьях Енисея. Изв. Сиб. отд. ИРГО, 1877, т. VIII, № 5—6, стр. 170—173.

Итоги археологических исследований в Урянхайском крае. «Енисейские епархиальные ведомости», 1916, № 3.

Кабо Р. М. Общественно-экономический строй дореволюционной Тувы. «Революционный Восток», 1931, № 11—12, стр. 47—75.

Кабо Р. М. Очерки истории и экономики Тувы, ч. 1. Дореволюционная Тува. М.— Л., 1934.

Казнаков А. И. Вести из экспедиции П. К. Козлова. Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, стр. 619—631.

Кайский М. В Урянхайском крае. «Минусинский листок», 1915, № 17.

Кайский М. Урянхайский вопрос. «Северная Азия», 1926, № 4, стр. 16—25.

Как живут в Белоцарске. «Минусинский листок», 1915, № 44.

Калиничев Я. Партизанское движение в Туве. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1943, № 4.

Калиничева П. Фольклор тувинского народа. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1943, № 1—2, стр. 65—73.

Каррутерс Д. Неведомая Монголия, т. 1. Урянхайский край. Перевод с английского. Пг., 1914.

Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь 1845—1849. Магазин землеведения и путешествий. М., 1860, стр. 197—482.

Катанов Н. Ф. Об этнографическом исследовании тюркских племен в Восточной Сибири, Монголии и Северном Китае. «Живая старина», 1892, т. 2, вып. 1, стр. 111—122, вып. 4, стр. 134—137.

Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к LXXIII тому «Записок Ак. наук» № 8, СПб., 1893.

Катанов Н. Ф. Среди тюркских племен. Изв. ИРГО, 1893, т. XXIX, вып. VI, стр. 519—541.

Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

[*Катанов Н. Ф.*]. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым, ч. IX. СПб., 1907.

Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Записки ИРГО, СПб., 1909, т. XXXVI, стр. 265—285.

Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. Л., 1938.

Киселев С. В. Алтай в скифское время. «Вестник Древней истории», 1947, № 2, стр. 157—172.

Киселев С. В. Монголия в древности. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1947, т. IV, стр. 355—364.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кирсанов. К. К вопросу о новом пути в Китай. «Деятельность», 1870, № 123.

Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.

Клеменц Д. А. К вопросу о пограничных делах. «Сибирская жизнь», 1888, № 32, 34, 36, 38, 40, 42.

Клеменц Д. А. Новый путь из Минусинского края на Бирюсинские золотые промысла. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 1, стр. 70—73.

Клеменц Д. А. О сойотах. Изв. ВСОИРГО, 1890, т. XXI, № 2, стр. 27.

Клеменц Д. А. Письма с русской границы. «Восточное обозрение», 1891, № 46; 1892, № 2, 4.

[*Клеменц Д. А.*]. Письма Д. А. Клеменца на имя академика В. В. Радлова. Сб. трудов Орхонской экспедиции, т. 1, СПб., 1892, стр. 13—23.

Князев Г. Ночь среди урянхов. «Сибирский край», 1911, № 1.

Козьмин Н. Н. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Изв. ВСОИРГО, 1916, т. XV, стр. 35—64.

Козьмин Н. Н. Тува (историко-этнографический очерк). «Сибирские записки», 1918, № 4, стр. 1—26.

Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.

Кон Ф. Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. Изв. ВСОИРГО, 1903, т. XXXIV, № 1, стр. 19—68.

Кон Ф. Я. Усинский край. Записки Красноярского подотдела ИРГО. Записки по географии, т. II, вып. 1, Красноярск, 1914.

Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. Собр. соч., т. III, М., 1934.

Кон Ф. Я. и *Сафьянов Г. П.* Программа экспедиции в Урянхайскую землю. Изв. ВСОИРГО, 1904, т. XXXV, № 1, стр. 82—88.

[*Кон Ф. Я.*]. Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов. Русский антропологический журнал, 1902, т. XII, № 4, стр. 116—120.

Корреспонденция из Минусинска. «Биржевые ведомости», 8.IX, 1869.

Корреспонденция из Минусинска. «Деятельность», 1871, № 1.

Корреспонденция из Минусинска. «Сибирская газета», 1884, № 42.

Костров Н. А. Заметка о бассейне р. Уса. «Москвитянин», 1852, т. 5, № 20, Октябрь, кн. 2, отд. внутренние известия, стр. 131—147.

Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар. Труды 4-го археологического съезда, т. 1, Казань, 1884, стр. 208—248.

Котвич Вл. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914.

К проведению Усинской колесной дороги. «Минусинский край», 1914, № 38.

Краткие сведения о сойотах в связи с данными, извлеченными из описания и расспросов минусинского мещанина Черненкова о долине реки Бом-Кемчика (левое верховье реки Енисея). Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, 1907, вып. XXX. СПб., стр. 33—61.

Краткий очерк Урянхайского края. Сведения о государствах Дальнего Востока (Обзор периодической печати). Февраль, 1912, Иркутск.

Крылов П. Путешествие П. Н. Крылова в Урянхайскую землю. Изв. ИРГО, 1893, т. XXIX, вып. 4, стр. 274—280.

Крылов П. Путевые заметки об Урянхайской земле. Записки ИРГО, 1903, т. XXXV, № 2.

Кузнецкому воеводе Баскакову о принятии мер к приведению в подданство саянских кыштымов. Грамота царя Алексея Михайловича от 15 февраля 1651 г. Акты исторические, т. 4. СПб., 1842, стр. 148—149.

Кузнецов-Красноярский И. Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии. «Сибирский наблюдатель», 1902, № 5, 7.

Кузнецов-Красноярский И. Поездка г. Адрианова по южным частям Томской и Енисейской губерний.

Кулагин А. Н. Русский пушной промысел. М., 1922.

Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1914.

Кюнер Н. В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток, 1914.

Л. А. В. Адрианов, Г. П. Сафьянов и о. Н. Путилов. «Сибирский архив», 1915, № 10, стр. 475—482.

Ладыгин В. Ф. Этнографический очерк. Вести из экспедиции П. К. Козлова. Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, вып. 6, стр. 633—648.

Ладыгин В. Ф. Поездка на верховья реки Ургунгу или Булугун. Изв. ИРГО, 1900, т. XXXVI, вып. 1, стр. 64—83.

Ландарма. [*Козьмин Н. Н.*] Керемэ. «Сибирь», 1910, № 167.

Ландарма. Русские поселки в Урянхае. «Сибирь», 1910, № 222.

Лев Д. Ш. К истории горного дела. Труды ин-та антропологии и этнографии, вып. II, 1936.

Ленков А. Сельское хозяйство Тувинской народной республики. «Социалистическое земледелие», 1940, № 11—12, стр. 138—146.

Леонов Н. И. Урянхайский край до начала XX столетия. «Новый Восток», 1923, № 3, стр. 405—418.

Леонов Н. И. Танну-Тува. Страна голубой реки. М., 1927.

Леонтьев А. Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами. СПб., 1777.

Лычков Л. Сойоты. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XXX А, кн. 60, стр. 718—720.

Любопытный документ. «Минусинский листок», 1915, № 38.

Любопытный. Еще о стране чудес. «Минусинский листок», 1915, № 58.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.— Л., 1952.

Мальцев. Письма о сойотах-соседях Енисейской губернии. «Справочный листок Енисейской губернии», 1890, № 1, 3.

Мараловодство в Усинском пограничном округе. «Естествознание и география», 1896, № 5, стр. 581—582.

Маслов П. П. Конец Урянхая. М., 1933.

Материалы для истории Сибири. М., 1867.

Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина. Записки Вост. отд. Русского археологического общества, 1899, т. 12, вып. 2—3, стр. 1—144.

Меньшиков М. Китайская граница. «Новое время», 1912, № 12895.

Минусинская жизнь. «Минусинский листок», 1915, № 44.

Минцлов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае. Записки Вост. отд. Русского археологического об-ва, 1916, т. XXIII, вып. III—IV, стр. 291—312. Отдельный оттиск, Пг., 1916.

Минцлов С. Р. Секретное поручение, б. м. и б. г.

Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Пг., б. г.

Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, М.— Л., 1941.

Миллер Г. Ф. Рассуждение о предпринятии войны с китайцами, сочиненное в 1763 году. В кн. Бантыш-Каменского, Дипломатическое собрание... стр. 373—393.

Михайловский. Шаманство (сравнительно-этнографические очерки). М., 1892.

М. К. К пересмотру русско-китайской государственной границы в Урянхайском крае. «Вестник Азии», 1910, № 5, стр. 95—101.

Можаев И. А. Заметки о мунгалах. Изв. ВСОИРГО, т. XXXVI, Иркутск, 1908, стр. 82—84.

Монгольская экспедиция капитана Попова. «Естествознание и география», 1904, № 2, стр. 89—90.

Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912.

Мурзаев Д. В. Охота на маралов и ловля их в Енисейской губернии. «Наше хозяйство», СПб., 1900, № 85.

Мурзаев Д. В. Краткий очерк скотоводства и ветеринарно-санитарного состояния Урянхайской земли. «Архив ветеринарных наук», 1905, № 6.

Михеев. Отчет о поездке в северо-западную Монголию и Урянхайскую землю. СПб., 1910.

Мытарства рабочих. «Минусинский край», 1914, № 28.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П. С. Попова, 1895.

Мягков И. И. Искусство Танну-Тувы. Материалы по изучению Сибири, т. III, Томск, 1931, стр. 283—315.

М. О сибирско-китайской границе. «Московские ведомости», 1878, № 265.

Н. В. Из моих скитаний по Урянхайской земле. «Енисей», 1896, № 48, 57, 123.

Небольсин В. Урянхайская земля. «Енисей», 1896, № 71, 73, 80.

Нам пишут из Урянхайского края. «Минусинский край», 1914, № 55.

На Усинской дороге. «Минусинский листок», 1915, № 122, 133, 142, 145.

Наши корреспонденты. «Минусинский край», 1914, № 35.

Новое предприятие. «Минусинский край», 1914, № 36.

Новая дорога в Усинский край. «Минусинский листок», 1914, № 1.

Об образовании Усинского пограничного округа в Енисейской губернии и об упразднении некоторых должностей в управлении Восточной Сибири. «Сибирская газета», 1886, № 13.

Об образовании Усинского пограничного округа. «Сибирская газета», 1886, № 13.

Об установлении по границе Туркестанского и Степного генерал-губернаторства, а также Томской и Енисейской губерний, с Китаем и Монголией беспошлинного пропуска произведений китайской и монгольской почвы и промышленности. Изв. Министерства иностранных дел, 1914, кн. V, стр. 48.

Обручев В. А. Обзор путешествий Д. А. Клеменца по внутренней Азии. Изв. ВСОИРГО, 1916, т. XV, стр. 1—34.

Обручев В. А. Алтайские этюды. «Землеведение», 1917, кн. III, стр. 1—71.

Обручев В. А. Естественные богатства Танну-Тувинской республики и степень изученности последней. «Новый Восток», 1926, № 13—14, стр. 260—270.

Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин. М.— Л., 1947.

Один из немногих. Кемчугская завоевательная экспедиция. «Сибирская жизнь», 1906, № 184.

Ольсен Ерьян. Оленеводство у сойотов. Труды Сиб. ветеринарного ин-та, вып. X, Омск, 1929, стр. 375—380.

Остатки самоедов в Сибири. «Землеведение», 1904, кн. 3, стр. 131—132.

Островских П. Е. Краткий отчет о результатах поездки П. Е. Островских в 1897 г. в Урянхайский край с антропологической и этнографической целями. Отчет ИРГО за 1897 г. СПб., 1898.

Островских П. Е. Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли. Изв. ИРГО, 1898, т. XXXIV, вып. IV, стр. 424—432.

Островских П. Е. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, вып. 3, стр. 321—353.

Островских П. Е. Оленные тувинцы. «Северная Азия», 1927, № 5—6, стр. 79—94.

Островских П. Е. Усинско-урянхайский край. Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1913 г. СПб., 1913, отд. II, стр. 22—31.

Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. «Живая старина», 1896, вып. I, стр. 297—348.

Островских П. Е. Религиозный фанатизм монголов. «Сибирский наблюдатель», 1905, № 7.

Островских П. Е. Дитя природы (из жизни урянхов). «Сибирский наблюдатель», 1904, № 11—12, стр. 51—56.

[*Остроухов А. М.*]. Краткое сообщение о поездке в северо-западную Монголию: Урянхайцы и их страна. «Землеведение», 1904, кн. I—II, т. XI.

Отписка Красноярского воеводы Мих. Скрябина Томскому воеводе Никифору Нащокину о нашествии монгольского Алтына царя на Тубинскую волость. Дополнение к актам историческим. СПб., 1848, т. 3, стр. 379—385.

Отписка царя Василия Ивановича Томскому воеводе В. Волынскому о предполагаемых и не состоявшихся сношениях с Монгольским ханом Алтыном и с китайцами 1609. Русская историческая библиотека, 1875, т. 2, стр. 188—191.

Отчет, доставленный в Енисейский Епархиальный комитет православного миссионерского общества, состоявшего в звании миссионера Николаем Путиловым, по устройству Усинской миссии, за время с 1878 по 1882 г.

Отчет о постройке Усинской общественной больницы 1907—1910, Минусинск, 1910.

Отчеты агентства министерства торговли и промышленности за границей за 1914 г. Пг., 1917, стр. 81—84.

Ошурков В. А. Из странствий по земле урянхов. «Сибирская старина», 1892, вып. 1, Иркутск, 1893, стр. 73—132.

[*Ошурков В. А.*] Изложение доклада В. А. Ошуркова «Поездка в страну Урянхайскую весной 1891 года», сделанного на заседании географического отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии 11 мая 1893 года. «Землеведение», 1894, т. 1, кн. 2, стр. 14—15.

Ошурков В. А. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола. Записки Красноярского подотдела ВСОИРГО по физической географии, т. 1, вып. 1, СПб., 1906.

Пальмбах А. А. К празднику национальной культуры в Туве. «Революционный Восток», 1935, № 2, стр. 162—173.

Пальмбах А. А. О чем говорят древние памятники Орхона и Енисея. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1944, № 1—2 и 3.

Пальмбах А. А. Тувинский язык. БСЭ, изд. I, т. 55, стр. 116—117.

Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 1, 1883, кн. 2. 1885.

Певцов М. В. Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Отчет о работе переселенческого управления за 1915 г. Изд. Министерства земледелия, Пг., 1916.

[*Пестерев Егор*]. Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях как Российских ясашных татарах, так и китайских мунгалах и сойотах, сделанные Егором Пестеревым, с 1772 по 1781 год, в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскании пришедших в негодность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской империей и Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии через Красноярский уезд до бывшего Зенгорского владения. «Новые ежемесячные сочинения», ч. LXXX, январь 1793, стр. 59—82; ч. LXXX, февраль 1793, стр. 35—73; ч. LXXXI, март 1793, стр. 31—55; ч. LXXXII, апрель 1793, стр. 7—26.

Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М., 1833.

Пешель Оскар. Сибирские инородцы. Сибирский сборник, 1887, стр. 71.

Письмо Б. Н. Воронова в ИРГО об экспедиции за Саяны летом 1904 г. Изв. ИРГО, 1905, LXI, вып. 3, стр. 17—18.

Пожар в Белоцарске. «Минусинский листок», 1915, № 38.

Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихе». Подлинный текст с переводом и пояснением, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.

Позднеев А. М. Монголы и Монголия, т. 1, СПб., 1896.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей в Монголии. Записки ИРГО по отд. этнографии, 1897, т. XVI.

Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.

Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (мнимое путешествие атамана Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). Изв. отд. русского языка и словесности Имп. Ак. наук, СПб., 1914, т. XVIII, кн. 1, стр. 257—304.

Полевой А. С. Периодическая печать в Китае. Владивосток, 1913.

[*Попов В. Л.*] Проект экспедиции в северо-западную Монголию в 1903 году. Отчет о деятельности Зап. Сиб. отд. ИРГО за 1903 г., Омск, 1905, стр. 7—8.

Попов В. Л. Второе путешествие в Монголию. 1910, ч. III. Иркутск, 1913.

[*Попов В. Л.*] Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 году. Отчет о деятельности Зап.-Сиб. отд. ИРГО за 1903 г., Омск, 1905, стр. 10—11.

Попов В. Л. Через Саяны в Монголию, ч. 1. Очерк путешествия. Омск, 1905.

Попов В. Л. Урянхайский край. Иркутск, 1913.

[*Попов В. Л.*] Краткое изложение доклада в заседании Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Отчет ИРГО за 1905 г. СПб., 1907, стр. 128—129.

Попов-Урянхайский В. Л. Ответ сибиряку. «Новое время», 1917, № 14783.

Порватов Б. Медные руды Урянхая. «Вестник Об-ва сиб. инженеров», 1917, № 1—2, стр. 1—8.

Порватов Б. Урянхайский край. «Горные и золотопромышленные известия», 1913, № 1, стр. 8—9.

Порватов Б. Горные богатства Урянхая. «Золото и платина», 1914, № 3, стр. 64—67.

По Сибири. II. Сойоты. «Наш век», 1877, № 9.

Постройка Усинской колесной дороги. «Минусинский листок», 1915, № 216.

Потанин Г. Н. Записка о предполагаемом путешествии в северо-западную Монголию (Этнографическая программа экспедиции). Изв. ИРГО, 1876, т. XII, вып. III, стр. 147—152.

Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению ИРГО, вып. I. Дневник путешествия и материалы для физической географии. СПб., 1881; вып. II. Материалы этнографические. СПб., 1881.

Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879—1880 гг. по поручению ИРГО, вып. III. Дневник и материалы для физической географии и топографии северо-западной Монголии. СПб., 1883; вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883.

Потанин Г. Н. Памятники древности в северо-западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 году. Древности. Труды Московского археологического общества. 1885, т. X, М., стр. 50—57.

Потанина А. В. Из странствий по земле Урянхайской (Дневник). Сибирский сборник, 1891, кн. 2, СПб., 1892, стр. 49—71. Перепечатано в кн. А. В. Потаниной «Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю». Сб. статей, СПб., 1895.

Потапов Л. П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. Материальное производство, ОГИЗ, 1935.

Потапов Л. П. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. Ин-т этнографии АН СССР. Краткие сообщения, 1947, III, стр. 66—69.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953.

Потапов Л. П. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 76—102.

Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 73—89.

Потеряная грамота. «Красноярские отголоски», 1911, № 3.

Прения по докладу В. М. Родевича об Урянхайском крае и его обитателях. Изв. ИРГО, 1911, т. XLVII, вып. 1—5, стр. 23—24.

Прибытие китайцев из Урянхайского края в Харбин. Сведения о государствах Дальнего Востока, Иркутск, 1912, стр. 4.

Приезд В. Ю. Григорьева. «Минусинский листок», 1915, № 31.

Принтц. Торговля русских с китайцами по р. Чуе и поездка в г. Хобдо. Изв. ИРГО, 1865, отд. II, стр. 1—16.

Пробный торговый караван из Минусинска в Улясутай. «Сибирская газета», 1888, № 31.

Пуговкин И. Несколько слов по поводу возражений миссионера о. Путилова. «Сибирская газета», 1883, № 17.

Пуговкин И. Усинские старообрядцы. «Восточное обозрение», 1883, № 210.

Путилов Н. Путешествие на р. Ус и в землю урянхаев. «Сибирь», 1877, № 42.

Путилов Н. Еще путешествие в землю урянхаев. «Сибирь», 1877, № 49; 1878, № 2.

Путилов Н. Путь в землю урянхов. «Сибирь», 1877, № 39.

Путилов Н. Усинский край. «Енисейские епархиальные ведомости», 1885, № 1, 5, 9, 12, 16, 19—20.

Путилов Н. Урянхи или Сойоты. «Енисейские епархиальные ведомости», 1886, № 11, 12, 14—15.

Путилов Н. Летопись Усинской миссии, находящейся на реке Усу, Енисейской губернии, Минусинского округа. Шушенской области, близ китайской границы. «Сибирский архив», 1914, № 1—12.

Путь в Китай. «Деятельность», 1871, № 123.

Пять лет советской Тувы. Сб. статей, Кызыл, 1949.

Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1927.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской области, ч. I, II, СПб., 1886.

Радлов В. В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность. Записки ИРГО по отд. статистики, СПб., 1871.

Райков М. И. Отчет о поездке в верховья реки Енисея, совершенной в 1897 году по поручению ИРГО. Изв. ИРГО, 1898, т. XXXIV, вып. IV, стр. 433—462.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. 1—3, М.— Л., 1952.

Риттер К. Землеведение Азии, т. III. СПб., 1860.

Родевич В. М. Очерки Урянхайского края. (Монгольского бассейна Енисея). СПб., 1910.

Родевич В. М. Урянхайский край и его обитатели. Изв. ИРГО, 1912, т. XLVIII, стр. 129—188.

Рубрук В. История монголов. СПб., 1911.

Рудмаш В. Тува в прошлом и настоящем. «Сибирские огни», 1941, № 3, стр. 114—127.

Русско-китайские отношения. «Дальневосточное обозрение», 1911, № 8—9, 10—11.

Русские в Урянхайском крае. «Минусинский край», 1914, № 6.

Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественное обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.

(*Сазонов*). Доклад об Урянхайском вопросе. «Красный архив», 1926, т. 5(10), стр. 96—97.

(*Сазонов*). Речь министра иностранных дел в заседании Государственной думы 13 апреля 1912 г. Стенографический отчет Государственной думы третьего созыва, сессия V, ч. III, заседание 104, стр. 2154—2173.

Санжеев Г. Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. Л., 1930.

Санжеев Г. Д. Дархатский говор и фольклор. Л., 1931.

Сапожников В. В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Томск, 1911.

Сафьянов Г. П. Записка об урянхайцах (сойотах), составленная в 1879 году и принадлежащая ныне библиотеке Минусинского местного музея. В кн. Н. Ф. Катанова «Опыт исследования Урянхайского языка...», Казань, 1903, стр. 395—410.

Сафьянов Г. П. Торговля Минусинска с сойотами. Изв. ВСОИРГО, 1880, т. XI, № 3—4, стр. 36—38.

Сафьянов Г. П. Эпизод из странствий по Монголии. «Восточное обозрение», 1883, № 7, 8.

Сафьянов Г. П. Письма из Верного и Минусинска об урянхайцах или сойотах. Записка Уральского об-ва любителей естествознания, т. X, вып. I, стр. 65—66; вып. II, стр. 188.

Сафьянов И. Г. Прошлое и настоящее сойотского народа. «Сибирский архив», 1915, № 1, стр. 2—24.

Сафьянов И. Г. Этюд о Сойотии. «Сибирь», 1912, № 217, 218, 230.

Сафьянов И. Г. Страна чудес. «Минусинский листок», 1915, № 40.

Сафьянов И. Г. Поэзия сойот. «Минусинский листок», 1915, № 26.

Сафьянов И. Г. Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве. «Новый Восток», 1926, № 23—24, стр. 165—172.

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу, СПб., 1914.

Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью Д. Г. Анучина. Т., вып. 1, Иркутск, 1884.

Сборник законов ТНР, Кызыл, 1944.

С. В. На Усинской колесной дороге. «Минусинский листок», 1915, № 157.

С. В. Каторжане на Усинской дороге. «Минусинский листок», 1916, № 216.

С. В. Кошмарная история. (Письмо из с. Григорьевки). «Минусинский листок», 1915, № 127.

Сейфулин Х. М. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл, 1954.

Селиванов В. П. Урянхайский край. Бодайбо, 1920.

Село Усинское. «Сибирская газета», 1885, № 15.

Сельский И. Озеро Косогол и его нагорная долина по сведениям, собранным членом-сотрудником Пермикиным. Вестник ИРГО, 1858, ч. 24, II. Исследования и материалы, стр. 41—76.

Сельхозмашины в Урянхае. «Минусинский листок», 1915, № 33.

Семенов П. П. Сойоты. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. IV. СПб., 1873, стр. 663—664.

Семенов П. П. Урянхайцы. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V, 1885, стр. 365.

Сердобов Н. А. Народное образование в Туве (Краткий исторический очерк), Кызыл, 1953.

Середонин С. М. Исторический очерк завоевания Азиатской России. Азиатская Россия, т. 1.

Сибирские древности. Материалы для археологии России, изд. Имп. Археологической комиссии, т. 1, вып. 2, СПб., 1891.

Скобеев М. Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности. «Северная Азия», 1925, кн. 5—6, стр. 115—122.

Славный юбилей Советской Тувы. «Правда», 1946, № 195.

Снегирев Ф. Урянхайский рогатый скот. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1916, т. 182, стр. 1—18.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1914, № 157.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1916, № 102, 217.

Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник, М.— Л., 1941.

Солодчин М. К статье «Усинский край». «Енисейские епархиальные ведомости», 1885, № 3, стр. 52—53.

Сосновский Г. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири. Ин-т истории материальной культуры АН СССР. Краткие сообщения, 1940, вып. VII, 86—90.

Спасский Г. Народы, кочующие по верху реки Енисея. «Сибирский Вестник», 1819, ч. 5, стр. 62—63.

Список населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края по данным всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи и по другим исследованиям 1916—1919 гг., Красноярск, 1921.

Список населенных пунктов Енисейской губернии, 1911.

Справочник по Минусинскому, Хакасскому округам и Урянхайскому краю, Минусинск, 1926.

Степанов. Енисейская губерния, ч. II, СПб., 1835.

[*Сычевский*]. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления Сычовским в 1846 г. Сообщение В. Н. Баснина. М., 1875.

Суховской Н. Н. Пособие для изучения урянхайского (сойотского) языка. Минусинск, 1911.

Талько-Гринцевич Ю. Д. Древние обитатели Центральной Азии. «Русский антропологический журнал», 1900, № 2, стр. 1—11.

Талызин Н. Две урянхайские сказки. Изв. ВСОИРГО, 1894, т. XXV, № 1, стр. 97—102.

[*Теплоухов С. А.*] Сообщение о поездке в Туву с антропологической, археологической и этнографической целью летом 1913 года. «Землеведение», 1913, т. 20, кн. 4, стр. 416—417.

Тиунов М. Урянхайская земля в районе р. Енисей выше г. Минусинска. «Красноярец», 1908, № 129, 131, 133, 135.

Тока С. К. Зарождение Тувинской народно-революционной партии. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1943, № 5, стр. 33—42.

Тока С. К. Речь на заседании Верховного Совета РСФСР. «Правда», 1947, № 162.

Тока С. К. Праздник тувинского народа. 25-летие ТНР. «Правда», 1946, № 195.

Тока С. К. Пять лет советской Тувы. «Правда», 1949, № 284.

Тока С. К. Слово арата. Перевод с тувинского. М., 1950.

Тока С. К. 10 лет в советской многонациональной семье. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, 1954, вып. II, стр. 3—10.

Тока С., Калиничев Я. Первый Великий Хурал ТНР. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1942, № 3, стр. 50—54.

Токарев С. А. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. Сибирский этнографический сборник. М.— Л., 1952, стр. 108—141.

Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936.

Труды Совещания по вопросам о развитии торговых сношений с Монголией, созванного Иркутским генерал-губернатором, егермейстером Князевым, бывшего в декабре 1912 и в январе-феврале 1913 года, Иркутск, 1913.

Труды совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения, т. I, Иркутск, 1907; т. II, 1908.

Труды Сибирской экспедиции ИРГО. Математический отдел. Под ред. Л. Шварца. СПб., 1864.

Труды Тувинской сельскохозяйственной опытной станции, вып. I, Кызыл, 1929; вып. II, 1950.

Тувинская сельско-хозяйственная и демографическая перепись 1931 года, М., 1933.

Тугаринов А. Я. Последние калмажи. «Северная Азия», 1926, кн. 1, стр. 73—88.

У. Известия из Китая. Кобдо. «Сибирь», 1877, № 23.

Уложение Китайской Палаты Внешних сношений. Перевод с маньчжурского Степана Липовцева, т. I и II, СПб., 1828.

Урянхайский В. В. К русско-китайским отношениям. «Сибирская мысль», 1911, № 166, 167.

Урянхай и Монголия. «Сибирская мысль», 1912, № 125.

Урянхайский край. «Народы Дальнего Востока», 1921, № 4, 7.

Устав Саянского золотопромышленного об-ва, СПб., 1900.

Ученое путешествие на Восточный Алтай в страны, прилегающие к китайской границе, совершенное повелением императора всероссийского Петром Чихачевым. «Иллюстрация», 1845, т. 1, № 35, стр. 553—555.

Учреждение таможни для товарообмена с Урянхайским краем. «Минусинский листок», 1915, № 17.

Фабрициус М. П. Саянский край. Изв. ИРГО, 1899, т. XXXV, вып. 1, стр. 98—112.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Шахунова П. А., Лиханов Б. Н. Советская Тува. Кызыл, 1955.

Шишкин Б. К. Верховья Енисея и его обитатели. (Урянхайская земля). «Вестник Азии», 1910, № 3.

Шишкин Б. К. Очерк Урянхайского края. Изв. Томского ун-та, 1914, т. IX.

Шишмарев Я. П. Сведения о Дархатах-урянхах ведомства Ургинского хутухты. Изв. Сиб. отд. ИРГО, 1871, т. II, вып. 3, стр. 38—43.

Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной. Новосибирск, 1929.

Эректол К. Охотничий промысел в ТНР. «Под знаменем Ленина — Сталина», 1943, № 1—2, стр. 50—54.

Этнографические материалы, добытые экспедицией Г. Н. Потанина. Изв. ИРГО, 1880, т. XXI, стр. 171—180.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

Яковлев Е. К. Этнографические заметки о сойотах-урянхайцах. Изв. Красноярского подотдела ВСОИРГО, 1902, т. I, вып. III, стр. 49—54.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900.

Ярхо А. И. Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев. «Северная Азия», 1929. № 5—6, стр. 127—132.

Ярхо А. И. Пигментация волос, глаз и кожи народностей Алтае-Саянского нагорья. «Русский антропологический журнал», 1929, т. 17, вып. 3—4.

Ярхо А. И. Казаки русского Алтая. «Северная Азия», 1930, № 1—2, стр. 76—99.

Ярхо А. И. Ганджинские тюрки. «Антропологический журнал», 1932, № 2, стр. 48—83.

Ярхо А. И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан. 1947.

Bounak V. Un pays de l'Asie peu connu; le Tanna — Touva. Communication preliminaire. «Internationales Archive für Ethnographie». 1928, Bd. XXIX, Heft I—III, S. 1—16 + Pl. V.

Carruters D. Unknown Mongolia a record of travel and exploration in North — West Mongolia and Dzungaria. London, 1914.

Castren M. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Worterverleihnissen aus der Tatarischen Mundarten des minusinischen Kreises. St. Petersburg, 1857.

Castren M. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St. Petersburg, 1856.

Castren M. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Heldensagen. St. Petersburg, 1856.

Chalon P. En Mongolie. Le pays des saiotes, revue de géographies. 1904, p. 59.

Granö J. Archeologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Helsingfors, 1910.

Granö J. Mongolischer Landschaften und Ortlichkeiten. Helsinki, 1941, p. 291.

Gleinow G. Neu-Sibirien (Sib-Krai). Eine Studie zum Aufmarsch der Sowietmacht in Asien. Berlin, 1928.

Yochelson W. Peoples of Asiatic Russia. The American Museum of Natural History. 1928, p. 277. Рецензия А. Ярхо. «Советская Азия», 1929, № 5—6 (29—30), стр. 155—157.

Klaproth J. Memoires relatifs de l'Asie, concernant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris. 1824.

Klaproth J. Archiv für Asiatische Literature, Geschichte und Sprachkunde. St. Petersburg, 1810.

Klaproth J. Asia polyglotta. Paris, 1823—1831.

Klementz D. Die Saioten. Globus, 1885, N 8.

Leimbach. Landeskunde von Tuwa. Das Gebiet des Yenisse — Oberlaufes. Gotha, 1936.

Lenguel. Siberia. New York, 1913.

München-Helfen O. Reise aus asiatische Tuwa. Berlin, 1931, S. 172.

Nikitine B. Tannou — Touva (Ouriankhae) Terre inconnue. L'Asie française. 1936, N 342, p. 215—220.

Pallas. Merkwürdigkeiten der Obischen Ostjaken, Samojeden, danzischen Tungusen, indinskischen Bergtataren usw. III. Frankfurt und Leipzig, 1777.

Radde. Reisen in Süden und Ost-Sibirien. 1862.

Radloff W. Proben der Volksliterature der Türkischen Stämme Süd-Sibirien. I.

Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines Reisenden Linguisten, Bd. I—II. Leipzig, 1884.

Radloff W. Ethnographische Uebersicht der Nordlichen Türkstämme. Leipzig, 1882.

Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Bd. 1—3, St. Petersburg, 1894—1895.

Tchichatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de la Chine. Paris, 1845, I partie.

Wamberi. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

Voyages de Dmitri Klementz en Mongolie occidentale de 1885 à 1897. Bull. Soc. Geogr. Paris, 1899.

Государственный архив Иркутской области. Фонды 24, 25, 293, 712.

Государственный архив Красноярского края. Фонд 31.

Государственный архив Тувинской автономной области.

Государственный архив Томской области. Фонд Р-26.
Государственный архив Новосибирской области. Фонды 47, 57.
Рукописный фонд Красноярского краевого музея.
Рукописный фонд Иркутского областного музея.
Рукописный фонд Тувинского НИИЯЛИ.
Рукописный фонд Тувинского областного музея.
ЦГВИАМ, фонды ВУА, 100, 400, 1468, 2000.
ЦГАДА, «Мунгальские дела», «Иркутская приказная изба», «Сибирский приказ».
ЦГИАЛ, фонд 1391.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Аалчынмай 295.
Аббучик 291, 395.
Абдул 332.
Абейкулин М. 363.
Августус, 382.
Агарджаа 294, 295.
Агван-Доржи 544.
Агван Шарып 148.
Адан 194.
Адаштай 56, 288, 289, 291, 301, 302.
Адрианов А. В. 45, 85, 86, 91, 94, 96, 102, 116, 120, 132, 145, 160, 199, 200, 202, 205, 207, 208, 216, 220, 228, 233, 244, 268—270, 280, 282, 318, 320, 321, 323, 325, 336, 343.
Адыркарак 194.
Адья-хаа 210, 246.
Ак-бай 212.
Ак-хем 222.
Аксак-Шинин-челан 293.
Акулов Р. И. 175.
Ак-челан 192, 211.
Александр (Ликсандр) 332.
Александр III 352.
Александрович 484.
Алексеев 479.
Алибекий (Али-Бек), 125.
Аллар 88.
Алтын-хан, Алтын-царь 63, 65, 73, 121, 172, 173.
Алтын-ханы, династия 172, 347.
Алтын Хуреноол 229.
Амурсана 54.
Анагада-Тула-лакчы 194.
Андар Челбен (Супуутук) 56.
Анисимов А. Ф. 138, 143, 145.
Анохин 50, 51.
Анучин 274, 327, 330, 331, 333, 348—352.
Апакидзе 72. 170, 217, 350.
Араажы 295.
Аракчай Монгуштай 192, 242.
Аранчин Ю. Л. 558.
Арганол 194.
Аргентов (А. П.) 51, 494.
Ардагат 332.
Аргунов А. П. 92.
Аристов 128.
Арсалон-бичечи 283.
Арсеньев В. К. 98, 127.
Артамонов 450.
Аскак 193, 247.
Астанин 426.
Африканов А. И. 48, 73, 96, 119, 123, 124, 128, 130—137, 196, 218, 321, 325, 334, 335, 352, 361, 507.
Ачикай Джигай, чиновник 57, 74, 175, 255, 462, 544, 545—547.
Ашак-Талак 267.
Ашид, дарга 185.
Аюша 391.

Бабкин 440.
Бадыжап, амбын-нойон 186.
Багай-оол 194.
Багулко 125.
Базыр Хомушку (Бацзар) угердаа Даа-хошуна 165, 192, 197, 267, 277, 278, 280—287.
Баир-оол 251.
Байржап 211.
Баландина 476, 477.
Бальбыр Ажак 88.

[1] Указатели составлены В. А. Гадзяцкой.

Баразантай-кунду 550.
Баранов А. 117, 228.
Бату, цзайсан 185.
Батук-доржи 332.
Бахрушин С. В. 125.
Белек-чангы 267.
Беленков П. 413.
Белерген 295.
Беннигсен А. А. 51, 53, 71, 72, 376.
Берг Л. С. 39.
Бернштам А. Н. 245, 252.
Бертагаев Т. А. 232, 245.
Беспалов И. 406.
Бижик 267.
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 3, 9, 66, 172, 173.
Блинов 200, 426.
Бобр, казак 125.
Бобырь 47.
Богатов 409, 481.
Богданов В. 12.
Боголепов М. Н. 42, 50, 51, 73, 237, 238, 242, 509, 511, 515, 520, 521, 522, 528, 530, 550.
Боголюбский И. С. 348.
Боданчик 268, 269.
Бодурва 332.
Болчинмай-чангы 256.
Большенр, цзайсан 283.
Бородин И. 51.
Боян-оол 247, 248.
Боярский Д. 380, 428.
Бруннерт И. С. 367.
Бруссе Ф. 117.
Брюханов 406, 491.
Брюхановы 467.
Бубэй, цзасак 185, 186.
Бугда-дарги-Чимба, монгольский князь 217.
Будогосский К. 41.
Булгаков А. И. 51, 52, 82, 86, 87, 153, 156, 521.
Бунак В. В., Bounak V. 27.
Бурдуков А. В. 228.
Буссе И. 228.
Буянбаторху, кемчикский нойон 84, 192, 194, 392, 485, 487, 500.
Быков Н. Д. 112.
Бяков В. А. 319.
Бяков И. Д. 283—285, 318, 378, 467, 484, 521, 523, 530.
Бяков Л. М. 319, 322, 333.
Бяков М. И. 319, 332, 333, 526.
Бяковы 361, 404.

Вавилин Василий 198, 237, 319, 322, 329, 361.
Вавилин Р. В. 410, 428, 440, 442, 443, 446, 448, 450, 451, 520—525, 546.
Вавилины 378, 393, 404, 428, 523.
Валиев Галей 467, 516.
Васильев В. Н. 10, 44—51, 105, 221, 223, 428, 481.
Ватин-Быстрянский В. А. 10, 11, 13, 14.
Ведерников И. 319, 378.
Ведерников Н. Е. 427, 448, 520, 521.
Венкель 34, 64, 72, 87, 169.
Венюков М. 273.
Веселков Н. Ф. 42, 43, 85, 94, 97, 101—103, 110, 153, 154, 170, 191, 205, 309, 317, 318, 343, 350.
Веселков Е. 319.
Вильнер 409, 450.
Владимирцов Б. Я. 117, 118, 171, 172, 208, 227, 266.
Власов Т. 406.
Воронов Ю. Н. 50.
Вострогин 494.
Высоцкий Н. 416.
Вышкак, есаул 172.

Габаев В. К. 357, 388—394, 396, 397, 401, 411, 497, 498, 500, 531.
Гагельстром В. В. 367.
Гебши-Хамбо гелун Чжамбо-лама 184.
Германов 410.
Голстунский К. Ф. 117, 120, 150, 156.
Голубцов 409.
Гомбо-Доржи, амбын-нойон Тувы 390, 391.
Горбунов Ф. 329.
Горощенко К. 47, 203, 204.
Горчаков 399, 410.
Григорьев В. В. 40, 393, 395, 400, 402, 408, 470, 471.
Грудинин К. 175.
Грумм-Гржимайло Г. Е. 14—16, 18, 50, 62, 64, 92, 93, 106, 120, 121, 122, 129—132, 134, 136, 137, 144, 219, 220, 430, 432, 434, 505, 508.

Грумм-Гржимайло А. Г. 50,62, 64.
Губанов 483.
Губастов 491.
Губер А. А. 366.
Гунбек, ерке-сойотский князь 172, 173.
Гундун Чжамцян, тибетский геген 184.
Гунь, нойон 217.
Гуриянов 426.
Гусев 339, 340, 342, 474, 481.

Да-ван 128.
Дажи, цзайсан 185, 186, 257.
Дажи, брат нойона 296, 298.
Дажима-чангы 278, 288—290, 294, 295, 300, 301.
Дажитай 301.
Дазанмай 295.
Данзын, амбын-нойон 186.
Данзын-оол Т. О. 23, 56, 257, 278, 302.
Данилин Г. 406.
Дейзаревич 450.
Делгер, угердаа Тоджи 187.
Денгурек 295.
Денисов 339.
Дерягин 446, 450.
Джибук 174.
Добров А. 366.
Доброхотов Ф. В. 98.
Долгар, мать правителя Хайдыпа 174, 183, 192, 193, 194, 247.
Долинский В. 42.
Дорофеев 368, 433, 434.
Доржакай 295, 301.
Дуброва Я. П. 43, 93, 110, 149.
Дугар, угердаа из рода монгуш 166, 286, 293, 298, 299.
Дукульдек Сарыглар 183, 246.
Думан Л. И. 270.
Дурново П. Н. 285, 352.
Дьяков 440.

Енки-хан 275.
Еренхоо 267, 269.
Ермолаев А. П. 28—32, 34, 37, 49, 52, 53, 62, 71—73, 77—79, 83, 87—89, 92, 97, 118, 124, 129—135, 137, 140, 154, 155, 170, 191, 193, 203, 213, 217, 227, 228, 230, 233, 237, 246, 247, 432—434, 445, 464, 536, 538, 539, 544, 546, 551.
Ершов Я. 406.
Ефанов 432.
Евсенин 82.
Елькин 363.
Еузутту 192, 194, 195, 212, 234, 242, 246.

Железнов 482, 483, 495.
Жерденский 434.
Жирнов П. А. 427.
Жуков Семен 363.

Зайдып 201.
Закостельский 503.
Залесский Н. Б. 219.
Зингер 478.
Знаменский Н. 406.
Золотухин И. А. 413.

Иакинф, см. Бичурин.
Ибатуллин 467.
Иваницкий 477, 481, 482, 485—489, 494, 495, 550.
Иванов Г. 448.
Иванов Д. Н. 427.
Ивановы 404.
Игнатьев 317, 361.
Идегел, угердаа хубсогольского хошуна 187.
Известьев 410.
Иймажап 84, 192, 194.
Иконников И. 175.
Иохельсон В. И. (Jochelson W.) 120.
Ионова О. 269.
Иргак-Ажяк 237.
Итегель, угердаа 185.

Кабо Р. М. 17, 18, 19—21, 71, 145, 162, 163, 181, 182, 216, 227, 284, 320, 334, 364, 365, 382, 508, 509, 519.
Казаков В. 125.
Казаков 426.
Казанцев 483.
Казанцев Мокей 378, 408, 409.
Казанцев Макар 358.
Казанцевы 404.
Казачкин М. 363.
Казнаков А. И. 92.
Кайский М. Г. 498.
Кайгородов И. 406.
Калга-челан 247.

Калзан Монгуш 192, 230.
Калинин 434.
Калиничева П. 54.
Карабаштыг 193, 247.
Кара-Сакул, князь 63, 65.
Кара-Тажыпай 295.
Кара-Урга Шойза 271.
Караханиды, династия 122.
Каротта-челан 289.
Каррутерс Д. (Carruters D.) 53, 64, 82, 98.
Кастрен М. А. (Kastren M.) 40, 125, 127, 128, 133.
Катанов Н. Ф. 11, 46—49, 54, 65, 94, 99, 100, 107, 117, 118, 122—124, 128, 130, 137, 148, 155, 161, 187, 191, 213, 216, 220, 233, 245, 248, 250, 266, 286, 304, 313.
Каткыжи 295.
Кежеге 124.
Кельба, есаул 172.
Кенсейпней, дарга 271.
Керелчин 295.
Киселев С. В. 8, 23, 60.
Клапрот Г.-Ю. (Claproth J.) 39, 102, 121.
Клеменц Д. А. 46, 318, 324, 331.
Князев 388, 412.
Князев, фельдшер 417.
Кожагар 194.
Кожагар-Комбулдай 289, 290, 295, 301.
Козьмин Н. Н. 41.
Койаа, тувинский чиновник 291.
Кокорин П. 175.
Кокуев 432.
Колбадай Гелун 280.
Колбадай Клин 283.
Кольцов Федор 172.
Комаров В. Л. 105.
Комбо-доржи, амбын-нойон 185, 186, 191, 206, 257.
Кон Ф. Я. 10—13, 50, 52—54, 86, 90, 92—94, 96, 99, 100, 102—104, 107—109, 116, 118, 120, 124, 128—130, 137, 138, 140, 143—146, 156—161, 163, 164, 187, 205—207, 222, 227, 228, 243—245, 329, 330, 338, 358, 361, 526.
Кононов 483.
Консулак Чаш-оол 73, 74, 546
Коняжек 212.
Корсаков 273.
Корюшкин 434.
Костров Н. А. 39, 314.
Косульников 551.
Кочебей, киргизский князь 125
Кочетов С. К. **326, 327.**
Кочкин Андрей 407.
Кочнев 506.
Красиков П. А. 106, 314, 315.
Крастынь Я. П. *8.*
Кремляков 49.
Кривошеин А. К. 377, 395.
Кропоткин П. А. 42, 43.
Крыжин 41, 100, 128, 133, 168 190, 201, 251, 252, 308.
Крылов П. Н. 47, 84, 85, 86.
Крючков 408.
Кужугет Чажыр 212.
Кужугет Чыжык 240.
Кужугет Дондук 56, 289, 291.
Кузнецов 378, 530.
Кузьмин А. Н. 39, 314.
Кук Карак Хомушку 192, 246, 550.
Кулупаев Ф. А. 462.
Кунгуштай 245.
Курде 301.
Кускашев Г. 406.
Кучей 248.
Кучу-мейрен 283.
Кызык, шаман 119.
Кызыл-оол 155.
Кызыл-чангы 84.

Ладыгин 238.
Ламажап, амбын-нойон 186.
Ламздорф В. Н. 369.
Лаппо Д. Е. 148.
Латкин Н. В. 47.
Лахмайер 491.
Левин М. Г. 24.
Левицкий 346.
Левицкая 434.
Левшин А. 93, 97, 102.
Ленин В. И. 5, 17, 157, 209, 244, 254, 257, 307, 374, 375, 418—426, 429, 430, 536, 553, 561.
Леонов И. К. 14, 480, 482, 522, 523.
Леонов Н. И. 482.
Лыкух, угердаа Тоджинского хошуна 548.
Липин И. А. 11, 329, 358.

Липинский 273.
Липовцев Степан 198.
Лобанов 432.
Лопсан 56, 295.
Локтев Ф. А. 462.
Ломатин 263.
Лундупчан, угердаа Тоджи 187, 188.

Мадрол, тувинский бай 546.
Макаров 314.
Макаревич Чумал 124.
Макаров Ф. 406.
Макаров В. А. 462.
Макаров А. К. 462.
Максим, см. Бяков М. И.
Малов С. Е. 23.
Мальцев 26, 27, 124, 128, 132, 175.
Малышев А. 175.
Мандыпай 295.
Манчары Василий 269.
Маркс К. 112, 113, 142, 173, 174, 209, 214, 252, 259, 326, 335.
Мартан, мейрен 174.
Мартынов 361, 434.
Масленников В. 366.
Маслов П. П. 17, 180, 547.
Мата 88.
Матна, тувинский бай 544.
Матонин 452.
Матусовский 3, 43.
Медведев Е. Н. 175, 319, 379, 404, 446.
Медведев М. Ф. 319, 329, 524.
Медведев Ф. И. 448, 450, 451, 484, 520, 522, 523.
Медведева 446, 448.
Медведевы 361, 378, 393, 428, 523.
Мелдерхале 295.
Миллер Г. Ф. 38, 53, 64, 121, 125, 126, 133, 137.
Минцлов С. Р. 49, 52, 197, 204, 229, 238, 325, 326, 340, 388, 393, 398, 492, 523, 525, 526, 549, 550.
Минцлова К. Д. 52.
Миронов 464.
Михайлов И. И. 413.
Михайлов С. 379.
Михайлов Ф. 448.
Михайловский 68.
Михеев 49, 51, 52, 102, 103, 138, 208, 378.
Мозгалевский 87, 372, 373, 404, 549.
Мойнакай 295.
Молдурук 291.
Монгуш Манай-оол 56, 289.
Морозов 511.
Мугезелат 30.
Мунгадай 268, 269.
Мунго 212.
Мунзук 212.
Мунке, цзайсан 322.
Муравьевы 481.
Мурзаев Д. В. 61, 69, 168, 336, 337.
Муромцев 452.
Мухамеджанов 467.
Мягков И. И. 51.

Надуткин 503.
Небольсин В. 47, 159, 164, 323, 324, 325, 334, 505.
Неволин 458.
Нестеров П. В. 49, 51, 52, 521.
Нефедов 433, 434.
Николай II 382, 385, 390.
Никулин 530.
Никульшин Н. П. 138, 145.
Нобель 478.
Номча, киргизский князь 125.
Норла 332.
Норба кунду 399.
Нузрат 192.
Нэвант 494.

Обручев В. А. 46.
Огнев 363.
Одачап 295.
Ожук-Кокан 295.
Ойдупай 295.
Окулов 523.
Олган 125.
Ользей-Очир, амбын-нойон 185, 186, 191, 297, 298, 302, 547.
Ольсен Е. 56, 148, 171, 245.
Омаашпай 295.
Омчила 211.
Ондар Имбу 271.
Ондар Морта Дарган 289.
Ондургу Хертек 183.
Ооржак Саспыкпан 56.
Ооржак Сегбы 289.

Ооржак Хурулга 291.
Ооржак Чертогол Отпал 183, 192, 193, 211.
Ооржак Чопта 56, 292.
Орбазын-чангы 205.
Орлов П. 45, 85, 171.
Осипов 446.
Останин К. 406.
Осташкин 65, 71, 100, 101, 107, 117, 123, 124, 130—137, 191, 216, 220, 274—284, 287, 292, 293, 298, 300, 319, 324, 327, 333, 339, 341, 351, 429.
Островских П. Е. 48, 49, 105, 106, 116, 128, 129, 134, 138, 139, 146, 158, 159, 203, 218, 322, 323, 325, 342, 344, 448.
Остроумов А. М. 50.
Отпал 196, 247.
Отукай-лама 295, 298, 299.
Охотников 378.
Охотниковы 404.
Ошурков В. А. 47, 49, 50, 86, 90, 237.

Пэпэн 332.
Павлинов 346.
Палладий (Кафаров) 63.
Паллас 38.
Пальдзя 30, 88.
Пальмбах А. А. 17, 122.
Пальчий 289.
Панфилов 448.
Парклин И. С. 426.
Пау, кунду 402.
Пашенных 483, 502.
Певцов М. В. 46.
Педашенко 49, 494.
Педен 212.
Перетолчин 274, 276.
Пермикин 40.
Песков 431.
Пестерев Егор 38, 39, 61, 63, 66, 105, 121, 127, 133, 134, 146, 150, 167, 170, 204, 215, 216, 251, 257, 312.
Пестунов 31, 247.
Петлин Иван 60, 126, 308.
Петров И. 60.
Петров П. 126.
Петров С., казак 125.
Петропавлов 401.
Петуховы 361.
Плено 478, 491.
По-ван 560.
Позднеев А. М. 9, 61, 63, 207, 309.
Позднеев Д. М. 9.
Покровский М. Н. 18, 19, 21.
Покровский Ф. И. 60, 63, 65, 126, 308.
Полуехтов Г. И. 172.
Поолукпай 194.
Попов В. Л. 10, 49—53, 191, 223, 237, 371—373, 375, 380, 481.
Попова 434.
Порватов Б. М. 49, 483, 485, 494, 495.
Посохин 434.
Поспелов М. Н. 413.
Потанин Г. Н. 9, 11, 43, 44, 48, 54, 85, 105, 123, 124, 128—135, 145, 160, 191, 197, 205, 227, 242, 261, 270, 287, 309, 331, 343.
Потанина А. В. 44, 45, 160, 168, 170, 204, 228.
Потапов Л. П. 8, 24, 63, 142, 144, 173, 231, 232, 240, 250, 262, 540.
Потылицын 363, 378, 379.
Потылицын Данила 379.
Потылицын Ст. 379, 427.
Потылицын Ф. С. 427.
Потылицыны 404.
Почукай 31, 247.
Прайс 53.
Принтц 310.
Проскуряков 379.
Путилов Н. 94, 220, 329, 361.
Путимцев 409.
Пышев 432, 434.

Раббе 40.
Рагузинский С. 347.
Радлов В. В. Radloff Wъ 41, 46, 85, 105, 118, 125, 132, 213, 248, 310, 331.
Разин Степан 301.
Райков М. И. 48, 49, 116, 138, 139, 146, 158, 159, 163, 190, 205.
Расторгуев А. В. 61—63, 74.
Расцветаев М. К. 78, 140, 145, 250.
Рачковский 49, 494.
Ринчинэ А. А. 213.
Ровинский П. А. 43.
Рогалинский В. 34, 412, 431.

Рогалинский Э. 34, 431.
Родевич В. М. 10, 49, 51—53, 73, 82, 93, 94, 96, 199, 208, 217, 219, 220, 221, 223, 377, 378, 381, 382, 386, 485, 490, 512, 514, 515.
Рожкова М. К. 8.

Савельев 481.
Садовский 223.
Садык-кунду 288, 290, 301.
Садыйаажик 295, 301
Сазонов 377, 386, 390.
Сайдиро Тохато 490.
Саин-оол 193.
Саитов 284.
Салчак-Саян Сюрюн 192.
Салчак-Соян-Чаш-оол 56.
Самбажик 288, 289, 290, 295, 301.
Самдан-Сарыг 267, 269.
Сангы-чангы 174.
Санжеев Г. Д. 121, 186, 213, 228.
Санин В. М. 68.
Сарапуловы 361, 404.
Саржай-оол 210.
Сарыг-Самдан 267, 269.
Сарыглар Амзырай 56, 293, 298.
Саспыкаа 292.
Сафронов 452.
Сафьянов А. П. 319, 378, 432, 442, 451, 484, 520, 521, 522, 523.
Сафьянов Г. П. 44, 50, 54, 63, 94, 96, 100, 101, 107, 130, 131, 133, 136—138, 146—148, 199, 216, 217, 220, 232—234, 237, 280, 284, 285, 308, 318, 319, 323, 351, 361, 407, 408, 450, 451, 467, 481—483, 492, 493, 502, 521—523.
Сафьянов И. Г. 137, 498, 499.
Сафьянов М. Г. (Кайский М. Г.), 498, 516.
Сафьянова А. Ф. 410, 446, 448, 522, 525.
Сафьяновы 14, 393, 404, 506, 522, 523, 535.
Сая Севек 56.
Сая-Шопулдай 279.
Сватиков, 283, 285, 319, 458, 489, 522, 523.
Седембал, амбын-нойон, 186.
Седенчап 295.
Седип, угердаа Кемчикского хошуна 187, 188.
Сейфулин Х. М. 12, 24, 58.
Селиванов В. П. 91, 96, 106, 491.
Селин 434.
Сельдемашев 405, 451, 522.
Сельский И. 40, 220.
Семенов П. П. 41.
Семис-Кадай 267.
Сенге-чангы 271, 272, 277, 278, 281, 288, 289, 291, 293, 301.
Сенягин Я. 63.
Сергеев М. А. 140, 219.
Сергей-чангы 544.
Середир-чангы 271.
Серошевский С. 102.
Серпов К. 379.
Сехырдай 167.
Сиведей, 295.
Сидельников С. С. 31
Сикорский 502.
Симаков П. 407.
Синилов 482.
Синницкий 483, 484.
Сипкин Е. 409.
Скобеев И. С. 343, 434.
Скобеев М. 128, 132, 343, 452, 483, 522.
Скобеев С. Ф. 319.
Скобеев Х. М. 319.
Скобеевы 373, 431, 432.
Смит 492.
Соболев М. П. 42, 51, 73, 237, 238, 242, 494, 509—511, 514, 515, 519—521, 528, 530, 550.
Содба 246.
Солом челан 283.
Сомис Клин 283.
Соржу, мейрэн 289.
Сорокин Яким (Ефим), он же Чарокин, Серебкин 391.
Спасский Г. 39, 98, 102, 125.
Спирин С. Х. 175, 462.
Старков Василий 73, 121, 172.
Столыпин П. А. 374, 383.
Стропов 432.
Ступин 379.
Субботин 125.
Сун Лу 274.
Суруя 279.
Суханов Павел 391.
Сухомлин 434.
Сухорослов Ф. Е. 413.
Сушкин Г. Г. 49, 50.

Тавгынчик 248.
Тайжазол 332.
Талызин Н. 54, 139, 464.
Тамба-чангы 246.
Тамиранчап, угердаа Хубсоголь-ского хошуна, 187.
Танов 56, 246, 248, 278.
Тараҗошин Е. 379.
Таргавачап 295.
Тарге, нойон 222.
Тас 271.
Тас-Баштыг 551.
Текучей 295.
Тенгюр-Самдан 295.
Теплоухов С. А. 49, 51.
Тимошин 31.
Тогат 203.
Тока С. К., Тока Салчак 22, 55, 80, 134, 138, 213, 214, 472, 551, 562, 563.
Токарев С. А. 8, 144, 239, 240.
Толкар Хуулар 234
Толгар 84
Толстов С. П. 259.
Томиз Самоо 490.
Томут чангы, тувинский бай 548, 549.
Тондубай 246.
Токпогол 247, 248.
Тоомай 301.
Топчук 267.
Торлук 297, 302.
Тронов В. Д. 149.
Тугаринов 531
Тужикей 30.
Тужилин А. В. 88.
Тужунбелек 192.
Тумез 88.
Тумей 125.
Тун-Чжи 332.
Турал, тувинский правитель 172.
Турбин 41.
Туров Т. П. 412.
Турчанинов 53, 71, 72, 468, 537, 538.
Тушун-пелек, чиновник 211.
Тюменец Василий 60, 63, 65, 126.
Тэрэбэл, угердаа Тоджи 188.
Тюктюк Ажяк, бай 30, 88, 544.

Уван-хан 289.
Узун-Араажы 295.
Узун-Белек 295, 301.
Узун-кадарчи 289.
Узун-Туртуг 295.
Улухаттых 30.
Ульзей Вачир (Ульзаай-Вачир, Ульдзай Бачир) 196, 283, 304.
Унден, бай 196, 246.
Урдучай 295, 301.
Уртун-Назын 275.
Успенский 276.

Фатьянов Ф. 406.
Фишер 38.
Фу Хоу, китайский чиновник 274, 351.
Фунтиковы, русские крестьяне, 361.

Хабаров Е. П. 470.
Хабойлук 391.
Хайдып, правитель Даа-хошуна 174, 182—184, 192, 201, 206, 223, 227, 247, 281, 368, 369, 380, 483—485, 516.
Хаиров, русский крестьянин 483.
Халанчэжа 247.
Хамидулин, купец 467.
Харак-челан 84.
Хелин-чангы 174.
Херелчин 295.
Хлебников А. К. 419.
Ховаа-чангы 548.
Ховадыч 192.
Хоченгеп 256.
Хомушку Суруя 56.
Хомушку Сюрюн 212, 246.
Хопча, монгольский лама 545
Хунакай 248.
Хурак-челан 192.
Хурен-оол 229.
Хурулмай, Тувинский цзайсан 185—187
Хэбэй-амбан 560.

Цветков Я. 41.
Цен-гун-чжаб, урянхайский князь 15.
Церерин 184, 387, 392—394, 487, 488, 489, 496
Цзорукта дарга 293, 298.
Циген, цзагырыкчы 211.
Цинская (Дайцинская) династия 182, 259, 273, 554, 556.

Чаа-лама 289.
Чадып 246.

Чакиров 26, 53, 88, 182, 206, 368, 377, 379, 380, 440, 464, 471, 492, 508, 524, 530, 559.
Чалбак 248.
Чамзырин 192, 272, 275.
Чанжир, чангы 183.
Чамбал, чангы 192.
Чашоол 295.
Чаюв Ананай 250.
Чудерек 248.
Чемзы, глава кемчикского духовенства 202.
Чен-гун-чжаб, цзянь — цзюнь 261, 268, 280, 368.
Черепанов 413, 491.
Черменов Л. К. 413.
Черневич 378, 379, 404, 410, 462, 481—483, 492, 497, 523, 526.
Черненков 49, 150, 505, 529, 544, 545.
Черноусов А. 378, 379, 440, 443, 444.
Чертоол 175.
Четвериков 414, 479.
Четей, князек маады 25.
Чжибиник 332.
Чимба 310.
Чингисхан 54, 117, 182, 206, 208.
Чирков 339, 378, 495, 523.
Чистяков 434.
Чихачев А. 14, 39, 40.
Чихачев И. 407.
Чихачев М. 407.
Чолбак 256, 289, 291, 293.
Чолдакол 194.
Чооду Дозур 295, 297.
Чооду кыльчан 442.
Чудегол 249.
Чула-мерен 150, 545.
Чулдун-Норбу, угердаа 187.
Чунарев П. 175.
Чунчужмай Сабыл 192.
Чууднай 194
Чыртак-оол 27.

Шагдыржап 229.
Шываганчи Тарга 78, 246—248.
Шалашников 276.
Шарап 192.
Шарыпов С. 319
Шастина Н. П. 171.
Шатагчи 148
Шварц Людвиг 40, 41, 85, 100, 106, 107, 315, 342.
Шевер-оол 278.
Шепелин С. 410.
Шепелин Ф. 175, 378, 391, 410, 443.
Шепелины 404, 448.
Шепелин К. Р. 446, 448, 450, 521, 522.
Шипилин П. Г. 524.
Шигар-оол 391.
Шиндазын (Сендажи) амбын-нойон 186.
Ширнин А. И. 413, 440.
Ширнин Дарга 409, 445.
Ширнин И. 413.
Ширин П. В. 410, 412.
Ширины 404.
Ширинен 267—269.
Широков 432.
Шишигин В. А. 319.
Шишкин Б. К. 49, 51, 52, 76, 82, 87, 92, 93, 96, 143, 203.
Шишмарев 273, 308, 350.
Шкунов Я. 150, 175, 212, 213, 395—397, 400, 401, 403, 406, 408, 409, 411, 412, 415, 531.
Шожапай 295.
Шойданчап угердаа 187.
Шойдор Клин 283.
Шокар-Таваансар 295.
Шубен-келин хамбо-лама 201.
Шульга 494.

Щекин 386.

Ыжаакай 295.
Ыймаан 56.

Энгельс Ф. 151, 160, 209, 252, 259.
Эрекпел 193, 247.
Эрелчин 295.
Эренцин, угердаа 185, 187.
Эсту-чангы, угердаа 545.
Ээр-Хаай 295.

Яковлев Е. К. 10, 12, 13, 20, 75, 86, 92, 94, 100, 102, 103, 104, 107, 115, 116, 118, 123, 127, 130, 133, 134, 139, 140, 142—144, 146, 149, 150, 158, 161, 163, 213, 216, 220, 222, 223, 243, 250, 251, 252, 265, 323, 329, 330.
Ялычев Бурнаш 60.
Ярилов А. А. 194, 236, 250.
Ярхо А. И. 24, 130, 131, 135—137, 158.
Ячевский 47, 494.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абакан, город 475, 476.
Абакан, река 544, 545.
Абаканская степь 545.
Адыг-Тулюши, род 135, 136, 178.
Азас, река 128.
Азас, озеро 174.
Азия, 24, 39, 45, 46, 49, 150, 171, 273, 345, 501, 530, 545, 561.
Азия Восточная 366, 383.
Азия Средняя 3, 142, 364, 498.
Азия Центральная 9, 10, 17, 39, 46, 51, 53, 60, 66, 73, 74, 105, 122, 132, 345, 382, 512, 560.
Азыр-Карасук, река 84.
Азюн, река 446.
Азюта, река 448.
Ак, река 78, 130, 134, 135, 136, 141, 268, 271.
Ак-Додот, род 128.
Ак-Монгуш (Монташ), род 131. 141.
Ак-Додот, род 128.
Ак-Сарых-Тонгак, род 136.
Ак-суг, река 123, 124, 131, 135.
Ак-сумон 64.
Ак-Товарак, гора 483, 484, 485, 495.
Ак-Торхалик, река 85, 135.
Ак-Хем, река 129.
Ак-чооду (Ак-чоды, Ак-чеда, Ак-Джет) 64, 72, 128, 129.
Алатерская волость 126.
Алаш (Алыс, Алас), река 14, 39, 60, 81, 121, 130, 131, 134—137, 299, 301, 310, 320, 343, 544.
Аласуйская долина 83.
Алгияк Большой, река 339, 342, 481.
Алгияк Малый, река 339.
Алтае-Саянское нагорье 60, 92, 104, 158, 215.
Алтае-Саянский район 155.
Алтай-тувинцы, Алдай-тува, алдай-урянха, 115.
Алтай, 39, 42, 44, 45, 53, 85, 92, 123, 124, 144, 156, 173, 197, 240, 250, 262, 266, 294, 308, 310, 313, 320, 355, 361, 368, 426, 552, 554.
алтайцы 24, 63, 146, 231, 232, 239, 240, 250, 310, 312, 535.
Алтайский округ 518.
Алтын-Куль, озеро 132.
Алтын-ханов, государство 171, 173.
Амдо, город 184.
Америка Южная 160.
Амурская область 366, 381.
Амыл, река 339, 359.
Амыльская тропа 339.
Ангачи, местность 414.
Англия 366, 367, 383.
англичане 478, 491.
Араданский хребет 359.
Аральское море 39.
Арбатская, деревня (ранее Арбатский форпост) 358, 359.
Арбатская тропа 358, 359.
Аржан, местность 125, 127.
Арты-хем (Парбарык), река 86.
Арыг Узу, местность 278.
Атамановка, деревня 30, 31, 88, 175, 355, 380, 410, 416, 422, 458, 461, 462.
Афганистан 93.
Африка 385.
Ачинск, город 502.

Ашкин, река 278.
Аянгатта, река 87, 89, 130, 134, 135, 149, 174.
Аянгатта Малая 545.
Аянгатский сумон 192.

Байгак, река 379, 380.
Байгара, река 133.
байгаринцы (пайгаринцы, Байгара, Пайгара; сумон Байгара) 86, 118, 123, 127, 133.
Байгара, Пайгара, арбан оюнсумона 130.
байгодо, остяцкий род 133.
Байзы, перевал 544.
Бай-тайга 124.
Бай-Тайгинский район 119, 132.
Байтах, горы 81.
Байхан, русский поселок 390.
Балыкчи, «кость» 129.
Баран-сумон, см. Кара-сумон.
Барлык, река 59, 78, 85, 87, 89, 90, 91, 124, 130, 134, 136, 176, 229, 278, 279, 286, 319.
Барлыкская степь 76.
Барнаульский уезд 425.
Башкем, река 128.
Баян-гол, река 86, 87, 127, 135, 559.
Баянкол, русский поселок 450.
Баян Журек, река 60.
Бегреда, река 87, 127, 133, 524.
Бегреда, русский поселок 422.
Бийская станица 545.
Бейсут, река 390, 482, 483.
Бейсэ-хошун (Бээзи-хошун, Байсе-хошун, хошун «17 оттоков») 115, 117, 120, 123, 124, 130, 132, 134, 176, 178, 181, 218, 222, 281, 289, 293, 295, 298, 368, 537.
Белоцарск, см. Кызыл.
Белтыский караул 131.
Березовка, русский поселок 380. 398, 422, 458, 465.
Бесштановка, см. Знаменка.
Бижиктай-хай 174.
Бий-Хем, Пиг-хем, река 41, 43, 86, 127, 128, 133, 179, 319, 343, 380, 482, 496, 559.
Бийск, город 545.
Бирюсинские прииски 41, 46.
Блялик, река 341, 413, 481.
Бош-Даг, гора 299, 301.
Боян-гол, река 132.
Бояровка, Боярские деревни 379, 415, 416, 452, 453, 454, 456.
браты, племя 126, 137.
Брень, река 127, 131, 179.
Буйба, река 502.
Булук, река 130.
Булук, русский поселок 378, 450.
Бурата, ручей 310.
Буренская степь, 546.
буряты окинские 39.
Буян-Журек, река 121.
Быстрая, река 361.
Бэйшань, горы 270.

Варшава, город 483.
Ваштыг-Хем, река 84.
Верхнеудинск, город 503.
Верхне-усинское, деревня, затем село 358, 359, 360, 470.
Виланы 496, 558.
Владимировка, русский поселок 390, 397.
Волга, река 301.
Вятская губерния 469.

Гавайские острова 366.
Гагуль, поселок 69, 436.
Ганьсу, провинция Китая 273.
Германия 366, 367, 383, 385.
гольды 112.
Григорьевка, деревня, затем село Григорьевское 359, 360, 502.
Грязнуха, Грязнухина, деревня 379, 451, 452, 453, 454, 456.
Гуандун, провинция 198.
Гуанси, провинция 198.
Гуйчжоу, провинция 198.

Даа-хошун 120, 134, 174, 176, 178, 179, 180, 184, 199, 202, 217, 218, 222, 227, 229, 267, 277. 280, 281, 287, 289, 293, 295, 368, 483, 485, 487, 488, 516, 537.
Дубасатай, озеро 489.
Дальний Восток 98, 112, 365, 366, 369, 382, 383.
Даниловка, русский поселок 379, 451, 452, 453, 454, 456.
дархаты 41, 121, 186, 308, 309, 312, 313.

Джаакты-куль, озеро 343.
Джакуль, см. Чаа-Холь.
Джакуль, Чаа-холь, русский поселок 242, 378, 416, 450, 480, 489, 497, 508, 559.
Джебаш, арбан 129.
Джебаш, Джабаш, русское селение 432, 434.
Джеганаш, русский поселок 467.
Джиргак, Чжиргак, река 135. 136, 319.
Джирджарик, река 86, 319.
Джунгария 4, 53, 150, 171, 172, 173, 273, 347.
джунгары 177.
Дмитриевский прииск 341.
Долоннор-сумон 179.
дунгане, народность 273.
Дыттыгтей, урочище 78.
Дюрбет-сумон 118.
Дюрбетия 289, 290.
Дюрбет, дюрбеты, народность 118, 119, 121, 134, 197, 198, 309, 310.

Ели-Хем, река 304
Енисей, Улуг-Хем, река 41—43, 49, 51, 54, 79, 81, 85—87, 98, 104, 123, 127, 130, 131, 133, 136, 153, 160, 173, 179, 185, 213, 242, 309, 315, 319, 328, 342, 343, 353, 359, 361, 371—373, 376, 377, 401, 410, 452, 477, 496, 498, 499, 501, 502, 504, 521, 522, 544, 549, 558, 559.
Енисей Малый, Каа-Хем, река 43, 86, 127, 128, 131, 133, 179, 343, 355, 356, 373, 376—379, 390, 410, 413, 451, 455, 496, 498, 513, 523, 559.
Енисейская губерния 42, 57, 309, 353, 393, 429, 469, 524.
Ермаковское, село 360.

Жеблатинское, село 360.

Забайкальская область 383.
Знаменка (Новая деревня, Шершеневка, Бесштановка, Малоенисеевка, Косошаровка) 355, 378, 379, 409, 417, 422, 451, 452, 453.

Иджим, река 315, 359.
И-Хем, река 128, 129.
Изыгдаг, горы 81, 174.
Изыхские копи 472, 477.
Ий-куль, озеро 104.
Или-Хем, река 482.
Ильшига, река 84.
индейцы 160.
Индия 160.
Инсук (Ин-сук, Ин-суг), река 11, 84, 129.
Ирбек, река 30, 81, 86, 87, 88, 89, 130, 391.
Ирбек, село 401, 450.
Иргиты (Иркит, Иргыт, Иргит; Иргит-сумон) 118, 123, 124, 129, 130, 132, 202, 217.
Иркутск 27, 280, 292, 335, 369, 372, 389, 448, 469, 481, 494, 501, 502, 521.
Иркутская губерния 469.
Иркутская область 26, 297, 332.
Ирландия 151.
Иртыш, река 124.
Ичжим, река 136.
Ишкем Большой, река 137.
Ишкем Малый, река 137.
Ишхем река, Ичи-Хем, 141, 319.
Ишти, Ишты-Ооржак, род 122, 134, 135, 141.
Ишхин, река 130, 131, 135, 136,

Каа-Хем, см. Енисей Малый.
Каахемский район 399, 451
кабачинцы 39.
Кажик, река 85.
Казанцево, село 360.
казахи 93, 125, 239, 564.
Казахстан 142.
Казган, род 121.
Как, степной ключ 86
Какта, род 131.
Калган, город 511.
калмыки 105, 117, 172.
Калягинские копи 476.
камасинцы 39.
Камчатка 176.
Канада 484.
Канск, город 502.
Кандагайта, река 136.
Каптегир, река 41, 358, 359.
Кара, Кара Джет, см. Кара-Чооду.

Кара-Даг, гора 289, 290, 291, 294, 297, 298.
Кара-Додот 118, 128.
Кара-куль, озеро 85, 137, 310, 544.
Кара-Монгуш (Монташ) подрод Монгушей 131, 141.
Кара-нор, озеро 127.
Кара-Ондар род 137.
Кара-Сук, степной ключ 84, 86, 87, 89, 545.
Кара-сумон (Баран-сумон) 64, 72, 128.
Кара-тель, 291.
Кара-Тонгак, или Чадаан-Тонгак, род 136, 178.
карагасы 39, 41, 84, 105, 115, 213, 266, 308, 312, 313, см. также тофалары.
Карагаш, русский поселок 372, 437.
карагинцы, дальнекарагинцы 115, 127.
Карагуш, река 129.
Караллых-Хем, река 482.
карасал, род; карасал-сумон 123, 137, 141, 179.
Каратыг, река 124.
Кара-Хем, река 481, 482, 495.
Кара-Чооду, Кара-Тод, Кара, Кара-Джет 118, 121, 128, 129, 134, 268.
Каткылах, местность 174.
Катунь, река 115, 133, 361.
Кашгария 273.
Квебекские асбестовые месторождения 484.
Кебеж, река 359, 502.
кедээ-ооржак, китя, кидя, кадеорчжак, козган орчжик, подрод Ооржак, 122, 134, 135, 141, 142.
Келескелыча, река 84.
Кельдерга, река 131.
кельты 160.
Кем, см. Енисей.
Кемчик (Кимчаг, Бом-Кемчик, Бом-Кемчуг), река 28, 39, 41, 49, 59, 60, 69, 83, 85, 87, 90, 102, 108, 109, 115, 119, 121, 123, 124 ,126, 130—132, 134—136, 179, 180, 184, 197, 268, 280, 285, 292, 297, 298, 299, 313, 315, 353, 362, 373, 379, 410, 417, 428, 464, 467, 468, 481, 483—485, 487, 495, 497, 506, 507, 512, 516, 521, 526, 529, 533, 545, 559, 560.
Кемчикский бассейн 78.
Кемчикский район 228, 251, 380, 399, 401, 464, 467, 512.
Кемчикский хошун 180, 181, 184, 226, 285, 486, 500, 516.
кемчикцы 183.
Кендирген (Кендирген-гол, Кундурген), река 86, 87, 89, 179.
Кеюк, см. Хель.
Киевская губерния 469.
Кизи-Хем, река 169.
Кимская волость 126.
киргизы 121, 133, 149, 239, 563.
Китай 27, 40, 42, 45, 46, 47, 58, 60, 88, 113, 114, 126, 168, 171, 185, 205, 207, 218, 220, 261, 264, 270, 272, 273, 304, 308, 310, 317, 318, 333, 337, 338, 345, 346, 347, 348, 349, 352, 358, 364, 365, 366, 367, 369, 370, 374, 381, 382, 383, 384, 386, 475, 492, 507, 512, 518, 532, 533, 546, 555, 556, 558, 560, 563.
Китай Внутренний 367.
китайцы 112, 115, 121, 140, 194, 195, 196, 198, 199, 238, 239, 241, 265, 310, 311, 327, 342, 377, 464, 507, 508, 509, 511, 512, 514, 515, 519, 529, 532, 558, 559, 560
китыт, китат, см. китайцы.
Кичи-Ооржак, см. Пичи Ооржак.
Кобдо, город 310, 545, 546, 560, 561.
Кобдо, река 43, 44, 46, 346.
Кобдосский район 238.
Кобсек, арбан 119.
Кодан, река 130.
Кодуглар, род 118.
Коже, река 141.
койбады, народность 39.
Кок-Тея, местность 267.
Коламак, хребет 359.
Колбан-Маим Б., ключ 414.
Колсумон, см. Хель-сумон.
Корея Северная 366.
Косогол, озеро 40, 220, 309.
Косошаровка, см. Знаменка.
Котыглар, арбан оюн-сумона 130.

Кошней, урочище 448.
Коярта, река 348.
Красноярск 28, 32, 133, 172, 335, 360, 389.
Красноярский край 26.
Красноярский уезд 469.
Красноярское воеводство 173.
Кудук, местность 84.
Кужебар, село 339.
кужугеты, кучюгеты, Кужугет сумон 123, 126, 137, 178, 295.
Кужуралак 78.
Кузнецкий острог 133.
Кули-хем, река 136.
Куль, см. Хель.
Куль-сумон, см. Хель-сумон.
Кундулен, Хенделен, Хундулен, река 134, 150, 192, 268, 545.
Кунзун, горы 80.
Кутыргалых, река 169.
Кучей, озеро 132.
Кызык-Чадру, река 491.
Кызыл, город (до 1917 Белоцарск, до 1925 Хем-Бельдир) 32, 33, 267, 275, 389, 394, 414—418, 445, 450, 462, 496, 498, 500, 558.
Кызыльский район 192.
Кызыл-Мажалыг, местечко 483.
Кызыр-сук, река 359, 360.
Кызырсукский хребет 359.
Кыргыз, род; Кыргыз сумон 121, 123, 129, 133, 137, 148, 149, 155, 179, 182, 228.
Кяхта, город 347.

Ленинград 26.
Луговая поляна 360.

Маады, маадлары (матцы, маты; сумон Маады, также хошун) 30, 119, 123, 125, 126, 127, 129, 137, 155, 172, 178, 180, 181, 218, 237, 399, 436, 497, 537, 538, 541.
мадинцы 86.
Маинские медные рудники 475.
Макаровка, река 358.
Макеевка, русское поселение 378, 409, 451, 452, 453, 454, 456, 458, 459.
Максимовка, русский поселок 397, 451.
малайские народы 160.
Малоенисеевка, см. Знаменка.
Малоенисейский район 458, 462, 467.
Манжурек, река 135, 137.
Маньчжурия 28, 207, 366.
маньчжуры 117, 162, 174, 185, 189, 190, 261, 262.
Марокко 385.
маторы, маторцы 39, 125, 126, 133.
Матцкая волость, земля 60, 65, 126, 127.
матцы, см. маады.
Маты, см. Маады.
Мегон, река 127.
Медведевка, Медведевское, русский поселок 378, 379, 451, 452, 453, 454, 456.
Меджигей, Мечегей, Меччиголь, река 86, 87, 89, 379, 482, 492.
Мерген, река 80, 378, 408.
мингыты 121, 127.
Минусинск 10, 41, 330, 332, 335, 346, 360, 373, 376, 378, 431, 448, 478, 490, 493, 501, 502, 526, 532, 544, 545.
Минусинский край 13, 43, 46, 51, 92, 105, 106, 117, 127, 132, 199, 200, 202, 205, 208, 220, 308, 313, 328, 342—344, 352, 358, 359, 375, 381, 475—480, 483, 489.
Минусинский округ 39, 42, 43, 309, 314, 316—318, 349, 361, 369, 371, 374, 375, 378, 483, 485.
Минусинский уезд 38, 355, 362, 363, 380, 469, 478, 501, 503.
Мирская, река 359, 360.
Михайловский прииск 341.
Можалык, река 132.
Мон, река 85.
Монголия, Монгольская народная республика 9, 16, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 49, 50, 51, 53, 54, 60, 61, 63, 68, 69, 85, 93, 102, 110, 114, 121, 122, 123, 126, 128, 131, 132, 133, 134, 146, 148, 154, 168, 171, 173, 178, 186, 191, 195, 197, 200, 201, 202, 203, 205, 206, 217, 223, 231, 232, 238, 261, 270, 271, 273, 277, 288, 308, 309, 310, 317, 318, 325, 327, 331, 343, 345,

346, 358, 367, 368, 375, 380, 381 383, 396, 397, 494, 496, 498, 501, 504, 509, 510, 511, 512, 514, 517, 527, 546, 558, 563.
Монголия Западная 14, 15, 120, 261, 288, 310, 345, 508, 511, 512, 528.
Монголия Северная 308.
монголы, монгольские племена 9, 38, 51, 101, 105, 112, 115, 117, 118, 121, 133, 136, 147, 154, 160, 170, 172, 177, 180, 186, 197, 225, 239, 265, 273, 309, 310, 311, 367, 511.
монголы селенгинские 110.
Монгун-тайга 149.
монгуш, монгош, монгуши род; Монгуш-сумон, Монгуш-хошун 123, 129, 131, 132, 141. 149, 165, 205, 216, 217, 278, 280, 281, 283, 284, 295.
Мончантых, река 83.
Морзуктух 78.
Москва 26, 511.
Мочжалык, река 127.
Мунге-Бурен, река 124.
Мынгыт, род 129.

Нарын, Нарын-гол, река 123, 132.
Нижнеудинск, город 313, 503.
Нижне-Усинск 34, 358, 360.
Никитинский прииск 339.
Николаевский прииск 482.
Никольская, деревня 355.
Никольское Верхнее, русский поселок 380, 402, 415, 416, 422, 458, 459, 462, 463.
Никольское Нижнее, русский поселок 380, 458.
Новая деревя, см. Знаменка.
Новосибирск 32, 34, 35, 37, 175, 469.
Новосибирская область 26.
Нур-сумон 129.
Нус-чуя, оросительный канал 90.

О-Хем, река 134, 482.
Овюр 149.
Овюрский район 250.
Оджа, река 127.
Оджира, река 348.
Означенное, село 41.
Ой Большой, река 359, 475.
Ой Малый, река 359, 360.
Оин-Шива, река 413.
Оин-Шива, русский поселок 436.
Оймак 78.
Ойнары, см. оюнары.
Ойротия 144.
ойроты 9, 172, 563.
Ойский хребет 359.
Окинский караул 41.
Окол, река 482.
Олет, Елет, Улет или Идек, род 118, 121, 130, 134.
Олет, Улет, арбан оюн-сумона 130.
Олп, подрод Оюннаров 118.
Ольховский золотой прииск 477.
Онад, река 133.
Онгулак-уюк, река 84.
Ондар, Одар, андарцы, род 119, 123, 137, 141, 142, 154, 295.
Ондарский сумон 119, 278, 291.
Ооржак, Арджак, Орчжек, Оржек, Оржик 122, 123, 134, 141, 271, 295.
Оргинская степь 304.
Оргу-Шоль, гора 289, 290, 291, 292, 298.
орочи 98, 112.
Орту-шарабалык, река 83.
Оттык таш, гора 85.
Оюн, оюнары, ойнары; Оюн, арбан; Оюн-сумон, Оюнарский сумон; Оюн-хошун, Оюннарский хошун 29, 30, 69, 77, 80, 89, 118, 123, 124, 127, 130, 132, 148, 159, 160, 178, 179, 182, 202, 216, 217, 218, 279, 497, 537, 560.
Оят, река 315.

Париж 484, 485, 491.
Паш-Хем, река 169.
Пекин 317, 318, 345, 368, 369, 382, 383, 386, 558.
Петербург 32, 273.
Петропавловский прииск 341.
Пиг-Хем, см. Бий-Хем.
Пичи-О, река 134.
Пичи-ооржак, подрод Ооржак 135.
Пичи-Ховалыг, Бичи-Ховалыг, сумон 135, 141.
Приамурский край 386.
Приморье 98, 366.

Россия, 4, 8, 10, 18, 19, 22, 27, 37, 39, 42, 53, 70, 108, 157, 184, 189, 220, 244, 273, 285, 297, 301, 304, 309, 310, 317, 326, 328, 332, 335, 336, 337, 338, 344, 346, 347, 348, 353, 366, 369, 370, 373, 374, 375, 380, 381, 382, 383, 384, 386, 390, 393, 397, 404, 411, 429, 444, 467, 469, 475, 479, 483, 484, 489, 490, 492, 493, 494, 498, 500, 501, 508, 516, 544, 548, 554, 555, 558, 561, 562.
РСФСР 6.
русские 21, 22, 29, 34, 37, 41, 42, 44, 60, 70, 87, 94, 95, 104, 115, 140, 157, 170, 175, 196, 198, 199, 218, 237, 238, 242, 244, 250, 265, 270, 274, 292, 293, 310, 313, 314, 315, 316, 318, 320, 322, 323, 328, 330, 332, 333, 339, 341, 344, 349, 351, 354, 355, 356, 358, 361, 362, 369, 371, 373, 376, 377, 378, 380, 382, 384, 386, 392, 393, 397, 399, 400, 403, 407, 408, 412, 414, 430, 431, 433, 434, 435, 436, 464, 468, 469, 470, 508, 511, 512, 513, 514, 518, 519, 528, 529, 530, 532, 533, 536, 544, 550, 562.

Саая, род 123, 132, 134.
сагайцы 41, 115, 127.
Сайбинское, село 360.
Сайзыггол, река 123.
Салдам, русский поселок 118, 450.
Салчак, род; Салчак-Соен сумон, Салчакский хошун 123, 128, 130, 131, 132, 175, 178, 179, 180, 226, 228, 267, 309, 497, 537, 538, 560.
Салым-Хем, река 83.
Сальджак Кезек, подрод Салчаков 130, 131.
Самогалтай, река 179, 227, 297.
Самсоновский поселок 497.
Сартул-сумон 178, 180, 181, 218.
Сарыглар, Сарыг, Сарыклар 118, 123, 124, 134, 136, 141, 178, 295.
Сырыг-Тончак, Сарых-тонгак, подрод 136, 178.
Сат, саттар, саат род, Сат, арбан Оюн-сумона, Саттар-сумон 118, 121, 123, 130.
Саяне, см: Сойоны.
Саяны 40, 42, 43, 44, 50, 51, 53, 63, 65, 85, 99, 106, 123, 125, 126, 137, 153, 179, 191, 261, 266, 308, 328, 347, 358, 359, 386, 469, 502, 521.
Святодуховский прииск 339.
Себи, река 127, 129, 362, 363, 373.
Себи, русский поселок 362, 372.
Севь, урочище 87.
Сейба, река 379.
Сексир, река 339.
Семи суг, река 137.
Серлих, река 128, 220, 339, 482, 549.
Сессерлиг, река 30, 86, 127, 133.
Сибирский прииск 341.
Сибирь 4, 23, 41, 46, 47, 51, 70, 105, 117, 125, 219, 266, 339, 356, 371, 373, 374, 375, 376, 390, 412, 420, 425, 427, 275, 277, 278, 280, 493, 501, 519, 528.
Сибирь Восточная 10, 27, 45, 117, 131, 168, 170, 228, 239, 274, 276, 284, 287, 316, 319, 327, 330, 333, 344, 345, 346, 348, 350, 351, 352, 361, 374.
Сибирь Южная 48, 60, 218, 312, 322, 342.
Систи-Хем, река 104, 128, 129, 133, 243, 319, 339, 340, 359, 372, 433, 482.
Систихемский район 341.
Соединенные Штаты Америки 366, 367.
Сойон сумон, Соен-сумон 7, 69, 118, 129, 179, 217.
Сойоны, саяне 14, 40, 118, 123, 126, 129, 130, 132.
Сойотия, она же Урянхай, она же Тува.
Сойотский хребет 358.
сойоты, они же урянхайцы, они же тувинцы.
Солонцы, село 266.
Сольжар, река 124.
Сортал, Сортул сумон 179.
Сосновка, русский поселок 380, 390, 422, 424, 458, 462, 466.
Союз Советских Социалистических республик, 3, 5, 6, 16, 17, 23, 66, 87, 563.

Спасский прииск 339.
Суг-бажи, урочище 130, 380.
Суг-бажи Хуулар, род, сумон 130, 178.
Суглуг-Бом 86.
Сутхоль, озеро 126.
Сут-хольский район 124, 296.
Сыр-Дарьинский район 497.

Та-кунь хошун, см. Даа-хошун.
Таву, род 118, 134.
Тая, горы 80.
Танну-ола, горный хребет 69, 80, 85, 86, 87, 88, 124, 127, 130, 131, 149, 173, 242, 261, 347, 353, 379, 386, 390, 481, 495, 523.
Тао-нянь-фу, область 367.
Таплыцкий поселок 469.
Тапса, река 82, 86, 87, 127, 128, 134, 149, 155, 179, 482, 483, 493, 513, 522, 559.
Таралчын, река 124.
Таргандаг, гора 174.
Тарлык, русский поселок 436, 447.
Тархат, род 129.
Татарский пролив 98.
татары 38, 273.
татары абаканские 213.
татары казанские 380, 467.
татары уфимские 380.
Таштy-ола, горы 43.
Тева-Адар, гора 267.
Телек, род Телег, арбан Оюн-сумона 118, 130.
теленгиты 105, 115, 119, 124, 266.
телеуты 105.
Телеутский горный тракт 545.
Темерчик, река 482, 483.
Темир-Ус, река 348.
Темирсук, Темир-суг, река 90, 136, 179.
Тенгис, река 128.
Теплая (Мюс), река 483.
Тепсий, река 359, 360.
Тепсюльский хребет 359.
Тере-суг, река 137.
Теректиг-Хем, река 87.
Терехта, река 407, 408.
Терехоль, Тере-нур, озеро 63, 103, 104, 128, 129, 138, 140, 141, 162, 169, 177, 430, 431.
Терсик, река 378.
Тесь, Тесь-Хем, река 69, 88, 137, 185.
Тесинская волость 362.
Тибет 45, 168, 200, 203.
Тобольская губерния 469.
Тодат, река 133.
Тоджа, восточный район Тувы 29, 34, 59, 63, 64, 65, 72, 79, 84, 98, 99. 102, 116, 128, 129, 138, 139, 140, 145, 146, 147, 158, 162, 168, 169, 177, 185, 187, 243, 313, 372, 373, 380, 404, 415, 416, 428, 430, 433, 434, 435, 436, 467, 480, 481, 512, 521, 522, 535, 548, 549.
Тоджа-куль, Тоджа-нор, озеро 102, 104, 106, 128, 203.
Тоджинский хошун 48, 146, 178, 179, 201, 217, 535, 537, 548.
тоджи, тоджинцы, тоджинские роды, точигасы 34, 41, 48, 49, 64, 72, 74, 77, 81, 82, 83, 84, 98, 100, 102, 103, 106, 119, 121, 123, 128, 133, 134. 139, 143, 146, 147, 159, 160, 169, 217, 223, 308, 309.
Тоджи-сумон 129.
Толан (толан-шара, Долан), род 123, 130.
Толба, урочище 87, 430.
Томск 45, 361, 494.
Томская губерния 355, 383, 469.
Тонгак, Тонкак, род, арбан оюн-сумона 118, 123, 130, 131, 136, 141, 149, 155, 251.
Торгалык, река 149, 310.
Торокем, Торо-Хем, река 102, 104, 129, 140, 430, 431.
Торокульская степь 431.
Торо-хадын, река 379, 380.
Тосла, река 358.
Тос-тоек, река 131, 136.
тофалары 51, 101, 115, 121, 141, 212, см. также карагасы.
Туба, Упса, река 126.
Тувинские роды по Грумм-Гржимайло Г. Е. 120—122.
Туз, река 129.
Тулуш, тулюш 123, 131, 135, 136, 149, 155, 281, 295.
Тумат, род, сумон 123, 131, 179.
тунгусы 140, 143.
Туран, река 379.

Туран, русское поселение, затем село 355, 359, 361, 362, 363, 371, 376, 377, 378, 409, 410, 413, 414, 415, 416, 417, 436, 438, 439, 440, 444, 446.
Турано-Уюкский район, Туран-Уюк 88, 371, 377, 378, 399, 410, 436, 438, 439, 444, 445, 448, 449, 451, 452, 467.
Турано-Уюкская степь 372.
Тургень, река 86, 390, 413.
Туркестан Восточный 117.
тюркские племена 24, 48, 130, 161, 245, 250.
Тытры, урочище 448.

Уда, река 266.
Уйгур, арбан 119.
Уз, река 84.
Узен, река 78.
Узун-арга, остров 359.
Узун-Хем, река 82.
Узун-чооду, сумон 179.
уйгуры 9, 118, 271.
Улагалаак, местечко 288—289.
Уланком, город 545, 560.
Улан-нор, озеро 92.
Улем, род 118.
Улуг-Монгуш, род 131.
Улуг-О, река 134.
Улуг-Тулюш, род, сумон 135, 136, 178.
Улугтар, гора 203.
Улуг-хем, Улукем, Улу-Кем, река, см. Енисей.
Улугхемский район 246, 355, 378, 399, 449, 452, 467.
Улуг-Ховалыг, Улук-Хобылык, Хобалык-сумон 135, 141.
Улугшуй, долина 84.
Улясутай, город 43, 164, 179, 182, 187, 195, 196, 215, 221, 224, 227, 268, 273, 282, 285, 287, 294, 300, 301, 311, 312, 316, 338, 346, 350, 368, 377, 383, 497, 507, 509, 515, 545, 558.
Улясутайский район 273.
Улятик 30.
Унгер, род ондар 137.
Унгар, Унгер, арбан Оюн-сумона 118, 130.
Упса, татарское название р. Тубы.
Ур, река 521.
Урга, город 273, 276, 309.
Ургайлык-Арголик, местность 380.
Урялик, урочище 175.
Урянхай, он же Тува, он же Сойотия.
урянхи, они же сойоты, они же тувинцы.
Ус, река 11, 39, 41, 43, 86, 127, 265, 314, 315, 329, 342, 352, 358, 359, 360, 361, 376, 379, 404, 428, 469.
Усинская долина 358.
Усинск, город 70, 322, 335, 336, 343, 352 353, 493, 495, 499, 501, 504, 508.
Усинская волость 237, 355.
Усинский край 13, 329, 495, 502, 518.
Усинский округ 11, 14, 27, 182, 184, 353, 358, 368, 369, 370, 378, 379, 381, 387, 390, 416, 492, 504, 508, 524, 559.
Усинский хребет 359.
Усинское, село 206, 363, 364, 370, 417, 429, 502.
Усун-Урга, местность 390.
Усь, горы 80.
Усть-Алгияк, группа заимок 433.
Усть-Брень, село 379.
Усть-Систи-Хем, группа заимок 433.
Ут, река 84, 127, 348, 359, 409, 435, 470, 481.
Утум, река 127.
Ушан, река 408.
Ушпехул, озеро 174.
Уюк, река 69, 125, 127, 179, 237, 348, 361, 362, 379, 413, 521, 523, 524.
Уюк, русская деревня, затем село 355, 359, 362, 368, 371, 376, 377, 405, 406, 410, 415, 416, 422, 429, 436, 438, 440, 441, 442, 443, 444, 446, 452.

Федоровка, деревня 379.
Федоровское, село 175, 378, 451, 452, 453, 454, 456, 469.
Филиппины 366.
фракийцы 160.
французы 491.

Хаа-Хем, то же Каа-Хем.
Хазутский хошун 537.
Хааккары, местность 30.
Хагай-Тере, местность 390.
Хадын, озеро 86.
Хадын, река 86, 87.
Хаазат, Хазаат, арбан 129.
Хайдын-сук, река 483.
Хакасия 123, 124, 192, 220, 552, 554.
хакасы 24, 239, 250, 266, 312, 362, 536, 563.
Халай-гол, река 127.
Хамачи, род 129.
Хамсара, Хамсыр, река 34, 41, 72, 104, 128, 133, 169, 203, 343, 372, 432.
Хамсара, поселок 432.
Халха, Халка 310.
Хангинский караул 40, 43.
Хара-Джет, см. Кара-Чооду.
Хара-Додот, см. Кара-Додот.
Харалыг, Харал, река 127, 128.
Харальский золотоносный район 483
Харатаган, горы 80.
Хартек, см. Хердек.
Харьковская губерния 469.
Хасутский хошун 178.
Хель-сумон, Куль-сумон, Кол-сумон 59, 128, 129, 187.
Хем-Бельдир, см. Кызыл.
Хенделен, река, см. Кундулен.
Хердек, Хердыгит, Хартек, род 129, 132, 295.
Хлебникова, село 379, 409, 451, 452, 453, 454, 456.
Ховалыг, Хобалык 135, 141, 155, 295.
Ходан, река 446.
Ходуш, род 118, 130.
Хойек, Хеюк, род 118, 123, 133.
Хоин-Дабаг, горы 315.
Хол, Хуль, Хель, Куль, Кеюк, род 121, 128, 134.
Хомушку, Комушку, род, Хомушку-сумон 118, 123, 131, 134, 165, 210, 211.
Хонделей, сумон 192.
Хорыс, река 343.
Хоярхан, гора 85.
Хубсугул-нур, озеро 185.
Хубсугульский хошун 187.
Хулму-нор, озеро 92.
Хундулен, река, см. Кундулен.
Хускун, род 129.
хуулар, куулар, род 123, 129, 130, 132.
Хуюк, род 131.
Хэмде, арбан 129.

Цзасакту-хановский аймак 179.

Чаа-Холь, Чаахоль, Чакуль, Джакуль, река 59, 85, 86, 87, 123, 131, 134, 179, 268, 280, 282, 283, 319, 331, 362, 373, 416, 496, 512, 559.
Чаа-Хольская степь 90.
Чаахоль, поселок, см. Джакуль.
Чааты-тонгак, сумон 178.
Чагын-арыг, река 131, 136.
Чадаана, река 59, 78, 87, 88, 89, 123, 124, 129, 130, 134, 135, 136, 137, 149, 175, 192, 224, 319, 512.
Чадаана Хуулар, сумон 129, 178.
Чадан, поселок 415.
Чаданская долина 78.
Чакуль, река, см. Чаа-Холь.
Чалаты 149.
Чапчал, перевал 84, 382.
Частые броды, река 126.
Часырхан, перевал 545.
Чахар 63, 367.
Чедыр, озеро 174.
Черба, река 86, 87.
Чергак-хуулар, сумон 178.
Чер-Чарык, река 130, 299.
Черногорские угольные копи 472, 477.
Черное озеро 359.
Четы, Чатты, подрод Тонгак 136, 141.
Чекана, река 358.
Чечектиг 278.
Чжагатай-хуль, озеро 130.
Чжакуль, см. Джакуль.
Чжебыш, река 169.
Чжиргак, река, см. Джиргак.
Чжода, см. Чооду.
Чингата 30, 80.
Чиргакк, река 79, 87, 89, 124, 130, 131, 136, 213, 300.
Чиргакк, местность 212.
Чырганы 291.
Чита, город 503.
Чихачевский поселок 407.

Чолдак-шара-балык, местность 279.
Чолдак-шарабалык, река 83.
Чооду, Чжода, Чота, Чеда, Джокду, Джеды, Джеты 117, 119, 123, 127, 128, 136, 149, 155.
Чооду сумон 118, 178, 179, 180, 181, 202, 217, 218, 436.
Чооду хошун 537, 538, 541.
Чуй, река 310, 320.
Чуйский район 310.

Шабин-Дабага, горный хребет 315, 358.
Шагонар, река 85, 87, 136, 149, 270, 362, 373, 378, 414, 512, 559.
Шагонар, село 408, 415, 417, 450, 497.
Шагай, род 137.
Шаган-арыг, река 123.
Шалык сумон 178, 179, 180, 181, 217, 218.
Шалыкбор, река 412.
Шакар, род 129.
Шамоси, река 243.
Шан, деревня 379, 451, 452, 453, 454, 456.
Шанган, река 30.
Шангаш (Улухарык) 30.
Шара-нур, озеро 511.
Шара-балык, река 134.
Шара-Сумэ 368.
Шат, род, Шат, арбан 119, 212, 246.
Шеми, река 129, 291.
Шершеневка, см. Знаменка.
Шивэлыг, река 127.
Шолук-хову 291.
Шуурмак, река 43, 127, 179.
Шушенская волость 342, 343.
Шушенское, село 360.
Шэньси, провинция Китая 273.

Щербаково, Щербаковское 379, 451, 452, 453.

эвенки 138, 140.
Эдигей, Эдыгей, Одегей, Эдегей, Идыгей, река 28, 124, 133, 192, 211, 495.
Эжим, река 86, 87.
Элегест, река 79, 80, 81, 86, 87, 89, 130, 373, 379, 413, 458, 464, 483, 492, 558.
Элегест, поселок 379, 380, 462.
Элегестинский район 451, 458, 459, 462, 467.
Эйлиг-Хем, река 123, 131, 136.
Эргик-Таргак-Тайга, горный узел 359.
Эрзын, река 123, 149.
Эрисхен, река 127.

Юньнань, провинция 198.

Якутия 78, 269.
якуты 10, 78, 102, 239, 240, 250, 537.
Янгуловский улус 192.
Япония 16, 366, 367, 382, 383.
японцы 367.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава первая. Историография вопроса о социально-экономическом развитии Тувы 9
1. Дореволюционная литература 9
2. Разработка вопросов социально-экономического строя дореволюционной Тувы в советской историографии . 14

Глава вторая. Исторические источники 25
1. Архивные источники 26
2. Обзор путешествий и этнографических исследований 37
3. Другие исторические источники 54

Глава третья. Хозяйство тувинцев 59
1. Скотоводство 59
2. Статистические данные о тувинском скотоводстве . . 70
3. Перекочевки тувинцев 74
4. Земледелие 85
5. Охота и рыболовство 98
6. Собирательство 104
7. Ремесло. Домашние промыслы 106
8. Общие выводы 111

Глава четвертая. Пережитки общинно-родового быта . . . 114
1. Сложность изучения социально-экономического строя 114
2. Родовой состав тувинцев 115
3. Остаточные явления родового строя в производстве. 137
4. Аальная община 141
5. «Уджа» 142
6. Различные виды взаимопомощи 147
7. Дук салчыр 153
8. Родовые тамги 154
9. Круговая порука 156
10. Родовые пережитки в быту и идеологии тувинцев . 158
11. Реальное значение пережитков общинно-родового строя 161

Глава пятая. Патриархально-феодальные отношения в Туве . 167
1. Классовое расслоение тувинцев 167
2. К вопросу о земельной собственности в дореволюционной Туве 173
3. Монгольские князья 178
4. Тувинские нойоны 181
5. Феодальная собственность духовенства 200
6. Паразитизм феодально-теократической прослойки . 204
7. Крепостное аратство 208
8. Албан 215
9. Ундурюг 221

10. Уртельная повинность 223
11. Кочага, или медээчи 226
12. Саал ижер 232
13. Холезээр мал бээр (холезилеп алыры) 242
14. Эштенчилеры 244
15. Патриархально-феодальные отношения у тувинцев . . 257

Глава шестая. Национально-освободительное движение и классовая борьба в Туве в XIX в. 264
1. Дургуны 266
2. Причины обострения классовой борьбы и роста освободительного движения тувинцев во второй половине XIX в. 272
3. Выступления 1876—1878 гг. 279
4. Начало выступления алдан-маадыр 287
5. Борьба алдан-маадыр против феодалов 290
6. Состав алдан-маадыр 294
7. Мобилизация ополчения для подавления алдан-маадыр 296
8. Вооруженное сопротивление карательным войскам 297
9. Расправа с участниками движения алдан-маадыр . . 300
10. Значение выступления алдан-маадыр и причины его поражения 303

Глава седьмая. Возникновение и развитие русской торговли, золотопромышленности и промыслов русских крестьян 307
1. Внутренний обмен и торговля тувинцев с соседними народами 307
2. Русско-тувинский обмен 312
3. Появление в Туве русского торгового капитала . . . 317
4. Натуральный характер русско-тувинской торговли . . 322
5. Долговая торговля 327
6. Русско-тувинская торговля в 1890-х годах 335
7. Русская золотопромышленность 338
8. Промысловая деятельность русских крестьян в Туве . 342
9. Царская политика в отношении русской торговли и промышленности в Туве 344
10. Создание Усинского пограничного округа 350

Глава восьмая. Русская крестьянская колонизация Тувы . . 354
1. Периодизация крестьянской земледельческой колонизации 354
2. Начало русской крестьянской колонизации Тувы . . 358
3. Отношение русских властей к крестьянской колонизации в XIX в. 363
4. Борьба империалистов за раздел Китая и изменение отношения китайского правительства к своим колониям 365
5. Отношение царизма к Туве и крестьянской колонизации Тувы в начале XX в. 369
6. Второй период в истории русской крестьянской колонизации Тувы 373
7. Политика царизма по отношению к Туве и установление над Тувой русского протектората 381
8. Создание переселенческой организации 387
9. Аграрные противоречия между русскими переселенцами 403

10. Деятельность царской администрации по устройству русского населения в Туве 413
11. Классовое расслоение русского крестьянства в Туве 418
12. Эксплуатация кулаками тувинской и русской бедноты 428
13. Порайонный обзор русского населения в Туве . . . 430
14. Общие итоги русской колонизации Тувы к 1917 г. . 467
15. Историческое значение русской крестьянской колонизации Тувы 471

Глава девятая. Зарождение элементов капитализма в Туве . 475
1. Развитие капитализма в Сибири 475
2. Развитие золотопромышленности в Туве 480
3. Кемчикский асбест 483
4. Проникновение в Туву иностранного капитала . . . 490
5. Изучение естественных богатств Тувы 494
6. Строительство города Белоцарска (Кызыла) 496
7. Строительство путей сообщения из России в Туву . . 500
8. Русская торговля в Туве в начале XX в. 504
9. Китайский торговый капитал в Туве 507
10. Развитие русского предпринимательства в Туве перед революцией 517
11. Появление и развитие денежного обмена в Туве . . 527
12. Русская торговля после изгнания из Тувы китайских купцов 532

Глава десятая. Разложение натурального хозяйства тувинцев 535
1. Разложение натурального хозяйства тувинцев под влиянием торгово-ростовщических элементов . . . 535
2. Дифференциация тувинского аратства 537
3. Предпринимательство тувинских баев 544
4. О применении наемного труда 549

Заключение 556
Литературные и архивные источники 564
Указатель имен 586
Указатель географических и этнографических названий . . 595

Всеволод Иванович Дулов

Социально-экономическая история Тувы
(XIX — начало XX в.)

*

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

*

Редактор издательства *А. М. Филиппов.* Технический редактор *Е. Н. Симкина*
Художник *М. И. Эльцуфен*

*

РИСО АН СССР № 52—76 В. Сдано в набор 16/VII 1956 г.
Подп. в печать 27/XI 1956 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 19=31,16+1 вкл.
Уч.-изд. лист. 33,5. Тираж 1600. Т-11702. Изд. № 1650. Тип. зак. 642.

Цена 21 р. 60 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64. Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99. Шубинский пер., д. 19

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
88	21 сн.	$му = \frac{1}{8}$	$му = \frac{1}{18}$
192	8 сн.	Сююрн	Сюрюн
202	12 сн.	но	он
210	14 св.	Хулечиков	Хулечиков,
218	8, 9, 13, 16 св.	Сатул	Сартул
220	3 сн.	ясама	ясака
337	19 сн.	ее	еще
339	5 св.	для	два
422	10 св.	Бергеда	Бегреда

В. И. Дулов

● БЕЛОЦАРСК

⊙ Ст.-Нойона – Ставки нойонов

Хурэ 1857 – Монастыри и год основания

ДАА – Хошуны

ЧООДУ
ЧООДУ } Сумоны племена, рода

● Карты 1915 – Русские поселки и год

Район восстания 1876-78гг

Район восстания алдан-маадыр 1883-85гг

Скотоводство

Оленеводство

Охота

Земледелие

▲ Прииски (золото)

△ Солеварение

● Кожевенные заводы

Маральники

Селения со школами

Селения с медиц. пунктами

Граница по карте Попова

Главные пути из России

94 96 98 100

53 52 51 50

В. Кужебар
Амыл
Георгиевка
Михайловский 1880
Иверский 1856
Петропавловский
Иннокентьевский 1872
Усть-Алгинское 1858
Александровский 1848
Шабарташ
Никитинский 1839
Екатерининский 1897
Казас
Кадырдос
Кижиг-Хем
Дотот
Амыл
Б. Оя
Ус
Джераш
Хамсара 1888
Хамсара
Улуг-Холь
Н. Буйва
Систи-Хем
Усть-Систи-Хем 1900
Себи 1897
Карагаш 1900
Половинка 1895
Тора-Хем 1893
З. Скобеевых
З. Сафьянова
Азас
оз. Тоджа
Святодуховский 1880
Петропавловский 1879
З. Садовского
Ст. Нойона
Хурэ 1815
Б. Тепсель
Чеханг
пер. Сабын Даба
Кантегир
Тарлын 1895
Туран 1885
Георгиевка 1907
Оюн
Оюн-Шива 1897
Уюк 1886
1908
Карасал
оз. Аттыг-холь
Харал
Кожэ
Бегредей
Черби 1918
Тапса
Ажиктыг-Хем
Гагуль 1897
Чихачевка 1909
1904
Хурэ 1809
Эрбек
Щербаковка
Булук 1878
1910
Зубовка 1917
Шан 1912
Федоровка 1909
Маневевка 1901
Знаменка 1904
Бояровка 1905
Медведевка
Грязнуха 1905
Даниловка 1908
Хлебникова 1910
Бурен-Хем-Аксы 1906
Устю-Ишким
Ак-Суг
Суг-Хольдаг
Джакуль 1878
Улуг-Хем
Усть-Баян-Кол 1909
Шагонар 1888
Саллан
Ст. Даа-Нойона
Ст. Нойона
Ст. Бейсэ-Хошуна
Ст. Амбын-Нойона
Атамановка 1909
Успенка 1918
Элегест 1912
Березовка 1908
Н.-Никольское 1909
Сосновка 1911
Владимировка 1914
Ильинка 1918
Шишхид-гол
оз. Доод-нур
Тенгис
Хурэ 1857
Джерджарин 1888
Шеми-Аксы 1902
Сут-Аксы 1909
Черган-Аксы 1886
Хурэ 1873
Чадан
Хурэ 1824
Никулино-Федорово 1908
Бай-Тал 1913
Элегест
Оз. Чагатай-Холь
Хугэшин-гол
Киа-Хем
Шишкит-гол
Арсан-гол
Карасы
Бурэн
Хурэ 1773
Хурэ 1772
оз. Тере-Холь
Хадхал
Хурэ
Бэлтэ-Хем-гол
Мурэн-гол
Нарын
Хурэ
Хурэ 1772
Баян-Кол
Шабарнин-гол
Агаршин-гол
Тес-Хем
Орохшин-гол
Тес Хем
Убсу-Нур
Нарин-гол
Хинджагатын
Хинджагатын-Холь
Харгы
Хундулен
оз. Урюк-нур
Аспарты
Улангом
Ирбит
Барлык
Час-Адыр
Дус-Уургайы (соляные копи)
Хурэ
Ожу
Улуг-Оя
Тапса
Хурэ 1809
Ак-Суг
Ак-Хольдаг
Кара-Хольдаг
Миныгы
Кара-Холь
Хурэ 1857
Хурэ 1873
Чадан
Хурэ 1824
Никулино-Федорово 1908
Бай-Тал 1913
Элегест
Оз. Чагатай-Холь
Хугэшин-гол
Киа-Хем
Шишкит-гол
Арсан-гол
Карасы
Бурэн
Хурэ 1773
Хурэ 1772
оз. Тере-Холь
Хадхал
Хурэ
Бэлтэ-Хем-гол
Мурэн-гол
Нарын
Хурэ
Хурэ 1772
Баян-Кол
Шабарнин-гол
Агаршин-гол
Тес-Хем
Орохшин-гол
Тес Хем
Убсу-Нур
Нарин-гол
Хинджагатын
Хинджагатын-Холь
Харгы
Хундулен
оз. Урюк-нур
Аспарты
Улангом
Ирбит
Барлык
Час-Адыр
Дус-Уургайы (соляные копи)
Хурэ
Ожу
Улуг-Оя
Тапса
Хурэ 1809
Ак-Суг
Ак-Хольдаг
Кара-Хольдаг
Миныгы
Кара-Холь
Хурэ 1857
Хурэ 1873
Чадан
Хурэ 1824
Никулино-Федорово 1908
Бай-Тал 1913
Элегест

40 0 40 80 120 км

90 92 94 96 98 100

Тува в XIX—начале XX вв.